

ГРАЖДАНЕ ЯРОСЛАВЛЯ

ЗА ОКНАМИ ДОМА ИВАНОВА

СТРАНИЦЫ
ЯРОСЛАВСКОЙ
ИСТОРИИ

λR Ярославль, 2008

УДК 908(470.316-25Ярославль)(082.1)«1890/1918»+821.161.1-94

ББК 63.3(2Рос-4Яро-2Ярославль)я43+84(2Рос=Рус)6-4я43

3-12

За окнами дома Иванова. Страницы ярославской истории : [сборник] / [сост. и авт. предисл. А. М. Рутман, Г. Г. Мозгова; подгот. текстов мемуаров Г. Г. Мозгова]. — Ярославль : Издатель Александр Рутман, 2008. — 384 с.:ил. — (Серия «Граждане Ярославля»). — ISBN 978-5-91038-013-8. — ISBN 978-5-900962-12-1.

Основу этого уникального сборника составили воспоминания внука и внучки того самого Иванова, по фамилии которого еще в начале XX в. старинный дом вошел во все издания, посвященные архитектуре Ярославля. В мемуарах нашли отражение и революционное движение, в котором в 1903–1905 гг. участвовал С. В. Владимиров, и июльская трагедия Ярославля в 1918 году, свидетелем которой стала Н. В. Калинина. Обширные комментарии на основе печатных и новых архивных источников дополняют картину городского быта, нарисованную авторами, и восстанавливают детали исторических событий

В приложениях — оригинальные исследования о доме и семьях мемуаристов. Впервые в ярославском краеведении удалось документально проследить трехвековую историю дома и его обитателей от строительства в 1680-х гг. до «коммуналки» советских лет. Установлено, что каменные палаты на своем дворе поставил государев гость Семен Астафьевич Лузин. На основе изучения большого числа архивных (как ярославских, так и вологодских, владимирских, центральных) и печатных источников восстановлены также подробности семейной истории Ивановых и родителей мемуаристов, о которых они не только не написали, но и не знали сами.

В издании использованы фотографии и документы
из семейных архивов мемуаристов и собраний Комитета историко-культурного наследия
департамента культуры Ярославской области, Государственного архива Ярославской области
и Ярославского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника,
и Р. Фарвазитдинова (титульный лист)

ISBN 978-5-91038-013-8
ISBN 978-5-900962-12-1 (серия)

© Г. Г. Мозгова, А. М. Рутман, состав, 2008
© С. В. Владимиров, А. Ю. Данилов, Н. С. Землянская,
Н. В. Калинина, Г. Г. Мозгова, А. М. Рутман, тексты, 2008
© М. Е. Бороздинский, оформление, 2008
© Издатель Александр Рутман, 2008

СЛОВО НАШЕДШЕГО

Нельзя сказать, что с Александрой Сергеевной Владимировой мы познакомились случайно. Много лет занимаясь историей фотографии Владимирской губернии, вернее, реконструкцией судеб тех, кто содержал во второй половине XIX — первой трети XX века фотографические ателье на ее территории, я методично просматриваю семейные фотоархивы старожилов нашей области в поисках любой информации о старых фотомастерах, новых образцов их работ. Александра Сергеевна показала мне множество интересных семейных снимков, к сожалению, не входивших в сферу моих интересов: семья ее отца происходила из Ярославля, мамы — из Нижнего Новгорода.

Время от времени мы встречались с Александрой Сергеевной, уточняя некоторые моменты из истории Владимира, вспоминая фамилии времен ее молодости. Так, в одном из наших разговоров прозвучала фамилия Черносвитов (я вплотную занималась биографией одного из местных фотографов, члена партии кадетов, тесно связанного с лидером владимирских кадетов, выходцем из семьи помещиков Пощехонского уезда Ярославской губернии К. К. Черносвитовым), и в связи с ней было упомянуто ярославское восстание. И тут Александра Сергеевна достала старую папку, в которой, как оказалось, находились рукописи двоюродной сестры ее отца (так получилось, что А. С. Владимирова стала хранителем архива двух больших семей — своей и мужа). Нина Васильевна Калинина, как и Сергей Васильевич Владимиров, происходила из ярославской семьи Ивановых и в 1918 году стала очевидцем ярославского восстания.

В надежде найти хотя бы незначительные упоминания об интересовавших меня людях я попросила рукопись и получила целый комплекс интереснейших материалов из семейного архива Владимировых: воспоминания Нины Васильевны Калининой о ярославском восстании и жизни ивановского дома, а также записки Сергея Васильевича Владимирова о детстве и юности, прошедших в Ярославле.

Будучи краеведом, я хорошо знаю, насколько важными для истории города могут быть мемуары, дневники, письма людей, некогда живших в нем и хорошо его знавших, насколько ценным является, казалось бы, самое незначительное свидетельство о нравах, обычаях, укладе жизни наших предшественников-земляков. Владимиру таких материалов остро не хватает, и меня часто особенно мучает сознание того, что где-то, в незнакомом мне городе, возможно, очень далеко от мест, бывших родиной их владельца, заброшенные туда послеоктябрьскими бурями покоятся столь необходимые владимирским краеведам материалы, и рука кого-то равнодушного или не представляющего ценности этого старого бумажного «хлама» может с минуты на минуту уничтожить их безвозвратно.

Чем больше я вчитывалась в рукописи, полученные от А. С. Владимировой, тем яснее мне становилось, что тексты их должны быть опубликованы в Ярославле. Конечно, ярославцам, бережно сохраняющим дом Ивановых, небезынтересно будет узнать состав этой семьи, познакомиться с характерами, взглядами, образом жизни ее членов и их друзей, наконец, увидеть, как выглядели последние владельцы этого дома — герои публикуемых здесь воспоминаний. Но есть и вторая, более важная причина. Это боль и трагедия Ярославля — восстание 1918 года, о котором долго молчали, небрежно называя произошедшее здесь мятежом и преступно игнорируя обстоятельства и последствия его подавления.

Я знаю, как много в последние годы сделали историки и краеведы Ярославля для того, чтобы правда о ярославском восстании стала достоянием гласности: найдены и опубликованы ценнейшие архивные документы, фотографии, воспоминания и свидетельства участников тех далких событий. В этой связи воспоминания Н. В. Калининой тем более ценные, что передают взгляд на события человека, не стоявшего на стороне восставших или подавлявших выступление, человека, которому в ту пору причина произошедшего, побуждения и той, и другой стороны были не очень понятны. Это взгляд обычного обывателя, взгляд не справа или слева, а изнутри, из той массы ярославцев, о чувствах, переживаниях, горестях которых обычно не упоминают, говоря о целях, преследовавшихся победителями и побежденными, ярославцев, которые и стали настоящей жертвой разыгравшейся здесь трагедии.

Возможно, не все происходившее в Ярославле в июле 1918 года было понято юной Ниной Калининой, а впоследствии (60 лет спустя!) и описано верно. Потребуются различные примечания, пояснения, право на составление которых, безусловно, должно быть передано специалистам, людям, не один год занимающимся проблемами ярославского восстания. Я же взяла на себя «перевод»

текста рукописей и постаралась, не искажая смысла написанного, не опуская ни одного из упомянутых в них фактов, сделать необходимую орфографическую, пунктуационную, в редких случаях — стилистическую правку.

Начать публикацию воспоминаний логично с записок С. В. Владимира, охватывающих более ранний период жизни семьи Владимировых и истории Ярославля (1880-е — 1905-й). Поэтому здесь будет уместно познакомить читателя с их автором, коротко рассказать о его дальнейшей судьбе, о детях и внуках, которым он посвятил свой труд.

Сергей Васильевич Владимиров (1886–1951), юрист по образованию, участник Первой мировой (закончил войну штабс-капитаном, начальником II пулеметной команды 141-го пехотного Можайского полка) и Гражданской войн, кавалер трех Георгиевских крестов, один из которых, присуждавшийся согласно приказу Военного ведомства от 28 июля 1917 года солдатами офицеру, ценил особенно высоко. В 1920 году Сергей Васильевич поселился с семьей во Владимире, где заведовал врачебно-наблюдательным пунктом, преобразованным в 1923 году в лечебно-воспитательную колонию, затем — в психоневрологическую школу-санаторий. В 1941–1945 годах был директором созданного на базе всех детских лечебных учреждений города детского диспансерного объединения. В 1945–1948 годах — директором городской детской больницы. Умер и похоронен во Владимире.

Сын С. В. Владимира Валерьян Сергеевич (р. 1917) окончил Московский институт инженеров железнодорожного транспорта, в последние годы перед выходом на пенсию работал в Госплане СССР. Награжден несколькими орденами и медалями. Его единственный сын окончил МГИМО и многие годы представлял интересы России на Ближнем Востоке.

То, что жизнь отца, да, практически, и всех близких, была всецело связана с детскими оздоровительными учреждениями, сказалось и на выборе профессии Александрой Сергеевной Владимировой (1924–2005). Окончив 2-й Московский медицинский институт, она стала психоневрологом, работала в детской больнице Владимира и во время эпидемии полиомиелита (1949–1953) оказалась единственным в городе специалистом по его лечению. В 1955–1984 годах — Александра Сергеевна детский врач-психоневролог. В 1970-е годы неоднократно избиралась депутатом Горсовета, возглавляла комиссию по здравоохранению и социальному обеспечению. Награждена орденом «Знак Почета» (1966), медалями. Продолжателем династии врачей рода Владимировых стала и единственная дочь А. С. Владимировой Мария Леонидовна Тюленева, в настоящее время возглавляющая неврологическое отделение Владимирской областной детской боль-

ницы. Теперь С. В. Владимиров мог бы с полным правом посвятить свой труд «и правнукам» — их у него четыре.

Скажем несколько слов и о старшем брате С. В. Владимира, Артемии Васильевиче. После 1917 года А. В. Владимиров был профессором философии и искусствоведения в одном из вузов Ленинграда, являлся одним из составителей каталога Эрмитажа. Его сын Юрий прошел Великую Отечественную войну и скоропостижно умер вскоре после нее. Дочь Артемия Васильевича, Ольга, окончила физико-математический факультет Ленинградского университета, являлась, в частности, одним из редакторов журнала «Ядерная физика». Ольга Артемьевна была замужем за крупным ученым, первым заведующим кафедрой теоретической физики Московского «физтеха» Владимиром Борисовичем Берестецким (1913–1977). Они воспитали двоих детей.

Воспоминания Нины Васильевны Калининой составляют вторую часть материалов из семейных архивов потомков ярославцев Ивановых. По сути во многом перекликаясь с «Записками» ее двоюродного брата, они продолжают их, рассказывая о том времени, когда Сергей Васильевич уже покинул Ярославль, вступив в самостоятельную, полную опасностей и тревог жизнь. Начала Нина Васильевна свои записи в 1976 году, незадолго до своего семидесятилетия, с описания самого яркого, значимого, поворотного в ее жизни события — ярославского восстания. Только после этого она обратилась к своему детству, к описанию родного ивановского дома и планировала, если успеет, рассказать еще об одном периоде своей жизни — учебе в закрытом учебном заведении для девочек. Мы же, прекрасно понимая и логику автора, и нетерпение читателей познакомиться с новыми материалами об июльской трагедии Ярославля в 1918-м, начнем все же с ее воспоминаний об ивановском доме.

Как и в первом случае, мы считаем необходимым коротко познакомить читателя с дальнейшей (после 1918 года) судьбой Нины Васильевны Калининой (1901–1988), с ее семьей, которой мы и обязаны сохранением столь ценных для нас материалов.

Нина Васильевна выбрала для себя профессию врача-терапевта. Впоследствии стала ученым, кандидатом медицинских наук, ученым секретарем Академии медицинских наук. Добавим, что Нина Васильевна была разносторонним, очень одаренным человеком и, в частности, писала весьма неплохие рассказы. Н. В. Калинина вышла замуж за профессионального военного Марка Анатольевича Золотаревского (фамилию она не меняла). Их сын Александр Маркович Золотаревский не пошел по стопам родителей и долгие годы работал в Москве архитектором, внучка, Марина Александровна, стала талантливым педагогом, работающим с художественно одаренными детьми.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Помещать благодарности принято в конце текстов, но в этой книге с них нельзя не начать. В первую очередь следует сказать добрые слова Галине Глебовне Мозговой, открывшей для ярославцев замечательные воспоминания земляков.

Исследователи, занимающиеся какой-либо «своей» краеведческой темой, чаще всего остаются равнодушными к собственным находкам, которые касаются других мест и времен. А у Г. Г. Мозговой такая постоянная тема есть: история развития фотодела во Владимирской губернии во 2-й половине XIX – 1-й трети XX века, судьбы фотографов и их моделей. И книги у нее выходят, и заслуженные авторитет и признание есть¹.

Для нее, окончившей Московский государственный историко-архивный институт, архивные изыскания — хобби, а краеведение — образ жизни, но не источник средств существования. Впрочем, так было в России всегда: краеведам

¹ Сей муж — достойный и славный гражданин. «Посад». Владимир, 2001.

Город Св. Георгия: Юрьев-Польский в старой открытке. Владимир, 2002. Автор стала лауреатом конкурса Ассоциации книгоиздателей РФ «Лучшая книга 2002 года»

Путешествие в Гороховец: Губерния в старой открытке (автор двух очерков: о Вязниках и Флорищевой пустыни). Владимир, 2003. В этом же году Г. Г. Мозгова была удостоена областной премии в области культуры, литературы и искусства, а гороховецкая книга — лауреат конкурса журналистских и писательских произведений «Мы горды Отечеством своим» 2004 года.

Очарование Юрьевского ополья: прогулки и путешествия (в соавторстве с В. П. Машковцем). Владимир, 2006.

Фотограф родом из Мстери (в соавторстве с В. В. Борисовым). Владимир, 2007. (Серия «Зрительная память истории»).

Память прошлого: очерки В. М. Снегирева по истории Суздаля (составитель и автор вступительной статьи «Для него слово Суздаль звучало, как гимн»). Владимир, 2008.

Юрьевские фотолетописцы. Владимир, 2008. (Серия «Зрительная память истории»).

А еще у Галины Глебовны более двух десятков статей в серьезных краеведческих сборниках.

на хлеб приходится зарабатывать какой-либо службой «от звонка до звонка», а изысканиям отдавать остальную жизнь. Но архивы, как известно, учреждения государственные — открыты только в рабочие дни недели. Есть, конечно, отпускной месяц... Галине Глебовне повезло — огромную помошь оказывает мама, так что у многих находок есть и второй автор, Роза Ивановна Мозгова...

Казалось бы, при таком постоянном цейтноте что до ярославской «Гекубы» владимирской исследовательнице? Надо было обладать незаурядной широтой кругозора, чтобы оценить, насколько уникален оказавшийся в руках ярославский материал.

Подготовка рукописи к печати — работа, поверьте, весьма трудоемкая и кропотливая — выполнена была Галиной Глебовной и бережно, и скрупулезно. Причем не по заказу, но «для себя» — только в силу понимания того, что каждая страничка любой местной истории неповторима и бесцenna для истории Родины, а ты, прикоснувшись к ней, ответственен за ее сохранение! Ради этих ярославских воспоминаний ей пришлось на время отложить в сторону свои, владимирские находки...

Не меньшим неравнодушием обладает и москвичка Дарья Алексеевна Виноградова, давняя знакомая Галины Глебовны, узнавшая о ее находке. Она заочно познакомила нас — в результате мемуары попали в мои руки.

Надо сказать, что Дарья Алексеевна по семейным корням своим в значительной степени наша, ярославская. В ее жилах кровь и Вахрамеевых, и других известных ярославских купеческих родов. В надежде, что интереснейшие материалы по истории ее пращуров, по крупицам собранные в архивах, в обозримом будущем превратятся в еще одну книгу серии «Граждане Ярославля», позволю себе сохранить интригу и больше ничего не говорить об удивительных пересечениях судеб.

Нельзя не выразить искреннюю благодарность наследникам авторов воспоминаний: Мария Леонидовна Тюленева и Александр Маркович Золотаревский не только бескорыстно предоставили нам права на издание мемуаров, соответственно, дедушки и мамы, но и передали для работы над книгой материалы из семейных архивов.

Даже от самых интересных исторических материалов до готовой книги — путь не близкий. И столетие назад, и сегодня публикация краеведческих исследований крайне редко обходится без финансовой поддержки. Наше издание стало возможным также только благодаря искренней и заинтересованной помошь людей, которые любят свой город, гордятся его богатейшей историей, понимают важность ее сбережения для будущего. Мы признательны за помошь Олегу Алексеевичу Жарову, чья масштабная деятельность по восстановлению историческо-

го прошлого нашей древней земли хорошо известна и заслуженно вызывает уважение. Мы благодарны Виктору Владимировичу Волончунасу и Валерию Васильевичу Величко: их благожелательное внимание мы ощущали на протяжении всех лет работы в ярославском краеведении, а книги нашей издательской серии «Граждане Ярославля», в которой выходит и этот том, поддерживались мэром и ранее.

Хочется верить, что рано или поздно появятся книги и о других ярославских домах и их обитателях. Судьбы многих зданий, по крайней мере, не менее интересны, а владельцы некоторых куда значимее для ярославской истории, чем рядовые городские обыватели, жившие с начала XIX столетия на углу Большой Рождественской и Любимской улиц. Тем не менее, уже через несколько недель все, начавшие работать с текстами, сошлись на том, что в рамки обычного тома мемуаров книга о «доме Иванова» укладываться не желает. И она имела на это право.

Во-первых, дом, о котором рассказывают авторы воспоминаний, — в тысячелетнем Ярославле самый старый из сохранившихся жилых зданий, и расположен он в одном из весьма интересных по своей истории мест города. В судьбе его, как и места, где он стоит, в той или иной степени отразились буквально все перипетии последних трех веков. К сожалению, об истории дома практически ничего нет в ярославской краеведческой литературе. Ни одного внятного слова не сказано ни о том, кто дом построил, ни об этом самом Иванове, по фамилии которого он и назван, — лишь неясные тени обитателей притягивают самые невероятные предположения.

Во-вторых, основу книги составляют мемуары, авторы которых были очевидцами, в полном смысле слова, судьбоносных событий истории города в XX веке, вызывающих сегодня по множеству причин ожесточенные споры. Революционное движение, в котором в самом начале XX века участвовал С. В. Владимиров, и июльская трагедия Ярославля в 1918 году, свидетелем которой стала Н. В. Калинина, — оба эти периода в краеведческой литературе обросли шелухой мифов и штампов, сквозь которую к фактам сложно добраться.

В итоге нами было принято решение делать эту книгу, не ограничивая себя привычными жанровыми рамками мемуарных изданий. Вот об этих особенностях скажем несколько слов.

В книгу, помимо самих воспоминаний и комментариев и примечаний к ним, включены два больших исторических исследования.

Первая статья позволяет читателю проследить историю дома от его возведения в последней четверти XVII столетия до настоящего времени и познако-

миться с чередой его обитателей за 300 с лишним лет. И хотя полностью все звенья цепочки, как ни старались, восстановить мы так и не сумели, но выяснили, пожалуй, главное — кто был его первым владельцем. Некоторые другие полученные результаты заметно расширили знания о развитии города, опровергнув отдельные бытующие в нем мифы.

Вторая статья рассказывает о происхождении обоих мемуаристов. Пожалуй, удалось узнать о дедушках и отцах авторов даже больше, чем было известно самим мемуаристам. Священники, военные, чиновники почтово-телеграфного ведомства, купцы — все они подвигов не совершали, просто жили вполне достойно, служили своим семьям и стране.

Мы старались рассказать о полученных результатах популярно, но без ссылок на архивные дела и печатные издания обойтись было невозможно. Значительная часть архивных документов, причем не только местных, на которых основаны оба исследования, впервые вовлечена в ярославское краеведение. Не менее важным является также и то, что в этой книге мы впервые решились включить в примечания и статьи ссылки на публикации печатных источников на электронных ресурсах — не признавать гигантские информационные возможности Интернета и не пользоваться ими в 2008 году уже нелепо.

С другим изменением «окружающего информационного пространства» связана обширность комментариев. Само собой, в конце книги, в приложениях вы найдете перевод старых русских мер измерений в привычные метрические, а бывших названий улиц города — в современные. Конечно, комментарии напомнят вам значения слов *ротонда*, *ватерпруфа*, *шатирограф* и пр., и пр. Эти и многие другие, давно ушедшие из современного лексикона слова и соответствующие фрагменты воспоминаний прокомментировать было необходимо. Предметы и явления материальной культуры, ими обозначавшиеся, если еще не ушли из жизни окончательно, то сместились из слоя актуальной повседневности на какие-то уж очень «нафталиновые» планы: сегодня даже очень пожилые люди скорее скажут, что такое смартфон, чем вспомнят *игру в стукалку*... Но не в них трудность.

Куда сложнее, «коварнее» слова, которые, как и век назад, активно используются, причем значения и содержание их, на первый взгляд, остались прежними². Взять, хотя бы, слово *обыватель*, использованное нами выше. Ведь его подлинное значение совершенно лишено тех иронично-негативных оттенков, которые привнесены за последние сто с лишним лет! «Обыватель — житель на

² Нам, например, уже пришлось разбирать такую ситуацию со словом «слобода»: см. История губернского города Ярославля. Ярославль, 2006. С. 451–453

месте, всегдаший: водворенный, поселенный прочно, владелец места, дома». То есть, пользуясь сегодняшними понятиями, — гражданин, проживающий по месту регистрации. О его социальной активности и гражданской позиции речь не идет...

А есть слова, социальный окрас которых, наоборот, потерялся «на дорогах истории». Спустя столетие в Россию вернулась частная собственность, но изменилась не только повседневность, но и законы, которыми она регулируется. Простой пример: слово «купец» с языка не сходит, но кто сегодня вспомнит, сколь существенно регулировалась юридически жизнь этих самых купцов сто лет назад? Каков был их реальный социальный статус в конце XIX — начале XX века? А к какому человеку следовало обращаться «Ваше Высокоблагородие»? Мы пытались в примечаниях хотя бы указать на такие забытые аспекты прошлого бытования привычных понятий, или, напротив, показать, что «давеча — совсем не то, что нынче».

О людях, упомянутых авторами, мы постарались привести хотя бы минимальные сведения (к сожалению, не всех персонажей удалось идентифицировать). Но и эту задачу усложнили последние десятилетия: изменение политического строя, пересмотр навязывавшихся в советское время критерииев оценки сделал свое дело — «идолы разрушены», маятник пошел в другую сторону. Мы попытались это учесть в комментариях.

Написанные *абсолютно без оглядки* на какие бы то ни было идеологические установки воспоминания Н. В. Калининой о мятеже-восстании представляют особую ценность. Мы с Андреем Юрьевичем Даниловым решились представить вашему вниманию более чем пространные комментарии к этой части ее мемуаров. Отталкиваясь от текста, мы попытались рассказать о наиболее противоречивых сюжетах шестнадцати страшных дней, обобщив все доступные нам источники. Бессспорно, одна из первых вооруженных попыток сопротивления власти большевиков имела огромное значение (в том числе и символическое), но для нас она, как бы ни называть действия, восстанием или мятежом, в первую очередь трагедия родного города³. В те 16 дней смерть поселилась на улицах

³ Здесь нельзя не вспомнить о самом детальном в советские годы исследовании событий 16 июля Р. В. Балашовым. Тогда, в 1984-м, его брошюра «Пламя над Волгой», сняв почти полувековое замалчивание самой темы, стала в ярославском краеведении прорывом. Но изученные документы и публикации, а объем их весьма значителен, автор настолько тщательно отобрал, а затем «препарировал», что в некоторых случаях был, скажем мягко, «несколько некритичен». Таковы были в исторической науке СССР правила игры...

Беда наша в том, что до сих пор не сказано с самых высоких трибун, что на совести большевизма не только сотни и сотни тысяч безвинно убиенных, но и миллионно растиражирован-

«красавца Поволжья». И как слишком часто бывало в нашей истории, людские потери (с обеих сторон!) так и остались несостыкованными.

Сбылись слова из утопического романа «Красная звезда», написанного еще в 1908 году мечтателем о справедливом социальном устройстве жизни А. А. Богдановым: «... даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажен многими годами осадного положения, необходимого террора и военщины, с неизбежным последствием — варварским патриотизмом»⁴.

Мы попытались в своих комментариях оставаться последовательно честными и придерживаться исторической правды.

Историческое исследование принципиально бесконечно: открываютя новые источники, проявляются самым неожиданным образом, словно сами собой, новые факты — история живет. Это вселяет надежду, что в летописи Ярославля будут заполнены пока еще пустые листы. Залогом будущих открытий стало совершенно неожиданное событие, оно произошло, когда, казалось, уже все работы завершены.

В статье о доме мы вполне обоснованно, но не по документам, а методом исключений пришли к выводу, что построен он был государевым гостем Семеном Астафьевичем Лузиным. В ходе работы, начатой нами с Российским государственным архивом древних актов, его специалистом Т. А. Лаптевой был обнаружен документ 1695 года, практически снимающий какие-либо возможные сомнения в имени первого хозяина!

О документах РГАДА будет уже другая книга. А старый дом теперь можно называть по его первому владельцу «домом Лузина»...

ная, иногда весьма искусно, ложь. Не приговоренная раз и навсегда, она проникает и сегодня на печатные страницы через все еще привычные научнообразные штампы.

На наш взгляд, еще страшнее и кощунственнее полуправды, например: «аресты и расстрелы советских руководителей города производились по заранее составленным спискам» (Федюк В. П., Рязанцев Н. П. Июльские события 1918 года в Ярославле: Дискуссионные вопросы // Ярославский календарь на 2003 год. Ярославль, 2003. С. 35). Да, заговорщики явно заранее составили для арестов списки с адресами (документ этот так и не обнаружен). Восставшие бесследно убили несколько человек в самом начале, которые остаются на их сожаление. Но производившихся расстрелов не было!

⁴ Цит. по http://lib.ru/rufant/bogdanow/red_star.txt. См. также: Сингаевская Ольга. Еретик Богданов // Зеркало недели / Человек. 2003. № 35 (460). 13–19 сентября // <http://www.zn.ua/3000/3760/41878/>.

**ЗАПИСКИ
СЕРГЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА
ВЛАДИМИРОВА**

Детям, внукам и правнукам

Если у меня в жизни будут дни, когда можно будет делать то, что хочешь, а не то, что должен, я постараюсь, как умею, написать о виденном и пережитом. Это время, 60 лет, по числу событий и их важности — небывалое время. Внешне это четыре войны и три революции, сменявшие друг друга. Внутренне — это то, что в связи с этим пережито. Написать об этом трудно, хотя я все помню: нет времени и нет умения. Если писать все, мне кажется, никогда не кончишь. Имея сейчас ограниченное время, я решил сначала набросать схему: коротко рассказать, где я был, что лично я видел, в каких делах принимал участие, с какими людьми меня сталкивали события. Правнуков пока у меня нет, но если я пишу «и правнукам», то это потому, что мои дети — внуки моих родителей и правнуки моих дедов, а мне хочется рассказать и о событиях, в которых принимали участие деды и прадеды моих детей. Они были простыми, хорошими людьми. Им я обязан многим, может быть, всем, что есть хорошего во мне. Много я им доставил огорчений, много они из-за меня пережили, но всегда и неизменно оставались моими лучшими и самыми верными друзьями.

НАШ ДОМ

Хотя я родился в Великом Устюге, но всегда считал своим родным городом Ярославль, в который меня привезли нескольких месяцев от роду. Мы жили большой семьей: отец Василий Николаевич Владимиров, мать Александра Евграфовна (урожденная Иванова) и три ее сестры — Вера, Анна и Варвара*. Из старших родных я помню только дедушку по отцу, он был сначала священником, потом постригся в монахи и был архиереем в Вологде*. Его я видел всего два раза.

Дедушку и бабушку по матери не помню. Знаю, что дедушка был из николаевских солдат, занимался лесным делом, бабушка — из староверческого рода*, с ней пришли в семью редкие старинные образы. После родителей мамы в Ярославле остались дома, в одном из которых мы жили*. В четырех больших комнатах было много старинной, хотя и недорогой мебели, в сундуках лежали старинные сарафаны, шубы с собольими и бобровыми воротниками, огромные собольи муфты. Все это сгорело во время пожара в 1918 году.

Мой отец окончил духовное училище и один класс Вологодской духовной семинарии, из которой был исключен «за нерадение к учению и отменно плохое поведение». Он был приятелем семинариста В. Гиляровского*, впоследствии известного газетного репортера и писателя. Гиляровский писал пасквильные стихи на духовное начальство, а отец их распространял.

Сдав экзамен на телеграфиста, отец всю жизнь прослужил по почтово-телефонному ведомству. Как телеграфный механик он построил много телеграфных линий, станций, пустил телефон в Ярославле*. Впоследствии он был начальником почтовой конторы в Кинешме, Нижнем Новгороде. Это был красивый мужчина громадного роста и колоссальной физической силы. В веселой компании и для удовольствия своих друзей он разгибал подковы, крестился по несколько раз пудовой гирей, поднимал разные тяжести. Очень любил рыбную ловлю и охоту. За свою жизнь убил 18 медведей, много волков. Сколько я себя помню, в доме всегда у нас были собаки. Про ум и преданность одной из них, пойнтера по кличке Матрос, можно написать целую повесть. Странно, но как я теперь себе представляю отца, это был человек с мягким, почти женским (в лучшем смысле этого слова) характером. Деликатный, всегда готовый оказать услугу, уступчивый, не умевший угодить начальству, не умевший и спорить с ним. Дома, в большой семье, он был таким же.

По случаю какого-то служебного торжества, товарищи преподнесли отцу традиционный серебряный портсигар с выгравированными автографами и альбом. «Как на первом я листочек напишу четыре строчки», — гласила первая страница. После нее следовала затейливая с росчерками каллиграфическая надпись, не в четыре, а в гораздо большее количество строк. А на последней страничке какой-то поэт-телеграфист написал:

Для друзей ты коммутатор,
Для всех врагов громоотвод,
Для скверных дел ты изолятор,
Для ласки и любви — провод.

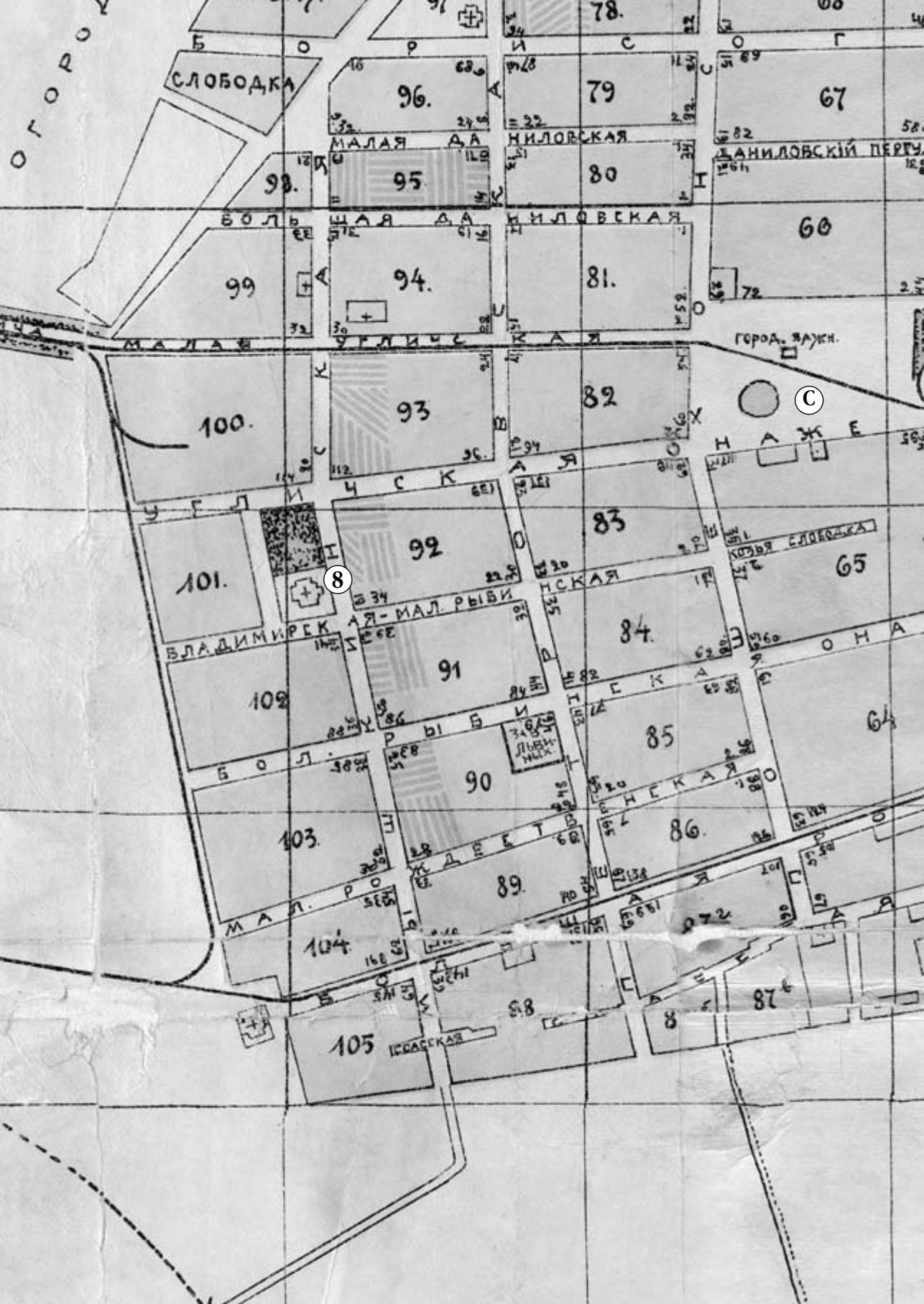
Мама, смеясь, сказала: «К слову коммутатор надо добавить “и дойная корова”». Это был намек на то, что сослуживцы часто занимали у отца деньги, причем нередко без отдачи.

Мы с братом Артемием часто сопровождали отца на природу. Благодаря его науке мы в совершенстве постигли тайны и прелести рыбной ловли. Он научил нас хорошо плавать, управлять лодкой, воспитал нас физически сильными и выносливыми. Лично мне все это в жизни очень пригодилось.

Из четырех сестер Ивановых две (тетя Вера и мать) имели сильный, а две (тетя Нюта и Варвара Евграфовна), напротив, мягкий характер. Однако и сильные, и мягкие характеры все же были различны. Мама была женщиной с большим количеством внешних проявлений: безапелляционный тон, склонность к слову, острый язык, умение распоряжаться, выбирать людей. У нее был открытый и деятельный характер. В нашей узкой семье главенство, несомненно, принадлежало ей, а не отцу. Это не укор и не похвала, просто так было в действительности.

Тетя Вера былатише, собраннее. Об одном деле несколько раз она не говорила, голос без причины не возвышала, но все в ней, начиная со строгого лица и спокойного, умного взгляда и кончая неизменным, очень простым черным платьем, сразу выделяло ее как старшую. Она управляла домами, имела дело с ремонтом, с квартирантами, платила налоги. Она же заботилась о могилах на кладбище, в положенные дни посыпала «подаяние» в ночлежный дом и в тюрьму, успевала молча прочитать газету, неизменно сама топила печи, прекрасно шила. Она не ела мяса, не носила ничего цветного, всю жизнь не имела своей комнаты и спала на узком диванчике в столовой. Была ли она религиозна, я не знаю, но в церковь ходила редко. Она подолгу заменяла нам мать, так как несколько лет родители наши жили в Кинешме, а мы в Ярославле. О силе и своеобразной красоте ее личности можно судить по такому факту. В городе черносотенцы начали погром*. Семьи еврейской бедноты, проживавшие в нашем дворе, вместе с имуществом были укрыты в нашей квартире. Когда же толпа громил подошла к дому, стала искать евреев и ломиться в квартиру, дверь им открыла сама тетя Вера и так строго и умело с ними разговаривала, что никто не осмелился осматривать комнаты.

Тетя Нюта рано овдовела. Пытаясь найти себя, она поговаривала о монастыре, поступал в красно-крестную общину, но все это почему-то не состоялось*. Извнешне и внутренне она была добреишим существом. Из города всегда приносила что-нибудь вкусненькое и потихоньку всовывала это нам. Пекла и жарила для нас какие-нибудь особенные пирожки. И выдерживала за все это яростные бои с ма-

Фрагмент карты Ярославля 1911 г. Издание А. Я. Разроднова. А — двор Ивановых; Б — Мурановские бани; В — Калинин двор; Г — Духовная семинария; Д — мельница Вахромеева; Е — «Американский» мост; Ж — дом Пастухова; З — Власьевская башня и Знаменская церковь; И — Ионафановское училище; К — Николомокринские казармы; С — Сенная площадь; Т — Волковский театр
Церкви: 1 — Николы Мокрого; 2 — Петра Митрополита; 3 — Богоявления; 4 — Рождества Богородицы; 5 — Димитрия Солунского; 6 — Богословская; 7 — Никитская; 8 — Владими尔斯кая; 9 — Вознесенская; 10 — Власьевская

мой и тетей Верой. Те считали это «безобразием», баловством, а она с искренним возмущением спрашивала: «Ну что тут особенного?» Тетя Нюта вырастила наших двоюродных сестер Калининых после смерти их матери Варвары Евграфовны. Выйдя замуж за Василия Михайловича Калинина, офицера Зарайского полка, стоявшего в городе Скопине*, Варвара Евграфовна, тем не менее, так и не стала типичной «полковой дамой». Единственная из сестер она получила гимназическое образование. По-моему мнению, именно она привнесла в дом интерес и любовь к книгам, газетам и литературному журналу «Русская мысль»*. Варвара Евграфовна была младшей и как таковая пользовалась особым вниманием и поддержкой всей семьи. По отношению к нам она была кем-то вроде старшей сестры.

Три старшие сестры не учились в школе. Вероятно, их обучал какой-нибудь нанятый для этого учитель. Может быть, это был дьячок, семинарист или престарелый пенсионер, бедный чиновник. Их письма были типичны для женщин того времени, т. е. плохо согласовались с правилами орфографии, но в них свободно передавалась разнообразная мысль, что было общим у всех трех сестер. Сколько я помню себя, в доме всегда были газеты, что было редким явлением в таких семьях. Потом появились «толстые» журналы. Еще позднее для нас, детей, выписывались «Нива» с множеством приложений*, «Природа и люди»*. В доме была собрана неплохая библиотека. Первые стихи Пушкина, Майкова, А. Толстого, которые я услышал, были прочитаны мне мамой и тетей Нютой. Традиционной няни у нас в доме не было, сказки нам рассказывала мать. Больше всего в сказках я боялся «бедностей» и всегда спрашивал: «А бедности будут?» Чувствуя в рассказе их приближение, я просто убегал.

Раннее детство я помню плохо. Тяжелая болезнь (дифтерия в возрасте четырех лет) стерла из памяти многое. Помню, однако, что меня долго одевали не в костюм мальчика, а в нарядное платьице*. Играли я и в куклы. Особенной любовью пользовалась у меня кукла Матринька — прабабушка теперешней Матрешки. В нашем доме устраивались чудесные елки. Обычно это совпадало с домашним маскарадом, на который приезжали знакомые. Сколько дома было хлопот, споров и разных домашних недоразумений в связи с преждевременным раскрытием тайн той или другой домашней маски! Единственный, кто не волновался, это отец: по росту его все равно узнавали моментально. Помню, нам, детям, очень нравилось, когда он появлялся в виде новорожденного ребеночка в пикейной кофте* с голубой лентой. На шее у него висела бутылочка с коньяком, а на ней соска. А вот елки, на которые нас возили к знакомым, никакой радости не доставляли: скучно и долго примеряли костюм, одевали, закутывали. Мне при этом делали предупреждение: «Пожалуйста, не устраивай фокусов и не реви...»

Круг наших знакомых был очень неопределенный. По отцу дом был связан с чиновничьей средой. Чиновники так называемых «присутственных мест» были особым явлением в русской жизни, много раз описанным и показанным на сцене в разные эпохи. В мое время кое-что изменилось, умерли земляники и тяпкины-ляпкины*. Одно было неизменно: чиновник служил, повышаясь в чинах, до пенсии или до смерти, причем крайне редко переходя из одного ведомства в другое. Служебный перевод происходил только в среде мелкого чиновничества — увольняли, когда человек спивался. Потерять службу было равносильно катастрофе и личному несчастью.

Кругом отца был круг средних чиновников. Три раза в год (Рождество, Новый год, Пасха) к нам приезжал с ответным визитом «его превосходительство»*, но этим дело и ограничивалось. Однако и ближайшие сослуживцы отца не приживались у нас в доме, кроме двух-трех человек. На званых вечерах, а их было два в году, появлялось человек по пятнадцати. Много пили, играли в стуколку*, разговаривали о том, кто получил или должен получить повышение, орден. Аккуратно, каждое двадцатое число, выдавалось жалованье. Какая-то часть его в тот же вечер оставлялась в гостиницах (название «ресторан» появилось позднее)*. На весьма колкие замечания по этому поводу мамы отец обычно приводил один и тот же довод: «Надо же поддержать товарищей...».

Да, чиновников у нас в доме не любили. Постоянным гостем в доме был старичок В. Н. Шестаков, подполковник, участник обороны Севастополя*. От него я впервые услышал о Корнилове, Нахимове и матросе Кошке*. Нахимова он обычно называл просто Павел Степанович. В. Н. Шестаков знал все законы о пенсиях и был непременным добровольным советником всех вдов и сирот. Его жена Елена Васильевна была страстная любительница игры в «винт»*. «Винтом» она заразила весь наш дом...

Сколько я себя помню, в винт играли каждое воскресенье, а иногда и в будни. Главными винтерами были тетя Нюта и мама. В «большие» дни играли на двух столах. Постоянными партнерами являлись доктор Братанович, его жена О. В. Завьялова, крайне экспансивная дама, капитан местного полка Баранов, Карл Иванович Фралон*, аккуратнейший и корректнейший немец. Бог мой, какие иногда происходили драмы за карточным столом! «Провалившие» большой или малый «шлем» партнеры, поссорившись, не разговаривали потом неделями. Я любил смотреть, как играл Карл Иванович. Делая какой-нибудь особенно ответственный ход, он, видимо, скрывая волнение, говорил: «Сережа ходай в трэф».

Совсем особенным и неизменно постоянным человеком в доме была Варвара Васильевна Великосельская, замечательная учительница*, которую знал весь

город. С ней переписывались такие люди, как Ушинский. Шестнадцати лет с 1875 года она начала учить ребят в сельской церковной школе и, по ее словам, насмотрелась таких чудес, что потом ничего уже страшного не казалось. Кто только не был в городе ее учеником! В наше время она имела у себя на дому подготовительную школу, в которой учились я и мой брат.

Собирая в 2–3 года необходимую сумму, она ездила за границу. В Париже, как и в Ярославле, она ходила в своем неизменном ватерпруфе*, в галошах, с зонтиком и с ковровым чемоданчиком в руках. Рассказчица она была изумительная. Мы, в буквальном смысле раскрыв рот, целыми вечерами слушали о ее заграничных приключениях, которые были связаны главным образом с ее необыкновенной рассеянностью. Это было гораздо более интересно, чем рассказы про Елисейские поля, башню в Пизе, собор святого Павла. Быть в Риме и не повидать римского папы казалось Варваре Васильевне совершенно невозможным. Ей пришлось за 2 лиры взять на прокат платье, так как в ее обычном костюме нельзя было присутствовать на церемонии целования папской туфли. Рассказ о том, как перед переодеванием в белое церемониальное платье она выискивала из него вшей, как из гигиенических соображений перед целованием папской туфли мазала губы кольд-кремом*, приводил нас в неистовый восторг.

Когда я вспоминаю наш дом, он кажется мне очень уютным, особенно по вечерам. Электричества тогда еще не было. Все лампы зажигались только в торжественных случаях, обычно «большой лампой» хорошо была освещена только столовая — центр дома. Самовар не сходил со стола весь вечер. Для тех, кто приходил из театра или поздно возвращался, ставили особый самовар-«паук». Это был восьмигранный маленький самовар на высоких гнутых ножках. Их можно было вынимать и убирать внутрь в самовар. В столовой читали по вечерам газеты, их приносили в 6 часов вечера. Была у нас и «детская», но она, сохранив свое название, приобрела особое значение, когда мы стали почти взрослыми. В этой «детской» потом печатались на гектографе прокламации*. Правда, сначала мы просто принимали в ней своих товарищей, устраивали французскую борьбу, часто кончавшуюся драмой, потом двери ее стали все чаще закрываться, и началась всякая конспирация. Долго мама вела борьбу с запиранием дверей, но сделать ничего не могла.

Уютным наш дом мне представляется и по тому скромному гостеприимству, которое наполняло весь его уклад. Мама и ее сестры были большими хозяйствами. У каждой из них была своя особая кулинарная специальность. Тетя Вера пекла пироги, мама готовила рыбу и заливное, тетя Нюта — торты, «мазурки» и всякие вкусные пустяки. Стол был обычно очень простой, но всякого приходя-

щего, кто бы он ни был, любили вкусно покормить. В доме были годовые запасы огурцов и маленьких огурчиков, капусты разных цветов и способов приготовления, соленых и маринованных грибов, были «свои» виды наливок. Все это нами, детьми, совершенно не ценилось и даже не замечалось. К стыду нашему, мы почти не интересовались источником доходов. Сейчас я вспоминаю, что отец в разное время получал в зависимости от должности 900–1300 руб. в год. Это считалось хорошим жалованьем для среднего чиновника. Тетки жили на доход от квартирантов. Не думаю, что это было больше папиного жалованья. Но и жизнь была недорогая. На моей памяти мясо стоило 8–10 коп. фунт (400 г), мука белая — 90 коп. пуд, черная (ржаная) — 60 коп., масло — 14–15 коп., яйца — 7–8 коп., молоко (пятистаканная кринка) — 5–7 коп., картофель — 8–10 коп. русская мера (большая), сахар 11–12 коп., керосин — 1½ коп.* Деньги тогда считали, и «полушка» (½ коп.) имела свою значимость.

Были у нас в доме «люди». Так по сохранявшемуся обычаю во многих домах называли прислугу. На моей памяти долгое время кухаркой была жена отставного солдата Липочка. Затрудняюсь сейчас определить ее функции. Видимо, она просто помогала по хозяйству, поскольку все делалось мамой и тетками. Но Липочка была незаменима для чрезвычайных поручений. Помню, отец отдал перешить портному мундир. В мундире нужно было в первый день Пасхи представляться начальству, ехать с визитами и пр. Но подмастерье портного запил и заложил кому-то за 50 коп. один рукав от мундира. Но кому? Подмастерье пьянствовал, искал его нужно было где-то в кабаках. Командировали Липочку. Два дня весь дом был в волнении, два дня происходили поиски, рукав за это время был перепродан какому-то фуражечнику, но следы были найдены и мундир дошит.

Я упоминал, что в доме было много старинных икон. Их чтили, перед праздниками жгли лампады. В «детской» на кроватке висела небольшая иконка. На ней был изображен ребенок, идущий к пропасти, а крылатый ангел останавливал его за плечо. Я знал, что это «Ангел-хранитель», молился ему, как учила мама. В доме соблюдались посты, и нас кормили «постным», то есть по-прежнему вкусно, но без мяса: вместо коровьего молока, которое, кстати, я не любил, давали миндальное, вместо обычновенного сахара к чаю, что было даже лучше, подавали «постный»*.

Не помню, когда я начал ходить в церковь, но все мои воспоминания связаны с Николай Мокрым*. Это был один из старинных храмов города, почти рядом с нами. Церковь находилась в ведении grenадерского Фанагорийского полка*. Я думаю, что постоянное присутствие военных, которые приходили на службу строем, военный оркестр, с которым они уходили в казармы по праздничным

дням, имели немалое для меня значение, и в церковь я ходил с удовольствием. Был какой-то период, когда круг наших с братом интересов был переполнен всякой церковностью. Мы хорошо знали службу, подтягивали певчим и были даже вхожи на «левый» клирос*.

Правда, в связи с этим мы и «военизировались». Совсем близко в казармах стоял не просто какой-нибудь полк. Нет, это был «одиннадцатый Фанагорийский князя Суворова Италийского, графа Рымникского, ныне его императорского высочества, великого князя Дмитрия Павловича полк»!* Это название мы старательно заучивали, старались произносить его как можно быстрее и без задержек. В церкви стояли у стен старые суворовские знамена, на них были ленты с надписями «За Рымник», «За Кинбурн». В витрине за стеклом лежал мундир Суворова, в котором он переходил Альпы*.

В доме стали появляться книжки с военными рассказами. С интересом мы рассматривали альбом иллюстраций к роману «Война и Мир», изданному в виде приложения к какому-то журналу. Действующих лиц мы не знали, кроме Кутузова и Наполеона, а «миром» почти не интересовались. Было мне тогда 9 лет, брату 10. Вскоре началось изготовление различного вооружения, потом увлечение военными играми, и в конце концов мы перешли к открытым «военным действиям» против мальчишек с так называемого «Калинкинского двора», который пользовался очень плохой славой* во всем городе. К ужасу нашей мамы, а в ее отсутствие — тети Веры, мы часто возвращались с поля боя в весьма непрятном виде. В конце концов в Кинешму, где в то время жили отец и мать, была послана телеграмма. Это произошло после того, как мы с братом, отпросившись на народное гулянье на Иванов луг (Иван Постный, 29 августа ст. стиля), приняли участие в кулачном бою, ежегодно проходившем в этот день между городом и Карзинкиной фабрикой (Ярославская Большая мануфактура). На бой приходили и старые, и малые, билось до 1 000 человек*. Тогда этот бой представлялся мне похожим на Куликовскую битву, о которой я с увлечением читал. Заключив временный союз с калинкинскими мальчишками, мы организовали «Засадный полк» и, спрятавшись в овраге, ударили на противника с тыла. Все это заняло гораздо больше времени, чем мы предполагали, домой мы вернулись уже затемно и с явными следами проявленной доблести.

О кулачных боях «стенка на стенку» я вспоминаю не только потому, что по глупости принимал в них участие. Это было очень распространенное и своеобразное явление русского быта. Уже потом я узнал из рассказов знающих это дело людей, что бои очень тщательно готовились. Любители из купцов и богатых мещан нанимали за водку известных своей силой бойцов, а если те

были в отъезде, например на заработках в Москве, их выписывали за «свой счет». Стороны вели переговоры, в трактирах заключались своеобразные «пари», вносились крупные заклады. «Премьеры» выступали лишь в самые решительные моменты боя, встречаясь с такими же знаменитостями противной стороны. До этого часа два-три дрались рядовая «мастеровщина» из города и фабричная молодежь. Их тоже предварительно поили водкой хозяева мастерских, фабричные мастера и просто любители. Бой начинали мальчишки, потом в драку вступали взрослые. Дрались сначала небольшими группами, разбросанными по всему Иванову лугу, потом партии борцов становились все больше, и наконец бой делался всеобщим. Допускалось бить только кулаком, лежачего бить запрещалось.

Цель боя заключалась в том, чтобы «угнать» с поля противную сторону: городских — в улицы, фабричных — на мост через реку*. Ни в улицах, ни на мосту драка не допускалась, это были «крайние рубежи». И в зависимости от успеха единоборство богатырей происходило именно здесь. До этого они только со стороны руководили боем, но тут выходили сами. Посмотреть на редкое зрелище, естественно, хотелось всем, общая свалка постепенно затихала. Около бойцов образовывался большой круг. Волнение зрителей было необычайное. То же, что переживает теперь завзятый болельщик на футболе, переживал каждый из созерцателей кулачного боя 50 лет назад. Но тетушка, посылая телеграмму, очевидно, считала этот вид спорта не подходящим для «воспитанных» детей*, и мама поспешила приехать с первым же пароходом.

В этот же год (1895) произошло событие, в котором мой любимый Фанагорийский полк сильно оскалился. На фабрике Карзинкина, где работало около 12 000 рабочих, началась забастовка. Ни о каком рабочем движении раньше и слышно не было*. В подробности мы не входили, но знали, что на фабрике «бунт». Вот на усмирение этого бунта и направлена была рота, которой командовал штабс-капитан Шевров. Это был мой бог!* Команды он подавал так, как никто. На парадах, держа на уровне лица эфес обнаженной шашки, а потом быстро отмахивая ее вниз, он проходил вперед своей первой ротой. Он дирижировал хором певчих, часто ездил верхом на лошади. Он иногда бывал у нас в доме, играл в винт и позволял мне брать свою шашку.

В рабочих стреляли. Были убитые и раненые. На донесении об этом деле Николай II наложил резолюцию: «Спасибо молодцам-фанагорийцам»*. Телеграмма царя была объявлена. В полку по этому поводу было торжество с молебном, обедом в офицерском собрании и угождением для солдат. Дома начались разговоры. О телеграмме царя, конечно, не говорили, а вот обед с шампанским подвергся

осуждению. Мама со свойственной ей решительностью заявила, что только такой дурак, как Годнев (командир полка)*, мог допустить подобную бес tactность. Отец говорил, что обед был устроен не по случаю расстрела рабочих, а по случаю «высочайшей телеграммы» и что иначе командир полка поступить, по долгу службы, не мог. Заехавший доктор Братанович, служивший на фабрике*, сказал, что никакой надобности стрелять в рабочих не было и что виноват во всем Шавров. При этом добавил, что играть в «винт» с Шавровым больше не хотел бы. Спросили и В. Н. Шестакова (его как севастопольского героя считали самым большим авторитетом по военным вопросам). «Служба есть служба, — сказал старик. — Солдат не виню, а людей убили напрасно. Да и войско не на то дело употребили, хватило бы, наверное, и полиции». Тетя Нюта решила идти помолиться за убиенных. Доктору Братановичу передали некую сумму в пользу семей пострадавших. Мы с братом отдали по серебряному рублю. Много спорили и ссорились о том, как быть с Шавровым. Без приглашения он к нам не ходил, но он мог явиться в праздник. Не принять офицера — значит задеть честь полка*. Конечно, он мог умолчать об этом, а вдруг разыграется скандал? Вопрос дебатировался со всеми близкими родственниками, но так и не был решен. О «государе императоре» мы не слышали ни одного плохого слова. Наш дом в те времена еще не был заражен «крамолой».

Родители, как я уже сказал, в 1895–1901 годах жили в Кинешме. Мы ездили туда на каникулы зимой и на все лето. Железной дороги не было, и значительную часть пути совершали на лошадях. На тракте между Костромой и Кинешмой еще во всей неприосновенной старине существовали почтовые ямские станции. У ямщиков на шапках были жестяные бляхи с государственным орлом, лошадей «перекладывали» на промежуточных остановках. Когда мы ехали в первый раз, пришлось просидеть на одной станции почти сутки (как сейчас на аэродроме, если нет летной погоды). В дальнейшем, когда стало известно, что мы дети начальника почты, лошадей перепрягали немедленно, и мы путешествовали с курьерской скоростью. Были всякие приключения: сбивались с пути, попадали в буран, один раз вместе с лошадьми слетели в овраг.

В 1896 году всей семьей мы поехали на пароходе в Нижний Новгород на Всероссийскую промышленную выставку*. Тогда я мало в чем разбирался. Самое большое впечатление осталось от нижегородского трамвая (первого в России) и вагончика, который поднимал пассажиров в крутую гору. Делалось это так: вагончики были соединены через блок тросами, в верхний вагончик наливалась вода, и он своей тяжестью поднимал нижний. Теперь известно, что выставка была своего рода апофеозом расцвета промышленного капитализма: к тому времени была построена громадная сеть железных дорог, сотни фабрик. На выстав-

ке было показано русское искусство в лице таких мастеров как Врубель, Коровин, Васнецов. По их эскизам делалась мозаичное панно на таких вокзалах Москвы, как Северный*. Это была эра небывалого до того подъема русского капитализма, своеобразное сочетание европейской культуры с широким купеческим размахом самых видных представителей этой новой у нас категории действительно талантливых дельцов — Саввы Морозова, Саввы Мамонтова, Бахрушина. Все это осталось в памяти потому, что мама говорила: «Смотрите», «А вот погляди на это». Вспоминая это, я не перестаю удивляться, откуда у моей матери, совершенно необразованной женщины, возник такой живой интерес ко всему новому и действительно прекрасному?

Летом 1901–1902 годов мы жили на даче в д. Комарово около ст. Козьмодемьянская Ярославской ж. д.* На даче мы жили и раньше, но то были совсем детские годы, а сами мы — просто городскими барчуками. На этот раз наши умы уже достаточно пропитались слышанным и читанным о несчастной русской деревне и тяжелой доле русского пахаря. Вероятно, мои физические данные (мы с братом были прекрасно сложены) в совокупности с детским еще желанием игры в лошадку (а в деревне были живые лошади) привели к тому, что я серьезно увлекся работой на земле. Сначала с неловкостью я просил разрешения пройти за плугом-косулей одну борозду. Затем, видя, что дядя Иван Бабаев продолжает курить и не собирается отбирать у меня вожжи, я продолжал вторую, третью. Это называлось не пахать, а «орать». Постепенно я полностью освоился с управлением лошадью, один выезжал на полосу, орал до обеда, потом после обеда, вечером. Не столько надо мной, сколько над дядей Иваном стали смеяться: «Ты что, Сергея в работники нанял?». А дядя Иван только посмеивался и делал в это время дома другие дела. Так прошло все лето, зимой я много думал, что хорошо было бы совсем жить в деревне, работать со всеми по-настоящему, жениться на Груше... Была такая девушка, которая мне очень нравилась, и я ей один раз даже подарил кольцо с красным стеклышком.

По лету я тосковал. Конечно, не только работа на земле меня тянула в деревню, но и воспоминания о вечерах с гармоникой, о нехитрой «кадрили», бесконечных парах чаю в трактире соседнего села, о вечерах, проведенных в сенном сарае. Чего я не смог превзойти по своей застенчивости, так это науки танцевать. Я с завистью смотрел, как деревенские парни лет двенадцати совершенно свободно, почти нахально вели себя даже со взрослыми «девками». Искусством танца я так и не овладел до сих пор.

Наше времяпрепровождение было не совсем известно родителям. Приходилось часов около 10 вечера зайти домой, показаться якобы перед сном. Мои отношения с дядей Иваном тоже не всегда встречали сочувствие. Мама говорила,

что он нахал, что он нашел дурака и что, если я хочу помочь, то надо помогать не здоровому мужику, а бедной семье. Эту проблему я разрешил на следующее лето. Как дядя Иван за мной ни увивался, я довольно решительно сказал, что буду помогать не ему, а дяде Егору. Это был скрюченный в пояснице мужичонка, бывший раньше возчиком на фабрике и рухнувший под какой-то сверхъестественной ношей, которую из «похвальбы» хотел принести один. Он был полный инвалид, один сын его был в солдатах, другой «отделился». Оставались три девчонки, жена и бабка. Тут я себя чувствовал полным хозяином и с 1 июня по 16 августа (начало занятий) выполнял всю мужичью работу. То лето научило меня многому, что впоследствии пригодилось, но оно же «погасило» во мне всю мнимую романтику деревенской жизни, которой я был одержим.

Рядом с д. Комарово были две льноткацкие фабрики — Зотова и Сакина*. Мне стало ясно, почему вся молодёжь стремилась поступить на фабрику. Рабочий день длился 10 часов, но это был в сравнении с деревенской работой легкий и чистый труд. Тогда же я понял всю хитрую механику фабричной эксплуатации. Поступив на фабрику, нужно было в первые два месяца быть готовым к отказу от получки, которая шла в карман мастера и подмастерья. Потом ежемесячно из 10–12 заработанных рублей 2–3 уходили на штрафы. Остальные деньги уходили на продукты из фабричного лабаза*.

В период удобрения полей из-за нехватки навоза крестьяне бочками вывозили на свои поля нечистоты из фабричной уборной. За каждую вывезенную бочку надо было заплатить в контору фабрики 10 копеек. За «дурниной», как называлось это удобрение, несколько раз приезжал и я (умалчивая, конечно, об этом дома). Сам хозяин фабрики Петр Андреевич Зотов, инженер по образованию, в парусиновом белом костюме появился как раз в тот момент, когда я осаживал под лоток уборной телегу с бочкой. По деревням весь народ был ему знаком и «ломал» перед ним шапку. Так как я этого не сделал, он учил мне целый допрос. Сознаться в том, что я дачник, мне было неудобно и пришлось врать, что я родственник Бабаевым и приехал к ним помочь на все лето. Об этом случае я вспомнил потому, что в 1907 году мне с П. А. Зотовым пришлось встретиться при других обстоятельствах: я проводил забастовку на его фабрике.

ГИМНАЗИЯ

В гимназию я поступил десяти лет. Для этого требовалось знать все арифметические действия в пределах тысячи, уметь писать под диктовку, уметь рас-

сказать прочитанное, а по Закону Божию знать основные молитвы и заповеди. Подготовка производилась дома или у учительниц, нас к поступлению в гимназию готовила В. В. Великосельская. Можно было поступать и в приготовительный класс гимназии, но и туда принимали детей, уже умеющих читать и писать. Читать я выучился шести лет.

После благополучно сданного экзамена покупалась гимназическая фуражка, которую сначала приходилось носить с матроской или другой курткой. Форму шили уже к осени*, и только тогда совершалось полное превращение в «синюю говядину» — таково было уличное прозвище всех гимназистов. Перед началом учения служили молебен.

Пожалуй, мне лучше сказать прямо, что я плохо помню первые три года учения в гимназии. Все шло обычно, баллы были больше посредственные. Интересы мои в то время крутились вокруг детских игр, иногда драк, потом чтения таких незабываемых авторов, как Майн Рид, Густав Эмар, Фенимор Купер и, в конце концов, Жюль Верн*. В 3-м классе я чуть-чуть не остался на второй год, так как уроков не учил совершенно, и учебники у меня обычно оставались ночевать в классной парте.

Мы учили с 1-го класса латинский язык, со 2-го — немецкий или французский, с 3-го — греческий. Как не манкируй занятиями, но, если в течение 8 лет ежедневно слышать латынь и греческий, знать их будешь. И мы знали древние языки неплохо. Но если бы это дело было в руках настоящих преподавателей, а не бездарных и некультурных людей, результат был бы намного лучше. Большинство же гимназистов, затрачивая огромные усилия на изучение классических языков, имело самое поверхностное представление о культуре Греции и Древнего Рима*. Преподавателем латинского языка у нас был обрусевший чех Федор Иванович Тымчук*. Когда он входил в класс, то, прежде всего, чтобы побороть шум, испускал звук: «псс-тых». Так на всю жизнь за ним и осталось прозвище «Пстых». Занятия происходили примерно так: Пстых гнусаво возглашал «Pensum». Это означало, что сейчас будет письменная работа — перевод с русского на латинский. Дальше он диктовал: «Назика, пришедши к поэту Эннию», сказал...». За этим следовали фразы с еще более запутанными и сокращенными предложениями. Диктовка продолжалась: «Послы...». «Послы или ослы, Федор Иванович?» — переспрашивал какой-нибудь остряк. «Сам осел!» — следовал ответ. С латинского на русский обязательно надо было переводить дословно. Нельзя было, например, сказать: «Конь, которого нужно было взнудзить». Такой ответ оценивался как неверный. Нужно было обязательно произнести: «Долженствующий быть взнуданным конь».

В эти годы крупным событием в жизни гимназии стал переезд в специально построенное новое здание*. Это был настоящий дворец с хорошо оборудованными кабинетами, гимнастическими залами, массой интересных учебных пособий, что, впрочем, не изменило укоренившейся рутины. Все находилось под ключом, ключ был у директора, и даже молодые преподаватели, страшно интересующиеся новым для них делом, через год-два, махнув на все рукой, превращались в обычных чиновников.

С 4-го класса начался бурный период моей жизни. В те времена в конце четверти в каждом классе в рамке под стеклом вывешивался список учащихся с указанием места, соответствующего успеваемости. В первых трех классах я обычно бывал в конце первого или начале второго десятка. На этот раз первые две четверти я продержался, но в третьей стоял уже на двадцать девятом месте. Горизонтальная пунктирная линия, каллиграфически выведенная чернилами в одной фамилии от моей, отделяла меня от последнего десятка, который на языке гимназистов назывался «ад». Пока я был еще в «чилище».

В журнале стояли две жирные единицы по латыни и греческому языку. Преподавателем по этим предметам был Андрей Андреевич Климко*. Ненавидели его все: ученики, родители, учителя. Ему это было прекрасно известно, но, благодаря каким-то связям в округе и министерстве, он тяжелой тучей нависал над гимназией в течение почти 10 лет. Невероятной толщины, с небольшой окладистой бородкой, в пенсне, в прекрасно сшитом фраке, с туго накрахмаленной грудью он производил впечатление барина. Лицо его было важно, но приятно. В действительности он был одержим убеждением, что «кухаркиным детям» в гимназии не место*. Под это понятие Климко, впрочем, подводил всех, кто был малоимущ, плохо одет и недостаточно внешне воспитан. Больше тройки, за редким исключением, он вообще не ставил, часто повторяя избитую формулу: «Бог знает на 5, учитель на 4, лучший ученик на 3». В эту формулу я осмелился внести поправку: «Бог — 5, Элен Зайферт и Шульц — 4, Поро — 3*, Климко — 2, ученик — ?». Эти тезисы были мною перед уроком написаны мелом на доске. Нечего говорить, что я был немедленно вызван и получил кол. На следующий день вызвали отца, я был наказан карцером на 5 часов. Пожалуй, после этого и началась наша борьба. Среди гимназистов были дети, родители которых с невероятным напряжением, в ущерб достатку всей семьи тянули их из класса в класс. Детей надо было одеть в форму, купить им учебники, платить за учение 40 рублей в год. Помочь было некому, нанять репетитора не на что. Многие так и не доходили до конца 4-го класса, окончание которого дало бы им право поступить впоследствии на государственную службу или вольноопределяющимися в армию.

Во многих семьях в ходу были розги. «Я тебя, мерзавец, учу, последние деньги трачу, а ты двойки носишь», — говорил в таких случаях папаша ученика-неудачника. И сек. Часто сек жестоко. Климко прекрасно знал, с кем из родителей как нужно говорить. Одно обещание вызвать отца производило на некоторых учащихся страшное впечатление.

В начале каждого урока Климко сосредоточенно, подолгу смотрит в алфавит, потом на класс и снова в алфавит. В классе стоит мертвая тишина. «Ну-с, отвечать будет господин...», — фамилия жертвы не произносится долго-долго, глаза опять скользят по журналу: «Ну-с, господин Ви-и-но-о-гра-а-дов Николай. У него стоит два — два, — продолжает Климко. — Дадим ему возможность исправиться». Виноградов — плохой ученик, отец его, казначейский чиновник*, часто его сечет. В перспективе — новая порка. Из восьми вопросов (Климко всегда задавал 8 вопросов) Виноградов отвечает всего только на три. «Ну-с, довольно, — говорит Климко, — поставим пока, из уважения к личности господина Виноградова, два с минусом вместо единицы». Все это произносится издевательски, торжественным тоном. «Андрей Андреевич, не ставьте двойку... Андрей Андреевич, я выучу... Андрей Андреевич, не ставьте... Андрей Андреевич, не ставьте, меня дома накажут...», — просит ученик. «Ну и нужно тебя наказать, — говорит Климко, — такого болвана отец хлебом кормит. Тебя в сапожники надо было бы отдать, а тебя учат, идиота. Тебе надо бы подметки подбивать, а тебя в гимназии держат...» И чем дальше продолжается сцена, тем у большего числа соучеников Виноградова становится легче на душе: кого-нибудь не спросят, не хватит времени. Страх так велик, что горе товарища забывается.

Были случаи, что доведенный до отчаяния второклассник, видя неумолимость своего мучителя, пытался целовать его руку, вставая на колени. В старших классах один гимназист ударил Климко по лицу и, хотя это видели 40 человек, Климко заявил, что оскорблению действием ему нанесено не было, а покушавшийся лишь замахнулся. Среди гимназистов во всех, кажется, имевших место, деталях ходил рассказ о том, как от Климко через три дня после свадьбы бежала прямо на улицу его жена, дочь обедневших дворян, как он вернул ее к себе через полицию и довел до психического расстройства. В моем представлении Климко был чудовищем, людоедом, «Синей бородой», злодеем из всех прочитанных мною романов. И я решил вступить с ним в борьбу.

Климко сидел за столом на высокой кафедре, моя партя была первой, и что делалось на ней, ему не было видно. Прежде всего, я решил организовать систему подсказывания. Подолгу я просиживал за изготовлением крупно написанных листов с правилами, исключениями, неправильными глаголами из латинского син-

таксиса и греческой грамматики. Все было приведено в систему. Климко вызывал ученика и задавал вопрос. Нужный лист быстро выбирался и подвешивался на стенку парты под столом. Через неделю я был пойман, но конфискована была лишь незначительная часть моих трудов. Мне это стоило пяти часов карцера.

Мой преемник на моей парте продолжал дело, но с меньшим успехом. Было сделано «открытие», что если упереть носок ноги в пол и трясти его, вибрация пола передается кафедре. Как только Климко делал очередное нападение на жертву, начиналось малое, а потом, по мере надобности, «великое трясение». Кафедра стучала об пол. Климко изменил свою привычку спрашивать сидя и стал, пыхтя, ходить во время уроков по классу...

Если от кончика пера отломить одну половинку, зажать в щели парты и колебать ногтем, получится звенящий или воющий звук. «Пим, пим, пим», — раздается в каком-нибудь углу. С трудом пролезая сквозь парты, Климко направляется на звук. Нужно выручать подозреваемого. «Пим, пим, пим», — начинает раздаваться с передних парт. «Пим, пим, пим», — несутся звуки из разных мест сразу. Иногда разыгрывался настоящий концерт. Уроков почти не стало, к общему удовольствию не выставлялись даже баллы, однако Климко не сдавался и вел погоню за звуками.

Мы узнали, что Климко даже не поднимал на педагогическом совете вопрос о нашем плохом поведении. Как ни глупы мы были, однако поняли, что больше всего он боится за свой незыблемый доселе престиж. Борьбу надо было вынести за пределы класса, за стены гимназии. Я изготовил «картину»: толстяк с лицом Климко (его я вырезал из групповой фотографии) топором тешет колья и складывает их поленницей. Подпись гласила: «Дело мастера боится». «Картина» я решил вывесить в верхнем коридоре, где помещались старшие классы, куда нам вход воспрещался. Сделать это нужно было так, чтобы ее видели не только гимназисты, но и учителя. Пришлось воспользоваться содействием брата. «Картина» провисела недолго и одним из учителей была снесена в учительскую. Через неделю об этом знал весь город. По тем временам это был неслыханный скандал. К концу года почти ни один урок Климко не проходил без происшествий, ему часто приходилось поступаться самолюбием и вызывать для водворения порядка инспектора.

Я много раз думал, что действовать так нечестно, что, очевидно, нужно при всех, когда Климко выходит из класса, ударить его и сказать, за что он получил пощечину. «Вы, господин Климко, негодяй, мучитель детей», — должен был сказать ему я. — Пусть я погибну, но таким грязным людям, как Вы, нет места в обществе». В том, что за это меня исключат из гимназии, я нисколько не сомневался.

Все эти и подобные им выражения я мысленно повторял, когда оставался один, а, высаживая в карцере, произносил их и даже выкрикивал вслух в разных интонациях. Рассказать о своих замыслах брату я не мог: он не только не одобрил бы их, но мог, чтобы предотвратить катастрофу, рассказать о них домашним. Единственный человек, с которым я хотел поделиться своими планами, был семинарист Торопов, живший в нашем дворе*. С интересом и сочувствием выслушав мое повествование о происходящем в гимназии, Торопов коротко, но значительно произнес: «Во-первых, нелогично, ибо наказание Климко будет слабее его преступления. Во-вторых, нецелесообразно, ибо тебе дадут волчий билет*, а подлец Климко останется в гимназии». Слова «нелогично» и «нецелесообразно», мало понятные мне тогда, произвели на меня более сильное впечатление, чем все другие доводы Торопова против задуманного мной покушения.

В то время я был, несомненно, болен. Это была болезнь «беспокойного роста». Часто ощущая чувство отвращения к самому себе, я упрекал себя в безволии, однако ничем не мог долго заняться, постоянно ссорился с братом, был груб с домашними. На теле у меня появились сменявшие друг друга фурункулы.

В конце учебного года произошло крупное событие. Министром просвещения был назначен Ванновский*. В учебном процессе начались серьезные изменения: отменили преподавание греческого языка, значительно сократили преподавание латыни, отменили переходные экзамены для успешных учеников. Вершители гимназических судеб — преподаватели древних языков — постепенно стали терять свой вес. Усилилось влияние математиков, физиков, преподавателей литературы и истории. Однако Климко продолжал неистовствовать, преподавая в младших классах вместо греческого немецкий язык и по-прежнему, латынь. Только через три года события, о которых я расскажу позднее, избавили от него гимназию. Пока же по латыни за год мне была выставлена двойка, предстоял экзамен. Мама настаивала на том, чтобы взять свидетельство от доктора, просить перенести экзамен на осень, а меня, по совету того же доктора, отвезти в Старую Руссу. Было и еще одно предложение: мне и брату ехать в Ораниенбаум, где жила с мужем тетя Варя*. Что же делать? Как готовиться? Когда начать? Ко мне был приглашен известный в городе как знаток греческого языка и отличный репетитор студент Тарасов. Он должен был определить состояние моих знаний. К великому его удивлению и к моему удовольствию оказалось, что я знаю многое из того, чего обычно не знают гимназисты: вечера, в течение которых я крупным почерком вычерчивал свои преступные пособия для подсказок, не пропали даром. Это был труд механический, но он принес огромную пользу. После бурного разговора мамы с директором было решено, что на экзамене будут присутство-

вать сам директор и преподаватель Ярошевский. Последний поставил мне «4», а верный своему закону Климко — «3».

В Ораниенбаум в первый раз в жизни мы отправились самостоятельно. Ехать можно было без пересадки через Рыбинск. В Петербурге нас встретил по телеграмме Василий Михайлович Калинин, муж тети Вари. Он был в чине штабс-капитана и находился в командировке в Ораниенбаумской стрелковой школе. Для нас, конечно, был притягателен не Ораниенбаум, а Петербург. Дядя Вася, как мы его звали, сводил нас в музей Александра III*, в Эрмитаж, словом, туда, куда положено. Но страстью его был цирк (он был прекрасный гимнаст, замечательный эквилибрист и большой мастер фокусов), в цирк мы ездили каждую неделю. Часто мы с братом выезжали за несколько часов до представления и самостоятельно бродили по Петербургу. Достав съестные припасы, мы кушали в каком-нибудь сквере: кафе тогда еще не было, в ресторан гимназистам заходить не разрешалось. Зато мне очень нравилось, когда в ожидании поезда на Балтийском вокзале мы ужинали вместе с дядей Васей, и он угождал нас вином.

Совсем близко от Ораниенбаума находился Кронштадт. Не посмотреть флот было невозможно. Оказалось, что каждый час туда ходят пароходы — паромы «Луч» и «Заря». Ехать семь верст морем — как это было ново для нас! Море, правда, меня разочаровало: большую часть пути шли по мели, между поставленных вех. Однако вот и старинные форты, военные суда на причалах. Не осматривая города, мы бросились прямо в порт. Недалеко от берега стояли достраивающиеся броненосец «Александр III» и крейсер «Аврора». Но как к ним подъехать, посмотреть их ближе? Все оказалось очень просто. Люди брали у лодочника ялик и ехали, куда им было нужно. Мы взяли лодку и подъехали к плавучей крепости. Для истории интересно отметить, что незадолго до начала Японской войны на рейде сильнейшей морской крепости можно было вплотную подъехать к борту заканчивавшего вооружение новейшего броненосца. Мы несколько раз объехали кругом броненосца и крейсера, веслом постучали об их броню. Позднее броненосец «Александр III» погибнет в бою с японским флотом при Цусиме. «Аврора», как известно, в 1917 году сыграет выдающуюся роль в Октябрьской революции...*

Если бы, вспоминая гимназию конца 1890-х — начала 1900-х годов, я выдал А. А. Климко за типичного представителя педагогической корпорации, это была бы неправда. Климко был не редкой фигурой, но все-таки исключением. Беда заключалась в том, что такие экземпляры иногда держали под пятой целый педагогический совет во главе с директором. Они имели где-то вверху связи, писали доносы из опасения, «как бы чего не вышло», им боялись перечить. Среди

преподавателей больше половины было просто чиновников, не думающих ни о чем, кроме 20-го числа и своих житейских забот*. Это были плохие, малознающие учителя. Часто были просто пьяницы и картежники, приходившие на урок с явными следами грубых человеческих страстей. Среди них попадались исключительно знающие, но не снисходившие до кропотливой классной работы. В их представлении мы были «тупицами», «лентяями». Этот ряд на моей памяти дал несколько крупных талантов и несколько крупных негодяев. Иногда, впрочем, одно не мешало другому. Учителей, которых мы действительно любили и уважали, было очень немного.

Все, что давалось сверх учебника, все, что рассказывалось интересно, ценилось независимо от предмета. Был обычай в последний день перед каникулами никого не спрашивать. Преподаватель мог заниматься по своему усмотрению. Некоторые просто ничего не делали, говорили: «Сидите тихо, а то буду спрашивать». В это время заполняли журналы, что-то писали. Другие вызывали первого ученика и заставляли его читать. Книгу на такой случай приносил кто-нибудь из учеников. Наших любимцев именно в этот день мы видели такими, какими они были в нашем воображении. Про некоторых из них ходили у гимназистов легенды о написанных, но не напечатанных еще научных диссертациях, о золотых медалях, коими они были удостоены в университете за конкурсные работы. Светлую память оставили по себе математик П. Я. Морозов (Паша-ножка), физик Б. Ф. Фивейский, математик Н. Я. Нечаев, и особенно историк Порфирий Иванович Мизинов*. Я помню, как он во время «пустого» урока по нашей просьбе читал вслух подлинный текст «Божественной комедии» и тут же делал перевод, помню его лекцию о Петре I, приуроченную к 200-летию Петербурга. Именно благодаря ему я полюбил музыку латинских стихов, хотя он никогда не преподавал этого языка.

Среди литераторов не было интересных людей. Постоянным преподавателем был К. Ф. Гордеев, по прозвищу «Костя-апельсин» (лицо у него было круглым, красным, с осинками). Это был знающий человек, но он стремился стать инспектором и стал им, потом стремился к должности директора — достиг и этого*.

Особое место занимали «законоучители» — священники. Вместо елейного попика отца Михаила, который ниже «4» никому неставил, к нам перевели из Брянска отца Иоанна Косьмина*. Это был лик с иконы: усы, начинавшиеся из носа, сливались с бородой, которая росла прямо от глазниц, уши закрыты волной волос, непокорных никакому гребню. Рост высокий, сильная худоба. Прежний либерализм кончился. Мы имели дело с аскетом и фанатиком. Была введена общая молитва, открыта при гимназии своя церковь*. Исповедь, обязательная и прежде, должна была теперь совершаться только у него. По субботам, во время

всенощной, записывали отсутствующих. Вместо четверок появились двойки, не успевающим стали назначать экзамен по Закону Божьему.

Мы с братом были вне конкуренции. Помогал «Никола Мокрый»: все богослужение мы знали наизусть. Мои познания были замечены, и сначала я пользовался явным благоволением. Для того, чтобы избавиться от опроса, товарищи часто просили меня «заговаривать зубы» отцу Иоанну. В самые критические минуты с самым серьезным лицом приходилось задавать каверзные вопросы. «Правда ли, отец Иван, — один раз спросил я, — что некоторые праведные люди “еще при жизни просвечивали”?» Батюшка пустился в длинные рассуждения, что это, конечно, правда, но свет от них нельзя считать светом материальным, подобным огню и пр. Нужно было иметь чувство меры и лишних вопросов не задавать. Один из моих приятелей, желая еще дольше затянуть разговор, с явным подобострастием в голосе произнес: «А вы, отец Иоанн, еще не просвещиваете?» Все было кончено. Ни одной минуты на душеспасительные разговоры больше не отводилось. Впоследствии «поп Косьмин» определился как явный черносотенец и в истории гимназии играл такую же злую роль, как и Климко.

Мы росли, каждый по-своему развивался и часто совершенно неожиданно превращался в незаурядную личность, в чем гимназия редко была повинна. Я даже думаю, что многих из нас сделало дельными людьми, приучило к самостоятельной работе именно отвращение к педагогической казенщине. Существовали первые и вторые, десятые и двадцать пятые по успеваемости ученики, но это мало определяло личность. Из учеников, окончивших в мою бытность гимназию с золотой медалью, чьи фамилии были занесены на мраморную почетную доску, находившуюся в актовом зале, я знал только одного действительно выдающегося. Остальные — способные всезнайки или зубрилы. Зато среди тех, кто по большинству предметов имел часто не больше тройки и на экзаменах, например по латинскому языку, испытывал серьезные страхи, были подлинно талантливые математики, физики, знатоки и любители истории и литературы.

С первого класса я учился вместе с Александром Зайцевым, сыном фельдфебеля Фанагорийского полка*. Он жил в казармах, где семья занимала небольшую квартиру, и являлся поэтому моим постоянным попутчиком. В младших классах он был одним из гонимых такими типами как Климко. Вряд ли родитель думал о высшем образовании сына, идеалом было, очевидно, юнкерское училище, но и для этого надо было дотянуть сына до 6-го класса. Сашка, как мы его звали в младших, или Максимыч, как обращались к нему уже в старших классах, определился как личность класса с пятого. Он не просто решал задания для все-

го класса, но мог решить вообще любую задачу, даже ту, которая не давалась первым ученикам. Во время письменных работ, быстро изготовив решение и разослав его по классу, он для себя старался найти какой-нибудь новый способ, иногда не успевал довести его до конца, получал тройку, но никогда не огорчался. С 6-го класса это был уже признанный авторитет по вопросам математики, физики и астрономии. Когда он все это узнал, что именно читал, большинству было неизвестно.

Звать к себе товарищей он стеснялся: дома было бедно. Сам он тоже редко у кого бывал. У нас в доме его любили, старались угостить вкусненьким, причем он вечно отказывался: «Я только что обедал», «Недавно чай пил». В конце концов он привык ко всем и стал бывать у нас ежедневно. Тут, забегая вперед, я должен сказать, что его дружба с нашим домом, с тетушками переросла мои отношения с ним, о причинах чего я скажу позднее.

В период, о котором идет речь, Зайцев в маленькой комнатушке отцовской квартиры имел все, что требовалось ему для физических и химических опытов: в чуланчике — стол, верстак, тиски, на полках — самодельные электрические элементы, приборы, колбы, пробирки. Здесь можно было даже постучать на аппарате Морзе, посмотреть самодельный синематограф. На чердаке помещалась тренога с самодельным телескопом. Способность ко всякому мастерству у Зайцева была изумительная, но самое любопытное было то, что в гимназии он считался посредственностью, и ни к одному физическому прибору его, как, впрочем, и всех нас, не подпускали из опасения порчи. Только в 8-м классе при новом преподавателе Фивейском он получил доступ в физический кабинет и был, так сказать, «открыт» как выдающийся физик. В качестве примера широты его кругозора я могу сослаться на тот факт, что о гениальных работах Лебедева* в области давления света мой друг рассказывал нам будучи учеником 7-го класса, то есть тогда, когда Лебедев только начал публиковать свои работы.

Ни о каких революционных идеях в доме фельдфебеля Зайцева, разумеется, не было и намека. На эти темы не разговаривал и «Максимыч». Он слушал, что говорили другие, но никогда не высказывался сам. Однако в дальнейшем обстоятельства сложились так, что все бомбы для боевых дружин Ярославля изготавливались в домике Зайцевых, на дворе казарм 11-го гренадерского Фанагорийского полка*. Осенью 1905 года от сильного взрыва часть квартиры была совершенно разрушена, и из-под обломков с очень слабыми признаками жизни был извлечен и отправлен в больницу мой друг. Ему пришлось почти год пролежать в больнице, оторваться от учения, уйти временно из семьи, умно и научно доказать на следствии, что причиной взрыва была не бомба, а неудача при добывании кисло-

рода. Именно в этот период и упрочилась дружба Зайцева с моими тетушками. Меня в Ярославле уже не было, но тетя Вера и тетя Нюта приняли на себя все заботы о нем во время болезни, а также и хлопоты по его делу (поручительство, залог). После больницы он перебрался к нам в дом.

Благодаря чему Зайцев стал в массовом порядке делать бомбы, мне осталось неизвестным, но началом явилось вот что. Не преследуя никаких специальных целей, в 1904 году я рассказал Зайцеву о конструкции бомбы Кибальчича, которой был убит царь Александр II*. Сам я знал об этом из опубликованных судебных материалов по «Делу 9 марта». Примерно через месяц Зайцев показал мне завернутые в промасленную бумагу два куска студенистой массы: один черный, другой грязно-желтый. «Это динамит, — ответил он на мой вопрос. — В одной пробе нитроглицерином насыщен уголь, в другой — деревянные опилки». Дальше следовал обстоятельный рассказ, как и из чего делается все это. Тогда до бомбы было еще далеко, нужны были детонатор и механизм, приводящий детонатор в действие. Прошло еще недели две. «Давай попробуем, готово», — предложил Зайцев. Пробу мы производили за городом, в местности, где было много оврагов. Обрезанную жестяную банку из-под «ландрона», в которой был заложен заряд и ударный механизм, бросал в глубокий овраг я... Только услышав оглушительный взрыв и увидев столб серого дыма и образовавшуюся воронку, мы оба поняли, с какой неосторожностью мы добирались с бомбой до места опыта: был в пути момент, когда я побежал, чтобы догнать вагон на трамвайной остановке.

Подорвался мой друг, впрочем, при изготовлении уже не динамитных, а других, простых и сравнительно безопасных, так называемых «македонских» бомб. Судьба А. М. Зайцева после Октябрьской революции мне не известна. До этого он сначала был учителем физики*, а потом доцентом Московского университета.

МОИ УВЛЕЧЕНИЯ

В пятом классе я впервые стал регулярно брать книги из городской библиотеки, и самым главным для меня сделалось почти ежедневное посещение читального зала. До этого мне прочли (мама и брат) и я сам прочел басни Крылова, «Недоросля», «Руслана и Людмилу», «Кавказского пленника», «Капитанскую дочку», «Тараса Бульбу», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Юрия Милославского», «Князя Серебряного», «Муму», всего Майна Рида, всего Густава Эмара, Фенимора Купера, «Детей капитана Гранта», «Таинственный остров», Жюля Верна

«80 000 верст под водой», не считая многочисленных стихотворений Пушкина, Майкова, Некрасова, которые заучивались наизусть. Кроме этого, по рассказам старших мне было известно содержание и других произведений.

Должен сказать, что такой же «литературный багаж» был у значительного числа моих товарищей. К этому времени школа в смысле развития вкуса к чтению ничего не дала нам. Мы неплохо знали «Слово о полку Игореве», Остромирово Евангелие, «Домострой», «Моление Даниила Заточника»* и только. Далее преподавание литературы должно было идти через изучение литературы церковно-схоластической (Симеон Полоцкий) к изучению Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина, Державина, Жуковского, Пушкина, Гоголя. Вершинами школьной литературы являлись оды Ломоносова, Державина, оды и баллады Жуковского. Многое заучивалось наизусть, писалось множество изложений и сочинений. Из Пушкина в курс преподавания, кроме избранных стихотворений, были включены «Евгений Онегин», «Медный всадник», «Полтава», «Капитанская дочка». Гоголь в 8-м классе изучался почти целиком. Литература послегоголевского периода не изучалась, о западной литературе не говорилось ни слова.

«Друг мой, не ходи в театр. Друг мой, не читай афеиста Тургенева»*, — такими пародийными нравоучениями часто обменивались гимназисты старших классов, когда запрещалось посещать сомнительную, с точки зрения начальства, театральную постановку. Эта же формула определяла и официальные границы преподавания литературы.

Библиотека и читальня помещались в здании городского театра, здания этого теперь не существует. На том же месте теперь стоит новый прекрасный театр. Он начал строиться при мне*. Особенностью зданий было то, что оба они вплотную примыкали к удивительному ярославскому бульвару, лучше которого я не видел за всю свою долгую жизнь.

Хорошо помню: сидим мы на бульваре, и брат уговаривает меня зайти в читальню. Я не иду. Мне кажется, что только мы появимся, сейчас же кто-нибудь скажет: «А вы зачем здесь?». «Ты дурак и трус, — говорит брат. — Ну придем, сядем, посмотрим журналы. Чего тут особенного?» Я знал, что брат тоже ни разу не был в читальне, и мало на него надеялся. Кроме того, я знал, что в читальню ходят только взрослые, больше всего студенты Демидовского юридического лицея*. Мы вошли, никто ничего не сказал. Я взял первый попавшийся из свободных журнал. Это было «Право»*. Я понял, что это для юристов, но все другое было занято. Пришлось делать вид, что я читаю. Читателями были студенты, служащие земств, отставной военный. Все были знакомы, обменивались газетами, иногда

показывали друг другу интересные статьи. Тут были все газеты, которые я видывал в киосках, но настоящим спросом пользовались «Русские ведомости» — те самые, которые я каждый день мог читать дома... и не читал. Высидев приличное время, мы поднялись и ушли. В следующий раз мы пришли раньше и поняли, что желающие первыми завладеть «своей» газетой приходили к открытию читальни и даже ждали ее открытия у дверей.

Через несколько дней я с компанией одноклассников гулял по бульвару. Дошли до дверей читальни. Можно было повернуть и пройти еще раз до Волги. Неожиданно для себя я с деловым видом сказал: «Ну, я зайду сюда». Это, конечно, была мальчишеская похвальба, и рядом находилась та самая скамейка, где я недавно проявил малодушие. Но, возможно, желание казаться серьезнее товарищей, а может быть, и другие, лучшие, побуждения сделали то, что я стал ежедневным посетителем читальни. Ходил туда, по выражению домашних, как на службу. Один раз я завладел газетой, которую всегда читал приходивший раньше других студент Шаповаленко*. Он терпеливо подождал, но, должно быть, заметив, что газету я читаю «не с того конца» — с объявлений, подал мне «Будильник» (популярный юмористический журнал): «А Вы, хлопчик, може, лучше веселые картички посмотрите?» Я смутился и сразу отдал газету. Несколько раз потом я предупредительно сам отдавал газеты тем, кто их ждал. На столах лежали и иностранные издания «Berlinertageblat», «Figaro»*. Я обратил внимание, что почти всегда часть текста покрыта сплошной черно-рыжей краской. «Что это такое?» — спросил я одного студента. «А вы не знаете? — удивился он. — Это икра». Действительно, это было похоже на паюсную икру. «Это так цензура работает, старается, чтобы не поумнели», — добавил он.

Я стал брать книги из библиотеки. Библиотекарша О. Н. Корсунская* сначала устроила мне настоящий экзамен, выясняя, что я уже читал. Первая книга, которую я получил, была «Вокруг света на Коршуне» Станюковича*. Я ее люблю и сейчас. Тургеневскую «Асию» я прочитал в читальне. С тех пор я больше не испытывал неловкости из-за газет. У меня всегда была с собой книга. К концу зимы я был в библиотеке своим человеком. Стали посещать читальню и другие гимназисты. Заходили изредка учителя и с интересом на нас посматривали. Явно в качестве наблюдателя в читальню присыпался «Евгешка», помощник классного наставника*. За зиму я прочитал всего Тургенева. Казалось бы, совсем невинное дело. Но и оно стало предметом обсуждения педагогического совета. Часть учителей и главным образом «поп» требовали формального запрещения гимназистам посещать читальню ввиду возможности «растлевающего влияния». Его, по правде сказать, я не чувствовал и не меньшее удовольствие получал от катка,

который был рядом. Часто даже читать приходилось с коньками под мышкой. Но в читальне действительно вершились дела, о которых стало известно значительно позднее. В следующем году одну из библиотекарш арестовали и увезли в тюрьму*.

О провинциальном театре сейчас написано много, но о ярославском мне хочется вспомнить. Прежде всего, это был театр, основанный Ф. Волковым, уроженцем Ярославля, сыном ярославского купца*. Здание, в котором онставил свои первые спектакли, не сохранилось. Театр нашей юности был построен в николаевскую эпоху и просуществовал до 1900-х годов. Это было небольшое, красивой архитектуры здание. Внутри, кроме партера, были три балкона с ложами, бенуар, бельэтаж и так называемый ярус. В центре бельэтажа была губернаторская ложа, густо задрапированная бархатом и имевшая сзади гостиную. При других ложах тоже были небольшие комнаты, где обычно раздевались и куда из буфета могли принести ужин, воды, пиво. Мужчины пить водку ходили вниз, к стойке буфета. Выше яруса в задней части театра помещалась галерка, а еще глубже и выше — парадный раек. Освещение было керосиновое, и подготовить его к спектаклю было нелегким делом. Надо было «заправить» и люстру, специально поднимавшуюся на блоке, и лампы-бра около каждой ложи, и большое число ламп в рампе.

В бельэтаже ближайшая к сцене с правой стороны ложа отводилась студентам, а крайняя левая — гимназистам. Билет стоил 37–62 копейки, наклеивалась марка — сбор в пользу благотворительных учреждений «ведомства императрицы Марии*. Чтобы занять место в первом ряду ложи, нужно было прийти задолго до начала. Именно в эти часы я и мог оценить всю сложность лампового хозяйства. Занавес был украшением театра и не раздвигался на две стороны, как теперь. Он иногда торжественно-медленно, иногда стремительно-быстро, в зависимости от эмоциональной насыщенности конца действия, опускался из-под потолка. Занавесов было два. Это были монументально написанные декоративные панно, десятками лет служившие театру и составлявшие его гордость. Первый занавес обычно закрывал сцену перед началом спектакля, и спуск его являлся концом последнего акта. Он представлял из себя стену, отделявшую зрительный зал от кулис, стену, на которой золотыми канатами с кистями поддерживались ярко выписанные складки раздвинутого пурпуря. На фоне голубизны неба и моря возвышался на скале храм. Второй, написанный более интимно, в тоне пейзажа, с некоторыми намеками на берег Волги, в середине имел подковообразный вырез, задрапированный бархатной занавесью и увенчанный латинским изречением: «Сделал, что мог, пусть другие сделают лучше». В этот вырез, откидывая драпировку, выходили на вызов артисты.

Труппа всегда была неплохая. Сказывалась близость Москвы: «Ярославль-городок — Москвы уголок». Репертуар был близок к московскому. Будучи гимназистом, я до 1904 года, кроме бесчисленных, сегодня уже забытых пьес, которые за сезон ставились десятками, пересмотрел лучшие вещи Гоголя, Островского, Сухово-Кобылина, а также «Гамлета», «Отелло», «Короля Лира», «Венецианского купца», «Разбойников», «Уриэль Акосту», трилогии А. К. Толстого, «Три сестры», «Чайку», «Мещан»*. В это время ярославцы уже ездили в Москву в Художественный театр*. Портреты Чехова и Горького висели во многих домах.

Об игре артистов сейчас мне говорить трудно. Играли они неплохо, даже с точки зрения знатоков. Нам же казалось, что все играют превосходно, а отдельные артисты, особенно артистки, имели массу поклонников. Выйти по первому вызову публики и не бросить благодарного взора на ложу студентов и гимназистов, по третьему не приложить руку к сердцу, а по десятому не послать воздушного поцелуя молодежи значило очень ее обидеть. Вызывали любимых артистов до бесподобия. На моих глазах произошел такой случай: студент, вскочив в восторге на стул, потерял равновесие, перевернулся в воздухе и грохнулся из ложи бельэтажа прямо в оркестр на турецкий барабан.

В жизни мне с артистами сталкиваться не приходилось. По природной застенчивости я никогда не пытался проникнуть к ним на дом, что делали некоторые ярые театралы. Быть знакомым с артистом и, особенно, с артисткой считалось в глазах гимназистов очень лестным. Не так, конечно, к этому относились гимназическое начальство и родители: актеры не считались людьми общества. Жили они обычно по гостиницам. Премьеры снимали номера в лучшей гостинице, остальные расквартировывались по ныне существующей градации своих заработков, вплоть до ночлежек. В мое время актера можно было узнать сразу. В провинции это были единственные люди, которые брили усы. А. П. Чехов где-то назвал актера «господин с босой физиономией». Это казалось очень верным. Премьер летом всегда носил цилиндр, зимой — цилиндр или бобровую шапку. Иногда он «позволял себе» пройти по бульвару. К концу спектакля обязательно подавался извозчик-лихач, хотя до гостиницы не было и двух минут хода. Актеры более «легких амплуа» были проще, одеты хуже, они не гнушались посидеть со студентами в пивной и без стеснения за их счет выпить. Актрисы же, как «мимолетные виденья», иногда только проносились вдоль бульвара на рысаках. «Кавалеры», сидя на краешке, поддерживали их за талии. Ротонда* с пушистым белым воротником, громадная шляпа — вот мое представление о них вне театра.

За ряд сезонов в ярославском театре переиграло много выдающихся артистов. Некоторые, как, например, Дарский, Раковский, перешли на московскую

сцену. Загаров и Харламов стали играть в Московском художественном театре*. Харламов был первым исполнителем Васьки Пепла в пьесе «На дне».

Надо заметить, что в это время я не только не был влюблён, но, как это ни странно, этот вопрос не волновал всерьез ни одного из моих ближайших друзей. В гимназии того времени был особый круг молодых людей: они умели танцевать, некоторые имели мундиры и белые перчатки, бывали приняты в семейных домах, где подрастили барышни. Намечались серьезные романы, и про две-три пары говорили, что они, как окончат курс, так и поженятся. Надо иметь в виду, что в мое время в 7–8-м классах некоторым «переросткам» было по 20–22 года. Они вопреки правилам школьного билета носили усы, а один из них — Вася Лобанов* — негласно уже имел трехлетнюю дочь. Эта компания жила своей, несколько обособленной жизнью, как и мы. Товарищи их не чуждались, ребята они были веселые, все забавные анекдоты, приличные и неприличные, шли через них. Обычным местом встреч зимой был каток*, летом — бульвар. На катке можно было со знакомой барышней кататься сколько угодно, встретив же барышню на бульваре, поздоровавшись с ней, нужно было сейчас же пойти ее провожать. Проводы эти обычно совершили опять же по бульвару, и, таким образом, вдвоем удавалось гулять очень долго. Таков был этикет.

Хорошо известно, что классные доски в гимназии существовали не только для геометрии. В младших классах на переменах на них зачитывались друг другу слова, в средних классах появлялись надписи типа «Миша + Верочка», в старших — уже подробная хроника увлечений, измен и новых успехов какого-нибудь «светского льва».

Не буду утверждать, что эта сторона жизни меня не интересовала. Часто я с некоторой завистью смотрел, как легко и просто мои одноклассники встречаются с девочками. Один раз через третьих лиц мне было передано, что со мной очень хочет познакомиться некая Диночка Ушакова*, пользовавшаяся исключительным успехом у гимназистов. Сначала я подумал — разыгryвают, но на катке, куда я шел с необычным волнением, знакомство действительно состоялось. Вечера два я катал Диночку в кресле, провожал ее домой, пытался говорить разные умные вещи, но дальше этого дела не пошло. Что думала она, я не знаю, но с другими кавалерами ей было, по-моему, веселей, и я, правда с некоторой занозой в сердце, перестал ходить на каток.

Настоящей моей страстью была Волга. Своей лодки завести, правда, не удалось. Это была несбыточная мечта юных лет. Но лодками по 30 коп. за час проката мы пользовались часто. Постоянной компанией в 3–4 человека мы поднимались по Волге выше города и поджидали вечерние пароходы. Нужно было

подъехать к идущему навстречу пароходу вплотную, чуть-чуть не врезавшись ему в колесо, и сразу, за кормой, попасть на волну. Последний, «девятый» вал захлестывал лодку водой. Ездили с провиантом и чайником, ночевали за много верст от Ярославля. Один раз в очень бурную погоду с парусом поехали в Романово-Борисоглебск* за 40 верст против течения, на дачу к Шаховским. Претерпели много трудов и опасностей. Отца Илюши, Дмитрия Ивановича, не было. Приняла нас очень радушно Ильюшина мама. Нужно было по очереди ночью караулить лодку, но никому не хотелось идти спать. Так и сидели мы у костра, и от нас никак не хотели уйти две девочки, сестры Илюши*.

Другое занятие, тоже близкое к страсти, была охота. Ружье у меня в руках было с тринадцати лет. Я ходил на тягу с отцом. Много и неплохо стрелял по уткам и лесной дичи, когда мы жили в деревне. Раз в жизни был на медвежьей охоте. Но все это было узко семейным делом и не развило во мне того азарта, который появляется, если в предприятие втягивается целая группа. Центром охотников была семья трех братьев Лимгер, один из которых, Леонид, был моим приятелем. В их доме всегда и все, включая *madam* Лимгер, говорили про охоту. Лимгер-отец был чистокровный англичанин, но совершенно на англичанина не походил. Мамаша была чистокровной русской*, но с внешностью настоящей леди: высокая, подтянутая, с утра туго затянутая в корсет. Она поддерживала в своем доме очень сложные правила этикета и настойчиво стремилась привить своим детям особый стиль и хороший тон. В их доме раз и навсегда был установлен особый порядок: разговаривать только по-английски, перед отходом ко сну целовать мамаше руку, старшему сыну Петру в положенные дни надлежало ездить с визитами, гостям подавали пудинг. Соответственно этому был обставлен и выход на охоту: дети имели специальные охотничьи костюмы вплоть до шляп с фазаным перышком и курток с зелеными воротничками. Но «задавался» только старший, Петр. Алексей и мой товарищ Леонид были славными ребятами и отличными товарищами.

В период оживления моей страсти главный интерес был прикован к охоте на дупелей и бекасов*. Это действительно один из увлекательнейших видов охоты, требующий не только навыка, но, как теперь говорят, особой быстроты реакции: бекас взлетает внезапно, часто из-под ног, полет его стремителен и неровен, он как бы ныряет в воздухе. Я переживал частые неудачи. Не было у меня навыка стрелять на вскидку, не пользуясь мушкой ствола. Возвращение с первой охоты на болоте у Николо-Бабаевского монастыря, куда мы ездили на пароходе за 35 верст, было неприятным. Братья Лимгер везли в ягдташах по 15 трофеев*, у меня было 2 дупеля и одна утка, а по уткам решено было не стрелять. Это был своего

рода негласный турнир, который я проиграл. Второй раз я поехал один: надо было учиться. Расстреляв все свои боеприпасы, я вернулся почти ни с чем.

В каждом деле есть какая-то критическая точка освоения. Подошла она неожиданно, раз на четвертый из моих поездок на Бабайки. Я стал стрелять почти не целясь, стрелять не в птицу, а в то пространство, где птицы еще не было, но куда она всегда попадала при своем зигзагообразном полете.

Опять начались поездки в компании. Теперь я уже не чувствовал себя слабее других. На зависть другим охотникам и на удивление простым смертным я не просто привязывал добычу за лапки к ремешкам ягдташа, я набивал ею сетку, которая перекидывалась через плечо перед посадкой на пароход. Охотились с субботы на воскресенье и воскресенье весь день. По охотничьему ритуалу полагалось обязательно выпить «на крови». Тут я первый раз в жизни пил водку. Пил неудачно.

«ПОРА!»

Небольшой кружок гимназистов решил издавать литературный журнал*. Мое участие было чисто техническое. Автором большинства статей и редактором был брат. Содержание первого номера, по существу, было самым невинным: стихи, один рассказ и несколько «критических статей» о Горьком и Андреевой*. Название журнала было «Пора!». Получилось это как-то необдуманно, и поэтому поводу острили, что пора спать. Переписан он был мною от руки, с искажением почерка. Журнал ходил по рукам, его прятали от начальства.

Второй номер уже с новым названием «Вперед» мне хотелось выпустить в нескольких экземплярах. Технического советника я нашел в лице постоянного посетителя читальни Н. И. Подвойского*. По его совету, в разных аптекарских магазинах я купил глицерин, желатин, декстрин, чернила и приступил к изготовлению гектографа. Решено было «сварить» его у моего приятеля В. Мальцева*. Отец его был священником Посольской церкви в Берлине, а он жил у своего дяди Аполлинария Платоновича Крылова. Последний был домовладельцем, занимал «хлебное место» секретаря духовной консистории и был известным стяжателем. «Аполлинарий любит динарий», — говорили про него*. Изготовление гектографа и печатание на нем было делом совершенно недозволенным, и лучшего помещения, с точки зрения конспирации, о которой я имел кое-какое представление, нельзя было желать. Нужно было только работать в отсутствие главы семьи.

Сначала все шло прекрасно, но неожиданно все в кастрюле вспенилось, забурлило, плеснуло на керосинку. Через некоторое время вся квартира наполнилась удушливым дымом, прибежала прислуга, началась суматоха. Все искали, что горит. Керосинка с кастрюлей были спрятаны в печь, трубу открыли. Пришлось врать про неудавшийся химический опыт и удирать. С гораздо большим успехом ту же работу я проделал один, в садовой беседке. Гектограф был готов, журнал выпущен в 10 экземплярах. Один номер я показал Подвойскому. К моему удивлению, его очень мало заинтересовало содержание, но, перелистив все страницы, он спросил: «Печатали сами? Для первого раза совсем неплохо. Не болтайте и руки мойте после работы соляной кислотой, а то за это сажают».

Шел 1903 год. Журнал продолжали выпускать, но интерес к нему значительно ослаб: все сознавали, что сказать что-нибудь значительное, никто из нас не может из-за отсутствия знаний. Брат отошел от нас и часто пропадал. То он появлялся в компании 8-классников, постоянных посетителей пивной некоего Павла Ивановича*, то в компании самых дельных студентов. Теперь у него была своя жизнь.

Мы наметили план нашего самообразования по общественно-политическим вопросам: Белинский, Писарев, Добролюбов, Герцен, Чернышевский, народники...*. Но исполнение плана то и дело срывалось, как только кто-нибудь доставал интересный номер журнала или отиск не пропущенной цензурой статьи. Многое из прочитанного оставалось для нас непонятным. Книгу Плеханова «К вопросу о развитии взгляда на историю»* и вовсе отложили. Мало кто разбирался в вопросах политической экономии. Только в 7-м классе я с трудом осилил курс политической экономии Железнова*. А наши симпатии к народникам и марксистам были в ту пору крайне неустойчивы и определялись чисто случайными факторами: прочтет кто-нибудь политическую статью в «Мире Божьем» и готов считать себя марксистом, террористические акты против злейших реакционеров вызывали у части молодежи симпатии к эсерам. Однако главное — необходимость борьбы с царским самодержавием* — было уже ясно, и нам казалось, что мы должны принести не меньшие жертвы, чем те, которые приносили лучшие русские люди — декабристы, народовольцы и такие рабочие, как Петр Алексеев*. Дела в гимназии нас интересовать перестали. Учились мы неплохо, а в смысле знания литературы и истории были вообще вне конкуренции. Даже сочинения, написанные нами наспех, были всегда лучше, чем у большинства. Математика и физика требовали, конечно, систематического труда, однако выручала годами приобретенная ловкость в списывании и подсказках.

Объединяющим центром для нас была читальня. Я совершенно свободно ориентировался во всех газетах и журналах. Наблюдая за посетителями, я теперь интересовался не теми, кто читал либеральные газеты, а теми, кто брал «Московские ведомости» и «Гражданин», газеты «правого» направления. Редактор «Гражданина» кн. Мещерский проповедовал порку. Редактор «Московских ведомостей» Карл Амалия Грингмут издавал газету под лозунгом «Православие, самодержавие, народность»*. Мы называли таких читателей «зубры».

Приблизительно в это время брат принес и предложил мне перепечатать речь рабочего Петра Алексеева перед царским судом. Наверху «прокламации», как это тогда называлось, стояло «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Внизу подпись: «Северный комитет Российской социал-демократической партии»*. Пришлось опять «варить» гектограф, мыть руки соляной кислотой и пр. Напечатал я 100 штук. От кого получил брат прокламации и кому отдал мое изделие, я не спросил. Такие вопросы задавать даже близкому человеку считалось недопустимым. Вскоре я получил новый заказ: напечатать выдержки из брошюры Ленина «Что такое друзья народа»*. Печатать я должен был с приносимого оригинала (лист, написанный гектографическими чернилами), но что-то случилось, и мне принесли только 4 полулиста. Работу пришлось остановить, но брошюра была у меня на руках несколько дней. Это было первое сочинение Ленина, о котором раньше я только слышал «краем уха».

С товарищами, симпатизировавшими эсерам, я стал вести бесконечные споры. Оппоненты пускали в ход все премудрости, которыми владели, уличали друг друга в отсутствии логики, в противоречиях, часто переходили на личную почву, ссорились и несколько дней не здоровались друг с другом. 25 декабря 1903 года первый раз в жизни я присутствовал на тайном собрании. Привел меня туда брат. Строго говоря, ничего из того, что я себе представлял, в действительности не оказалось. Это был вечер, устроенный под видом «гостей», с рефератом о движении декабристов. Реферат читал один из либеральных профессоров лицея, присутствовали представители адвокатуры, несколько земских деятелей, студенты. Мы с братом вошли вместе с его знакомым студентом В. А. Носковым, считавшимся образованным марксистом*. Предварительно мы поджидали Носкова на улице. Боясь его пропустить, брат ходил по одной стороне улицы, я — по другой. Остановливаться или ждать у подъезда было нельзя. Мы боялись «провалиться» квартиру. Довольно сильно поволновавшись, мы все же дождались Носкова, позвонили, были впущены в парадное крыльце и по лестнице поднялись наверх. Носков представил нас хозяину, который отпустил какую-то шутку по моему адресу и предложил пройти в столовую. Боже мой! Обдуманный мной

план поведения совершенно не подходил к ситуации. За столом сидели солидные люди и пили чай. К счастью, никто не предложил его нам, и все перешли в зал, где были расставлены стулья и на маленьком столике стоял графин с водой. До этого я никогда не слышал, как говорят о литературе и политике взрослые люди, теперь же я слушал профессора*. Свободная плавная речь, сдержанные, но выразительные жесты, прекрасно продекламированные короткие отрывки из «Русских женщин», новый, неизвестный для меня материал — все было так интересно и, я бы сказал, прекрасно... Оратору пытались аплодировать, но он сделал рукой предупреждающее движение, несколько театрально показал на окна: «Пока, господа, мы еще в николаевской России».

Реферат являлся только поводом. Многим хотелось поговорить, разбились на кучки... Больше других просили высказаться высокого сутуловатого человека с узким овалом лица, довольно большим носом и клиновидной рыжеватой бородкой. К моему удивлению, оказалось, что это отец моего приятеля Илюши Шаховского, кн. Д. И. Шаховской. Я его никогда раньше не видел, но знал, что это «земец», либерал левого направления. К Илье Шаховскому я заходил иногда на дом. Дмитрий Иванович очень скромно вышел вперед и сделал несколько замечаний о предшественниках — декабристах. Его выступление сразу перевело разговор в прения. Выступил народник Скворцов. Призывая склонить голову перед продолжателями дела декабристов — народовольцами, он сказал, что террористические акты Карповича и Балмашева воскрешают лучшие традиции партии «Народной воли» в рядах ее «наследницы» — партии социалистов-революционеров*.

«Что скажут наши, — думал я, — и есть ли кто-нибудь, кто может выступить?» Я напряженно всматривался в лица присутствующих. Подходящих не было. Неожиданно рядом со мной поднялся В. А. Носков и угловато, боком, стал пробираться между стульев. «Я выступаю, — прямо сказал он, — от имени Российской социал-демократической партии, которая у декабристов унаследовала и сделала своими пророческие слова “От искры возгорится пламя”, которая строит свою программу не на основе утопических заблуждений, а на вполне научных принципах и законах о развитии общества». Носков говорил, нажимая на «о», как говорят семинаристы, а слово «социал-демократическая» произносил «с мягким знаком» после «л». Пока шла речь об экономическом базисе и политической надстройке, все было ничего, но стоило только произнести слова о необходимости свержения самодержавия, как часть слушателей, и в их числе профессор, встали и пошли к вешалке. Хозяин умоляюще, беспокойно смотрел в сторону Носкова... Кто-то довольно громко сказал: «Это бес tactно, здесь частный дом, а не площадь». Но это, однако, никак не смущило Носкова, который

спокойно продолжал развивать свои положения и закончил речь при полном внимании. «Народник», или, как его называл Носков, «легальный эсер», хотел возражать, его окружили и, видимо, уговорили не выступать. Тому пришлось заявить, что ввиду позднего часа и из уважения к покою любезных хозяев он сожалением воздерживается от интересного спора.

Расходились группами. Идти до дома было далеко, и мы говорили всю дорогу. Брат переживал проведенный вечер не меньше меня, но ему были ясны почти все детали спора, а я многоного из того, что говорил Носков, не понимал. Непонятны мне были положения о накоплении капитала и прибавочной стоимости. Объяснения брата были довольно путаны. Мы спорили, я заявил, что он сам ничего не знает, и в ответ получил «дурака».

26 февраля 1904 года японцы начали военные действия против порт-артурской эскадры. Все газеты наполнились патриотическими статьями. Исключением являлись «Русские ведомости», в которых помещались дельные статьи некоего Михайловского*. Революционная литература появлялась с большим опозданием. За весь период существования «Искры»* лично мне в руки попало всего два номера. Помню, что номер журнала «Право» со статьей Трубецкого* трудно было получить. Статья начиналась так: «Говорят, что когда японские миноносцы вошли на порт-артурский рейд, один из русских вахтенных офицеров окликнул: “Иван Иванович, это Вы?”».

В доме произошло расслоение. Дело в том, что В. М. Калинин, муж тети Вари, с полком уехал в Маньчжурию. В газетах тогда писали о военных действиях очень подробно, печатали списки убитых, раненых и награжденных. В корреспонденциях о боевых действиях очень часто упоминались названия полков. Все это делало семейную атмосферу очень напряженной. Тетя Варя ходила как тень, ни с кем не разговаривала, казалось, газет не читала. Но один раз ночью я застал ее в пустой комнате при свете свечи, обложенной номерами «Русского слова»* со списками убитых и раненых. Расслоение, о котором я сказал, заключалось в открытом осуждении войны одними (мы с братом и мама) и в заговоре молчания других (тетя Вера и тетя Нюта). Когда приходили газеты и кто-нибудь из нас начинал их читать вслух, тетя Вера поднималась с места и уходила. «Надо понимать состояние Вари, у неё муж на войне, а у нас ведутся разговоры, точно мы “япошки” какие-то проклятые», — сказала как-то тетя Нюта*.

Были призваны запасные... В офицерскую форму и огромные черные папахи оделись многие, числившиеся прaporщиками запаса. Их шумно провожали в ресторанах, по улицам разъезжали извозчики, наносились прощальные визиты. На вокзал перед отходом поезда собирались шумные компании, поднимавшие тосты за

победу «над коварным врагом», исполнявшие гимн «Боже, царя храни». Стали нередки случаи расправы за отказ снять при пении гимна головной убор и встать. Один выпивший студент, провожая отходивший поезд, кричал вслед своему приятелю: «Передавай привет генералу Куропа». Открыто осуждали бездарных генералов, издевались над коровой командующего армией Штапельтера, которую он возил с собой в особом вагоне*, иронизировали над словами Куропаткина о терпении, терпении и терпении. Из деревень в город гнали бородатых мужиков. «Казенки»* были закрыты, но на последние деньги в шинках покупалась водка, и вечером по улицам было небезопасно ходить. Деревенских и городских мобилизованных размещали отдельно от grenaderских казарм, в пустых бараках на Сенной площади и по частным домам. На воротах писали мелом: «5 человек, 8 человек, 3 человека». Купцы за большие деньги откупались у полиции от «постоя». На плацу с раннего утра маршировали и отрабатывали ружейные приемы бородачи в лохматых бараньих шапках. Целыми днями было слышно: «В одну шеренгу стройся! Ать-два! В две шеренги стройся! Ать-два». На обед ротами шли под песню: «Ура, ура, ура! Идем мы на врага. Рады помереть за батюшку-царя!». Но солдатские песни того времени не переходили в народ. Песню в простой народный быт несла шарманка: «Разлука ты разлука, чужая сторона, никто нас не разлучит, как мать сыра земля».

А по пивным и трактирам любили слушать уже новую, никому неизвестную поэтом созданную:

«Ах, зачем сдают нас в солдаты,
Отправляют на Дальний Восток.
Чем же, чем мы теперь виноваты,
Что в груди у нас лишний вершок?».

Мне дали печатать обращение к солдатам. «Сколько?» — спросил я. «Делай столько, сколько сможешь», — ответил брат. Через несколько дней я увидел на нашей улице остатки своего изделия, наклеенные на забор и сорванные чьими-то руками. Подумалось: плохо наклеивают. Я видел, как это делают рабочие у театра. Те свертывают афиши в трубочку, мажут забор клейстером и по намазанному накатывают афиши. Решил все проделать сам.

На мне старая ротонда тети Веры, дамская шапочка, платок, кринка с kleem повешена на веревочке за шею, помазок из мочала. Посмотрю кругом, никого нет, помажу забор, раз и готово. В нише ворот сидел сторож, закрывшись воротником тулупа. Прямо с ходу я вынул из кринки помазок. «Барыня, калитка-то левее, левее, милая, левее», — учтиво подал голос сторож.

О похождениях рассказал брату. Посмеялись, при нем я еще раз продемонстрировал себя в ротонде и посмотрелся в зеркало. Сходство с мамой было поразительное. Но в таинственном для меня «там», как обычно говорил брат, мои подвиги не получили одобрения. Напротив, было сказано, чтобы я не только не занимался расклейкой прокламаций, а вообще поменьше болтался на людях. Скоро мне передали шапирограф. При наличии готовых оригиналов моя производительность сильно возросла. Я приспособился работать на чердаке. Сознаюсь, скучное это было занятие. И скучное вот почему: пришло лето. В июле 1904 года был убит фактический самодержец, министр внутренних дел*. Наступила либеральная весна, или, как говорил Ленин, «период политики лисьего хвоста»: дышать стало легче, начались политические банкеты земцев, полились рекой речи, ослабла газетная цензура.

В Ярославле был замечательный студенческий хор Демидовского юридического лицея — одного из немногих высших учебных заведений в России, куда принимали окончивших духовную семинарию. Семинаристы там составляли подавляющее большинство и съезжались со всех концов страны. Много было украинцев, или, как тогда говорили, малороссов, а среди них — чудесные тенора и басы. Организатором хора и регентом являлся тот самый Николай Ильич Подвойский, с которым я познакомился в первые дни своих посещений библиотеки. Первый раз я услышал хор на студенческом вечере, в театре. Успех он имел исключительный. «Закувала та сиза зозуля» исполнялась так, что лучшего я не слышал до сего времени. Думали, что хор сорганизован только для торжественного случая, но посвященные знали, что хор существует и действует непрерывно и является полулегальной агитационной группой. То он выступит неожиданно в самом конце программы на какой-нибудь вечеринке учащихся, то на празднике в железнодорожных мастерских. А то на Волге с лодок раздается чудесное хоровое пение, и публика с бульвара стягивается к откосу набережной. Лодки же, соединившись бортами, тихо плывут по течению.

Слезами залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь — тяжелый труд.
Но вот настанет неизбежный,
Неумолимый грозный суд, —

начинают тенора, а хор подхватывает:

Лейся в даль наш напев, мчись кругом.
Над миром наше знамя реет.
И несет клич борьбы песни гром,
Семя грядущего сеет.

Оно горит и ярко рдеет —
То наша кровь горит на нем,
То кровь работников на нем...

Студенты окружены десятком других лодок, в них и мои товарищи.

В гимназии по большим переменам тоже началось пение. Уговаривались, кто пойдет прямо из гимназии занимать очередь на катанье. Я же в лучшем случае все это мог созерцать с берега. Вот что означало для меня «не болтаться на людях».

Часто в беседах и спорах ставился вопрос о возможных сроках революции. Рабочее движение ширилось из месяца в месяц. Это мы знали. Общее возбуждение было несомненно, но никто из нас не обладал даром научного предвидения, и в наших суждениях преобладали мечты. Самодержавие казалось еще крепким, возможность какой-либо уступки либералам в критический момент вероятной. Когда же? И что такое революция?

На эти вопросы мне хочется ответить именно так, как думали в 17 лет, осенью 1904 года. Революция — это свержение восставшим народом тирана, казнь его, переход политической власти к захватившим ее партиям. Между ними будет борьба, но за партией социал-демократов стоят наиболее революционные силы — рабочий класс. Именно он в лице партии социал-демократов сможет осуществить диктатуру, провести выборы в Учредительное собрание, ввести 8-часовой рабочий день и уничтожить социальное неравенство в деревне. В спорах всегда ставился вопрос: «А как быть с эсерами, либералами? Как поведет себя крестьянство? Не получится ли в России французской войны?»* Но все это были частности, главное — революция, которая в нашем представлении всегда связывалась с Санкт-Петербургом, взятием Зимнего дворца, Петропавловской крепости. Ход событий революции казался быстротечным: все будет кончено в течение нескольких месяцев. Но... С этого «но» часто начинались споры. До всего этого надо прожить лет 25, может быть, 50. А когда у меня на чердаке не ладились дела с шапирографом и вместо ясного, чисто напечатанного текста получалась сплошная мазня, то казалось, что революции не будет и через 50 лет.

Скоро стало известно, что на одной из улиц города охранка накрыла типографию. Именно этим я объяснял повышенный спрос на мои изделия.

Все эти занятия, по правде говоря, не много времени оставляли для серьезного учения. Уроки дома почти не учили, что-то подчтывали на переменах, математику делали на немецком, латынь отвечали благополучно, благодаря подстрочникам. Если в первых двух классах ранец с книгами носили за спиной, с третьего — под мышкой, то в старших классах в лучшем случае у гимназиста были в руках или за поясным ремнем 1–2 книги. Списывание и подсказки в 8-м классе прекратились.

1905 ГОД

Интересы всех связаны с японской войной и ростом рабочего движения. Большая стачка в Баку. Так представляется мне конец 1904 года.

События в Петербурге и гапоновщина* в первые дни января развернулись неожиданно. О бойне 9 января стало известно уже к вечеру. 10 января об этом знали все. Как будто прорвалась плотина... О царе почти открыто стали с неодобрением говорить даже обыватели. Прозвище «Николай Кровавый» стало обычным в левых кругах. 10–15 января мы целыми сутками печатали фотографические снимки с нелегальных рисунков, карикатур, портретов старых революционеров. С этого времени у меня устанавливаются дружественные отношения с сестрами Дидрикиль, особенно с Ниной Августовной, женой Н. И. Подвойского*. У нее и через нее я познакомился со многими лицами, входившими в состав Северного комитета РСДРП. Часть из них находилась на нелегальном положении. Из нелегальных помню некоего Николая Ивановича, Виктора Петровича (Гастева Алексея)*. Из легальных В. Р. Менжинского. Последний представлялся мне человеком образованным, владевшим многими языками и, между прочим, в совершенстве знающим греческий, читающим на память целые главы из «Илиады». Менжинский много писал в «Северном kraе»*, сочинял стихи и был большим поклонником Бальмонта и Брюсова.

По-прежнему поступали заказы на печатание прокламаций. Шапирограф не работал, и мы использовали гектограф. Я варил массу и печатал, почти не скрываясь от домашних. Иногда обнаруживал, что кто-то убирал оставленные в спешке и по небрежности следы работы. Оказалось, это дело рук тети Веры.

В гимназии говорили о революции почти открыто. Раза два устраивали во время перемен собрания. Начальство, особенно директор Высотский, было в па-

нике. По-прежнему агрессивно вел себя Климко. Учащиеся продолжали делать ему гадости: один раз положили в носки глубоких галош по тухлому яйцу, в другой прибили галоши гвоздями к полу. Все это делалось уже без моего участия. В начале марта (точно чисел не помню) после очередных издевательств Климко в здании гимназии застрелился гимназист 5-го класса Панов*, сын врача, очень жестокого человека. Начальство и учителя совершенно растерялись. Уже через полчаса учащиеся объявили забастовку. Первый раз в жизни во главе депутатии я переступил порог учительской (никто из учеников никогда в ней не бывал). Требовали немедленного удаления Климко, угрожая в противном случае выкинуть его за дверь. Оказалось, что Климко уже уехал домой. После этого он никогда больше в здании гимназии не появлялся и вскоре уехал из города*.

Приехал из Москвы брат, на виске ранка от сабельного удара. Из университета его исключили: участвовал в демонстрации, едва не арестовали. Останавливаем занятия в женской гимназии. Часть гимназисток увозят домой на извозчиках родители. Двери заперты. В окнах видны знакомые лица, машут платочками. Какой-то вес, видимо, имеет Диночка Ушакова, показывает на меня своим подругам, кричит в форточку: «Сейчас выйдем». Появляется начальница, наш директор, группа родителей: «Девочки не выйдут, пока вы не разойдетесь. От имени родителей просим не подвергать наших детей возможным эксцессам».

Решили разойтись, но неожиданно из дверей вырывается группа и бежит за нами вдогонку. Собираемся на бульваре, решаем идти в квартиру Пановых и возложить венок. В квартиру всех непускают, венок принят, но группе, которая подошла к гробу, отец Панова наговорил грубостей. Проводить гроб на кладбище пошло не менее тысячи человек: все учащиеся гимназий, студенты, интеллигенция. В толпе было много шпионов, из полиции открыто присутствовали пристав Стрельников* и 2–3 околоточных. Перед выносом из церкви было кем-то, кажется, адвокатом Огородниковым, сказано: «Администрация учебных заведений и отец покойного юноши просят на кладбище никаких речей не произносить и ограничиться молчаливым почитанием памяти трагически скончавшегося юноши». По поручению гимназии я должен был выступить с речью... Она была коряво написана, но я знал ее от слова до слова. На просьбу администрации я, конечно, никакого внимания не обратил бы, но просьба родителей поселила во мне неуверенность. Как быть?

До кладбища дошли, подпевая «Вечную память», которую тянул церковный хор. Гроб поставили у могилы, священник с особого разрешения архиерея (самоубийц по правилам церкви нельзя было отпевать) отслужил последнюю литию: «И сотвори ему вечную память». Тысячная толпа, сначала нестройно, но

быстро выровнявшись, три раза пропела «Вечную память». Гроб опустили, стали забрасывать землей. Многие плакали. Однако никто не уходил, я же пребывал в нерешительности. «Вам надо сказать первому», — услышал я тихий шепот. Это был Шаповаленко... Дальше все сделалось само собой. «От имени твоих товарищ, молодежи, я должен сказать последнее прости», — начал я. Помню, что говорил спокойно, не подыскивая слов, не вспоминая о тетрадке, где было написано что-то другое. Говорил о казенщине в школе, о произволе, о людях в футляре, о бюрократическом строе, о жертвах... Я не помню, как я хотел кончить, но какую-то особенно прочувствованную фразу слушатели, должно быть, приняли за окончание. Неожиданно раздались аплодисменты, крики протестующих: «Здесь не театр!»

Опять пропели «Вечную память». Я был взволнован до чрезвычайности. Кто-то прочел стихи, потом говорил Михайловский, студент Московского Университета. На сугробе, который высокой горой лежал на соседних могилах, стоял без шапки Артемий. Он был очень бледен. «Никто из говоривших, — начал он, — не назвал главного виновника тех бедствий и зол, которые веками терпит русский народ, никто не сказал, что этим виновником является царское самодержавие...» Пристав пытался протолкаться вперед, делал какие-то угрожающие жесты. Толпа сдвинулась теснее. «Старые устои качаются, а с ними и трон российского самодержца...», «Петербургский пролетариат не зря пролил свою кровь», «Партия социал-демократов призывает к борьбе, и ее призыв сейчас — долой самодержавие», — таких слов в Ярославле публично еще никто не говорил. Кто-то надел брату на голову чужую мерлушковую шапку. Его затерли в толпе. Привязали к трости красный флаг, пристава и околоточных толкнули в снег. Это была первая уличная демонстрация в Ярославле, пронесшая красное знамя от кладбища до главной улицы города. В конце Власьевской улицы вызванная сотня казаков разогнала толпу.

Нужно было ждать ареста. Первый раз в жизни с ведома домашних мы не ночевали дома. Но прошла неделя, нас никто не трогал, лишь у дома стали бесменно дежурить два шпика. Нужно было постигать новую науку, учиться уходить от них. Один из них обычно оставался на посту, другой шел следом шагах в 15–20. Русский шпик (официальное название «филер») — фигура, безусловно, комическая, олицетворяющая исключительную глупость той антрепризы, хозяином которой были охранка и жандармское отделение. Вербовалась эта рать из городовых, бывших жандармов и просто бездельников. Они должны были вести негласное уличное наблюдение, но одеты были так, что в 1905 году каждый юнец мог отличить их в толпе. Правда, не все они носили «горючое» паль-

то, но неизменный котелок на голове летом, барашковая шапка и всегда высоко поднятый, видимо для конспирации, воротник зимой, нередко черные или синие очки — все это при наличии здоровой красной морды, не только не делало их невидимыми, а, наоборот, предупреждало об опасности. Шагая около дома или на углу какой-нибудь улицы, промерзая от холода, они могли сниматься с места только в том случае, если наблюдаемый ими намеревался куда-нибудь пойти. Тут-то и начиналась игра: проходные дворы, пивная с задним выходом, иногда просто бесцельная, издевательская ходьба по улицам — все пускалось в ход. Так, внезапно возьмешь за 20 копеек одинокого извозчика и уедешь под самым носом шпика. Вечером тот докладывает начальству: такой-то (а все мы были в охранке под кличками — «Белый», «Голубок», «Москвич», «Корень», «Севрюга», о чем стало известно после захвата охранных отделений в феврале 1917 года) в такие-то часы «наблюдался» в таких-то местах. Неудобно было им показывать себя полными дураками, и половина отчета была откровенным враньем. Не рассказывал, например, филер о том, как в темном пустынном заливе студенты набили ему морду, а это не было редкостью. Причиной молчания о таких делах был страх перед увольнением со службы: какой же ты филер, если тебя все знают и даже бьют. Конечно, какой-то относительный вред шпика нам все же приносили, однако позднее стало известно, что причиной большинства «провалов» была работа провокаторов. Некоторые из них ловко вели дела и были раскрыты только в 1917 году. Все это прекрасно показано в картине «Юность Максима»*.

Месяцы после демонстрации до 1 мая 1905 года были наполнены таким множеством всяких событий, что я не могу даже все их перечислить. Именно в этот период я принял важное решение: главное — революция, все остальное неважно. О гимназических делах я думал мало, показывался на глаза начальству редко. Тронуть меня боялись, предвидя возможность новой забастовки, выжидали случая от меня отделаться... Был у нас такой учитель — С. В. Ермолаев, который часто предсказывал, кем кто из нас может стать в дальнейшем. В мое отсутствие его спросили: «Сергей Васильевич, а что, по-вашему, будет с Владимировым?» Прорицатель, не задумываясь, ответил: «Конечно повесят».

В апреле прошла конференция учащихся городов Ярославля, Рыбинска, Костромы, Иванова. Я был одним из ее организаторов. Квартиру для этого дал один из моих товарищей — Полежаев, проживавший в Закоторосльном районе на винокуренном заводе Пегова*. От Иваново-Вознесенска делегатом был учащийся химико-технологического училища Андрей Бубнов*, впоследствии крупный партийный работник, нарком.

Ярославль явно революционизировался. На бульваре часто слышались в темноте «Вихри враждебные», «Слезами залит мир безбрежный». На Волгу против флотилии поющих революционные песни лодок высыпался пожарный пароход «Рыбник», или, как его называли мы, «Броненосец-шпик». Он сильными струями воды из брандспойтов разгонял лодки*. Побывал я в это время впервые на рабочих массовках, сиживал в качестве «маяка» на запутанных дорожках, по которым шли туда люди с особыми приметами: платок в левой руке, ветка ветлы и пр. Так было и в день 1 мая 1905 года. Я знал, что в городе поговаривали о возможности уличной демонстрации, но я имел определенное поручение: идти на Угличский большак, недалеко от места маевки. Собирались медленно. Через меня прошло человек 30 рабочих с Дунаевской фабрики*. Остальные должны были идти другими дорогами. Оставив за себя знакомого парня, я сбежал минут на 20 посмотреть первый в моей жизни «рабочий май». Около красного знамени стояли двое, человек 75 сидели кругом. Все казалось необыкновенным: и тишина чуть зеленеющей поросли, и незнакомые лица в старых, затертых пиджаках, и струйки махорочного дыма, которыми почти все, слушая, спасались от комаров. Ораторов было двое: один, как я думал, главный, Виктор Петрович, другой — брат. Задерживаться я не мог и побежал на свое место. Солнце уже садилось когда мы вернулись в город, а часа за два до этого, на бульваре, казаки разгоняли демонстрацию. Рассказывали про избитых нагайками, про свалку, которая происходила при попытке отнять красный флаг, про упорную борьбу на воде лодочников с «Броненосцем-шпик». Мне уже было не по себе, а когда я услышал, что и у гимназистов было свое знамя, стало совсем нехорошо. От этого ли, или от пройденных за день верст я скис, захотелось скорее лечь спать.

Должно быть, меня долго будили... Я слышал какой-то особый голос мамы: «Полиция. Надо встать». Мне казалось, что она рассказывает о демонстрации, а я говорил ей: «Знаю». И снова: «Проснись, встань с кровати, с обыском в дом пришли... У тебя ничего нет?» Вот слово « обыск » и вернуло меня к действительности. В кармане куртки было несколько прокламаций... Я быстро обшарил все карманы, их не оказалось. В соседней комнате топали сапогами. Вошли пристав Стрельников, двое городовых, шпик Кульков и два знакомых пекаря. «Понятые», — понял я. В дверях стоял брат, одетый как днем. Видимо, он только что пришел домой. Я был не одет и поэтому счел за лучшее лечь и натянуть на себя одеяло.*

После выхода из тюрьмы оставаться в Ярославле не хотелось. Отец незадолго до этого был по службе переведен в Нижний Новгород, куда должна была переехать и вся семья. Надвигались большие события, в Иваново бастовали все фабрики. Брат по поручению ярославской организации благополучно перепра-

вил туда целую корзину литературы. При второй поездке, тоже удачно окончившейся, я ему сопутствовал в качестве любопытствующего добровольца. Мы оба первый раз видели массовые рабочие собрания на реке Талке. Вот она, настоящая революция... Все, что было до этого, казалось теперь детской игрой. Решено было немедленно ехать в Нижний Новгород, где были сормовские заводы, где революционная жизнь была ключом. Требовалось подготовить к этому домашних. Были представлены самые сильные доводы за немедленный отъезд: оставаясь в Ярославле, мы, безусловно, будем арестованы вновь; все нас знают, знакомые показывают на нас пальцами, шпики неотступно за нами ходят и целыми днями дежурят около дома; ну, и в конце концов, и это самое главное, все равно, где бы ни жили, от революции мы не отойдем, а здесь только будем компрометировать своими связями других. То был вечер тяжелых, мучительных разговоров. Много раз мама и тетя задавали мне один и тот же вопрос:

- Значит, ты не будешь больше учиться?
- Буду.
- Какое же учение, когда ты хочешь заниматься только революцией?
- Учиться я буду. Посмотрим, как сложится жизнь.... И в тюрьмах учатся.

Мама сказала: «Аттестат арестантам не выдают, останешься недоучкой». Во многих семьях велись тогда такие разговоры. Нелегко было отцам и детям. Тяжело было и у меня на душе... Все эти разговоры велись у нас дома и раньше, до ареста. Часто говорили друг другу обидные слова. Я был груб, на меня кричали. Я демонстративно уходил из комнаты. Однако нетерпимости, вражды не было. Было какое-то не совсем осознанное нами, детьми, дружеское отношение взрослых к нам. Проще говоря, нас любили со всеми нашими достоинствами и недостатками. После выхода из тюрьмы мне не было сделано ни одного упрека, и это был первый разговор о моем будущем. Несколько напряженных дней спустя, мама сказала (очевидно, это решение она приняла раньше): «Надо послать телеграмму папке, пусть поищет квартиру. Поедем вместе, нечего и мне тут сидеть без вас». В доме стало легко, уютно. Пришел ответ: «Квартира с 1 июля». Брату нужно было съездить в Москву, устроить дела в университете. Мама отправила с ним и меня*. Это было большой радостью. Мне хотелось сказать и сделать что-нибудь очень приятное, но это должно было быть связано с моим будущим. Выбрав время, когда мы остались одни, я сказал: «Мамочка, не думай ты о моем будущем. Даю тебе честное слово, понимаешь, самое честное слово, что я сдам экзамены на аттестат зрелости и учиться буду, как только будет возможно». Это стало возможным только через четыре года. 1 июля 1909 года после многих ски-

таний я приехал домой и положил на стол аттестат зрелости, которого меня лишила гимназия*.

В Нижнем Новгороде мы поселились на Полевой улице в доме Кромулина, рядом с новой тюрьмой*. Я подумал: «Со всеми удобствами». Впоследствии эти «удобства» действительно пришлось оценить: из окон камеры верхнего этажа, в которой я сидел в 1907 году, через невысокую сравнительно тюремную стену были видны освещенные вечером окна нашей столовой, в дни передач мне приносили пироги прямо из печки...

В городе назревали крупные события. У брата был адрес партийной явики РСДРП. Сходив по нему, он только коротко сказал: «Ну, будут дела!». На 9 июля была назначена всеобщая забастовка в память полугодовщины 9 января. По выставленным «маякам» потянулись на окраину города цепочки бастующих рабочих. Собралось несколько сот человек: ремесленников и типографских рабочих, торговых служащих, студентов, курсисток. Говорили речи. Вопреки ожиданиям все кончилось мирно. Постоял в отдалении конный резерв и уехал. Было принято решение широко объявить, что на следующий день на этом же месте будет проведена открытая массовка (слово «митинг» тогда не употреблялось).

Мы плохо знали город и, пока добрались до Острожной площади*, потеряли порядочно времени. Нас обогнал отряд конной полиции. На улицах было людно. Около одного трактира стояла большая толпа людей, по виду извозчики, мелкие лавочники. Через несколько дней они получат название «черная сотня», но тогда этого выражения в употреблении еще не было. На площади в разных местах стояли группы подозрительных личностей, около заборов и у ворот небольших домиков толпилось много любопытных. С поля по одному, по два тянулись молодые люди нашего облика: рубашка-косоворотка, шляпа или кепка (но не котелок) были своего рода формой. Девушек-курсисток, учительниц в то время также можно было сразу отличить по строгим, скромным костюмам и шляпам, резко отличным от тех, которые носили «барыни». Девушки-работницы одевались бедно, но старались подражать учащимся. «Массовку распустили, — сказал брат, — идти дальше незачем». Это было действительно так, цепочки с поля стали гуще. Подозрительные кучки сдвинулись. Те, кто втянулся на площадь, двигались как бы сквозь строй. Одни торопливо ускоряли шаг, другие делали вид, что идут по своим делам, третья, что они ничего не замечают. Но волнение и страх чувствовались почти у всех.

Нужно было найти какое-то организованное ядро. Пробираясь около заборов, сквозь толпу любопытных, расталкивая мальчишек, мы увидали своих, но тут движение прекратилось, и сгрудившиеся в поле люди стояли молча. Где-то

раздался хлопок выстрела, кое-кто побежал. «Товарищи, стоять нечего, надо по одиночке расходиться», — сказал кто-то. — Тут “баню” готовят». Дрогнули. «Товарищи, не бежать, — крикнул брат. — От партии социал-демократов предлагаю действовать вместе, организованно, а если нужно, оказать сопротивление! У кого есть оружие, вперед!» Оружие оказалось только у меня: в кармане был револьвер системы Лепажа*, у брата два патрона. Несколько человек имели палки. Мы двинулись небольшой горсточкой. С разных сторон слышались полицейские свистки. Из переулка карьером вылетел конный разъезд. Первой бросилась бить проходящих кучка во главе со здоровым мужчиной в поддевке и картузе. Это было впереди нас шагах в пятнадцати. Сбили с ног парня, и началась свалка. Нервически рыдала рядом девушка. Мужик в поддевке, замахиваясь, кого-то бил. Крик: «Не упускай жида!» Гул толпы, свистки то рядом, то дальше, смех мальчишек.... «А-а, сволочи!», — не выдержал кто-то из наших и толстой палкой ударил «поддевку». Бросились вперед. Я выстрелил в «поддевку». Все спуталось, все побежали. Скакали конные городовые...

Дороги не было, но слева мы разглядели едва заметное крыльцо и забор. Сорвавшись раза два, брат все же вскочил на него верхом и поджидал меня, однако добраться до него я не успел. Оставалось крыльцо. Я рванул дверь, которую кто-то держал изнутри, проскочил, и ее сразу заперли на крюк. Это были сени. Было почти темно, но я рассмотрел двух человек. «На чердак лестница», — сказал один. Действительно там была приставная лестница, а в потолке открытый чердачный люк. Дверь трясли, стучали, потом начали бить стекло. В квартире за дверью причитала женщина. Оставался чердак. Последним по лестнице взобрался я. Лестницу втащили наверх, захлопнули люк. Запором явился наш собственный вес. Двое стояли на люке, третий разбирал трубу и наваливал на люк кирпич...

Дверь сорвали. В сени вошли люди. Они стучали в дверь квартиры, требовали отпереть. Подобострастный женский голос: «Родимые, никого у нас нет, облизьте все... Не занимаемся мы этим ничем, и полиция нас знает». Должно быть, вошли. С улицы разбили стекло, потом еще. Голос в сенях: «Не бей стекло, не бей, говорят». Но никакие окрики не действовали. На дом сыпался град камней. Кто-то искал нас, осматривая комнаты. Мы очутились в осаде. В квартире надрывно, по-бабы, причитали женские голоса. Стук копыт, крики: «Разойдись!» Это полиция. В сенях стало тихо: все вывалились на улицу.

По чердачку я пробрался к тесовому стропилу. В середине находилось вырезанное полукругом окошечко, но подойти к нему было страшно. В нескольких местах через дыры отвалившихся из досок сучков падали пучки света. В такой глазок я увидел и услышал всю площадь. У дома стояла полиция. Спорили, кри-

чали, ругались, голосила хозяйка. Чаще всего слышалось: «Что мы, жиды что ли?», «Я до самого полицмейстера дойду!» На площади все было в движении. Кто-то бежал, за ним гнались, останавливались, сбивались в кучу. Опять бежали, махали руками, кричали «ура», сопровождали конных городовых, увозивших арестованных. Мимо пробежали двое с кольями. На земле, закрыв руками лицо, сидела женщина. Некто в белой рубашке дергал ее за растрепанные волосы, потом поволок. Мальчишки пронзительно свистели. Глаза не успевали следить за всем, что происходило.

Наш дом был явно под охраной, толпа не расходилась. Многие любопытные подходили и рассматривали следы погрома. В окна подавали выпавшие из них цветы без плошек. Из моих товарищей по несчастью один сидел на бревне, закрыв лицо руками, другой рядом со мной тоже припал к щели в доске и смотрел на площадь. Иногда он отрывался от щели и тревожно смотрел на меня. Иногда мы оба переставали смотреть и садились на корточки. Каждая новая волна криков поднимала нас на ноги. То она была далеко, я догадывался, что у тюрьмы, то близко, у «Народного дома». Время не ощущалось. Я знал, что брат не уйдет домой. Он где-нибудь тут, рядом, на дворе... А может, он уже избит, арестован? Может быть, его уже нет в живых? А дом? Сколько нам здесь еще сидеть? Пока все кончится? До темноты? «Что делать с револьвером? — соображал я. — В нем один патрон. Задержат с револьвером, будет хуже». «Надо вынуть стрелянную гильзу», — приходило озарение. «Но в стволе есть нагар, — тут же уличал я себя. — Насыпать в ствол земли и вытряхнуть ее?» Мужик в поддевке, в которого я стрелял, не выходил из головы. Им оказался один из организаторов погрома, Ключев. От моего выстрела он получил неопасную для него рану в область левой лопатки. Все это я узнал потом, а тогда, на чердаке, меня терзали сомнения: «Ранил я его или убил? Если убил, то все равно: будут брать, в себя выстрелю». Отвернувшись от соседа, я вытащил из кармана револьвер. Он заметил и погрозил мне кулаком. Потом показал рукой в угол чердака, на чердачную землю, и несколько раз горизонтально провел рукой по воздуху. «Зарыть», — понял я и отрицательно покачал головой. Следующим движением соседа было движение вокруг шеи и поднятый кверху палец. Стало не по себе. Все-таки я вынул стреляный патрон и сунул в глубокую щель бревна, пропылил ствол и снова положил револьвер в карман. Сосед сделал жест отчаяния. Где-то далеко послышалось «ура» и, нарастая, вкатилось на площадь. Мы встали к своим глазкам. Около дальнего порядка домов шагом ехала коляска, запряженная парой серых лошадей. К ней бежали с криками «ура» люди. «Господин губернатор», — прошептал сосед. Человек в коляске

встал и что-то начал говорить. Около нее нарастало разноцветное пятно толпы. От нашего дома протрусили рысью двое городовых.

Пусто и тихо. Надо выходить, пока толпа отхлынула от дома. До ближайшего переулка недалеко, затем кладбище, и я спасен. «Надо удирать», — сказал я решительно и потянул за руку соседа. Третий все сидел на бревне. «Не пойду, — проговорил он тихо, — мне не убежать. Я хромой, и все меня знают». Мы торопливо сняли с люка кирпичи. «Лестницу спускать не будем, — предложил я. — Спустимся как-нибудь». Подняли люк. В коридоре было светло, сорванная дверь держалась на одной петле. На полу грязная лужа от перевернутой кадки с водой. Я спустился в люк, нашупал ногой бревенчатую стену и опустился по ней. За мной последовал сосед. На цыпочках пройдя по коридору, он посмотрел в щель непрятворенной двери. Я тоже на цыпочках подошел к нему. «Страшно», — сказал сосед. Меня била лихорадка. В квартире послышались шаги, что-то двигали. Это дало мне толчок, я переступил порог и вступил на осколки стекла. Фасад дома походил на разбитое лицо. «Если они меня даже заметят, я успею повернуть в переулок, — соображал я. — Вот еще несколько домов, забор, и площади больше не будет». Из переулка выехал городовой. Он пересек мне дорогу, проехал несколько саженей и только потом заметил меня. Лошадь закрутилась на месте.

Отцы обоих мемуаристов:
Василий Николаевич Владимиров, чиновник особых поручений
V почтово-телеграфного округа,
коллежский советник (справа)
и Василий Михайлович Калинин,
капитан 140-го пехотного Зарайского полка. Ярославль.
Начало 1900-х гг.

Александра Евграфовна Владимирова,
урожденная Иванова, мать Сергея
Васильевича. 1910-е гг.

Артемий Владимиров,
брать мемуариста. 1905

Здание Ярославской мужской гимназии на Семёновской площади. Гимназисты в спортивном зале. Фото из альбома 1912–1913 гг.

Эту фотографию Татьяна и Нина Калинины подарили своему дяде Сереже Владимирову. Ярославль. До 1909 г.

Ярославль.

45

Церковь св. Николы Мокраго, Военного
Ведомства.

Собств. изд. Н. Д. Микерина, Ярославль.

Ярославль

Николо-мокровскія казармы

№. 75 Изд. Н. Д. Микерина по негат. А. Н. Ивановой

не пойдет и на вагончики
запасы, так приедут в Константу,
также.

Кранчукин Борисович

Кому Пажковскому Адмиралту

1916 г. / "диверс." час. ... " мин.

№ 18 Изъ Белграда

Карта . — " въ дюймъ.

Белград въ бывшемъ имѣ
ролике Ленинградскомъ
находится въ Георгиевскомъ
Кременскомъ кант. Но приблиз
но издали отъ Босфора Река
отделила Чесма 9-11 декабря
Такъ какъ Сандомиръ под
бо артилл., то было бы крайне
неблагодарно въ немъ и ищ
какъ разложить Константу,
потому какъ никакъ воинскимъ
подразделеніи со стороны
не удастъ. Тамъ Кременъ
бы неудача получена, но

Один из фронтовых
репортов пропортика
С. В. Владимирова

С. В. Владимиров с одним из Георгиевских крестов

Этот Георгиевский крест С. В. Владимирова хранится у его внучки Марии Леонидовны Толеневой

Артемий Васильевич Владимиров
(справа)

Клава Борисовна Владимирова,
жена А. В. Владимирова (сидит
справа) с сыном Юрием (в цен-
тре), дочерью Ольгой, зятем
Владимиром Борисовичем Бере-
стецким и внучкой Наташой
(сидит на коленях отца)

Сергей Васильевич и Ольга Петровна (крайняя справа) Владимиры с детьми
Валерьяном и Александрой и сестрой Ольги Петровны Мариией Петровной
Сыромятниковой (крайняя слева). Владимир, 22 июня 1941.

О том, что началась война, Владимиры узнают на обратном пути из фотографии

Семья нижегородцев Сыромятниковых. Слева направо: Александра Петровна (в замужестве Алек-
масова), Мария Петровна (после революции жила во Владимире в семье своей сестры и С. В. Влади-
мирова), глава семьи Петр Михайлович Сыромятников, Михаил Петрович, Ольга Петровна (жена
С. В. Владимирова), жена главы семьи Мария Ивановна Сыромятникова, Иван Петрович, Галина
Петровна (в замужестве Муратова), Екатерина Петровна (в замужестве Домагарова)

С. В. Владими́ров.
Владими́р. Коне́ц 1940-х гг.

Мария Леонидовна Тюле-
нева, внучка С. В. Влади-
мирова, у дома Ивановых
в Ярославле. 2002

МОЯ КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Я родился в 1886 году в городе Великом Устюгѣ бывшей Вологодской губерніи. Но так как мои родители переехали в Ярославль, когда мне было всего несколько недель от рождения, то я считаю город Ярославль моим родным городом, тем более, что в нем прошли все мое детство и юность. Отец мой всю жизнь прослужил в почтово-телеграфном ведомстве: начал телеграфистом, кончил начальником почтово-телеграфной конторы в Нижнем Новгороде. Мать никогда не служила, но всегда много работала по дому.

Первое школьное обучение я получил у частной учительницы, потом был отдан в гимназию, где проучился до 8 класса. В гимназии, класса с 5-го, я принимал участие в неразрешенных кружках, а с 1904 года начал оказывать техническое содействие ярославским большевикам. Мной было за 1904–1905 гг. напечатано много тысяч прокламаций, особенно в начальный период Русско-японской войны. В мае 1905 года ярославская охранка меня арестовала вследствие целого ряда числящихся за мной «дел». На следствии мне было предъявлено обвинение в произнесении речи противоправительственного содержания и участии в первомайской уличной демонстрации. Все это «предусматривалось» 129-й и 121-й статьями Уголовного уложения. Я был заключен в ярославскую тюрьму «Коровники» и в связи с арестом исключен из гимназии. В заключении пробыл я около 1½ месяцев и был выпущен на поруки отца до суда, как недостигший совершеннолетия. Материалы об этом периоде имеются в Ярославском историко-революционном архиве.

Вынужденный покинуть Ярославль, о чем, впрочем, жалеть не приходилось, я сначала прожил некоторое время на даче под Москвой в семье Н. А. Ди-дрикиль, теперь Подвойской. Упоминаю об этом потому, что в эти быстро пролетевшие дни, мне пришлось встретиться с рядом больших и интересных людей.

В числе их были В. Р. Менжинский, которого я и раньше встречал в Ярославле, П. А. Заломов, только что бежавший с поселения, П. И. Грожан, убитый потом в октябре 1905 года. От Петра Андреевича Заломова я и мой брат получили совет не делать попыток устраиваться в Москве, а ехать в его родной Нижний Новгород, в Сормово, где в это время разгоралось серьезное стачечное движение.

Совершенно случайно, но в эти же дни отец получил перевод по службе в Нижегородский почтово-телеграфный округ. Это очень упрощало мои взаимоотношения с семьей, и вопрос о Нижнем был решен.

В первые же дни по приезде я был вовлечен в события невиданного мною масштаба. В городе и Сормове началась массовая стачка в связи с полугодовщиной 9 января. 9 июля в городе происходили открытые митинги, 10 июля начались столкновения с организованными полицией черносотенцами.

К вечеру на Острожной площади начали погром, сопровождающийся избиениями и убийствами. Было несколько убитых и много раненых. Участвуя в рабочей самообороне, я оказал вооруженное сопротивление, стрелял в одного из главарей черной сотни — Ключева, был задержан полицией и выдан толпе. Получивши от побоев серьезные повреждения, я был арестован и помещен сначала в тюремную больницу, а потом переведен с конвоем в больницу губернского земства.

При помощи брата и товарищем мне удалось бежать. (Материал о погроме в историко-революционном архиве г. Горького.)

В июле—октябре 1905 я по работе, преимущественно технической, был связан с большевистской организацией и большим количеством ее членов. Своими учителями я могу считать т. [товарищей]: Н. А. Семашко, В. А. Десницкого («Лопата»), П. М. Лебедева, самыми близкими друзьями того времени Н. А. Латышеву, Н. И. Морозову, О. М. Генкину, рабочих-портных М. Журавлева, И. Пахомова. Большинство моих связей устанавливалось через квартиру Сыромятниковых, где была явка. В сентябре была арестована О. М. Генкина. Мне и Н. А. Латышевой удалось через наружное окно ее камеры установить с ней связь. Поздно вечером, когда часовой поворачивал за угол тюремной стены, по нашему сигналу она спускала нам бечевку, и мы успевали привязывать то, что нужно было передать. Созревал план побега.

В это время мне пришлось познакомиться с тов. Емельяном Ярославским (Губельман), приехавшим в Нижний Новгород, как агент ЦК. Он был другом Ольги Михайловны и очень интересовался возможностями ее освобождения. Я посвятил его в наши планы, которые пришлось уточнять на месте, прогуливаясь с ним около тюремного здания на базарной площади.

Трудно сказать, удалось ли бы осуществить этот побег. События развернулись такими темпами, о которых никто и думать не мог. 17 октября, по старому [стилю], Ольга Михайловна была освобождена из тюрьмы народом. В период октября-ноябрь хозяином улицы и всех общественных зданий были партии, которые работали совершенно открыто, несмотря на существование полиции. Мне приходилось принимать посильное участие в ожесточенной борьбе с меньшевиками и эсерами, но нужно отметить, что эти схватки имели чисто теоретический характер, малопонятный для широких масс. Аплодировали на митингах одинаково бурно ораторам всех партий. Расслоение симпатий началось к декабрю, когда большевиками был поставлен вопрос об организации вооруженной борьбы. Сразу отслоились либералы всех мастей, правые эсеры, часть меньшевиков. Были созданы боевые дружины, вооруженные, правда, чем придется, но состоящие из удивительных по боевому духу и стойкости людей, преимущественно рабочих.

...Мне лично в это время пришлось много бывать в деревне и в речных заливах, где зимой ремонтируются пароходы и где было много рабочих. Трудно было вести агитацию в деревнях. О земских начальниках, становых, исправниках, даже министрах слушали с интересом и одобрением, но про царя плохо говорить было часто даже опасно. Выкрик какого-нибудь кулака поднимал на ноги всю аудиторию: начинался неистовый крик, вроде: «а так ты вон про что», «царя хотите сбрасывать». Один раз в кулацком селе Бор я и мой товарищ Н. В. Цветков (Свиногон) едва не поплатились жизнью. В это же время трагически погибла в Иваново-Вознесенске О. М. Генкина. Она ехала в Москву, в Иванове сделала остановку — плохо было с поездами из-за забастовки — и на вокзале выступила перед толпой. Натравленная черносотенцами толпа зверски ее убила. Это было моим большим личным горем. После Октябрьской революции именем Генкиной были названы улицы в Горьком и Иванове.

С 7 декабря началось вооруженное восстание в Москве и, как следствие его, в Сормове и Канавине. На мою долю выпало в эти дни действовать в Канавине. Район вокзала, где были сосредоточены наши слабые силы обстреливался войсками из пушек и ружейным огнем. Мы были вооружены револьверами самых устарелых образцов.

Сейчас после войн кажется странной эта стрельба из пушек по воробьям, но все-таки то дело, которое нужно было сделать, было сделано: конечную станцию железной дороги Москва — Нижний Новгород несколько суток мы держали в своих руках.

После разгрома вооруженного восстания начались массовые аресты. Меня несколько раз пытались взять на улицах. Выручали проходные дворы и кое-какие

еще сохранившиеся квартиры, где можно было найти приют и ночлег. Близким и родным домом в это время сделался дом родителей Н. А. Латышевой. Пришлось прибегнуть к фальшивому паспорту. После перемены ряда плохо сформированных годичных паспортов я добыл надежный «вид на жительство» на имя Василия Семеновича Серова, мещанина города Мурома. Этим паспортом я пользовался ряд лет. Начался период длительных скитаний... Колитовка вблизи Нижнего, деревня Монастырка, затон около села Бор — места, где удалось продержаться до марта 1906 г. В первых числах марта мы с Ниной Алексеевной, положение которой в смысле возможности ареста было одинаковое со мной, уехали в Кострому. Там я установил связи с большевистской организацией через О. А. Кедрову — сестру Н. А. Подвойской. Из Костромы мне, в связи с проведением бойкота выборов в первую Государственную думу, приходилось по делам организации выезжать в Вичугу, Родники, где были крупные фабрики.

Забастовки не прекращались, не прекращались и массовые аресты. Некоторое время я устраивался с ночлегом по рабочим квартирам, потом создалось такое тяжелое положение, что и на улицу выйти было невозможно, и в квартирах отсиживаться стало нельзя. Две ночи пришлось провести в стогах с сеном. Пройдя верст 10 от Вичуги, я доехал поездом до Кинешмы. Видимо, был прослежен и на вокзале был арестован, но благодаря счастливо сложившимся обстоятельствам мне удалось, выпрыгнув со второго этажа из окна уборной полицейского управления, бежать. Злоключения мои, однако, не кончились. Пробираясь по имеющемуся у меня адресу на завод Бюксеймestера, дорогой, которая шла по льду вдоль берега Волги, я попал в полынью и с трудом выбрался на лед. Не останавливаясь на подробностях этого происшествия и на том, что было дальше, могу только заметить, что это было очень трудное время в моей жизни, которое я сравнил бы только с последующими годами войны. Несколько месяцев продолжались скитания по известным мне с детства местам Ярославля. Впервые пришлось совершенно самостоятельно и успешно провести забастовки на фабриках Зотова и Сакина, у станции Козьмодемьянск Ярославской железной дороги.

В мае 1906 г. в Нижнем Новгороде, в квартире аптекаря Вильбушевича прошла конференция, собравшаяся для заслушивания доклада о четвертом («объединительном») съезде партии. Арестовано было около 20 человек, в том числе и докладчик делегат съезда Строев (В. А. Десницкий), П. И. Лебедев (Лебедев-Полянский). Время политически было очень неопределенное: только что собралась I Государственная дума. Власти были в недоумении: не то можно арестовывать, не то нельзя... Губернатор Фридрикс, видимо, боялся скандала в

Государственной думе. Через неделю всех неожиданно выпустили. Из товарищем, которым удалось благополучно избавиться, как мне, от длительного ареста, помню, кроме Строева и Лебедева, В. А. Усова, Трапезникова, Яхонтова, Лежаву. Через несколько дней охранка попыталась вновь арестовать тех же лиц, но было уже поздно.

Лето 1906 года, по моим воспоминаниям, было временем чрезвычайно напряженной борьбы с меньшевиками. По складу своего характера, я безоговорочно стоял на большевистских позициях, хотя теоретически был подготовлен недостаточно. Часто я просто презирал себя за недостаток знаний, часто набрасывал разные планы самообразования, назначал сроки изучения какого-нибудь вопроса, но редко добивался поставленной цели. Не хватало элементарных знаний по политической экономии, истории вообще и истории рабочего движения на западе. Не создалось навыков к систематической работе с книгой. Иногда мне казалось, что я рад бы аресту... Пример многих товарищем, в тюрьме овладевших бездной книжной премудрости, казался мне подходящим разрешением вопроса о самообразовании. Вместе с этим я был действительно занят. За день я выполнял множество всяких поручений независимо от расстояний, необходимости строжайшей конспирации и пр.

Крупным мероприятием, в котором я летом 1906 г. принимал деятельное участие, был побег из тюрьмы латышского социал-демократа Вольдемара Лавенека, приговоренного к смертной казни. Побег, завершившийся после длительной подготовки полным успехом, доставил всем его организаторам и выполнителям много радости и гордости. Гордости потому, что это было настоящее единоборство с охранкой, во главе с ее начальником ротмистром Терещенко, впоследствии приобретшем известность расстрелом рабочих на Ленских приисках.

Конец лета и осень я провел в тюрьме, будучи вновь арестован шпицами в поле около города после рабочей массовки. В то время тюрьмы были переполнены, в одиночных камерах сидело по несколько человек, прогулки были общие. Одновременно со мной сидели: Семашко, Пискунов, Трапезников, Цветков-Свиногон, Лежава, И. Гордеев и много других лиц, представителей всех партий, их разновидностей, оттенков, до анархистов включительно. Было много так называемых аграрников-крестьян, арестованных за стихийные захваты земель помещиков и разгром их усадеб.

Вся эта масса людей непрерывно спорила, делилась на политические группировки, часто ссорилась, но почти всегда дружно выступала с протестами и обструкциями против тюремного начальства, когда оно применяло репрессии.

Я не принадлежал к категории спокойных квартиривтов, и меня несколько раз силой уволакивали в карцер под оглушительный стук в двери, протестующие крики и пение революционных песен.

Среди арестованных товарищей, независимо от их политических группировок, абсолютным авторитетом пользовался Н. А. Семашко. Он являлся нашим представителем в переговорах с тюремщиками и признавался третейским судьей во всех спорах.

В декабре месяце 1906 года мне исполнилось 20 лет, но мне часто казалось, что я очень давно живу на белом свете. По книгам я чувствовал свою связь с далекими истоками революционной борьбы, которая творилась сначала одиночками, потом группами и, наконец, массами. В 1904 году много раз в товарищеских беседах дебатировался вопрос — когда же «начнется» настоящая революция... Казалось, что это станет возможным лет через пятьдесят. Через дымку юношеской романтики, через яркие картины французской революции и коммуны рисовались неясные контуры предстоящей борьбы. И вот все на лицо... За два года я увидел большое количество настоящих людей. Многим из них я хотел подражать, некоторых считал людьми совершенно исключительными. Узнал тюрьму и привык к ней. Видел несколько раз совсем близко смерть и не так, как ее красиво описывают в книгах, а во всем ее ужасе, когда людей заколачивают ногами и камнями из мостовой. Узнал что такое голод свой и чужой. Изведал бездомность. Оказывается, два года прожить — не поле перейти! Словом, к двадцати годам я очень повзрослел. Но все, что нужно было знать настоящему марксисту или просто образованному человеку, — я знал поверхностно, с чужих слов, из мелких брошюр, из случайно попавших в руки книг. Вывод всегда был один — нужно начинать с азов.

Вторая Государственная дума просуществовала с половины февраля 1907 г. по июнь месяц. Ей предшествовала избирательная борьба, в которой большевики принимали участие и проводили своих кандидатов. По рабочей курии прошел сормович большевик И. Романов. Я делал организаторскую и техническую работу и показываться на поверхности из-за моей нелегальности мне было почти невозможно, но я все-таки почувствовал вкус к широкой полулегальной работе.

Кажется, в конце января 1907 года (или начале февраля — точно не помню) я провел около недели в Петербурге у брата. На одном из предвыборных собраний, в народном доме графини Паниной (был такой!), я первый и единственный раз видел В. И. Ленина. Он, как уполномоченный, был избран от одной из типографий, где фиктивно числился ментропажем. Я боюсь быть неточным в пере-

даче своих впечатлений, на которые сейчас наложено столько слоев чужих красок, более свежих, более ярких. Скажу только — я не знал, кто выступает, но через несколько минут был, как и большинство, покорен силой логики и особой простотой все время двигавшегося во время речи невысокого, коренастого рыжеватого человека с характерным, но однообразным жестом. После его речи ни эсеров, выступающих под видом трудовиков, ни кадетов никто не слушал. Предвыборное собрание было закрыто приставом. «Ты знаешь, кто это выступал? — спросил меня брат. — Ленин».

ВОСПОМИНАНИЯ НИНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ КАЛИНИНОЙ

ДЕТСТВО

Я родилась 1 декабря (по старому стилю) 1901 года. Мой отец, офицер запасного пехотного полка, в ранней молодости был участником Русско-турецкой, а позднее — Русско-японской войны*. Моя мать в наши (мои и моей сестры) младенческие годы была нашей воспитательницей, а затем и учительницей. Она окончила гимназию*.

Помню себя очень рано, чуть ли не с двухлетнего возраста. Так, в памяти сохранились отдельные эпизоды, относящиеся к 1903 году — времени учебы отца в офицерском училище в Ораниенбауме. Смутно помню дом, где мы жили, — красный, кирпичный; комнату, которую мы занимали, — узкую, с окном, забранным снизу решеткой, и очень широким подоконником. Я часто сидела на том подоконнике, смотрела на небо, на деревья, на летающих птиц. Вспоминаю один любопытный эпизод, показывающий особенности объемного восприятия окружающих предметов совсем маленьким ребенком. Мы гуляем вместе с мамой по берегу какого-то большого пруда, который кажется мне огромным. По пруду плавают красивые белые птицы. Они притягивают мое внимание. Вдруг одна из птиц выходит на берег. Мама занята разговором со знакомой, я выдергиваю свою руку из ее руки и бегу к птице. Переваливаясь с ноги на ногу, птица идет по берегу, я за ней. Она представляется мне такой огромной, величиной со слона. Ее красные перепончатые лапы кажутся мне невероятно большими. Птица отряхивается, изгибает свою шею и протягивает голову ко мне, ее раскрытый клюв — в моем восприятии чудовище — приближается. Я громко вскрикиваю, но от страха не могу бежать, стою на месте. Тут мама, заметив мое отсутствие, догоняет меня, хватает за руку и оттаскивает от птицы, но я еще долгое время не могу оправиться от испуга и вспоминаю это мое первое детское приключение.

Далее воспоминания путаются, отрывками мелькают в памяти тревожные дни 1905 года. Отец — в действующей армии. Мы (мама, старшая сестра и я) жили в Ярославле вместе с тетушками, сестрами матери, и занимали весь второй этаж нашего ивановского дома, принадлежавшего когда-то нашему деду — купцу Иванову Евграфу Спиридововичу. У нас были отдельная кухня, подсобные помещения и отдельный вход. В двух смежных с нашей квартирой комнатах жила средняя по возрасту тетушка — Александра Евграфовна, с мужем — почтовым чиновником и двумя сыновьями — старшим, Артемием, и младшим, Сергеем. Мальчики были старше нас с сестрой лет на пятнадцать и учились в старших классах гимназии. Они со всем пылом юности предавались революционным идеям, совершая еще неумелые, неопытные попытки революционной деятельности. Вообще же, как мне запомнилось, вся семья возмущалась существовавшими порядками, осуждала царя и власть имущих.

В угловой комнате, где жили братья, происходили шумные сходки молодежи, велись горячие споры, раздавались революционные песни, головы туманились несбыточными мечтами. Я, конечно, толком ни в чем этом не разбиралась, но меня неудержимо влекло к закрытым наглухо дверям этой комнаты. Я признаюсь: подслушивала и подглядывала. Однажды, набравшись храбрости, я приоткрыла дверь и проникла в комнату. В ней было много народа, все шумели, кричали, о чем-то спорили. Один из товарищей братьев, смеясь, посадил меня на колени и стал что-то мне рассказывать, но младший из братьев, Сереженька (так называли его в семье) без церемоний схватил меня за руку и вы проводил из комнаты, захлопнув дверь. Помню, я была глубоко обижена, зашлась слезами и долго не могла успокоиться.

В один из дней из окна, выходившего на улицу, я увидела какую-то странную и зловещую процессию. По притихшей улице шла относительно небольшая толпа. Во главе ее несли большой портрет государя-императора, какие-то флаги, церковные хоругви, нестройными голосами пели «Боже, царя храни». Тетушки и мама взволнованно перешептывались: «черносотенцы». Что это такое, я тоже, естественно, не понимала, но воспринимала, как и все взрослые, как что-то плохое и постыдное.

Всплыает в памяти картина: у нас в комнатах почему-то под подоконниками разостланы матрацы, на них сидят и лежат какие-то люди — мужчины, женщины, дети. Позже узнала, что в городе боялись еврейского погрома, и у нас в квартире скрывались еврейские семьи, проживавшие в наших домах. Сколько времени это длилось, не помню, но, очевидно, все обошлось благополучно, и погрома в нашем городе и районе не было*.

Оживает еще одно смутное воспоминание — топот ног бегущих по улице людей, шум, крики: «хватай» и «держи». Затем частый, отчаянный стук в дверь парадного входа (в то тревожное время двери запирались на засов). В комнатах суматоха. Что происходит, я не понимаю, но, подчиняясь общему настроению, охвачена испугом и даже ужасом. Одна из тетушек, старшая по возрасту, маленькая, проворная Анна Евграфовна накидывает на себя пальто и стремглав спускается по внутренней лестнице к парадному входу. Слышно, как она откидывает щеколду, крики и шум врываются в дом. Сышен голос тетушки: она на кого-то кричит, затем со стуком закрывает дверь. Крики на улице возобновляются, в двери стучат, затем шум понемногу затихает. По лестнице в наши комнаты поднимается Анна Евграфовна и вместе с ней какой-то молодой человек в студенческой фуражке и тужурке. Он бледен, ничего не говорит. Тетушки проводят его в столовую, а нас с сестрой отправляют в детскую. Мы испуганы, ничего не понимаем. Годы спустя узнаем, что за молодым человеком гналась разъяненная толпа черносотенцев, готовая его растерзать. Тетушка буквально спасла ему жизнь. Какое-то время он жил у нас в доме*.

Ни я, ни сестра смысла происходящих событий не понимали, но вместе со всеми членами семьи испытывали в это время какую-то тревогу, страх. Братья часто исчезали из дома и также неожиданно, иногда по ночам, возвращались. Что они делали, что происходило вокруг, конечно, было недоступно ни моему, ни сестриному детскому сознанию.

Смутно вспоминаю еще одно событие — тяжелую болезнь мамы. Насколько знаю, она болела воспалением легких. Воспоминания доходят отрывками. Почему-то она лежала не в нашем основном доме, а во флигеле на втором этаже. Помню беспокойство, тревогу тетушек. Нас с сестрой иногда приводили к постели мамы, но я не воспринимала серьезности обстановки, мое внимание привлекали изразцы печей флигеля: они были разукрашены яркими красками, изображали диковинных птиц, животных, деревья, и, пока мы были в комнатах больной мамы, я часами могла рассматривать эти картинки.

На короткое время из действующей армии приехал отец и быстро уехал обратно. К тому времени мама стала уже поправляться. Возвращение отца вспоминаю очень четко. Он привез издалека подарки, по тем временам очень скромные. Маме он подарил китайский зонтик с плоским верхом, на нем шелком были вышиты аисты и розовые цветы. Сочетание красок давало ощущение солнечного яркого освещения. Мама получила в подарок и красивый веер в том же стиле. Маленькие веера папа привез в подарок и нам с сестрой, но мы тут же их сломали. В будущее приданое сестре и мне он привез отрез розового блестящего шел-

ка с вытканными на нем мелкими цветочками. Но вещью, которая целиком поглотила мое внимание, был альбом в темно-красном переплете. Я и сейчас хорошо его помню: переднюю обложку образовывала рамка, обрамлявшая вмонтированный в нее японский пейзаж в черно-белых тонах на стальной пластинке; в рамке под блестящим лаком темно-вишневого цвета просвечивали красные цветы. Альбом казался мне чудом. В самом альбоме были не фотографии, а выполненные краской тончайшей работы картинки быта японской жизни той эпохи. Помню, что одна из них изображала двух японочек с раскосыми глазами и замысловатыми прическами, в ярких, изумительной расцветки кимоно. На другой была представлена спальня японок с постлаными на полу циновками и особыми подставками для головы вместо подушек. На эти подставки женщины клади шею, оставляя в неприкосновенности сложные сооружения причесок. Третья картинка изображала рикшу, везущую коляску с пассажиром. Почему-то эта картинка всегда вызывала у меня невольный стыд: человек вез другого человека, как лошадь.

Отец привез нам также зверинец — искусно сделанных разнообразных зверей. Этот зверинец долго служил нам игрушкой и имел немалое познавательное значение, давая наглядное представление о многообразии животного мира.

Следующие мои воспоминания относятся уже к возвращению с войны отца весной 1906 года. Отец, вначале офицер пехотного полка, участвовал в Мукденском сражении, а потом был назначен смотрителем военного госпиталя*. В те времена во главе госпиталей не обязательно должен был стоять врач, обычно эти должности исполняли офицеры-интенданты. Как я узнала впоследствии, эти смотрители госпиталей в военной обстановке, как правило, были казнокрадами и, управляя хозяйством госпиталей, сколачивали себе целые состояния. Отец, напротив, был предельно честным человеком и не только не прикасался к казенным деньгам и довольствию солдат, но нередко из своих скромных средств докладывал то немногое, что мог, для улучшения питания и содержания раненых. Мать иногда его оговаривала, напоминая об интересах семьи, но, в общем-то, соглашалась с его образом мышления и поступками. К сожалению, он прожил с нами очень недолго, всего года полтора, и внезапно умер в относительно молодом возрасте. Детская память бережно сохранила все, что связано с его недолгим пребыванием в семье.

Лето 1906 года мы провели вместе с отцом в дачной местности на берегу Волги под Ярославлем. Жизнь текла мирно, без каких-либо событий. Осенью мама, сестра и я поехали к месту нового назначения отца, в глухую провинцию, в маленький городок Скопин Рязанской губернии. Отец к тому времени, как

участник двух войн, дослужился до чина подполковника, но, насколько я понимаю, был на плохом счету у начальства: он относился к разряду либеральных офицеров, тяготился служебной муштрай, с большим сочувствием, хотя и не показывая этого явно, относился к тяжелой солдатской доле.

Снимали мы квартиру в доме очень оригинальной постройки. Дом принадлежал какому-то богатому лесопромышленнику. Особенность здания заключалась в том, что вход в помещение был со двора на первом этаже, когда же мы попадали в наши комнаты, то оказывались уже на втором этаже, так как дом был построен на склоне холма. Квартиру, занимаемую нами, я не только не любила, но даже как-то боялась. Это была анфилада комнат. Особенно не нравилась мне самая дальняя, угловая комната, так называемая гостиная. Она была скучно меблирована, плохо отапливалась и всегда вызывала у меня ощущение холода и какой-то пустоты. На одной из стен висела большая картина полуголой женщины, на нее мне всегда было немного стыдно смотреть. Все остальные стены гостиной были украшены рисунками отца: он был художник-самоучка и очень неплохо рисовал масляными красками. В основном это были пейзажи, чаще всего полей, залитых светом яркого летнего солнца. Рамки к картинкам также были самодельными с затейливым разноцветным орнаментом. Эти рисунки отца как-то смягчали несколько мрачноватый вид всей комнаты.

Рядом с гостиной была наша детская, обставлена предельно просто. Вдоль двух стен стояли наши кроватки, у третьей стены — кровать нашей няни. Я, очевидно, в то время была еще настолько маленькой, что спала в детской кроватке, в которой сетку заменял натянутый между прутьями чехол розового цвета. Моя кровать стояла напротив окон, и то, что происходило в комнате, я могла видеть, только встав в кровати и держась ручонками за чехол. Окна в комнате почему-то ничем занавешены не были, а я была впечатлительным и нервным ребенком. Лунный свет свободно проникал в комнату, оставляя блики на стенах, на полу, придавая предметам причудливое очертание. Помню, я пугалась, просыпалась ночью от каких-то странных звуков, вскакивала в кроватке и видела блуждающие по комнатам темные тени. Во власти детского страха я вскрикивала, начинала плакать и этим очень досаждала няне — пожилой, спокойного характера женщине. Как-то ночью в окно я увидела далекое зарево пожара, мне показалось, что в клубах дыма и пламени к нашему дому приближается страшный сказочный Змей Горыныч. От испуга я даже не могла плакать и, сидя в кроватке, молча ждала, когда за окнами забрезжит рассвет, предвещающий наступление дня. Обычно, измученная пережитыми ночных ужасами, я успокаивалась и засыпала под утро крепким сном. Мама, более строгая воспитательница, чем

отец, требовала от окружающих не обращать внимания на мои ночные страхи. Но отец, не выдерживая моего плача или крика, подходил к моей кроватке, закутывал меня в одеяло и относил к себе в постель, где я, успокоенная его соседством и ощущением тепла, забывалась спокойным благодарным детским сном.

Уклад жизни и нравы в офицерских семьях полка, где служил отец, вероятно, мало чем отличались от тех, что были описаны в знаменитой повести Куприна «Поединок». Мы жили замкнуто, мама почти совсем не общалась с полковыми дамами, во всяком случае, я не помню, чтобы кто-нибудь из них приходил к нам в гости запросто. Полагаю, что такая изоляция от «полкового общества» едва ли была на пользу отцу.

Все домашнее хозяйство в семье вели мама и няня. У нас жил еще папин денщик Василий. В отличие от других офицерских жен, мама никогда не использовала Василия на домашней работе. Он ухаживал за лошадью отца, колол дрова, топил печи, словом, выполнял в доме только чисто мужскую работу. Отец и мать обращались с ним как с равным. Питался он с нашего стола. Отец был хороший наездник. Помню, нам с сестрой очень нравилась его лошадка, небольшая, стройная, рыжей масти, по кличке Султан. Мы часто прибегали к Василию, когда он чистил лошадь, задавал ей корм. Я протягивала Султану на раскрытой ладонке кусочек хлеба или сахара. Лошадь деликатно мягкими губами снимала с руки лакомство. Прикосновение ее губ, запах лошадиного пота, постукивание копыт по подстилке вызывали у меня особые ощущения. Мне очень хотелось научиться ездить верхом, но жизнь сложилась так, что мне так никогда и не удалось этого сделать.

Мы с сестрой очень дружили с Василием. Вечерами он мастерил нам из дерева нехитрые игрушки — человечков, зверюшек, и мы с увлечением ими играли. Вообще игрушек, кроме зверинца, который отец привез из Японии, у нас было мало. Однажды мне подарили большую, нарядную, в розовом платье куклу. Кукла открывала и закрывала глаза, когда же дергали за бусинки на шнурках, прикрепленных к ее туловищу, произносила слова «папа» и «мама». Меня преследовало желание узнать, что приводит в движение веки ее глаз и как она говорит. Не долго думая, я сняла с куклы нарядное платье и, к своему разочарованию, увидела простое матерчатое туловище, к которому были пришиты руки и ноги. Не отступая от задуманной цели, я решительно взяла ножницы и распорола туловище куклы. Из него посыпались какие-то опилки, пружинки, пластинки, и кукла превратилась в простую неказистую тряпочку. Я испытала горькое разочарование и с досады таким же манером разделась с другой куклой. Конечно, от мамы мне попало, вместе с тем я надолго утратила вкус к игре в куклы.

Старшую сестру Таню, бывшую на полтора года старше меня, решили учить читать. Она вместе с мамой сидела за столом и постигала азбуку, я же сидела напротив и, глядя в букварь, очень быстро усвоила буквы, а затем и научилась читать по слогам, но только наоборот, держа книгу вверх ногами. Понадобилось какое-то время, чтобы отучить меня от этого.

Жизнь текла размеренно, без происшествий. Вечером отец, приходя со службы, переодевался в теплую, мягкую, приятную на ощупь тужурку, читал, играл с нами. Иногда к нам приходили рядовые солдаты. Я с любопытством разглядывала их. Обычно они просили отца то написать письмо, то дать совет в семейных делах. Помню, один солдат пришел к папе и, рассказывая о своем несчастье, заплакал. Мне было страшно видеть крепкого, здорового мужчину в слезах. Оказывается, у него дома в деревне сдохла корова, и многодетная семья осталась без единственной кормилицы. На лице отца я видела страдание, по натуре он был очень добрым человеком. Отец дал солдату денег на покупку коровы. Мама за эту корову папу потом журила, напоминая о необходимости в первую очередь заботиться о семье, о детях. Папа хмурился, но между ними скоро восстановился мир.

В ту же зиму Василий получил письмо из деревни, сообщавшее о какой-то беде, о необходимости ехать домой и уладить какие-то дела. Что это были за дела, я, конечно, не знала. Отец выхлопотал у командования полка отпуск Василию. Василий уехал, как тогда говорили, «на побывку домой». Нужно было заменить его, хотя бы для того, чтобы ухаживать за лошадью. Помню, тогда к нам в дом началось паломничество солдат: приходили, предлагали свои услуги, зная, что родители к солдатам относились по-человечески и Василию у нас жилось хорошо. Отец взял временно без выбора первого попавшегося солдата. Подошел срок окончания отпуска Василия, но он не вернулся. Отец очень нервничал: по строгим законам того времени отец должен был сразу доложить об этом по командованию, и Василия отдали бы под суд. Что было делать? Отец объявил себя больным и не являлся на службу. Василий вернулся только дней через пять. Оказывается, были снежные заносы, поезда не шли, и он прождал на каком-то полустанке все эти дни. Однако подобные обстоятельства во внимание не принимались, и, если бы папа подал рапорт в срок, как полагалось, Василий ответил бы по всей строгости закона.

Лето 1907 года мы провели вместе с отцом в лагере полка. Помню, это была унылая местность — плоская равнина, поросшая бурьяном. Мы жили в небольшом домике в дачном поселке из 4–5 домов. Вокруг дачи был небольшой фруктово-ягодный садик с грядками переродившейся клубники, кустами сморо-

дины и крыжовника. Несмотря на запреты мамы, я с превеликим удовольствием лакомилась ягодами. На одном из кустов смородины пара птичек свила себе гнездо, и я с осторожностью подкрадывалась к кусту, с любопытством наблюдая, как птичка сидела на яичках, как из них затем вылупились голенькие с длинными шеями и раскрытыми желтыми клювами птенчики, жадно глотавшие корм, приносимый родителями. О своей находке я никому не сказала. Птички, очевидно, привыкли к моему присутствию и не обращали на меня внимания. Я часами наблюдала за жизнью птичьей семьи. Вскоре птенчики покрылись пушистым пухом и стали похожи на маленькие шарики, затем у них подросли крылья, они стали выпархивать из гнезда и в один прекрасный день вместе с родителями куда-то улетели. Гнездышко опустело.

Привлекло мое внимание и еще одно место. В саду стояла землянка-кухня, в которой жил Василий. Около землянки в землю была вкопана большая бочка, наполненная водой. Вода покрылась тиной, стала зеленой, и в ней с непостижимой быстротой сновали головастики. Василий говорил, что из головастиков вырастут лягушки, но я никак не могла понять, каким образом головастики могут превратиться в лягушек. Это походило на сказку о царевне-лягушке. Маленькие дети обладают особым чувством восприятия окружающей природы, недоступным взрослому человеку. С возрастом эти чувства притупились, и я уже никогда не испытывала того радостного ощущения бытия, восприятия солнечного света, полного единения со всем живущим — деревьями, цветами, птицами, этого свободного дыхания раннего детства. Помню, я задавала себе вопрос, кто же я, чем отличаюсь от других, что живет внутри меня, моего «я», и не могла ответить на эти вопросы. Вероятно, многие дети переживают подобные состояния, и мы, взрослые, о них не подозреваем, раздражаемся, когда малыш копается в земле, в грязи, не понимая, что это и есть его первое самостоятельное познание жизни.

Мы с сестрой, как я уже отмечала, очень дружили с Василием. Он рассказывал нам сказки, знакомил нас с бытом и жизнью крестьян деревни, откуда он был родом. В лагере, вероятно, в связи с некоторыми трудностями в доставке продуктов офицерским семьям, Василий питался в солдатской кухне. Солдат кормили хорошо. Помню, Василий каждый день приносил из солдатской кухни два котелка: один с жирными наваристыми щами, другой — со сдобренной маслом кашей и большим куском мяса. Он устраивался на скамеечке,ставил котелки на чурбан и ел деревянной ложкой. От еды исходил вкусный, ароматный запах. Я с жадностью смотрела на Василия и хотела обедать вместе с ним. У мамы я потребовала, чтобы мне еду давали в деревянной плошке с деревянной ложкой. Моим чудацествам пошли навстречу, так как я вообще была физически слабенькой и

плохо ела. Подражая Василию, я ела суп из деревянной чашечки, а расписная деревянная ложка придавала еде особый привкус можжевельника и лака.

В конце августа командование полка решило провести учебную артиллерийскую стрельбу. Орудия установили возле нашего домика, у самой ограды. Мама строго-настрого запретила нам приближаться к этому месту. Старшая сестра Таня, более спокойная и послушная, как правило, следовала приказаниям и наставлениям мамы. Я же в день учений все же пробралась сквозь кусты к ограде и смотрела, как солдаты заряжали орудия снарядами, как из жерл пушек при выстреле вырывался столб пламени. От грохота залпов в окнах нашего домика полопались стекла.

Вскоре мы вернулись обратно в нашу городскую квартиру, которая показалась мне еще менее привлекательной, чем раньше. Дни шли чередой. В начале декабря (кажется, 8-го числа по старому стилю) был «Варварин день» — день именин мамы (ее полное имя было Варвара Евграфовна). Было решено пышно отпраздновать этот день, пригласили много гостей. В детской, из которой вынесли кроватки, расставили столы. На кухне шли спешные приготовления: мама и няня были заняты, а нам была предоставлена относительная свобода. Возможно, именно в эти дни я и производила свои манипуляции с куклами, вспарывая им туловища и высыпая опилки. Сам праздник, шум от гостей не произвел на нас впечатления. Мы с нетерпением ожидали сладкого блюда — мороженого, которое по тем временам было редким угощением и доставило нам большое удовольствие. К вечеру от суматохи и шума в комнатах мы устали и были очень рады, когда гости наконец разошлись и нас уложили спать.

Почти сразу после именин мамы отец поехал в командировку в Москву для закупки подарков детям на Рождественскую елку в офицерском собрании (он был не то председателем, не то членом правления этого собрания). Через несколько дней он вернулся, и наша гостиная заполнилась ящиками, коробками, из которых папа извлекал и показывал нам подарки, которые предстояло раздать детям на «елке». Моим глазам представилось все великолепие детского игрушечного мира: паяцы в колпаках с бубенцами, лошадки, куклы в различных одеяниях. Мы были поглощены этим зрелищем, тем более, что своих игрушек у нас было немного. В углу гостиной уже стояла приготовленная для нас большая елка, предполагалось устроить в нашем доме собственный детский праздник. Но всему этому не суждено было сбыться. В один из вечеров отец ушел по делам и долго не возвращался, мама стала беспокоиться, не ложились спать и мы, разделяя с мамой ее тревогу, предчувствие беды. Поздно вечером в дверь квартиры постучали, в комнату вошли товарищи отца с взволнованными, расстроенными

лицами. Отца среди них не было. По их знаку нас сейчас же удалили из комнаты, мама заперлась с ними в столовой, а няня поспешила уложить нас спать. Сквозь сон я слышала крик и рыдания мамы, а на следующее утро нам сказали, что наш пapa скоропостижно умер. Он возвращался с товарищами домой, по дороге упал и, не произнося ни слова, тут же скончался. Что такое смерть, я по-настоящему не понимала, но по отчаянию мамы, по лицам окружающих, их поведению, со-зывала, что произошло нечто страшное и непоправимое.

Мама пожелала, чтобы тело отца было отправлено в Ярославль и похоронено на кладбище рядом с могилами близких людей — дедушки, бабушки и других родственников.

Полк торжественно провожал отца. Мы с сестрой и няней стояли на пригорке и видели всю печальную процессию. Оцинкованный гроб стоял на белом катафалке, который везли две пары лошадей в черных попонах. Над катафалком во все время шествия несли смолистые факелы, от которых вверх поднимались дым и языки пламени. Не знаю, что больше потрясло тогда меня, потеря отца или это зрелище. За катафалком шли провожающие: офицеры, рядовые солдаты. Многие из солдат плакали, и шедший впереди их Василий не скрывал своих слез. Он был очень привязан к отцу и к нашей семье, и уже после того, как был демобилизован, специально приехал из своей деревни навестить нас.

После проводов отца мама поспешила вместе с нами уехать в Ярославль. Наша поездка, прибытие в Ярославль стерлись из памяти, я не могу припомнить ни похорон отца, ни того, как встретили нас в Ярославле. Начинался новый этап моего детства — в старом ивановском доме.

ИВАНОВСКИЙ СТАРЫЙ ДОМ

Мне было уже 6 лет, поэтому я хорошо помню наши дома. Два из них выходили фасадом на Рождественскую улицу: основной дом с первым этажом кирпичной кладки и деревянным, обшитым досками вторым этажом, покрашенный в темно-коричневый цвет, и почти рядом одноэтажный дом (флигель), но значительно меньших размеров, чем первый*. С задней стороны домов простирался довольно обширный квадратной формы двор, летом покрывавшийся зеленой травой, обрамленный хозяйственными постройками — салями, погребами. В глубине двора стоял двухэтажный старинный дом. Кирпичные стены в полтора метра шириной, узкие прорези окон второго этажа, обрамленные рамкой кирпичной кладки с витиеватым орнаментом, сводчатые потолки придавали этому

зданию общее впечатление массивности, строгости, даже величавости. Постройка относилась ко времени царя Алексея Михайловича и являлась образцом гражданской архитектуры того времени. С фасада здания была пристройка с лестницей, ведшей на второй этаж, в котором помещались две квартиры. В одной из них жила семья ремесленника кустарной мастерской по производству канатов и веревочных ремней к машинам. Это была достаточно обеспеченная семья. Во второй квартире жила большая семья еврея-портного. В нижнем этаже размещалась небольшая полуподвальная квартира и огромный подвал со сводчатым потолком. В нем было холодно даже летом, поэтому здесь хранились бочки с разными соленьями: капустой, огурцами и пр. На расстоянии 5 метров от этого дома находился небольшой сад, когда-то служивший предметом забот и ухода дедушки, отца матери. К тому времени, когда я его помню, яблони, кусты сирени и малины переродились. Осеню сад становился местом набегов дворовых и соседних мальчишек, опустошивших и без того скромные урожаи яблок с еще плодоносивших яблонь. В самой дальней части сада стоял маленький домик дворницеей, а перед ним был пустырь, к осени заставший огромными, почти в человеческий рост лопухами и бурьяном. Сад был моим любимым местом игр.

В нашем основном доме первый этаж занимали две лавки — булочная и бакалейная с мелкой розничной торговлей. Любопытна история семьи лавочника, характеризующая нравы того времени. Жену лавочника, полуинтеллигентную женщину из семьи служащего, выдали замуж по сватовству, якобы за чиновника. При посещении на следующий день после свадьбы работы мужа она к своему удивлению и огорчению обнаружила, что муж ее никакой не чиновник, а работает в присутствии не то дворником, не то швейцаром. Энергичная женщина не растерялась. Она заставила мужа уйти с работы и основать на ее скромное приданое собственное торговое предприятие. Благодаря ее энергии и огромному трудолюбию, торговля процветала, и, сколько я помню, семья эта постоянно жила в нашем доме. Второй этаж дома занимала наша квартира.

Во флигеле рядом помещение на втором этаже сдавали в наем, в нем обычно проживали семьи разных служащих. В первом этаже жили постоянные жильцы — многодетная семья портного. Ежегодно его жена, суеверная, крикливая женщина, производила на свет очередного младенца, и численность семьи неизменно возрастала. Поистине оставалось загадкой, как семьи двух портных, еврейская и русская, при наличии единственного кормильца в каждой могли существовать. Однако я помню, что дети, хотя и были плохо одеты, не голодали и, дружа друг с другом, затевали во дворе шумные игры и забавы.

Все эти дома достались моей матери и тетушкам в наследство от дедушки*. Мы с сестрой родились, когда ни дедушки, ни бабушки в живых уже не было. В семейном альбоме был портрет дедушки — мужчины огромного роста. Говорили, что он обладал большой физической силой, происходил из сибирских крестьян-староверов. В молодости он был таежным охотником на пушного зверя, с одной рогатиной ходил на медведя. Бабушка, судя по портрету, маленькая, кругленькая женщина, происходила из богатого староверческого рода, из скитов*. После свадьбы чета перебралась в Ярославль, где дедушка основал крупное лесное хозяйство с большими складами древесины. К концу жизни он разорился: его компаньон какими-то ловкими мошенническими проделками присвоил себе весь наличный капитал, и дедушка мог оставить в наследство своим дочерям только описанные мною дома*. Дохода они почти не приносили. Дедушка, очевидно, был строгий, но справедливый человек. В те далекие времена, когда не было железной дороги и сообщение между городами поддерживалось гужевым транспортом, дедушка имел какое-то отношение к так называемой Ямской слободе, где раньше жили ямщики, а позже извозчики города*. Даже многие годы спустя после смерти дедушки память о нем среди извозчиков сохранялась. Бывало едем мы с мамой или с тетушками на извозчике, а он, узнав, что мы из ивановского дома, с большим почтением и уважением говорит: «А это не Евграфа ли Спиридоновича дочери? Справедливый и хороший человек он был».

Я также отлично помню расположение и обстановку наших комнат. Парадное крыльцо выходило прямо на улицу, деревянная лестница вела на второй этаж, в нашу квартиру. Первым помещением была большая прихожая, скучно освещаемая одним окном. Задняя часть прихожей отгораживалась большими шкафами, в которых хранились одежда и множество старинных вещей. В узком пространстве за шкафами стоял сундук с наиболее ценными семейными вещами, кухонный столик и необычайных размеров умывальник с медным рукомойником. Из этой части прихожей дверь вела в столовую. Две другие двери из прихожей открывались в детскую, спальню и гостиную комнаты. В детской стояли простые железные кровати с матрацами и перинами на досках и кровать-раскладушка нашей тетушки Анны Евграфовны (ее семейное прозвище — Косенька). Небольшой письменный столик и старинной работы туалет дополняли обстановку. Гостиная была мрачной комнатой с окнами, затемненными большим количеством домашних растений. В одном углу стояла на подставке большая пальма с раскидистыми лапчатыми листьями. У внутренней, смежной с прихожей стены находилась постель мамы (она спала в гостиной). На двух стенах висели большие зеркальные трюмо. Мебель была красного дерева с темно-вишневого цветашелковыми подушками.

У среднего окна стоял круглый стол, покрытый плюшевой красной скатертью. На нем — оригинальной формы настольная лампа: основанием служила отлитая из чугуна изящная статуэтка трубочиста, который на одном плече держал резервуар лампы с красивым абажуром в виде тюльпана. Когда лампу зажигали, гостиная становилась уютной, окрашивалась в мягкие красные тона. Когда же было темно, гостиная выглядела пугающе: в свете раскачивающегося на ветру уличного газового фонаря тени растений приобретали причудливые очертания, придавая комнате сумрачный вид, создавали ощущение, что здесь затаилось нечто небедомое. Помню, я боялась через нее проходить.

Обстановка столовой была очень простой. Около двух окон стояли большие виноградники* и между ними деревянный диванчик. Середину комнаты занимал огромный стол с висячей лампой над ним. Стол был так велик, что за ним свободно помещалась не только вся семья, но и многочисленные частые посетители — друзья нашей семьи. У одной стены стоял узенький, изогнутый, бочкообразной формы диванчик, на котором спала тетя Вера. Напротив — рояль, у четвертой стены — буфет старинного фасона с красивой чайной посудой различной формы и рисунка. Столовая сообщалась с прихожей гостиной и комнатой, прилегавшей средней по возрасту тетушке Шуре. Когда мы только вернулись в Ярославль, тетя Шура вместе с мужем дядей Васей жила в Нижнем Новгороде, поэтому ее комната, обставленная мебелью, обитой серым шелком, пока пустовала. Наши двоюродные братья к тому времени уже окончили гимназию и учились на юридическом факультете Петербургского университета. Из разговоров тетушек и мамы я знала, что они принимали активное участие в революционной деятельности. Артемий (Тютик по семейному прозвищу) был меньшевиком, Сергей, как более решительный по характеру, — большевиком*. Деталей их партийной работы не знаю, но в разговорах старших упоминалось об их встречах с крупными революционерами того времени (Н. И. Подвойским и даже В. И. Лениным)*. Подробности их партийной жизни мы, дети, не знали, но понимали, что борьба с царской властью, в которой они принимали участие, была связана с большим риском.

Комната тети Шуры сообщалась с двумя смежными комнатами, имевшими отдельную кухню и прихожую с выходом во двор. Эти помещения периодически сдавались в наем разным жильцам. Из столовой был выход на черный ход. Через маленькую площадку столовая также сообщалась с комнатами, которые сдавались жильцам. Но основное назначение этого хода составляла связь с расположенной в первом этаже кухней. Непостижимо, как тетушки каждодневно непрерывно сновали по узкой крутой винтовой лестнице из столовой в кухню и

обратно. Каким образом удавалось проносить по этой темной, без всякого освещения лестнице горячие блюда, миски с супом, стопки тарелок, избегая падений, битья посуды. Только ежедневная долголетняя тренировка могла позволить производить это без происшествий. Теперь, подходя к этому уже с врачебных позиций, я глубоко убеждена, что эти непрерывные вынужденные физические упражнения позволяли тетушкам в уже преклонном возрасте сохранять полную физическую активность и предохраняли их при обильном питании от излишнего веса.

Описание комнат нашей квартиры было бы неполным, если бы я не остановилась на иконах, находившихся во всех углах комнат. Это были большие образа в массивных серебряных ризах. Одна икона, висевшая в гостиной, привлекала особое внимание представителей археологического товарищества, приезжавших в наш дом из Москвы. Икона изображала во весь рост двух святых в монашеском одеянии. Насколько помню, это были монахи Евстафий и Савватий, державшие на вытянутых руках небольшой макет монастыря*. Лица монахов, их одежды, церкви монастыря отличались тонким, четким рисунком, и, по мнению ценителей старины, икона являлась уникальной и имела большое историческое значение. Во время пожара в дни Ярославского восстания она сгорела, как и многие другие памятники старины, имевшиеся в нашем доме.

В возрасте от 5 до 8 лет я была живой, общительной девочкой, легко входившей в контакт со сверстниками. Я рано научилась бегло читать и с жадностью поглощала все доступное для чтения. Добрейшая тетушка Косенька снабжала меня многочисленными книгами из детской городской библиотеки. Это были, в основном, приключенческие повести и рассказы, описания путешествий, детская литература того времени. В 8–9 лет я уже пробовала читать русскую классику, не считая Пушкина и Лермонтова, многие стихотворения которых я знала наизусть. Я пыталась знакомиться с такими произведениями, как «Обрыв» Гончарова, повести и рассказы Тургенева, «Детство и отрочество» Л. Н. Толстого и даже «Война и мир» и «Анна Каренина». Многое, конечно, я не понимала, образы и события воспринимались мною по-детски прямолинейно, голова же в основном была заполнена увлекательными приключениями, путешествиями. Фантазия у меня была неисчерпаема. Помню, в долгие зимние вечера я из стульев, шали, одеял сооружала кибитку, в нее «запрягала» кресла-лошадей, одевалась сама и заставляла сестру Таню одеться в длинные тетушкины юбки, салопы*, платки. Мы залезали в «кибитку», и я воображала, что мы едем зимней лунной ночью в снежном поле: от лошадей поднимается легкий пар, из-под их копыт летят снежные хлопья, кучер щелкает кнутом, свистит, погоняя лошадей, в лун-

ном свете искрятся снежинки. Картина в моем воображении была столь реальной, что у меня захватывало дух. Но сестре, более разумной и трезвой, скоро надоело сидеть в неудобной позе, она соскакивала со стульев, вылезала из «кибитки», сбрасывала с себя маскарадную одежду и кричала: «И вовсе это не сани и не лошади, и все ты это придумала». Иллюзия разрушилась, и я возвращалась к действительности. Сестру я нежно любила, но такие грубые выходки с ее стороны тяжело переживались мною, приносили горькое разочарование и боль обиды, сохранявшиеся длительное время.

В один год нашей ярославской жизни квартиру во втором этаже флигеля занимала семья не то чиновника, не то учителя. У них жил воспитанник-племянник, мальчик лет 12–14, ученик коммерческого училища. Его звали Валентином — Валей. Начитавшись романов Купера, Майна Рида, мальчик глубокой зимой в лютую стужу решил бежать в Америку, к индейцам. Ночью он прошел по диагонали 3–4 километра по льду Волги, рискуя попасть в трещины и полыни, но благополучно добрался до пустынного острова, вблизи противоположного берега реки*. Остров был действительно необитаемым, подобно острову Робинзона Крузо. Мальчик собрал на берегу валежник, разжег большой костер и, сжигая в нем свои учебники и тетрадки, протанцевал вокруг костра воинственный танец индейцев. На этом путешествие его и окончилось. На следующий день полиция и добровольцы из числа соседей нашли его на острове, голодного и полузамерзшего, и доставили домой. Какое физическое и моральное воздействие на беглеца последовало со стороны дяди, осталось тайной. Мальчик после неудавшегося побега присмирел, стал аккуратно посещать занятия, но как-то замкнулся в себе, ходил с гордо поднятой головой, не отвечал на насмешки дворовых мальчишек. В моих же глазах он был овеян романтикой, славой смелого путешественника. Вспоминается мне еще одно маленькое происшествие. Я ловко лазила по деревьям, однажды, взобравшись на ветку яблони, я поскользнулась, зацепилась платьем за сучок дерева и повисла вниз головой — выбраться из этого положения я никак не могла и рисковала ушибиться, упав с дерева. Находившийся поблизости Валя поспешно влез на дерево, отцепил меня от сучка и помог спуститься на землю. После этого события его репутация «рыцаря без страха и упрека» в моем представлении еще больше возросла. Вскоре эти квартиранты выехали из нашего дома, и я больше не встречала ни Вали, ни его близких.

Я дружила с одним из сынишек портного Алтынова — Ванюшкой, моим сверстником, худеньким, бледным мальчиком. Одетый в неизменную розовую ситцевую рубашонку и штанишки, которые постоянно сползали вниз, обнажая голое пузо, Ванюшка беспрестанно шмыгал носом и отработанным машиналь-

ным движением подтягивал штанишки до того места, где им надлежало быть. В моих глазах он обладал огромным достоинством: был безропотным исполнителем моих фантазий и выдумок. Как я уже отмечала, пустырь в саду зарастал огромными лопухами с толстыми, сочными стволами, образующими сплошную чащу. Этот буйно разросшийся бурьян представлялся мне тропическим лесом, где я с Ванюшкой затевала увлекательные игры с охотой на зверей, встречами с индейцами, разбойниками. Иногда к нам присоединялись соседские дворовые ребятишки, и игры становились еще интереснее. В каком виде мы вылезали из этих лопухов, можно себе представить. Я поспешно обдирила репейники, застрявшие в платье, волосах, чтобы мне не попало от тетушек и мамы.

Один из сыновей портного-еврея, мальчик лет 13–14, был исключительно музыкален и обладал абсолютным слухом. Все во дворе его звали Самошкой. Этот Самошка организовал из дворовых ребят целый оркестр. Музыкальными инструментами служили гребенки: дуя через папиросную бумагу и производя различные движения губами, «оркестрантам» удавалось извлекать из этих гребенок довольно приятные звуки. Под дирижерством Самошки слаженно исполнялись нехитрые популярные мотивы вроде «На сопках Маньчжурии» или какие-нибудь вальсы, марши. Ребятишки, в основном мальчуганы, играли увлеченно, и нередко их концерты по вечерам собирались послушать взрослые. Существовала традиция в ночь под Рождество обходить квартиры и петь «колядки» — песни, псалмы на церковные мотивы. Самошка был инициатором и организатором детского хора, их исполнявшего. Мы, бывало, с сестрой не спим в рождественскую ночь и с нетерпением ждем посещения ребят. В три часа ночи раздается стук в дверь черного хода, мы вскакиваем с постелей, закутываемся в одеяла и стремглав бежим в столовую. Открывается дверь, входит группа ребятишек, в 6–7 человек, предводительствуемая Самошкой с огромной красной звездой на палке в руках. Звезда сделана из красной бумаги, внутри ее горит огарок свечи, отчего звезда светится красным светом. Вперед Самошка выталкивает самого маленького участника представления — трехлетнего сынишку дворника. Ребята выстраиваются, Самошка дирижирует, стройно звучат исполняемые мальчиками «Днесь Христос родился» и прочие рождественские церковные песнопения. Самошка счастлив и горд своей главной ролью в этой церемонии. То, что он иудейского вероисповедания, ни в какой мере не мешает общему приподнятому настроению. Ребята поют с вдохновением, мы с восторгом слушаем. Вот колядки окончены, тетушки щедро одаривают ребятишек конфетами, кусками пирогов, кои в изобилии в нашей семье выпекались к праздникам. Ребята со счастливыми лицами уходят, а мы ложимся спать. Помню, что ни одно последу-

ющее зрелищное представление (кино, театр и пр.) не давало мне столь безгранично радостного ощущения праздника.

Вспоминаются две семьи, жившие в период отсутствия тети Шуры в смежной с нашими комнатами квартире. Первая — бездетная пара: муж — высокий, здоровый на вид мужчина, офицер местного полка; жена — молодая, приятной внешности женщина. Как я понимаю сейчас, владея медицинскими знаниями, муж был шизофреник. Периодически он впадал в состояние буйного помешательства, бросался на жену с ножом. Несчастная женщина, обезумевшая от ужаса, в любое время года, в любую погоду выбегала на улицу, искала у соседей спасения от разъяренного мужа. Через некоторое время припадок проходил, муж впадал в состояние оцепенения на 2–3 дня. Конечно, от сослуживцев, от командования полка эти припадки тщательно скрывались, иначе офицеру угрожало увольнение с военной службы. Чем кончилась вся эта печальная история, не знаю, так как жильцы недолго прожили у нас и куда-то уехали.

Другая семья была несчастна в другом роде. Глава семьи — безнадежный запойный пьяница. Звали его Борис (отчества не помню), но у нас в семье почему-то все называли его Боречка. Этот Боречка, высокий, худой, как скелет, с длинными руками и ногами, с изможденным лицом, с черными торчащими усами, внешне напоминал мне Дон-Кихота, но по своему моральному облику был неизмеримо далек от «рыцаря печального образа». Жена была худой, бесцветной женщиной с двумя ребятишками на руках — мальчишкой лет семи, моим сверстником Лаврушей, и крохотной девчушкой полугода лет, Наташой. Боречка часто впадал в состояние запоя и тогда, если у него в кармане не было денег, он хватал все, что попало под руку, вплоть до жалких одежонок детишек, продавал это где-то и напивался до потери сознания. На работе его подолгу не держали, выгоняя после очередного запоя. Семья бедствовала, тетушки помогали чем и как могли. Жена Марья Михайловна, чтобы как-то прокормить детей, была вынуждена поступить на службу за ничтожное жалованье. Уходя на работу, она оставляла ребят дома одних. Тогда ни о каких детских садах и помину не было, нанять прислугу Марье Михайловне не позволяли средства. Хорошо еще, что в то время рабочий день в ведомственных учреждениях ограничивался шестью часами, и к четырем часам дня мать возвращалась домой. Все это время ребята были одни. Крошку Наташу мать привязывала к стульчику с горшочком, а Лаврушка должен был наблюдать за сестренкой. Я часто посещала их квартиру. Наташа в первые дни отсутствия матери билась, плакала на своем стульчике, а затем смыкалась со своей горькой участью и молча сидела с неподвижным взглядом, не обращая внимания на происходящее. В 12 часов дня Лавруша кормил ее за-

втраком, обычно пшеничной кашей с молоком. Поев, девочка засыпала, склонив головенку на плечо. Самое любопытное в судьбе этой семьи было то, что Марья Михайловна приходилась родной племянницей всесильному в то время председателю Государственного кабинета министров Штюрмеру*, но связи в то время, не в пример нашей современной советской действительности, значили мало, важнее были деньги. Высокопоставленный же родственник меньше всего желал делиться своим материальным благополучием с семьей опустившегося пропойцы. Помню трагикомический эпизод. Отчаявшаяся Марья Михайловна, боясь, что муж после очередного запоя вновь уйдет из дома, забрав с собой домашние вещи, пришла к тетушкам за советом. Договорились, что перед уходом на работу она занесет к нам носильные вещи мужа и тем самым лишит его возможности уйти из дома. Так и сделали. Белье и платье Боречки были сложены на стуле возле двери черного хода. Мы все сидели в столовой за завтраком, когда внезапно дверь черного хода приоткрылась и на пороге появился Боречка в одной рубашке до колен, с тощими, как у цапли, ногами. Молча, ни на кого не глядя, он схватил со стула свое платье и, не говоря ни слова, исчез как призрак. Тетушки и мама онемели от изумления, а мы с сестрой, конечно, прыснули со смеху. На нас шикнули, тетушки раз волновались, но ничего сделать не могли. Боречка благополучно покинул дом, чтобы к вечеру вернуться пьяным в стельку. Единственной привилегией Боречки, как родственника Штюрмера, было то, что полиция, найдя его пьяным на улице, не тащила в каталажку, как тогда называли места задержания, а почтительно препровождала домой к жене. Детей этой семьи я жалела, особенно маленькую Наташу. Однако с Лаврушей ладила плохо, поскольку в моем понимании он был ябедой. Когда я с ним ссорилась, а иногда и дралась, он незамедлительно жаловался на меня тетушкам или маме. Мама считала, что у меня строптивый характер и, не прибегая к суровым мерам, старалась выпрашивать мое поведение, но безуспешно: полная ломка моего характера произошла значительно позже, во время моей учебы в закрытом учебном заведении. Семья Марии Михайловны прожила у нас года два, а затем переехала в другой город, и судьба ее осталась для меня неизвестной.

В конце 1908-го или в начале 1909-го года в Ярославль из Нижнего Новгорода вернулась тетя Шура с мужем. Дядя Вася был тяжело болен, двери в их комнату закрывались нагло, и никто, кроме тети Шуры, не входил в нее. У постели дяди Васи постоянно дежурил специально приглашенный санитар. Дядя Вася был грузный мужчина, и уход за ним, как за тяжелым, лежачим больным, был очень труден. В доме в преддверии надвигающейся беды воцарилась какая-то особая тишина. Зимой 1910 года дядя Вася умер*. Ни его смерти, ни похорон я не помню.

Теперь в доме жили четыре сестры: незамужняя старшая тетя Вера и три вдовы — Косенька, тетя Шура и самая младшая из сестер — наша мама. Косенька овдовела очень рано, ее муж умер совсем молодым от скоротечной чахотки. В семейном альбоме хранилась его фотография. Это был на редкость красивый молодой человек. Второй раз Косенька замуж не вышла и прожила всю жизнь в ивановском доме, занимаясь домашним хозяйством, принимая участие в воспитании племянников — сыновей и дочерей своих сестер. Каждая из тетушек обладала неповторимой яркой индивидуальностью, своеобразием мыслей, характера, манеры поведения.

О матери не подобает говорить детям, поэтому ограничусь только тем, что замечу: мама была спокойная, разумная женщина, строгая и справедливая воспитательница, стремившаяся развить наши способности, облагородить наши чувства, оградить нас от обычательского влияния провинциальной жизни.

К чести нашей семьи, надо сказать, что она была далека от пошлости и мещанства. Из всех сестер только одна мама, любимая дочь дедушки, окончила гимназию, тетушки же получили так называемое домашнее образование, но они много читали, были хорошо знакомы с классической русской литературой, живо интересовались политическими событиями. Общее настроение семьи было либеральным, с осуждением режима и порядков царской власти. В дом выписывались газеты, каждый вечер тетушки и мама прочитывали их по очереди или кто-нибудь из присутствующих читал вслух с горячим интересом и обсуждением прочитанного.

Частой гостьей в нашей семье была учительница Варвара Васильевна Великосельская, человек очень интересный. В юности сельская учительница, она, несомненно, обладала педагогическим талантом и в то время, как я ее знала, преподавала математику в городском и епархиальном училищах; кроме того, у нее была частная школа на 10–15 человек по подготовке детей к поступлению в гимназию. Тогда для поступления в первый класс требовался определенный запас знаний: надо было уметь бегло читать, писать под диктовку, знать четыре правила арифметики и Закон Божий в пределах ежедневных, общепринятых молитв. Этой премудрости и обучала в подготовительной школе Варвара Васильевна. Преподавание было поставлено хорошо, ученики этой школы, как правило, с успехом выдерживали вступительные экзамены, и школа пользовалась популярностью. Мама активно помогала Варваре Васильевне, преподавая в младших группах. Иногда среди учащихся попадались тупоголовые сынки богатых родителей. Я обладала хорошими способностями и в возрасте 11–12 лет, когда училась во 2-м или 3-м классе, меня иногда привлекали к «натаскиванию» подобных

деточек. Помню одного мальчишку, сына богатого купца. Он никак не мог запомнить самой простой молитвы, в тексте которой звучало: «уповаю на тебя, Господи». Сотни раз я заставляла тупого мальчика с бессмысленным выражением на лице повторять эту фразу и неизменно слышала в ответ: «На тебя, Господи, поповаю» вместо «уповаю», что приводило меня в отчаяние. Не знаю, чем это кончилось и поступил ли в гимназию этот законченный, на грани дефективности болван.

Варвара Васильевна имела отдельную квартиру, но жила скромно. Из своих трудовых денег она скопила сумму, достаточную для того, чтобы предпринять путешествие за границу. Это было целое событие. Поехала она одна, без сопровождающих, не зная ни одного европейского языка. Путешествие было оригинальным. Экономия средства, Варвара Васильевна не останавливалась в гостиницах, много пользовалась попутным транспортом (дилижансы, экипажи) и даже шла пешком, преодолевая значительные расстояния. Таким образом она обогнула Германию, Францию и особенно долго путешествовала по Италии. Она осматривала все памятники старины, а ее образ передвижения позволял знакомиться не только с географическими и историческими особенностями стран, но и с бытом и нравами их жителей. Во время путешествия случалось немало курьезных происшествий, которые были потом предметом ее живых рассказов, наполненных яркими картинами и образами. К сожалению, все я не помню. В памяти сохранилось только описание забавного случая, когда она, ночуя на частной квартире в бедном квартале Рима, постирала свое белье и вывесила его за окно просушить. Ночью веревка оборвалась, и белье упало на улицу, что обеднило и без того скромный туалет Варвары Васильевны и значительно подорвало ее бюджет, вынудив произвести непредвиденные расходы на приобретение нового комплекта белья.

Попав в Рим, Варвара Васильевна решила во что бы то ни стало добиться аудиенции у папы. К святому непогрешимому отцу попасть было трудно, но Варваре Васильевне помогли, и она заручилась разрешением на посещение столь высокого лица. На прием требовалось явиться в белом платье. Варвара Васильевна достала его у кого-то напрокат (кстати, в нем было немало вшей, о чем она со смехом рассказывала). В назначенный день она явилась во дворец папы на аудиенцию. После осмотра комнат дворца папы посетителей ввели в приемную, все встали на колени, склонив головы. Святой отец уселся на специально подготовленный для этого случая трон, и каждому из присутствующих была оказана честь поцеловать кончик бархатной туфли, выглядывавшей из-под подола богатой мантии. Это событие и все другие происшествия и впечатления своей заграничной

поездки Варвара Васильевна рассказывала с неподражаемыми иронией и комизмом. Мы, как зачарованные, слушали описание виденных ею стран, городов, людей, их быта и нравов. Я думаю, что ни один богатый путешественник, проезжая через страны Европы и останавливаясь в фешенебельных гостиницах и отелях, не получал и сотой доли тех впечатлений, которые привезла с собой Варвара Васильевна. Каждый раз, начиная свои рассказы, она говорила, что открывает драгоценный ящичек, наполненный воспоминаниями о ее путешествии.

Как-то раз Варвара Васильевна явилась к нам вечером с толстой книжкой под мышкой. Оказывается, это был только что изданный том истории России Ключевского с описанием эпохи Петра Великого. Много вечеров подряд Варвара Васильевна приходила к нам и читала вслух эту книгу. Все слушали со вниманием. До меня многое не доходило, но осталось общее впечатление о большом историческом значении той эпохи, о грандиозной фигуре Петра Первого — великого и одновременно жестокого преобразователя России. Уже после Октябрьской революции и ярославского восстания Варвару Васильевну постигло горькое разочарование: тогдашний большевистский комиссар Горнарабраза* приписал Варваре Васильевне буржуазную идеологию. Совершенно невежественный человек, он разглагольствовал о необходимости преподавать в советской школе «дифференциальное исчисление», не имея ни малейшего представления о том, что это, и не зная самых элементарных правил арифметики. Глубоко оскорбленная этим приемом, Варвара Васильевна уехала в какое-то село под Ярославлем, где спустя некоторое время и умерла в одиночестве.

Другим близким нашей семьи человеком был товарищ двоюродных братьев по гимназии — Зайцев (имени его я не знала). К тому времени, которое осталось в моей памяти, Зайцев уже окончил физико-математический факультет Московского Университета. Выходец из бедной семьи унтер-офицера, в студенческие годы он очень нуждался и подчас голодал. По окончании университета он преподавал физику и математику в Ярославской мужской гимназии. Весь день его был предельно занят уроками и тайной революционной работой*. Он мастерил самодельные бомбы. Однажды одна из бомб в его руках взорвалась и сильно его ранила. Зайцева пришлось положить в больницу с легендой о взрыве во время химических опытов. Все обошлось благополучно, ранение было легким, и Зайцев быстро поправился. В то время, о котором я пишу (даты этих событий я точно не помню), Зайцев жил один. С тетушками было договорено, что каждый вечер он будет приходить к нам ужинать. Ему дали ключ от парадного входа. Поздно вечером, а иногда и ночью, когда мама и тетушки уже спали, Зайцев приходил в столовую, где его ждали холодный ужин и свежая газета. Поев и прочи-

тав газету, он так же неслышно покидал квартиру. Это продолжалось долго, до тех пор, пока Зайцев не женился и не обзавелся семьей. Здесь его пристигло несчастье: жена умерла во время родов, оставив на его руках новорожденного ребенка. Зайцев самоотверженно взялся за его вскармливание и воспитание. Ежедневно на велосипеде он ездил за город за молоком, ребенок рос и развивался нормально. Как сложилась дальнейшая судьба Зайцева, я не знаю, но я запомнила его как преданного друга семьи, человека высоких моральных качеств.

Ни мама, ни тетушки не были религиозными, и я не помню, чтобы они ходили в церковь. Только иногда я заставала тетю Шуру перед образом за молитвой, в которой она просила сохранить жизнь ее сыновей. Постов у нас в семье не соблюдали, в Великий пост перед Пасхой тетя Шура иногда постилась, но, по моему мнению, больше из желания разнообразить стол, чем из религиозных побуждений. Праздники у нас отмечались торжественно. Деликатесов не покупали, но из относительно недорогих продуктов тетушки готовили массу всякой снеди. По специальному рецепту Косенька готовила жаркое, запекали окорок в тесте, выпекали огромное количество пирогов с разной начинкой и сладкую сдобу. На Пасху весь сундук в нашей прихожей был заставлен вереницей пахучих, разного размера, формы и величины куличей. По державшемуся в секрете фамильному рецепту готовили творожную пасху, раскрашивали в разные цвета десятки яиц, выпекали так называемые «мазурки» — квадратной формы изделия из песочного теста. Праздничный стол накрывали белой скатертью, расставляли приборы и выставляли на него все это обилие кушаний. Вином, как правило, не угождали, для особых любителей ставили только скромный графинчик с водкой и в дополнение к нему приготовленную по специальному рецепту клюквенную наливку. Выпивали по рюмке-другой, но этим и ограничивались, большего тетушки не допускали. В первый праздничный день посетители следовали один за другим, без разбора ранга и положения, начиная от близких знакомых и кончая соседями и жильцами, даже случайными посетителями, родственниками знакомых. Садились за стол и при щедром гостеприимстве тетушек ели все, что было на столе. Появлялась редкая и особо почитаемая гостья — Липочка, служившая прислугой в доме еще при дедушке. В свое время дедушка внес на ее имя крупный вклад в одну из хороших богаделен города, обеспечив тем самым пожизненное пребывание в нем Липочки. Она скромно усаживалась в конце стола, но тетушки неизменно уделяли ей особе внимание. Липочка дожила до глубокой старости, чуть ли не до 90 лет, считая своим долгом посещать наш дом в праздничные дни.

Существовал обычай, освященный семейной традицией: посыпать кое-какую одежду и праздничное угождение вnochлежный дом. Испекались ко-

лоссальных размеров пироги, длиной едва не в полтора метра, с начинкой из ливера, риса с рыбой и пр., покупались целые батоны дешевой колбасы, и все это в первый день праздника отсыпалось в ночлежку ее обездоленным жильцам.

Мама не была религиозной, но считала необходимым воспитывать нас в духе христианской веры. С этой целью она один-два раза в месяц водила нас к обедне в Спасский монастырь. Я хорошо помню церковь этого монастыря, особенно настенную роспись над алтарем, изображавшую Воскресение Христово*. В углу картины была расположена фигура ангела с распластанными руками. Искусство мастера и свет, лившийся из купола церкви, придавали ангелу объемные очертания, настолько реальные, что возникало ощущение, что ангел парит в воздухе. Само богослужение, церковные песнопения на меня впечатления не производили, вызывали скуку и утомляли. Вспоминаю один неприятный инцидент. Мы с сестрой в сопровождении мамы гуляли в маленьком садике во внутреннем дворе монастыря. Вдруг на дорожке, по которой мы шли, показалась фигура монаха. Он был огромного роста, в черной рясе, с высоким клобуком на голове, откуда чуть ли не до пят спускалась черная мантия. Фигура медленно приближалась к нам. Это был почитаемый в монастыре монах, нечто вроде святого-схимника, хотя его объемные пропорции никак не говорили о посте, молитвах и умерщвлении плоти. Мама почему-то решила подвести нас под его благословение. Я оказала отчаянное сопротивление, громко закричала и бросилась бежать. Мама догнала меня, схватила за руку и в присутствии монаха строго наказала, отшлепав в гневе и глубоко оскорбив мои детские чувства. Мама и сама почувствовала, что поступила несправедливо, а я долго рыдала, так что мир восстановился только к вечеру.

Самой замечательной личностью из тетушек была тетя Вера, кажется, она была не старшей, а второй по счету сестрой, а Косенъка первой, но тетя Вера занимала в семье основное положение. Она была истинной страдалицей, у нее было мучительное хроническое заболевание желудка. Как я сейчас понимаю, в молодости она перенесла язвенный процесс в зоне привратника, выхода из желудка в кишечник, в результате чего образовались рубцовые изменения и сужение привратника, пища застаивалась в желудке и вызывала нестерпимые боли. Питалась она только молоком и белым хлебом. Стоило ей съесть что-либо другое, неминуемо возникали мучительные боли, тогда тетя вызывала искусственную рвоту и этим облегчала свое состояние. Живи она в наше время, несложное операционное вмешательство восстановило бы ее здоровье, но для тогдашней хирургии это было недоступно.

У тетушек было строгое распределение хозяйственных обязанностей. Поразительно, как тетя Вера, слабая, больная, выполняла массу домашних дел, под-

час связанных с немалой физической нагрузкой. Всегда подтянутая — зимой в черном платье, а летом в черной юбке и белой кофточке, — утром тетя Вера помогала на кухне тетушкам, выпекая по собственному рецепту необыкновенно вкусный черный хлеб, вкуснее которого я никогда не пробовала. Она также ухаживала за домашними растениями, поливая их, следя за их ростом, обрезая сухие веточки.

Все тетушки и мама курили, тетя Вера особым способом набивала всем гильзы табаком (тогда готовых папирос, как правило, не покупали). Никто лучше ее не мог истопить печи зимой, закрыть вышки вовремя, чтобы сохранить жар и не напустить в комнаты угара. В Великий пост она в печи на углях жарила для нас на сковородке какие-то маленькие, очень вкусные рыбки, которыми мы лакомились с большим удовольствием. С наступлением вечера тетя Вера заправляла керосиновые лампы (тогда у нас еще не было электрического освещения) и лампадки ко всем иконам. Язычки пламени изнутри освещали разноцветные с причудливыми рисунками стеклянные стенки лампадок, придавая комнатам приятный полумрак. Когда я была совсем маленькой, любила забираться к тете Вере на диванчик (его изогнутая форма обеспечивала полусогнутое положение тела и тем самым, очевидно, несколько облегчала тете боли). Тетя Вера декламировала мне басни Крылова, рассказывала сказки, и мы проводили вместе чудесные вечера. Я была любимицей тети Веры, была к ней очень привязана. Когда я подросла и, бывало, допоздна засиживалась за чтением книг, тетя Вера иногда просила меня подогреть молоко на керосинке и пила буквально кипящую жидкость, что, по-видимому, рефлекторно (теперь я это понимаю) расслабляло спазм привратника, способствовало выходу пищи из желудка в кишечник и смягчало боли.

Тетя Вера принимала самое активное участие в приготовлении праздничных подарков в ночлежный дом. Задолго до праздника она шила на ножной швейной машине разного рода одежду: мужские плисовые штаны и ситцевые рубашки, белье и платьица для детишек и пр. Машина была очень оригинальной старинной конструкции, шить на ней умела только одна тетя Вера, служила эта машина верой и правдой, и я не помню случая, чтобы она требовала ремонта. К празднику она нашивала целый ворох разнообразной одежды и присоединяла к посылке в ночлежный дом. С таким же рвением тетя Вера участвовала в приготовлении праздничного угощения для ночлежного дома, к изготовлению же кушаний для нашего собственного праздничного стола она относилась довольно пассивно. Кроме того, тетя Вера управляла домами. Любопытны были ее взаимоотношения с жильцами. Кварплату регулярно она получала только с

лавочников и веревочника, имевшего мастерскую, жильцы же других квартир, как правило, быстро освобождали занимавшиеся ими помещения и при этом «по досадной небрежности» забывали внести квартирную плату, оставаясь в долгах. С многодетными и плохо обеспеченными семьями портных связи тети Веры были традиционными и очень своеобразными. В первый день еврейской Пасхи жена еврейского портного, худая, черная женщина, появлялась в столовой и неизменно приносила с собой в белом чистом узелке мацу. Диалог между нею и тетей Верой был примерно следующим: «Вы уж, Вера Евграфовна, простите, подождите еще один годик». Тетя Вера сурово кивала головой и молча соглашалась. Это повторялось из года в год, долг этой семьи возрастал, и каких размеров он достиг, тетя Вера, по-видимому, и сама не знала. В первый день христианской Пасхи тот же ритуал повторялся с женой русского портного, толстой женщиной, которую все называли Алтынихой. Та вместо мацы приносила кулич с большим красным бумажным цветком и разговор с тетей Верой развивался в том же духе и с теми же результатами. Размер долга этой семьи, ежегодно возраставший, также не поддавался учету и, без сомнения, сбрасывался с баланса.

Летом тетя Вера не уезжала с нами на дачу, оставалась в городе и занималась варкой варенья. Эта процедура совершилась во дворе на жаровне. Варенье в большом количестве из различных ягод — клубники, малины, смородины и других складывалось в огромной высоты стеклянные банки, хранилось в кладовых и служило зимой угождением для домашних и гостей.

Была еще одна сторона тайной деятельности тети Веры, о которой она ни с кем не делилась. Репутация нашего дома в глазах городских властей и полиции была безупречной, пользуясь этим, тетя Вера в потайных местах — в чуланах, на темной площадке черного хода — хранила нелегальную литературу и даже оружие. Я помню, как мы, при строгом соблюдении тайны, вместе с ней зарывали в землю больших кадок и горшков домашних растений листовки и другие революционные издания. Содержания их мы не знали, но нам под строжайшим запретом запрещалось рассказывать об этом кому бы то ни было. Мы понимали, что нам доверяли нечто важное и никогда не нарушали данного слова. В моей памяти навсегда сохранился образ тети Веры — мужественного, стойкого, справедливого и доброго человека.

Совсем иной была Косенька. Это была маленькая, хлопотливая, исключительной доброты женщина, всеобщая любимица, готовая в любую минуту прйти на помощь, сделать что-либо приятное для других. Искусная кулинарка, поглощенная хозяйственными заботами, она без устали сновала по лестнице из кухни в столовую и обратно. Она была специалисткой по изготовлению мучных

изделий (пирогов, печенья) и умудрялась из недорогих продуктов приготовлять вкусные блюда. Она прямо сияла от счастья, когда ее кушанья пользовались успехом у домашних и гостей. Среди тетушек она слыла нашей (меня и сестры) баловницей. Нас плохо, я бы даже сказала бедно, одевали. Мама имела пристрастие к одежде матросского типа, и на лето нам шили матросские костюмчики. Наши осенние и зимние пальто почему-то обязательно украшали довольно нелепыми матросскими воротниками. В том возрасте, в котором мы были, это не слишком нас огорчало, но иногда насмешки сверстников были все же обидны. Косенька втихомолку, скрывая от мамы и тетушек, покупала материал и с помощью портнихи Манечки мастерила нам нехитрые наряды. Помню, как однажды нас с сестрой пригласили на какой-то детский праздник. Нам сшили красивые платья из розового шелка, но обуви к ним не было. Косенька побежала в магазин и купила предмет моей мечты — изящные туфельки с блестящими пряжками. Тетя Шура встретила это в штыки: «Безобразие, баловать с такого возраста и пр. и пр.». Косенька, к нашему величайшему огорчению, сейчас же отнесла туфли обратно в магазин, а нам пришлось идти на праздник в старых, сшитых из материи туфлях. Тетя Шура вообще несколько иронически относилась к Косеньке, критикуя ее за кулинарные увлечения и многочисленные знакомства.

Вся наша дальнейшая судьба была тесно связана с Косенькой, и после ярославского восстания она много лет прожила вместе с нами, испытав все превратности того трудного времени.

Тетя Шура среди тетушек держалась несколько отчужденно. Она, как я помню, была, в целом, хорошим человеком, но ее полностью поглощали мысли о судьбе сыновей. К тому времени они уже женились. Жена младшего брата была тихой, спокойной женщиной. Тютик же, в молодости истинный красавец, женился на некрасивой женщине, старше его, к тому же еврейке, что было, как я понимаю, несколько чуждым для нашей патриархальной семьи. К ней относились хорошо, гостеприимно ее принимали, но она, будучи излишне подозрительной, нередко вела себя демонстративно, вызывая искреннее огорчение у всех членов семьи. Мы, дети, осуждали ее за то, что она была инициатором этих ничем не оправданных семейных неприятностей.

Мама спокойно вела твердую линию, не допуская тетушек вмешиваться в основные принципы нашего воспитания, и самостоятельно решала вопросы нашего образования и нашей дальнейшей судьбы.

Наступило время всерьез подумать о нашем образовании. Старшей сестре Тане исполнилось уже 9 лет. Мама после отца получала мизерную пенсию, 10 или 15 рублей в месяц, и, конечно, на эти средства не могла определить нас в гимна-

зию. Она стала хлопотать о помещении сестры за казенный счет в какое-либо закрытое учебное заведение для девочек. Такое разрешение последовало, и Таню приняли в Институт благородных девиц с громким названием «Кавалерственной дамы Чертовой». Собственно говоря, никаких благородных девиц там не было, скорее, это был сиротский дом для сирот военнослужащих, для детей офицеров отдаленных гарнизонов, поблизости с которыми не было средних учебных заведений. Входил этот институт в систему Военного министерства*. Весной 1909 года Таня выдержала вступительные экзамены, и осенью мама отвезла ее в Москву. Помню, что зиму этого года я очень тосковала без сестры. А потом пришла моя очередь. Второго ребенка в семье уже нельзя было определить в учебное заведение на казенный счет. Мама обратилась к командованию полка, где ранее служил отец. Он оставил по себе добрую память среди сослуживцев. Помню, у мамы в ее архиве хранилось письмо одного офицера, лишний раз характеризующее отца как хорошего товарища, гуманного человека. Этот офицер не то пропил, не то проиграл казенные деньги, и ему грозили позор, суд, изгнание из полка. Папа, будучи председателем товарищеского суда*, уладил это дело: часть долга внес сам, часть собрал среди сослуживцев. Честь офицера была спасена. От своего имени и имени своей семьи в упомянутом мною письме он приносил папе бесконечные благодарности, называя его своим спасителем. Так или иначе, но офицерское общество полка, в котором служил отец, согласилось выделить стипендию для помещения меня в тот же институт, в котором находилась сестра.

Хорошо помню теплый майский вечер, когда мама в 1910 году повезла меня в Москву на вступительные экзамены. Я тогда была мала ростом и скорее походила на ребенка, чем на будущую ученицу столь высокого в моем тогдашнем понимании учебного заведения. Мы с мамой поднялись по красивой мраморной парадной лестнице в зал на втором этаже, где проходили экзамены. Экзаменаторы мне понравились, но я робела, подавленная величиной зала, торжественностью обстановки. Я легко справилась со всеми заданиями, но запнулась на диктовке. Учительница русского языка, немолодая и очень неприятная особа, имела отвратительную привычку коверкать произношение слов во время диктовки таким образом, чтобы спровоцировать девочек на ошибки. Помню, она с особым вкусом диктовала: «Отольются волку овечьи слезки», произнося вместо глагола «отольются» «отольются» и говоря не «овечьи», а «овечи» слезки. Я написала так, как она диктовала, допустила ошибки и едва получила удовлетворительную оценку. Помню, как меня потрясло коварство учительницы, я возненавидела ее раз и навсегда. Кстати, эта «милая» манера нарочно вводить учениц в заблужде-

ние и вызывать у них промахи практиковалась ею все время, пока мы имели с ней дело. Не могу понять, почему это доставляло ей особое удовольствие. Видя мою растерянность, меня попытался ободрить преподаватель Закона Божьего, «батюшка», добрый человек и заступник воспитанниц. Он похлопал меня по плечу, пошутил, и я без запинки прочла ему серию молитв, которые и не требовалось, но легко всплывали в моей памяти. Я была принята в это «высокое» заведение, и начался третий период моего детства и юности — институтская жизнь*.

ЯРОСЛАВСКОЕ ВОССТАНИЕ

Мне 75 лет. Позади долгий путь: Февральская и Октябрьская революции 1917 года, годы сталинской тирании, Великая Отечественная война, послевоенные сложности, нарастающий антисемитизм, который ощутимо дает о себе знать и в настоящее время. У меня муж еврей, и, хотя он полковник в отставке, ветеран Отечественной войны, антисемитизм прямо или косвенно коснулся и моей семьи. Но речь не об этом.

Прожита большая жизнь, мне пришлось быть свидетелем многих событий. Понятно, что грандиозный по масштабам исторический процесс не может быть объективно и во всем объеме оценен современниками. Это недоступно даже большим умам, что уж говорить об обычном человеке. Очевидно, лишь будущие, идущие на смену нам поколения до известной меры смогут положить на чашу весов истории все положительное и отрицательное и сказать, каким путем для России — ошибочным или правильным — была эта насыщенная грозными событиями эпоха. В истории советской власти, как, впрочем, и в каждой исторической эпохе, есть темные пятна, о которых упоминают вскользь или замалчивают вовсе. Дело наших потомков — сказать, насколько эти подернутые дымкой забвения, но потрясающие по жестокости события могут быть оправданы логикой исторического развития, заслуживают ли они строгого приговора. Таким событием прошлого является трагедия ярославского восстания 1918 года. О нем я и хочу рассказать.

В тот период я была еще девочкой-подростком и невольным очевидцем всего происходившего. Конечно, ярославское восстание — это не Хиросима, но, если сделать поправку на уровень военной техники, то, пожалуй, для того периода оно явилось беспримерным по силе разрушений. Я не знаю, сохранились ли достоверные архивные материалы, рассказывающие об этих событиях,

но то, что мне приходилось читать в художественной литературе, — далеко от истины и никак не может претендовать на правдивое описание происшедшего. Постараюсь быть как можно объективнее, рассказывать только то, что видела своими глазами или слышала от прямых очевидцев тех давних событий. Многое забылось, стерлось в памяти, но основное запечатлелось в ней ярко, и, оборачиваясь назад, я еще и сейчас слышу треск выстрелов, грохот орудийных залпов и вижу море огня и гибнущий в пламени пожаров Ярославль.

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОССТАНИЯ

Ночь с 5-го на 6-е июля 1918 года. Я (мне шестнадцать лет) и моя сестра (ей восемнадцать) возвращаемся домой из популярного в то время театра миниатюр*. Представление затянулось далеко за полночь. Светлая северная ночь. Легкий предрассветный сумрак, но все отчетливо видно. Высоко в небе — прозрачные, как дымка, облака, все окрашено в перламутровые предрассветные тона. На востоке алеет заря. Тишина. Небольшие, одноэтажные и двухэтажные, деревянные провинциальные домики с окнами, занавешенными или закрытыми ставнями, прячутся в глубине палисадников. Спокойно спят мирные жители, спят, не зная еще, что ждет их завтра... Мы спешим. Наши шаги гулко раздаются на погруженных в сон улицах. Но, несмотря на спокойное пробуждение ясного летнего дня, что-то еле уловимое возбуждает тревогу, ощущение чего-то неизвестного, неизбежно надвигающегося. Мы ускоряем шаги, почти бежим, но на улицах по-прежнему все тихо, никого не видно, странно пусто, что, очевидно, и вызывает ощущение тревоги, тревоги на грани испуга, без видимой причины.

Вот и наш дом. Он стоит на углу магистральной улицы, связывающей железнодорожную станцию Всполье и центр города*. Сзади, в полуквартале от дома, высится колокольня старинной церкви Николы Мокрого. Она четко вырисовывается на фоне предрассветного неба. Крыльца нашего дома выходит на Рождественскую улицу. Двери у нас никогда не запираются, и мы поднимаемся по ступенькам деревянной лестницы на второй этаж, в квартиру, где мы живем. На лестнице стоит неповторимый запах нашего старого Ивановского дома — смесь запаха отхожего места и острого, едкого запаха маринадов, которые тетушки держат в шкафчике на площадке, откуда дверка ведет в летнюю уборную. Мы открываем дверь в квартиру (она тоже не запирается на ночь) и входим в большую прихожую, расположенную как бы посреди жилых комнат.

Домашние спят. Спят наши тетушки, заменившие нам рано умерших родителей. Старшая, тетя Вера, управительница домов, оставшихся в наследство после дедушки, забылась беспокойным сном: она страдает мучительным желудочным заболеванием и часто засыпает только под утро. Глубоким сном спит наша воспитательница, тетушка Анна Евграфовна. Спят в своих комнатах средняя по возрасту тетушка Александра Евграфовна и приехавшая к ней в гости вместе с детьми — девятилетним Юрой и двухлетней крошкой Олесей — невестка Клара Борисовна, жена ее старшего сына и нашего двоюродного брата Артемия*. Все настолько обычно, что мы и не подозреваем, что это наша последняя ночь в старом доме, обжитом нашими предками, в доме со старинной громоздкой мебелью, старинными большими иконами, освещаемыми горящими перед ними лампадками, в доме с годами складывавшимся уютом, с устоявшимся укладом жизни, с которым мы свыклились с детства, в доме, где жила и умерла наша мать, где каждая вещь связана с воспоминаниями, где все пропитано особым ощущением чего-то неизмеримо близкого, возникающим только в месте, где ты родился и вырос. Мы с сестрой устали здоровой юношеской усталостью и наскоро съедаем оставленный нам заботливыми тетушками ужин.

В спальне я подхожу к окну, выходящему во двор. Он четырехугольный, обнесен по периметру хозяйственными постройками: сарайми, погребами. В глубине двора прямо перед окнами нашей спальни расположен старинный флигель, каменное двухэтажное здание с высокой черепичной крышей и деревянной пристройкой с лестничной клеткой и входом на второй этаж. Это здание — историческая ценность, поскольку построено еще во времена царя Алексея Михайловича. Оно находится под охраной археологического общества, члены которого раз в год приезжают из Москвы для его осмотра. В одной половине этого дома расположена небольшая полуподвальная квартира, в другой — большой подвал с массивными сводами. Этот подвал весной на полметра заливает талая вода, не просыхающая здесь и летом*. Для удобства передвижения по подвалу (а в нем хранятся бочки с различными солениями) на пол кладется настил из досок. Я потому так подробно останавливаюсь на рассказе об этом подвале, что он сыграет немалую роль в дальнейших событиях. Забегая вперед, скажу, что описанное мною здание, принадлежавшее некогда нашему деду Евграфу Спиридоновичу Иванову, в последующие годы будет отреставрировано и как памятник старины находится под охраной государства*.

Рядом с нашими домами — тем, в котором мы живем, и стоящим рядом небольшим флигелем — расположено несколько корпусов Мурановских бань, один из которых, двухэтажный, каменный, занимает центральное место*. Наши дома —

ПЛАН ЯРОСЛАВЛЯ В ИЮЛЕ 1918 г.

Схема расположения отрядов во время восстания и разрушения Ярославля из статьи Н. Г. Первухина и С. С. Дмитриева (Белогвардейский мятеж // Наш труд / Орган Ярославского губернского отдела по народному образованию. 1928. № 10 (октябрь). С. 15–20). См. комментарий к с. 121.

с каменными кирпичной кладки фундаментами и деревянными вторыми этажами. В первом этаже основного дома расположены две лавки — бакалейная и булочная. Дома населяет небогатый многосемейный люд — портные, ремесленники.

Утром я просыпаюсь от странного грохота. Впечатление такое, что на железный лист непрерывно сыплется горох. Сразу оживает бессознательная ночная тревога. Что-то случилось, что именно, непонятно. В спальню входит тетя Шура. Она взволнованно говорит: «Вставайте скорее, в городе восстание». Какое восстание? Наша семья всегда отличалась революционными настроениями, мои двоюродные братья, сыновья тети Шуры Артемий и Сергей, были в прошлом активными революционерами. Февральскую революцию, низвержение старого режима семья приняла с радостью, Октябрьскую революцию — как неизбежный поворот в ходе революционных событий. Происходящее же сейчас во многом неясно для меня и домашних. Мы пока не ощущаем трагизма надвигающихся событий.

Ружейная перестрелка идет в основном по улице, на которую выходят окна нашей квартиры. Залпы следуют один за другим. В комнатах нависла тревога, дребезжат оконные стекла, от сотрясения воздуха приходят в колебание листья стоящих здесь больших растений. К окнам фасада дома подходить опасно, но я тихонько вхожу в запретную зону — в гостиную и, встав в простенке между окнами, заглядываю в них, пытаясь понять, что происходит на улице. Она пустынна, никого не видно, ружейные залпы следуют один за другим: стреляют со стороны станции Всполье и из ворот и подъездов близстоящих домов.

Мы еще соблюдаем обычный распорядок дня, но большой обеденный стол из столовой, окнами выходящей на улицу, уже перенесен во внутреннюю часть квартиры, в прихожую, где располагается теперь вся семья. Съедаем наскоро приготовленный завтрак. Из смежной квартиры приходят соседи, приносят отпечатанный типографским способом листок небольшого формата, нечто вроде обращения к населению. В нем сообщается, что Советская власть в городе свергнута, что в городе временно действует другая власть, которая, вопреки заключенному большевиками Брестскому мирному договору, находится в состоянии войны с Кайзеровской Германией и объявляет себя союзницей Англии, Франции и других государств, воюющих с ней. Уведомляют также, что в ближайшие дни ожидается приход из Мурманска союзных войск, а население призывают сохранять спокойствие. Воззвание подписано: «полковник Перхуров»*. Кто он такой? Что за новая власть? Кто поднял восстание? Из разговора с соседями узнаем, что в 4 часа утра (за 2 часа до нашего сестрой возвращения

из театра) по нашей улице со станции Всполье по направлению к центру города прошла относительно немногочисленная (300–400 человек) группа военных, в основном бывших офицеров*. В одном из домов на нашей улице они убили большевистского комиссара Нахимсона* и затем захватили почту, телеграф, типографию, банк, казенную палату и пр. Будто бы к основной группе восставших присоединились служащие, офицеры расквартированного в нашем городе штаба фронта*. К восставшим примкнули также группы жадной до приключений городской молодежи — мальчишек-гимназистов, кадетов старших курсов, студентов местного Демидовского лицея*. Если первая группа восставших, офицеры, более или менее представляла себе цели и перспективы событий, то вторую — мальчишку лет 16–18 привлекала в основном приключенческая сторона, возможность подержать в руках настоящее оружие, сражаться с врагом — каким, я уверена, для многих, как и для всей нашей семьи, было неясно. Так же туманны были цели и перспективы восстания, в приход же каких-то мифических союзных войск с Севера даже в первые дни восстания мало кто верил*.

В середине дня в нашу квартиру вошли два вооруженных молодых офицера, очевидно, желавших убедиться, нет ли в наших комнатах сторонников красных войск. Никого не найдя и удостоверившись, что в семье только женщины и дети, они удалились. Перестрелка за окнами с короткими интервалами продолжалась непрерывно. Пребывание в комнатах второго этажа становилось опасным: случайные пули попадали в окна, стекла со звоном разбивались. Мы перешли в первый этаж, в маленькую кухню, которая соединялась с жилыми комнатами второго этажа узкой, винтовой неосвещаемой лестницей. Эта внутренняя лестница была наименее опасной, и на ее ступеньках устроилась Клара Борисовна с маленькой Олесей на руках. Все остальные разместились в кухне. Что-то ели, о чем-то говорили, не сознавая четко, что происходит вокруг.

Приближался вечер, сгостились сумерки, ружейная перестрелка поутихла*. Встал вопрос о ночлеге. О том, чтобы провести ночь в комнатах верхнего этажа, не могло быть и речи: шальные пули разбивали стекла, рикошетом отскакивали от стен. Решили переночевать в полуподвальной квартире старинного каменного особняка во дворе, помещения которой, состоявшие из одной комнаты и кухни, располагались глубоко под землей. Узкие небольшие окна квартиры находились на уровне земли, ее сводчатый потолок и более чем метровой ширины кирпичной кладки стены служили надежной защитой от пули. В квартире вместе с дочерью, девушкой 18 лет, жила женщина, торговавшая на базаре. Вся наша семья, за исключением тети Веры, которая осталась ночевать в кухне нашего

дома, устроилась здесь на постеленных на пол одеялах. Несмотря на тревоги дня, неопределенность будущего, все забылись глубоким сном.

ГЛАВА 2. ВТОРОЙ ДЕНЬ ВОССТАНИЯ

Утром проснулись с ощущением близкой опасности. Перестрелка возобновилась. Теперь к ружейным выстрелам присоединились пулеметные очереди. Пулемет красных частей частыми залпами с короткими передышками вел огонь вдоль нашей улицы. Восставшие установили свой пулемет на колокольне церкви Николы Мокрого. Оттуда наискось простреливался наш двор, и территория наших домов подвергалась, таким образом, перекрестному пулеметному обстрелу*. Клара Борисовна с маленькой Олесей на руках вновь устроилась на узких ступеньках внутренней лестницы, остальные домочадцы сосредоточились в кухне, поскольку пребывание в квартире, где мы ночевали, стало невозможным: хозяйка боялась присутствия лишних людей. В существовавшей неразберихе можно было ожидать посещения наших домов как бойцами красных частей, так и восставшими — и то, и другое в одинаковой мере было нежелательным и рискованным.

Что делали в тот день другие члены семьи, я плохо помню. Тетушки что-то готовили, урывками, в периоды затихания перестрелки мы принимались за еду. Я почти все время проводила около тети Веры, к которой была очень привязана. Она вела себя исключительно хладнокровно, спокойно относилась к непрекращающейся стрельбе, но, будучи больным человеком, заметно ослабла и большую часть времени лежала. Она выразила желание вернуться в наши комнаты на втором этаже и лечь на свой любимый диванчик в столовой. Я поднялась в наши комнаты, которые произвели на меня странное впечатление. От них веяло холодом, несмотря на то, что снаружи стоял жаркий летний день. В углах комнат блестели серебром ризы больших старинных икон, сурово глядели лики святых. Мои предки по матери происходили из сибирских староверческих слоев, из скитов. В доме не было драгоценностей и богатств, но сохранилась масса старинных вещей, имевших, несомненно, большой исторический интерес. В шкафах находились старинные священные книги, они поражали меня необычно большими размерами и совершенно не соответствующим им весом. Бумага была в них серая, рыхлая, текст рукописный, с затейливыми виньетками в начале каждой главы. Содержания их я не помню, скорее, это были какие-то псалмы или описания жизни святых. Находились здесь также иконостасы, ил-

люстрирующие эпизоды из жизни святых*. В буфете имелась старинная посуда, фарфоровые чашки, статуэтки с изумительными по красоте красками и росписью. Я обошла все комнаты, как бы прощаясь с ними. Возле диванчика тети Веры валялись осколки оконных стекол, куски штукатурки, но он был невредим, и, исполняя настойчивое желание Веры Евграфовны, мы устроили ее на привычном месте.

Как-то незаметно стали исчезать жильцы наших домов. Кто-то уходил в менее опасные городские районы, кому-то, пока Ярославль не оказался в кольце красных частей, удавалось выйти за черту города и найти пристанище в окрестных деревнях и селах*. Мы же оставались на месте, очевидно, тетушки поначалу даже не думали покидать родовое гнездо. Сохранявшая полное самообладание Клара Борисовна не представляла трагизма создавшейся обстановки и была в основном погружена в заботу о маленькой Олесе, которая, находясь в непривычных условиях, без движения, на темной лестнице, плакала и капризничала. Пока еще оставались на месте жильцы смежной с нашей квартиры и семья лавочников в первом этаже, которая потом тоже куда-то исчезла.

Ползли разные слухи. Говорили, что труп убитого комиссара Нахимсона возят в пролетке по городу (своими глазами я этого не видела)*, передавали, что захваченных восставшими большевиков отвезли на баржу, на середину Волги*. Но ни убийств, ни расстрелов не было. Малочисленная группа восставших была в основном занята сохранением захваченных позиций. С наступлением вечера мы опять пошли в квартиру, в которой провели первую ночь после начала восстания. Обстановка по-прежнему оставалась неопределенной, и в нас жило только одно желание: поскорее бы все это кончилось. Однако до конца было еще далеко, потребовалось еще 14–15 дней разрушений, пожаров, напрасных жертв.

ГЛАВА 3. ТРЕТИЙ ДЕНЬ ВОССТАНИЯ

Утром — ничего нового. Перестрелка продолжалась с нарастающей силой. Вернулись в свой дом. К этому времени в общих чертах уже можно было представить военную обстановку.

Сейчас Ярославль очень изменился, и я, рассказывая о событиях июля 1918-го, буду представлять его в том виде, каким он был до начала восстания. Город разделялся на три части. Прежде всего центр с административными зданиями, старинными церквами и другими памятниками старины, с высокой на-

бережной Волги, от которой к Волковскому театру вел большой бульвар из старых лип. Центр города отделялся рекой Которослью от расположенной в низине так называемой Закоторосльной части города. Весной Которосль, впадающая в Волгу, широко разливалась по обширной пойме и нередко затопляла низко расположенные дома Закоторосльной стороны. Через эту пойму на всем ее протяжении шла высокая дамба четырех-пятиметровой высоты, которая соединялась с центральной частью города перекинутым через Которосль мостом типа железнодорожного, имевшим трамвайные рельсы и дорогу для транспорта*. На берегу Которосли, почти рядом с въездом на мост, высились белокаменные старинной кладки стены Спасского монастыря. В минувшие дни монастырь не только служил религиозным целям, но и был своего рода крепостью, почему его и обозначали на картах как кремль. Место впадения Которосли в Волгу называлось Стрелкой и было самым красивым в городе. Здесь высокий берег Волги был засажен вековыми липами, которые окаймляли простое по архитектуре, но необычайно красивое здание Демидовского юридического лицея. За лицеем простиралась большая площадь, посредине которой стоял старинный Успенский собор. В центре другой площади, соединявшейся с Соборной бульваром, — церковь Ильи Пророка — редкий памятник старины. Вообще центр города изобиловал древними сооружениями — церкви, башни, торговые ряды и пр. Многие из них в последующие дни осады города послужили местом убежища жителей.

Закоторосльная сторона была населена в основном рабочим людом — мелкими ремесленниками, железнодорожными рабочими и служащими. Там же был расположен основной железнодорожный вокзал, станция же в центре города, так называемое Всполье, находилась вблизи въезда на железнодорожный мост, соединяющий берега Волги. Недалеко от основного железнодорожного пути в Закоторосльной стороне находилась большая Карзинкинская текстильная мануфактура с обособленной территорией. Мы с сестрой хорошо знали эту фабрику, так как наши сверстницы и подруги, дочери очень чтиимого рабочими при его жизни доктора Братановича, врача фабричной больницы, жили вместе с матерью в домах для служащих фабрики: вдова доктора была акушеркой и работала в родильном отделении той же больницы. Хозяева Карзинкинской мануфактуры относились к разряду либеральных капиталистов, и рабочие фабрики пользовались рядом привилегий: на фабрике был собственный скотный двор, который поставлял молоко для работающих, хороший лабаз снабжал их в условиях быстро нараставшей в годы войны нехватки продовольствия продуктами по низким ценам. Я пишу это для того, чтобы объяснить относительно пассивное отношение к происходившему рабочих Карзинкиской фабрики*.

Третья часть города, Тверицы, малонаселенная, с домами, расположеными, в основном, по берегу реки, находилась за Волгой. Железнодорожная станция у моста с этой стороны реки была в руках восставших*. Очевидно, именно сюда предполагалось прибытие каких-то совершенно нереальных (и это впоследствии стало очевидным) союзных войск из Мурманска.

Распределение войсковых частей восставших и большевиков к третьему дню вырисовывалось в общих чертах следующим образом. Красные подразделения, вначале относительно немногочисленные, в дальнейшем с каждым днем росли*. С первых же дней мятежа к ним присоединилась группа немецких военнопленных, покинувших центр города, поскольку мятежники объявили себя в состоянии войны с кайзеровской Германией. Во главе этой группы стоял немецкий лейтенант Балк*. Красными войсками были заняты вся Закоторосльная сторона с главным железнодорожным вокзалом, Карзинкинская фабрика, соприкасавшаяся с железнодорожными путями, станция Всполье. Левый берег Которосли и центр города обороняли группы восставших, их основные силы были сосредоточены около моста через Которосль* и отражали попытки противника прорваться в центр. Восставшие господствовали также по течению Волги в пределах города, в их руках находились Тверицы и железнодорожный путь на левом берегу Волги. Группы восставших были малочисленны и располагались только по границам занятой ими территории, ведя оборону центра города. Таким образом, если стоять лицом к Волге, территория, подконтрольная восставшим, ограничивалась спереди Волгой, справа и сзади Которослью, слева — станцией Всполье. К третьему дню кольцо красных частей, окружавших центр, сомкнулось. Покинуть город, выйти за его черту было уже невозможно, все пути были отрезаны, и население центральной части Ярославля оказалось в осаде.

На третий день мятежа начался артиллерийский обстрел города. Огонь велся из орудий, установленных на самой высокой точке Закоторосльной стороны — Туговой горе. На ней было расположено городское кладбище, и мы с семейством и тетушками часто бывали там, навещая могилы родителей. С этой точки широко просматривался весь город* с его многочисленными улицами, великолепными храмами и памятниками старины. Каменных зданий было относительно мало, они в основном встречались по берегу Которосли в самом центре города. На берегу Которосли, недалеко от моста через реку и примерно в квартале от Рождественской улицы, где мы жили, высилось высокое четырехэтажное кирпичное здание паровой мельницы, принадлежавшей местному богачу купцу Вахромееву*. Я упоминаю об этой мельнице потому, что в дальнейшем она сыграла немалую роль в нашей судьбе.

Итак, на третий день восстания, примерно с 10–11 часов утра над городом начали рваться артиллерийские и зажигательные снаряды. Говорили, что обстрел вели немецкие военнопленные во главе с лейтенантом Балком. Насколько это верно, не знаю, но обстрел производили каждый день, планомерно, веерообразно, сосредоточивая его поочередно на различных секторах города*. В тот памятный для меня день шквал снарядов обрушился на дома, находившиеся в 2–3 кварталах от нашего дома*. Из окна гостиной, забыв об угрожавшей опасности, я с ужасом смотрела на кварталы, подвергшиеся обстрелу. Из окон фасада нашего дома прекрасно просматривался этот район. Картина была потрясающая. Я видела снопы пламени от разрывов снарядов, и странно: до сознания доходили только зрительные впечатления, а грохот стрельбы не воспринимался. Вскоре над подвергшимся обстрелу районом появились клубы черного дыма, а затем огромные языки пламени, казалось, достигавшие облаков. Деревянные домики в засушливую жаркую летнюю пору были легкой пищей огня и вспыхивали как порох. За каких-нибудь 15–20 минут весь этот район в 3–4 квартала превратился в бушующий костер. На фоне красного неба, летящих головней, искр метались темные тени испуганных птиц, которые, не находя спасения, падали во все пожирающий огонь. Казалось, ничто не могло остаться живым в этом кошмаре. Вот теперь до моего уха стали доходить отдельные звуки — тревожный, не умолкающий набат с колокольни ближайшей к зоне пожара церкви и зловещее шипение языков пламени, которое сопровождало меня потом все две недели страшной осады. Тушить огонь никто и не пытался. Восставших в районе пожара не было, и жертвой стало мирное население, в основном старики, женщины, дети, поскольку мужчины были привлечены восставшими к рытью окопов и установке заграждений. На фоне бушующего пламени четко выделялась окруженная церковным садом и белой оградой, стоявшая на возвышении белоснежная старинная церковь Никиты Мученика. Она не соприкасалась вплотную с горящими домами, а ее метровые стены служили защитой от снарядов и огня. В зоне пожара жили наши близкие знакомые, и я, содрогаясь, думала об их судьбе. Как мы узнали впоследствии, они, как и многие другие, нашли спасение в церкви, едва выбежав в чем были из охваченного огнем дома. Все их имущество, конечно, досталось огню. А сколько людей погибло, не знал никто.

Как прикованная, стояла я у окна, не имея сил оторваться от этого страшного зрелища. Отвела меня от него тетя Вера, находившаяся во втором этаже дома. Я села на ее диванчик и долго не могла прийти в себя. Страха не было, а только сознание бессмысленности этого разрушения, ведь пожар не причинял никакого вреда восставшим. Мы начинали понимать, что та же участь ждет и нас.

Все члены семьи были подавлены и не знали, что предпринять. Бежать было некуда: перед домом — улица, на всем протяжении простреливающаяся пулеметным огнем красных частей со станции Всполье и мятежниками с расположенной у входа на мост через Которосль площади*; сзади, за один-полтора квартала от наших домов — берег Которосли, обороняемый группами восставших. На колокольне церкви Николы Мокрого их пулемет, ведущий огонь наискось через наш двор и близлежащий переулок. Один из снарядов попал в соседний дом, сорвал часть крыши, посыпалась доски, бревна, но каким-то образом пожара на сей раз не возникло.

Как прошел остаток этого дня, помню плохо. Большую часть времени я проводила с тетей Верой в верхнем этаже дома. Клара Борисовна была на внутренней лестнице с маленькой Олесей, ее сын, девятилетний Юра, держался для его возраста мужественно и был около матери, помогая ей успокаивать малютку. Пожар все еще продолжался. К вечеру огонь стал утихать, периодически вспыхивали снопы искр, поднимались клубы дыма, зарево охватило полнеба. Как провели ночь, стерлось в памяти. Часть семьи ушла на прежнее место ночлега — в полуподвальную квартиру старинного особняка во дворе. Я, насколько помню, была то с тетей Верой, то в нижнем этаже дома, в кухне. Перестрелка к ночи утихла*, однако все большие опасения вызывала наша дальнейшая участь. Забрезжил рассвет, пожар терпевшего бедствие района постепенно угасал, я забылась тревожным сном. Наступал роковой для нашей семьи день.

ГЛАВА 4. ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ ВОССТАНИЯ

В обстановке ничего не изменилось. Шла ружейная и пулеметная перестрелка. В 11 или 12 часов дня (точно не помню) возобновился артиллерийский обстрел. Шквальному огню подверглись Рождественская улица и близлежащие переулки. Сквозь грохот разрывов снарядов послышались голоса: «Пожар! Гогрим!» Мы вышли из состояния оцепенения и стали лихорадочно собирать и связывать в узлы попадавшиеся под руку вещи, в основном малоценные и ненужные: летние платья, постельные принадлежности. Теплая одежда (шубы, пальто) оставалась в шкафах. В прихожей стоял плотно запертый на замок сундук, в котором хранились ценные меха: мой дед по матери, сибиряк, таежный охотник, сам добывал пушного зверя. Помню, что в том сундуке хранились великолепные бобровые и выдровые воротники, горностаевая мантилья, соболья пелерина, подаренная дедом своей любимой младшей дочери — моей матери, когда она

выходила замуж. Там же находились шубы, женские ротонды на меху, столовое серебро. Сундук этот, как и старинные вещи в шкафах, мы оставили в доме. Тетушки, вероятно, не представляли, что все это родовое добро будет беспощадно уничтожено огнем. Кто-то (очевидно, соседи) сказал, что спасение от огня можно найти в погребе нашего старинного особняка: сводчатые потолки и перекрытия, построенные несколько веков назад древними строителями, смогут, даже если огонь и охватит здание, выдержать рушащиеся балки, настилы полов и крыши и не дадут обломкам пожираемого огнем здания обрушиться на нас. Мы не были уверены в этом, но все же решили перенести узлы с вещами в погреб и укрыться там. Надо было пересекать двор, к счастью, пули свистели над головами и никого не задели. Перебежала через двор Клара Борисовна с детьми. Мы благополучно перенесли узлы, положили их на деревянный настил и сели на них. Под досками хлюпала вода.

Когда я в первый раз вышла во двор переносить вещи, то не узнала окрестности. Все вокруг пыпало. Горели корпуса Мурановских бань, огнем был охвачен их главный двухэтажный каменный корпус: из окон вырывались языки пламени, огненные струйки пожирали крышу здания. Огонь перекидывался на штабеля дров, сложенных на лесном складе бань (она отапливалась дровами) и подбирался уже к нашим сарайям, кладовым, погребам. Пламя пожирало все, что встречалось ему на пути, летели головни и искры, от жара, запаха гари трудно было дышать. Железные двери подвала, где мы укрылись, накалились. В подвале, кроме нас, искали убежище еще 2–3 семьи — женщины с малыми детьми, всего 15–20 человек. В проеме входа в подвал показалась фигура молодого офицера. Увидев наше бедственное положение, он воскликнул: «Что вы делаете, вы все здесь сгорите! Спасайтесь, пробирайтесь в центр города, там нет пожара». Мы и сами понимали ужас грозящей нам смерти. Бросив в подвале почти все наши вещи (тетушки дали мне нести что-то тяжелое), мы снова перебежали двор и собрались у ворот. Дома на противоположной стороне улицы не были повреждены, пламя пока их щадило. По странной случайности эти 2–3 дома так и пережили осаду, сохранившись в целости до конца восстания. Вся же остальная Рождественская улица с ее деревянными постройками была практически полностью уничтожена огнем. Сохранился еще лишь небольшой квартал улицы у моста через Которосль, в котором жили наши хорошие знакомые.

Итак, наша семья собралась у ворот около уже загоравшихся зданий. Вдоль улицы с короткими промежутками шла ружейная и пулеметная перестрелка. Первой перебежала ее средняя по возрасту тетушка — Анна Евграфовна, или, как называли ее в семье, Косенька (она приходилась крестной матерью нам и нашим

двоюродным братьям). За ней, дождавшись перерыва в стрельбе, дорогу перебежала я. На бегу почувствовала, как что-то горячее потекло по ноге, и подумала, что меня ранило, но, перебравшись через дорогу, заметила у себя в руке большой чайник с кипятком, который и обжег мне ногу. Чайник, конечно, тут же бросили. В другой руке у меня оказался тяжелый узелок с какими-то металлическими предметами. Это были тяжелые ключи к дедовским замкам от погребов и кладовых. Узелок тоже бросили, оставили только как память о старом доме старинную медную пепельницу в форме лаптя. Несмотря на все превратности судьбы, эта пепельница каким-то чудом сохранилась до сих пор и в напоминание о пережитом сберегается в нашей семье, считаясь чем-то вроде семейной реликвии. В узлах, оставшихся в погребе, сохранилась также одна из икон нашего дома в красивой, тонкой чеканки серебряной ризе. Эта икона тоже бережно хранится у нас.

Однако возвращаюсь к своему рассказу. Помню, что в тот страшный момент я не испытывала страха, сохраняла спокойствие и только с замиранием сердца следила за тем, как остальные члены семьи перебегали дорогу. Вот уже перебежала Клара Борисовна с детьми. Последней спокойным шагом, как бы прощаясь со всем, что оставалось позади, перешла дорогу тетя Вера. У крыльца дома остался, визжа от ужаса, наш рыжий Тобик — дворняжка, которую любила вся семья. Мы звали его, но он так и не решился перебежать улицу и остался у занимавшихся пламенем зданий.

Двор домов противоположной стороны улицы, на которой мы очутились, был пустынен, жители окружавших его зданий либо ушли, либо прятались в укрытиях, покинув свои квартиры. Что было делать дальше, куда идти? Решили пробираться задами и переулками к центру города. Улицы были пустынны, ни восставших, ни жителей не было видно. Тротуары были засыпаны осколками стекла, камнями, различными обломками. Никого не встретив, мы добрались до центральной площади города, где находилось здание городского театра имени Волкова. Площадь также была странно пуста, слышалось лишь щелканье пуль о каменные стены зданий. Укрыться, найти хотя бы временный приют, было негде.

Мы подошли к старинной постройке со стенами метровой толщины, к так называемой Спасской башне. Это был один из замечательных памятников старины. Нижний этаж башни образовывала сводчатая, с гладкими стенами и потолком, широкая арка, через которую проходила проезжая дорога. Верхний этаж башни с бойницами по бокам и узкими, удлиненными окнами занимала часовня с чтимой жителями города иконой Богоматери*. Внутри эта часовня была очень красива, с росписью на стенах и особым световым эффектом, который давали

высоко под потолком расположенные окна. Помню, меня поражала богатая риза иконы, украшенная мелким жемчугом с вкрапленными в него блестящими драгоценными камнями. В момент, когда мы подошли к башне, надеясь найти убежище в часовне, обнаружили, что вход в нее был заперт, и проникнуть туда было невозможно. Вернулись под арку часовни и здесь заметили у одной из ее стен узкую боковую деревянную лестницу, которая вела во второй этаж башни, в помещение, расположенное рядом с часовней, в котором жил сторож с семьей. Поднялись по ступенькам лестницы, постучали в дверь, попросили приюта. Мужчина, приоткрывший дверь, категорически отказал нам. Оказалось, здесь только что, занавешивая окно, погибла женщина, и в комнату никого не хотели впускать. Даже на настойчивые просьбы Клары Борисовны с ребенком на руках последовал отказ. Ребенок плакал, хотел пить, и единственное, чем помогли нам хозяева, — согласились вынести девочке стакан воды.

Сгущались сумерки, приближалась ночь. Ничего другого нам не оставалось, как устроиться на узеньких ступеньках деревянной лестницы под аркой башни. На площадке прямо возле башни стояла небольшая пушка восставших. Они вели огонь по броневику, пытавшемуся подавить оборону и пробиться в центр города. Орудийные залпы гулко отдавались под аркой. О сне нечего было и думать. Командир наряда пушки несколько раз подходил к нам и успокаивал, говоря, что им удалось затормозить атаку и отогнать противника. Только сейчас мы осознали опасность нашего положения. Если бы красные сумели прорваться, то, обнаружив нас в непосредственной близости к пушке, они, естественно, посчитали бы нас не просто сочувствующими, а активными участниками восстания. В пылу битвы, при низком уровне дисциплины красных частей нам нечего было ждать пощады. Ночь тянулась мучительно долго, тело ныло от неудобного положения, мы страдали от жажды и дрожали от холода, пытаясь по очереди согреться одеялом, оказавшимся у кого-то из нас.

ГЛАВА 5. ПЯТЫЙ ДЕНЬ ВОССТАНИЯ

Наступил безрадостный рассвет. Атаки красных захлебнулись, пушка перестала стрелять. К нам снова подошел командир наряда орудия. Это был молодой человек в штатской тужурке со студенческой фуражкой на голове. Он сказал, что дальнейшее пребывание здесь для нас опасно и посоветовал искать убежище в епархиальном училище, где, по его данным, уже скрывалась группа жителей, пострадавших от пожара нашего района. Снова стали пробираться дворами, при-

тихшими, пустынными проулками на нашу улицу. Епархиальное училище, двухэтажное здание с колоннами у входа, было вытянуто почти на квартал*. К нашему удивлению, здание не пострадало от артиллерийских снарядов, а от огня, сжегшего дотла почти всю Рождественскую улицу, его защитил находившийся при нем обширный сад. Листья деревьев сада были опалены жаром, но огонь к зданию не прорвался.

В училище мы встретили какие-то элементы организации помощи пострадавшим. Нас провели в подвальный (вероятно, ранее служивший для хозяйственных надобностей) коридор. Вдоль стен этого коридора были разложены матрацы, на которых сидели старики и женщины с маленькими детьми на руках. Ребятишки постарше, несмотря на тяжесть обстановки, бегали вдоль коридора между матрацами, кричали, шалили. Матери успокаивали, как могли, малышей. После смятения и ужаса первых минут и часов всепожирающего пожара, люди несколько пришли в себя, рассказывали друг другу отдельные эпизоды происшедшего. Выяснилось, что организацией спасения терпящего бедствие населения руководил какой-то капитан. Ни его имени, ни его фамилии никто не знал. Это именно он организовал убежище для погорельцев в здании епархиального училища. Опытный военный, он сразу понял, что здание это находится в «мертвой» зоне и не попадет под артиллерийский обстрел. Дело в том, что на пути снарядов при их полете с Туговой горы перед училищем высилось громоздкое здание паровой мельницы. Все снаряды, посыпаемые орудиями в этот сектор, обрушивались на мельницу и не достигали училища, только отдельные по касательной изредка попадали в его стены, но не проникали внутрь самого здания.

Вахромеевская мельница, подвергавшаяся непрерывному обстрелу, не переставая горела: днем над ней клубились волны темного дыма, вечером к небу поднимались снопы искр, и небо окрашивалось багровым заревом, освещавшим окрестность. Понятно, внутри здания уже сгорело все, что могло быть пищей огня, но говорили, что тлеют и горят большие запасы зерна. Пожар мельницы прекратился только после снятия осады.

Капитан же, руководивший спасением жителей во время пожара Рождественской улицы, был убит осколком снаряда. Тело этого благородного человека, отдавшего свою жизнь на спасение других, было перенесено благодарными обитателями училища в домовую церковь. Его гроб каждый день покрывали свежими цветами, которые не без риска для жизни (сад простреливался пулями, а иногда и снарядами) срывали с клумб училищного сада. На следующий день пребывания в училище я поднялась на второй этаж в церковь. Гроб капитана

стоял посреди церкви, красные гвоздики обрамляли его бледное лицо. Осколок снаряда разбил ему висок, и смерть, по-видимому, наступила мгновенно. Это был уже немолодой человек с простым лицом не горожанина, а, скорее, крестьянина. Я молча постояла около гроба и невольно подумала, что в минуты опасности всегда как-то сами собой, без рисовки, выделяются незаметные до того момента личности, готовые ради других пожертвовать своей жизнью. Очевидно, это и есть истинные герои, перед памятью которых во все времена, при всех обстоятельствах мы должны с благодарностью и глубоким чувством почтения склонять головы. Еще во время осады капитан был похоронен в саду епархиального училища. Его могила была усыпана цветами.

После этого невольного отступления продолжаю свое дальнейшее повествование. Мне уже не так много осталось сказать.

В подвальном коридоре для нашей семьи выделили два матраца. На одном расположилась Клара Борисовна с детьми, на другом по двое, по очереди, отдыхали и спали другие члены семьи. Ослабевшая тетя Вера попросила устроить ее на кровати на первом этаже — в просторной светлой, бывшей когда-то классной, комнате. Я и сестра после всех тревог и всего пережитого повалились на матрац и заснули. Тетушкам уступила свой матрац одна женщина по соседству. Сколько мы спали, не помню. Пробуждение вернуло к действительности.

ГЛАВА 6. ЕПАРХИАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ

Время, проведенное в епархиальном училище, вспоминается как вереница сменяющих друг друга тягостных дней и ночей. Орудийный обстрел различных секторов города, ружейная и пулеметная стрельба продолжались. Не утихали пожары, горели деревянные дома, расположенные на окраинах города. В Тверицах за Волгой огонь пожирал одну улицу за другой, оставляя за собой груды пепла и невинные жертвы. Все 16 дней осады непрерывно горели белокаменные старинной постройки торговые ряды*, где пищей огня, очевидно, стали склады товаров.

Среди собравшихся в училище погорельцев все заметнее начал ощущаться недостаток продовольствия. Наша семья, уходя от пожара, не захватила с собой никаких продуктов. Маленькую Олесю подкармливали соседи. Чем питались мы первые дни пребывания в училище, не помню. В складе училища обнаружили запас какао, банки раздали беженцам. По утрам пили кипяток, разбавленный какао. За водой ходили в сад к водопроводу. Сад простреливался. В кухне учили-

ща растапливали плиту, там стояли чайники с кипятком. У кого были продукты, готовили себе еду.

Затем была создана некая комиссия, в которую вошли местный священник и два общественных деятеля. Комиссия работала честно и делала все возможное, чтобы как-то обеспечить пострадавших продуктами. В городе работала пекарня. Через день в училище привозили буханки хлеба, делили их на микроскопические порции и раздавали всем беженцам. Ели маленькими кусочками, растягивая еду как можно дольше.

В коридоре рядом с комнатой, где лежала тетя Вера, поставили кровать и на нее уложили знакомого старичка — отставного военного, которого, кажется, звали Александром Семеновичем. Он так ослаб, что уже не мог вставать с постели.

В епархиальном училище был развернут медпункт, во главе которого стал молодой доктор. Насколько были незначительны потери восставших, можно было судить по тому, что в медпункт почти не поступали раненые с позиций. Койки в основном заполнялись ослабевшими и больными ярославцами. Примерно на восьмой день осады Александра Семеновича отнесли в медпункт. На следующий день он умер. Умерли еще какая-то женщина и ребенок (точно не помню, когда и кто именно). Тело Александра Семеновича положили в гроб и отнесли в церковь.

Красные войска, обнаружив, вероятно, что часть секторов города не пропадает снарядами, решили прибегнуть к помощи авиации. Над городом долго кружил самолет и, наконец, сбросил бомбы. Они попали в сад училища, наделав много грохота, но, к счастью, человеческих жертв не было. Осколком снаряда была убита корова, которую хозяева сохраняли в саду. Тушу животного по-братьски разделили между беженцами. Мясо, кости достались и на нашу долю: дня 2–3 варили суп и тем питались.

В один из дней снаряд по касательной попал в стену комнаты, где лежала тетя Вера, но не разорвался и беды не наделал. Дни я обычно проводила около тети Веры. Время тянулось мучительно медленно. Иногда по ночам я спускалась в подвал и засыпала на матраце тревожным сном, но там было душно, плакали дети, и я предпочитала выходить на улицу: стрельба утихала, все небо было в багровом зареве от горящего города, было слышно отвратительное шипение языков пламени, с жадностью пожиравших уцелевшие до сих пор строения.

У крыльца училища для поддержания порядка обычно стоял на посту кто-нибудь из числа восставших. Чаще всего это был молоденький студент-путеец. К восьмому-десятому дню восстания уже стало очевидным, что никаких союзных войск не будет, что помочь ждать неоткуда. Молодой человек, с кото-

рым я иногда вступала в разговор, трезво оценивал обстановку и как-то удивительно спокойно, буднично говорил о неизбежной гибели.

Примерно на девятый-десятый день осады было решено (кем, не знаю) направить парламентерскую группу из числа гражданского населения для переговоров с командованием красных частей. Я не могу с уверенностью говорить об этом событии, но очевидцы рассказывали следующее. К окопам красных войск направилась группа из 15–20 человек с белым флагом в руках, чтобы договориться о выводе из осажденного города хотя бы женщин и детей. Группу людей, шедших с этим поручением, подпустили на несколько шагов до рубежей красных частей и затем хладнокровно расстреляли*. Так ли это было, трудно сказать, но есть основания полагать, что это недалеко от истины: если бы группа вступила в переговоры, возможно, и было бы принято какое-нибудь компромиссное решение, но ничего подобного не последовало. Между тем разрушение города, пожары, бедствия ни в чем не повинного населения продолжались.

Помню, в те дни у меня не было страха, я не страдала от недостатка еды, не думала о том, что мы лишились крова, имущества, средств к существованию. Я вся была поглощена мыслями о восстании. Я не понимала (да и кто это мог понять?), чем оправдывалось это бессмысленное, жестокое, беспощадное разрушение цветущего города, гибель ни в чем не повинного мирного населения. Я не могла постичь, каким образом красные воинские соединения, к тому времени по численности во много раз превосходившие небольшую группу восставших, не могли подавить сопротивление, штурмом захватить город и тем самым снять осаду и прекратить его разрушение? Почему, наконец, не был предложен компромиссный выход, например капитуляция восставших с сохранением жизни примкнувшей к восстанию молодежи, не разбирающейся в политической обстановке, в целях борьбы, в соотношении сил?*

Вместо этого еще 5–6 дней продолжалась упорная борьба, полыхали пожары. Восставшие оказывали сопротивление с отчаянием обреченных, и день расплаты настал. На пятнадцатый день восстания стало известно, что полковник Перхуров подло сбежал, бросив всех на произвол судьбы. Как ему с группой сопровождавших его офицеров удалось проскользнуть через кордоны красных войск, остается непонятным*. Говорили, что они захватили один из небольших речных пароходиков, в обычное время совершивших пригородные рейсы по Волге. Беглецы погрузили на пароход оружие и, воспользовавшись темнотой и недостаточной бдительностью охраны красных соединений, скрылись, пройдя под железнодорожным мостом вверх по течению реки. Так ли это было, точно не знаю, но остается фактом, что им удалось скрыться и избежать на данном этапе

суда и ответственности. Потом уже не офицерские подразделения, а банда полуразбойников скрывалась в прибрежных лесах, в монастырях, в тайных убежищах. На протяжении, по меньшей мере, двух лет в газетах сообщалось о задержании и привлечении к ответственности того или иного из истинных виновников и участников ярославского восстания. Примерно через два года (точной даты не помню) в центральной прессе появилось сообщение о задержании и предании суду главного организатора восстания — полковника Перхурова. Он был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Тем не менее, это не искупало его вины в гибели многочисленных жизней*.

ГЛАВА 7. СДАЧА ГОРОДА

После бегства Перхурова восставшие остались без руководства. В плотную встал вопрос о необходимости сдачи города. Эту неблагодарную миссию взял на себя генерал Карпов.

На шестнадцатый день осады среди населения появилось лаконичное по содержанию не то возвзвание, не то приказ. В нем говорилось, что командование над восставшими войсковыми соединениями берет на себя генерал Карпов и сдает город в руки группы немецких военнопленных под командованием лейтенанта Балка. Эта группа все дни осады действовала совместно с частями Красной армии.

На что надеялся генерал? Быть может, он рассчитывал таким путем сохранить жизнь хотя бы части восставших?

Я лично знала генерала Карпова и его семью. Он не был строевым командиром, а, кажется, был генералом, как тогда называлось, от инфanterии*. Моя близкая подруга по учебе жила в его семье. В последние годы империалистической войны ее отец, капитан Мелентьев, был убит на фронте, а спустя год умерла от белокровия, как тогда говорили, ее мать, еще молодая женщина. Круглыми сиротами остались моя подруга Нина, девочка 13–14 лет, и ее младшая сестренка 10–11 лет. Жена генерала приходилась им родной теткой, и девочки были взяты на воспитание в семью Карповых. Навещая Нину, я бывала в их доме. Это была добропорядочная, скромная, интеллигентная семья. Изредка я видела и самого генерала Карпова, на мой взгляд, уже старика, тихого, скромного, находившегося под влиянием жены, которая и являлась полной хозяйкой в доме. У них был единственный сын, студент Московского политехнического института. За год до описываемых событий он женился, и перед самым восстанием у него родился ребенок*.

*Ярославль после июльского расстрела. Фото И. А. Лазарева и его соратников. 1919 (?)
«Дом Ивановых».*

Внизу: вид с северо-запада; слева виднеется угол Мурановских бань; между ними и домом — второй корпус семинарии.

*Вверху: южная стена дома.
Справа: церковь Николы Мокрого, вид с северо-запада (от манежа казарм)*

Вверху: «Вахромеевская мельница», вид с юго-запада (слева); западная часть Большой Рождественской улицы, в створе виднеется церковь Пятницы на Всполье.
Внизу: главный корпус Духовной семинарии (справа); в домовой Димитриевской церкви семинарии

Был ли генерал Карпов активным организатором восстания? Думаю, едва ли*. Во-первых, если бы это было так, Нина, находившаяся в дружбе со мной, как-то дала бы мне знать о надвигавшихся событиях. Во-вторых, если бы генерал Карпов был в заговоре, он постарался бы вывезти свою семью из Ярославля, а этого, насколько я помню, не произошло, и члены его семьи остались в городе свидетелями происходивших событий. В-третьих, и это самое главное, если бы генерал Карпов был организатором восстания, именно он, а не младший по званию полковник Перхуров с самого начала стал бы во главе восставших. Говорили, что после бегства Перхурова генерала уговорили взять на себя руководство и ответственность, прекратить оборону и сдать город противнику.

Так или иначе, на шестнадцатый день восстания стрельба в городе прекратилась. Первыми на улицах появились грузовики с немецкими военнопленными, что лишний раз подтверждало их активное участие в подавлении восстания*. Они вели себя дисциплинированно и спокойно отбирали у восставших оружие, складывая его в грузовики. Затем они как-то незаметно исчезли, и на улицы пригихшего города ворвались толпы неорганизованных, разъяренных красноармейцев с развевающимися красными лентами на шлемах, в красных повязках на руках гимнастерок. Никто не наводил среди них порядка, никто не преграждал путь к бесчинствам, к безудержной расправе над участниками восстания. Они хватали людей прямо на улицах и без суда и следствия расстреливали при малейшем подозрении в участии в восстании. Происходили душераздирающие сцены. Я помню, как из объятий нашей соседки по епархиальному училищу выхватили ее сына, мальчика 11 лет, не по возрасту физически развитого. Только после того, как убитая горем мать показала метрики сына, его отпустили. Из рук другой нашей знакомой, девушки лет 17–18, вырвали брата-гимназиста 15 лет, бывшего не по возрасту высоким. Юноша, предвидя свою судьбу, был бледен, но старался держаться стойко и не просил пощады. Его отвели за угол и расстреляли. Был ли он в действительности участником восстания, не знаю: все спуталось, и люди вовлекались в события помимо их воли. Безудержная расправа над мнимыми и действительными участниками восстания продолжалась. Слышались выстрелы, на улицах, на откосах набережных Волги валялись трупы расстрелянных*. Население как бы оцепенело от ужаса.

Вообще, если расценивать отношение населения к противоборствующим сторонам во время осады и разрушения города, то большинство, далекое от политики и борьбы идей, испытывая бедствия, теряя кров и близких, с осуждением относилось к действиям красных войсковых соединений, не понимая и не оправдывая их бессмысленной, беспримерной жестокости.

Но возвращаюсь к рассказу. После захвата улиц города красными частями последовал приказ: всем мужчинам собраться и идти по направлению к станции Всполье. Гнали всех без разбора — и старых, и малых.

Не знаю, каким образом в тот наиболее острый момент расправы над восставшими нам пришла в голову безумная мысль пойти на пепелище наших домов. Ходили слухи, что подвал нашего старинного особняка не сгорел. Тогда у нас была возможность найти в нем наши вещи. Несколько успокоенные прекращением стрельбы я, сестра и одна из тетушек, Анна Евграфовна, пробрались дворами на Рождественскую улицу.

Нашим глазам представилось странное зрелище: по улице тесно сомкнутыми рядами под конвоем красноармейцев шли мужчины разных возрастов, начиная от старииков и кончая безусыми подростками. Они шли медленно, молча, склонив головы, как обреченные, ожидая неминуемой гибели. Нам нужно было спасаться бегством, но мы стояли, как каменные. Несколько красноармейцев схватили нас и, несмотря на наши протесты, втолкнули в ряды мужчин. Мы пытались объяснить, что никакого участия в мятеже не принимали, что на улицу попали случайно, пробираясь к нашим сгоревшим домам, ничего не помогало. Я пыталась сопротивляться и выйти из рядов обреченных, но удар прикладом по спине вернул меня на прежнее место, в колонну идущих на расправу. Нашей тетушке по ее возрасту (ей было уже около 70 лет) едва ли что-либо угрожало. Положение же мое и сестры было совсем иным. Нас, молодых девушек, могли заподозрить как связных, сестер милосердия, санитарок пунктов медпомощи в зоне восставших, а пощады тогда никому не давали. Попав в ряды идущих на Всполье, мы тем самым становились подозреваемыми в участии в восстании. Я почему-то не испытывала никакого страха и молча подчинилась событиям. Женщин в колонне было человек 25, и некоторые мужчины с участием смотрели на нас. Не знаю, как долго мы шли мимо развалин, мимо еще курившихся дымом пепелищ, разрушенного бомбами и сожженного огнем здания военного госпиталя...*

Наконец, мы дошли до станции Всполье и присоединились к плотной массе ранее пришедших. Станция была заполнена тесно сбившимися рядами мужчин разного возраста, разного социального положения, разного внешнего вида. Все покорно, в тупом молчании ждали решения своей судьбы. Передние ряды, удерживаемые цепью красноармейцев, безропотно ожидали своей очереди. Через некоторые промежутки времени их куда-то уводили. Что совершалось дальше, никто не знал, но по одиночным выстрелам и ружейным залпам можно было догадываться о том, что там происходило. Без суда и следствия, по случайному

отбору вершилась расправа над подозреваемыми и истинными участниками восстания. Толпа не сопротивлялась: все понимали, что это бесполезно, и покорно подчинялись своей судьбе.

Из массы мужчин выделили небольшую группу женщин. Окружившие нас плотным кольцом красноармейцы перемигивались, зубоскалили. На наши просьбы отпустить нас не отвечали, прорваться через их ряды было невозможно. Вдруг перед строем красноармейцев появилась фигура лейтенанта Балка, высокого, сухопарого немца. Он был в состоянии ярости, что-то кричал, в его руке еще дымился только что разряженный пистолет. Очевидно, он играл одну из выдающихся ролей в происходившей расправе и пользовался неограниченной властью*. Среди нас была одна энергичная женщина лет сорока, смуглая, с резкими чертами лица. Она все время громко возмущалась и требовала немедленно отпустить нас. Внезапно, уловив минуту, она неожиданно для караульных проскользнула через их цепь и бросилась к лейтенанту Балку. Женщина что-то громко говорила, жестикулировала, показывала на нашу группу. Крупными шагами Балк подошел к нам. По каким-то соображениям (возможно, он еще не совсем потерял европейскую культуру) он жестом приказал окружившим нас красноармейцам выпустить из рядов обреченных группу случайно задержанных женщин. Нехотя караульные расступились, мы воспользовались моментом и быстро пошли по направлению к городу. Собственно, города уже не было, перед нами лежала испепеленная пожаром земля. Улиц неизвестно было различить. От куч пепла исходил горький, едкий запах гарни. Кой-где торчали трубы печей и лежали трупы. Жар был так велик, что испепелил все, от трупов людей остались только кости, белели черепа. Погибших невозможно было опознать. Мы, потрясенные пережитым, не говоря ни слова, брали по слою пепла, покрывавшему мертвые пространства. Порывы ветра поднимали столбы пепла и рассеивали их в воздухе. Кой-где попадались полусгоревшие трупы жителей, не успевших вырваться из бушующего пламени костра. О том, что творилось позади нас на станции Всполье, можно было только догадываться: слышны были ружейные залпы. Сколько было жертв, скольким удалось спастись, этого не знал никто, да и едва ли кто-либо узнает...*

Зловещая фигура лейтенанта Балка, очевидно, одного из главных распорядителей учиненной расправы над восставшими, навсегда осталась в моей памяти. Основной виновник артобстрелов города, его разрушения, гибели многих невинных людей, один из руководителей беспощадной расправы над мнимыми и действительными участниками восстания — иноземец, чужак, которому советское правительство дало право бесчинствовать на чужой земле. Какими международными законами это может быть оправдано? Только одну цель преследо-

вало правительство: любыми мерами ликвидировать восстание, ту жалкую горстку мятежников, активность которых можно было легко подавить активными боевыми действиями, не прибегая к артобстрелам и уничтожению города.

Насколько я знаю (по всем данным так и было), в первый же день после подавления восстания на станцию Всполье был подан специальный железнодорожный состав для немецких военнопленных во главе с лейтенантом Балком. Правительство стремилось поскорее избавиться от компрометирующего его союзника. В то время Украина была оккупирована немецкими войсками, и состав с военнопленными и лейтенантом Балком был направлен на Украину на соединение с немецкими войсками. Говорили (не знаю, точно ли это), будто бы в составе поезда с военнопленными лейтенанту Балку удалось вывезти на Украину наиболее видных участников восстания и спасти их от расправы. Точными данными я не располагаю и не знаю, было ли это так. Однако уже в первый день после подавления восстания немецкие военнопленные из города исчезли*.

Что же происходило после того, как мы вместе с группой женщин, выпущенных со станции Всполье, стали пробираться к центру, где сохранились каменные строения? По дороге женщины, не обмениваясь словами, не глядя друг на друга, молча расходились по сторонам. Наша спасительница покинула нас одной из первых. Кто она была, мы так никогда и не узнали. Наконец мы, перейдя сохранившиеся улицы и дворы, добрались до нашего убежища — епархиального училища. В нем еще оставалось много погорельцев, но некоторые уже разошлись, разыскивая близких, знакомых, кое-кто надеялся выйти за черту города, найти приют в окружающих город деревнях и селах. Разгул террора поутих, на улицах города устанавливался некоторый порядок, проходили красные патрули. Население обменивалось впечатлениями.

Очевидцы уверяли, что в первый же день сдачи города на откосе набережной Волги лежали в одном белье трупы расстрелянных генерала Карпова и его сына. Не могу утверждать, что так и было, но, по всей видимости, это соответствовало действительности, так как впоследствии ни в одном упоминании о ярославском восстании не указывалась фамилия генерала Карпова. Если бы он остался жив, то как-то и где-то об этом было бы сказано. Он же исчез, был убит вместе с сыном рассвирепевшими массами красноармейцев*. Что же стало с несчастной семьей генерала Карпова? Спустя неделю после восстания, я пошла по известному мне адресу, где жила семья генерала. Квартира была пуста. У соседок, жительниц окружающих домов, я пыталась выяснить судьбу семьи. Большинство отмалчивалось, со страхом глядя на меня. Наконец по отдельным репликам удалось установить, что семья Карпова (его жена, невестка, племянницы, в том чис-

ле и моя подруга) на следующий же день после сдачи города уехали в верховья Волги, в город Рыбинск. Адреса они не оставили*. Попытка разыскать их следы через почтовую связь оказалась безрезультатной. Очевидно, боясь преследований, они или поменяли фамилию, или скрывались в глухих, отдаленных местах Рыбинской округи. Так или иначе, но с тех пор я так ничего и не знаю о дальнейшей судьбе семьи генерала Карпова и своей соученицы, моей подруги, племянницы генерала.

Вернувшись в училище, решила, не договариваясь ни с кем из домашних, попытаться пробраться к нашим старым домам. Что меня влекло туда? Я не могла забыть нашего Тобика, истошно визжавшего на фоне разгорающегося пожара. Я надеялась, что собачка уцелела и я найду ее среди развалин. Уже привычной дорогой прошла дворами, переулками и вышла на Рождественскую улицу. Была вторая половина солнечного летнего дня. Улица была пустынна, по ней уже не шли толпы обреченных, не было видно и красноармейцев. Перешла дорогу. Кирпичные стены первых этажей наших домов были завалены обломками кирпичей обвалившихся печей, обгоревшими кусками кровельного железа. Все было пустынно и мертвенно. Покрывавшая ранее двор зеленая трава была испепелена жаром, и он представлял собой унылое выжженное пространство. Я обошла двор, покликала Тобика, но он на зов не появился. Очевидно, Тобик погиб в огне или куда-нибудь сбежал*. Подошла к задней стене нашего дома, заглянула в окно кухни. К моему удивлению, наша русская печь уцелела, на ее шестке стояла хорошо знакомая мне медная полоскательница с прогоревшим дном. Отчего-то сильно сжалось сердце.

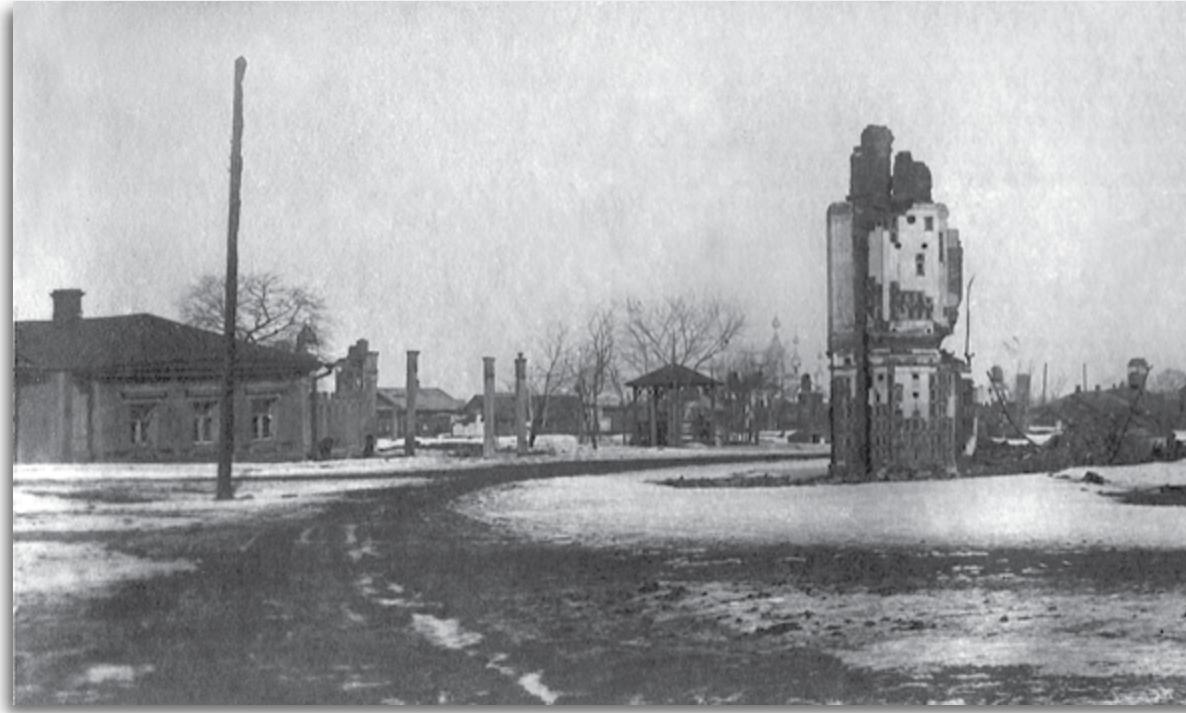
Пересекла двор. Наш старинный особняк мало пострадал от огня: сгорела крыша, все деревянное, что было внутри и снаружи, но стены были целы. Сводчатые потолки, возведенные древними мастерами, выдержали, балки и перекрытия не обвалились. Проемы окон с затейливыми орнаментами закоптились, но сохранились в целости. Обошла фасад дома и вышла к задней стене, где находился вход в подвал. К моему изумлению, двери подвала были открыты, в нем слышались голоса. Заглянула внутрь и еще более удивилась, увидев там 10–12 женщин с детьми. Поздоровалась, они встретили меня приветливо. Оказывается, 2–3 семьи оставались в погребе во время пожара все дни осады. Когда дом загорелся и стала рушиться крыша, они сразу поняли, что обвала сводчатых перекрытий не произойдет, а массивные железные двери защитят погреб от огня. Было жарко, дымно, отчего покрывавшая до пожара дно погреба вода почти высохла, но жизнь прятавшихся в погребе была сохранена. Наши узлы с вещами лежали нетронутыми, но в них не было ничего нужного нам: ни теплой одежды,

ни постельного белья, лишь случайно попавшие под руки вещи. Мы в буквальном смысле этого слова остались нищими — без крова, без имущества, без перспектив на улучшение положения. Помню, однако, что я не была особенно огорчена потерей и легко смотрела в довольно туманное будущее: как все, так и я. На фоне общего бедствия все легче воспринималось.

Женщины просили извинения, что воспользовались продуктами, снесенными некоторыми жильцами в подвал (в наших вещах продуктов не было). Еду они в часы прекращения стрельбы готовили себе в русской печке, уцелевшей после того, как маленький домик-дворницкая был уничтожен огнем. Печка одиночно стояла среди спаленных и обгоревших деревьев нашего сада. Женщины уверили меня, что останутся в подвале еще дня 2–3, пока все не успокоится и они не разыщут уцелевших близких и знакомых. А мы можем быть спокойны за целость своих вещей. Из темноты погреба на меня с любопытством смотрели глазенки чумазых ребятишек. Я невольно порадовалась, что хоть кто-то живой сохранился на этом выжженном пустыре.

Обратно решила возвращаться не через Рождественскую улицу, а по набережной Которосли. Это был скорбный путь. Деревянные постройки, стоявшие вдоль реки, сгорели, а большие, старинной кладки каменные здания бывшей Духовной семинарии были разрушены, стены их были изрешечены пулями, в них зияли пробоины от снарядов*. Здесь, очевидно, шли наиболее ожесточенные бои. Громада кирпичного здания Вахромеевской мельницы продолжала дымиться, из него по-прежнему вздымались в небо черные клубы дыма. Я медленно шла, перешагивая через обломки и трупы. Вдруг я чуть не споткнулась о труп совсем юного молодого человека. Он лежал на спине, крови не было видно, правая рука была откинута в сторону. Лицо было спокойно, глаза закрыты. Казалось, юноша спит. Отброшенная в сторону студенческая фуражка лежала около головы. Кто он? Как и когда настигла его смерть? Скорее всего, он был расстрелян на месте, когда стоял на посту, быть может, даже не зная о сдаче города. С ним расправились безжалостно, как со многими подобными. Я тихо постояла, подумала о его матери, которая, быть может, так никогда и не узнает, когда и как погиб ее сын. Возможно, надо было бы поискать в карманах его тужурки каких-либо свидетельств о том, кто он, но, признаюсь, на это не хватило моральных сил. Молча прошла мимо, переулками пробралась к училищу, где застала всю свою семью в сборе. Тетушки, конечно, поругали за самовольство. Сообщила им, что вещи в подвале сохранились.

За время моего отсутствия одна из тетушек посетила оставшийся нетронутым квартал нашей улицы, где жили наши хорошие знакомые. Их квартира уцелела. Надо сказать, что грабежей при захвате города красными частями не было*,

Сенная площадь и Пошехонская улица. Виднеется церковь Покрова Богоматери

Вид с колокольни Никитской церкви на западную часть города; справа виднеется Владими尔斯кая церковь, построенная Семеном Лузиным, слева – Большая Рыбинская улица

впрочем, и грабить было нечего, так как в основном все жилые дома сгорели дотла. Наши знакомые сделали все возможное, чтобы облегчить участь нашей семьи: поделились одеждой, накормили. Впервые за много дней мы вымылись, поели, легли в чистые постели. Невестка тети Шуры вместе с детьми на следующий же день уехала в Петроград. Я, сестра и Анна Евграфовна, потрясенные пережитым, через неделю или несколько позднее поехали к двоюродному брату Сергею во Владимир. Трагическая эпопея ярославского восстания завершилась, но еще долго после этого ярославская ЧК вылавливала действительных и мнимых участников восстания и беспощадно расправлялась с ними.

Тетя Шура со слабеющей тетей Верой остались у знакомой в Ярославле. Зимой, живя во Владимире, мы получили извещение, что тетя Вера при смерти. Сопровождаемые двоюродным братом (путешествие по железной дороге в то время было очень трудным) мы поехали в Ярославль. На следующее по приезде утро я долго сидела около постели тети Веры, которую очень любила. Она умерла так же тихо и незаметно, как прожила всю свою жизнь. Агонии не было, дыхание ее становилось все медленнее и наконец затихло. Еще одна, поздняя жертва ярославского восстания. После похорон тети Веры тетя Шура уехала в Петроград к сыну Артемию, брат Сергей вернулся к своей семье во Владимир. Мы с сестрой и Косенькой остались в Ярославле. Косенька, всю жизнь занимавшаяся мелким домашним хозяйством, не способная ни к какой активной деятельности, не могла быть советчицей ни мне, ни сестре. Юные, неопытные, без всякой поддержки мы вступали в самостоятельную жизнь, наполненную суворой борьбой с трудностями и лишениями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот и все, что я хотела рассказать о ярославском восстании, о гибели целого города. Миновали годы, я многое пересмотрела, переоценила, признала правильность и справедливость основных принципов советской власти, честно и преданно трудилась. Но критическое отношение к происходящим событиям, к окружавшей меня действительности сохранилось на всю жизнь.

Впоследствии я вышла замуж, родила сына. В первые годы мы бедствовали, но в семейной жизни я была счастлива и безмерно любила мужа, в то далекое время еще совсем мальчика 19 лет. Эту любовь и привязанность я пронесла через всю жизнь, через все нелегкие испытания, и сейчас, уже на склоне лет, он остается для меня самым близким, безгранично любимым человеком.

В 1933 году я окончила медицинский институт, стала врачом и отдавала все свои силы и знания любимому делу. В годы сталинского режима, несмотря на усиленную пропаганду, на какой-то гипноз, овладевший всеми, я, к своей чести, никогда не верила в существование «врагов народа» и рассматривала разгул чудовищного массового террора как роковую ошибку, как преступление, как беспримерное историческое злодеяние. Последующие годы доказали правильность моих выводов.

Затем настала грозная, суровая эпоха Отечественной войны, но, несмотря на лишения, неслыханные бедствия и страдания, наступил моральный просвет, выразившийся во всеобщих самоотверженности и героизме, проявленных при защите Родины. Первые полтора года войны я была вместе с мужем на фронте, затем работала врачом в Главном военном госпитале. Всегда я работала преданно, не щадя своих сил и уже пошатнувшегося здоровья. После войны я перешла на научную работу, в научно-исследовательский институт терапии, впоследствии переименованный в институт кардиологии, а затем занимала ответственные должности старшего научного сотрудника, ученого секретаря в президиуме Академии медицинских наук. Везде меня ценили, выносили благодарности за хорошую работу. Мне неоднократно предлагали вступить в партию, но я никогда не могла ни забыть, ни простить багровое зарево ярославского пожара, жертвы той давней кровавой расправы и всегда уклонялась от этих предложений. Позднее в связи с моей длительной и тяжелой болезнью подобные предложения больше не поступали.

Я знаю, что эти мои записки никогда не увидят свет. Я пишу их, скорее, для назидания моим потомкам. Быть может, мой сын, моя горячо любимая внучка, мой правнук, когда повзрослеют, прочтут эти воспоминания. Исторические события, как бы не сопротивлялись этому современники, как бы не приукрашивали действительность, не искаjали прошлое, обязательно найдут строгую и справедливую оценку. Ее по документам, по сохранившимся свидетельствам очевидцев дадут наши потомки, которые будут изучать историю не по шаблонному учебнику истории партии. Быть может, тогда наряду с другими давними событиями кто-нибудь вспомнит о ярославском восстании, и мои записки помогут разобраться в далеком прошлом.

В моем повествовании — все правда, нет ни слова вымысла, но надо сделать поправку на ограниченное поле зрения, на то, что мои впечатления и восприятие были впечатлениями и восприятием юной девушки. Мне было недоступно понимание происходившего в полном объеме, да и кому в то время оно было доступно? Население Ярославля было далеко от оценки политического смысла

Калинины: Василий Михайлович и Варвара Евграфовна,
урожденная Иванова, с дочерьми Татьяной и Ниной (справа).
Кронштадт. 1903 г.

Таня и Нина Калинины – воспитанницы
Александро-Мариинского имени кавалерствен-
ной дамы Чертовой института благородных
девиц в Москве. Ок. 1917 г.

Богоматерь Владимирская. Единствен-
ная икона, спасенная в июле 1918-го
сестрами Калиниными и их тетушка-
ми Ивановыми из родного дома...

Нина Калинина (вторая справа), ее муж Марк Анатольевич Золотаревский, их сын Александр, ее сестра Татьяна, тетя Анна Евграфовна Угодская, урожденная Иванова. Ленинград, сентябрь 1933 г.

Дети А. В. и К. Б. Владимировых Ольга (Олеся) и Юрий. 1930-е гг.

Клара Борисовна, жена Артемия Васильевича Владимицова (в центре), с дочерью Ольгой и внучкой Ириной Берестецкой (1945 г. рожд.).

Владимир Борисович Берестецкий,
муж О. А. Владимицовой, сотрудник
Института теоретической и экс-
периментальной физики (ИТЭФ).
Март 1950 г.

происходившего, но, терпя страшные бедствия, с осуждением относилось к красным войскам, яростно и бессмысленно уничтожавшим несчастный город.

Конечно, в истории Советского государства это лишь эпизод, но эпизод для него позорный. Я верю, что когда-нибудь ярославским восстанием заинтересуются именно как недостойным примером действий Советского правительства на начальном этапе его существования. Тогда все узнают и об ужасающей гибели древнего русского города, об учиненной руками иноземных войск беспримерной по жестокости расправе с восставшими. Подумать только, с горсткой восставших не могла справиться целая мощная к тому времени Красная армия, не могла справиться иначе, как уничтожив целый город*, а ведь и на театре военных действий того времени не было подобных разрушений. Когда-то я читала воспоминания левого эсера Савинкова, верховного организатора ярославских событий, в которых он берет всю вину и ответственность за произшедшее на себя. Но этого недостаточно. Перед лицом истории должны нести ответственность все виновники этого трагического эпизода в цепи революционных событий.

На этом ставлю точку. По мере того, как писала, все пережитое ярко оживало в памяти, воскресали события, люди, детали обстановки, мысли и ощущения. Возможно, если будет настроение, я еще вернусь к воспоминаниям своего детства и минувшей жизни, характерам людей, особенностям быта далеко ушедших дней. Может быть, моим потомкам будут интересны эти записки.

Ноябрь 1976 года

А. Ю. Данилов, А. М. Рутман
при участии Г. Г. Мозговой и Н. В. Обнорской

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

ЗАПИСКИ СЕРГЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ВЛАДИМИРОВА

С. 17 *Хотя я родился в Великом Устюге...* — Биографические сведения об авторах мемуаров С. В. Владимирове и Н. В. Калининой и их родных см. в настоящем издании в статье А. М. Рутмана.

С. 17 *...помню только дедушку по отцу, он был сначала священником, потом постригся в монахи и был архиереем в Вологде...* — Автор ошибся: дедушка был архимандритом.

С. 18 *...по матери... дедушка был из николаевских солдат, занимался лесным делом, бабушка — из стафорческого рода...* — Проверить данные о происхождении Евграфа Спиридововича и Агафьи Яковлевны Ивановых не удалось.

«Николаевский солдат» — имеются в виду солдаты русской армии, начавшие службу при императоре Николае I. Этот оборот встречается как социальная, «типологическая» характеристика персонажа в произведениях Ивана Бунина и Владимира Гиляровского, Николая Лескова и др. (Николаевскими солдатами, кстати, были отец А. С. Новикова-Прибоя, деды А. Т. Твардовского, К. Г. Паустовского и А. С. Макаренко.)

Со времен Петра I российская армия комплектовалась по рекрутскому принципу из представителей податных сословий — крестьян и мещан (только в 1874 г. рекрутские наборы уступили место всеобщей воинской повинности). Срок службы первоначально составлял 25 лет, то есть рекрут уходил на службу практически пожизненно, а если и возвращался домой, то почти стариком. Нужно отметить, что при Николае I тяжесть длительной рекрутской службы усугублялась тем, что армейская дисциплина тогда приобрела особенно жесткий характер, а телесные наказания и жестокое обращение офицеров с солдатами стали обычным явлением. Не случайно, что в русском фольклоре фигура солдата-рекрута наполнена глубоким трагизмом. Правда, именно при Николае I были предприняты шаги к сокращению сроков службы: с 1831 г. — до 22 лет, а с 1834-го по положению об устройстве запасных войск, отслужив 15 лет из положенных 20, нижние чины увольнялись в бессрочный отпуск. После смерти Николая I положение рекрутов стало существенно улучшаться, а сроки службы — сокращаться.

С. 18 *После родителей мамы в Ярославле остались дома, в одном из которых мы жили.* — Об истории «дома Ивановых» и других владений Евграфа и Агафьи Ивановых, а затем

их дочерей по адресу ул. Рождественская, 105 (ГАЯО, ф. 642, оп. 3, д. 1346, л. 7; номер домовладения за предреволюционные десятилетия менялся несколько раз) см. в настоящем издании в воспоминаниях Н. В. Калининой и в статье Н. С. Землянской и А. М. Рутмана.

Рождественской до 1918 г. называлась ул. Большая Октябрьская. В официальных документах чаще использовалось наименование Большая Рождественская ул.; название «Рождественская ул.» распространялось также на современную ул. Нахимсона. Сформировавшись в XIX столетии, Большая Рождественская улица первоначально вела от центра к расположенной на окраине города, у городского вала, церкви Параскевы Пятницы, что на Всполье. В 1898 году при соединении железнодорожной линии Москва — Архангельск с Рыбинско-Виндавской железной дорогой возник полустанок Всполье. В 1900 г. от приобретавшего все более важное значение полустанка до центра города именно по Рождественке и была проложена одна из городских линий трамвайных путей, по которым ходил как пассажирский трамвай, так и подвозили грузы (Ковалев А. Д. На электрической тяге: История ярославских трамвая и троллейбуса. Ярославль, 2005).

Краткая справка о современных названиях улиц старого Ярославля, упоминаемых в текстах воспоминаний и комментариев, приведена в конце книги; подробнее см.: Ярославль: Историко-топонимический справочник / Под ред. А. Ю. Данилова и Н. С. Землянской. Ярославль, 2006.

С. 18 *Мой отец окончил духовное училище и один класс Вологодской духовной семинарии... Он был приятелем семинариста В. Гиляровского...* — Гиляровский Владимир Алексеевич (1853–1935) — автор известных книг «Москва и москвичи», «Мои скитания» и др. Родился в с. Сяма Вологодского уезда одноименной губернии в семье помощника управляющего имением. С 1860 г. жил с семьей в Вологде, учился в Вологодской мужской гимназии, но в 1871-м бежал из дома. Мемуарист ошибается: учился его отец, как и Гиляровский, не в семинарии, а в гимназии, из 1-го класса которой и в самом деле был в 1871 г. уволен. (Так как кардинальное изменение судеб обоих героев произошло в одно время, в 1871 г., несмотря на пятилетнюю разницу в возрасте, нельзя исключить, что семейная легенда, рассказанная далее мемуаристом, имеет реальную основу.)

В дальнейшем Гиляровский скитался по России, работал бурлаком, крючником, пожарным, актером (Киселева Е. Г. Гиляровский на Волге. Ярославль, 1962). Записки о своих похождениях, о быте и нравах России той поры он вел с юности, некоторые публиковал в виде очерков, а в 1928 году в дополненном и переработанном виде они легли в основу автобиографической книги «Мои скитания» (в ней он немало страниц посвятил пребыванию в Ярославле).

В ходе работы над книгой были обнаружены совершенно невероятные «скрещенья судеб» Гиляровского с семьями обоих (!) авторов воспоминаний (см. подробнее в статье А. М. Рутмана).

С. 18 *…постил телефон в Ярославле.* — Первые телефонные линии в Ярославле появились в начале 1890-х гг. Ярославская городская телефонная станция начала действовать с 1896 г. В книге об истории ярославской телефонной связи (140 лет ярославской электросвязи. Ярославль, 2000) имя В. Н. Владимира не упоминается, что, вообще-то, спрашивали: говорить о том, что помощник делопроизводителя управления почтово-телеграфного округа (а именно в этой должности служил отец автора в 1890-е гг. до отъезда в Кинешму) *постил телефон*, вряд ли можно.

C. 19

В городе черносотенцы начали погром. — «Черносотенцы» — обобщенное название праворадикальных партий в России, исповедовавших крайние православные, самодержавные и националистические убеждения; крупнейшей из таких партий был «Союз русского народа». Как сегодня, так и век назад их идеологи апеллируют к первоначальному содержанию понятия «черная сотня» — обозначению тяглового населения в допетровской Руси, посадского и свободного крестьянства, как основы русского государства: «Враги самодержавия назвали “черной сотней” простой, черный русский народ, который во время вооруженного бунта 1905 года встал на защиту самодержавного Царя. Попечное ли это название, “черная сотня”? Да, очень почетное. Нижегородская черная сотня, собравшаяся вокруг Минина, спасла Москву и всю Россию от поляков и русских изменников» (фраза одного из руководителей черносотенного движения В. А. Грингмута цит. по: Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 9).

Следует отметить очень высокую активность черносотенцев в Ярославской губернии — по количеству членов этих организаций губерния занимала второе место в России (после Волынской губернии). Киселев И., Кафелин А., Шелохаев В. Политические партии в России в 1905–1907 гг.: численность, состав, размещение // История СССР. 1990. № 4. С. 78. О деятельности «Союза русского народа» и др. подобных организаций в Ярославле см.: Размолодин М. Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905–1915 гг. Ярославль, 2001.

Спусковой пружиной для беспорядков в городе, как и по всей империи, стало обнародование 17 октября 1905 г. высочайшего манифеста о даровании свобод. В Ярославле события практически сразу вылились в антиеврейский погром. Он длился три дня, с 18 по 20 октября, и затронул практически все еврейское население города. В отличие от погромов в черте оседлости или, например, Нижнем Новгороде и Иваново-Вознесенске ярославский не был отмечен изуверскими убийствами (среди жестоко избитых ярославцев оказались и иудеи, и студенты — очевидные для черносотенцев враги самодержца). Тем не менее, город был парализован страхом, значительный ущерб был нанесен имуществу евреев.

Случаи, когда простые православные жители города предоставляли евреям на время бесчинств убежища в своих домах, спасали их и «интеллигентов», были совсем не единичными (ГАЯО, ф. 346, оп. 4, д. 6190; ф. 355, оп. 2, д. 3–10. Сообщено И. А. Рутманом).

По всей видимости, в разжигании этих конфликтов была велика роль ярославских властей: так, в газете «Северный край» сразу после погрома (номера за конец октября — первую половину ноября) действия ярославского губернатора А. П. Роговича оценивались как откровенно подстрекательские и поощрявшие погромщиков, поименно назывались и полицейские чины — соучастники бесчинств или не принимавшие мер для защиты людей; критике подверглись «Ярославские епархиальные ведомости», печатавшие на своих страницах антисемитские статьи (например: К войне с Японией. Японцы — потомки евреев... // ЯЕВ. 1904. № 30. Ч. неофиц. С. 523–526; Мысли об евреях при чтении Талмуда Лютостанского (характеристика евреев) // ЯЕВ. 1905. № 40. Ч. неофиц. С. 618–621). Действия городского головы И. А. Вахромеева, инициировавшего вызов в город казаков, в первые же дни событий запятнавших себя кровью при разгоне демон-

страций и потворствовавших погромщикам, резко осуждались либералами, обзывавшими его «казакистом» — Иван Александрович после событий ушел со своего поста.

Сразу по окончании событий было начато следствие, но суд, прошедший только в 1910 году, дал зачинщикам погрома минимальные сроки. В показаниях свидетелей отмечались более чем неоднозначные поступки тогдашнего губернатора А. П. Роговича. В очерке, посвященном Роговичу (Ярославские губернаторы. 1777–1917: Историко-биографические очерки / В. М. Марасанова, Г. П. Федюк. Ярославль, 1998. С. 327–332), его недостойная роль, как и позиция викарного епископа Сергия, в октябрьских событиях в Ярославле сильно смягчена.

С. 19 *Тетя Нюта... поступала в красно-крестную общину, но все это почему-то не состоялось.* — Имеется в виду община сестер милосердия. Первая подобная организация возникла в России в 1844 г. Учреждались общины сестер милосердия при монастырях, а с 1867 г., после учреждения Российского Общества Красного Креста, большинство из них перешло в ведение этой организации. Именно такие общины и стали называться красно-крестными. В них принимались представительницы женского пола в возрасте от 20 до 40 лет, любого христианского вероисповедания. Первые полтора-два года сестры проходили испытательный срок — вероятнее всего, участие Анны Евграфовны в красно-крестной общине как раз и ограничилось этим сроком. Судя по «Памятным книгам Ярославской губернии» в Ярославле в конце XIX — начале XX в. действовала одна такая: Феодоровская община сестер милосердия, основанная 8 декабря 1893 г., возглавляла ее супруга губернатора, имена сестер милосердия ежегодно публиковались.

С. 22 *...за Василия Михайловича Калинина, офицера Зарайского полка, стоявшего в городе Скопине...* — Подробнее о В. М. Калинине см. в мемуарах его дочери Н. В. Калининой и в статье А. М. Рутмана.

Скопин — в описываемое время уездный город в южной части Рязанской губернии.

С. 22 *...«Русская мысль»* — ежемесячный литературный, научный и политический журнал, Москва. Основан В. М. Лавровым в 1880 г. До 1885-го славянофильской, позднее либеральной ориентации (редактор — В. А. Гольцов). После 1905-го (до закрытия в 1918-м) — орган кадетской партии.

С. 22 *...выпisyвались «Нива» с множеством приложений...* — «Нива» — иллюстрированный еженедельный журнал, издававшийся в Петербурге с 1869 г. Его многочисленные приложения (альбомы, собрания сочинений русских писателей, др.) подписчики получали бесплатно.

С. 22 *...«Природа и люди»...* — Речь идет об еженедельном иллюстрированном научно-популярном журнале для семейного чтения, издававшемся П. П. Сойкиным (1862–1938) в Санкт-Петербурге с ноября 1889 по апрель 1918 г. (С 1904 г. ответственным секретарем журнала был Я. И. Перельман (1882–1942) — в последствии выдающийся советский популяризатор естественных наук, чьи книги издаются и в XXI в.) В нем печатались романы и повести, научные статьи и этнографические очерки, исторические материалы и репортажи о текущих событиях. Бесплатными приложениями выпускались разнообразные издания, например в 1915 г. трехтомный труд Н. И. Костомарова «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей».

Одноименный иллюстрированный, но ежемесячный журнал для семейного чтения с естественно-историческим популярным содержанием выходил в Санкт-Петербурге в 1877–1880 гг. Его редактором-издателем был А. А. Ильин (1832–1889), генерал-лейтенант, картограф (в его издательстве, кстати, выходили многие работы замечательной художницы, уроженки Ярославской губернии Елизаветы Бем — см.: «Кто о чём, а мы о своем пишем...» (Елизавета Бем и Ярославский край) // Ярославская старина. 2007. Вып. 6. С. 24–31.

C. 22 *…меня долго одевали не в костюм мальчика, а в нарядное платьице.* — В то время, еще не знакомое с гендерным подходом, такая одежда была обычной для детей до пяти лет вне зависимости от пола.

C. 22 *…в пикейной кофте…* — Пике (*франц.*) — бумажная ткань с выпуклым рисунком.

C. 23 *…земляники и тяпкины-ляпкины.* — Земляника и Тяпкин-Ляпкин — герои комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», одни из известнейших персонажей социальной сатиры русской литературы XIX века, ставшие нарицательными именами российского чиновничества.

C. 23 *Три раза в год (Рождество, Новый год, Пасха) к нам приезжал с ответным визитом «его превосходительство»…* — Начальником управления Ярославского почтово-телефрафного округа во время службы В. Н. Владимира в Ярославле были В. П. Авдулов, а с 1903 г. С. И. Болтов, действительные статские советники — их полагалось титуловать «Ваше превосходительство» (чин 4-го класса «Табели о рангах» соответствует генерал-майору), тогда как к Василию Николаевичу еще до Кинешмы, с чина 8-го класса, обращаться надо было «Ваше высокоблагородие». (Забавно, что лиц в чине 5-го класса, статских советников, титуловали проще — «Ваше высокородие».)

Обычай поздравления «начальствующих» на главные православные праздники — Пасху и Рождество — был принят повсеместно во всех слоях общества. См., например: Дмитриев С. В. Воспоминания / Автор вступ. статьи Я. Е. Смирнов. Ярославль, 1999 (серия «Граждане Ярославля»). Нанесение ответных визитов, посещение дома подчиненного, уже после того, как тот визит нанес, подразумевало если не родственные или дружеские связи между сторонами, то, по крайней мере, достаточно близкий их социальный статус: начальник управления мог «отдать визит» своему чиновнику особых поручений, но вряд ли — помощнику делопроизводителя.

Подчернем, других упоминаний о взаимных визитах с поздравлениями на Новый год, т. е. светский праздник, в быту Ярославля на рубеже XIX–XX вв. не известно.

C. 23 *…играли в стуколку…* — Стуколка в свое время была в России, бесспорно, самой популярной коммерческой игрой. Свое название получила, видимо, оттого, что каждый игрок объявляет о своем желании играть не какой-либо обусловленной фразой, а легким стуком руки о стол. Существует несколько видов стуколки: с гольцом, с прикупом, со шлейфом, обязательная. Подробнее см.:<http://www.bubna.ru/stuk.html>.

C. 23 *…каждое двадцатое число, выдавалось жалованье. Какая-то часть его в том же вечер оставлялась в гостиницах (название «ресторан» появилось позднее).* — В книге по истории Ярославского телефона приведено описание дня выдачи жалованья глазами низших почтово-телефрафных служащих: их встречали кредиторы — портные и лавочники, которым они успевали задолжать с прошлого месяца... («140 лет ярославской электросвязи». Ярославль, 2000. С. 10–11.).

Со словом «ресторан» автор воспоминаний ошибается — оно бытовало в русском языке и раньше, зафиксировано уже в словаре В. Даля, восстанавливающем, как известно, язык первой половины XIX столетия: «Ресторация, ресторан — трактир, чистая харчевня». Известны были рестораны и в центре Ярославля, в его 1-й полицейской части — читаем в «Календаре Ярославской губернии на 1885 год»:

«Кофе-рестораны:

13. Яросл. купца Т. Кондратьева; на Волгской набережной.

14. Яросл. купца В. Соловьева; на Казанском бульваре» (Ярославль, б. г. С. 59).

В других частях города отдельных ресторанов тогда не было, только полсотни различных трактирных заведений

В гостиницах того времени действительно всегда существовали различные заведения общественного питания, в которых зачастую и оставляли свои зарплаты чиновники средней руки. В хороших гостиницах такие заведения назывались именно ресторанами. См., например, рекламу гостиницы Кокуева, помещенную в «Спутнике-путеводителе по Северному краю и Верхнему Поволжью»: «...первоклассная гостиница-ресторан. Кабинеты и биллиарды Товарищества Р. И. Кокуева. Ярославль. Театральная площадь, дом Н-ков Кокуева (в самом центре города). Кухня под личным наблюдением повара члена Товарищества А. А. Карулина. Электрическое освещение и все удобства. Остановка вагонов электрического трамвая». Там же: «В самом центре гостиница “Европа” И. Е. Полякова в Ярославле, Власьевская ул., соб. дом. До 50 роскошно отделан. Номеров от 50 к. до 2 р. в сутки. Отличный ресторан, роскошная обстановка, приличие и спокойствие. Газеты и журналы. Разыльные и все удобства, удовлет. изысканному вкусу. Погреб снабжен разными, русскими, иностранными и кавказскими винами» (СПб, 1912. С. 381). См. подробнее об истории предприятий общественного питания в Ярославле: *Обнорская Н. В. Ярославль хлебосольный. Из истории... // Ярославль хлебосольный. Ярославль, 2007. С. 4–13.*

C. 23

...старичок В. Н. Шестаков, подполковник, участник обороны Севастополя. — Как установила С. В. Севрюкова, 16 мая 1902 г. к Ярославскому губернатору Б. В. Штюрему обратилась Канцелярия вел. кн. Александра Михайловича по управлению Севастопольским музеем и памятниками Севастопольской обороны с просьбой о составлении списков оставшихся в живых участников Севастопольской обороны в преддверии празднования юбилея этого события. Губернатор поручил сбор сведений полицмейстерам и уездным исправникам. Ярославский полицмейстер 9 сентября 1903 г. сообщил, что одним из жителей Ярославля — участников обороны Севастополя является отставной полковник Владимир Николаевич Шестаков. Женат, имел 3 дочерей, из которых две девицы и средняя замужем. Недвижимого имения за ним не имелось, получал пенсию от Государственного казначейства. Две дочери состояли на государственной службе, а третья обучалась в Московской консерватории (ГАЯО, ф. 79, оп. 5, д. 3107, л. 77–79). Интересно, что служили полковничьи дочери... почтово-телеграфными чиновниками (ГАЯО, ф. 230, оп. 11, д. 446, л. 77 об. – 78, л. 87 об. – 88), т. е. были сослуживицами Василия Николаевича Владимириха.

Сам В. Н. Шестаков получил образование в Московском дворцовом архитектурном училище, а супруга Елена Васильевна — в Петербургском Елизаветинском институте. Жили они на Духовской улице (ГАЯО, ф. 642, оп. 3, д. 1345, л. 12 об. – 13), были прихожанами Всехскорбященской церкви при Екатерининском доме призрения ближнего. Умер

Владимир Николаевич 84 лет 18 сентября 1916 г., жена 4 годами ранее (ГАЯО, ф. 230, оп. 11, д. 446, л. 21 об. – 22, л. 29 об. – 30).

Мемуарист ошибся в звании В. Н. Шестакова: он был полковником уже в 1884 г. (но еще не в отставке ГАЯО, ф. 230, оп. 10, д. 27, л. 442 об. – 443).

C. 23 ...*впервые услышал о Корнилове, Нахимове и матросе Кошке*. — Корнилов Владимир Алексеевич (1806–1854), вице-адмирал, Нахимов Павел Степанович (1802–1855), адмирал, Кошка Петр Маркович (1828–1882), матрос, — герои обороны Севастополя в 1854–1855 гг.

C. 23 ...*винт*. — Это, бесспорно, самая увлекательная и интересная из всех коммерческих игр, весьма распространенная в России того времени. Винт — это смесь двух игр: виста и преферанса. Слово винт произошло от часто употреблявшегося выражения игроков: «подвинтить контрапартнеров на штраф». Главное правило винта — молчание, т. е. кроме строгой формы торговли не должно допускаться никаких посторонних слов или фраз, которые могут быть приписаны к заранее обусловленной форме переговоров. Когда карты разданы игрокам, нельзя говорить ни о чем, кроме масти и числа взяток. Поскольку правила винта (Таблица игры винт-виста. Санкт-Петербург, 1877; Винт и его правила. Санкт-Петербург, 1880; Винт. Москва, 1881; M. Шевляковский. Коммерческие игры: винт, вист, преферанс, пикет и др. Санкт-Петербург, 1890; Геликофил Кохлеариус. Сибирский вист-преферанс «винт». Санкт-Петербург, 1890) не были окончательно «отшлифованы», нередко между игроками возникали недоразумения и споры, иногда приводившие к крупной ссоре. Подробнее об игре и правилах см.: <http://www.bubna.ru/vint.html>.

C. 23 ...*доктор Братанович, его жена О. В. Завьялова, крайне экспансивная дама, капитан местного полка Баранов, Карл Иванович Фралон..* — Братанович Станислав Станиславович (1866–1903) — врач Ярославской Большой мануфактуры, член Ярославского общества врачей. На Леонтьевском кладбище Ярославля сохранилось его захоронение с памятником из черного мрамора. Симптоматично, что поставлен он, как свидетельствует надпись, «от рабочих и служащих» (Ярославский некрополь. Леонтьевское кладбище. Справочник. Ярославль, 2005. С. 42.).

Супругу его, как установила С. В. Севрюкова, звали Екатерина Васильевна Братанович. В документах Ярославской Большой мануфактуры сохранилось ее личное дело. Она поступила на ЯБМ 7 июня 1895 г. фельдшерицей-акушеркой. Уволилась по своему желанию 11 апреля 1897 г. Поступила вторично после смерти мужа 1 сентября 1903 г. на ту же должность. Уволилась 1 октября 1919 г., с переходом больницы в ведение Губздрав-отдела. 1 июня 1922 г. зачислена на службу в третий раз, получила расчет 1 января 1926 г. Всего работала на фабрике 21 год 6 месяцев 1 неделю. На основании данных личного дела 16 июля 1927 г. Е. В. Братанович была выдана справка о службе на ЯБМ (возможно, для начисления пенсии?) (ГАЯО, ф. 674, оп. 5-Б, д. 1316, л. 1–2 об.).

Единственный офицер Баранов, значащийся в ярославском гарнизоне в 1890-е гг. по «Памятным книгам Ярославской губернии», — Василий Михайлович Баранов. Но служил он не в Фанагорийском полку, а в Грязовецком резервном батальоне, много лет квартировавшем в губернии. Сначала поручиком (...на 1894 г. С. 145), затем делопроизводителем батальонного суда в чине штабс-капитана (...на 1900 г. С. 189).

О Карле Ивановиче Фралоне не удалось найти никаких сведений.

С. 23 *...Варвара Васильевна Великосельская, замечательная учительница...* — Родилась в 1856 г. в крестьянской семье (дер. Мостовики Ярославского уезда — территория современного Гаврилов-Ямского района, недалеко от села Шопша). По окончании семи классов Мариинской гимназии в 1874 г. В. В. Великосельская более 40 лет — всю жизнь — отдала народному просвещению: преподавала с 1875-го в Крестобогородской земской школе, затем в Прусовском училище, а с 1890 до выхода на пенсию в 1916 г. — в Вознесенском 2-классном женском училище. Варвара Васильевна имела репутацию «одной из опытнейших и лучших учительниц в городе», имевших «выдающиеся педагогические способности» (Доклад Ярославской городской управы. 1910 г. ГАЯО, ф. 509, оп. 3, д. 484, л. 1). Дважды Городская дума Ярославля поздравляла Варвару Васильевну — с 25- и 35-летним юбилеями ее педагогической деятельности, в 1900 г. ее премировали полугодовым окладом, а в 1910-м — годовым (ГАЯО, ф. 509, оп. 2, д. 893; оп. 3, д. 445, 484).

Дружеские отношения с семьями Ивановых-Владимировых-Калининых ее связывали не одно десятилетие — еще в 1888 г. она была крестной матерью Василия Владимира, в начале XX в. — см. в воспоминаниях Н. В. Калининой.

С. 24 *...в своем неизменном ватерпруфе...* — Ватерпруф, ватерпруфа (англ. waterproof — водонепроницаемый) (*устар.*): 1) непромокаемая материя; 2) длинное дамское пальто.

С. 24 *...мазала губы кольд-кремом...* — Кольд-крем — (англ.) холодные сливки; косметическое средство, основа рецепта которого была предложена еще в древнем Риме врачом Галеном.

С. 24 *...печатались на гектографе прокламации...* — Гектограф (от греч. *hekaton* — сто... и *grapho* — пишу), упрощенный печатный прибор для размножения текста и иллюстраций. Изобретен был в России М. И. Алисовым в 1869 г. Представлял собой плоский ящик, заполненный ровным слоем студнеобразной массы (смесь желатина, глицерина и воды). Текст и иллюстрации наносились на бумагу специальными чернилами, в состав которых входили анилиновый краситель, глицерин и спирт. Полученный оригинал прижимали к поверхности массы в гектографе, в результате химической реакции изображение с бумаги передавалось на желатиновый слой. При последующем прижимании к поверхности массы чистой бумаги на ней получались отпечатки. Гектограф позволял получить до 100 оттисков (отсюда и название его), но только первые 30–50 отчетливых. Мокрой губкой оттиск на массе смывался и гектограф вновь былгоден к употреблению.

Усовершенствованный инженером Шапиро прибор получил название шапирографа: он состоял из длинного листа толстой пористой бумаги, пропитанного специальным раствором, высущенного и намотанного на два валика вроде катушек (такой был и у Л. Н. Толстого в Ясной Поляне; упоминается также Н. Островским в романе «Рожденные бурей»). Составные части раствора: 4 светлого столярного клея, 5 холодной воды (кипяченой или дистиллированной), 3 аммиака, 2 сахара и 8 глицерина; остальные подробности см.: http://pencil.scud.ru/gektografik_ink/02.php.

С. 25 *...отец в разное время получал в зависимости от должности 900–1 300 руб. в год.*
...На моей памяти мясо стоило 8–10 коп. фунт... керосин — 1½ коп. — Старые русские меры веса, объема, размера приведены в конце книги.

Для сравнения приведем данные на 1913 год о ценах и средних месячных зарплатах различных категорий населения (Тарасов А. И. Войны, революции и уровень жизни

российского народа // Все живы в памяти моей... Альманах Ярославского историко-родословного общества. Вып. 2. Ярославль, 2006. С. 150–152):

министр внутренних дел — 2 040 руб.
губернатор — 416–666 руб.
профессор университета — 250 руб.
полицейский пристав — 125 руб.
армейский генерал — 125–175 руб.
полковник — 100 руб.
капитан — 75 руб.
учитель гимназии — 75 руб.
железнодорожник — 30–35 руб.
рабочий хлопчено-бумажной фабрики — 14 руб.
чернорабочий — 10–25 руб.
Стоимость продуктов (за кг):
Черный хлеб — 7 коп.
Белый хлеб — 13 коп.
Говядина — 55 коп.
Карамель — 75 коп.
Сыр — 1 руб.
Масло — 1,2 руб.
Другие товары:
Метр ситца — 16 коп.
Мужская обувь — 12 руб.
Мужской костюм — 40 руб.
Коробок спичек — 10 коп.
Хозяйственное мыло — 12 коп.
Кубометр дров — 10 руб.

C. 25 *...вместо коровьего молока... давали миндальное, вместо обыкновенного сахара к чаю... подавали «постный»...* — Миндальное молоко — тоже «коровье», рецепт его прост: «Очистить сладкий и горький миндаль, ошпарить его и протереть. Залить одним лицом молока и поставить на час в холодильник. Перед подачей процедить».

Постный сахар — это фруктовая помадка: «Взять $\frac{1}{8}$ ф. обыкновенной помадки. Положить в нее $\frac{1}{2}$ чайн. ложки лимонной кислоты и прибавить эссенцию, если лимонный — 4 капли, малиновый — 8, миндальный — 2. В другой кастрюле $\frac{1}{2}$ ф. сахара и $\frac{1}{2}$ чашки воды варить до крепкого шарика. Влить этот сироп в помадку, перемешать и вылить массу в заготовленные рамки или мокрую тряпку. Пока масса не остыла, наметить квадратиками, когда застынет, разрезать их ножом» (<http://gael.cnt.ru/hobby/old/old333.htm>). Еще вкуснее получается, если вместо воды взять молоко.

C. 25 *Не помню, когда я начал ходить в церковь, но все мои воспоминания связаны с Николай Мокрым.* — Наименование Никольского храма в Спасской слободе Ярославля как «Мокрого», по одной версии, пошло от особого покровительства Николая Чудотворца терпящим бедствия на воде, по другой — от сырого, топкого места над берегом реки Которосль, на котором стоял храм: в грамоте царя Алексея Михайловича 1647 г. о приписке слобод Спасского монастыря к посаду Никольский храм значится как «холод-

ный клецки на том месте, что словет по прозвищу *Мокрое*, в том же храме в приделе престол во имя мученицы святой Варвары, да храм теплый во имя святого Василия Кесарийского» (ГАЯО, 582, оп. 1, д. 980, л. 243 об. — *ср.* описание подвала дома в воспоминаниях Н. В. Калининой).

Последняя версия кажется более правдоподобной и по причине типологичности подобных названий церквей: в подавляющем большинстве случаев названия храмов дополнялись именно географическими привязками к местности (ср. Пятницкая на Всполье, Николы на Пенье), которые в дальнейшем при использовании в разговорной речи иногда приобретали более краткую форму (так, Пятницкая в Калашной слободе стала просто Пятницей Калашной, а сельский храм Никольский на Топоре (река Топорка в Мыскинском уезде) стал называться и фиксироваться в документах как Никола-Топор).

В 1841 г. храмы прихода передали военному ведомству для военнослужащих 3-го учебного карабинерного полка, готовившего для армии унтер-офицеров, музыкантов, барабанщиков, разместившегося в Ярославле неподалеку от церкви в специально выстроенных на территории бывшей Ярославской Малой мануфактуры казармах — позднее они стали называться Никольскими или Николо-Мокринскими. Подробнее о храмах Николо-Мокринского прихода см.: Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля. Ярославль, 2005. (Серия «Тысячелетию Ярославля посвящается»). С. 267–273; а также в статье Н. С. Землянской и А. М. Рутмана в настоящем издании. В книге Цитович Г. А. Храмы армии и флота. Пятигорск, 1913. С. 295–298 автор сообщает дополнительные сведения о полковом храме: «Летний храм вмещает в себе молящих до 1 000 человек; зимний до 700... Вокруг церкви каменная ограда протяжением в окружности 100 сажен. По штату при церкви положен: один священник. При церкви казенный дом для священника».

Как установила С. В. Севрюкова, с 1878 г. семья Ивановых, а с 1891-го и семья чиновника Управления Ярославского почтово-телеграфного округа Владимира значились среди прихожан Никитской церкви (ГАЯО, ф. 1118, оп. 1, д. 1982, л. 6 об.; д. 1987, л. 6; д. 1990, л. 5). Если Артемий впервые исповедовался именно в Никитском храме, то Сережа «по малолетству» вплоть до 1894 г. на исповеди не бывал, а начиная со следующего года, записи о семье Ивановых (Угодских, Владимировых, Калининых) в исповедных росписях никитского прихода вообще отсутствуют. Более того, не удалось обнаружить никого из них среди прихожан других ярославских церквей. Тем не менее, именно никитские священники в 1910-м и 1915-м гг. причащали и провожали в последний путь членов семьи Ивановых.

Из-за отсутствия в ГАЯО церковных документов Николо-Мокринского храма (после 1841 г. копии и метрических книг, и исповедных росписей отсылались по подчиненности церкви не в Ярославскую консисторию, а протопресвитеру военного ведомства) мы не можем категорически утверждать, что среди его прихожан гражданских семей ярославцев вообще не было. Бессспорно, «ведомственный» христианский храм не был для желающих помолиться горожан «закрытым» (как в советские времена спецрассредоточитель от простых строителей коммунизма). По всей видимости, Артемий и Сергей Владимировы, начав ходить, так сказать, официально в Никитский храм вместе с родителями, в Николо-Мокринскую церковь, расположенную в сотне саженей от дома, приходили «по-соседски». Автор бесспорно прав, отмечая далее, что мальчишеск манила и сама православная служба, и дополнительно — военный антураж.

C. 25 Церковь находилась в ведении grenadierского Фанагорийского полка. — Квартировавшие в Никольских казармах полки сменяли друг друга: 137-й пехотный Нежинский полк, 181-й пехотный Остроленский... Фанагорийцы, сменив нежинцев, квартировали в Ярославле с 1892 по 1910 г.

Гренадер, *m.* [фр. *grenadier*] — Некогда солдат особого рода войск, вооруженных гранатами, впоследствии солдат из отборной части войск с особенно рослым составом (*истор.*) || *перен.* Об очень высоком человеке (*разг. устар. ирон.*).

Александр Афанасьев в своей статье «Полковые музеи Русской армии — хранители воинской славы Отечества» (Отечественные записки. 2003. № 1; цит по: <http://www.strana-oz.ru/?numid=10&article=52>), пишет: «название «Фанагорийский» первоначально получил 4-й гренадерский полк в 1785 году, при назначении его шефом Суворова». Именно этот полк в составе суворовского войска прославился победами над турками. Сформированный А. В. Суворовым 25 мая 1790 г. из гренадерских рот разных полков 11-й гренадерский полк унаследовал не только название и часть состава, но и традиции бывшего Фанагорийского полка.

Современные словари сообщают: Фанагория (*греч.*) — 1) античный город на Таманском п-ове, близ пос. Сенной на западе Краснодарского края. Основан во 2-й половине VI в. до н. э., существовал до XI–XII вв. Часть его руин затоплена морем. Раскопки с XIX в. Обнаружены фундаменты крепостных стен, остатки жилых кварталов, гимнасий, термы (бани), район гончаров. 2) построенная Суворовым в 1794 г. (по другим данным — в 1793) неподалеку от Тамани Фанагорийская крепость, в Крымскую войну была разрушена.

Однако не с ними связано название полка. В VI томе «Географического словаря Российского государства, или Лексикона» (Москва, 1789. С. 97) значится: «Фанагория — по стариинному Тамань. С 1786 года город Таврической губернии и гавань... в котором малоасийские греки еще в VI столетии до рождества Христова завели селение...». Вероятнее всего, в конце XVIII века, когда был основан Фанагорийский полк, название распространялось на весь Таманский полуостров, заменяя воспринимавшееся как турецкое (реально — адыгейское) название Тамань (примерно также, как название «Крым» хотели заменить на «Таврида»). Таким образом, полк был назван по всей местности, а не по античному городу или крепости, которую А. В. Суворов основал уже после образования полка. Сейчас руины Фанагорийской крепости находятся в пределах нынешней станицы Тамань (несмотря на одинаковые названия с упомянутым в «Географическом словаре», это другой населенный пункт), что создает дополнительную путаницу. Для того чтобы окончательно развеять недоразумение, отметим, что от суворовской крепости Фанагория до античной Фанагории (поселок Сенной) 24 км. См. также: Ворошилов В. И. Топонимы Российского Черноморья. История и этнография в географических названиях. Сочи — Майкоп, 2005.

C. 26 Мы хорошо знали службу, подтягивали певчим и были даже вхожи на «левый» клирос. — Клирос (*греч.* — часть земли, доставшаяся по жребию) — в православной церкви место на солее — возвышении перед иконостасом, на котором во время богослужения находятся певчие, чтецы и причетники, а также лица священного сана, если они не принимают участия в богослужении по своему сану, а лишь помогают в чтении и пении. Также клиросом может называться и сам хор певчих.

Практически в каждом храме имеются два клироса, правый и левый. Правый клирос — основной, левый ему «вторит»: ведет все чтение и простое пение, кроме того, комплектуясь из «волонтеров», он более «демократичен» по составу.

С. 26 *…не просто какой-нибудь полк. Нет, это был «одиннадцатый Фанагорийский князя Суворова Итальянского, графа Рымникского, ныне его императорского высочества, великого князя Дмитрия Павловича полк! — Фанагорийский гренадерский полк Генералиссимуса князя Суворова, а ныне Его Императорского Высочества великого князя Дмитрия Павловича — таково было официальное название в конце XIX в.: 17.08.1826 г., «из уважения к заслугам генералиссимуса князя Итальянского графа Суворова Рымникского, бывшего первым шефом полка, полк назван гренадерским генералиссимуса князя Суворова»; великий князь Дмитрий Павлович состоял шефом полка с 29 октября 1891 г. Фанагорийцы увенчали себя славой в боях русско-турецкой войны 1806–1812 гг., Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов Русской армии, Польской кампании 1831 г., Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — подробнее об истории полка см.: <http://www.regiment.ru/regiment/2/A/11/1.htm#1>.*

С. 26 *В церкви стояли у стен старые суворовские знамена, на них были ленты с надписями «За Рымник», «За Кинбурн». В витрине за стеклом лежал мундир Суворова, в котором он переходил Альпы. — Рымник — река в Румынии, на которой 11 сентября 1789 г. войска А. Суворова разгромили турецкую армию. Кинбурн — крепость на берегу Черного моря у устья Днепра, около которой 1 октября 1787 войска А. Суворова разгромили крупный турецкий десант — так называемое сражение на Кинбурнской косе.*

А вот с мундирем мемуарист ошибается: в Николо-Мокринском храме хранился мундир императора Николая Павловича. Об этом есть и документы, и свидетельства, А. Афанасьев рассказывает предысторию: «Во время маневров под Красным Селом в 1845 году император Николай I подъехал к полку и сказал: «Я желал бы быть шефом Фанагорийского Суворовского полка, но у вас уже есть Шеф — бессмертный Суворов; итак, мне остается только просить у вас, Суворовцы, позволения надеть ваш мундир и начать собою ваш полковой список». Этот мундир впоследствии был передан в полковой музей» (см. также. Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля. Ярославль, 2005. С. 273).

Фанагорийцы свято чтили память великого полководца, очень гордились «суворовскими» реликвиями и трепетно их берегли — в упомянутой статье А. Афанасьев описывает наиболее ценные из них. В Ярославле они размещались на галерее Николо-Мокринской церкви, в Москве — уже в музее, созданном в офицерском собрании, перед которым был поставлен памятник — бюст Суворова с надписью: «Бессмертному Шефу — Фанагорийцы» (<http://www.strana-oz.ru/?numid=10&article=52>). Интересно, что один из создателей московского полкового музея капитан Д. Д. Горностаев, когда полк был еще в Ярославле, жил... у Ивановых — снимал комнаты во втором их доме по Рождественской ул. (ГАЯО, ф. 485, оп. 5, д. 574, л. 131).

Забавна, и, пожалуй, характерна для России версия о причинах передислокации полка из Ярославля, ходившая среди современников: как-то Николай II в беседе с командующим Московским военным округом спросил последнего, где размещается прославленный Фанагорийский полк. Командующий, думая польстить царю, ответил: «Конечно, в Москве», хотя тот в продолжение почти 20 лет стоял в Ярославле, — вот и пришлось

срочно переводить фанагорийцев в первопрестольную (*Романюк С. К.* Из истории Московских переулков // http://testan.rusgor.ru/moscow/book/sela/mosslob18_8.html).

С. 26 *…против мальчишек с так называемого «Калинкинского двора», который пользовался очень плохой славой…* — Этот двор, домовладения купца Ефима Калинина, располагался на Которосльной набережной в том же квартале, что и дома Евграфа и Агафьи Ивановых. Калинину принадлежали торговые бани (первые частные коммерческие!), трактир и, по-видимому, жилой дом (Список церквей, зданий и домов в г. Ярославле по-улично // Календарь Ярославской губернии на 1875 год. Ярославль, б. г. С. 12; то же... на 1877 год... С. 16). Позднее бани и трактир прекратили свое существование, а Калинкинский двор, или «Калины», густо населенный городской беднотой, приобрел, по рассказам старожилов, весьма дурную репутацию (см. также *Ко-ин Александр. Калины // Голос. 1911. № 116. С. 3; ГАЯО, ф. 509, оп. 2, д. 1988, л. 258.* — Сообщено Н. С. Землянской).

С. 26 *…мы с братом, отпросившись на народное гулянье на Иванов луг (Иван Постный, 29 августа ст. стиля), приняли участие в кулачном бою, ежегодно проходившем в этот день между городом и Карзинкинской фабрикой… было до 1 000 человек.* — Ивановым лугом ярославцы называли часть правого берега Которосли близ церкви Ионна Предтечи, главный престольный праздник которой — Усекновение главы Иоанна Предтечи — приходится на 29 августа (11 сентября). Этот великий православный праздник в народе называли «Иваном-Постным», так как он сопровождался однодневным, но строгим постом — об обычаях, связанных с этим днем, см., например, у знатока народного быта XIX в. А. А. Коринфского (Народная Русь. М., 1995. С. 292–293). В день этого праздника во многих местах России устраивались ярмарки-однодневки, сопровождавшиеся народным гулянием, частым, если не непременным элементом которого были кулачные бои.

Карзинкинской фабрикой стали называть в быту Ярославскую Большую мануфактуру (ЯБМ) по ее владельцам — с 1856-го до национализации в 1918 г. она принадлежала московским купцам Карзинкиным и их компаньонам.

Еще при Затрапезновых в XVIII в. рабочие мануфактуры стали посессионными — фактически крепостными, что жестко и четко отделило от живших в соседних домах свободных ярославцев. Между фабричными и посадскими жителями Толчковой слободы отношения стали развиваться по схеме «мы — они». Кулачные бои у Предтеченской церкви несли в себе отпечаток именно такого противоборства. Интересно, что К. Д. Головщиков отмечает спад популярности боев с конца 1840-х гг., то есть после того, как рабочие ЯБМ были приписаны к ярославскому мещанству. Однако окончательной ассимиляции фабричных в городскую среду не произошло. Бытовые различия сохранялись вплоть до XX века: с развитием в Ярославле промышленности, появлением новых предприятий армия «фабричных» в Закоторосльной части города постоянно пополнялась приходящими на заработок крестьянами — старое противостояние оживало, приобретая новые оттенки (см. например, *Рутман Т. А. Храм в историко-культурной среде русского города: История церквей Ильи Пророка и Иоанна Предтечи в Ярославле: Дис... канд. ист. наук. Ярославль, 2002.*)

Хотя И. Ф. Барщевский в 1900 г. в «Историческом очерке города Ярославля» указывает другие места сражений: «еще в не так давнее время... знаменитые в свое время кулачные бои, происходившие здесь преимущественно зимою на Которости, близ Спасского

монастыря, а летом — за нынешним кадетским корпусом, близ Бутырской слободы» (цит. по История губернского города Ярославля. Ярославль, 2006. С. 236), — традиция боев на Ивановом лугу на Ивана-Постного не прерывалась до 1910-х гг.

Вот что писал в 1912 г. известный в городе журналист, тонкий и наблюдательный ярославский бытописатель Сергей Степанович Каныгин: «Много крестьян приезжает из дальних местностей — верст за 60 и дальше. Многие из них находят приют на ночь в столовой табачной фабрики Н. Н. Вахрамеева; здесь же, во дворе, ставят они и своих лошадей. Нынче ночевало в столовой человек сто с небольшим, но прежде число ночных лежников, приезжавших к Предтече, достигало до пятисот. В былые годы в этот день на так называемом Ивановском лугу происходило народное гулянье. Здесь строились чайные, пышечные и др. палатки; были балаганы, карусели и т. п. увеселения. Гулянье на Ивановском лугу редко обходилось без драк, но несколько лет назад во время гуляния здесь произошло убийство, и гулянья на лугу с тех пор запрещены» (Голос. 1912. № 204).

C. 27 Цель боя заключалась в том, чтобы «угнать» с поля противную сторону: городских — в улицы, фабричных — на мост через реку. — Имеется в виду не железнодорожный мост, существующий и сегодня, а предшественник современного автомобильного Толбухинского моста — летний, типа pontонного, с давних времен наводившийся неподалеку от Предтечевской церкви.

Вероятно, автор написал приведенную фразу под влиянием колоритной сцены на иллюстрации в книге Паялин Н. П. Волжские ткачи. 1722–1917 / История фабрик и заводов: Фабрика «Красный Перекоп» — Ярославская Большая Мануфактура. 1722–1933. Под ред. Ф. Самойлова. М., 1936. Т. 1. С. 120 (вклейка) — здесь бой разворачивается не у Предтечевской церкви, а на левом, «городском» берегу! Поэтому фабричным и приходится бежать на мост.

По всей видимости, кулачные бои не ограничивались Ивановым днем. Об этом рассказывает В. Гиляровский:

«...Рядом с “Русским пиром” был трактир Лондrona, отставного солдата из кантонистов, любителя кулачных боев. В Ярославле часто по зимам в праздники дрались — с одной стороны, городские, с другой, фабричные, главным образом, с корзинкиной фабрики. Бойцы-распорядители собирались у Лондрона, который немало тратил денег, нанимая бойцов. Несмотря на строгость, в боях принимали участие и солдаты обозной роты, которым мирволовил командир роты капитан Моряников, человек пожилой, огромной физической силы, в дни юности любитель боев, сожалевший в наших беседах, что мундир не позволяет ему самому участвовать в рядах; но тем не менее он вместе с Лондроном в больших санях всегда выезжал на бои, становился где-нибудь в поле на горке и наблюдал издали. Он волновался страшно, дрожал, скрежетал зубами и раз, когда городских гнали фабричные по полю к городу, он, одетый в нагольный тулуп и самоедскую шапку, выскочил из саней, пересек дорогу бегущим и заорал своим страшным голосом:

— Ар-рнауты! Стой! Вперед! — бросился, увлек за собой наших, и город прогнал фабричных.

Из полка ходили еще только двое: я и Ларион Орлов. Лондрон нас переодевал в короткие полушибки. Орлову платил по пять рублей в случае нашей победы, а меня угождал, верил в долг деньги и подарил недорогие, с себя, серебряные часы, когда на мостике, близ

фабрики Корзинкина, главный боец той стороны, знаменитый в то время Ванька Гарный, во главе своих начал гнать наших с моста, и мне удалось сбить его с ног. Когда увидали, что атаман упал, фабричные ошалели, и мы их без труда расколотили и погнали. Лондрон и Морянинов ликовали...» (Мои скитания. Глава четвертая. Зимогоры).

Кстати, Е. Г. Киселева (*«Гиляровский на Волге»*. Ярославль, 1962. С. 34–36; в сети: <http://www.booksite.ru/fulltext/kis/ely/ova/1.htm>) ошибочно называет трактирщика Лондроном: трактир мещанина Алексея Лондона (так!), как следует из адрес-календарей на 1875 и 1877 годы, располагался на правой, северной стороне Большой Рождественской в квартале от казарм и дома Ивановых; поблизости было еще полдюжины трактиров, и не только безымянных, известных лишь по фамилии владельца, но и «Рим», и «Белый лебедь», а вот «Русского пира», упомянутого Гиляровским, мы не нашли.

С. 27 *…тетушка, посылая телеграмму, очевидно, считала этот вид спорта не подходящим для «воспитанных» детей... — Тетушке братьев Владимировых было из-за чего волноваться: И. Ф. Барщевский, отмечая, что хоть «бои эти имели известную организацию», подчеркивал, что он «оканчивался иногда не только ранеными, но и убитыми».*

С. 27 *На фабрике Карзинкина, где работало около 12 000 рабочих, началась забастовка. Ни о каком рабочем движении раньше и слышно не было. — Говорить об организованном рабочем движении на ЯБМ, как бы ни хотелось этого адептам «Краткого курса ВКП(б)» (Паягин Н. П. Указ. соч. С. 117–131), вплоть до начала XX в. никаких оснований, конечно, нет, а вот достаточно крупные, но стихийные волнения с отказами от работы случались и ранее — в 1883-м и 1890-м — и несли черты одиозного «русского бунта». Эти и другие выступления рабочих скрупулезно собраны и проанализированы в ходе многолетней архивной работы М. Г. Мейеровичем (Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 — феврале 1917 г. Хроника. Учебное пособие. Ярославль, 1995). Число рабочих на ЯБМ доходило до 11 300 человек.*

С. 27 *…на усмирение этого бунта и направлена была рота, которой командовал штабс-капитан Шевров. Это был мой бог! — Выступления на ЯБМ, вызванные изменением расценок на работы и продолжавшиеся с 20 апреля по 6 мая 1895 г., стали крупным общественным событием не только в Ярославле, но и получили резонанс во всей России.*

М. Г. Мейерович, называя данные события стачкой, датирует их 26 апреля — 5 мая (Указ. соч. С. 18). Однако тут вопрос не в датах, а в термине «стачка», в том, что считать началом и концом событий (с 26 апреля в происходившее на ЯБМ активно вмешались губернские власти), и, главное, в отказе от попыток применения штампов и мифологем теории классовой борьбы к любому эпизоду истории.

На вышедшую из-под контроля администрации фабрику именно утром 26 апреля по распоряжению начальника Ярославского гарнизона — генерал-майора Ф. Я. Коноплянского, командовавшего 18-й местной бригадой, были направлены две роты фанагорийцев, к вечеру еще одна, а через сутки на мануфактуре и вокруг нее был уже почти весь полк — десять рот!

В событиях, развернувшихся на фабричном дворе, активно участвовали сначала солдаты 7-й роты (штабс-капитан Арташес-Тер-Акопян Суренянц) — они фактически схватились с безоружными рабочими врукопашную, ранив нескольких штыками; гранаты были закиданы камнями, досталось и Суренянцу, видя это, командир 6-й роты

штабс-капитан Александр Александрович Калугин отдал команду стрелять по бунтовщикам боевыми патронами, дала залп и 9-я рота (поручик Иосиф Константинович Петров). См. подробнее: ГАЯО, ф. 906, д. 184, 184а.

Сохранившиеся документы и многочисленные публикации о событиях 27 апреля (9 мая — н. с.) 1895 г. на ЯБМ свидетельствуют, что Кассиан Рафаилович Шавров (так по документам! — поэтому в мемуарах и комментариях далее исправлено), кумир будущего мемуариста, к жертвам среди фабричных непричастен. В полку он командовал сначала обычной строевой 4-й ротой, в составе которой еще поручиком участвовал в легендарном сражении под Плевной (см. Плевна и grenaderы: 28 ноября 1877 г. / Под ред. А. И. Маныкина-Невструева. М., 1887. Ч. 1 (сост. К. А. Кондратович); Ч. 2 (сост. И. Я. Сокол) — цит. по <http://www.petergen.com/history/plevna1877.shtml>), а затем особой, «его Императорского Высочества Великого Князя Дмитрия Павловича» 1-й ротой. (Ярославский календарь на 1894 год. Ярославль, 1894. С. 142–143; Памятная книжка Ярославской губернии на 1898 год. Ярославль, 1898. С. 230–231).

Между прочим, именно К. Р. Шавровым написана книга о фанагорийцах: Краткая история 11-го grenaderского Фанагорийского... полка. Описание кампании 1877 г. Рязань, 1889.

C. 27 *Были убитые и ранены. На донесении об этом деле Николай II наложил резолюцию: «Спасибо молодцам-фанагорийцам».* — В результате применения оружия один человек (Леонтий Соловьев) был убит и 12 ранено.

В ответ на рапорт командира полка император прислал телеграмму: «Спасибо молодцам-фанагорийцам за стойкое и твердое поведение во время фабричных беспорядков. Николай» (М. Г. Мейерович приводит несколько иной текст резолюции императора: «Весьма доволен спокойным и стойким поведением войск во время фабричных беспорядков» — Указ. соч. С. 19.).

В 1895-м приказы командиров исполнялись беспрекословно, но всего через десять лет именно в фанагорийском полку возникнет первый в Ярославле военный социал-демократический кружок (На перевале. 1922. № 20. С. 22–25). А в начале декабря 1905 г., когда Ярославль, еще не пришедший в себя от трехдневного октябрьского погрома, был полон слухами о возможном его повторении из-за создания официальной организации черносотенцев, «Союза истинно русских людей» — будущего «Союза русского народа», в газете появилось обращение «К гражданам г. Ярославля»:

«...мы, солдаты Фанагорийского полка, доводим до сведения всех граждан города Ярославля, что примем все меры к тому, чтобы не дать «черным патриотам» привести свой гнусный план в исполнение.

Мы это сделаем и в том случае, если со стороны нашего начальства не последует соответствующих распоряжений к прекращению безобразий черносотенцев.

Итак, защиту неприкосновенности личности и жилищ граждан города Ярославля мы, Фанагорийцы, берем на себя, не вступая для этого ни в какие соглашения с полицией и «охранниками» (Северный край. 1905. № 290. 6 декабря. С. 3).

Социал-демократы впоследствии неоднократно упоминали ярославские события в своих пропагандистских материалах. Вот как об этом событии позднее писал Л. Д. Троцкий: «Уже в 1895 году, когда во время стачки в Ярославле было убито 13 рабочих солдатами Фанагорийского полка, царь во всеобщее сведение написал на докладе

министра: “Весьма доволен поведением войск во время фабричных беспорядков”. И молодой, едва оперившийся самодерцец, послал “сердечное спасибо молодцам-фанагорийцам”. А в числе жертв фанагорийского молодечества были: одна женщина и один ребенок! Преступно-дрянная натуришка коронованного Митрофана без остатка проявила в этом вызывающем “спасибо”, которое послужило сигналом к бесчисленным дальнейшим кровопролитиям” (*Троцкий Л.* Политические силуэты. М., 1990). (Обращает на себя внимание характерное для большевиков «вольное» обращение с фактами ради «благой цели» — агитации.)

По итогам событий дирекция ЯБМ провела массовое увольнение рабочих, а власти, предъявив обвинение 33 рабочим, — судебный процесс (приговорены были к заключению и отдаче в арестантские роты только 8); Карзинкины сочли виновным в инциденте и руководство фабрики, сместив с должности заместителя директора Щапова, своими действиями «раскачавшего» ситуацию и ходатайствовавшего о присылке солдат. Описание событий с идеологически «выверенных» классовых позиций см.: Гутман Ж. 9-е мая 1895 г. на Ярославской Большой мануфактуре. Ярославль, 1930. С. 14–34; Паялин Н. П. Волжские ткачи... С. 132–145; Балуева Надежда. Ярославская Большая мануфактура: Страницы истории комбината «Красный Перекоп». Ярославль, 2002. С. 70–75; кстати, в воспоминаниях Чурченков Мих. Фактическая поправка: Начало существования с.-д. организации в Ярославле, по поводу ст[атьи] т. Стопани // На перевале. 1923. № 8–9. С. 25–26 опровергается сюжет о красном флаге из простой рубахи над многотысячной толпой, муссирующийся в указанных изданиях вплоть до нашего времени.

C. 28 ...*Годнев (командир полка)...* — В этом сюжете мемуарист спутал двух полковников. По сведениям ярославских адрес-календарей, как и по данным, предоставленным Российским государственным военно-историческим архивом (РГВИА), фанагорийцами с 1892 по 1899 г., а значит и во время описанных событий 1895 г., командовал полковник Леон Александрович Малишевский. Полковник Иван Дмитриевич Ходнев (а не Годнев) в 1895 г. в полку еще вообще не служил, а стал он командиром полка в 1899 г., оставил должность почти через 5 лет — по всей видимости, воспоминания этого, более взрослого, периода и наложились в памяти мемуариста на события 1895 г. Сегодня более известно имя другого полковника Ходнева — Дмитрия Ивановича, военного писателя-эмигранта, сына командира фанагорийцев (<http://www.idf.ru/documents/info.jsp?r=400&person=71857>). Кстати, в его воспоминаниях упоминается об участии полка под командованием отца «в 1903 году.. в охране царя в Сарове при открытии мощей Святого [Серафима Саровского]» — см.: Житие Преподобного Авеля Прорицателя. Коломна, 1995. Цит. по <http://baskerville.narod.ru/history/avel.html>).

C. 28 *Заехавший доктор Братанович, служивший на фабрике...* — документы свидетельствуют, что С. С. Братанович во время событий еще служил врачом Любимской уездной земской больницы и даже не предполагал переезжать в Ярославль: его прошение во Врачебное отделение Губернского правления о зачислении на государственную службу в указанной должности датировано 20 мая 1895 г. Но вскоре он был приглашен Правлением ЯБМ на должность старшего врача фабричной больницы «вместо выбывшего с фабрики врача П. П. Воскресенского», подал в Любиме прошение об увольнении с 15 июня — и в июле уже «вступил в отправление своих обязанностей» на ЯБМ (ГАЯО, ф. 1150, оп. 1, д. 1 000, л. 1–8).

Так что описанное Сергеем Васильевичем обсуждение событий на ЯБМ в доме Ивановых могло состояться не в один из приездов Станислава Станиславовича в Ярославль для переговоров и оформления документов в самом конце мая — начале июня, а уже после начала работы на фабрике и переезда в Ярославль, когда его встречи с офицерами-фанагорийцами у Ивановых стали более вероятными.

Судя по воспоминаниям ткачей, уход доктора П. П. Воскресенского с фабрики мог быть и вынужденным: он якобы отказался скрыть огнестрельный характер ран пострадавших рабочих, но документы, подтверждающие это, найти вряд ли возможно.

C. 28 *Не принять офицера — значит задеть честь полка.* — Здесь следует посетовать на абсолютную неизученность интереснейшей темы в истории русской городской культуры: взаимодействие и взаимовлияние городской и гарнизонной субкультур в повседневной жизни — то, что явление это имело место, было значимо и учитывалось в быту горожан, очевидно из приведенной фразы.

Что же касается описываемых автором обсуждений фабричных событий в семье и окружении Ивановых, то оно вызвано было не только их близостью к полку, в том числе через квартирантов-фанагорийцев, но и тем, что в семье был и свой офицер — В. М. Калинин. Для города в целом такая «вовлеченность» в события не была типичной — это следует из воспоминаний еще одного очевидца, А. М. Стопани (организатора рабочих кружков в Ярославле еще в 1895 г., а затем основателя социал-демократического революционного движения, уже как Северного комитета РСДРП в 1903-м): «...это крупное событие, и само выступление рабочих, и кровавая расправа с ними нимало не отразилась на настроении купеческо-мещанского города, ни даже — студенчества... Вероятно, отчасти потому, что слишком мало о нем в самом городе было известно...» (На перевале. 1923. № 4. С.15).

Отвлекаясь от темы, не можем не привести интересный факт — уж очень прихотливы пересечения судеб: «Родной брат [моей] бабушки, чье доброе влияние навсегда определило ее судьбу,» — так писала об Александре Митрофановиче Стопани, потомке пришедшего в Россию итальянского шарманщика, известная поэтесса Белла Ахмадулина в поэме «Моя родословная» (Юность (журнал). 1964. № 1. С. 39; Александру Стопани посвящена 7-я глава поэмы: С. 43–44). И еще о Стопани: недавно выяснилось, что некоторым образом он причастен к восстанию на броненосце «Потемкин» (*Шаффранский Евгений. Уроки потемкинских революций // Зеркало недели: Человек. 2007. 15–21 сентября. № 34 (663). <http://www.zn.ua/3000/3150/60441/>.*).

C. 28 *...в Нижний Новгород на Всероссийскую промышленную выставку.* — Интересно сопоставить впечатления автора с воспоминаниями о Нижегородской ярмарке 1896 г. его старшего земляка Сергея Васильевича Дмитриева (разница в 10 лет): *Дмитриев С. В. Воспоминания. Ярославль, 1999. С. 245–247;* о ярмарке вообще — С. 215–229. (Сер. «Граждане Ярославля»).

C. 29 *...на таких вокзалах Москвы, как Северный.* — Имеется в виду здание Ярославского вокзала, построенное в 1902–1904 гг. архитектором Ф. О. Шехтелем в неорусском стиле и украшенное мозаиками.

C. 29 *...мы жили на даче в д. Комарово около ст. Козьмодемьянская Ярославской ж. д.* — Деревня уцелела до наших дней, от северной окраины Кормилицина ее отделяет река Шопша.

С. 30 ...льноткацкие фабрики – Зотова и Сакина. — Льняная фабрика П. А. Зотова была основана в 1892 г. при д. Кормилицино Шопшинской волости Ярославского уезда. Выпускала тонкое и среднее полотно и столовое белье.

Полотняно-ткацкая и отбельно-отделочная фабрика Сакиных основана в 1880 г. при с. Карабиха Крестобогородской волости Ярославского уезда (ныне находится в пос. Красные Ткачи Ярославского района). Выпускала тонкое и среднее полотно, парусину, холстину, столовое белье. Превосходила фабрику Зотова по объемам производства в 5 раз, по числу рабочих в 3 раза.

С. 30 Поступив на фабрику, нужно было в первые два месяца быть готовым к отказу от получки, которая шла в карман мастера и подмастерья. Потом ежемесячно из 10–12 заработанных рублей 2–3 уходили на штрафы. Остальные деньги уходили на продукты из фабричного лабаза. — Конечно, нельзя полностью исключить возможность беззастенчивого мздоимства мастеров на этих фабриках, расположенных в сельской местности, а значит, с одной стороны, не испытывающих дефицита рабочей силы, а с другой, впитывающей в фабричный быт элементы социальных отношений из крестьянского уклада. Тем не менее, этот пассаж мемуариста, по всей видимости, несет на себе отпечаток даже не столько социал-демократической пропаганды, а официально принятой в советское время точки зрения на положение рабочих в Российской империи.

Тем более это касается штрафов: нами (A. P.) специально исследовались документы об их размере на ярославских предприятиях Н. Н. Вахрамеева и ряде других — подавляющее большинство рабочих вообще не штрафовалось ни разу за год; с другой стороны, имелась небольшая группа работников, в ведомостях о заработке которых штрафы встречаются 1–2 раза в месяц на сумму в редкий месяц более рубля, — как правило, это сезонные работники «от Покрова до Пасхи»; наконец, еще одна группа совсем малочисленная, успевавших всего за неделю-две своей работы заработать несколько рублей и почти столько же штрафов — «перекати-поле». Надо сказать, что все три типа — народ в подавляющей массе из деревень, а причины штрафов — нарушения правил трудового распорядка (прогулы, приход на работу в пьяном виде и т. п.). См.: Скибинская О. Н. Спектр жизни ярославского лакокрасочного... Ярославль, 2008. С. 78–82. О штрафах на ЯБМ, где картина была такая же, см.: Смирнова Ю. Б., Шильникова И. В. Система наказаний на Ярославской Большой мануфактуре во второй половине XIX – начале XX вв. // Экономическая история: Обозрение / Под ред. Л. И. Бородкина. М., 2002. Вып. 8. С. 11–22.

Функции и роль фабричных лабазов в быту работников также далеко не всегда и не в полной мере соответствовали их марксистско-ленинской трактовке.

С. 31 ...в приготовительный класс гимназии<...> После благополучно сданного экзамена покупалась гимназическая фуражка... Форму шили уже к осени... — В конце XIX в., а речь идет именно об этом времени, в Ярославле имелась одна государственная мужская гимназия, основанная еще в 1805 г.

Курс гимназии был ориентирован на получение классических знаний и продолжался 8 лет (до 1873 г. — курс был семилетним), не считая приготовительного класса, обучение в котором подготавливало к дальнейшим занятиям. Учебный год продолжался с 16 августа по 1 июня, около 240 дней. Прием учеников во все классы, кроме первого, — в августе, а в 1-й — в мае, поэтому автор и пишет об ожидании пошивания формы.

Окончившие курс получали аттестаты зрелости, открывавшие доступ во все высшие учебные заведения и «дававшие права на вступление в государственную службу, предпочтительно пред не бывшими в гимназии, с производством в первый классный чин по выслуге определенных сроков. Лучшие ученики, награжденные медалью, золотой или серебряной, производились в чин сейчас же по вступлении на службу» (*Рудаков В. Гимназия // http://www.brocgaus.ru/text/028/672.htm*).

- С. 31 *Интересы мои в то время кружились вокруг... чтения таких незабываемых авторов, как Майн Рид, Густав Эмар, Фенимор Купер и, в конце концов, Жюль Верн.* — Еще 20 лет назад имена этих писателей оставались незабываемыми, сегодня же придется напомнить:

Рид, Томас Майн (1818–1883) — английский писатель (по происхождению шотландец); в поисках приключений в 1840-м уехал в США; в качестве журналиста участвовал в Мексиканской войне 1846–1848 гг., автор популярнейших приключенческих романов *Вольные стрелки*, 1850; *Всадник без головы*, 1865; *Квартеронка*, 1856; *Оцеола, вождь Семинолов*, 1859 и др.;

Эмар, Густав (*наст. имя* Оливье Глу) (1818–1883) — французский писатель, 10 лет провел в плаваниях и сухопутных скитаниях по Северной и Южной Америке, жил среди индейцев; вернувшись во Францию, принял участие в революции 1848 г.; снова отправился в Америку, совершил несколько опасных экспедиций в малоисследованные районы. В свет вышло более тридцати романов: *Следопыт*, 1858; *Пираты прерий*, 1859; и др., имевших шумный успех у публики;

Купер, Джеймс Фенимор (1789–1851) — американский писатель, историк, критик общественного устройства. Детство провел в приграничном городке Куперстауне, основанном его отцом. Учился в Йельском университете, служил на флоте. Наиболее популярные романы Купера: *Последний из могикан*, 1826; *Пионеры*, 1832; *Следопыт*, 1840; *Зверобой*, 1841, и др.;

Верн, Жюль (1828–1905) — великий французский писатель, один из родоначальников жанра научной фантастики. Произведения Верна — это романы о приключениях в далеских краях; самый известный из них — *Вокруг света в восемьдесят дней*, 1873. Верн написал популярную историю географических открытий со времен Финикии до середины XIX в., принимал участие в создании атласа Франции. Читательское признание заслужил, прежде всего, как основоположник жанра научной фантастики. В числе его произведений ставшие классикой романы *Путешествие к центру Земли*, 1864; *С Земли на Луну*, 1865; *20 000 лье под водой*, 1870; *Таинственный остров*, 1875. Верн обладал недюжинным даром прорицания — он предсказал не только космические путешествия, подводные лодки, геликоптеры, но и искусственные спутники, управляемые ракеты с реактивным двигателем...

- С. 31 *Большинство же гимназистов, затрачивая огромные усилия на изучение классических языков, имело самое поверхностное представление о культуре Греции и Древнего Рима.* — До 1890-х гг. количество учебных часов на древние языки в гимназической программе было еще больше, только в 1890-м за счет их уменьшения увеличили программу по русскому языку, а письменный перевод с русского языка на классические в «испытаниях зрелости» заменили на перевод с них на отечественный. Как положительное изменение это отмечал в своей статье директор ярославской гимназии — см.: *Вы-*

сотский Н. Ярославская мужская гимназия // Памятная книжка Ярославской губернии на 1898 год. Ярославль, 1898. Отдел 6. С. 3–6. (Позже древнегреческий язык был вообще переведен в «факультативный».)

Бессспорно, мемуарист прав, говоря о том, что большинство учеников гимназий не становилось знатоками античной культуры, — но разве большинство выпускников любой современной школы с математическим, языковым, химическим, каким-либо другим «уклоном» становятся асами в этом самом уклоне? — Нет, наверное, необходимости подчеркивать, что если вести речь о впитанной культуре, а не о некоей сумме знаний, то гуманитарное гимназическое образование обладало весьма важными достоинствами и социальной ролью. По всей видимости, столь критический взгляд Сергея Васильевича в значительной степени вызван личными обстоятельствами. Например, в воспоминаниях В. А. Успенского о владимирской гимназии (Старая столица: Краеведческий альманах. Владимир, 2006. Вып. 1. С. 19–32) дается более взвешенная оценка; там же масса интересных подробностей по организации и регламентации гимназической жизни в провинции. Мы уж не вспоминаем «Кондит и Швамбранию» Льва Кассиля.

Кроме того, согласиться полностью с критическими сентенциями мемуариста мне (*A. P.*) сложно исходя и из личного опыта: родители моей мамы обучались в гимназиях в Нижнем-Новгороде и Риге, знал я и трех дедовых однокашников — уровня их знания античной культуры (как и европейских языков, и многих других вещей в советской жизни явно лишних) мне встречать у людей, в гимназиях не учившихся, не доводилось! Мне еще раз в жизни повезло: моя первая учительница, Нина Александровна, также была выпускницей гимназии (8-й, дополнительный класс давал право на преподавательскую работу и в советское время). — Светлая ей память!

Представляется важным отметить еще один угол зрения на социальные последствия классического гимназического образования, которые очень четко сформировал в начале XX в. гласный Городской думы Ярославля, купец И. А. Холщевников (курсив наш):

«Я подписался под заявлением об открытии в Ярославле среднего коммерческого училища, имея в виду не личные интересы купечества, а общее культурное значение этого учебного заведения для всего населения. Культура и промышленность, идя рука об руку друг с другом, так сказать, восполняя одна другую, составляют те две огромные силы, которые делают Государство, обладающее этими силами, — мировым. Чтобы процветала промышленность, надо чтобы процветала культура, и наоборот, чтобы процветала культура, надо чтобы страна обладала в достаточном количестве школами, университетами, библиотеками и т. п. учреждениями, для чего она должна быть богатой, а чтобы быть богатой, надо чтобы в ней процветала промышленность. Вот какая тесная связь между культурой и промышленностью...

...разъединение культуры и промышленности мы наблюдаем теперь у себя. Представители торговли и промышленности в данное время отдают своих детей в классические гимназии, там дети их или недоучиваются и в свою среду к деятельности торговой и промышленной более не возвращаются, за очень редким исключением, нанося тем огромный вред не столько своим родителям, лишая их

помощников и продолжателей своих фирм и предприятий, сколько вред всей культуре, всему движению России вперед по пути прогресса.

Если бы юноша, получивши образование и сделавшись человеком культурным, возвратился в свою среду к деятельности торговой и промышленной, то он, во-первых, внес бы культурные начала в самый процесс торговли и промышленности; во-вторых, он сделал бы отношения между хозяином и служащими более культурными, чем теперь, и тем открыл бы доступ образованным молодым людям в свои конторы и магазины и дал бы им возможность применить свои силы и знания в торговле и промышленности; и в-третьих, культурный, образованный купец стал бы жертвовать от своих достатков деньги на культурные цели, на школы, университеты, библиотеки, музеи, зная, что взамен этого он получает: техников, инженеров, технологов и других людей науки, без которых промышленность не может двигаться вперед. Вот почему американские миллионеры жертвуют громадные суммы на такие учреждения. Принимая все это во внимание, я и прихожу к убеждению, что коммерческое среднее учебное заведение, дав своим воспитанникам законченное среднее образование, сделав их людьми культурными и возвратив их к торговой и промышленной деятельности, и послужит тем соединяющим звеном, тем мостиком, по которому культура и промышленность соединятся и пойдут вместе, помогая друг другу, к общему прогрессу своей родины» (Журнал Ярославской Городской думы за 1908 г. Ярославль, 1909. С. 350–352).

А за несколько лет до этой речи предводители совсем не знакомых с античной культурой зимогоров и маклаков, избивавших ненавистных «интеллигентов», винили последних в подрывающем основы государства российского «прогрессе». Так что совсем не сегодня, в XXI веке, впервые повесили на либералов всю вину за все на свете: «отвлеченные интеллигенты» давно стали вызывать раздражение и справа, и слева, и не только в России — недаром большевики назвали их «прослойкой»...

C. 31 *...обрусовший чех Федор Иванович Тымчук.* — Ф. И. Тымчук значился в числе преподавателей гимназии около 20 лет (в годы пребывания в ней братьев Владимировых — уже в чине статского советника).

C. 31 *...Назика, пришедши к поэту Эннию...* — Назика — прозвище Публия Корнелия Сципиона (еще одно — Серапион) (ок. 154–111 г. до н. э.) римский великий понтифик, консул; Квинт Энний (239–169 до н. э.), римский поэт. Очевидно, что встречаться в жизни они не могли.

C. 32 *...переезд в специально построенное новое здание.* — В уже упомянутой статье директора гимназии Н. Г. Высотского указывается, что вопрос о строительстве здания специально для гимназии впервые был поставлен в 1888 г., но окончательное решение о начале работ стало возможным только в 1897 г. после выделения для нее городской земли на Семеновской (ныне Красной) площади. Переезд состоялся в 1901 г. Ныне в этом здании расположен главный корпус Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

C. 32 *...Андрей Андреевич Климко.* — К сожалению, личное дело А. А. Климко в ГАЯО (фонд 557 «Ярославская мужская гимназия имени Александра I») не сохранилось.

C. 32 *...«кухаркиным детям» в гимназии не место.* — Выражение возникло из одобренного Александром III циркуляра (1887) министра народного просвещения И. Д. Де-

лянова. Учебному начальству предписывалось допускать в гимназии и прогимназии (с 1864 г. так называлось 4-классное учебное заведение, соответствовавшее четырем младшим классам гимназии и имевшее право принимать экзамены на звание приходского учителя и на первый классный чин) «только таких детей, которые находятся на попечении лиц, представляющих достаточное ручательство о правильном над ними домашнем надзоре и в предоставлении им необходимого для учебных занятий удобства». Таким образом, как пояснялось далее, «при неуклонном соблюдении этого правила гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, коих, за исключением разве одаренных необыкновенными способностями, не следует выводить из среды, к коей они принадлежат» (Рождественский С. В. Исторический очерк деятельности Министерства народного просвещения, СПб. 1909, с. 641).

В либеральных кругах общества циркуляр получил неофициальное название — «Закон о кухаркиных детях».

C. 32 *„Элен Зайферт и Шульц – 4, Поро – 3...“* — Очевидно, С. В. Владимиров говорит о филологе Георгии Федоровиче Шульце, с 1881 года имевшем степень магистра греческой словесности, с 1891 года — доктора классической филологии. По состоянию на 1904 год он был профессором на кафедре классической филологии в Харьковском университете, один из основных трудов Г. Ф. Шульца — «О значении косвенных падежей в греческом языке».

Две другие фамилии, вероятно, тоже принадлежат авторам учебников по древним языкам, принятых в то время для образовательного процесса в гимназиях. Так, Брокгауз и Ефрон упоминают учебник Зейферта-Бамберга, изданный в Киеве в 1886 г.

C. 33 *«...Ви-и-но-о-gra-a-дов Николай. <...> отец его, казначейский чиновник...»* — Выяснить, о ком идет речь, не удалось. В адрес-календарях чиновника Виноградова нет, но и сами эти издания в Ярославле, как и по всей России, сохранились, как известно, далеко не за каждый год.

C. 35 *„семинарист Торопов, живший в нашем дворе...“* — Позднее «быв. семинарист Федор Александр Торопов» упоминается охранкой в «Списке выдающихся руководителей местных преступных организаций» как член Северного комитета РСДРП (вместе с Н. А. Дидрикиль и Н. И. Подвойским — о них см. ниже) — см.: А. М. Стопани Хроника за 30 лет // Пролетарская революция. 1925. № 9, цит. по: Ефимов Н. Е. Товарищ Нина. Ярославль, 1969. С. 36; в 1905-м как сотрудник «Северного края» вместе с Н. А. Дидрикиль он значится среди членов Ярославского стачечного комитета (Там же. С. 42).

Ярославская духовная семинария располагалась в том же 41-м землемерном квартале, что и дома Ивановых. Как свидетельствуют документы, семинаристы у них в отдельные периоды жили, а в конце XIX — начале XX в. именно в старинном доме, но фамилии квартирантов не указаны, отмечено лишь, что платит за жилье семинария (ГАЯО, ф. 509; оп. 2, д. 1988, л. 101–109, 334).

C. 35 *„волчий билет...“* — В «Толковом словаре» В. Даля это выражение зафиксировано в значении «полугодовая отсрочка, выдаваемая приговоренным к ссылке преступникам, от которых общество отрекается». М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» указывает на поволжское значение слова «волк» — «пойманный с поличным вор, которого водят с позором по селу, надев на него шкуру украденного им животного».

То есть подразумевается некий документ, ограничивающий права человека, его получившего.

C. 35 *Министром просвещения был назначен Ванновский.* — Ванновский, Петр Семенович (1822–1904) — военный и государственный деятель. В 1877-м, во время Русско-турецкой войны, командовал 12 армейским корпусом. В 1881-м был назначен Александром III на пост военного министра, при нем был осуществлен ряд преобразований в армии, в области организации комплектования и обучения войск и реорганизации военного управления. В 1898 г. вышел в отставку и был назначен членом Государственного совета. Во время студенческих волнений (1899) Ванновский был поставлен во главе комиссии по расследованию причин беспорядков. Однако деятельность игравшей в либерализм комиссии ни к чему не привела и нисколько не изменила одиозной политики министра просвещения Боголепова. В 1901-м после убийства Боголепова, Ванновский был назначен на его место, причем царским рескриптом на него возложена была задача «коренного пересмотра учебного строя» и проведения началь «сердечного попечения в школе». Надежды либералов не оправдались, революционное движение среди учащихся при нем еще более возросло. В 1902-м был уволен в отставку. Подробнее о Ванновском см. на сайте Биография. ру, где собраны биографии из разных энциклопедий: http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=15234.

Мемуарист смещивает в этом сюжете события рубежа XIX–XX вв., перечисляемые им изменения в учебных программах происходили в разное время — подробнее см.: Знаменский С. Средняя школа за последние годы. СПб, 1909.

Справедливости ради следует сказать, что разговоры о необходимости реформирования среднего образования в Империи велись постоянно, многое, хотя не всегда последовательно, делалось (выше мы уже отмечали некоторые изменения).

C. 35 *Было и еще одно предложение: мне и брату ехать в Оранienбаум, где жила с мужем тетя Варя.* — Командировка капитана Василия Михайловича Калинина для прохождения курса в офицерской стрелковой школе, как значится в Послужном списке, продолжалась с 25 января по 4 октября 1903 г.

Ораненбаум — до 1948 г. название города Ломоносова Ленинградской области в 40 км к западу от Петербурга. В конце XIX — начале XX веков являлся одним из основных дачных мест петербуржцев.

C. 36 *...музей Александра III...* — Полное название: Русский музей имени императора Александра III, ныне Русский музей. Создан в 1895 г., с момента основания располагается в Михайловском дворце Санкт-Петербурга и является одной из крупнейших коллекций русского изобразительного искусства в мире.

C. 36 *...стояли достраивающиеся броненосец «Александр III» и крейсер «Аврора». <...> ...«Александр III» погибнет в бою... «Аврора»... сыграет выдающуюся роль в Октябрьской революции...* — «Император Александр III» — эскадренный броненосец был спущен на воду в 1901 г., введен в строй в 1903-м. В Цусимском сражении после выхода из строя флагманского броненосца возглавил боевую колонну русских кораблей и с выдающимся мужеством вел бой против подавляющих сил врага. Затонул 14 мая 1905 г. Из экипажа — 867 офицеров и матросов — не спасся ни один человек.

«Аврора» — крейсер 1-го ранга, спущен на воду в 1900-м, вступил в строй в 1903 г., также принимал участие в Цусимском сражении, потерял 15 человек убитыми и более

80 ранеными, но избежал гибели. 25 октября 1917 г. в 21:45 холостой выстрел носового орудия «Авроры» подал сигнал к штурму Зимнего дворца — роль крейсера не столько выдающаяся, сколь символическая: «Аврора» почиталась как «возвестившая революцию», «могильщик Империи и Императорской фамилии», тем паче, что спущена на воду она была по личной команде Николая II, в присутствии многочисленных членов императорской фамилии. С 1948 г. на вечной стоянке на Большой Невке, с 1957-го — филиал Военно-морского музея.

С. 37 *...больше половины было просто чиновников, не думающих ни о чем, кроме 20-го числа и своих житейских забот.* — Преподаватели казенных гимназий являлись государственными служащими, то есть чиновниками; подавляющее большинство имело университетское образование (что уже обеспечивало причисление к 8-му классу); выслуга лет вела к присвоению следующего чина, но статский советник оставался «вершиной» преподавательской карьеры. Мы вновь сталкиваемся с несколько субъективно-критической точкой зрения мемуариста: помнить дату получения ежемесячного жалованья — не самый большой недостаток для педагога, тем более что оно слишком большим не было.

С. 37 *...математик П. Я. Морозов (Паша-ножка), физик Б. Ф. Фивейский, математик Н. Я. Нечаев, и особенно историк Порфирий Иванович Мизинов.* — В ежегодных адрес-календарях имеются полные списки преподавателей всех учебных заведений губернии; состав Ярославской мужской гимназии в 1903 г., например, выглядел следующим образом:

Директор: статский советник Николай Григорьевич Высотский. [Его фамилия чаще тогда писалась, как *Высоцкий*.]

Испектирующий, преподаватель русского языка: статский советник Константин Федорович Гордеев.

Законоучитель: священник Иоанн Андреевич Козмин.

Преподаватели:

статский советник Федор Иванович Тымчук;

надворный советник Виктор Николаевич Ярошевский;

состоящий в 8 классе Андрей Андреевич Климко;

статский советник Павел Яковлевич Морозов;

состоящий в 8 классе Николай Павлович Фивейский;

состоящий в 8 классе Сергей Васильевич Ермолаев;

статский советник Порфирий Иванович Мизинов;

статский советник Алексей Александрович Романовский;

состоящий в 8 классе Петр Яковлевич Фонс;

состоящий в 8 классе Николай Федорович Нечаев;

коллежский советник Вильгельм Христианович Зауэр;

Марциан Лукьянович Эскоферье (французский гражданин);

состоящий в 8 классе Сергей Иеронимович Чижевский» (Памятная книга Ярославской губернии на 1903 год. Ярославль, 1903. С. 90–91).

Уже с 1906 г. коллектив вырос более чем вдвое: помимо штатных преподавателей, число которых возросло в полтора раза, в гимназии вели занятия и дюжина внешштатных педагогов — «и. о. преподавателей» (Памятная книга... 1906 год. Ярославль, 1906. С. 46–47).

П. Я. Морозов являлся не только преподавателем Ярославской мужской гимназии, но и гласным городской думы, членом городской земской управы. До своего отъезда из Ярославля в 1907 г. возглавлял созданный им же «Кружок любителей астрономии и физики». Скончался в 1911 г., занимая на тот момент пост директора гимназии в г. Вязники Владимирской губернии.

П. И. Мизинов (1855–1910) – родился в Ярославле, окончил Московский университет, с 1887 г. – преподаватель истории в Ярославской мужской гимназии, где запомнился как талантливый лектор. Неоднократно выступал с публичными лекциями, сотрудничал с газетами «Северный край» и «Голос». Автор ряда работ по местной истории.

А вот в инициалах преподавателей физики и математики (оба – выпускники физико-математического факультета Московского университета), как видим, мемуарист ошибся...

С. 37 *...К. Ф. Гордеев <...> стремился стать инспектором и стал им, потом стремился к должности директора – достиг и этого.* – Как мы уже видели, Константин Федорович Гордеев в самом деле стал инспектором ярославской гимназии, но в начале 1906 г. должность эта объявлена вакантной, ее занял статский советник Н. Н. Якимов, который и служил потом вместе с действительным статским советником Н. А. Веригиным, сменившим Высотского. Возможно, мемуарист спутал Гордеева с Мизиновым (см. выше) – установить, директором какой гимназии стал Гордеев, не удалось. Но точно – не в Ярославле.

С. 37 *Вместо елейного попика отца Михаила, который ниже «4» никому не ставил, к нам перевели из Брянска отца Иоанна Косьмина.* – Священник Михаил Васильевич Троицкий был законоучителем до 1900 г.; фамилия сменившего его выпускника Московской духовной академии о. Иоанна писалась в адрес-календарях по-разному: и Козмин, и Казмин; позднее он был возведен в сан протоиерея.

С. 37 *...открыта при гимназии своя церковь.* – Церковь во имя Толгской иконы Богоматери на третьем этаже здания гимназии была освящена 9 ноября 1903 года.

С. 38 *...Александром Зайцевым, сыном фельдфебеля Фанагорийского полка.* – Поскольку среди персонажей мемуаров фельдфебелей достаточно, напомним: фельдфебель – старший из нижних чинов унтер-офицерского звания. В России с 1881 г. звание присваивалось «начальствующим» строевым нижним чинам (для нестроевых оно было заменено званием нестроевого старшего разряда). В сухопутных войсках было 3 степени званий: фельдфебель (в кавалерии вахмистр), взводный и младший унтер-офицер (в артиллерии – фейерверкеры, у казаков – урядники; во флоте иерархия унтер-офицерских званий была еще сложнее).

С. 39 *...о гениальных работах Лебедева...* – Лебедев Петр Николаевич (1866–1912), русский физик, один из основателей экспериментальной физики в России, создатель первой русской научной физической школы. Профессор Московского университета (1900–1911). Впервые получил (1895) и исследовал миллиметровые электромагнитные волны, открыл и измерил давление света на твердые тела (1899) и газы (1907), количественно подтвердил электромагнитную теорию света.

С. 39 *...все бомбы для боевых дружин Ярославля изготавлялись в домике Зайцевых, на дворе казарм 11-го гренадерского Фанагорийского полка.* – Александр Максимович Зайцев в документах Ярославского охранного отделения проходил неоднократно под клич-

ками «Приемыш», «Раненые ноги» (эта кличка подтверждает информацию о ранении Зайцева). Но в то же время в этих документах не имеется сведений о подготовке Зайцевым бомб — видимо, даже несмотря на взрыв, ему все же удалось скрыть это от властей. Более того, держа Зайцева в поле зрения, охранка так и не смогла установить фактов его террористической деятельности (ГАЯО, ф. 912, оп. 1, д. 355, л. 80; д. 448, л. 4 об.).

- C. 40 ...о конструкции бомбы Кибальчича, которой был убит царь Александр II. — Кибальчич Николай Иванович (1853–1881) — изобретатель, народник, участник покушения на Александра II в 1881 г., за что казнен.

- C. 40 Судьба А. М. Зайцева после Октябрьской революции мне не известна. До этого он сначала был учителем физики, а потом доцентом Московского университета. — После завершения в 1911 г. учебы в Московском университете А. М. Зайцев преподавал в Ярославле: сначала в частной мужской гимназии Дмитрия Николаевича Щеголева (она помещалась тогда в доме Либкена на Власьевской ул.), затем, до революции, в реальном училище (помещалось оно на Соборной площади — ныне главный корпус Ярославской медицинской академии на пл. Челюскинцев) — Справочная книга Ярославской губернии на 1912 год. Отдел 3: Адрес-календарь. С. 41; ... на 1915... С. 26.

И вновь сталкиваемся с пересечением судеб ярославцев: директором реального училища был Н. С. Соколов, а инспектором Н. Г. Первухин — см. о них Рутман Т. А. Краевед, просветитель, Гражданин. Труды и дни Н. Г. Первухина // Церковь Ильи Пророка в Ярославле. Книга 1. Ярославль, 2002. С. 149–153.

Установить дальнейшую судьбу А. М. Зайцева не удалось.

- C. 41 ...Остромирово Евангелие, «Домострой», «Моление Даниила Заточника»... — Выдающиеся произведения средневековой русской духовной книжности.

- C. 41 «Друг мой, не ходи в театр. Друг мой, не читай афеиста Тургенева». — Слова «театр» и «атеист» имеют греческие корни и писались с буквой «тита». В семинариях и попами эта буква называлась «фита» и произносилась, как «ф» (прим. С. В. Владимирова).

- C. 41 Библиотека и читальня помещались в здании городского театра, здания этого теперь не существует. ...новый... начал строиться при мне. — Публичная библиотека им. А. С. Пушкина была торжественно открыта 10 марта 1902 г. и первое время размещалась в театре — подробнее об ее истории см.: Федюк В. П., Герасимова А. А. «На поприще ума...»: Сто лет истории Ярославской областной универсальной научной библиотеки им. Н. А. Некрасова. 2002.

Здание городского театра в Ярославле перестраивалось несколько раз. Первое здание на этом месте было построено в 1819 г. и было деревянным. В конце 1820-х гг. по проекту архитектора П. Я. Панькова построено первое каменное здание театра, в 1883–1884 значительно перестроенное. Ныне существующее здание театра построено в 1911-м по проекту архитектора Н. А. Спирина — об истории театральных зданий в центре Ярославля см.: Землянская Н. С. Страницы биографии здания Волковского театра // Ярославль многогликий. 2000. № 2. С. 28–31; 2001. № 3. С. 40–42; 2003. № 4. С. 45–48.

- C. 41 ...Демидовского юридического лицея. — Высшее учебное заведение в Ярославле было открыто в 1803 г. по инициативе П. Г. Демидова как Высших наук училище. В 1868 г. преобразовано в Демидовский юридический лицей. Ярославский государственный университет считает себя его преемником и с 1995 г. носит имя основателя: Покровский С. П. Демидовский лицей в г. Ярославле в его прошлом и настоящем. Ярославль,

1914; Имени Демидова: Ярославский университет в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1995.

C. 41 ...*первый попавшийся из свободных журналов*. Это было «Право». — Вероятно, имеется в виду еженедельная юридическая газета «Право», издававшаяся в Петербурге с 1899 г. и в первые годы имевшая действительно сугубо профессионально юридическую направленность.

C. 42 ...*студент Шаповаленко*. — Михаил Шаповаленко, студент лицея, в «Списке соц.-дем., находившихся под агентурным наблюдением охранки (1904–1905 гг.)» упоминается под кличкой «Теплый» (На перевале. Юбилейный №. С. 62–63).

C. 42 ...*«Будильник» (популярный юмористический журнал)...* *иностранные издания «Berlinertageblat», «Figaro»*. — Журнал «Будильник» был одним из лучших дореволюционных сатирических журналов, издававшихся с 1865 г. сначала в Петербурге, а затем в Москве.

«Berlinertageblat» — одна из крупнейших немецких газет либерального направления, издававшаяся в Берлине с 1872 по 1939 годы.

«Le Figaro» — старейшая французская ежедневная газета, издается в Париже с 1826 года до настоящего времени.

C. 42 *Библиотекарша О. Н. Корсунская...* — Корсунская Ольга Николаевна — видный ярославский деятель просвещения, основательница первой частной женской гимназии в Ярославле.

Родилась в 1872 г. в семье статского советника, преподавателя Ярославской духовной семинарии Николая Николаевича Корсунского (1843–1899). Закончила курс Мариинской женской гимназии (примечательно, что имена пяти (!!) сестер Корсунских помещены были на золотых досках этой гимназии, которую каждая покидала со специальностью «домашняя наставница русского языка» и золотой медалью: Александра, 1886; Анна, 1887; Ольга, 1890; Агния, 1899; София, 1901 — она получила право преподавать еще и историю. См.: Ярославская Мариинская женская гимназия: Историческая записка к 50-летию ее существования (6 февраля 1861 г. — 6 февраля 1911 г.) / Сост. Б. И. Зеленский. Ярославль, 1911. С. 47, 53–54, 97–99, 104, 105; Памятная книга Ярославской губернии на 1903 год. Ярославль, 1903. С. 91).

Сведений о том, что Ольга Николаевна служила библиотекарем, не обнаружено: с 1890-го по 1900-й она служила гувернанткой в частных домах, а в 1900–1903 гг. преподавала немецкий язык в Мариинской женской гимназии. Возможно, в библиотеке работала какая-либо родственница по отцу, или мемуариста вновь подвела память на имена.

В 1903 г. Ольга Николаевна открыла женское «учебное заведение 3-го разряда», вскоре преобразованное в прогимназию, а затем в гимназию, вошедшую в историю Ярославля как «женская гимназия Корсунской». До национализации в 1918 г. являлась ее начальницей. Любопытно, что именно помещение гимназии Корсунской (современное здание почтамта на Богоявленской площади) избрали 6 июля 1918 года организаторы антибольшевистского восстания во главе с А. Перхуровым для размещения штаба.

После 1918 г. О. Н. Корсунская осталась при бывшем своем учебном заведении, разделенном на две школы. Она стала председателем школьного совета. Кроме того, в 1918–1920 гг. работала делопроизводителем Ярославской губернской инженерной дистанции и вела курсы всеобуча по ликвидации безграмотности. В конце 1920 г. получила травму

(перелом ноги), что сделало невозможным ее дальнейшую работы в государственных учреждениях. Ходатайствовала о назначении пенсии, в чем ей советская власть отказалась. Для того, чтобы хоть каким-то образом прокормиться, стала брать для обучения «детские группы на дому» (вероятно, аналог современного репетиторства). Ее муж Петр Петрович Корзюков (р. 1863 г.) до революции служил преподавателем Ярославского кадетского корпуса, затем — школы им. Карла Маркса (бывшая мужская гимназия). В 1929 г. был арестован и в 1930 г. по ст. 58–10 отправлен в лагеря. Реабилитирован в 1989 г. Его имя зафиксировано в списках жертв политических репрессий в 4 томе сборника «Не предать забвению. Книга памяти жертв политических репрессий, связанных судьбами с Ярославской областью» (Ярославль, 1997. С. 220). После ареста мужа Ольга Николаевна с семьей уезжает к родственникам в Ташкент, где и умирает в 1943 г. (Сведения об О. Н. Корсунской любезно предоставлены ее внучкой Марией Владимировной Щегловой).

Жизнь и судьба Николая Николаевича Корсунского заслуживают большего, чем некролог и справка на полстраницы (ЯЕВ. 1899. Неофиц. ч. № 25. С. 381–383; Алексеев В. П. Ярославские краеведы: Библиографический указатель аннотированный. Ярославль, 1988. С. 20). Сын ростовского священника, после семинарии он закончил Московскую духовную академию и кандидатом богословия вернулся в Ярославскую семинарию, где и преподавал. Его вклад в ярославское краеведение переоценить невозможно. Он, автор нескольких работ по местной церковной истории, стал одним из учредителей ЯГУАК, членом губернского статистического комитета и др. научных обществ. На протяжении 27 (!) лет с 1871 г. он был редактором неофициальной части «Ярославских епархиальных ведомостей», которые, благодаря ему, до сих пор остаются ценнейшим историческим источником, поскольку некоторые из опубликованных Корсунским документов безвозвратно утеряны в XX веке. Многие из работ замечательных краеведов А. Н. Лебедева, В. И. Лествицына и др. благодаря редактору увидели впервые свет именно на страницах ЯЕВ. (С его уходом практически оборвалась в этом издании традиция публикации документов и материалов по многовековой истории православия на Ярославской земле, заложенная еще первым редактором А. П. Крыловым. А их подлинный патриотизм в последующие годы подменяли все более безликие тексты, приобретая постепенно начетнический, охранительский, а иногда и откровенно черносотенный характер)

С. 42 ...«Вокруг света на Коршуне» Станюковича. — Имеется в виду популярный в то время писатель К. М. Станюкович (1843–1903), автор многочисленных сатирических и приключенческих повестей, романов, «Морских рассказов». Повесть «Вокруг света на Коршуне» написана в 1895 г.

С. 42 ...«Евгешка», помощник классного наставника. — Речь идет о надворном советнике Евгении Петровиче Струеве, во времена учебы Сергея в гимназии — помощнике классного наставника, затем преподавателе, имеющем звание уездного учителя (Памятная книжка Ярославской губернии на 1906 г. Ярославль, 1906. С. 46).

Следует подчеркнуть, что поведение гимназистов, и тем более — гимназисток, в быту достаточно жестко регламентировалось, в частности категорически воспрещалось посещение некоторых общественных мест (ресторанов, например). Контроль за поведением гимназистов возлагался на инспектора и подчинявшихся непосредственно ему помощников классных наставников.

- С. 43 ...*В следующем году одну из библиотекарш арестовали и увезли в тюрьму.* — Большую помощь Северному комитету РСДРП в организации хранения и распространения нелегальной литературы оказала заведующая Пушкинской библиотекой В. Г. Распопова, при обыске полиция обнаружила у нее множество подпольных изданий. Участвовала в революционной работе, начала еще гимназисткой (!) и М. С. Дегтева (Крылова), устроившаяся осенью 1905 г. помощником библиотекаря — см.: Ярославль в первой русской революции: Сб. материалов по истории революции 1905 года в Ярославской губернии / Под ред. П. Н. Груздева, Ж. М. Гутман и Н. Г. Пальчукова. Ярославль, 1925. С. 248; Очерки истории Ярославской организации КПСС. 1883–1937. Ярославль, 1985. С. 60, 96, 97, 99. Кого конкретно имел в виду автор, не понятно.
- «Пушкинская библиотека была удобна для сношений рабочих с интеллигентной молодежью, для укрепления и расширения эсдековских кружков. Кроме того, опорным пунктом библиотека являлась для приезжающих товарищей по партийной работе и местом хранения нелегальной литературы: брошюры, прокламации и др.» — так оценивал ее значение старый большевик, вспоминая, что за руководство в правлении библиотекой им пришлось позднее, в 1906–1911 гг., серьезно бороться с кадетами и эсерами (На перевале. 1923. № 3. С. 17).
- С. 43 ...*театр, основанный Ф. Волковым, уроженцем Ярославля, сыном ярославского купца.* — Очень распространенная ошибка: основатель русского профессионального театра Ф. Г. Волков (1729–1763) был сыном костромского купца, но в возрасте пяти лет лишился отца, после чего его мать вторым браком вышла замуж за ярославского купца Ф. В. Полушкина и переехала с сыном из Костромы в Ярославль.
- С. 43 ...*благотворительных учреждений «ведомства императрицы Марии».* — Благотворительная организация, созданная в 1796 г. по инициативе жены Павла I Марии Федоровны, первоначально занималась попечением женского образования. С 1828 г. вошла в «Собственную Его Императорского Величества Канцелярию (IV Отделение)», став, фактически, государственным учреждением. Во второй половине XIX в. его функции значительно расширились, включив призревание различных категорий нуждавшихся: инвалидов, сирот и т. д. См.: Ведомство учреждений императрицы Марии [Федоровны]. 1797–1897, СПб., 1897.
- С. 44 ...*«Гамлета», «Отелло», «Короля Лира», «Венецианского купца», «Разбойников», «Уриэль Акосту», трилогии А. К. Толстого, «Три сестры», «Чайку», «Мещан».* — На рубеже XIX–XX вв. классические трагедии Шекспира, «Разбойники» Фридриха Шиллера (1759–1805), «Уриэль Акоста» Карла Гуцкова (1811–1878), посвященная голландскому борцу против религиозного гнета (ок. 1585–1640), трагическая трилогия А. К. Толстого о русской истории («Смерть Иоанна Грозного», 1866; «Царь Федор Иоаннович», 1868 и «Царь Борис», 1870), вместе с современными пьесами А. П. Чехова и М. Горького непременно входили в репертуар русских театров.
- С. 44 ...*В это время ярославцы уже ездили в Москву в Художественный театр.* — Московский художественный театр основан в 1898 г. К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко. В репертуаре преобладали постановки реалистического направления, в первую очередь по произведениям А. П. Чехова, М. Горького и др. Оказывал большое влияние на Ярославский театр им. Ф. Волкова.
- С. 44 ...*Ротонда с пушнистым белым воротником...* — Здесь: верхняя теплая женская одежда в виде длинной накидки без рукавов в XIX — начале XX в.

C. 44 *Некоторые... Дарский, Раковский, перешли на московскую сцену. Загафов и Харламов стали играть в Московском художественном театре.* — Дарский (Шавров) Михаил Егорович (1865–1930) — русский актер, режиссер. Выступал в различных российских театрах, в 1898–1899 годах — в Московском художественном театре. С 1900 года — антрепренер Ярославского Волковского театра. В 1902–1924 гг. — актер и режиссер Александринского театра. Крупнейшие роли — Гамлет, Борис Годунов.

Раковский — выяснить судьбу этого артиста не удалось. Известно только, что до 1898 г. он играл в Нижегородском драматическом театре.

Загафов Александр Леонидович (1877–1941) — русский актер, режиссер, педагог. Учился у В. И. Немировича-Данченко на музыкально-драматическом отделении Филармонического общества (вместе с О. Л. Книппер, В. Э. Мейерхольдом, И. М. Москвиным). В Ярославле работал режиссером в 1901–1902 гг., затем в театре Корша в Москве, Александринском театре в Петербурге.

Харламов Алексей Петрович (1876–1934) — российский актер. В Московском художественном театре играл с 1898 по 1903 г. Именно в этом театре в 1902 г. он сыграл Ваську Пепла в первой постановке горьковской пьесы «На дне». В дальнейшем играл в различных театрах страны. С 1914-го — в Одессе. Лучшие роли — Раскольников («Преступление и наказание»), Карандышев («Бесприданница»).

Благодарим М. Г. Ваняшову за предоставленную информацию.

C. 45 ...*Вася Лобанов...* — Персонаж не установлен.

C. 45 ...*местом встреч зимой был каток...* — Он устраивался на Казанском (современном Первомайском) бульваре.

C. 45 ...*Диночка Ушакова...* — Возможно, речь идет об Александре Ушаковой, значащейся среди окончивших восьмой класс Мариинской женской гимназии в 1904/1905 учебном году. (Ярославская Мариинская женская гимназия... С. 110).

C. 46 ...*Романово-Борисоглебск...* — название города Тутаева с 1822 по 1918 г.

C. 46 ...*на дачу к Шаховским. <...> Отца Илюши, Дмитрия Ивановича, не было. Приняла нас... мама. ...две девочки, сестры Илюши.* — Шаховской Дмитрий Иванович (1862–1939) — один из виднейших российских либеральных деятелей конца XIX — начала XX века. Происходил из ярославской ветви рода Рюриковичей. В Ярославле жил с 1889 г.; являлся гласным уездного и губернского земства, был соредактором газеты «Северный край». Один из создателей и член ЦК кадетской партии, был секретарем 1-й Государственной думы, депутатом которой стал от Ярославской губернии. В 1917 г. входил в один из составов Временного правительства (министр государственного призрения). После прихода к власти большевиков — один из активных участников антибольшевистских организаций. После ареста в начале 1920-х гг. от политической деятельности отшел, но в июле 1938-го был арестован и в 1939 г. расстрелян. См.: Кузьмина И. В., Лубков А. В. Князь Шаховской: Путь русского либерала. М., 2008 (ЖЗЛ); Шелохаев В. В. Дмитрий Иванович Шаховской // <http://www.auditorium.ru/books/4547/ch10.pdf>.

В 1886 г. Дмитрий Иванович женился на дочери московского купца Сиротинина Анне Николаевне. Училась на Высших женских курсах В. И. Герье, а затем на естественном отделении физико-математического факультета Бестужевских курсов в Петербурге. После окончания курсов вели занятия в воскресной школе. Дмитрий Иванович и Анна Николаевна прожили вместе более 50 лет.

Илья — старший сын Дмитрия Ивановича (1887–1916), покончил с собой после фронтового ранения. В Архиве Российской академии наук хранится рукописный сборник стихотворений И. Д. Шаховского 1905–1913 гг.

Сестры: *Анна* (1889–1959), работала референтом, а затем хранителем кабинета музея академика В. И. Вернадского (с которым более 60 лет дружил ее отец); *Наталья* (1890–1942), детская писательница и *Александра* (1895–1912, самоубийство). Автор, скончавшись в 1913 году, имеет в виду старших девочек.

Что касается места расположения дачи Шаховских, то здесь следует заметить, что на рубеже XIX — XX веков живописные берега Волги между Романово-Борисоглебском и Ярославлем превратились в респектабельную дачную местность. Здесь имели свои загородные дома семьи многих ярославских дворян и крупных купцов — Пастуховых, Сорокиных, Лопатиных, Дунаевых, Сабанеевых и т. д. Как правило, сюда переезжали на все лето (а часто захватывая и май с сентябрем) всеми семьями, со слугами, а зачастую и со всевозможным домашним скарбом. Сами Шаховские, как свидетельствуют документы, имели дачу в селе Михайловском (см., например, «Дело по наблюдению за приехавшим 16–18 июля сего года [1892] в усадьбу князя Дмитрия Ивановича Шаховского в селе Михайловском Ярославского уезда вольнопрактикующегося в Весьегонском уезде врача Таирова и об учреждении негласного полицейского надзора за владельцем усадьбы князем Дмитрием Шаховским» (дело из фонда Ярославского губернского жандармского управления цитируется А. Г. Чукаревым в книге «Верой и Правдой. ФСБ. Страницы истории». Ярославль, 2001. С. 39).

C. 46 ...семья трех братьев Лимгер... <...> *Мамаша* была чистокровной русской... — К сожалению, не удалось обнаружить в архивных документах ни одного упоминания об этой семье

C. 46 ...к охоте на дупелей и бекасов. — Дупель (нем.) *Scolopax major*, бекас (фр.) *Scolopax gallinago* — болотные птицы отряда куликовых с длинным прямым клювом.

C. 46 ...у Николо-Бабаевского монастыря... *Братья Лимгер* везли в ягдташах... — Николо-Бабаевский монастырь возник в XV в. на берегу Волги в устье реки Солоницы. (Наименование обители красавцы объясняют тем, что она была основана на месте явления чудотворца в образе Святителя, найденного на берегу Волги на так называемых бабайках — веслах при плотах.) Каменный ансамбль монастыря сложился в конце XVIII — середине XIX веков. Закрыт в начале 1920-х гг., многие его постройки, в том числе главный храм Иверской Божьей Матери, разрушены. Возвращен православной церкви в 1988 г.

Ягдташ (нем.) — охотничья сумка.

C. 47 ...небольшой кружок гимназистов решил издавать литературный журнал. — Такие кружки и их рукописные журналы были весьма распространенным элементом гимназического, а позднее и школьного быта — в ГАЯО в фонде С. С. Дмитриева хранится иллюстрированный поэтический альманах начала 1920-х гг.

C. 47 ...Андреевой. — Андреева (наст. фам. Юрковская) Мария Федоровна (1868–1953) — русская актриса (в том числе в 1898–1905 годах — в Московском художественном театре), гражданская жена М. Горького.

C. 47 ...постоянного посетителя читальни Н. И. Подвойского. — Подвойский Николай Ильич (1880–1948) — деятель революционного движения в конце XIX — начале XX века.

Происходил из семьи сельского священника. Окончив духовное училище, учился в Черниговской духовной семинарии, в 1901 исключен за революционную деятельность, поступил в Демидовский юридический лицей в Ярославле, где сразу включился в социал-демократическое движение, один из его руководителей; после 2-го съезда РСДРП (1903) большевик, член Северного комитета РСДРП. В 1904-м арестован, после освобождения в 1904–1905 гг. — председатель большевистского комитета студентов в Ярославле. В 1905-м один из руководителей стачки текстильщиков и Совета рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске; организатор боевых дружин рабочих Ярославля, где в октябре во время демонстрации зверски избит черносотенцами (17 тяжелых ран!), арестован... Один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания 1917 года, председатель Петроградского ВРК, нарком по военным делам, участвовал в создании Красной Армии, член РВС Республики... В дальнейшем — начальник Всевобуча, на другой руководящей, но второстепенной советской и партийной работе. См.: *Лейберов И. Пламенный солдат революции*, М., 1962; *Тарасов Е. П.*, Н. И. Подвойский. (Очерк военной деятельности), М., 1964; *Ефимов Н. Е.* Товарищ Нина. Ярославль, 1969; <http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/090/274.htm>.

Сергей Васильевич гордился знакомством с Подвойским (это очевидно по интонациям мемуаров, и еще больше, по фрагменту автобиографии, и соответствует советской парадигме «Я видел Ленина!!!»).

- C. 47 ...у моего приятеля *В. Мальцева*. — Установить, о ком идет речь, не удалось.
- C. 47 ...жил у своего дяди Аполлинария Платоновича Крылова. ...был известным стяжателем. «Аполлинарий любит динарий», — говорили про него. — Крылов Аполлинарий Платонович (1834–1912) был секретарем консистории с 1860 г., позднее служил по гражданскому ведомству, а с 1890-го на земской службе, в описываемый период был председателем Губернской земской управы (с 1899).

С. Дмитриев также пишет о том, что при необходимости решить в Ярославле какой-либо вопрос по духовному ведомству, помогал рецепт: «...возьми в руки динарий и найди, где живет Аполлинарий» — *Дмитриев С. В.* Воспоминания. Ярославль, 1999. С. 74, 332 (Серия «Граждане Ярославля»).

Объективности ради, следует напомнить, что Аполлинарий Платонович участвовал в создании «Ярославских епархиальных ведомостей» и был первым редактором их неофициальной части, ему принадлежит ряд фундаментальных трудов по ярославскому краеведению, которые и сегодня остаются востребованными источниками — см.: Ярославские краеведы: Библиографический указатель, аннотированный / Сост. В. П. Алексеев. Ярославль, 1988. Ч. 1. С. 21–22. (Однако и здесь есть нелицеприятная версия: среди краеведов бытует неподтвержденное мнение, что замечательный труд «Церковно-археологическое описание города Ярославля» создан был протоиереем Иоанном Троицким, а лишь увидел свет под именем Крылова.)

- C. 48 ...пивной некоего Павла Ивановича... — В «Положении о трактирных заведениях» 1861 г. пивные назывались «портерными и пивными лавками» (*Курукин И., Никулина Е.* Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М., 2007. С. 287–288). Павла Ивановича среди лиц, получавших разрешение на содержание трактиров, гостиниц, буфетов и др., найти не удалось.

С. 48 ...*Белинский, Писарев, Добролюбов, Герцен, Чернышевский, народники...* — *Белинский*, Виссарион Григорьевич (1810–1848), литературный критик.

Писарев, Дмитрий Иванович (1840–1868), критик, публицист.

Добролюбов, Николай Александрович (1836–1861), критик, публицист.

Герцен, Александр Иванович (1812–1870), писатель, философ, революционер.

Чернышевский, Николай Гаврилович (1828–1889), публицист, литературный критик, прозаик, экономист, философ.

Н. А. Некрасов посвятил памяти Добролюбова знаменитое стихотворение:

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать...

Оно в равной степени могло быть адресовано всем перечисленным кумирам русской интеллигенции (к ним еще следует добавить Н. К. Михайловского), властителям ее дум на протяжении нескольких поколений, начиная с 1840-х гг. Мемуарист не преувеличивает: и в столичных городах, и в самых далеких уездных самообразование «России молодой» начиналось с их литературно-критических и публицистических статей.

Нешадно эксплуатировавшиеся советской идеологической машиной образы названных удивительных деятелей отечественной культуры были выхолощены пропагандой до абсурда, сегодня их имена не только не входят в топ-листы, но и вообще полузабыты.

Н. Каржавин, обыгрывая известную ленинскую сентенцию о «Колоколе» Герцена, «разбудившем» Россию, вопрошал:

Какая сука разбудила Ленина?
Кому мешало, что ребенок спит? —

однако мы не имеем оснований и не должны обвинять этих искренних взыскателей истины в преступлениях большевизма. Другой совершенно вопрос, что картина исканий того времени этим «критическим», даже «нигилистическим» направлением российской мысли ни в коей мере не исчерпывалась!

Народничество — идеология и движение разночинной интеллигенции в России во 2-й половине XIX в. Советская идеология позиционировала народничество как «разновидность крестьянской, общинной социалистической утопии». Родоначальники — А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, идеологи — М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев. Основные народнические организации 1860–1880-х гг. — «чайковцы» (организаторы «хождения в народ»), «Земля и воля», «Черный передел», «Народная воля» — существенно различались и по декларируемым целям, и по использовавшимся методам их достижения. Со 2-й половины 1880-х после разгрома «Народной воли» возросло влияние либерального народничества (Н. К. Михайловский и др. публицисты журнала «Русское богатство»), но не прерывалась и революционная традиция (группа народовольцев в Санкт-Петербурге, другие местные кружки и организации). Возрождение революционного народничества в конце 1890-х — начале 1900-х гг. (так называемое неонародничество) связано с деятельностью партии эсеров.

- C. 48 Книгу Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»... — Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) — выдающийся российский политический деятель, философ, публицист; прошел путь от народничества до одного из первых пропагандистов марксизма в России, позднее — один из создателей РСДРП, лидер ее меньшевистского крыла. Работа «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» опубликована в 1895 году.
- C. 48 ...курс политической экономии Железнова. — Железнов Владимир Яковлевич (1869–1938) — экономист, педагог, общественный деятель. Его труд «Очерки политической экономии» пользовался в начале XX века большой популярностью в среде либеральной интеллигенции и студенчества, выдержав с 1899 по 1918 г. восемь изданий.
- C. 48 ...симпатии к народникам и марксистам были в тупорукой неустойчивы... Однако главное — необходимость борьбы с царским самодержавием... — На момент описываемых в воспоминаниях событий собственной эсеровской организации, в отличие от социал-демократов, в городе еще не существовало. В литературе упоминается, что группы сторонников «Союза социалистов-революционеров» имелись и в Ярославле (именно к таким, видимо, и принадлежал упомянутый Скворцов), но официально частью партии они не считались, продолжая именоваться «по-старинке» просто народниками. (Во-первых, эсеры изначально заявляли себя как продолжатели дела и идеологии народников. Во-вторых, несмотря на то, что первые крупные организации социалистов-революционеров возникли в России еще в 1895–1896 гг. (Киев, Саратов), единой партии у них долго не складывалось.) Впервые как самостоятельная организация «Ярославская группа социалистов-революционеров» заявила о себе в связи с неудачами российской армии в войне с Японией в октябре 1904 г. Весной 1905 г. «Ярославская группа социалистов-революционеров» влилась в состав всероссийской партии эсеров, признав в целом ее программу. Правда, нужно отметить, что сильного ЦК эсеровской партии на общероссийском уровне так никогда и не сложилось, и она весь период своей деятельности не представляла собой организацию, подобную большевикам. См. подробнее: Шильникова И. В. Ярославская и Костромская организации партии социалистов-революционеров в начале XX века (с момента образования до 1914 г.). Дисс.... канд. ист. наук. Ярославль, 2001; Шильников А. С., Шильникова И. В. К вопросу о начальном этапе деятельности Ярославской организации партии социалистов-революционеров // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук на пороге XXI века. История: Сборник тезисов юбилейной конференции, посвященной 30-летию Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2000; Ерофеев Н. Д. Социалисты-революционеры // История политических партий России. М., 1994. С. 144–149.

Деятели разных кружков-партий на местах между собой по идеологическим вопросам, конечно же, спорили, но в повседневном быту врагами отнюдь не были: Архивная справка УНКВД по Ярославской области от 8 января 1941 г., например, сообщает, что член ярославского комитета партии социалистов-революционеров Николай Сперанский жил в 1908 г. на квартире у Еликониды Дегтевой, матери Марины Дегтевой, бывшей в ту пору членом ярославского комитета РСДРП (ЯМЗ. НВФ-4967/3).

Это позже победившим большевикам мало будет уничтожить эсеров физически (в 1922 году «контрреволюционная деятельность» эсеров была «окончательно всенарод-

но разоблачена» на московском процессе членов ЦК с.-р. партии, по итогам которого лидеры были условно приговорены к смертной казни). Они еще будут вытравливать даже упоминания об их огромной революционной работе, причем до 1918-го — явно более успешной и популярной в народе, чем большевистская: во Всероссийское учредительное собрание тогда из 715 депутатов избрано было 410 эсеров.

- C. 48 ...*такие рабочие, как Петр Алексеев*. — Алексеев, Петр Алексеевич (1849–1891) — рабочий, народник, произнесший в 1874 г. на так называемом «Процессе 50-ти» яркую политическую речь в защиту интересов рабочих.

Наверное, нет необходимости говорить о том, что вплоть до начала XX в., его не скольких первых лет, не только социал-демократы, но и все остальные революционные течения и в Ярославле, и в России в целом представлены были в основном группами учащейся и/или недоучившейся молодежи. Сыновья и дочери купцов и священников, зажиточных мещан и небогатых дворян, научившиеся в реальных училищах, гимназиях и семинариях учиться — читать книги и думать, а некоторые из них закрепившие эти полезные навыки в университетах, — со всем пылом молодости отдавали силы критике существующего положения вещей и изучению теоретических основ справедливо-го устройства будущего мира, то есть облегчения жизни «простого народа». Попытки практической «работы с рабочими» не были успешными (разве что в столицах), лишь немногие из участников движения были в самом деле пролетариями, и уж совсем единицы из них могли сказать речь. Но уж тогда их имена использовались в агитации с размахом.

Речь Петра Алексеева, ставшую широко известной в либеральных кругах: «...подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах», — революционеры самых разных направлений тиражировали, начиная с 1877 г.

- C. 49 *Редактор «Гражданина» кн. Мещерский проповедовал порку. Редактор «Московских ведомостей» Карл Амалия Грингмут издавал газету под лозунгом «Православие, самодержавие, народность*. — Мещерский, Владимир Петрович (1839–1914) — основатель, издатель и ведущий автор газеты-журнала радикально-монархического содержания «Гражданин», издававшегося с 1872 г. С 1882 по 1906 г. — главный редактор этого издания.

Грингмут Владимир Андреевич (1851–1907) — редактор-издатель газеты «Московские ведомости» с 1896 г. Аполлогет неограниченной монархии, крайний националист и шовинист — один из главных идеологов черносотенства. Создатель (1905) и глава Русской монархической партии, председатель монархического «Русского собрания».

Называя Грингмута «Карл Амалия», мемуарист, по всей видимости, намекает этим на его «не совсем» русское происхождение и смену лютеранства на православие, иронизируя над неофитским ультрапатриотизмом. С такой иронией не согласился бы Анатолий Степанов, главный редактор «Русской линии» и автор статьи о В. А. Грингмуте (www.rusk.ru) — рассказ о происхождении своего героя он начинает словами: «Его предки принадлежали к старинному славянскому роду из Прусской Силезии». За этим следует рассказ об этих предках: «Дед Грингмута был бургомистром города Лигнице. Отец Вилибалд-Генрих... занимал кафедру классической филологии в Бреславском университете. Его пригласил в Москву в качестве воспитателя своих детей попечитель Москов-

ского учебного округа граф Сергей Строганов. ...отец Грингмута остался в Москве... По-степенно он *обрусл*, стал зваться Андреем Ивановичем, но *русского подданства не принял и веру не сменил...*» (курсив наш. — Автор нелепости своего утверждения не видит). (Краткая еврейская энциклопедия — <http://www.eleven.co.il/article/13110> — придерживается версии о происхождении Грингмута от крещеных евреев.)

- C. 49 ...подпись: «Северный комитет Российской социал-демократической партии». — Северный комитет РСДРП возник в июле-августе 1903 года по решению 2-го съезда РСДРП на базе Северного рабочего союза, существовавшего с 1900 г. Целью комитета было развертывание рабочего движения в губерниях. Крупнейшими деятелями Северного комитета в Ярославской губернии, по официальной версии истории КПСС, были А. М. Стопани, Н. И. Подвойский, В. Р. Менжинский (см.: Очерки истории Ярославской организации КПСС. 1883–1937. Ярославль, 1985. С. 37–70; Их жизнь — борьба: Очерки о деятелях «Северного рабочего союза РСДРП». Ярославль, 1973. [Кн. 1] С. 81–91, 143–152, 159–171; о первых шагах социал-демократов в Ярославской губернии в 1895–1897 гг. интересно и несколько по-другому вспоминает А. М. Стопани: На перевале. 1923. № 4. С. 14–15). В его создании и координации действий весьма активно участвовал Вл. А. Носков, о котором будет сказано ниже.

- C. 49 ...выдержки из брошюры Ленина «Что такое друзья народа». — Статья В. И. Ленина «Что такое “друзья народа”» и как они воюют против социал-демократов» была написана в 1894 г. и была нацелена на критику народничества.

- C. 49 25 декабря 1903 года... Привел меня туда брат. <...> ...вошли вместе с его знакомым студентом В. А. Носковым, считавшимся образованным марксистом. — Носковых с инициалами «В. А.» в революционном движении было двое: братья Владимир и Василий Александровичи, происходившие из старой ярославской купеческой семьи. Старший, Владимир (1878–1913), в дальнейшем один из видных деятелей-практиков российской социал-демократии периода ее становления, примкнул к революционному движению во второй половине 1890-х гг., во время учёбы в Иваново-Вознесенском реальном училище. Затем в Петербурге, студентом технологического института, Вл. А. Носков стал членом «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В конце 1898 г. арестован, после нескольких месяцев в «Крестах» выслан в Ярославль, где всего за несколько месяцев 1899 г. с помощью вызванных из столицы агитаторов ему удается организовать *первый* рабочий кружок на Карзинкинской мануфактуре. Затем вновь арест и высылка в Воронеж. В 1900 г. в Башкирии, «на кумысе», знакомится с Лениным. По возвращении в Воронеж поддерживает связь с Ярославлем, Иваново-Вознесенском, Костромой, где создается Северный рабочий союз, в выработке программы которого принимает участие. Вскоре из-за угрозы высылки в Сибирь переходит на нелегальное положение, выезжает за границу, где примыкает к редакции «Искры». Приведем отрывки из двух писем:

В. И. Ленин Вл. А. Носкову в Цюрих 22 июля 1902 г.:

«...я и к Семену Семенычу ревнив, до чертиков ревнив, и ко всякому взгляду (даже взгляду) на “стороннюю особу” отношусь с волнением.

...Мне ужасно хотелось бы, чтобы Вы и Повар как можно конкретнее представили себе наше положение и вошли в него, и говорили не вы, а мы. Во всяком случае, необходимо, чтобы Повар и писал нам очень часто и писал непосредственно и связал нас крепче с Семен Семенычем и Семена Семеныча с нами» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.

Т. 46. С. 214–215; Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России, 1900–1903 гг.: Сб. док: В 3 т. М., 1969–1970. Т. 2. С. 107–111)

Здесь: Семен Семенович — конспиративное название «Северного союза РСДРП; Повар — конспиративное имя агента «Искры», активного деятеля «Северного рабочего союза» Ф. И. Щеколдина (1870–1919), с которым Владимир сблизился еще в Иваново-Вознесенске и сохранял отношения до конца жизни. После смерти Вл. А. Носкова Федор Иванович поддерживал отношения с его сестрами.

Вл. А. Носков В. И. Ленину 26 июля 1902 г.:

«...Напоминаю Вам, Владимир Ильич, следующее. Когда мы виделись “на кумысе” [речь идет о встрече в 1900 г.], то Вы очень охотно выразили готовность руководить деятельностью “Северного союза”. Хотя тогда-то я строил это на предположении, что Вы останетесь в России. Ваше согласие я передал своим товарищам, и все мы с радостью приняли Ваш ответ и с тех пор считаем Вас нашим близким товарищем, членом “Северного союза”. При приезде сюда я передал Вам спасибо от северян, что Вы так много содействовали большей связности “Северного союза” с другими организациями и особенно по сближению с “Искрой”.

Я, особенно, не знаю, как Вы относитесь к этому, что Вы попали в члены “Северного союза”; но в данном случае (и во многих других будущих, наверно) очень удобно воспользоваться этим. Ваше письмо я перешлю Центральному комитету и предложим ему обсудить вопрос о признании “Искры” своей газетой не на съезде “Северного союза”, а упрощенным, ускоренным способом: путем обсуждения и голосования по комитетам и группам...» (Переписка... Т. 2. С. 132).

В. А. Носков живет «на колесах», ведя большую организационную и техническую работу в партии, активно участвует в подготовке II съезда РСДРП (август 1903), на котором в Лондоне происходит раскол — Владимир Александрович избирается одним из 3 членов проленинского ЦК.

В действительности разделение на большевиков и меньшевиков первоначально носило лишь верхушечный характер. В провинциальной России деятели-марксисты недоумевали по поводу произошедшего на съезде в Лондоне. О том, насколько большим ударом для российских эсдеков тогда оказался раскол в их эмигрантской верхушке, в начале 1920-х гг. вспоминал А. М. Стопани:

«...для нас, провинциалов искровцев, полнейшей неожиданностью было обнаружение крупнейших разногласий между нашими вождями искровцами... которые и привели затем к расколу в партии...»

Разочарование наше было столь велико, что, помню, в каком-то из лондонских ресторанов, после одного из наших совещаний — будущих большевиков — я не удержался и сцепился с самим В. И. Лениным. — “Вы, заграничники, не смогли сами толком сговориться друг с другом... в результате — раскол, последствия которого придется расхлебывать прежде всего нам, местным работникам”» (Стопани А. М. К эпохе возникновения Северного Комитета // На перевале. 1923. № 5. С. 8–9).

В провинции социал-демократы очень долго не делили друг друга на большевиков и меньшевиков, например, в эсдековской организации Ростовского уезда раскол и вовсе произошел лишь в декабре 1917 года! См. подробнее: Гайдис А. С. Меньшевистские орга-

низации Верхнего Поволжья в 1903 — начале 1920-х годов (на материалах Ярославской и Костромской губерний). Дисс... канд. ист. наук. Рукопись. Ярославль, 2003.

Вскоре, приходя к выводу, что противоречия между большевиками и меньшевиками в значительной степени личностные, Носков пытается примирить раскол в социал-демократии, сближается с В. Г. Плехановым.

В феврале 1905 г. Владимир Александрович был арестован в Москве (на квартире писателя Леонида Андреева), в октябре — освобожден, участвует в событиях в Москве, Ярославле и Иваново-Вознесенске.

После возвращения из эмиграции в Ярославль в 1906 г. его партийная деятельность уже не столь активна — занимается партийной журналистикой: под псевдонимом *Владим. Тангейзер* выходит его брошюра «В помощь самообразованию», в которой подробно комментируется программа РСДРП. Он служит в губернском земстве, принимает участие в распространении социал-демократических изданий (в том числе через Пушкинскую библиотеку, будучи членом ее правления). В 1910 г. участвует в 3-месячной попытке выпуска газеты «Наша Северная речь». В 1911 г. В. А. Носков принимает предложение организовать выпуск газеты на Дальнем Востоке — он уезжает, но «Приморский край» просуществовала только год... Трудно сказать, что роковым образом сказалось на его моральном и физическом состоянии, но 1 мая 1913 г. Владимир Носков покончил самоубийством. См.: Правда. 1913. 8 мая. № 104; Владимир Александрович Носков (К 10-летию со дня смерти — 14-е мая 1913–23 г.) // На перевале. 1923. № 5. С. 9–11.

Если С. В. Владимиров имел в виду Вл. А. Носкова, то исходя из биографии последнего ясно, что описанная встреча могла состояться только в один из нелегальных приездов Владимира в Ярославль. Известно, что в ноябре-декабре 1902 г. он приезжал на несколько дней, но в Москву (ЯМЗ-49425/27) — возможно, автор ошибся на год.

Биография Василия Александровича (1880–1939) также заслуживает внимания и памяти. Об участии младшего Носкова, еще учеником ярославской гимназии, в революционном движении упоминается в Очерках истории... КПСС. 1883–1937 (С. 40); более подробно об этом рассказывает он сам в автобиографии: ЯМЗ-49425/4, л. 1–1 об. Однако куда большее внимание вызывает его врачебная работа: лишившись обеих ног в 1919-м он продолжал лечить людей! (*Суворов В. Дорогой революционной борьбы // Северный рабочий. 1982. 10 июня. С. 3.*) Кстати, в 1918 г. во время июльской трагедии города Василий Александрович руководил городской больницей в расстреливавшемся Ярославле, очень много сделал для помощи людям.

Познакомить Артемия Владимирова с Владимиром Александровичем Носковым мог Василий, старший соученик Артемия и Сергея по ярославской гимназии. Нельзя исключить, что именно Василий имел в виду мемуарист: в 1903 г. тот также был студентом (медицинского факультета Берлинского университета: ЯМЗ-49425/4, л. 2) и мог приехать в Ярославль.

Хотелось бы обратить внимание краеведов на личный фонд Носковых в собрании ЯМЗ (ЯМЗ-49425; ЯМЗ-50619 и др.): документы из него дают возможность очистить биографии этих незаурядных ярославцев от идеологической трескотни и откровенной лжи, которой пересыпаны страницы партийных изданий, начиная с 1930-х гг. (например: *Андраник В. И. Владимир Александрович Носков // Их жизнь — борьба: Очерки о*

деятелях «Северного рабочего союза РСДРП». Ярославль, 1973. [Кн. 1] С. 159–171). Судьбы обоих братьев безусловно заслуживают честного исследования.

С. 50 ...я слушал профессора. — Установить, о ком из профессоров Демидовского лицея идет речь не удалось.

С. 50 Выступил народник Скворцов. ...террористические акты Карповича и Балмашева... традиции партии «Народной воли»... ее «наследницы» — партии социалистов-революционеров. — Некий Скворцов не случайно назван народником — см. выше. Он, видимо, не был известным политическим деятелем: в фундаментальном издании Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996 ни биографии, ни упоминаний о народнике (эсере) Скворцове не содержится.

Карпович Петр Владимирович (1874–1917) — эсер, совершивший в феврале 1901 г. покушение на министра просвещения Н. П. Боголепова.

Балмашев Степан Валерианович (1882–1902) — эсер, совершивший в апреле 1902 г. убийство министра внутренних дел Д. С. Сипягина. Казнен.

С. 51 ...«Русские ведомости», в которых помещались дальние статьи некоего Михайловского. — «Русские ведомости» — одна из крупнейших газет России. Издавалась в 1863–1918 годах. С 1870-х гг. орган либеральной интеллигенции, с 1905-го — кадетской партии.

Михайловский, Николай Константинович (1842–1904), литературный критик, социолог. Родился в дворянской семье. Учился в Петербургском институте горных инженеров. В 1870-е — один из руководителей журнала «Отечественные записки», а с начала 1890-х — соредактор «Русского богатства». Оба журнала выражали идеи либерального российского народничества, ведущим идеологом которого и был Михайловский, сотрудничал он и с «Русскими ведомостями». Вызывает недоумение, почему Сергей Владимирович «не узнает» Михайловского? Популярность публициста была очень широкой. Не является ли упоминание автором ленинской статьи против народников и это «некое-го Михайловского» результатом уже советского идеологического прессинга?

С. 51 За весь период существования «Искры»... — «Искра» — первая российская нелегальная марксистская газета, орган РСДРП. Издавалась с 1900 по 1905 годы в эмиграции. В официальной советской истории революционного движения роль этой газеты, как и других событий и явлений, связанных с именем В. И. Ленина, традиционно гипертрофировалась до вселенских масштабов. Как приведенное замечание автора, так и последующий текст, свидетельствуют, что в реальности вовлечение молодежи в революционное движение России того времени, ее радикализация проходили под влиянием довольно широкого спектра политических движений, среди которых будущий большевизм занимал свое, вполне определенное, но не более чем скромное место.

С. 51 ...номер журнала «Право» со статьей Трубецкого... — Статья юриста и общественного деятеля Евгения Николаевича Трубецкого «Война и бюрократия» в № 39 журнала «Право» за 1904 г. вызвала большой резонанс в российском обществе в связи с резкой критикой общей ситуации в стране, погруженной в разгул бюрократии и безответственности, что и стало причиной военных неудач.

С. 51 ...номерами «Русского слова»... — «Русское слово» — ежедневная либеральная газета, издававшаяся в Москве в 1895–1918 годах.

C. 51 В доме произошло расслоение. <...> «Надо понимать состояние Вари, у неё муж на войне, а у нас ведутся разговоры, точно мы “япошки” какие-то проклятые», — сказала как-то тетя Нюта. — В. М. Калинин участвовал в боях в Маньчжурии (см. в статье А. М. Рутмана).

Следует напомнить, что война, в самом деле, послужила сильнейшим катализатором для расслоения всего русского общества, и более того, для его радикализации в обоих полюсах политического спектра.

В середине января 1904-го появилась статья под названием «В чем сила Японии и слабость России?»: «В то время как... западные университеты (например германские) являются очагами национального духа — в это время в полуобразованной России, с кафедрами, в литературе и в прессе, систематически проводятся взгляды, что национализм есть понятие отжившее, что патриотизм не достоин современного “интеллигента”, который должен любить все человечество, что война есть остаток варварства, армия — главный тормоз прогресса и т. п. Из университетской среды, из литературных кругов, из кабинетов редакций эти идеи, разрушительные для всякого государственного строя (безразлично, самодержавного или республиканского), распространяются в широких кругах русского общества, причем каждый турица, присоединившись к ним, тем самым приобретает как бы патент на звание “передового интеллигента”. Логическим выводом из такого мироизрания являются полное отрицание всяких воинских доблестей и презрение к военной службе, как к глупому и вредному занятию. Дело дошло до того, что подобные взгляды проникли даже в такую тесно связанную с армией среду, как наше поместное дворянство. Недавно в одном дворянском собрании, при обсуждении вопроса об открытии кадетской школы, один дворянин заявил, что Россия не нуждается более в “пушечном мясе”, а другой выразил нежелание давать деньги на “человекоубийц” (цит. по: Айрапетов Олег. Армия, общество и «колониальная война» // Родина. 2004. № 1. <http://www.japon.ru/?TextArchivePrint&ID=145>).

Автором был полковник Евгений Иванович Мартынов, вскоре назначенный командиром 140-го пехотного Зарайского полка, в котором как раз и воевал в Маньчжурии В. М. Калинин. (См.: Мартынов Е. И. Бой при Ляньданьсяне и сражение на Шахе (Мое участие в них). СПб., 1908; Он же. Воспоминания о Японской войне командира пехотного полка. Пороцк, 1910; Он же. Из печального опыта Русско-японской войны. Издание 2-е. СПб., 1907.)

Бывшего генерала Евгения Ивановича Мартынова, добровольно вступившего в Красную Армию, расстреляли на Бутовском полигоне 11 декабря 1937 г. Было ему 73 года (о нем см.: http://ru.wikipedia.org/wiki/Мартынов%2C_Евгений_Иванович).

В Ярославле отношение к войне также было не только «злорадным»: в февральской книжке журнала «Приходской жизни» за 1905 г. предтеченский настоятель и редактор этого журнала, отец Федор Успенский опубликовал статью «Беседа по поводу январских беспорядков, бывших в Петербурге и Москве». В ней абсолютное неприятие тех, «кто без сыновнего доверия и уважения говорит о Государе Императоре, кто осмеивает наших военоначальников и войско, кто порицает все русское и превозносит врагов...»

Конечно, безоговорочное доверие власти — свойство сознания религиозного, но мысли отца Федора разделяло не только ярославское священство. Доказывать адептам слепого патриотизма, что критика не есть превознесение врага, бесполезно. По иронии

судьбы, когда через несколько лет Мартынов публично попытался бороться с казнокрадством, он сам был обвинен в непатриотизме и даже судим «за публикацию в открытой печати служебных документов».

C. 52 ...«Передавай привет генералу Куропаткину...»...издевались над коровой командующего армией Штакельтера, которую он возил с собой в особом вагоне... — Очевидно, так на японский манер искалась фамилия генерала Алексея Николаевича Куропаткина (1848–1925), бывшего с февраля по октябрь 1904 г. командующим Маньчжурской армией, а с октября 1904 г. по март 1905 г. — главнокомандующим всеми вооруженными силами России на Дальнем Востоке. А. Н. Куропаткин запомнился очевидными промахами в руководстве российскими сухопутными войсками, за что и заслужил нелюбовь у значительной части общества. Смещён с поста главнокомандующего после поражения под Мукденом.

Когда Сергей Васильевич писал свои воспоминания, он и подозревать не мог, что осуждение генералов с коровами вернется в российскую публицистику не как забавный исторический анекдот. Несколько лет назад Маршал Советского Союза А. И. Еременко, вспоминая фронтовые будни Великой Отечественной войны, искренне возмущался советским генералом, для которого на фронте (!) держали целую ферму и даже устроили коптильню («Окопная правда» маршала Еременко // АиФ Долгожитель. 2003. 20 февраля. № 04 (16) // http://www.aif.net.ru/online/longliver/16/20_01). Потом была очень острая статья Юлии Латыниной, в которой упоминается молоколюбивый генерал, прилетавший с коровой в вертолете в воюющий Афганистан (Подполковник Марк Евтухин и генералы с коровой // Ежедневный журнал. 2006. 22 июня // <http://www.ej.ru/?a=note&id=4110>). Поэтому нам показалось важным разобраться с истоками сюжета.

Сделать это оказалось не так просто: мемуарист ошибся и в немецкой фамилии, и в должности. Он имел в виду Георгия Карловича фон Штакельберга (1851–1913) — барона, генерала от кавалерии, командира 1-го Сибирского армейского корпуса в 1904 г. Заметим, что среди военачальников, участников Русско-японской войны, был еще один барон фон Штакельберг, Эвальд Антонович (1847–?), вице-адмирал,уважаемый флотоводец.

Генерал А. А. Игнатьев (1877–1954; еще один, кроме Алексея Толстого, «советский» граф), в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. адъютант генерала А. Н. Куропаткина, в своих мемуарах «50 лет в строю» писал: «Штакельберг был старый соратник Куропаткина по Ахалтекинской экспедиции, имел Георгиевский крест и репутацию храброго командира, но, как говорили, был настолько слаб здоровьем, что не мог обходиться без молочного питания и постоянного ухода жены, которая его никогда не покидала. Так как в Маньчжурии молока не было, то при штабе Штакельберга, по слухам, всегда возили корову. Конечно, это подавало повод для многих шуток, и хлесткие журналисты из «Нового времени» создали целую легенду о генеральской корове. На самом же деле Штакельберг, несмотря на подорванное на службе здоровье, требовавшее особого ухода, лично руководил сражением, не щадил себя и был настолько глубоко в гуще боя, что под ним даже была убита лошадь» (2-томник издавался многократно, цит. по <http://adjudant.ru/lib/ig204.htm>; history.scps.ru/lib/ig204.htm).

На самом деле упомянутый Игнатьевым Георгиевский крест Штакельберг получил как раз в 1904-м «за отличия в делах против японцев»: «вверенный ему корпус... прикрывал отходившую к Мукдену Маньчжурсскую армию, самоотверженно отбивая преследо-

вавшего противника», а сам барон «выказал личное мужество, спокойствие и распорядительность и, пренебрегая личною безопасностью, был всегда в передовых линиях» (http://george-orden.nm.ru/ordgrg4stb1901_4.html#4_c1193).

Интересно, что в упомянутой публикации маршал А. И. Еременко приписывал корову другому военачальнику: «Когда мы в академии изучали Русско-японскую войну, то от души смеялись над генералом Сахаровым, который возил в теплушке корову...» Генералов Сахаровых в русской армии в те годы было тоже два: Виктор Викторович (1848–1906), военный министр, генерал-адъютант — его можно исключить, он в Маньчжурии не был, и Владимир Викторович (1853–1920).

Вл. В. Сахаров, командир 1 Сибирского корпуса до Штакельберга, затем был назначен начальником полевого штаба Маньчжурской армии, а после Шахейского сражения (у реки Шахэ — в нем участвовал В. М. Калинин — см. комментарии к воспоминаниям Нины Васильевны) начальником штаба главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии. В той войне он себя ничем не проявил, а в мировой генерал от кавалерии Сахаров отличился, командуя XI армейским корпусом, а затем 11-й армией Юго-Западного фронта. Еще до своего участия в Брусиловском прорыве 1916 г. он заслужил Георгиевские кресты 4-й и 3-й ст. — подробнее см.: http://www.hrono.info/biograf/bio_s/saharov_vv.html. Жизни обоих генералов Сахаровых закончились трагически, но не в бою: бывший министр был убит на даче П. А. Столыпина в Саратове эсеровской террористкой во время командировки для прекращения крестьянских волнений в Саратовской и Пензенской губерниях, боевого же генерала убили в Крыму «зеленые»...

Наш мемуарист напомнил, что в стране, где миф об идеальном военачальнике — отце солдатам основан на образе А. В. Суворова, генералам вряд ли стоит возить коров и строить дачи, если они не хотят испортить репутацию. Не только свою, но и армии вообще. «Дыма без огня не бывает», и даже если «генеральская корова» — изначально газетная утка, тень ее падает на достойных офицеров. Тем более, когда армии ведут непонятные для народа войны.

C. 52 «Казенки»... — государственные «торговые точки» по продаже алкогольной продукции. О ситуации с продажей и потреблением алкоголя в описываемый мемуарами период времени имеется архивное исследование: Г. В. Карапашев. Питейное дело в Ярославской губернии в конце XIX — начале XX века // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 1–2. http://www.yspu.yar.ru/vestnik/kraevedenie/23_4/; То же. Ч. 2 // http://www.yspu.yar.ru/vestnik/kraevedenie/24_3/.

C. 53 В июле 1904 года был убит фактический самодержец, министр внутренних дел. — Имеется в виду Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904) — наиболее яркий представитель полицейско-бюрократического режима эпохи Александра III и Николая II. Был назначен министром внутренних дел после убийства Д. С. Сипягина в 1902 г. Своими гонениями на студенчество и земцев вызвал особенную ненависть к себе в самых разных слоях общества. Был убит эсером Е. С. Сazonовым.

C. 54 Не получится ли в России французской войны? — Имеются в виду те кровавые события революционного террора, гражданской войны и распада государственности, которые имели место в ходе Великой французской революции.

C. 55 *События в Петербурге и гапоновщина в первые дни января...* — В 1904 г. священник Георгий Аполлонович Гапон организовал и возглавил «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга». Целью этой организации было составление и подача петиции императору Николаю II. Как известно, демонстрация рабочих и членов их семей в Петербурге 9 января 1905 года закончилась применением войсками оружия и массовыми жертвами, что стало поводом к началу первой российской революции. Смысл деятельности Гапона до сих пор до конца не раскрыт. Ученые так и не могут остановиться на одной из двух взаимоисключающих в моральном отношении версий: 1) Гапон действовал по распоряжению царской охранки; 2) Гапон искренне стремился повернуть рабочее движение в конструктивное мирное русло, устранив влияние на рабочих радикальных революционных партий.

C. 55 *…дружественные отношения с сестрами Дидрикиль, особенно с Ниной Августовной, женой Н. И. Подвойского.* — Сестры Дидрикиль, пожалуй, самые известные из женщин-социал-демократок в Ярославле, а Нина (Антонина) Августовна (1882–1953) — самая упоминаемая из них — см. Ефимов Н. Е. Товарищ Нина. Ярославль, 1969; Тарасов Е. П. Нина Августовна Дидрикиль // Их жизнь — борьба: Очерки о деятелях «Северного рабочего союза РСДРП». Ярославль, 1973. [Кн. 1] С. 81–91; и др; о Подвойском см. выше.

Антонина была младшим, десятым ребенком в семье выходца из Прибалтики управляющего лесным частным владением Августа Ивановича Дидрикиля. Она участвовала в революционном движении еще на его «кружковой» стадии — в публикации «Отрывки из воспоминаний о подпольной работе в Ярославле» (На перевале. 1923. Юбилейный №. С. 52–53) Нина Августовна писала: «Жила я в Ярославле с 1898 по 1905 г. Зимою 1898 г. я была введена в нелегальный кружок РСДРП Василием Александровичем Носковым, ныне доктором Ярославской городской больницы... Вели занятия с нами главным образом Владимир Александрович Носков, Александр Митрофанович Стопани и его жена Мария Михайловна...»

В 1900 г. кружки и группы Ярославля, Костромы и Иваново-Вознесенска были объединены в единую межгубернскую организацию — «Северный рабочий союз», центром которого стал Ярославль. Нина и ее старшие сестры Ольга и Мария были его активными членами; участвовали в революционном движении и братья Павел, Эдуард и Александр. С 1902 г. Подвойская член РСДРП, участник революции 1905–1907 гг. в Москве. С 1907 работала в издательстве «Зерно», основанном мужем и М. С. Кедровым по заданию РСДРП(б), и журнале «Вопросы страхования». В 1917-м — в Петербургском комитете РСДРП(б), ВРК, с 1924 — в Институте В. И. Ленина.

Имена двух других сестер Дидрикиль вплетены в историю не только большевистскую, но более ЧК — НКВД. Ольга стала женой Михаила Сергеевича Кедрова (1878–1941). Из московских дворян, сын нотариуса. Учился в Московском университете (не окончил), в 1897–1902 гг. в Демидовском юридическом лицее в Ярославле. С 1901-го в РСДРП. Во время революции 1905–1907 гг. снабжал восставших оружием (Москва), в октябре 1905-го организовывал рабочие дружины в Костроме. С мая 1917 г. член Военной организации при ЦК РСДРП(б), с ноября — член коллегии Наркомата по военным делам, комиссар по демобилизации русской армии, незадолго до восстания был в Ярославле. В августе-сентябре 1918 командующий войсками Северо-Восточного участка

отрядов завесы. С сентября 1918 начальник Военного отдела, а с января 1919 — Особого отдела ВЧК, с марта 1919 г. член коллегии ВЧК. Даже среди не особо сентиментальных работников ЧК Кедров широко известен своей патологической жестокостью, ставшей «притчей во языцах». С 1920-х годов на руководящей работе, как и Подвойский, на «вторых» ролях, в апреле 1939-го арестован, содержался во внутренней тюрьме НКВД, расстрелян. После устранения Л. П. Берии реабилитирован, причем Берии вменялось в вину, что Кедров, якобы оправданный на суде 9.7.1941 — небывалый случай в советской судебной практике тех лет! — был расстрелян по личному указанию наркома (*Миловидов В. Л. Михаил Сергеевич Кедров // Их жизнь — борьба: Очерки о деятелях «Северного рабочего союза РСДРП»*. Ярославль, 1977. [Кн. 2]. С. 61–67; http://persons.local100.ru/res_139903.html; *Мельгунов С. П. Красный террор в России. Изд. 2-е дополненное. Берлин, 1924 // http://lib.ru/poliglot/melgunow/terror.txt*; и др.).

Следователем НКВД в подчинении у известного В. Г. Деканозова работал сын Кедровых, Игорь (1908–1940). Арестован в апреле 1939 г. Расстрелян. Короткое время служил в ЧК и самый известный из 3-х сыновей Кедровых, Бонифатий (1903–1985, родился он, кстати, в Ярославле), философ, химик, историк науки, академик АН СССР (1966).

Самая старшая из сестер, Августа Августовна, вышла замуж не за революционера, а за сыровара. Муж — итальянец швейцарского происхождения Христиан Петрович Фраучи приехал в Россию в начале 1880-х гг. Их сын Артур стал известен под своим партийным псевдонимом. Артур Христианович Артузов (1891–1937) в 1918 г. работал под руководством М. С. Кедрова в комиссии, занимавшейся установлением советской власти на севере России. В мае 1919-го был направлен на работу в ВЧК. Обоснованно считается одним из организаторов советской разведки. Руководил и принимал активное участие в проведении многих операций по борьбе с белогвардейским движением и шпионажем, в том числе по ликвидации заговора великого князя Николая Николаевича, по делам «Трест», «Синдикат» и др. — т. е. он причастен к тому, что главный организатор ярославского восстания 1918 г. Борис Савинков попал в руки НКВД. Репрессирован в связи с так наз. «заговором генералов» вместе с Тухачевским, Уборевичем и другими военачальниками. Реабилитирован. См.: <http://www.hrono.info/biograf/artuzov.html>; интересные подробности в http://www.psj.ru/saver_national/detail.php?ID=6007.

Кстати, дочь Подвойских, Нина, стала женой сына Я. М. Свердлова, с которым мать познакомилась еще в Ярославле. Андрей Яковлевич (1911–1969) дважды, в 1935-м и 1937-м, арестовывался НКВД за антисоветские высказывания в кругу молодежи. Тем не менее, в дальнейшем служил в центральном аппарате НКГБ и МГБ СССР. Полковник.

Все это дает повод еще раз задуматься, когда и почему переходится та неуловимая граница, отделяющая романтическое «хождение в народ» (рабочие кружки, прокламации, споры о светлом будущем, яростные — но только споры) от безусловной уверенности в знании верного пути, от принятия на себя права заставлять других идти по этому пути....

Интересно, что ни Сергея, ни Артемия Владимировых Н. А. Подвойская в своих воспоминаниях ни разу не упоминает, нет их имен и в «Списке соц.-дем., находившихся под агентурным наблюдением охранки (1904–1905 гг.)» (На перевале. 1923. Юбилейный №. С. 62–63). Не называет их имен и Василий Носков в автобиографии (ЯМЗ-49425/4, л. 1–3). Тем не менее, именно в книжке о Подвойской (*Ефимов Н. Е. Товарищ Нина. Яро-*

славль, 1969. С. 35–36) мы нашли подтверждение участию Сергея Васильевича в работе руководимого ей кружка: «Мне хотелось бы восстановить в Вашей памяти 1904 год... Мы же, семинаристы и гимназисты, были зеленою молодежью, очень жадной и к науке, и к политике. Членом этого кружка молодежи был и я, семинарист Дм. Ив. Густов... Из гимназистов были Сергей Владимиров (братья его уже были студентом)... Вам лично пришлось некоторое время с нами повозиться, и я не позабуду тех нескольких вечеров, когда под Вашим руководством мы читали “Эрфуртскую программу”».

Документы свидетельствуют: в разработке у «охранки» Артемий Васильевич Владимиров был, а Сергей 6 мая 1905 г. попал в Коровники именно как политический арестант. На 1913 г. он проходил по спискам охранки под агентурным именем «Сапоги». Брат автора воспоминаний находился под наблюдением Ярославского охранного отделения (в поле зрения попал не позже начала 1905 г.), получив здесь кличку «Ряженый». В 1912-м, по агентурным сведениям 1913 г., он выбыл в Казань (ГАЯО, ф. 912, оп. 1, д. 448, л. 2).

С. 55 *Из нелегальных помню некоего Николая Ивановича, Виктора Петровича (Гастева Алексея).* — Гастев Алексей Капитонович (1882–1941) — деятель революционного движения начала XX в. Родился в г. Суздале в семье учителя. Окончил городское училище, поступил в учительский институт, откуда был исключен за революционную деятельность, которой полностью посвятил себя в дальнейшем. Скитался по тюрьмам, ссылкам, работал слесарем на заводах в Петербурге. Тогда же начал писать художественные произведения о жизни революционеров. Член РСДРП с 1901 г., до 1907-го примыкал к большевистскому крылу партии. Принимал участие в деятельности Северного комитета РСДРП. В 1905-м был направлен этой организацией в Иваново-Вознесенск вместе с Н. И. Подвойским, А. В. Владимировым (братьем автора мемуаров) и др. для участия в знаменитой Иваново-Вознесенской стачке (май-июнь 1905-го), в ходе которой и был создан первый в России общегородской революционный орган — «Совет уполномоченных» («Иваново — родина первого Совета»). В ходе подпольной деятельности пользовался несколькими псевдонимами, в том числе, возможно, и приведенным в тексте воспоминаний. В начале 1920-х создал Центральный институт труда и был его директором — с его именем связано и развитие научной организации труда, и история советской психотехники; был поэтом. Репрессирован. (Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 143–144; Корицкий Э. Б. А. К. Гастев // У истоков НОТ: Забытые дискуссии и нереализованные идеи / Сост. Э. Б. Корицкий. Л., 1990, цит. по: gallery.economicus.ru; Очерки истории Ярославской организации КПСС. 1883–1937. Ярославль, 1985. С. 78).

Установить личность другого упомянутого деятеля Северного комитета РСДРП проблематично. Так, в документах охранного отделения в эти годы фигурирует «Николай Антонович» (видный деятель «Северного рабочего союза» Вайсман), руководивший рабочим кружком (Чудакова М. С. Противостояние. Политический сыск дореволюционной России. 1880–1917 гг. Ярославль, 2003. С. 232–236). Но тот ли это «Николай Иванович», о котором пишет С. В. Владимиров (а, как мы видели, он не всегда был точен в именах-отчествах), или нет, сказать невозможно.

С. 55 *Из легальных В. Р. Менжинского. ...много писал в «Северном крае»...* — Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934), советский государственный, партийный деятель, член РСДРП с 1902 г. В Ярославле с февраля 1903-го служил в «Управлении строи-

тельством Вологодско-Вятской железной дороги». Юрист. Участник революции 1905–1907 г. и октябрьского переворота 1917 г., комиссар ВРК. С 1917 г. нарком финансов РСФСР, с 1919-го — нарком РКИ УССР, член Президиума ВЧК. С 1923-го — заместитель председателя, с 1926-го — председатель ОГПУ, первый нарком внутренних дел СССР. Член ЦК партии с 1927 г. Член ЦИК СССР.

«Северный край» — ежедневная общественно-политическая и литературная газета либерального направления, издававшаяся в Ярославле (1898–1905). Первым редактором газеты был крупный ярославский типограф и издатель Э. Г. Фальк. В. Р. Менжинский заведовал в газете военным отделом до июня 1904 г., когда распоряжением Плеве она была закрыта на 8 месяцев. С возобновлением газеты — секретарь редакции, но после октябрьских событий вместе с частью сотрудников близких социал-демократам демонстративно, с публикацией открытого письма, уходит из «Северного края». Вскоре в связи с открытой критикой действий правительства и губернатора в конце 1905 г. либеральное издание было запрещено. На протяжении всего периода выхода газеты в ее редакции активно действовали революционеры. См.: Балашов Р. В. Вячеслав Рудольфович Менжинский // Их жизнь — борьба: Очерки о деятелях «Северного рабочего союза РСДРП». Ярославль, 1973. [Кн. 1] С. 143–153.

C. 55 ...в здании гимназии застрелился гимназист 5-го класса Панов... — Похороны гимназиста Н. Панова, сопровождавшиеся политической демонстрацией, стали весьма значимым событием в истории революционного движения в Ярославле. В ГАЯО Н. В. Обнорская нашла дело, заведенное по сообщению «Протоиерея Ушакова о выдающихся случаях при погребении сына доктора Ярославской губернской больницы ученика 5 класса Ярославской мужской гимназии Николая Панова» (ГАЯО, ф. 230, оп. 9, д. 74): «Ученик Николай Панов 18 марта сего 1905 года умер от огнестрельной раны, причиненной им самим в грудь себе, по заключению Ярославского Городского врача в состоянии временной невменяемости, в неразумении, и потому и отпевания по христианскому чиноположению не был лишен. 21 марта ко времени выноса тела из дома родителей умершего собрались гимназисты из старших классов гимназии, а равно много и других молодых людей из разных учебных заведений, мужских и женских, принесших с собой много венков, как после узнал я, с разнородными либерального содержания надписями. Венки на основании распоряжения Святейшего Синода я в церковь вносить воспретил, несмотря на сильное желание молодых людей внести их и расставить около гроба. Отпевание в храме сошло сравнительно тихо, несмотря на массу присутствующих. В самом конце отпевания желал было один из студентов Демидовского Юридического лицея что-то сказать, но я воспретил ему.

По окончании отпевания тело умершего молодые люди, несмотря на протесты со стороны нашей и других благородных лиц, понесли по Дворянской улице, где около часовни Казанского монастыря близ церкви Симеона Столпника и в виду гимназии остановились для совершения литии...

Далее тело умершего понесли по улицам Стрелецкой, Власьевской и Угличской. Чем сопровождалось это шествие, мне не известно. На кладбище же, куда я прибыл для придания тела земле, при мне ничего не было слышно, так что мне пришлось совершить литию на могиле и придать тело земле в тишине, после чего я сейчас же с причтом и удалился.

По отъезде же нашем домой, как я слышал от некоторых лиц... товарищами самоубийцы и некоторыми студентами Юридического... лицея произносились речи либерального направления, среди которых, по словам любопытных, слышались следующие выражения вольнодумного характера:

- 1) Вечная память тебе, дорогой товарищ, и вечное проклятие тому, кто носит мундир и погоны формализма;
- 2) Долой бюрократизм, долой школьный режим;
- 3) ...Долой самодержавие, да здравствует политическая свобода — слова молодого человека в штатской одежде, подхватывавшиеся всеми участниками демонстрации и громко выкрикивавшиеся;
- 4) Дорогой мой младший товарищ, только роковым выстрелом в сердце ты заставил нас очнуться от гибельной для нас тяжелой спячки;
- 5) Роковая смерть твоя — живой укор ярославскому обществу.

По окончании речей при могиле самоубийцы товарищи, ученики гимназии и сопутствовавшая им толпа взрослых отправились в обратный путь в город при пении песен революционного содержания («Марсельезы» и др.) и принесении флага с надписью «Да здравствует свободная школа». На могиле оставлено множество венков с разными, видимо либеральными и даже революционными надписями, но с уже ободранными на них буквами, так что надписей в точности прочитать было нельзя. Можно было разобрать лишь одну — на ленте при венке от товарищей — такого содержания «Невинной жертве цепей и насилия». Из венков, оставленных на могиле на другой день по погребению, родителями много взяты к себе в дом. Некоторые передавали, что всех венков было принесено более 20 с разнообразными надписями. Вот некоторые из них: «Жертве борьбы роковой» (младший класс); «Жертве общественного настроения» (5 класс); «Жертве сердечного попечения»; «От друзей одноклассников — юному искателю правды»; «Дорогому товарищу — жертве школьного режима»; «Жертве самодержавия»; «Ты дорогой — безвременно погибший товарищ, будь вечным укором Ярославскому обществу, безуспешно относившемуся к убийству молодых сил — зверям бюрократии». 7 апреля 1905 года».

Необходимо добавить, что демонстрация, сопровождавшая похороны Н. Панова, фактически стала первой революционной политической демонстрацией в Ярославле. По крайней мере, в советской исторической науке значение этой акции оценивалось очень высоко. Например, в классическом советском издании по истории революционной борьбы в Ярославском крае об этом событии сказано следующее: «Происходившие в Ярославле 21 марта 1905 года похороны гимназиста Н. Панова превратились в массовую демонстрацию, в которой участвовало свыше двух тысяч человек. Провозглашались лозунги: «Да здравствует свобода!», «Долой самодержавие!», «Долой царя-убийцу!» Руководящее участие в демонстрации принимали Н. И. Подвойский и Н. А. Дидрикиль. Среди демонстрантов находился и Я. М. Свердлов. Горячую речь на траурном митинге произнес по поручению комитета студент А. В. Владимиров». См.: Очерки истории Ярославской организации КПСС (1883–1937). Ярославль, 1985. С. 73; ср. также: Их жизнь — борьба: Очерки о деятелях «Северного рабочего союза РСДРП». Ярославль, 1973. [Кн. 1] С. 87.

Как видно из текстов, официальная советская трактовка событий несколько отличается от описанной священником Ушаковым и мемуаристом. Но и внутри советской

версии в деталях имелись вариации — см.: Ефимов Н. Е. Товарищ Нина. Ярославль. 1969. С. 37.

- С. 56** *Требовали немедленного удаления Климко... <...> ...вскоре уехал из города.* — После 1905 г. надворный советник А. А. Климко в ярославских адрес-календарях больше не значится (Памятная книжка Ярославской губернии на 1905 год. Ярославль, 1905. С. 95; ... на 1906 год... С. 46–47).

- С. 56** *...из полиции открыто присутствовали пристав Стрельников...* — Владимир Романович Стрельников начал свою полицейскую карьеру в 1903 г. исполняющим должность помощника пристава 4-й полицейской части Ярославля, десять лет прослужив приставом 2-й части, был произведен в коллежские секретари (гражданский чин 10-го класса, давал право занимать низшие руководящие должности), позднее переведен «на самый ответственный участок» — приставом 3-й, Закоторосльной части города.

Имя Стрельникова неоднократно упоминается в публикациях по истории революционного движения в Ярославле (в частности: Жижин. К свету: 1904–1905 // На перевале. 1923. Юбилейный №. С. 53–55), а видный большевик Звездов вспоминал, что в 1907 г. на пристава даже готовилось покушение (Там же. 1923. № 1. С. 21).

Судя по всему, Стрельников зарекомендовал себя как одиозная фигура. Так, 18 октября 1905 г. во время стычки манифестации студентов Демидовского лицея с черносотенцами Стрельников был замечен с шашкой в руках во главе праворадикальных погромщиков. Кстати, именно во время этого инцидента был жестоко избит Подвойский. 19 октября Стрельников, как показывали свидетели, во время аналогичного события на Романовской улице вновь был во главе черной сотни. (См. Чудакова М. С. Противостояние. С. 254, 255). В июле 1918 г. во время восстания бывший пристав на территории ЯБМ был опознан и расстрелян «по решению трибунала» (Балашов Р. Пламя над Волгой. Ярославль, 1984. С. 82).

- С. 58** *...показано в картине «Юность Максима».* — Историко-революционный фильм о событиях 1905 года, созданный в 1934 г. режиссерами Г. Козинцевым и Л. Траубергом. Стал одним из самых известных фильмов советской кинематографии 1930-х годов. Под влиянием успеха фильма в дальнейшем было снято его продолжение: «Возвращение Максима» (1937) и «Выборгская сторона» (1939).

- С. 58** *...Полежаев, проживавший в Закоторосльном районе на винокуренном заводе Пегова.* — Установить, о каком Полежаеве идет речь, не удалось.

По данным 1903 г. «Водочный завод торгового дома «В. Пегов с сыновьями» производил очищенный спирт и водку. На нем работало 115 рабочих. Завод, располагавшийся «на Федоровской улице в собственном доме» (вблизи от нынешнего кожевенного) был основан в 1863 г. Список фабрик и заводов Европейской России. СПб, 1903. С. 722; ГАЯО, ф. 509, оп. 2, д. 1740, л. 301 об.–302.

- С. 58** *От Иваново-Вознесенска делегатом был учащийся химико-технологического училища Андрей Бубнов...* — Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1938) — советский государственный, партийный деятель. Член РСДРП с 1903 г. Участник революционных событий 1905–1907 гг. в Иваново-Вознесенске и Москве. В период октябрьского переворота — член Политбюро ЦК большевиков и Петроградского ВРК. Участник Гражданской войны на Юге России. С 1924 г. начальник Политуправления РККА. Член РВС СССР. С 1929 г. наркомпрос РСФСР. Кандидат в члены ЦК партии с 1917-го, в 1919–1920, 1922–

1923 гг., член ЦК в 1917–1918 гг., и с 1924 г. В 1925-м — секретарь ЦК. Член ВЦИК и ЦИК СССР. 1 августа 1938 г. военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу и в тот же день расстрелян. (Лешуков Т. Н. Андрей Сергеевич Бубнов // Их жизнь — борьба: Очерки о деятелях «Северного рабочего союза РСДРП». Ярославль, 1977. [Кн. 2] С. 68–75; <http://hronos.km.ru/biograf/bubnov.html>).

C. 58 *На Волгу против флотилии поющих революционные песни лодок высыпался пожарный пароход «Рыбник», или, как его называли мы, «Броненосец-штик». Он сильными струями воды из брандспойтов разгонял лодки.* — Рассказ автора воспоминаний очень точно соответствует текстам известных документов о первомайских событиях 1905 г. в Ярославле, публиковавшихся в советское время. См., например, сведения из отчета ярославского губернатора А. П. Роговича в департамент полиции: «Около 6 часов вечера учащиеся из семинаристов и гимназистов и неизвестной публики, в числе 100 человек, появились на Волге на 24 лодках; лодки соединились, на них выкинули пять красных флагов, и демонстранты пели революционные песни; раздавались крики: “Долой самодержавие”. Было сделано несколько выстрелов в воздух. Это происходило недалеко от берега и пароходных пристаней, и демонстрация собрала на набережной большую толпу, которая смотрела на происходящее, но не выражала демонстрантам сочувствия. По моему распоряжению к ним подошел казенный пароход “Рыбинск”, который разделил лодки и заставил их причалить к берегу...» (см.: Ярославль. История города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 года. Ярославль, 1990. С. 317). Об этих событиях упоминается также в: Революционное движение в России весной и летом 1905 года (апрель–сентябрь). М., 1957; Дружинин П. Н. Революционное движение в Ярославской губернии в 1905–1907 годах. Ярославль, 1955; Ярославль в первой русской революции. Сборник. Ярославль, 1925). Пароход О-ва «Дворянка» назывался «Рыбинск», а не «Рыбник». Он изображен на почтовой карточке <http://www.rybmuseum.ru/query?spage?paicode=00045412>.

C. 59 *…рабочих с Дунаевской фабрики.* — На момент описываемых событий в Ярославле и окрестностях имелось несколько предприятий, принадлежавших Дунаевым. Крупнейшей была табачная фабрика «Балканская звезда», располагавшаяся на Дворянской улице. Спичечная фабрика того же владельца И. Н. Дунаева находилась в квартале, ограниченном современными улицами Свободы, Городской вал и Рыбинская. Химический свинцово-белильный завод В. Н. Дунаева действовал около села Иваньково Норской волости. Речь идет о табачной фабрике.

И вновь удивительная точность мемуариста: именно о 30 рабочих, правда, не только с Дунаевской, а еще и с Карзинкиной (ЯБМ) и Вахрамеевской (имеется в виду табачное предприятие «Феникс») фабрик упоминает в донесении в Ярославское губернское жандармское управление некий ротмистр Немчинов: «Первоначальный план организаторов массовой сходки, назначенной на 1-е мая, собраться за Волгой, недалеко от Полушкиной рощи, был изменен, и вместо одной “массовки” состоялись, в расстоянии не больше 7–10 верст от города, три самостоятельных сходки с участием известных на блюдению членов преступных организаций и кружков г. Ярославля да 30 рабочих Карзинкиной, Вахрамеевской, Дунаевской фабрик». Полный текст донесения см.: Ярославль. История города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 года. Ярославль, 1990. С. 318.

C. 59 *Я был не одет и поэтому счел за лучшее лечь и натянуть на себя одеяло...* — В этом месте рукописи С. В. Владимира ссылаются на тетрадь, в которой записал (или собирался записать) рассказ о днях, проведенных в тюрьме. К сожалению, тетрадь эта в его архиве не найдена.

Несколько дополняет эту информацию «Дело конторы Ярославского исправительного арестантского отделения в Коровниках о политическом арестанте Сергееве Владимира». Краткие данные в нем свидетельствуют, что С. В. Владимира был препровожден в Коровники 6 мая 1905 г. по обвинению по ст. 121 «Уголовного уложения». Обвиняемого Сергея Владимира «постановили: заключить под стражу в отдельном помещении... в Ярославское исправительное арестантское отделение». Судя по всему, С. В. Владимира вообще не осудили, а подвергли лишь предварительному заключению (ГАЯО, ф. 338, оп. 2, д. 1089, л. 1), об это говорится и в автобиографии.

Упомянем довольно подробные описания «Коровников» и тюремного быта в ней: Бухарин К. Год реакции по тюреммам (Воспоминания) // На перевале. 1923. Юбилейный №. С. 39–43; Ясюкович Временно-каторжная тюрьма «Коровники» // Там же. С. 43–44; см. также Коняев А. Е. Изменение характера взаимоотношений заключенных и надзирателей ярославских тюрем в конце XIX — начале XX века // Ярославский педагогический вестник. 2005, № 3 // http://www.yspu.yar.ru/vestnik/kraevedenie/28_1/.

C. 60 *Брату нужно было съездить в Москву, устроить дела в университете. Мама отправила с ним и меня.* — Более подробно о последующем периоде, в частности о жизни под Москвой на даче семьи Дирикиль и встречах с В. Р. Менжинским, П. А. Заломовым и Н. И. Грожаном С. В. Владимира рассказал в отрывке из автобиографии, публикуемом в настоящем издании.

Заломов Петр Андреевич (1877–1955) — участник революционного движения; прообраз героя романа М. Горького «Мать» Павла Власова. Родился в семье рабочего, слесаря. В революционном движении с 1892-го. В 1901–1902 гг. в Сормове создал социал-демократическую организацию. С мая 1901-го член Нижегородского комитета РСДРП. Один из организаторов демонстрации 1-го мая 1902 г. в Сормове; нес Красное знамя с лозунгом «Долой самодержавие!» Был арестован, на суде выступил с яркой речью. Приговорен к пожизненной ссылке в Восточную Сибирь. В марте 1905-го при материальной поддержке М. Горького бежал. Жил в Киеве, затем в Петербурге и Москве. Участник декабряского вооруженного восстания 1905 г. в Москве, организатор боевых дружин. В 1906 г. после тяжелой болезни отошел от политической деятельности.

Грожан Павел Августович (1879–1905) — участник революционного движения. Работал счетоводом Товарищества бр. Нобель в Петербурге. Член РСДРП с 1902 г. С 1904-го отбывал ссылку в Великом Устюге и Вологде. Активно участвовал в работе местных социал-демократов. В 1905-м бежал в Москву, руководил группой Военно-технического бюро ЦК РСДРП. Во главе боевой дружины охранял митинг и траурную процессию на похоронах Н. Э. Баумана 22 октября 1905 г. Там же был жестоко избит черносотенцами, в больнице скончался.

C. 60 *1 июля 1909 года после многих скитаний я приехал домой и положил на стол аттестат зрелости, которого меня лишила гимназия.* — См. в настоящем издании в отрывке из автобиографии.

- С. 60 *...мы поселились на Полевой улице в доме Кромулина, рядом с новой тюрьмой.* — Полевая улица в Нижнем Новгороде — современная улица Горького. По данной улице фактически проходила городская черта дореволюционного Нижнего Новгорода (отсюда и название улицы, т. к. во время ее возникновения (1820-е гг.) была застроена одна сторона улицы, а вторая выходила на пригородное поле). Именно здесь в 1819–1823 гг. был построен Нижегородский тюремный острог, комплекс зданий которого сохранился до наших дней (ныне используется как филиал Нижегородского музея-заповедника). См.: Нижегородский топонимический словарь. Нижний Новгород, 1997. С. 42–43.
- С. 61 *...до Островской площади...* — современная пл. Свободы, образованная расширением проезжей части Полевой улицы. Находится в непосредственной близости (один квартал) от острога, по которому, собственно, и получила свое историческое название. Ныне рядом с тюремным острогом у площади установлен памятник жертвам революции 1905-го года.
- С. 61 *...револьвер системы Лепажа...* — бельгийский карманный автоматический пистолет калибра 9 мм. К началу XX века Форе-Лепаж стоял во главе французских оружейников.
- С. 65 *...при встрече с Ольгой Михайловной Генкиной...* — Генкина Ольга Михайловна (1882–1905) — деятель революционного движения в начале ХХ в. Происходила из семьи московского врача. Закончила Санкт-Петербургский женский институт. С 1902 г. в РСДРП. Занималась распространением нелегальной литературы, работала в подпольной марксистской типографии в Петербурге, Иваново-Вознесенске, Нижнем Новгороде. Неоднократно арестовывалась в течение 1904–1905 гг. О ее гибели см. в автобиографии автора. В Иванове на привокзальной площади установлен памятник О. М. Генкиной, в этом же городе, а также в Нижнем Новгороде имеются улицы, носящие ее имя.
- С. 65 *Моими учителями были большевики Нижегородской организации Н. А. Семашко, В. А. Десницкий, П. М. Лебедев, а самыми близкими друзьями — Н. А. Латышева, Н. И. Морозова и рабочие-портные М. Журавлев и И. Пахомов...* — Семашко Николай Александрович (1874–1949) — советский партийный и государственный деятель. В революционном движении с 1893 г. С 1904-го — в Нижегородском комитете РСДРП, один из организаторов забастовки рабочих на Сормовском заводе. В 1906-м эмигрировал в Швейцарию. Участник революционных событий октября 1917-го. С 1918 по 1930 г. — первый нарком здравоохранения РСФСР. Именем Семашко названы улицы и учреждения здравоохранения во многих городах России.
- Десницкий Василий Алексеевич (1878–1958) — происходил из семьи священника Нижегородской губернии. В социал-демократических кружках с 1897 г. как пропагандист в Нижнем Новгороде и Сормове. Закончил духовную семинарию в Нижнем Новгороде, затем — историко-филологический и юридический факультеты в Дерптском университете. В 1902 г. выслан в Нижний Новгород за создание «Союзного Совета Дерптских объединенных землячеств и организаций». С 1902 г. — член Нижегородского комитета РСДРП, направлен на II съезд РСДРП, но по пути арестован и снова выслан в Нижний Новгород. Узнав о расколе партии, открыто заявил о принятии большевистской позиции. В 1904–1905 гг. — один из руководителей Нижегородской организации эсдеков. Инициатор созыва и делегат III съезда РСДРП (апрель 1905 г.). С этого момента — член Московского комитета РСДРП. Делегат IV, V съездов РСДРП. В дальнейшем отошел от

радикального крыла РСДРП, хотя и сохранял видные позиции в партии. С 1910 г. проживал в основном в Юрьеве (Дерпт, нынешний г. Тарту в Эстонии). В 1917 г. организовал газету «Новая Жизнь», в которой пропагандировались идеи объединения всех социал-демократов. В 1918 г. — член ВЦИК, но с 1919 г. отошел от политической деятельности и занялся преподаванием в Петроградских ВУЗах. Автор ряда статей по истории русской и зарубежной литературы (Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 183).

Подпольные связи в этот период осуществлялись через квартиру Сыромятниковых, где была устроена явка. Здесь С. В. Владимиров и познакомился со своей будущей женой. Как установила Г. Г. Мозгова, Ольга Петровна Владимирова (урожденная Сыромятникова), не успев доучиться в женском университете, в начале Первой мировой войны окончила курсы медсестер и работала в госпиталях. По приезде во Владимир с мужем работала в госпитале для инвалидов Гражданской войны, а впоследствии сестрой и педагогом в устроенном в нем санатории для детей, больных туберкулезом. Позднее — сестрой, педагогом и, наконец, директором организованной во Владимире так называемой «Лесной» школы для детей из семей, где имелись больные туберкулезом. Была награждена значком «Отличник просвещения», которым очень гордилась. Скажем несколько слов и о сестре жены С. В. Владимирова, Марии Петровне Сыромятниковой (1888, Нижний Новгород — 1946, Владимир). В 1915 году она окончила Петроградский женский медицинский институт, с января 1916 года служила в звании врача 4-го Сибирского Томского передового отряда 3-й Финляндской стрелковой дивизии на Юго-Западном фронте, была награждена золотой медалью на Анненской ленте. С сентября 1917 года Мария Петровна служила в звании старшего врача 5-го эпидемического отряда на Румынском фронте. После демобилизации в мае 1919 года работала в заразном госпитале, а в 1920—1921 годах — детским врачом в Каменец-Подольске. С октября 1921 года проживала в семье своей сестры во Владимире, став первым детским врачом-психоневрологом в городе.

C. 65 *...арестована О. М. Генкина. Трудно сказать, удалось бы нам организовать ее побег..* — Об этом подробнее см. в автобиографии С. В. Владимирова.

ВОСПОМИНАНИЯ НИНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ КАЛИНИНОЙ

ДЕТСТВО

- C. 83** *Мой отец, офицер запасного пехотного полка, в ранней молодости был участником Русско-турецкой, а позднее – Русско-японской войны. Сохранившаяся в семье мемуариста копия «Послужного списка подполковника 140-го пех[отного] Зарайского полка Калинина» позволила, в основном, восстановить служебную биографию Василия Михайловича Калинина (была составлена 18 декабря 1908 г., через год после его смерти «для представления в учебное заведение при определении дочери» – Нина Васильевна упоминает о хлопотах по устройству старшей сестры в Институт благородных девиц) – см. в статье А. М. Рутмана.*
- C. 83** *Моя мать в наши (мои и моей сестры) младенческие годы была нашей воспитательницей, а затем и учительницей. Она окончила гимназию. – Варвара Евграфовна, единственная из сестер Ивановых, окончила полный курс Мариинской гимназии в 1881 г., учеба в 8-м, педагогическом классе давала право ей служить домашней учительницей математики (Ярославская Мариинская женская гимназия: Историческая записка к 50-летию ее существования (6 февраля 1861 г. – 6 февраля 1911 г.) / Сост. Б. И. Зеленский. Ярославль, 1911. С. 67, 94).*
- Основанная в 1861 г. как Ярославское женское училище 1-го разряда (переименована в гимназию в 1870-м), Мариинская гимназия с 1875 г. размещалась в собственном здании на Пробойной ул. (ныне в ее корпусах банк «Югра» и исторический факультет Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова).
- Старшая сестра автора, Татьяна, родилась в Ярославле 12 мая 1899 г.
- C. 84** *Позже узнала, что в городе боялись еврейского погрома, и у нас в квартире скрывались еврейские семьи, проживавшие в наших домах. Сколько времени это длилось, не помню, но, очевидно, все обошлось благополучно, и погрома в нашем городе и районе не было. – О погроме, все-таки бывшем в Ярославле, см. комментарии к воспоминаниям С. В. Владимирова.*

C. 85 ...молодой человек в студенческой фуражке и тужурке. <...> гналась разъяренная толпа черносотенцев, готовая его растерзать. Тетушка буквально спасла ему жизнь. — М. Л. Размолодин описывает эпизод, очень напоминающий описанный: избиение черносотенцами студента Демидовского юридического лицея 22 июня 1907 г. (Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905–1915 гг. Ярославль, 2001. С. 180).

Искать логику в выборе объекта ненависти черносотенцев начала ХХв. сегодня, из века ХХI, непросто: рабочая манифестация и евреи, студенты и гимназисты (а в Костроме погромщики накинулись на... семинаристов, один из них был зверски убит)... Современники отмечали эту всеозлобленность «союзников» тех времен.

Г. Г. Мозгова обнаружила во владимирской газете (Владимирац. 1906. 30 июля) интересный стихотворный фельетон, в котором В. А. Грингмут (о нем см. выше) как бы принимает всероссийский рапорт черносотенцев об успехах погромщиков в каждой из губерний. Вот так выглядит «отчет о проделанной работе» ярославцев:

...Ярославская губерния:
 «В то же время, господа
 Тормошила я жида,
 И, под пение псалмов, —
 “Бей студентов и жидов”,
 Во всю мочь три дня кричала,
 Окна, двери разбивала, —
 И браслетов и серег
 Натаскал, кто сколько мог. —
 А потом рабочих била,
 Чтоб нечистая их сила
 Вместе кучей не ходила.
 До сих пор жидов травлю, —
 Кацауров и «монах»
 Им внушают велий страх,
 Но покуда не громлю:
 Пусть побольше наживут... —
 Нужны будут — не уйдут».

Здесь: Кацауров — Иван Николаевич Кацауров (1855–1914), статский советник, доктор медицины, председатель Ярославского отдела «Союза русского народа»; «монах» — иеромонах Илиодор (Сергей Михайлович Труфанов) (?–1958), зловещий и весьма противоречивый деятель Союза, — об этих двух фигурах общероссийского масштаба см. в указанной выше монографии: *Размолодин М. Л. Черносотенное движение в Ярославле... 2001.*

Интересный факт встретился нам в адрес-календарях: Кацауров Иван Николаевич (глазн. бол.) — Рождественка, д. Иванова (!!! — авт.), от 9–11 и 3–6 (Отдел 3: Адрес-календарь // Справочная книга Ярославской губернии на 1912 год. Ярославль, 1912. С. 53).

- С. 86 *Отец, вначале офицер пехотного полка, участвовал в Мукденском сражении, а потом был назначен смотрителем военного госпиталя.* — Одно из крупнейших сражений Русско-японской войны 1904–1905 гг., состоявшееся близ г. Мукдена в феврале–марте 1905 г. и завершившееся поражением русских войск. Вскоре после сражения на реке Шахэ В. М. Калинин был из полка на несколько месяцев командирован во Владивосток для заведования сводным госпиталем. В отпуск в Ярославль он прибыл в конце марта 1906 г., а 9 августа уже вернулся в расположение полка вместе с семьей.
- С. 92 *…я хорошо помню наши дома. …основной дом с первым этажом кирпичной кладки и деревянным, обшитым досками вторым этажом, покрашенный в темно-коричневый цвет, и почти рядом одноэтажный дом (флигель), но значительно меньших размеров, чем первый.* — Память все же подводит автора: оба дома были двухэтажными. Иногда второй назывался в бумагах домом, иногда флигелем, но ведь это и допустимо: Флигель — [нем. Flugel, букв. крыло]. Жилая пристройка сбоку главного здания или отдельно стоящая дополнительная постройка; дом во дворе большого здания.
- С. 94 *Все эти дома достались моей матери и тетушкам в наследство от дедушки.* — Подробнее об истории домовладений см. в статье Н. С. Землянской и А. М. Рутмана.
- С. 94 *Бабушка… происходила из богатого староверческого рода, из скитов.* — Скитами обычно называли старообрядческий монастырь или небольшое старообрядческое поселение, организованное тайно от официальных властей. Большинство скитов в то время располагались на европейском Севере России и в нижегородском Заволжье — вдоль берегов реки Керженец.
- С. 94 *После свадьбы чета перебралась в Ярославль, где дедушка основал крупное лесное хозяйство с большими складами древесины. К концу жизни он разорился: его компаньон какими-то ловкими мошенническими проделками присвоил себе весь наличный капитал, и дедушка мог оставить в наследство своим дочерям только описанные мною дома.* — Из статьи А. М. Рутмана ясно, что Нина Васильевна «потеряла» значительную часть биографии деда Евграфа. О завещании Евграфа Спириданова Иванова см. в статье Н. С. Землянской и А. М. Рутмана
- С. 94 *…дедушка имел какое-то отношение к так называемой Ямской слободе, где раньше жили ямщики, а позже извозчики города.* — Ярославская Ямская слобода возникла после царского указа 1565 г. на выезде из города в направлении Москвы: ее жители — ямщики — должны были обслуживать Московско-Архангельский почтовый тракт. В то время он проходил восточнее линии сегодняшнего Московского проспекта, так как переправа через Которосль принадлежала Спасскому монастырю и вела к его Святым воротам. Позднее переправу перенесли, вместе с нею сместилась к западу дорога, а слобода осталась в стороне. К началу XX в. об ямщиках в слободе напоминало только название. Официально была включена в черту города в 1920-е гг.
- В воспоминаниях Нины Васильевны ничего нет о ее втором дедушке — Михаиле Павловиче Калинине (см. о нем в статье А. М. Рутмана). Создается впечатление, что Нина Васильевна, даже не видевшая ни одного, ни другого деда, умерших до ее рождения, в этом сюжете мемуаров их перепутала: ямщики и извозчики, безусловно, должны были знать ее деда Михаила, начальника заставного дома, с которым им приходилось сталкиваться постоянно. А вот причину, по которой им должен был бы быть известен дед Евграф, мы установить не смогли.

C. 95 Около двух окон стояли большие виноградники... — Вероятно, так назывались горки (или аналогичные предметы мебели для посуды), украшенные резьбой или металлическими накладками в виде виноградной лозы, символизирующими плодородие и весьма распространенными в быту.

Любопытно, что ни в словаре В. И. Даля, ни в энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрана, ни в фундаментальном издании по истории материальной культуры России Л. В. Беловинского — Историко-бытовой словарь русского народа. XVIII — начало XX в. М., 2007, — нигде подобного термина в значении элемента домашней обстановки не зафиксировано.

C. 95 Артемий (*Тютюк по семейному прозвищу*) был меньшевиком, Сергей, как более решительный по характеру, — большевиком. — Как помнит читатель из «Записок» С. В. Владимира, и Сергей, и Артемий сочувствовали большевикам. Кроме того, лишь вслед за старшим братом Сергей втянулся в революционную борьбу. Добавим, что после демобилизации из армии в 1916 году Сергей Васильевич от революционной деятельности отошел и в ВКП(б) вступил лишь во время Великой Отечественной войны. О членстве в партии Артемия Васильевича сведений не имеем.

Здесь следует добавить и разъяснить лишь одно: автор воспоминаний весьма четко передает общественное понимание политических течений большевизма и меньшевизма, установившееся к середине XX в. в соответствии с «Кратким курсом»: большевики — люди действия («решительные»), меньшевики — книжники-теоретики, несколько оторванные от реалий жизни. Видимо, Артемий больше соответствовал последнему образу, поэтому и был «записан» Н. В. Калининой в меньшевики.

В действительности, во времена активного участия братьев Владимировых в марксистском движении этому разделению на большевиков и меньшевиков такого значения в Ярославле не придавалось — см. об этом выше в комментариях о братьях Носковых.

C. 95 ...в разговорах старших упоминалось об их встречах с крутыми революционерами того времени (Н. И. Подвойским и даже В. И. Лениным). — См. об этом в автобиографии С. В. Владимира в настоящем издании.

C. 96 Одна икона... привлекала особое внимание представителей археологического товарищества, приезжавших в наш дом из Москвы. <...> ...это были монахи Евстафий и Савватий, державшие на вытянутых руках небольшой макет монастыря. — Вероятно, имеется в виду Московское археологическое общество, возникшее в 1864 г. и ставившее своей целью выявление и исследование различных предметов древности. Причем членов общества интересовали древности не только археологические в современном смысле этого слова, но и старинная архитектура, живопись и т. д.

В сюжете иконы мемуарист, скорее всего, ошиблась: наиболее часто преподобный Савватий изображался вдвоем с Зосимой, как Соловецкие чудотворцы и основатели знаменитого островного монастыря, известна также икона преподобных Савватия и Германа, строящих на Соловках храм.

C. 96 ...салопы... — Салоп, м. — верхняя женская одежда в виде широкой длинной накидки с пелериной и прорезями для рук или небольшими рукавчиками, вышедшая из употребления.

C. 97 ...он прошел по диагонали 3–4 километра по льду Волги... но благополучно добрался до пустынного острова, вблизи противоположного берега реки. — В пределах

городской черты в то время имелось два острова, каждый из которых в какой-то степени соответствует данному описанию: Нижний остров, расположенный у левого берега Волги напротив устья реки Которосли, был пустынным буквально — почти лишенным растительности. Указанное расстояние — 3–4 км по диагонали по льду Волги — скорее соответствует расположению Верхнего острова. Правда, Верхний остров, находящийся выше центра Ярославля по течению Волги, еще с конца XVIII был засажен дубравой.

- С. 100** *Самое любопытное в судьбе этой семьи было то, что Марья Михайловна приходилась родной племянницей всесильному в то время председателю Государственного кабинета министров Штурмеру...* — Штурмер Борис Владимирович (1848–1917) — государственный деятель конца XIX — начала XX в., бывший в 1896–1902 гг. ярославским губернатором. В дальнейшем занимал различные должности в правительстве России (в том числе в январе — ноябре 1916 г. был председателем Совета министров Российской империи), но Кабинет (вернее, Комитет) министров никогда не возглавлял. См.: Ярославские губернаторы. 1777–1917. Историко-биографические очерки / В. М. Марасанова, Г. П. Федюк. Ярославль, 1998. С. 299–319.

Проверить родственные связи в данный момент не представляется возможным.

- С. 100** *Зимой 1910 года дядя Вася умер.* — Василий Николаевич Владимиров умер 9 октября 1910 г. (см. о нем в статье А. М. Рутмана).

- С. 103** *…Горнаобраза...* — Городской отдел народного образования. Как уже отмечалось выше, В. В. Великосельская еще в 1916 г. вышла на пенсию. Видимо, из-за нужды должна была вернуться к преподавательской деятельности, однако проверить описанный сюжет не представляется возможным.

- С. 103** *…товарищ двоюродных братьев по гимназии — Зайцев (имени его я не знала).* К тому времени, которое осталось в моей памяти, Зайцев уже окончил физико-математический факультет Московского Университета. *…преподавал физику и математику в Ярославской мужской гимназии. Весь день его был предельно занят уроками и тайной революционной работой.* — Об Александре Максимовиче Зайцеве см. выше в комментариях к воспоминаниям С. В. Владимирова. Мемуарист, по-видимому, смешала события во времени. Сведений о том, что Зайцев занимался революционной деятельностью по возвращении в Ярославль, не имеется.

- С. 105** *…один-два раза в месяц водила нас к обедне в Спасский монастырь. Я хорошо помню церковь этого монастыря, особенно настенную роспись над алтарем, изображавшую Воскресение Христово.* — Спасо-Преображенский монастырь в Ярославле возник в XII веке. Каменные постройки монастыря, сохранившиеся до наших дней, относятся к XVI–XIX векам. В 1786 году монастырь был упразднен, а в его стенах расположился Архиерейский дом Ярославского и Ростовского владыки. Монастырь играл огромную роль в жизни Ярославля в экономическом, архитектурно-градостроительном и, конечно же, духовном плане.

Автор вспоминает о несохранившейся надалтарной фреске в Большой Крестовой церкви, расположенной в связи с древней монастырской трапезной. Храм Воскресения Господня после переноса в монастырь резиденции владыки не раз перестраивался (пристроенная к его южной стене Малая Крестовая церковь разобрана в ходе реставрационных работ 1-й пол. XX в.). В Большой Крестовой церкви часто служил сам правящий архиерей.

Ныне на территории бывшего монастырского комплекса располагается Ярославский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Белые стены и башни Спасского монастыря, выходящие на Богоявленскую площадь, ярославцы и гости города иногда неправильно называют Кремлем.

- C. 109** *...Таню приняли в Институт благородных девиц с громким названием «Кавалерственной дамы Чертовой». <...> Входил этот институт в систему Военного министерства.* — Кавалерственная дама — в 1714—1917 гг. титул кавалера орденской корпорации, дамы, награжденной Малым крестом ордена святой Екатерины, учрежденного Петром I в 1714 г. Орден могла получить любая «честная и богобоязненная» дама, отмененная императрицей с позволения императора за заслуги, «за любовь и отечество» (принцессам императорской крови орден давался с малолетства).

По высочайше утвержденному Установлению о Российских императорских орденах от 5 апреля 1797 года они были разделены на классы: вслед за орденом Св. Апостола Андрея Первозванного шел 2-й класс — женский орден Св. Великомученицы Екатерины, который был разделен на 2 степени: 1-я — дамы Большого Креста и 2-я — дам Меньшего Креста, или кавалерственных. Исключая особ императорской крови, в ордене могли состоять 94 дамы Малого Креста (т. е. кавалерственные дамы). Торжественный праздник ордена — 24 ноября, на который собирались все состоявшие в ордене Св. Екатерины.

В обязанности кавалерственных дам, как, впрочем, и кавалеров других российских орденов, входили богоугодные дела. На средства кавалерственной дамы В. Е. Чертовой в 1857 г. в Москве был открыт приют для беднейших девочек-сирот, в 1861-м переименован в Александро-Мариинское училище. С 1863 г. оно помещалось в доме бывшей усадьбы кн. Долгоруких на Пречистенке. Училище перешло в ведение Военного ведомства и в 1899-м преобразовано в Александро-Мариинский имени кавалерственной дамы Чертовой институт благородных девиц. В 1900-х годах попечительницей института (переданного уже в ведомство учреждений Императрицы Марии Федоровны) была великая княгиня Елизавета Федоровна, канонизированная РПЦ в 1992 году. (Ныне в здании после реставрации размещается Галерея искусств Зураба Церетели.)

Заметим, что одно время попечителем Александро-Мариинского училища являлся выходец из Ярославской губернии винопромышленник, почетный член Московского совета детских приютов ведомства императрицы Марии Федоровны Петр Арсеньевич Смирнов (1831–1898) (см.: <http://www.okipr.ru/statia.php?NBR=163&T=1>; <http://all-photo.ru/empire/index.ru.html?id=19631>).

- C. 109** *Папа, будучи председателем товарищеского суда...* — Пожалуй, это единственный случай, когда Нина Васильевна применила в воспоминаниях словосочетание из советской действительности к явлению той, ушедшей России. Имеется в виду офицерский суд чести — выборный орган офицеров для охраны чести и достоинства офицерского звания, который рассматривал дела о проступках обер-офицеров полка.

- C. 110** *...начался третий период моего детства и юности — институтская жизнь.* — К сожалению, Н. В. Калинина либо не успела, как хотела, описать годы учебы в Институте благородных девиц, либо записи о том периоде ее жизни не сохранились.

Мы лишь немногого можем восполнить этот пробел благодаря мемуарам народной артистки СССР Елены Николаевны Гоголовой (1900–1993) (На сцене и в жизни. М., 1989; цит. по: http://www.maly.ru/news2/news_more.php?number=3&day=8&month=4&year=

2005), которая, судя по году рождения, была, видимо, одноклассницей одной из сестер Калининых.

«Папа в это время уехал в Москву хлопотать о моем поступлении в институт. Как дочь раненого офицера меня должны были принять на казенный счет. На то, чтобы отдать меня в хорошую частную гимназию, у нас не хватало средств...»

После возвращения папы мы неожиданно быстро получили извещение о том, что я зачислена на казенный счет в Институт благородных девиц в восьмой класс с предварительным экзаменом (классы считались в обратном порядке, восьмой был младшим). Институт находился в Москве на Пречистенке (теперь улица Кропоткина, в этом здании расположен один из факультетов Военной академии имени Фрунзе). Назывался он — Институт кавалерственной дамы Чертовой. Начальницей его была бывшая фрейлина императорского двора баронесса М. А. Богданова, а попечительницей — сестра жены императора Николая II великая княгиня Елизавета Федоровна. После смерти своего мужа Сергея Александровича Романова, погибшего от бомбы Каляева, она всегда ходила в сером платье, с повязанным по-монашески платком (постриг ей был запрещен). В институте она бывала ежегодно: 1 октября лично раздавала награды за хорошие успехи. Для нее и ее свиты готовили специальные обеды. Это был своеобразный экзамен по кулинарии, которой обучали в двух старших классах.

В институте воспитывались дочери офицеров до генеральского чина. Генеральские дочки учились в Екатерининском институте (теперь Центральный Дом Советской Армии на площади Коммуны).

Экзамен я выдержала, за что получила от родителей огромную и очень дорогую куклу. Мы переехали в Москву. Так как институт был закрытый, я приезжала домой только с субботы на воскресенье...

Но вернемся к институту. Насколько я понимаю, учили нас довольно хорошо. Мы изучали все общеобразовательные предметы, немецкий и французский языки. Желающие могли брать уроки музыки (я училась играть на фортепиано). Можно было учить английский язык. Балерина Станиславская преподавала танцы. Педагоги, как правило, были очень хороши. Так, например, я запомнила учителя истории Николая Альбертовича Куна. Среди преподавателей выделялся известный историк литературы и исследователь творчества Гоголя Владимир Владимирович Калаш. Он вел свой предмет, может быть, на чересчур высоком уровне, не вполне доступном его юным слушательницам, но серьезно, глубоко и увлекательно. Ко мне он относился очень хорошо и впоследствии даже дал рекомендацию в Филармонию.

По вечерам два раза в неделю воспитанницы старших классов изучали кулинарию, кройку и шитье. Последний предмет мне никогда не давался, и я не умела даже пришить пуговицу.

Порой мы не уезжали на воскресенье домой и пели в церковном хоре. [Домовая церковь для Александро-Мариинского училища во имя Покрова Пресвятой Богородицы была построена в 70-х годах XIX века по проекту архитектора Д. И. Никифорова. На нужды училища давали деньги многие московские богачи — Губонин, Поляков. Оформление церкви — создание иконостаса, приобретение богослужебных книг, церковных принадлежностей — финансировал купец-старовер Аласин.] Иногда лучших учениц возили в театр или на симфонические концерты в Дворянское собрание. В театр мы

ехали в открытом ландо, куда нас сажали кучей, как цыплят. Что касается театральных представлений, то преимущественно нам показывали балет и оперу».

ЯРОСЛАВСКОЕ ВОССТАНИЕ

- C. 112** *...возвращаемся домой из популярного в то время театра миниатюр.* — По-видимому, речь идет об интимном театре, располагавшемся на Борисоглебской ул. — см.: Ярославское восстание. 1918 / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковleva; Сост. Е. А. Ермolin, В. Н. Козляков. М., 2007. С. 57, 573. (Серия «Россия. XX век. Документы»). В дальнейшем ссылки на это издание даются в виде ЯВ. 1918.

Интересно, что руководила им актриса В. Н. Барковская, игравшая в восстании свою роль, преувеличенную во многих воспоминаниях победителей, и чудом избежавшая расправы в первые дни поражения (о ней см. ЯВ. 1918. С. 148–152, 587–588).

- C. 112** *Вот и наш дом. Он стоит на углу магистральной улицы, связывающей железнодорожную станцию Всполье и центр города.* — Значение Большой Рождественской улицы как одной из главных транспортных магистралей города еще больше возросло после строительства железнодорожного моста через Волгу в 1913 году: станция Всполье становится в Ярославле основной, перетянув на себя пассажиропоток с вокзала Ярославль-город (ныне этот старый вокзал называется Московским и имеет второстепенное значение).

В 1952 году, учитывая ключевое значение станции Всполье в жизни Ярославля, а также для удобства пассажиров, она была переименована в вокзал Ярославль-Главный. В том же году был отстроен комплекс новой привокзальной площади со зданием вокзала в стиле сталинского ампира (арх. Н. Д. Панченко). При этом главный подъезд к новому железнодорожному узлу из города стал проходить по улице Свободы, а Рождественская (теперь уже Большая Октябрьская) улица потеряла былое транспортное значение. См.: От Москвы до Заполярья. К 130-летию Северной железной дороги. Ярославль, 1998; Ярославль: историко-топонимический справочник. Ярославль, 2006; Сапрыкина Н. С. Советская архитектура Ярославля. Реальность и виртуальность. Ярославль, 2006. С. 195.

- C. 113** *...тетушка Александра Евграфовна и приехавшая к ней в гости вместе с детьми — девятилетним Юром и двухлетней крошкой Олесей — невестка Клара Борисовна, жена ее старшего сына и нашего двоюродного брата Артемия.* — О семье А. В. Владимира см. в предисловии Г. Г. Мозговой. К сожалению, среди сохранившихся в архиве документов Переписи населения 1917 г. сведений об обитателях домов на углу Рождественки и Любимской обнаружить не удалось.

- C. 113** *Этот подвал весной на полметра заливает талая вода, не просыхающая здесь и летом.* — Левый городской берег Которосли в древности был изрыт оврагами, по которым в нее стекали ручьи Ершов, Паутовец, Колобин и др. Самой первой, не позже второй половины XV в., а по всей видимости — значительно раньше, в этой части ярославских предместий, на берегу Которосли восточнее Ершова ручья, возникла слобода Киселюха (иногда наз. Киселева) — название слободы в ярославском краеведении связывают с частыми разливами ручьев, превращавшими почву в болото — «кисели»; по другой, менее вероятной версии, — с распространенным ремеслом ее жителей — производством «киселя», раствора для обработки кожи. В начале XVI в. западнее ручья стала заселяться слобода Спасо-Преображенского монастыря — Спасская; в ней между ручья-

ми Ершовым и Паутовцем была поставлена церковь Николы Мокрого, а сам Ершов ручей стал для слобод естественной межой.

В ходе перестройки города по регулярному плану в 1-й половине XIX в. от Вознесенских церквей к югу, вдоль спрямленного и смещенного немного западнее русла Ершова ручья, были образованы пруды, а еще южнее — его частично засыпали и превратили в канавы для стоков, однако уровень грунтовых вод оставался высок, а их количество значительно. Весной их, кроме того, «подпирали» весенние разливы Которосли, подходившие близко к современной набережной, — из-за них во 2-й половине XIX в. даже пришлось переселять в другие места жителей Крохиной слободы (возникла южнее Спасской в начале XVII в.). В результате столь значительного гидротехнического «перестройства местности» «дом Иванова» оказался между двумя его руслами: старым, засыпанным, и новым, тоже неявным. См.: История губернского города Ярославля. С. 471–483 и вкладыш с планами И. А. Тихомирова и 1846 г., а также статью Н. С. Землянской и А. М. Рутмана в данном издании.

С. 113 *…описанное мною здание… в последующие годы будет отреставрировано и как памятник старины находится под охраной государства.* — См. в настоящем издании Паспорт памятника архитектуры.

С. 113 *…Рядом… расположено несколько корпусов Мурановских бань, один из которых, двухэтажный, каменный, занимает центральное место.* — Первая общественная баня в Ярославле появилась по распоряжению Городской думы в 1807 году. Первой коммерческой частной баней стала отстроенная на набережной Которосли в том же 41-м землемерном квартале, что и дом Иванова, баня крестьянина Ефима Калинина. Впервые бани господина Якова Арсеньевича Муранова на Большой Рождественской ул., вытеснившие калининские, указаны в Адрес-календаре на 1877 г. («Список церквей, зданий и домов в г. Ярославле поулично». С. 31), с 1881 г. владели наследники — его сыновья и дочери (ГАЯО, ф. 509, оп. 2, д. 1988, л. 371).

Всего в начале XX века в Ярославле насчитывалось 463 бани, но в этот перечень, несомненно, внесены и бани частные, домашние. Из крупных в Ярославле наряду с Мурановскими были в это время бани купцов Оловяниновых на Власьевской улице (ныне — на площади Юности). Для того, чтобы лучше представить дореволюционные бани, приведем по данным Бородкина несколько цифр: веник в бане стоил от 1 до 30 копеек (в зависимости от качества), мыло — 1 копейка, мочалка — 9–10 копеек. Открывались бани очень рано — с 6 утра, и работали до полуночи. (К сожалению, о такой интереснейшей теме, как история бани в Ярославле, написано очень мало: см. Васильев В. С легким паром! // Северный край. 1996. 30 августа. С. 3; Бородкин А. Идите в баню // Областная неделя. 2004. 14 января.)

С. 116 *…отпечатанный типографским способом листок небольшого формата, нечто вроде обращения к населению. В нем сообщается… <...> Воззвание подписано: «полковник Перхуров».* — Мемуарист далее пересказывает содержание нескольких воззваний, извещений о событиях и приказов, из распространявшихся в Ярославле штабом восставших на протяжении всех дней событий, — она их ошибочно объединила в одну листовку. Эти документы в советское время неоднократно пересказывались в публикациях, но напечатаны были лишь выборочно и с искажениями. Впервые их сохранившиеся тексты были собраны В. Н. Козляковым (см.: «Граждане! Теперь вам всем ясно, кто такие большевики…» (Листовки Ярославского восстания 1918 года) // Ярославская ста-

рина: Из архива русской провинции. Ярославль, 1992. С. 40–52), в сборнике ЯВ. 1918. подборка была дополнена (С. 27–48).

Здесь и далее мы будем пытаться уточнять воспоминания Нины Васильевны по дошедшему до нашего времени документам и ранним, до середины 1920-х гг. — т. е. еще не подвергшихся жесточайшей сталинской цензуре, публикациям мемуарных источников. Однако сразу оговоримся: реконструировать события страшных 16 июльских дней не то что по часам, иногда даже по дням, имеющиеся на данный момент в нашем распоряжении материалы не позволили. Невозможно оказалось получить и ответы на некоторые принципиальные вопросы, их мы будем специально подчеркивать, надеясь, что беспристрастное, лишенное идеологических предубеждений исследование будет продолжено.

О личности «организатора и руководителя ярославского белогвардейского мятежа» Александра Петровича Перхурова (1876–1922), о его роли в событиях подробнее см.: Стенографический отчет о процессе... 15–22 июля 1922 г. // ЯВ. 1918. С. 251–412 и комментарии С. 563–564; Мясников В. Полковник Перхуров. Кто он? // Золотое кольцо. 1993. 26 мая; Орлов К. О. Белые рыцари: братья Перхуровы в стоянии за веру и отчество // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2002. № 10; Федюк В. П., Данилов А. Ю. Полковник А. П. Перхуров до и после Ярославля // Век нынешний, век минувший... Исторический альманах. Ярославль, 2003. Вып. 3. С. 126–136).

Перхуров Александр Петрович (1876–1922) — родился в дворянской семье в родовом имении Шерепово Суворовской волости Корчевского уезда Тверской губернии (ныне родовое гнездо Перхуровых затоплено Иваньковским водохранилищем). Хотя род Перхуровых был древним, но ко второй половине XIX века не мог похвастать богатством и высоким положением в обществе. Его отец Петр Александрович был титулярным советником, занимая должность окружного надзирателя удельной конторы. В 1893 г. Александр закончил 2-й Московской кадетский корпус, в 1895 г. — Александровское военное училище. Первое место службы Перхурова — крепость Карс на Турецкой границе, 39-я артиллерийская бригада. Здесь он последовательно занимал должности делопроизводителя батареи, бригадного адъютанта, старшего офицера, заведующего батальонным хозяйством. В эти же годы женился на дочери титулярного советника Евгении Владимировне Григорьевой; она родит Александру Петровичу двух детей.

После окончания (1903) Николаевской академии Генерального штаба А. П. Перхуров служил во 2-й Туркестанской бригаде. С началом Русско-японской войны отправлен на фронт, где воевал заместителем командира батареи в 1-м артиллерийском дивизионе 14-го Сибирского стрелкового корпуса. За самоотверженность, проявленную в боях, был награжден орденом Анны 4-й степени. По окончании войны — продолжение службы в Западносибирском артиллерийском дивизионе 3-й Восточносибирской артиллерийской бригады (Владивосток).

Первую мировую войну Перхуров начал в чине капитана. Должность — командир 5-й батареи 16-й Сибирской стрелковой бригады Северного фронта. В январе 1915 г. произведен в подполковники. За оборону Варшавы в январе 1916 года Перхуров получает орден Георгия 4-й степени и чин полковника. После этого Александр Петрович переведен на Румынский фронт, где командует 3-м стрелковым артиллерийским дивизионом.

За несколько недель до свержения самодержавия полковник Перхуров назначается командиром 186-го Сибирского отдельного легкого артиллерийского дивизиона на Северном фронте. Является руководителем артиллерийских курсов 12-й армии (г. Юрьев).

Заметим, Перхуров в 1917 г. находился в той же армии, где комиссаром был С. Нахимсон, расстрелянный в первый день захвата Ярославля офицерами. Этот вопрос Перхурову задали и на судебном процессе, на что он ответил, что слышал о Нахимсоне в 12-й армии, но лично с ним знаком не был.

В конце 1917 г. А. П. Перхуров был представлен к производству в генерал-майоры, но дождаться приказа не успел — к власти пришли большевики; 24 декабря он был демобилизован и уехал, как сам указывал в «Исповеди приговоренного», к семье в город Бахмут Екатеринославской губернии. Реально его путь лежал в Москву, где Перхуров вступил в контакт с представителями Добровольческой армии. Затем путь Перхурова лежал в Новочеркасск, где в январе 1918 г. он получил задание от генерала Л. Г. Корнилова вернуться в Москву и начать вербовку добровольцев в белую армию. В Москве в феврале-марте 1918 г. Перхуров познакомился в Б. В. Савинковым, который организовывал антибольшевистский «Союз защиты Родины и Свободы». Перхуров стал начальником штаба этой организации, готовившей летом того года ряд крупных вооруженных выступлений в Поволжье, в том числе и в Ярославле...

Судом Выездной коллегии Верховного Трибунала ВЦИК, состоявшимся 19 июля 1922 г. в ярославском Волковском театре, А. П. Перхуров был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение спустя 10 дней, по всей видимости, во дворе здания губернской ЧК—ГПУ на улице Циммервальда (ныне — Собинова, в здании располагается областной ОВИР). Похоронен, предположительно, на Леонтьевском кладбище; естественно, его захоронение никоим образом не было отмечено и найти его точное местоположение ныне не представляется возможным.

С. 116–117 ...в 4 часа утра... по нашей улице со станции Всполье по направлению к центру города прошла относительно немногочисленная (300–400 человек) группа военных, в основном бывших офицеров. — Группа заговорщиков, вышедшая от захваченного ночью артиллерийского склада у Леонтьевского кладбища к гимназии О. Н. Корсунской, где в первое время разместится их штаб (3-й этаж в доме Пастухова — нынешнее здание почтамта на Богоявленской площади; вскоре после начала артобстрелов города Перхуров перевел штаб на Варваринскую ул. в здание Государственного банка), была в несколько раз меньше, чем указывает Нина Васильевна: в ту ночь с 5-го на 6-е июля на Леонтьевском кладбище (заметим, что, кроме кладбища, «был еще сборный пункт в Тверицах и на вокзале») собралось всего около 110 человек, причем они разделились на группы — у каждой были свои задачи (ЯВ. 1918. С. 302–303). По воспоминаниям бойца 3-го взвода Ярославского губернского летучего автопулеметного отряда Смирнова, выступившего на стороне повстанцев: «Дойдя до Сенной площади, разделились на три части: одна пошла по Пошехонской улице налево, другая пошла по Пошехонской [направо] и далее по Большой Рождественской, третья часть — по Власьевской» (Шевяков Ю. Удачное начало // Золотое кольцо. 1998. 7 марта. С. 12).

С. 117 В одном из домов на нашей улице они убили большевистского комиссара Нахимсона... — На Большой Рождественской улице, у дома, где жил, был убит председатель исполнительного комитета Ярославского городского совета Д. С. Закгейм. Перхуров на до-

просе говорил, что это произошло еще до прохода по Большой Рождественской руководимой самим полковником группы повстанцев; поручик Перлин, занимавший пост начальника отдела контрразведки, совершил это самочинно, за что был Перхуро-вым отстранен от должности, а по этому инциденту было назначено следствие. Тело Закгейма было «отыскано и открыто» 23 июля 1918 г. специальным отрядом, занимавшимся поиском и захоронением трупов в Ярославле (ГАЯО, ф. Р-3456, оп. 1, д. 11, л. 18). Похоронен с другими погибшими советскими работниками в Демидовском сквере (совр. пл. Челюскинцев) в братской могиле.

Председатель Ярославского губисполкома С. М. Нахимсон (сначала, до избрания на этот пост, он был комиссаром Ярославского военного округа — возможно, поэтому автор так и назвала его) был арестован в гостинице «Бристоль», которая в то время использовалась как общежитие для ответственных советских работников. Был убит во дворе 1-го милицейского участка (милиция заняла помещения бывшего полицейского управления, которое находилось на месте современного здания Администрации области на Советской пл.). Похоронен на Марсовом поле в Петрограде (ЯВ. 1918. С. 236, 303, 343–344, 574, 591–592).

C. 117 *…к основной группе восставших присоединились служащие, офицеры расквартированного в нашем городе штаба фронта.* — Первая половина 1918 г. была периодом демобилизации старой армии и создания новой, Красной, — в город возвращалось значительное, особенно после заключения Брестского мира, количество солдат и офицеров. 31 марта 1918 г. был учрежден Ярославский военный округ (огромный по территории: включал Новгородскую, Ярославскую, Костромскую, Владимирскую, Тверскую, Петроградскую, Псковскую, Нижегородскую, Вологодскую, Олонецкую, Архангельскую, Северо-Двинскую и Иваново-Вознесенскую губернии). Ярославль стал центром — в нем разместилось Управление округа (а не штаба фронта). После избрания С. М. Нахимсона председателем губисполкома заменил его на посту комиссара В. П. Аркадьев (после восстания управление перевели в Иваново-Вознесенск, а в городе некоторое время дислоцировался штаб 6-й армии).

В городе располагались как отделы штаба округа, так и самостоятельные советские воинские части и подразделения; в большинстве учреждений и частей служили и бывшие офицеры. Наконец, в соответствии с планом восстания незадолго до выступления в Ярославль прибыли и члены «Союза защиты Родины и Свободы».

В ряде воспоминаний советских и партийных работников отмечается, что появление в городе «подозрительных» людей, «существование контрреволюционной организации» не прошло незамеченным властями, более того, говорится и о том, что необходимость превентивных арестов и даже введения в городе военного положения большевиками обсуждалась, а незадолго до начала событий была даже проведена регистрация офицеров, — их в городе оказалось около 1 000 (см., например: Потемкин И. [большевик, до восстания член военно-революционного комитета Северных железных дорог, один из организаторов Красной гвардии] Ярославская трагедия и ее предвестники (К 5-летней годовщине белогвардейского мятежа) // На перевале. 1923. № 6–7. С. 37–40; и др.). Тем не менее, решительных мер большевики не приняли.

По всей видимости, причиной был жесточайший кризис власти, имевший место в городе первой половины 1918 г., — еще не зная о начавшемся мятеже, газета «Известия

ВЦИК» 6 июля писала о ситуации в Ярославле: «Ввиду образования двух губисполкомов — коммунистического и левоэсеровского — разрешение вопроса о двоевластии выносится на Всероссийский съезд Советов». См. об этом: Козлов П. И. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Ярославской губернии // Очерки истории Ярославского края. Ярославль, 1974. С. 179–195; История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века. Ярославль, 2000. С. 252–254, и др.

Часть этих людей, если и не входила до июля в состав савинковского Союза (как, например, служащие артиллерийского склада или автоброневого дивизиона), то, сочувствуя его идеям, присоединилась к повстанцам уже 6-го июля, другие повязали георгиевские ленточки (они были отличительным знаком восставших) и встали под ружье в ходе проведенной штабом Перхурова обязательной мобилизации.

А первыми присоединилась к его группе, судя по показаниям А. П. Перхурова на суде и воспоминаниям, часть отряда конной милиции, встретившегося им по пути.

С. 117 *К восставшим примкнули также группы жадной до приключений городской молодежи — мальчишек-гимназистов, кадетов старших курсов, студентов местного Демидовского лицея.* — В воспоминаниях С. В. Владимира мы видели, с какой искренностью часть ярославской молодежи на рубеже веков отдавалась захватывающей романтике революционной борьбы, еще большее количество гимназистов и студентов лицея «пассивно» разделяло критические (но не исключительно социал-демократические) взгляды на существующий строй. Прошедшее с тех пор десятилетие очень изменило страну, февраль 1917-го учащаяся молодежь города, как и всей России, встретила с энтузиазмом, но всего нескольких месяцев большевистского правления хватило, чтобы июль 1918 г. привел сыновей и младших братьев большей части бывших революционеров и/или либералов на другую сторону ярославских баррикад...

Определить, сколько было именно молодежи среди восставших, сегодня невозможно. Ведь остается без ответа и вопрос об общем количестве участников восстания: сведения как из рапортов в столицу командовавших красными частями, так и из воспоминаний участников событий с обеих сторон отличаются в разы. Если учесть, что всего штабом Перхурова было роздано около 6 000 винтовок, из которых более половины реального участия в боях не приняло, так как получившие их предпочли «в сомнительное дело не ввязываться», то доля молодежи в рядах сражавшихся была весьма заметна. Следует полагать количество юных, как добровольцев, так и мобилизованных (от 17 лет) в несколько сот человек. И, конечно, вряд ли можно верить в массовое участие в событиях «13-летних гимназистов».

Восстания и мятежи никогда не бывают всенародными. Их совершают относительно небольшие группы людей. Тех, кому «не все равно», кого не устраивает ход событий в их стране, может быть очень много. Готовых же принять личное участие в выступлениях оказывается всегда настолько меньше... (Естественно, что уровень политической включенности населения в целом и отдельного индивидуума в частности обуславливается рядом причин, среди которых субъективные факторы не менее важны, чем объективные. Подробнее о феномене политической пассионарности в годы революции и Гражданской войны см., например, работу В. П. Булдакова «Красная смута: Природа и последствия революционного насилия» (М., 1997), написанную на стыке исторической и психологической наук.)

Через 20 лет после боев отдел партпропаганды и агитации Ярославского обкома ВКП(б), опуская подробности реальной оценки симпатий ярославцев, будет писать о том, как рабочие Ярославля в союзе с беднейшим крестьянством, руководимые большевиками, под знаменем Ленина — Сталина победили гидру контрреволюции (*Кустов С.* Разгром контрреволюционного белогвардейского мятежа в Ярославле в 1918 году. Ярославль, 1938); ради этих же политических установок будет компоновать факты Р. В. Балашов уже в 1984-м..

Бессспорно, классовые различия в составе противостоявших друг другу в те дни в Ярославле сторон, декларировавшиеся на протяжении всех советских лет, были вполне очевидны. Симптоматичны итоги выборов в Учредительное собрание, проведенных в ноябре 1917 г.: в центре города 75% голосов получили либералы (кадеты и блок торгово-промышленников и домовладельцев), за радикалов-большевиков проголосовало лишь 4% жителей центра Ярославля. Зато за Которослью картина получилась с точностью дооборот: на Карзинкинской фабрике 73% голосов получили большевики (3 021 из 4 144 принявших участие в голосовании), 8,6% — за кадетов (*Федюк В. П.* Большевики и их политические противники на выборах в Учредительное собрание // Партия и массы в свете ленинской концепции (конец XIX — 1920-е гг.). Ярославль, 1991. Итоги выборов в Учредительное собрание по Ярославлю были опубликованы в газете «Свободное слово». 1917. 17/30 ноября. Цифры уточнены по данным итоговых бюллетеней участковых избирательных комиссий, которые сохранились в ГАЯО).

Но это лишь в некоторой степени объясняет, почему в июле 1918 г. белым удалось удержать центр, и не удалось закрепиться на окраинах. Следует помнить о том, что в условиях невероятного динамизма российских реалий 1917–1918 гг. политические пристрастия населения могли колебаться и менялись очень часто. Двух-трех месяцев большевистского правления рабочим ЯБМ могло хватить, чтобы они засомневались в искренности декретов и деклараций партии Ленина (думается, что сделал свое дело разгон большевиками Учредительного собрания). Во многих воспоминаниях старых большевиков и участников подавления восстания, публикавшихся в журнале «На перевале» в начале 1920-х гг., указывается, что к весне 1918-го многие карзинкинцы, да и ярославцы вообще, были «сагитированы» меньшевиками и эсерами. Не случайно летом Ярославль получил два съезда советов, большевистский и эсеровский. Кроме того, и внутри большевистской верхушки города и губернии не только не было единства, но, напротив, шла борьба, — см., например, воспоминания городского продовольственного комиссара А. Охапкина: ЯВ. 1918. С. 470–471.

Как ни поразительно, но и сегодня можно столкнуться с сентенциями, выпестованными идеей гегемонии пролетариата: дескать, если поддержали восставших, в основном, «офицеры, бывшие чиновники, студенты», то оно не народное (*Федюк В. П., Рязанцев Н. П.* Июльские события 1918 года в Ярославле: Дискуссионные вопросы // Ярославский календарь на 2003 год. Ярославль, 2003. С. 33–38). Да, рабочих и крестьян с георгиевскими ленточками было немного (См.: *Данилов А. Ю., Рязанцев Н. П.* Об участии крестьян Заволжских волостей Ярославского уезда в июльском антисоветском выступлении 1918 года // Первые Алмазовские чтения: Роль творческой личности в развитии культуры провинциального города: Материалы региональной научной конференции. Ярославль, 2000. С. 203–218). Но они были, и отрицать это нелепо. А вот

исключать какие-либо социальные группы из очень разного (и в 1918-м, и сегодня) народа России — скажем так, методологически некорректно!

И еще, об участии священников. На основании того, что пулеметные гнезда были устроены на колокольнях нескольких храмов и в Спасском монастыре, в советских изданиях рефреном повторялось: «каждый попик — пулеметчик». После захвата западной части города красными, еще во время боев за центр, на Всполье был бессудно расстрелян Геннадий Николаевич Здоровцев, священник Владимирской церкви, — большевики утверждали: именно он стрелял из пулемета, установленного восставшими на колокольне его храма. По всей видимости, пулеметчик успел скрыться, а озлобление на него было очень велико: во многих воспоминаниях участников боев пулемет белых на Владимирской колокольне отмечается особо. В 2000 г. отец Геннадий был канонизирован — причислен к лику новомучеников.

О том, что симпатии ярославского духовенства были не на стороне богооборческой власти и что молились в ярославских церкви о победе восставших — бесспорно свидетельствуют источники, но верить в поголовное активное участие клира и монашества в боевых действиях — это вообще не понимать сути христианства! Массового участия священнослужителей с оружием в руках на стороне повстанцев не было.

С. 117

...в приход же каких-то мифических союзных войск с Севера даже в первые дни восстания мало кто верил. — Как известно, в Мурманске союзнические десанты высадились в марте 1918 г.: 6-го — английский, 18-го — французский. Обещанная Савинкову французами высадка в Архангельске, с предполагавшейся датой которой связывалось само планирование выступления Борисом Савинковым и на поддержку которой надеялись повстанцы, затянулась и началась только 2 августа 1918 г. Еще «2-го июля красным отрядам в Архангельске удалось разоружить и взять под арест иностранных солдат», сербов, итальянцев и др., которые вместе с антисоветски настроенными русскими войсками могли бы выступить в поддержку ярославскому восстанию и без десанта — ЯВ. 1918. С. 562; см. подробнее в этом сборнике о роли Антанты, и конкретно французских дипломатов, в планировании и финансировании летних восстаний в России.

С. 117

Приближался вечер, сгустились сумерки, ружейная перестрелка поутихла. — Перипетии уличных боев первого дня в ближайших к дому Иванова кварталах, которые в подробностях описывает Ю. Шевяков (Горячая точка: Борьба за Николо-Мокринские казармы в ходе Ярославского восстания 1918 года // Золотое кольцо. 31 мая. С. 13), в целом совпадают с ощущениями, сохранившимися в памяти Н. Калининой на основании наблюдений из дома. Складывается впечатление, что в первый день восстания, в самом деле, основные бои развернулись по Большой Рождественской улице на участке между Вспольем и Николо-Мокринскими казармами. Действительно, весь день уличные стычки шли в непосредственной близости от дома Ивановых. Так что не случайно, что офицеры в середине дня 6 июля спрашивали у жителей, нет ли в доме красных.

Читая мемуарные источники, оставленные пережившими ярославскую июльскую трагедию, следует помнить, что описываемая каждым из них конкретная ситуация в определенный день и час очень «локальна» и не может распространяться на другие части города. Очевидец событий, уже упоминавшийся в комментариях к мемуарам С. В. Владимирова журналист С. С. Каныгин, к пятой годовщине событий попытался воссоздать общую картину. Вот что он пишет о первом дне:

«С утра 6 июля слышалась в разных местах города редкая ружейная стрельба, потом начавшая усиливаться, затрещали пулеметы, а с половины дня началась артиллерийская стрельба, показавшая, что дело принимает серьезный оборот.

Шрапнель рвала над городом. К вечеру стрельба из орудий усилилась.

Город обстреливался по всем направлениям; а главным образом по направлению к Спасскому монастырю и собору.

Телефонная связь была порвана почти с первого момента, но первый день в пожарном отношении прошел благополучно» (*Каныгин С. Пожары Ярославля в дни мятежа // Северный рабочий. 1923. № 161 (21 июля). С. 3*).

C. 118 *Утром <...> Перестрелка возобновилась.... Пулемет красных частей... вел огонь вдоль нашей улицы. Восставшие установили свой пулемет на колокольне церкви Николы Мокрого. ...территория наших домов подвергалась, таким образом, перекрестному пулеметному обстрелу.* — И вновь для сравнения стоит обратиться к материалу Ю. Шевякова: «Повстанцы установили пулемет на высокой колокольне и держали под прицельным огнем все лежавшие впереди городские кварталы. С утра 7 июля по этой колокольне открыла сильный огонь красная батарея, стоявшая на позиции у станции Всполье. Снаряды попадали не только в церковь, но и в расположенные рядом жилые дома...» Учитывая, что ни Ю. Шевяков, ни Н. Калинина не могли видеть материалов друг друга, можно говорить о том, что два совершенно независимых друг от друга источника дают, практически, одинаковую картину происходившего в этой части города 6–7 июля 1918 года, а стало быть, о том, что эта картина достаточно объективна. Исключение — Шевяков пишет об орудиях (батарея), автор мемуаров упоминает пулемет красных — ?! Но и это разночтение можно объяснить субъективностью восприятия и не очень большой осведомленностью Н. В. Калининой в военном деле: говоря об этом пулемете, она пишет, что он стрелял «частыми залпами с короткими передышками» — понятно, что пулеметы «залпами» не стреляют!

C. 118-119 *Находились здесь также иконостасы, иллюстрирующие эпизоды из жизни святых.* — По всей видимости, речь здесь идет не о книгах, а об иконах, и автор так называет житийные иконы, клейма которых иллюстрируют житие святого и его чудеса.

C. 119 *Как-то незаметно стали исчезать жильцы наших домов. Кто-то уходил в менее опасные районы города, кому-то, пока город не оказался в кольце красных частей, удавалось выйти за черту города и найти пристанище в окрестных деревнях и селах.* — Начальник Новгородского отряда А. П. Поляков упоминал о «массе... беженцев, для чего у меня был организован концлагерь для более ненадежных». (ЯВ. 1918. С. 441). Возможность бегства из города его жителей быстро стала довольно проблематичной: железная дорога, полукольцом охватывавшая центральную часть Ярославля от Волги до Которосли, оказалась под контролем большевиков (там курсировали, обстреливая город, бронепоезда). Конечно, в поисках более безопасного места ярославцы бежали, но выбраться из центра города по суше или через Которосль оказалось уже практически невозможно.

Другое дело, через заволжскую часть Ярославля. И авторы воспоминаний, и исследователи называют ее «западным окном» — в первые дни восстания линия фронта здесь не была четко определенной. Здесь белые в первые дни восстания получили контроль над ближайшей к городу окружной, а по железной дороге продвинулись до станции

Коченятино (более 10 км). Поэтому не случайно, что через «заволжское окно» и бежали, в основном, из горящего Ярославля его жители. Документы указывают, что к концу ярославского восстания в окрестных заволжских деревнях скопилось множество беженцев из города, которым крестьяне предоставляли кров и пищу (см. об этом подробнее: ГАЯО, ф. Р-601, оп. 2, д. 145; ЯМЗ-26237/8, л. 11–12; *Данилов А. Ю., Рязанцев Н. П.* Об участии крестьян заволжских волостей Ярославского уезда в июльском антисоветском выступлении 1918 года // Первые Алмазовские чтения: Роль творческой личности в развитии культуры провинциального города. Ярославль, 2000. С. 203–218).

Статья Ю. Шевякова «Переправа» (Золотое кольцо. 1997. 22 февраля. С. 13) подтверждает сообщение Н. В. Калининой о бегстве соседей: «Служащие ярославского квартирного отдела — архитектор Трубников, инженеры Деханов, Михайлов, чиновники Поляков, Путиловский, Даниловский и их семьи, в числе которых было двенадцать женщин и детей, еще днем 8 июля покинули свои дома, загоревшиеся при обстреле советской артиллерией церкви Николы Мокрого». Затем автор статьи приводит текст воспоминаний одного из беженцев, Трубникова, о том, как, перебираясь от дома к дому, семья оказались на берегу Волги, провели там ночь и 10 июля, потеряв несколько человек, переправились в Тверицы. Помощник коменданта Волги штабс-капитан Ольшановский (в ЯВ. 1918. С. 152, 240 он упоминается как Р. Р. Ольшанский и Альшамовский) пускал на переправу только женщин, детей и стариков. Мужчины от 17 до 43 лет должны были остаться защищать город. В этой же статье имеется и еще одна выдержка из воспоминаний — бежавшего на второй день выступления от повстанцев прaporщика В. Шокальского. Он оказался на Костромской дороге (ныне шоссе на Красный Профинтерн): «По ней шла масса беженцев из Ярославля, кто с имуществом, а кто как есть».

С. 119

Ползли разные слухи. Говорили, что труп убитого комиссара Нахимсона взят в пролетке по городу (своими глазами я этого не видела)... — Судя по документам, обстоятельства убийства Закгейма и Нахимсона досконально не удалось восстановить ни следствию, проведенному Перхуровым (оно было прервано начавшимся артобстрелом города), ни чекистам сразу после подавления восстания, ни позднее, в ходе судов над повстанцами.

Во множестве публикаций, посвященных памяти Закгейма, говорится, что его тело, брошенное у дома на углу Большой Рождественской и Духовской улиц, несколько дней в самом деле подвергалось надругательствам, затем было сброшено в канаву. С другой стороны, ни о каких кощунственных действиях с трупом Нахимсона в ранних некрологах и статьях о жертвах июльской трагедии, публиковавшихся в Ярославле начиная с 1918 г., не упоминается ни разу. Учитывая контингент участников восстания, а также то, что оно состоялось в первые месяцы Гражданской войны (взаимное озлобление противостоящих друг другу сторон возникло не в одночасье), маловероятно, что тело Нахимсона стало предметом преднамеренных надругательств.

В рамках большевистской идеологии и эстетики агитационных материалов такой факт, если бы действительно имел место, не только не замалчивался бы, а активно использовался. Но впервые подобная информация появилась лишь в сборнике «Шестнадцать дней» (Ярославль, 1924): «Над телом убитого председателя губисполкома Нахимсона долго глумились: труп расстрелянного положили на телегу и возили по Советской площади и прилегающим улицам в целях устрашения». В дальнейшем эмоциональная

окраска описания ситуации вокруг тела Нахимсона усилилась: «Тотчас после ареста был расстрелян председатель губернского исполкома и военный комиссар округа Нахимсон. Труп его возили по городу на извозчике, потешая местную буржуазию» (*Владимирова Вера*. Год службы «социалистов» капиталистам: Очерки по истории контрреволюции в 1918 году / Под ред. Я. А. Яковлева. М., Л., 1927 С. 258; цит по http://www.virlib.ru/read_book.php?page=49&file_path=books/14/book06843.gz; курсив наш; об этом пишет и Р. В. Балашов: *Пламя над Волгой*. Ярославль, 1984. С. 48).

Кстати, как и всегда в случаях слухов, дыма без огня не бывает: по косвенным источникам установлено, что после убийства Нахимсона его труп был вывезен из двора 1-й части милиции (современная Советская пл.) для захоронения (пока не удалось установить, куда) на телеге (фургоне) — в документах санитарного отряда «Помощь пострадавшим», занимавшегося розыском и захоронением тел, имеется фраза «командировать фельдшера для розыска фургонщика, перевозившего труп Нахимсона» (ГАЯО, ф. Р-3456, оп. 1, д. 11). Вполне можно представить картину, что кто-то из проходивших мимо этой процессии антибольшевистски настроенных обывателей, узнав о том, чье тело везут, выкрикнул вслед пару оскорбительных фраз, кто-то это слышал, и... — повод для рождения мифа о телеге, возимой по городу, готов!

Убийство Нахимсона, по-видимому, получило в дальнейшем общероссийскую известность и стало (в определенной идеологической подаче и обработке) одним из символов мученичества большевиков за святое дело революции, с одной стороны, и зверства врагов этой революции — с другой. Не случайно, описание этого эпизода, как и ярославских событий в целом, попало в известное художественное произведение о Гражданской войне — «Хождение по мукам» Алексея Толстого. Во второй части трилогии — «Восемнадцатый год», написанной в 1926–1928 гг., в письме своему отцу главная героиня романа Даша рассказывает, как в страшные дни ярославского восстания работала сестрой милосердия в стане перхуровцев, как чуть не была изнасилована молодым белым офицером, как спасалась бегством из горящего города («На улицах рвались снаряды... Валились древние колокольни, падали дома, повсюду занимались пожары, их некому было тушить, солнце затянулось дымом. Не убирали даже трупов на улицах...»).

При всей идеологической направленности (а эта часть трилогии была призвана показать, как перековывались Гражданской войной люди, избавляясь от старых взглядов и заблуждений) описание убийства Нахимсона не выглядит столь прямолинейно и однозначно, как в позднейших научных и научно-популярных работах: «На нашем дворе раскрылись ворота, и вошла группа офицеров, на них были погоны. У всех лица были возбужденные, все они размахивали оружием. Они вели тучного бритого человека в сером пиджаке... Лицо его было красное и гневное. Они ударяли его в спину, у него моталась голова, и он страшно сердился... В это время с крыльца нашего дома вышел полковник Перхуров... Перхуров стал глядеть на него исподлобья, и я увидела, как у него зло обнаружились зубы. А тот продолжал ругаться, грозить и требовать. Тогда Перхуров вздернул голову и скомандовал — и сейчас же ушел... Двое, те, кто держали, отскочили от толстого человека... он сорвал с себя пиджак, скрутил его и бросил в стоявших перед ним офицеров — прямо в лицо одному, весь побагровел, ругая их. Тряс кулаками и стоял в расстегнутом жилете, огромный и бешеный. Тогда они выстрелили в него. Он весь содрогнулся, вытянув перед собой руки, шагнул и повалился. В него еще некоторое время стреляли, в

упавшего. Это был комиссар-большевик Нахимсон... Никанор Юрьевич уверил меня, что это хорошо, — что если бы не они его расстреляли, то он бы их расстрелял...»

Описание страшное, особенно комментарий Никанора Юрьевича «это хорошо», но никаких издевательств и дальнейших показательных процессий с трупом Нахимсона в романе не описывается. Хотя «Хождение по мукам» — явный политический заказ, исполненный А. Толстым.

В советских книгах и пропагандистских материалах особо подчеркивался черносотенный характер этих убийств. Здесь следует заметить, что число ярославских евреев в РСДРП (б) в то время было крайне незначительно, а городская организация Бунда еще примыкала к меньшевикам, а ведь во время войны из-за эвакуации и принудительного выселения евреев из прифронтовых губерний империи во внутренние к 1918-му их количество в Ярославле достигло 7 000 (Дейч Х. А. К истории Бунда в Ярославле // На перевале. 1923. № 4 (апрель). С. 16–17); также резко возросли в населении города доли поляков, латышей и др. жителей Прибалтики.

Несомненно, антисемитизм сыграл в убийстве обоих «комиссаров» определенную роль, но антибольшевизм вообще очень быстро приобрел этот оттенок (в том числе и в Ярославле: к Пасхе 1918-го активизация большевиков в губернии, захват ими власти в Советах, как и уже становящийся очевидным сам характер центральной власти, провоцировали погром в городе, в котором были и силы этим обстоятельством готовые воспользоваться, но все ограничились крестными ходами, должны быть в этот светлый праздник). Тем не менее, в Ярославле 6 июля убили не 2 евреев, а 2 большевиков, «комиссаров», — в городе за последующие 15 дней ни одного погромного эпизода ни в документах, ни в воспоминаниях очевидцев событий зафиксировано не было. Так что приписывание черносотенного характера восстанию вообще — политическая спекуляция.

С. 119

...передавали, что захваченных восставшими большевиков отвезли на баржу, на середину Волги. — Сюжет с баржей, на которой посредине Волги арестованные первых часовыми находились почти все дни восстания (с 6-го по 18-е июля) без еды и питья, под постоянными обстрелами стал в истории ярославской трагедии в советское время, пожалуй, самым мифологизированным, а в последнее десятилетие — площадкой дискуссий по оценке событий. (Характерно стихотворение: Смирнов А. Н. Узник // На перевале. 1923. № 6–7. С. 43.) Следует упомянуть «Расстрелянное детство» — пристальное и страстное, но не бесспорное суждение об июльских событиях и их последствиях безвременно ушедшего краеведа и литератора Михаила Борисовича Сударушкина, правнука одного из «баржевиков» Ивана Николаевича Нефедова: <http://sudar-mb.narod.ru/page/book5/page5.htm>. Не случайно одна глава полемически названа «Водяная тюрьма или баржа смерти?»

А ведь на советских мифах строилась и откровенная корыстная ложь. Так, например, поступал с событиями Гражданской войны, вольно вплетая их в свою биографию, Иван Алексеевич Гагин.

Он утверждал, что тоже был одним из обитателей «баржи смерти», подробности нахождения на которой и описал в своих «воспоминаниях» под названием «В пороховом дыму» (Ярославль, 1986). Достоверность этого текста как в конкретных деталях, так и в целом ныне представляется более чем сомнительной. Дело в том, что по имеющимся в ярославских архивах документам был установлен ряд серьезных несоответствий опу-

бликованной биографии Гагина реальным фактам: например, заключенный на баржу Гагин записан был не Иваном Алексеевичем, а... Александром Тихоновичем; сам же «герой» вступил в партию не в апреле 1917 г., а в сентябре 1918-го (т. е. после подавления мятежа); не был он и членом Ярославской губернской ЧК (призван туда на службу 1 сентября 1918 г.) и т. д. — см. подробнее *Данилов А.* Тайное становится явным // Юность. 2001. 28 марта.

Наконец, наиболее характерен эпизод с откровенным подлогом в документах, выявленным тогдашним заместителем директора Ярославского областного музея М. Г. Мейеровичем. Позднее уважаемый историк-краевед рассказывал, как однажды к нему в музей пришел Гагин и принес фотографию, на которой был запечатлен штаб Красной гвардии г. Ярославля, и среди других — сам он, Гагин.

Михаил Германович взял фотографию, но чуть позднее вспомнил, что в фондах музея вроде бы имеется такая же. Нашел последнюю, сравнил и понял, что на музейном экземпляре на месте Гагина присутствует другое лицо! Более тщательный осмотр гагинской фотографии обнаружил наличие монтажа. Налицо был явный подлог с целью возвеличить свою роль в революционных событиях (в то время это ценилось особо!). Возмущенный историк сообщил об этом в партийную организацию, в результате чего возникло дело «Переписка и объяснения по поводу фальсификации Гагиным фотографии центрального штаба Красной гвардии г. Ярославля. 1954–1963 гг.», отложившееся в областном партийном архиве (Филиал ГАЯО-ЦДНИ, ф. 4773, оп. 6, д. 29).

Тем не менее, дело было замято, Гагину вынесено порицание, а спустя еще несколько лет в Ярославской области устанавливается буквально культ этого человека: он получает звания «Почетного чекиста» и... «Почетного гражданина Ярославля», его приглашают на всевозможные праздничные мероприятия, наконец, он пишет свою итоговую сказочную «биографию», всю «в пороховом дыму». Ложь одного человека была на руку правящей партии и укрепляла мифологизированное героизированное прошлое большевиков, выхолащивая из реальной истории всю ее суть.

Что же касается имеющихся источников о событиях на «барже смерти», то для реконструкции полной картины, к сожалению, их не хватает. Сохранившиеся документы и воспоминания свидетельствуют: на баржу попали не только большевики — партийные функционеры, но и красноармейцы 1-го Советского полка, а также советские работники, причем не только руководители губернского уровня, но и среднего звена, и простые «совслужащие»; среди тех и других были представители разных партий, и вообще беспартийные (тот же А. Т. Гагин, как выяснилось, не был на тот момент членом РКП(б), а являлся простым членом отряда Красной гвардии Урочских железнодорожных мастерских). Кстати, количество членов партии РСДРП(б) в Ярославле к лету 1918-го было всего вряд ли более 500: есть данные за май 1919 г. — в Ярославской городской и уездной организациях насчитывалось на тот момент 770 большевиков (Филиал ГАЯО-ЦДНИ, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 5–7; Очерки истории Ярославской организации КПСС. 1883–1937. С. 183).

Источники не дают оснований считать, что заключенные были *преднамеренно* обречены перхуровцами на страдания и гибель. Некоторые документы говорят о попытках восставших спасти заключенных или, по крайней мере, облегчить их участь, но эти попытки потерпели неудачу из-за невозможности даже физически подплыть к бар-

же вследствие сплошного обстрела — см. частично опубликованные воспоминания узника баржи П. Д. Палкина: «В первый день узникам досталось по фунту белого хлеба и по полуфунту сливочного масла. Такой паек несказанно удивил. Изволили шутить: “Богаче комиссаровских норм”; “На таких харчах готов поджидать мировую революцию!” [П. Ф. Путков, также находившийся на ней все страшные дни, выступая свидетелем на суде над А. П. Перхуровым, также упоминает об этом: ЯВ. 1918. С. 344.] Затем последовали голодные дни. Однажды два гимназиста, актриса Барковская и офицер-латыш подошли к барже на катере и бросили несколько буханок хлеба. Крохи... При возвращении офицер-латыш получил ранение осколком в голову и умер, не приходя в сознание, в Варваринском лазарете. После этого комендант Веревкин запретил [отправлять] катер на баржу» (*Мясников В. «Водяная тюрьма» // Золотое кольцо. 1993. 27 мая. С. 4*). Тем не менее, определенная ответственность лежит на штабе Перхурова: за непринятие мер по вызволению людей из страшной опасности, в которой они оказались по его решению.

Конкретные вопросы в ситуации с баржей советской исторической литературой запутаны были беспредельно. Уже на первый из них, важный и конкретный: каково было количество заключенных на барже и сколько из них погибло, — предлагалось несколько «ответов». В уже цитированной книге Владимировой читаем: «Всего было тотчас по перевороте арестовано свыше 200 человек. Из них 109 человек были посажены на баржу с дровами, залитую на дне водой». (П. Ф. Путков утверждал, что было там, в общей сложности, «человек до 300» — ЯВ. 1918. С. 345.) В Большой Советской энциклопедии числа 200 и 109 скомпонованы страшнее: «из 200 человек [бывших на барже] в живых осталось 109». И хотя Р. В. Балашов вынужден был признать их завышенными, самый знаменитый «баржевик», И. А. Гагин, говорит, что на барже было 300 революционеров, а в живых осталось 70... Подобные «сведения» и сегодня кочуют по Интернету (например: <http://www.hrono.ru/sobyt/1900sob/1918yaroslavl.html>).

С другой стороны, в составленном повстанцами списке арестованных и отправленных на баржу всего 82 имени (ЯВ. 1918. С. 52–54). Один из заключенных в плавучей тюрьме пишет даже о 60 «баржевиках» (*Васильев А. Ярославский мятеж и баржа // Из истории ярославского белогвардейского мятежа (6–22 июля 1918 года). Ярославль, 1922. Сборник 2. С. 36*).

Относительно числа погибших данные источников еще противоречивее. Явно преувеличивает число жертв П. Ф. Путков: «...снаряды в баржу валились каждый день. Одними дровами... убило человек 15–20»; в тех же воспоминаниях П. Д. Палкина, опубликованных В. Мясниковым, указывается, что «от снаряда, попавшего на баржу, было несколько раненых и три трупа... Два человека утонули при попытке бегства...»; другой заключенный баржи, А. Васильев, называет имена утонувших: «т. т. Смоляков и Кокорев не доплыли и утонули, а Гагин, видя утонувших, не решился...» — см. ЯВ. 1918. С. 484. Кстати, почетный гражданин Ярославля «в пороховом дыму» никакой решительности, естественно, не проявлял (был ли он на барже, сегодня уже и не узнать).

При всем стремлении большевистских пропагандистов зафиксировать и продемонстрировать зверства перхуровцев конкретного списка жертв среди заключенных на барже составлено так и не было. Вообще, если говорить о «жертвах белого террора» в дни восстания, то нужно признать, что они были единичными — ведь даже у известного памятника, установленного около церкви Ильи Пророка (на современной площади Че-

люскинцев), было захоронено лишь менее десяти советских и партийных деятелей, среди которых и С. А. Суворов, о «расстреле» которого см. ниже.

Целый узел вопросов связан с группой людей, которых восставшие сняли с баржи и увезли в город. Читаем у Владимировой: «...Дня за 2 до побега [т. е. 16 июля] из среды пленников были вызваны по списку 22 человека ответственных работников и с ругательствами и пинками отправлены на расстрел». По воспоминаниям Е. И. Гарновского, 17 июля с баржи было снято 17 раненых и сильно ослабевших арестантов: «Под усиленным конвоем нас привели в белый штаб — в здание госбанка. Несколько часов держали во дворе. Глумились, плевали в лицо. Попова Василия ударили с полного размаха по физиономии. Четыре часа стояли у стены. Грозили расстрелять. Потом под артобстрелом повели в лазарет на Пробойной (Советской) улице. Комендант лазарета тоже грозил расстрелом. Лучше отнеслись врачи и особенно смотритель лазарета Трифонов. Они создали сносные условия для лечения и питания...» (Мясников В. «Водяная тюрьма»...). В показаниях на суде П. Ф. Путков также говорил, что «...приезжали, сняли Душина, Большакова и в общем человек 20 коммунистов». О «22-х товарищах» вспоминает и К. Терентьев (до событий — член Ревтрибунала), но встретился он с ними не на барже, и не на расстреле, а в доме Лопатина, где с 8-го или 9-го дня восстания (т. е. 14–15 июля) оказался вместе с ними в заключении (ЯВ. 1918. С. 486–487), при этом не все упомянутые им значатся в списке 82-х. По словам Терентьева, именно там они и подписали некое «предложение, чтобы красные части выпустили неспособное население, и послали [с ним] т. Суворова».

В архиве ФСБ сохранилось обращение арестованных перхуровцами советских работников:

«Копия
В штаб Красной Армии
От арестованных Советских представителей:
Членов Губернского Исполнительного Комитета,
Ярославского местного Исполнительного Комитета,
и других общественных организаций

Мы, заключенные Ответственные лица перед народом, глубоко протестуем против борьбы, которая ведется. Ни коим образом вы не имеете права разрушать без необходимости и жечь жилища мирного, ни в чем решительно не повинного населения бедняков. Слезами и безвыходным горем вся беднота города объята.

Тактику Вашей борьбы мы считаем весьма жестокой и ниже всякого человеческого достоинства.

Предлагаем и даже требуем немедленного прекращения орудийного огня и вступления в переговоры для выработки другой культурной борьбы, если это является необходимым.

Бывший председатель губернского административного комиссариата Большаков
Губернский военный комиссар Душин
Помощник комиссара труда Петов
Секретарь военно-окружного комиссара Алексеев
Член совета Тихонов
Кушке, Курганов, Бычков, Гарновский, Колтовский, Троицкий»

(ЯВ. 1918. С. 54–55).

Из 11 имен, значащихся под документом, 8 имеются в списке заключенных на барже (кроме Курганова, Колтовского и Петова) — судя по всему, приведенный документ и есть «предложение», о котором вспоминает Терентьев.

Итак, около 20 заключенных с баржи было снято; ясно, что белые их не расстреляли, — но где они были: в лазарете или в заключении? Когда это произошло, и когда они написали свое обращение?

Хотя нельзя полностью исключить возможность отправки на баржу еще нескольких человек, не попавших в список, рискнем предположить: на барже было именно 82 человека, записанных пунктуальными офицерами в первые дни восстания (когда они старались, как при старой власти, вести четкую документацию). Из них погибло пятеро. В Коровниках, куда течением принесло баржу 18 июля, с нее было доставлено на берег около 60 измученных людей, несколько из них были ранены...

С. 120 *Через эту пойму на всем ее протяжении шла высокая дамба четырех-пятиметровой высоты, которая соединялась с центральной частью города перекинутым через Которосль мостом типа железнодорожного, имевшим трамвайные рельсы и дорогу для местного транспорта. — В 1831–1833 гг. к месту, где находилась главная перевправа через Которосль, от берега реки до Московской заставы была проложена дамба — земляная насыпь «с трамбованным шоссейным полотном». Бока насыпи были обложены булыжником, а для протока вешней воды устроена каменная арка (сохранившаяся до сих пор). Именно этой дамбой начиналась дорога на Москву (Никольский Ф. Н. Путеводитель по Ярославской губернии. Ярославль, 1859. С. 246). Упомянутый мост «типа железнодорожного» (с металлическими фермами) был открыт для проезда в 1853 г. (что послужило поводом ярославским обывателям именовать его «Американским», не совсем ясно: то ли его изначальная конструкция, то ли его перестройка и удлинение в 1874 г. по проекту канадской фирмы, скорее — второе). Трамвайные рельсы по мосту были проложены в 1900-м — это была первая линия ярославского трамвая, соединившая железнодорожный вокзал с переправой через Волгу (История губернского города Ярославля. С. 317; Ковалев А. Д. На электрической тяге: История ярославских трамвая и троллейбуса. Ярославль, 2005). «Американский» мост просуществовал в Ярославле до 1962 г., когда был заменен на новый железобетонный, использующийся доныне (Сапрыкина Н. С. Советская архитектура Ярославля).*

С. 120 Хозяева Карзинкинской мануфактуры относились к разряду либеральных капиталистов, и рабочие фабрики пользовались рядом привилегий... Я пишу это для того, чтобы объяснить относительно пассивное отношение к происходившему рабочих Карзинкинской фабрики. — К сожалению, в современной ярославской краеведческой литературе бывшие владельцы ЯБМ почти забыты (возможно, из-за того, что жили они не в Ярославле, а в Москве); фамилия их писалась в двух вариантах: Карзинкины, Корзинкины (в современной исторической науке более распространенным является первый). Восполнить этот пробел следовало бы хотя бы потому, что Карзинкины, одна из старых и крупных купеческих династий Москвы, происходят из... ярославцев: первым записавшимся в 1791 г. в московское купечество Карзинкиным был Андрей Сидорович (ок. 1760–1822), крестьянин д. Труфаново Ростовского уезда, что ранее принадлежала Борисоглебскому что на Устье монастырю (ГАО, ф. 230, оп. 13, д. 4855, л. 20, 23 об. — Со-

общено Н. В. Обнорской). Его потомки были личностями более чем незаурядными. Хотя в книге М. Н. Барышникова (Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб., 1998) из всех Карзинкиных упомянут только Сергей Сергеевич (кроме этого, заметим, он входил в состав ЦК партии октябристов), стоит вспомнить и о других. По вкладу в русскую культуру особенно значим Андрей Андреевич Карзинкин, меценат, по масштабу близкий Мамонтову и Морозову. Так с П. М. Третьяковым его связывали очень тесные отношения: А. А. Карзинкин входил в состав Попечительского совета знаменитой галереи (их было четверо). Дружеские отношения были у него и с потомком другого купеческого рода — К. С. Алексеевым — великим Станиславским, и Ф. И. Шаляпиным (оба были женаты на итальянках). Весьма значим вклад Андрея Александровича и в русское издательское дело: в частности, он входил в Товарищество московских писателей, на его деньги выходил журнал «София», издававшийся К. Ф. Некрасовым... Жил он в родовом особняке на Покровском бульваре, на первом этаже которого, в квартире его сестры, проходили знаменитые Телешовские «среды». Он был владельцем одного из первых и самого роскошного тогда в Москве автомобиля — давал покататься генералу Корнилову... (В интернете множество публикаций о Карзинкиных, например: <http://www.tea.ru/d-1239.html>; <http://www.mosrealt.info/articles.php?id=4251&depid=13>; <http://www.bg.ru/article/2648/>; <http://www.rusk.ru/st.php?idar=800809>; <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=7085>; и пр., и пр. См. также: *Бялая Г.* Купеческий род Карзинкиных // Стругино и его окрестности. М., 1997. С. 93). А вот у Г. Н. Ульяновой (Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914. М., 1999. С. 354–357) о нем нет ни слова!?

Об условиях труда и уровне развития «социальной сферы» на фабриках Торгово-промышленного товарищества Ярославской Большой мануфактуры следовало бы также написать специальное исследование: на протяжении двух предреволюционных десятилетий Карзинкины и их компаньонами постоянно реализовывалась широкая социальная программа для рабочих: значительные средства тратились на жилье, больницу, школы и училище, детский сад и пр. Масштаб этой деятельности для Ярославля беспрецедентен (наверное, поэтому мемуарист и говорит о привилегиях). Безусловно, предопределялась такая деятельность не только материальными возможностями владельцев — ЯБМ входила в число крупнейших в России предприятий и давала огромные прибыли, но и их взглядами.

Сегодня по «закону маятника» проявилась тенденция идеализировать деятельность российских фабрикантов, изображать их чуть ли не альтруистами. Следует напомнить, что большинство мероприятий «социально-ответственные» владельцы предприятий обязаны были проводить под давлением правительства: все эти годы империя пыталась законодательно и организационно выстроить систему регулирования и контроля отношений между работодателями и наемными работниками, обеспечивая последним все более приемлемые условия труда и жизни. Но то, как выполнялись российские законы и в этой сфере, зависело куда больше не от самих букв законов (как всегда, не очень последовательных, иногда заметно отстающих от рекомендаций специалистов), и не от усилий специально созданного ведомства, контролирующего эту сферу, — фабрично-заводской инспекции (см. например: *Володин А. Ю.* Фабричная инспекция в России (1892–1904) // Отечественная история. 2007. № 1. С. 23–40). Определяющими в России тогда и сегодня были личности владельцев предприятий, у Карзинкиных и их

управляющих взгляды становились от поколения к поколению все более либеральными. Даже участник революционного движения на ЯБМ нехотя, причем уже после революции, признавал «что в... облегчении жизни рабочих [к началу ХХ в.] большую роль играл назначенный к тому времени директором ф-ки С. А. Федоров» (На перевале. 1922. № 17. С. 31). Кстати, Федоров был директором и в 1895-м, во время кровавого конфликта (см. в мемуарах С. В. Владимира и в комментариях). Позднее Федоров был профессором, а его сменил А. Ф. Грязнов, замечательный историк мануфактуры.

Реальная картина фабричной жизни в предреволюционную эпоху, бесспорно, сложна и противоречива, но многочисленные сохранившиеся архивные документы позволяют сегодня бесстрастному и, главное, не зашоренному «классовым подходом и чутьем» взгляду, ее увидеть. Такие работы появляются — см., например: *Шильникова И. В.* Роль вознаграждения в мотивации труда рабочих-текстильщиков Ярославской Большой мануфактуры в начале ХХ века // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л. И. Бородкина. М., 2001. Вып. 6. С. 36–50; *Смирнова Ю. Б., Шильникова И. В.* Система наказаний на Ярославской Большой мануфактуре во второй половине XIX — начале XX в. // Указ. изд. 2002. Вып. 8. С. 11–22. Вопреки привычным для старшего поколения заклинаниям о жутких условиях жизни и труда и безмерном гнете капиталистов оказывается, что штрафы (одна из излюбленных тем пропаганды еще с народнических и социал-демократических времен) были, во-первых, не столь велики, причем их величина и количество с годами снижались, а во-вторых, вполне заслуженными — крестьян приучать к фабричному труду было непросто. Использовался на ЯБМ не только «кнут», но и «прянник»: система поощрения добросовестной работы предвосхитила, например, советские выплаты за «выслугу лет» и современное звание «Ветеран труда»...

Справедливости ради надо сказать, что огульная критика условий фабричной работы и жизни вокруг исходила не только из левого лагеря, но и из крайне правого. При этом критика, принципиально отрицающая какую-либо возможность изменения ситуации: «...самая жизнь и работа фабричная многими почитается нездорою и не только для тела, но и для души, как делающая человека частью машины, подавляющая его свободу, угнетающая дух» — это слова архиепископа Ярославского и Ростовского, святителя Тихона, адресованные рабочим ЯБМ 12.10.1908 (Приходская жизнь. [Ярославский ежемесячный церковный журнал]. 1908. № 10 (октябрь). С. 511).

Относительно оценки Ниной Васильевной степени участия рабочих ЯБМ в событиях следует заметить следующее. Красный флаг над фабрикой появился уже в первый день событий, в подавлении восстания участвовало всего более 500 рабочих ЯБМ, причем, кроме коммунистической, на стороне красных добровольно выступила и боевая дружина левых эсеров ЯБМ в составе 200 человек. (Об участии левых эсеров и меньшевиков как в восстании, так и в его подавлении см.: ЯВ. 1918. С. 577–579, соответственно, примеч. 81 и 88.)

С другой стороны, конкретных указаний о текстильщиках ЯБМ, воевавших с георгиевскими ленточками, практически не известно. Однако следует помнить, что Которосль в первый же день восстания разделила городских жителей, не взирая на их идеологические пристрастия, а вскоре в Закоторосльной части города вообще было объявлено военное положение.

C. 121 Железнодорожная станция у моста с этой стороны реки была в руках восставших. — Имеется в виду нынешняя станция Приволжье, называвшаяся в то время — по расстоянию от станции Ярославль-город (современный Ярославль-Московский) — «11-я верста». Однако, судя по документам, восставшие не завладели ею: как сам железнодорожный мост через Волгу, так и эта станция, и левобережные заволжские Филино и Урочь стали во время событий местами самых ожесточенных боев, см., например, воспоминания А. Я. Громова — уездного военного комиссара — во время восстания он был комендантом станции Всполье (*Громов А. Воспоминания о Ярославском мятеже // Из истории ярославского белогвардейского мятежа (6–22 июля 1918 года). Ярославль, 1922. Сборник 2. С. 22–35; републикация по нередактированному оригиналу: ЯВ. 1918. С. 442–450*) и донесения штаба командующего Ярославским фронтом А. И. Геккера, действовавшего на его Северном, заволжском участке (ЯВ. 1918. С. 115–142), а также воспоминания генерала К. Я. Гоппера, командовавшего заволжским участком фронта повстанцев (Там же. С. 504–520), и его соратника полковника П. Ф. Злуницына (Там же. С. 520–537) и др.

C. 121 Красные подразделения, вначале относительно немногочисленные, в дальнейшем с каждым днем росли. — Представление о расположении отдельных отрядов красных войск вокруг города дает план Ярославля, составленный двумя очевидцами трагедии — выдающимся краеведом Н. Г. Первухиным и его юным учеником, ставшим потом крупным историком, С. С. Дмитриевым (*Первухин Н. и Дмитриев С. Белогвардейский мятеж // Наш труд / Орган Ярославского губернского отдела по народному образованию. 1928. № 10 (октябрь). С. 15–20, план на вклейке к статье воспроизведен в настоящем издании*). Следует помнить, что предложенная авторами схема дает обобщенное представление, не учитывающее в ряде случаев многократный переход тех или иных позиций из рук в руки, передислокации частей в ходе боев и т. п. (особенно сумбурной была первая половина восстания, когда у красных частей практически отсутствовали и единонаучалие, и координация действий между отрядами). Кроме того, отмечены позиции не всех отрядов и подразделений (например, вообще не учтены новгородский и ростовский отряды, небольшие отряды из уездов и городов Ярославской губернии и пр., показаны не все батареи).

Первыми начали боевые действия с захватившими город повстанцами Новгородский отряд (470 человек) и Старо-Русский кавалерийский рабочий дивизион (280 сабель), стоявшие на момент начала мятежа на станции Всполье. Они и предприняли первый штурм Ярославля 6 июля.

7 июля прибыл 1-й Костромской полк. После овладения с. Диево-Городищем в Ярославль подошел Костромской сводный революционный отряд (200 человек) — 15 июля.

В первые дни в Ярославль прибыл 6-й Тукумский латышский полк. Из Ростова — 300 человек, из Рыбинска — 150, из Бuya — 60.

10 июля — командующим Ярославским фронтом назначен Ю. Гузарский, с ним 14 июля в Ярославль прибыли два эшелона (1-й Сборный московский отряд — 320 человек, 6 пулеметов, 2 орудия).

С 11 июля командующим Северным участком Ярославского фронта был назначен А. И. Геккер. Местом сбора сил Красной армии стала железнодорожная станция Данилов. Сюда 13 июля из Петрограда прибыл особый эшелон № 229 — 550 человек, затем Архан-

гельский отряд — 65 человек и Псковский батальон — 670 человек. Таким образом, перед штурмом Твериц у Геккера было более тысячи бойцов.

15 июля к Гузарскому прибыли две пулеметные бронеплощадки, 2-й Сборный московский отряд (200 человек с броневиком), два бронемобиля, Владимирский отряд (200 человек с 2 пулеметами), 2-я рота Иваново-Вознесенского батальона (156 человек), рота 1-го Усть-Двинского латышского полка, два самолета.

Кроме того, в документах упоминаются: 1-й Варшавский революционный полк (700 человек, 3 броневика), Шуйский и Галичский отряды (400 человек).

После неудавшегося штурма центра города 16 июля к красным поступают новые пополнения: 3-й Сборный московский отряд (500 человек с 10 пулеметами), 2-й Сводный петроградский отряд (400 человек с 2 орудиями).

Таким образом, всего в подавлении ярославского восстания было задействовано около 5 тысяч бойцов Красной армии, 3 бронепоезда, 10 батарей орудий (см.: ЯВ. 1918; Балашов Р. Пламя над Волгой. С. 67; Шевяков Ю., Мясников В. «Предписываю... сбросить бомбы на собор»: Штурм Ярославля Красной армией 16 июля 1918 г. // Золотое кольцо. 1995. 3 июня).

С. 121 *С первых же дней мятежа к ним присоединилась группа немецких военнопленных, покинувших центр города, поскольку мятежники объявили себя в состоянии войны с кайзеровской Германией. Во главе этой группы стоял немецкий лейтенант Балк. — Лейтенант резерва германской армии К. Балк руководил германской комиссией попечения о военнопленных № 4 (эти комиссии были созданы во исполнение условий Брестского мирного договора, заключенного и ратифицированного в марте 1918 г.).*

Столь настойчиво повторяемая мемуаристом безусловно негативная характеристика немецкого лейтенанта и приписываемая ему роль в июльских событиях здесь и далее опровергается всеми имеющимися свидетельствами, некоторые документы мы приведем ниже.

Воспоминания Нины Васильевны абсолютно лишены какой бы то ни было идеологической ангажированности, практически во всех своих деталях очень точны и согласуются с другими документальными и мемуарными источниками, поэтому такая демонизация роли Балка вызывает удивление и не находит никаких объяснений.

С. 121 *...около моста через Которосль... — Имеется в виду существующий и ныне железнодорожный мост близ комбината «Красный Перекоп», возведенный в 1898 году.*

С. 121 *На третий день мятежа начался артиллерийский обстрел города. Огонь велся из орудий, установленных на самой высокой точке Закоторосльной стороны — Туговой горе. <...> С этой точки широко просматривался весь город... — Артиллерийский обстрел города, как мы уже знаем из статьи С. Каныгина, о чем свидетельствуют и другие источники, начался еще к середине 1-го дня восстания, и не с Туговой горы. «Часа в 2 дня [6-го июля] мне было доложено, что 4 оруд[ия] на платформе к открытию огня были готовы. Подошедши к орудиям, я увидел, что наведены они были на центр города, где, по указанию моей разведки, находился штаб белых. Я приказал открыть огонь, красноармейцы стрелять отказались, говоря, что там есть мирные граждане, я же, проверив наводку орудия и предварительно поговорив с красноармейцами, сам лично пустил 4 снаряда, после чего и красноармейцы начали обстреливать город. ...появилось очень много беженцев...» — это из воспоминаний А. П. Полякова, прибывшего в Ярославль до*

восстания во главе Новгородского отряда и принявшего в первые часы и дни событий самое активное участие в организации советских частей (ЯВ. 1918. С. 440). Стоит прочитать все его записки (С. 437–442) — приведенная цитата и еще один, на наш взгляд, знаковый эпизод (С. 439), в котором автор с циничной откровенностью демонстрирует свое отношение к «честному слову офицера», объясняет очень многое в последующей трагедии города.

Вид на Ярославль с Туговой горы от северной ограды церкви Параскевы Пятницы и сейчас не плох, а до разрушения города открывался просто изумительный — известно несколько прекрасных акварелей, самая известная — Ивана Белоногова, много и фотографий...

Когда красноармейцы привезли на Тугову гору первое орудие (произошло это, по разным данным, вечером 6-го или даже 8-го июля), пятницкий священник Николай Иванович Брянцев воспротивился его установке у стен храма. Он был тут же застрелен, тело бросили в яму, и только через несколько дней удалось его похоронить по-христиански. В 2000 г. отец Николай был канонизирован — причислен к лику новомучеников...

9 июля количество пушек на Туговой горе увеличилось до трех.

Поскольку катастрофическое разрушение города вызвано было ежедневными артиллерийскими обстрелами, мы попытались выявить данные об артиллерию Красной армии.

Накануне начала событий на станцию Всполье прибыли 12 (или 14?) трехдюймовых орудий с несколькими вагонами снарядов, предназначавшиеся для красноармейских частей в Казани, — несколько из них были сразу сняты с железнодорожных платформ и установлены неподалеку, у Леонтьевского кладбища. Другая часть этих пушек была отправлена в Закоторосльную часть города, где их побатарейно развернули не только на Туговой горе, но и на других позициях: у Николо-Тропинской церкви (две пушки) и в Коровниках (одно орудие), причем в низинной части правого берега Которосли, напротив Стрелки и монастыря, пушка появилась еще до этого (остается без ответа вопрос, откуда взялась, какой воинской части принадлежала: у 1-го Советского полка, дислоцировавшегося в Кадетском корпусе, артиллерии вроде бы и не было).

9-го июля к красным прибыли еще три орудия, уже 9-дюймовые. А. Громов пишет, что в этот день они «не стреляли, жалея разбивать город», но, судя по рапортам, по крайней мере, спустя неделю, их все же использовали. В последующие дни артиллерия красных еще не раз пополнялась из центра — всего до 10 батарей, в том числе и некие «автожелезнодорожные». Рыбинские военные склады обеспечивали боеприпасами.

У Северного ярославского фронта, заволжского, была своя артиллерия, которая во второй половине восстания, после подавления повстанцев в Тверицах, также участвовала в обстрелах города с левого берега Волги.

Помимо полевой артиллерии в распоряжении красных оказались орудия бронепоездов.

Утром 8-го июля, то есть на 3-й день, на Всполье прибыл первый «блиндированный» поезд № 2, на двух железнодорожных платформах которого были установлены дальнобойные орудия. Эти «площадки» разделили: одна была отправлена к «11-й версте», вторая — поставлена близ железнодорожного моста через Которосль. Громов вспоми-

нал об их первом применении: «И такая поднялась канонада, что за время пребывания на фронте в русско-германскую войну я такой канонады не слыхал...» Активно участвовал в операциях и оставшийся состав бронепоезда с бронированными платформами. При наличии железнодорожных путей вдоль всей западной границы города, от Кото-росли до Волги, эти мобильные батареи впоследствии сыграли серьезную роль и в боях, и в разрушении Ярославля.

Кроме того, в распоряжение красных войск поступил бронепоезд № 6, ставший, как и № 2, знаменитым в ходе Гражданской войны; помощник его командира, П. Д. Ники-тин, вспоминал:

«...пришло известие о белогвардейском мятеже в Ярославле. По приказу командо-вания бронепоезд вышел на подавление мятежа. 16 июля, когда мы прибыли под Яро-славль и заняли боевую позицию, наши артиллеристы немного нервничали. Одно дело — стрелять на учебных стрельбах, другое — в бою. Здесь «мазать» не положено. Работал я тогда арттехником и тоже волновался. Но после первых же выстрелов все успокоились. Снаряды ложились кучно, отрезая путь мятежникам к Волге.

Сначала бронепоезд отвлекал на себя огонь противника, а когда наши цепи во-рвались в город, бронепоезду было приказано войти в черту городских строений и сбить с колоколен вражеские пулеметные гнезда. Артиллеристы выполнили задание» (ЯВ. 1918. С. 615–616; цит. по http://mkmagazin.almanacwhf.ru/armor/bp_n6_im_lenina.htm).

Не ясно, когда в Ярославль прибыл третий бронепоезд — его командиром была молодая женщина Людмила Мокиевская-Зубок, — он дислоцировался на южных под-ступах к городу (ЯВ. 1918. С. 615–616; Балашов Р. Пламя над Волгой. Ярославль, 1984. С. 77–78, 127–128).

Обстрел велся не только шрапNELью, но и зажигательными снарядами. Пожалуй, впервые со времен княжеских междуусобиц и Смуты русский город сознательно пре-давался огню руками россиян.

Что спасло ярославцев от применения красными химических снарядов, имевших-ся в их распоряжении, сегодня уже не узнать, возможно, сыграла спасительную роль стихия, разыгравшаяся после 16-го: дожди и сильный ветер...

16-го июля прибыли 2 самолета, но авиационные бомбардировки из-за погоды также не оказались решающим фактором в разрушении города.

В оценке артиллерийского парка восставших почти все источники единодушны: несколько 3-дюймовых орудий (по показаниям Перхурова — два, но к ним всего около 500 снарядов), которые были захвачены на заре 6 июля на артскладе у Леонтьевского кладбища. Еще одна пушка имелась у белых в Тверицах (откуда взялась — не ясно). В ру-ках повстанцев оказалось большое количество пулеметов (по некоторым сведениям — до 600, но задействованы были менее сотни, да и количество патронов было ограниче-но) — «...у белых было слишком много пулеметов, поэтому мы перешли к беспрерывному, круглые сутки, обстрелу города...» (Балашов Р. Указ. соч. С. 127), имелись у них и два броневика (пушечных бронеавтомобиля).

С. 121 ...четырехэтажное кирпичное здание паровой мельницы, принадлежавшей мест-ному богачу купцу Вахромееву — Паровая мукомольная мельница была построена в 1848 г. ярославскими купцами Крохоняткиными. В 1882 году она была приобретена од-

ними из крупнейших хлеботорговцев Вахромеевыми, владевшими ею вплоть до революции. Ярославцы называли Вахромеевых «мучными королями», а экскурсию на их мельницу считали весьма интересной (История губернского города Ярославля... С. 338; Обнорская Н. В. Купечество Ярославской губернии в конце XVIII – начале XX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2000. С. 123).

C. 122 *Говорили, что обстрел вели немецкие военнопленные во главе с лейтенантом Балком. Насколько это верно, не знаю, но обстрел производили каждый день, планомерно, веерообразно, сосредоточивая его поочередно на различных секторах города. – С немецким вмешательством связывал артобстрелы (но последних дней восстания) другой очевидец, артист Ю. С. Морфесси:*

«...в Ярославле я убедился в беспредельности силы артиллерийского огня.

Сначала казалось, что дальше уже некуда. Но вот город начал методически обстреливаться по “квадратам”, немецкою системою. Да и вправду, большевикам пришли на помощь немецкие артиллеристы. Вот когда попали мы в самое пекло Дантова ада!» (ЯВ. 1918. С. 540).

Такая «необыкновенно точная, меткая и планомерная стрельба большевистской артиллерии по городу», в которой «была видна очень опытная и умелая рука», поразила даже боевого офицера К. Гопшера (Там же. С. 520).

Пунктуальность, методичность и последовательность, без сомнения, более присущи национальному характеру немецкому, а не русскому, но на основании документов можно категорично утверждать, что к артобстрелам Ярославля лейтенант Балк и немецкие военнопленные, подведомственные его комиссии, не причастны — разоруженные, они находились под арестом в здании театра.

Особо следует сказать об участии интернациональных воинских соединений в подавлении восстания: в состав красных войск входил и отчаянно дравшийся китайский отряд (потери его составили до 75 % состава!), и подразделения латышских стрелков (два полка Латышской стрелковой дивизии, метко названной Марией Спиридоновой «янычарами революции») с артиллериистами под командованием А. Х. Пауки (Там же. С. 584–585), затем прибыл еще один их полк (напомним, что численность полков в июле 1918 г. резко, в разы, отличается от современной — несколько сот человек), и интернациональный отряд смешанного состава — в нем были и венгры, и чехи, и австрийцы; по традиции, их всех под одну гребенку могли называть немцами. Можно предполагать, что в составе этого отряда были и кадровые артиллериисты, но документов об этом нет, а вот участие латышских «спецов» зафиксировано.

На обеих сторонах воевали люди разных национальностей (на заволжском участке латыши сражались с латышами). Однако весьма заметное присутствие «иноземцев и инородцев» в составе красных войск все же не стало определяющим: трагедия Ярославля творилась, в основном, русскими руками: «...тут были костромичи, владимирцы, ивановцы, нерехтчане, рыбинцы и др.» (На перевале. 1923. № 6–7. С. 6), помимо войск из центра, отряды небольшие по численности, но почти из всех городов Ярославской губернии и соседних упоминают все источники. К сожалению, в Ярославле реальностью стало страшное «брат на брата»...

Очень важно отметить, что сами горожане-ярославцы не стали движущей силой подавления восстания: их участие фактически ограничилось двумя отрядами добро-

вольцев ЯБМ, большевиков и левых эсеров (но среди рабочих мануфактуры, подчеркнем, далеко не все были ярославцами), отрядом железнодорожников, солдатами 1-го Советского полка (в котором горожан также было мало) и отдельными добровольцами-большевиками и близкими к ним по убеждениям. Всего около 1 500–1 000 человек.

И, конечно, многие, причем с обеих сторон, просто «выполняли свою работу», которая хоть как-то помогла облегчить участь оказавшимся в ярославском аду: медики, телеграфисты, пожарники, кто-то раздавал еду, размещал беженцев...

С. 122 *В тот памятный для меня день шквал снарядов обрушился на дома, находившиеся в 2–3 кварталах от нашего дома.* — Судя по всему, Нина Васильевна пишет об артобстреле и вызванном им пожаре в Козьей слободке и вокруг этой улицы, описанном также ярославцем А. К. Божевиковым (ЯВ. 1918. С. 493–495), когда целиком выгорели кварталы южнее Сенной площади.

Практически во всех воспоминаниях день 8 июля отмечается как ужасающий. С. Каныгин так описывал этот день:

«...начались уже беспрерывные пожары. Горели улицы: Владимирская, Никитская, Большая и Малая Рождественская, Мышкинская, Петровская, Пощепонская...

Вопли и стенания слышались на громадном расстоянии.

Вытаскиваемый на огороды и другие места скарб тоже горел.

С полудня 8 июля начались пожары за Волгой и на окраинах города и между прочим в Тaborах, где в числе других загорелся лесопильный завод Жакова, который быстро превратился в сплошной костер. Сильный ветер разносил пламя...

Ночью на 9-е начались пожары в центральных кварталах города. Дружинники [члены Ярославского вольно-пожарного общества] и сами жители предотвращали массу загораний...» Кстати, цитируемая газетная статья 1923 г., пожалуй, единственное свидетельство беспримерного мужества этих дружинников, под непрерывными обстрелами пытавшимися отстоять от гибели здания родного города, и в ряде случаев только своим героизмом их спасавших...

Однако первые пожары от артобстрелов начались в Ярославле еще накануне, 7 июля, и странно, что мемуарист не упоминает два из них, о которых рассказал С. Каныгин, — у Вознесенских казарм и на Сенной площади — ведь оба они могли бы быть видны из окон второго этажа дома на Большой Рождественской:

«На рассвете 7-го июля усилился обстрел Вознесенских казарм, церкви Вознесения и трамвайного депо.

От разорвавшегося снаряда здесь первым загорелся склад строительных материалов военного ведомства, находившийся между церковью Вознесения и салями военно-го ведомства, примыкавшими к жилым кварталам Б. Даниловской улицы.

...около полудня... произошел пожар на Сенной площади. Благодаря сухой погоде и скученности деревянных построек огонь распространялся с неимоверной быстротой...»

В этот день начались и страшные пожары в самом центре Ярославля: «...в Спасском монастыре, горел лицей, загорелись торговые ряды...» (о причинах обстрела лицея см. показания свидетелей, в первую очередь А. Громова, на суде над Перхуровым).

А самым первым в городе А. К. Божевиков называет пожар 7 июля на окраине у Городского вала близ Владимирской церкви (Цыганская ул.)

C. 123 ...с расположенной у входа на мост через Которосль площади... — Имеется в виду Рождественская пл., ныне — Богоявленская.

C. 123 Перестрелка к ночи утихла... — Во многих воспоминаниях участников событий и их очевидцев отмечается, что ночами перестрелки, напротив, усиливались.

C. 125 Мы подошли к старинной постройке со стенами метровой толщины, к так называемой Спасской башне. <...> Верхний этаж.. занимала часовня с читимой жителями города иконой Богоматери. — Речь идет о хорошо знакомой каждому ярославцу Знаменской башне — одной из трех сохранившихся от старинных укреплений Ярославля.

Другое, первоначальное ее название, бытовавшее вплоть до начала XX в., — Власьевская — связано с одной из древнейших в предместьях города церковью святого Власия, близ которой она была поставлена. Мимо храма издревле проходила дорога на Углич, поэтому еще деревянная башня была, скорее всего, проездной, воротной. По православной традиции над городскими воротами помещались священные изображения: иконы, фрески. На восточном фасаде Власьевской башни при ее сооружении был написан образ Богоматери Знамение, который олицетворял небесное покровительство городу и заступничество Богородицы. (К. Д. Головщиков в своей книге об истории Ярославля относил строительство каменной башни ко временам Ивана Грозного: укрепления города, в самом деле, создавались заново после пожара 1536 г., однако дошедшее до нас фортификационное сооружение на век младше — строилось оно после другого ярославского пожара, «великого», 1658 г.)

Еще в древности, по преданию, к образу была устроена деревянная лестница с площадкой, а затем к восточному фасаду башни соорудили небольшую деревянную часовню «на столбах», где «всегда неугасимая свеча стоит». Уже к началу XVIII в. почитание этого надвратного образа Богоматери Знамение широко распространилось среди ярославцев, и в 1736 г. часовня, которая исстари принадлежала Власьевской церкви, была передана Афанасьевскому монастырю. В 1779 г. деревянная часовня была заменена на каменную, но в 1785 генерал-губернатор А. П. Мельгунов распорядился разобрать Знаменскую башню на кирпич, поскольку не хватало материалов для строившегося в городе Дома призрения ближнего, и «только городской голова Андрей Александрович Барсов с купечеством догадались взамен ее [башни] выдать Мельгунову кирпича 15 тысяч». В 1850 г. часовня «распространена и внутри украшена довольно хорошей живописью», в 1861-м вместо часовни устроен каменный храм во имя иконы Знамения Богоматери, в 1897 г. церковь вновь перестроили, значительно расширив и украсив читимый образ бо-гатейшей ризой, той самой, которая запомнилась мемуаристу. Подробнее см.: Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля. Ярославль, 2005. С. 389–396.

В начале XX в. уже и саму башню очень часто называли Знаменской. А сегодня, через 70 с лишним лет после уничтожения церквей Власьевского прихода, первое название башни почти совсем ушло из быта ярославцев. Хотя нам в источниках нигде не встречалось именование башни Спасской, у мемуариста были основания для этого: над проездом на западном фасаде башни, также со времен строительства находился образ Спаса, скопированный, как гласила народная молва, с изображения на Спасской башне Московского Кремля, — его можно видеть на гравюре в книге История губернского города Ярославля. С. 55 (о размерах башни см. С. 54). В 1884 г. башня была надстроена: на верху поместили резервуар городского водопровода.

С. 127 Епархиальное училище, двухэтажное здание с колоннами у входа, было вытянуто почти на квартал. — Первый каменный корпус епархиального женского училища на 300 воспитанниц был сооружен в 1880 г. в начале Большой Рыбинской, или Никитской ул. — близ церкви Иоанна Богослова, ныне утраченной. Училище получило имя его основателя — архиепископа Ярославского и Ростовского Ионафана. В 1887 г. к восточному крылу здания, выходящему на Духовскую ул., вдоль этой улицы пристроили Покровско-Мариинскую церковь с больничной палатой на первом этаже. В 1892-м к храму сделали пристройку, где разместились учебные классы, кухня и колокольня. В 1910 г. завершено было строительство нового корпуса, в котором вдоль Никитской ул. разместились общежитие учениц, столовая, комнаты прислуги (см. Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля. Ярославль, 2005. С. 559–561; ЯЕВ. 1910. № 45. Ч. неофиц. С. 898–901). В итоге здание училища протянулось вдоль восточной и северо-восточной границ 42-го земельного квартала. Сейчас в здании расположен главный корпус Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

К сожалению, в нашем распоряжении нет каких-либо других документов или воспоминаний, которые могли бы помочь восстановить имена тех людей, о которых рассказывает далее мемуарист.

С. 128 Все 16 дней осады непрерывно горели белокаменные старинной постройки торговые ряды... — Имеются в виду здания так называемого «Нового гостиного двора», представлявшие собой ярчайший архитектурный комплекс в стиле классицизма, построенный в Ярославле в 1813–1818 гг. по проекту архитектора П. Я. Панькова. Он состоял из ротонды и располагавшихся по обе стороны от нее двух корпусов: северного и южного. Южный корпус особенно пострадал во время обстрелов города и вскоре после подавления восстания был разобран. В 1928–1929 годах на этом месте было построено здание Государственного Банка, сохранившееся до сих пор (Маров В. Ф. Ярославль: Архитектура и градостроительство. Ярославль, 2000. С.129–130; Сапрыкина Н. С. Советская архитектура Ярославля. Ярославль, 2006. С. 103–108).

С. 130 Примерно на девятый-десятый день осады было решено (кем, не знаю) направить парламентерскую группу из числа гражданского населения... <...> ...направилась группа из 15–20 человек с белым флагом в руках... <...> ...людей, шедших с этим поручением, подпустили на несколько шагов до рубежей красных частей и затем хладнокровно расстреляли. — «По моей инициативе, а затем по присоединившейся просьбе к штабу со стороны лиц, арестованных деятелей советских учреждений, был командирован парламентером [бывший] Ярославский городской голова Сергей Александрович Суворов в штаб Красной армии для ведения переговоров о выводе из города мирного гражданского населения, к глубокому моему прискорбию, закончилась эта командировка смертью Суворова от расстрела, конечно, ошибочного», — так писал на допросе в ЧК (ЯВ. 1918. С. 179) другой бывший Ярославский городской голова, жизнь которого вскоре была также оборвана расстрелом, Владимир Семенович Лопатин. Это согласуется с показаниями Ф. Ф. Бакакина (секретаря отдела местного хозяйства при Городской управе во время восстания): «...были два заседания, которые были собраны по настоянию городского населения, рабочих и партийных организаций. Тут было постановление послать красным парламентером Суворова, который был убит» (Там же. С. 349), причем из контекста следует, что заседания были до 17 июля.

Бесспорно, в обоих случаях речь идет именно о приведенном выше обращении арестованных советских работников, которое вполне могло обсуждаться в Управе, будучи инициировано городским головой. Составителями сборника ЯВ. 1918 документ-обращение датирован не совсем правильно (6–15 июля): как мы видели выше, эвакуация с баржи части арестованных состоялась не ранее 14 июля, на составление ими «предложения» и его обсуждение в Управе потребовалось еще не менее дня, что согласуется со словами Нины Васильевны Калининой «примерно на 9–10 день», т.е. 15–16 июля. С другой стороны, представляется недостаточно обоснованным и утверждение В. Масникова («Водяная тюрьма» // Золотое кольцо. 1993. 27 мая. С. 4), что часть арестантов сняли с баржи 17-го — вероятнее, это было на пару дней раньше, а 17 июля, за четыре дня до капитуляции, была предпринята трагически неудачная попытка переговоров.

Вопрос, была ли отправлена целая делегация, как пишет мемуарист, или парламентер был один (по косвенным указаниям нам представляется, что шел он именно в одиночестве), остается невыясненным. Но все сходятся на том, что этим парламентером, отправившимся под непременным для переговорщиков белым флагом, был Сергей Александрович Суворов (1869 или 1870–1918), имя которого известно было революционерам России еще с середины 1890-х годов, а все ярославцы знали его как городского голову, сменившего на этом посту в результате первых «всенародных» выборов в июле 1917-го В. С. Лопатина, и смещенного захватившими Советы большевиками всего за считанные месяцы до восстания. Известен и его последний путь: от трактира на Сенной площади к позициям красных, к Всполью. До них он не дошел, был застрелен. К сожалению, биография Суворова фактически изучена поверхностно.

В молодости Сергей Александрович входил в кружок одного из первых в России пропагандистов марксизма Н. Е. Федосеева (1871–1898); был сослан в Вологду, где сблизился с А. В. Луначарским (был даже его шафером на венчании), и был близок кругу «не-ортодоксальных» марксистов А. Богданова (наст. имя Малиновский А. А., 1873–1928; о нем см.: Неизвестный Богданов / Под ред. Г. Бордюгова. В 3-х т. М., 1995). Вместе с некоторыми из членов этого кружка Суворов активно участвовал в создании социал-демократической организации, к которой примкнул еще в 1900 г., в том числе был делегатом ряда съездов партии. Его статьи о философии жизни и социальной философии вошли в сборники того времени вместе с работами Богданова, Базарова, Луначарского и др. и стали широко известны в партийной среде — это признавалось и уже победившими большевиками (Розанова О. Памяти т. С. А. Суворова // Ярославский сборник, посвященный годовщине Великой Октябрьской Революции и июльским событиям в Ярославле. Ярославль, 1918. С. 58–59; или Она же. Сергей Александрович Суворов // На перевале. 1922. № 22. С. 16–17).

Активный участник событий 1905–1907 гг., впоследствии он отходит от революционной деятельности, но, приехав в Ярославль в 1907-м, участвует в общественной жизни как член правления Пушкинской библиотеки; после Февраля входит в объединенную социал-демократическую организацию — подробнее см. ЯВ. 1918. С. 589–590. Здесь же добавим только, что через 40 лет после гибели Сергея Александровича его философские работы стали для коммунистов поводом «сбросить с корабля истории» даже его имя.

В 1918-м похоронили Суворова вместе с Закгеймом и другими погибшими большевиками в северо-восточном углу Демидовского сквера. Старые фотографии сохранили вид деревянного памятника на их могиле, на нем есть и фамилия Сергея Александровича. К 40-й годовщине «подавления мятежа» старый памятник было решено заменить. Тут, видимо, какой-то знаток ленинских трудов и напомнил руководящим товарищам, что сборникам «Очерки реалистического мировоззрения», 1904 и «Очерки по философии марксизма», 1908, в которых были и его статьи, «вождь и учитель» посвятил немало критического пафоса в своем эпохальном труде «Материализм и эмпириокритицизм» (Мейерович М. Г. С ленинских позиций: «Материализм и эмпириокритицизм» и «Пророк пятой революции» // Северный рабочий. 1989. 6 июля. С. 2; Мясников В. Суворов С. А.: Почему это имя исчезло с памятника? // Городские новости. 1990. 19 апреля. С. 2).

В итоге на существующем и ныне гранитном обелиске про Сергея Александровича не упоминается. Более того, его имя совсем забыто ярославцами. А ведь в конце 1920-х — первой половине 1930-х годов в Дядькове — рабочей окраине Ярославля — возник целый топонимический куст, посвященный С. А. Суворову: две улицы, два переулка и поселок. Еще с 1920-х годов имя Суворова носил расположенный там же лесозавод. Кстати, все эти названия остались на карте города до сих пор, но большинство ярославцев считают, что в этих городских объектах запечатлено имя другого Суворова — генералиссимуса Александра Васильевича (см. Ярославль: Историко-топонимический справочник. Ярославль, 2006. С. 66, 113).

С. 130 *Почему, наконец, не был предложен компромиссный выход, например капитуляция восставших с сохранением жизни примкнувшей к восстанию молодежи, не разбирающейся в политической обстановке, в целях борьбы, в соотношении сил?* — С первых дней восстания компромисс был неприемлем и для красных, и для белых. Ультиматум, выставленный перхуровцами уже 9 июля после начала расстрела города и вызванных им пожаров: «не стреляйте, ибо за каждый ваш выстрел будет расстреляно 10 человек с баржи» (ЯВ. 1918. С. 353–355), не был рассчитан на переговоры. (По показаниям А. Я. Громова, именно этот ультиматум нес Суворов: «письмо было послано с Суворовым, который, не дойдя до нашей линии, был пристрелен ими же», т. е. белыми (Там же) — но рассказ Громова об этом эпизоде расходится с другими свидетельствами.) Естественно, что и ответ красных: «Складывайте оружие, иначе будет открыт ураганный огонь», — также переговоров не подразумевал и исключал компромиссы. Текст ультимата хранится в РГВИА и опубликован: Шевяков Ю., Мясников В. Два ультиматума // Золотое кольцо. 1995. 19 августа. С. 13.

Требование прекратить кровопролитие, исходившее из веры 11-ти его подписавших в незыблемость в мире нравственных императивов, что не зависят они от политических «платформ», из их уверенности, что противоречия можно и нужно обсуждать, это требование-просьба не укладывалось в логику взявших в руки оружие.

Заметим, что в июле в Ярославле оружие сложено не было, ураганный огонь по городу — открыт, однако с баржи не расстреляли никого. Но «или мы, или они» уже вступало в свои права на огромной территории на долгие годы, делая все более непримиримыми и ожесточенными друг к другу и красных, и белых...

Вопрос, заданный Ниной Васильевной, представляется нам риторическим. Не случайно ни разу в советской литературе о восстании про предложение либералов даже не упоминается...

C. 130 *На пятнадцатый день... полковник Перхуров подло сбежал, бросив всех на произвол судьбы. Как ему... удалось проскользнуть... остается непонятным.* — Подробнее об уходе А. П. Перхурова с отрядом из Ярославля под прикрытием утреннего тумана на рассвете 17 июля (т. е. 11-го дня восстания) вверх по Волге, к Толгскому монастырю см. показания полковника на суде.

Поразительно совпадение, на которое, кажется, мало кто обращал внимание: именно в эту ночь в двух тысячах верст от Ярославля, в Екатеринбурге в доме Ипатьева совершено было убийство царской семьи...

Нельзя не согласиться с авторской оценкой: как бы благородно не формулировалась цель этой вылазки — поиск и привлечение поддержки для продолжающих отчаянно и безнадежно сражаться повстанцев, — и тогда, и сегодня выглядел (и являлся!) уход А. П. Перхурова именно бегством.

C. 131 *Он был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. ...это не искупало его вины в гибели многочисленных жизней.* — Вновь мы не можем не согласиться с авторской оценкой.

«Да не посрамим земли русской, но ляжем костьми, мертвые бо сраму не имут» — эти слова, сказанные больше 1 000 лет назад, призывали к воинской жертве, дабы не стать слугами противников в загробном мире, где неизбежно оказываются и те, и другие.

В устах инициаторов ярославского восстания призыв на бой оказался страшным искусством. Трагедию города творили большевики, но и искуситель в ней виновен.

Александр Петрович оказался отнюдь не гаммельским крысоливом: не город призвал его очистить себя от большевизма, а Перхуров не пытался увести беду из самого города. Напротив — сделал ярославские храмы и фабрики, особняки и лачуги, улицы и площади ареной битвы, а многие десятки тысяч жителей его центра — заложниками. Он не только не увел ярославских детей из обманувшего его ожидания Ярославля, но оставил поверивших ему и пошедших за ним людей на произвол судьбы.

Оставляя город, Перхуров еще мог уповать на Пророчество. Е. А. Ермолин и В. Н. Козляков отмечали, что до подавления ярославского восстания прецедентов такой слепой жестокости не было — это уже после лета 1918-го в России безжалостность большевиков стала очевидной. В ту ночь на 17 июля он не мог знать о приказе, полученном накануне Геккером из Москвы: «Белогвардейское восстание [в] Ярославле должно быть подавлено беспощадными мерами. Пленных расстреливать; ничто не должно останавливать или замедлять суровой кары народной... Наркомвоен Юренев» (ЯВ. 1918. С. 134).

В жертву были принесены и те, которые не считали власть Советов вражеской, и те, которые готовы были служить противнику, и те, которые ничего не считали, а просто жили. Последних было большинство...

C. 131 *Я лично знала генерала Карпова и его семью. Он не был строевым командиром, а, кажется, был генералом, как тогда называлось, от инфантерии.* — Мемуарист ошибается: во-первых, инфантария (*устар.*, *итал.* *infanteria*, от *infante* — юноша, пехотинец) — название пехоты в ряде зарубежных государств. В России оно также нередко применялось в официальных документах наравне с термином пехота. Во-вторых, гене-

рал от инfanterии — в 1796–1917 высший генеральский чин в пехотных войсках (соответствовал II классу «Табели о рангах»), это полный генерал пехоты. По должности мог быть генерал-инспектором пехоты или стрелковой части в войсках, командующим войсками военного округа, руководить крупными воинскими соединениями (корпусом, армией, фронтом). Видимо, Нина Васильевна спутала генерала от инfanterии с генералом интендантской службы.

Петр Петрович Карпов родился в 1866 г. Окончил Московское пехотное юнкерское училище. Служил вольноопределяющимся Невского пехотного полка, подпоручиком в Болховском полку, подполковником и старшим адъютантом штаба Московского военного округа. В показаниях в ЧК В. С. Лопатин писал (ЯВ. 1918. С. 179), что Петр Петрович был знаком ему давно, поскольку был помощником командира 181-го пехотного Остроленского полка, который в 1910 г. сменил в Ярославле фанагорийцев. Позднее, по данным В. Мясникова, Карпов стал командиром этого полка (*Мясников В. Генеральская планида // Золотое кольцо. 1993. 20 апреля. С. 5.*). Ярославские адрес-календари подтверждают, что полковник П. П. Карпов значился в списках этого полка вплоть до начала мировой войны, но не его командиром (остальные занимаемые офицерами должности в этих изданиях не указаны: Справочная книга Ярославской губернии на 1912 год. Отдел 3: Адрес-календарь. С. 14; ...на 1913... С. 13).

С началом I мировой войны — в действующей армии, с июля 1915 года — командиром 183-го пехотного Пултусского полка в чине генерал-майора. Награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. (18.07.1915) за heroизм в боях в Галиции, в которых был тяжело ранен. Позже командовал 4-м пограничным полком в составе Сводной пограничной дивизии. В ноябре 1916 — мае 1917-го в чине генерал-лейтенанта командовал 129-й пехотной дивизией. В мае 1917 года уволен из армии (см.: сайт «Русская армия в I-й мировой войне» <http://grwar.ru/persons/persons.html?id=2091>. Данные Мясникова несколько иные: командующий 17, 46 и 129-й дивизиями на Юго-Западном и Северном фронтах).

C. 131 *...я бывала в их доме. <...> ...видела и самого генерала Карпова, на мой взгляд, уже старика... <...> ...единственный сын, студент Московского политехнического института. ...он женился, и перед самым восстанием у него родился ребенок.* — В документах штаба повстанцев указан возраст генерала — 51 год (для автора воспоминаний, которой в то время и 17 лет не исполнилось, — бесспорно, стариk!), и домашний адрес: Дворянская ул., д. 30, кв. 7 (ЯВ. 1918. С. 50).

Карпов был женат дважды. Сын Петра Петровича от первого брака, Иван Карпов, после учебы в Ярославском реальном училище продолжал образование в Петроградском политехническом институте им. Петра Великого (*Мясников В. Генеральская планида...*), а Московский институт был технологическим.

C. 136 *Был ли генерал Карпов активным организатором восстания? Думаю, едва ли.* — Процитируем опять показания В. С. Лопатина: «...во главе штаба явился совершенно до мятежа не причастный к военной организации, по его словам, которым я привык верить, генерал Петр Петрович Карпов, попавший как “кур во щи” в это дело» (ЯВ. 1918. С. 179). Как свидетельствуют остальные материалы сборника, генерал организатором выступления не был, но цели и идеи, безусловно, разделял и заменил Перхурова для продолжения сопротивления, и лишь потом уже смирился с неизбежностью сдачи города. Исследователь В. Мясников также пишет о непричастности генерала ни к «Союзу за-

щиты Родины и Свободы», ни к организации мятежа. Но в первый же день восстания Карпов был назначен главой комитета самообороны и все дни восстания руководил поддержанием порядка в городе: работой переправы, функционированием водопровода, борьбой с мародерством.

Кстати, в цитате очень распространенная ошибка: известная идиома на самом деле звучит «кур в оцип».

С. 136

…на шестнадцатый день восстания стрельба в городе прекратилась. Первыми на улицах появились грузовики с немецкими военнопленными, что лишний раз подтверждало их активное участие в подавлении восстания. — 22 июля 1918 г. лейтенант Балк представил в германское посольство отчет о событиях в Ярославле, выдержки из которого были впервые опубликованы Ю. Г. Фельштинским (Барон Карл фон Ботмер. С графом Мирбахом в Москве: Дневниковые записи и документы за период с 19 апреля по 22 октября 1918 г. / Под ред. д. ист. н. Ю. Г. Фельштинского. М., 2004). Приведем этот документ:

«Третьего июля прибыл транспорт с немецкими военнопленными в составе около 1 000 человек из Уфы. Вместе с военнопленными, присоединившимися в пути, а также вместе с прочими невоенными транспортами степень загрузки лагеря, находящегося в ведении немецкой комиссии, в этот день увеличилась с нескольких сотен до 1 500 человек. Было предпринято все возможное для обеспечения отправки этого транспорта. Вечером 5 июля было получено разрешение русских властей на его отправку. Предполагалось, что 6 июля лагерь будет полностью разгружен.

В 4 часа утра 6 июля в Ярославле была насилиственно свергнута русская советская власть, и город перешел в руки вооруженной власти, провозгласившей себя как Ярославское отделение Северной Добровольческой армии. Этой вооруженной власти удалось закрепиться в центре города, тогда как правительственные войска (Красная армия) отошли в пригороды и заняли там временные оборонительные позиции. Уже в ночь на 7 июля Красная армия перешла в наступление и начала интенсивный обстрел города. Названный лагерь находился в зоне боевых действий [его бараки были расположены за Городским валом в сторону Леонтьевского кладбища], однако пока что мало пострадал от обстрела. 7 июля бои постепенно переместились в район лагеря. Вечером 6 июля в лагерь верхом прибыл некто полковник Ташинцкий, на которого штабом Ярославского отделения Северной Добровольческой армии было возложено санитарное обеспечение города [установить, о ком идет речь, не удалось; возможно, в ЯВ. 1918 это полковник П. Тунашенский]. Он попросил доложить ему о положении военнопленных и пообещал сделать немедленно необходимые распоряжения относительно продснабжения лагеря.

К полудню 7 июля, когда лагерь уже находился под сильным обстрелом, названный полковник снова прибыл в лагерь и заявил руководству немецкой комиссии, что немецкие военнопленные должны теперь активно включиться в боевые действия, а именно против Красной армии. Он не говорил прямо, однако дал понять, что в случае отказа лагерь, во-первых, не получит продовольствия и, во-вторых, будет взят под артобстрел; что, далее, в этом случае будут приняты меры даже против попыток побега из лагеря, поскольку территория лагеря может простреливаться пулеметным огнем. Ташинцкий приказал выстроить все подразделения военнопленных лагеря и обратился к

ним с соответствующей продолжительной речью с различными обещаниями и с выше-названными угрозами.

Руководством Ташинцкому на это был дан уклончивый ответ с целью выиграть время. Этот ответ на первое время удовлетворил его. Он покинул лагерь, заявив, что во второй половине дня он доставит оружие.

8 июля лагерь находился под сильным обстрелом. Вблизи лагеря начались пожары. Около 7 часов пожар перекинулся в лагерь, и лагерь нужно было эвакуировать. С величайшим трудом, в постоянной смертельной опасности, спасательной команде под командованием состоящего в штате комиссии фельдфебеля Шмидта и унтер-офицера Мункельта удалось спасти наиболее ценные вещи и переправить их в город. Все обитатели лагеря, — военнопленные, гражданские пленные с женщинами и детьми, в том числе венгры, австрийцы, поляки, а также военнослужащие Красной армии, укрывшиеся в лагере — все они к 8 часам вечера под вооруженным конвоем были переправлены из зоны лагеря, обороны которого стала невозможной, в черту города.

Поскольку со стороны конвойных команд не было предпринято ничего для размещения такого большого числа людей на новом месте, а также для защиты их от непрерывного артобстрела, не говоря уже об обеспечении продовольствием, руководитель комиссии направился в штаб восставших, чтобы позаботиться о самом необходимом. В этом штабе он был арестован и находился под арестом в течение девяти дней [по свидетельствам очевидцев, в здании Госбанка].

Между тем пленные из лагеря были размещены в здании городского театра и сдерживались там под сильной охраной. Обращение с ними со стороны охранных команд было возмутительное, кормили пленных так скучно, что у них возникли тяжелые заболевания. Всякое снабжение пленных было затем прекращено. И если удалось сохранить жизнь всем этим заболевшим, то только благодаря самоотверженности и мужеству нескольких человек, которые, несмотря на опасность быть схваченными и расстрелянными повстанцами, направились в город, чтобы раздобыть продовольствие. Уже 10 июля в результате обстрела во всем городе был выведен из строя городской водопровод, а берег Волги, начиная с 11 июля, держался под столь сильным обстрелом Красной армии, что набирать там воду стало невозможно даже с наступлением темноты. Все попытки доставки воды из реки кончались неудачей как для военнопленных, так и для жителей города и для самих восставших. Приходилось довольствоваться лишь дождевой водой, собираемой во всевозможные емкости. Даже из водосточных канав и луж приходилось собирать последнюю воду с помощью ложек.

Обстрел города из легких и тяжелых арторудий Красной армии и непрерывный стрелковый и пулеметный огонь усиливался. Из-за нехватки воды быстро распространялись пожары, которые уничтожали целые городские кварталы. Что не сгорело, уничтожалось артиллерией. Городской театр от артобстрела не пострадал — видимо, потому, что Красной армии было известно о размещении там лагеря военнопленных. Но все же не удалось избежать серьезных разрушений и в нем, в том числе и от прямых попаданий. Было несколько убитых и немало раненых.

Сгорело больше половины города, остальная его часть лежала в руинах. Положение города становилось все более отчаянным. Становилось ясным, что если город не попадет в руки какой-нибудь из сторон, то там может быть уничтожено все живое.

Стали обдумывать возможность вывести пленных куда-нибудь из города, делались самые немыслимые попытки в этом отношении. И все же нельзя было избежать человеческих жертв. Руководство комиссии мучительно искало какой-нибудь выход из положения. Под ее ответственностью было 1500 человек, и их нужно было вывести из этого ада ненависти, огня и всяческих опасностей. Все это время было ясно, что безответственно вовлекать этих людей в какую-либо авантюру, исход которой представлялся сомнительным. А пока что здание театра давало хоть какую-то защиту, и прокормить людей все еще можно было, хотя бы в той степени, чтобы поддержать их жизнь.

Так как военный успех не сопутствовал Северной армии и так как соотношение сил с каждым днем менялось в пользу осаждавших город частей Красной армии, то штаб мятежников стал в корне менять свое отношение к военнопленным лагеря. 16 июля руководитель комиссии был выпущен на свободу, были учтены некоторые неотложные пожелания лагеря в части продснабжения и снабжения другим необходимым для жизни. Одновременно штаб мятежников обратился к немецкой комиссии с просьбой предоставить в его распоряжение около 250 добровольцев из числа военнопленных, которые стали бы воевать против Красной армии на тех же условиях довольствия, что и остальные части мятежников, т. е. под началом этого штаба.

Поскольку военнопленные все еще находились во власти мятежников и с этой стороны на основании своего богатого опыта могли опасаться самого худшего, то мятежникам не было дано окончательного ответа или однозначного отказа. Прежде всего, лагерь испросил у штаба достаточное количество продовольствия, для того чтобы люди могли хоть как-то восстановиться физически. Для этого потребовалось бы примерно 5–10 дней.

20 июля штаб восставших предложил заявить о своей готовности сдаться немецкой комиссии. Так как штаб еще 8 июля официально заявил комиссии, что Северная армия находится в состоянии войны с Германией, руководитель немецкой комиссии, как старший по воинскому званию среди подданных Германии в лагере, счел себя вправе и даже вынужденным принять такую сдачу в плен.

Тактическое и военное разоружение и пленение противника после тщательного обсуждения было возложено на лейтенанта Мюллера. По окончании всех военных приготовлений штабу было заявлено, что немецкая комиссия принимает факт сложения оружия. 21 июля в 2 часа утра штаб заявил о своей сдаче в плен немецкой комиссии, после чего началось его разоружение.

До сих пор не представлялось возможным связаться с Красной армией. Было также, по меньшей мере, сомнительным, признают ли и выполняют ли подчиненные штабу части саму операцию сдачи оружия. Кроме того, не было четкого представления и о настроениях среди населения города. Поэтому комиссия должна была взвесить все возможные варианты и быть готовой к любым неожиданностям, а также предусмотреть вероятность того, что в последующем русская советская власть города сделает комиссии упрек в некоторой формальной некорректности.

Немецкая комиссия ни одной минуты не планировала занять в Ярославле какие-либо объекты или иным образом пойти на политические акции. В продолжение нескольких часов, начиная со сдачи мятежного штаба в плен и до вступления в город частей Красной армии, город фактически находился в руках немецкой комиссии — такое положение оказалось просто неизбежным в возникших конкретных условиях. [Еще

один документ, впервые опубликованный еще в 1920 г. в «Красной книге ВЧК», — обращение германской комиссии к ярославцам 21 июля 1918-го после сдачи штаба, но до входа красных в город, см.: ЯВ. 1918. С. 234.] Со стороны самих советских властей были даже просьбы о целесообразности временной передачи исполнительной власти в городе в руки немецкой комиссии.

Подобные просьбы поступали с различных сторон, в частности от представителей граждан города, предложивших немецкой комиссии наличность своей городской кассы в размере 60 миллионов рублей на том основании, что в руках немецкой комиссии эти деньги будут в наибольшей сохранности. В течение второй половины дня город постепенно переходил в руки советской власти.

Вечером по требованию штаба Красной армии все отбитое у мятежников оружие и сам плененный штаб Ярославского отделения Северной Добровольческой армии были переданы Красной армии. 1500 немецких пленных были оставлены пока в черте города в здании театра. Необходимо в наиболее короткий срок отправить их на родину после всего перенесенного ими здесь.

Бальк, лейтенант запаса,
руководитель немецкой комиссии»

(цит. по: <http://www.ruslib.com/history/felshtinsky/botmer.txt>; см. также: Ермолин Евгений. Комиссия Балка // Северный край. 2007. 6 июля (№118)).

Совершенно неожиданные сведения о Балке мы обнаружили в недавней (26.09.2006) публикации на сайте «Русская линия» статьи «Интернациональный долг» в Гражданской войне: Об «интервенции Антанты», «немецком влиянии» и «большевистском патриотизме» (<http://www.rusk.ru/st.php?idar=421805>). В ней Василий Жанович Цветков (главный редактор альманаха «Белая гвардия») пишет:

«...Еще одним красноречивым фактом поддержки немцами большевиков явилось участие немецких офицеров в подавлении Ярославского восстания в июле 1918 года. Известно, что ярославские повстанцы во главе с генералом П. П. Карповым, понимая всю опасность продолжения сопротивления для населения Ярославля, беспощадно обстреливаемого большевиками, сдались 21 июля Германской комиссии военнопленных № 4, во главе с обер-лейтенантом Балком. В обращении “Гражданскому населению города Ярославля”, подписанном им, заявлялось, что “Комиссия передаст штаб в качестве военнопленных Германской Империи своему непосредственному начальству в Москве, где дано будет все дальнейшее” (Красная книга ВЧК. М., 1920. Т. 1. С. 106). Что означала туманная формулировка «где дано будет все дальнейшее», стало ясно уже на следующий день. Балк и не собирался выполнять свое обещание и выдал весь штаб повстанцев и большинство рядовых участников советскому Чрезвычайному штабу Ярославского фронта.

Вот как описывает свое участие в “русской смуте” сам Балк в интервью русской эмигрантской газете “Возрождение” (№ 1574, 23 сентября 1929 года, — сохранена орфография первоисточника):

...Я Россию знаю хорошо. Работал в ней три года. Нас было человек двадцать. Одни были “взяты в плен”, другие — пробрались иными способами. Я сам — через Финляндию. Все владели языком: многие жили в России до войны и все прошли повторный практический курс перед командировкой. Натаскивали не в одном языке: — я, наверное

знал наизусть планы и названия улиц нескольких городов, где должен был работать. Учили и другим вещам. Последнюю проверку мне делал и давал мне наставления сам Бауэр (офицер разведотдела германского Генерального штаба. — В. Ц.). По его же распоряжению, по прибытии в Россию, я поступил в непосредственное ведение нашего агента (майора) Титца (автор интервью Н. Мазинг убежден, что Титц — будущий «красный маршал», первый кавалер ордена Красного Знамени — В. К. Блюхер; но подобное утверждение вряд ли правомерно, скорее всего Титц и Блюхер разные люди, что не отрицает факта непосредственного участия германских резидентов в «русской смуте». — В. Ц.)..

...После октябряской революции некоторое время я был в комендатуре Смольного, под фамилией бывшего корнета Василевского. Титц же в дни переворота находился в Москве и там наладил обстрел Кремля, — он артиллерист. Потом мне пришлось с ним работать вместе: мы усмиряли Ярославское восстание. Он лично руководил орудийным огнем, я командовал батареей. Солдаты были исключительно мадьяры из отряда сформированного им еще летом 1917 года на Волге (скорее всего, не только венгры — «мадьяры», но и китайцы, и немцы — достаточно взглянуть па представленные фотографии, солдаты и командиры 1-го Революционного полка Красной Варшавы сводный интернациональный отряд В. Фильяновича. — В. Ц.). Немало колоколен удалось сбить (о сожженных жилых кварталах, конечно, лучше не вспоминать. — В. Ц.)! Похващаюсь: не будь нашей организации, еще неизвестно во что бы обернулось дело!..»

Комментировать этот текст сложно, в статье вообще больше патриотического кликушества, чем истории. Отметим фактические ошибки этого автора «работ по истории Гражданской войны, Белого движения и Российского зарубежья» — так позиционируется он в http://www.nivestnik.ru/2002_2/avtors.shtml — в фактографии восстания, хотя читателю, думается, они очевидны: повстанцы сдавались Балку уже без генерала Карпова; Балк (он был просто лейтенантом, а не обер-) не мог командовать батареей красных, ибо сидел у повстанцев под арестом.

Автор уже упоминавшейся монографии «Пламя над Волгой» Р. В. Балашов в 1993 г. опубликовал в газете «Золотое кольцо» сведения, которые, по его словам, не вошли в издание 1984 года по идеологическим соображениям. Цикл его публикаций под названием «Жестокость» (тогда, в 1990-е, автор писал уже, конечно, о жестокости красных) содержит текст телеграммы известного большевика К. Б. Радека, работавшего в Наркомате иностранных дел и отправленного в Ярославль улаживать конфликтную ситуацию, возникшую вокруг сдачи членами немецкой миссии перхуровцев победителям. В отправленной из Ярославля на имя Л. Д. Троцкого и Г. В. Чicherina телеграмме Радек писал: «Конфликт с германцами был результатом мальчишества немецкого офицера и недопустимой уступчивости Гузарского, который согласился на то, чтобы немцы сдали белогвардейцев только после запроса у немецкого посольства в Москве. Теперь конфликт уложен. Белогвардейцы в наших руках. Германцы сдают оружие и снимают свои караулы». Цит. по: Балашов Р. Жестокость: К 75-летию Ярославского восстания // Золотое кольцо. 1993. 8 июля. С. 4.

В ноте от 24 июля 1918 г., направленной в МИД Германии правительством РСФСР, было прямо сказано, что «лишь сдержанность и осторожность русских правительственные войск избавила Германскую комиссию от роковой судьбы, т. к. в боях против мятечников правительственные войска легко могли убить и членов Германской комиссии,

ставших на сторону мятежников». См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 408. (выделено авт. примечаний).

В противовес бытующим представлениям о том, что, дескать, Гузарскому достаточно было «обматерить», «прикрикнуть» на лейтенанта Балка, чтобы он отдал штаб в руки красноармейцев, на основании этих документов поведение Балка предстает в несколько ином свете: он был вынужден подчиниться не столько давлению большевиков, но прямому указанию посольства Германии — своего прямого руководства.

Что касается мнения автора воспоминаний, что Балк и немецкая миссия выступали на стороне большевиков, повторим еще раз: немцы к подавлению восстания ни в коей мере непричастны. Такое впечатление могло сложиться у Нины Васильевны в силу того, что сразу после прекращения сопротивления на улицах появились германские войска. На несколько часов город как бы оказался оккупирован Германией: немецкая миссия на какое-то время являлась единственной властью и контролировала ситуацию в Ярославле до входа красных войск — стало быть, могла восприниматься обывателями и арестовавшей белогвардейцев, и ликвидировавшей мятеж, что и вызвало высказанное мемуаристом впечатление, которое совершенно неверно.

С. 136

...на улицы притихшего города ворвались толпы неорганизованных, разъяренных красноармейцев... <...> Безудержная расправа над мнимыми и действительными участниками восстания продолжалась... валялись трупы расстрелянных. — Действительно, описания фактов бессудных расправ над ярославцами, имевших место сразу же после вхождения большевистских отрядов в центр города, в ряде воспоминаний присутствуют. И логика ситуации — кровавой, озлобленной и непримиримой — подсказывает, что так и было. Другое дело, что навряд ли эти случаи имели массовый характер: несмотря на постоянные призывы беспощадной борьбы с контрреволюцией и частые случаи употребления слова «расстрелять», представители большевистской власти старались контролировать и фиксировать факты применения смертной казни (как тогда говорили — высшей формы революционной защиты). Об этих убийствах, которым была придана принятая тогда форма законности, см. ниже.

Жертвы таких расстрелов-самосудов, описанных Н. В. Калининой, как и убитых во время боев, отпевали и хоронили внутри церковных оград любого из городских храмов на протяжении всех дней вооруженных столкновений и в первое время после подавления мятежа (еще 12 июля 1918 г. заведующий санитарной частью штаба Северной Добровольческой армии врач С. Д. Крылов обратился к жителям с просьбой оказывать помощь в уборке трупов и захоронении их — ЯВ. 1918. С. 40).

В метрических книгах церквей города Ярославля и окрестных сел зафиксировано 253 записи о захоронении лиц, умерших насильственной смертью в указанный период (варианты записей о причинах смерти разные: от лаконичного «убит» до «от поранение из огнестрельного орудия», «убита разрывной пулой во время междуусобной войны», «убит в бою» и др.). Но, к сожалению, установить по метрикам, кто из них погиб в бою, а кого убили вошедшие в город красноармейцы, невозможно.

После занятия города красными для сбора и захоронения тел в Ярославле работал так называемый отряд «Помощь пострадавшим» городского санитарно-эпидемического подотдела. С 22 июля по 5 августа члены отряда тщательно прочесывали кварталы разрушенного города, выезжали по сигналам жителей, собрав в результате 139 трупов. По-

давляющее большинство их не было идентифицировано, опознанных всего несколько, среди них – Суворов и Закгейм. Захоронены обнаруженные тела были на Леонтьевском кладбище в четырех братских могилах. (ГАЯО, ф. Р-3456, оп. 1, д. 18, л. 1–14).

Наверняка, убитые в первые часы после занятия города красноармейцами могли попасть и в первые, и во вторые списки. Подробнее об этом вопросе, а также о возможности подсчета количества погибших во время июльских событий в Ярославле см.: *Данилов А. Ю. К вопросу о численности человеческих жертв при подавлении ярославского мятежа 1918 года // Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию Ярославского Государственного университета им. П. Г. Демидова. 30–31 октября 2003 года. Ярославль, 2003. С. 163–167.*

Остается сожалеть, что автор воспоминаний не назвала имени знакомой, брата которой расстреляли на их глазах – велика вероятность его нахождения в метриках или списках отряда «Помощь пострадавшим».

C. 137 *…разрушенного бомбами и сожженного огнем здания военного госпиталя…* — Он был развернут с началом I Мировой войны в военном лазарете на Большой Рождественской ул. севернее Никольских казарм. Здание, полностью выгоревшее, восстанавливать уже не стали. А казармы отремонтировали и переименовали: «имени Нахимсона».

C. 138 *…перед строем красноармейцев появилась фигура лейтенанта Балка, высокого, сухопарого немца. Он был в состоянии ярости, что-то кричал, в его руке еще дымился только что разряженный пистолет. Очевидно, он играл одну из выдающихся ролей в происходившей расправе и пользовался неограниченной властью.* — Решающее и спасительное вмешательство лейтенанта вполне могло иметь место: в первые часы после капитуляции штаба восставших город оказался в руках вооруженных германцев, но власть их кончилась очень быстро.

Остается только поразиться парадоксам человеческого восприятия: именно на Балка, человека реально спасшего Нину Васильевну и остальных женщин, ею возложена ответственность за трагедию.

Сопоставим воспоминания Н. В. Калининой с показаниями на допросе в Московской ЧК активной участницы восстания актрисы В. Н. Барковской: «Первый раз увидела Гузарского при перекличке пленных в театре, когда он был очень резок, очень бросался в глаза, действовал как диктатор, не считаясь ни с кем, даже с присутствующим лейтенантом Балком, на которого все время прикрикивал». (ЯВ. 1918. С. 150). По дальнейшим показаниям Барковской, Гузарский вместе с пленными членами штаба Перхурова переместился на Всполье. Поведение Гузарского в театре очень совпадает с поведением «высокого сухопарого немца» на станции. Хотя маловероятно, что Нина Васильевна могла перепутать эти две личности — акцент, одежда подсказали ей, что это немец. Но и тогда поведение Балка объяснимо, но, скорее всего, было просто неправильно интерпретировано Калининой — совокупность действий Балка подсказывает, что если он и «был в состоянии ярости, что-то кричал, в его руках еще дымился только что разряженный пистолет», то не для того, чтобы уничтожить плененных красными. Скорее, наоборот, — он пытался хоть как-то защитить людей от красного террора, не позволить расстреливать их.

C. 138 *…О том, что творилось позади нас на станции Всполье, можно было только догадываться: слышны были ружейные залпы. Сколько было жертв, скольким удалось*

спастись, этого не знал никто, да и едва ли кто-либо узнает... — Расстрелы у станции Всполье начались утром 22 июля 1918 года, и первыми их жертвами стали члены бывшего штаба Перхурова, привезенные сюда сразу же после их передачи немецкой миссией в Волковском театре (по данным Г. И. Петровичева, члены штаба Перхурова появились на Всполье «рано утром 22 числа. Ночь была дождливая, и было еще темно» — ЯВ. 1918. С. 461). По воспоминаниям Барковской, всех арестованных членов штаба в количестве 73 человек допрашивали в течение двух с половиной часов, после чего 55 из них тут же, у вагона, были расстреляны. «Красная книга ВЧК» говорит о 57 расстрелянных членах штаба «на месте» ареста (т. е. в театре). Но к помещенным в ней сведениям нужно относиться с осторожностью вследствие наличия большого количества неточностей в описании ярославских событий, выявленных при сопоставлении с другими источниками. Вместе с тем именно описание, помещенное в «Красной книге ВЧК», стало официальным и в дальнейшем воспроизводилось в советских изданиях, посвященных июльским событиям в Ярославле.

Уже 20.07.1918 в Ярославле начала действовать Особая следственная комиссия, созданная по указанию Москвы. В ее состав входили ответственные работники центральной и местной ЧК, местные партийные деятели, а возглавил комиссию начальник иногороднего отдела ВЧК Д. Г. Евсеев. Сохранилась фотография эпизода работы данного репрессивно-следственного учреждения, но приговоры о вынесении высшей меры наказания, как и другая документация, до сих пор не найдены. Есть лишь туманная информация в делах Ярославской губернской ЧК за февраль 1919 г. о перевозке большого количества каких-то секретных документов спецавтобусом в Москву. Вероятно, данные документы могут находиться в делах Всероссийской ЧК, но пока они не введены в научный оборот. Практически наверняка можно сказать, что массовые расстрелы около станции Всполье, о которых упоминают мемуаристы, проводились с санкции Особой следственной комиссии.

По данным, помещенным в сборнике документов «Из истории ВЧК», число расстрелянных Особой следственной комиссией в течение июля 1918 — февраля 1919 г. в Ярославле достигло 350 человек (Из истории ВЧК: Сборник документов. 1917–1922. М., 1958. С. 180–181). С. П. Мельгунов в нашумевшей книге «Красный террор в России» (Берлин, 1923) называл 428 расстрелянных в Ярославле, что практически не расходится с официальными данными чекистов ($350 + 55 = 405$ человек).

Все эти расстрелы проводились на Всполье. Естественно, долгое время об этом молчали, пока в 1990-е годы старожилы не стали признаваться, что при строительстве гаражей у железнодорожного полотна в 1970-е гг. они неоднократно находили человеческие кости.

Но и это еще не все расстрелянные победителями реальные и мнимые участники мятежа. В течение всего периода Гражданской войны велись следствия и выносились приговоры по действиям, связанным с июльскими событиями в Ярославле. Часть работы по разборке этих дел взяли на себя ВЧК и Московская ЧК. К сожалению, у нас нет возможности привести данные о репрессивной деятельности этих учреждений. Зато полностью выявлены и проанализированы протоколы заседаний коллегии Ярославской губернской ЧК, которая, возобновив 18 августа 1918 года заседания своей коллегии, проводила их очень часто: через 2–3 дня. Поражает количество дел, рассматриваемых на каждом засе-

дании коллегии. В среднем за одно собрание 5 сотрудников ЧК, наделенных чрезвычайными полномочиями и правом распоряжаться жизнью людей, рассматривали от 40 до 60 дел!!! Можно представить уровень правосудности подобных расследований!

Всего за период с августа 1918 по март 1922 г. коллегия Ярославской губчека вынесла 91 смертный приговор по отношению к участникам июльских событий в Ярославле. Большинство из этих 91 человек – 64 – было расстреляно в первые месяцы после подавления мятежа. Кстати, эта цифра (64 расстрелянных) может быть несколько увеличена, т. к. очень часто в начале своего существования ЧК не обозначала в протоколах характер преступления приговоренного. В данном случае восполнить пробел частично удается с помощью местных газет («Известия Ярославского совета»), в которых в сентябре-октябре 1918 г. ЧК помещала списки расстрелянных с указанием причины расстрела. Но 23 человека из числа приговоренных коллегией губчека к смертной казни в опубликованных в газетах списках по каким-то причинам отсутствуют, а по протоколам установить обвинение, предъявленное им, возможно лишь косвенно – рядом с фамилией почти всех этих 23 осужденных помещено воинское офицерское звание, что с большой долей вероятности говорит о принадлежности их к той же категории обвиняемых. (Подсчеты произведены по данным: Архив Управления ФСБ по Ярославской области, ф. 22, оп. 2-1, д. 34; оп. 2-2, д. 38; оп. 2-3, д. 33; оп. 2-4, д. 36; оп. 2-5, д. 40; оп. 2-6, д. б/н.; ГАЯО, ф. Р-1431, оп. 1, д. 36, 117; оп. 2, д. 78; оп. 6, д. 3, 6.; Филиал ГАЯО-ЦДНИ, ф. 1, оп. 27, д. 82, 114, 276, 374, 575; Известия Ярославского Губернского исполнительного комитета. 1918–1919 гг.; Еженедельник ВЧК. 1918. № 6).

C. 139 *Говорили (не знаю, точно ли это), будто бы в составе поезда с военнопленными лейтенанту Балку удалось вывезти на Украину наиболее видных участников восстания и спасти их от расправы. <...> ...уже в первый день после подавления восстания немецкие военнопленные из города исчезли. — Уехали немцы из Ярославля только через несколько дней. Удалось ли хоть кому-то спастись в германском эшелоне, неизвестно, но из «наиболее видных участников восстания», как видно из приведенных выше документов Балка, — совершенно точно — никому. И еще по одной причине это маловероятно: восставшие сразу же объявили себя противниками Германии.*

C. 139 *Очевидцы уверяли, что в первый же день сдачи города на откосе набережной Волги лежали в одном белье трупы расстрелянных генерала Карпова и его сына. Не могу утверждать, что так и было, но, по всей видимости... <...> ...был убит вместе с сыном расстрелявшими массами красноармейцев. — Балашов без ссылок на документы пишет, что Карпов якобы бежал из города, позднее «предстал перед советским судом» и понес «заслуженное наказание» (Балашов Р. Пламя над Волгой. Ярославль, 1984. С. 96). Е. А. Ермолин и В. Н. Козляков считают, что генерал Карпов после подавления восстания был арестован и расстрелян в сентябре 1918 г. (ЯВ. 1918. С. 570). Оснований для этого, строго говоря, имеющиеся документы не дают. О том, что 13 сентября генерал был еще жив, весьма косвенно свидетельствуют приведенные выше показания В. С. Лопатина, датированные этим днем, где о Карпове говорится как о еще живом человеке (Там же. С. 179). В. Мясников (Генеральская планида // Золотое кольцо. 1993. 20 апреля. С. 5) пишет о побеге из города и дальнейшей судьбе отца и сына Карповых: «19 июля... генерал Карпов и его сын Иван бежали из Ярославля вверх по Волге на пароходе. В конце концов добрались они до Мологи. Начались скитания по уездам... Но скоро стало тревожно и в*

Мологских лесах. Они перебираются в Петроград и затем переходят финскую границу; позднее также нелегально возвращаются в Россию. Под фамилией Петренко отец и сын служили военспецами в Москве. Попали они в чекистскую облаву случайно. Даже перед смертью не признались в участии в ярославских событиях». Расстреляны и похоронены на Ходынском поле в Москве.

Добавим к рассказу Мясникова, что в Мологский уезд из Ярославля Карпов с сыном направились не случайно — там, недалеко от станции Шестихино, располагалась принадлежавшая Карповым усадьба.

С. 139–140 ...семья Карпова... на следующий день после сдачи города уехали в верховья Волги, в город Рыбинск. Адреса они не оставили. — По данным В. Мясникова, в Рыбинске напротив городского театра на ул. Никитской жил тестя П. Карпова земский врач Роберт Романович Генберг. Видимо, к нему и бежала женская часть семьи Карпова. (Не совсем понятно, отцом какой жены был доктор: вторая жена Карпова — Лилли Леопольдовна Редлих, получается, что Генберг — отец 1-й?).

С. 140 Я не могла забыть нашего Тобика, истощено визжавшего на фоне разгорающегося пожара. Я надеялась, что собачка уцелела и я найду ее среди развалин. <...> Очевидно, Тобик погиб в огне или куда-нибудь сбежал. — В личном фонде И. А. Тихомирова в музее-заповеднике хранится набросок небольшого текста, который, на наш взгляд, страшнее многостраничных перечней июльских утрат Ярославля и их описаний: автор назвал так и ненаписанную статью «Как отразились события 1918 г. на животном мире в Ярославле» (ЯМЗ-26237/8, л. 11–12). Илларион Александрович начал ее с описания «собачьей жизни» в благополучном довоенном городе, когда Городской управе приходилось время от времени возвращаться к вопросам регулирования собачьего населения, вводить налоги на домашних, устраивать отлов бездомных и т. д., и т. п. (эти проблемы отражены в Журналах Городской думы). Но наступил 1918-й:

«...Восстание этого года захватило благодушествовавших ярославских псов совсем неподготовленными к разыгравшимся событиям.

Много их, покинутых на произвол судьбы хозяевами, которым было самим до себя, перебито во время трехнедельной почти беспрерывной перестрелки и обстрела города из Твериц и с насыпи городского участка Рыбинской железной дороги из бронированного поезда.

Не мало их, выбитых из колеи привычной обстановки, смертельно перепуганных и сбитых с толка грохотом пальбы и воплями людей, путаницей происходившего, бросились за город куда глаза глядят и разбежались по окрестным деревням, где большинство и погибло, не найдя приюта и пропитания.

Часть, впрочем небольшая, последовала за бежавшими из города хозяевами и или возвратилась вместе с ними обратно в запустелый город, или пристроилась так или иначе на новых местах.

Значительное количество, особенно цепных собак, — погибло в пламени или задохнулось в дыму пожаров, уничтоживших около пятой части города.

Наконец, из уцелевших немалое количество роздано хозяевами [самими оставшимися без пристанища] их знакомым.

Короче, после взятия города красными в нем не осталось и сороковой доли того количества собак, которое обитало в нем до восстания. Однако и этим жалким остаткам судьба готовила участь не лучшую пережитой их погибшими товарищами».

По всей видимости, сам материал «заставил» автора отказаться от первоначально-го замысла рассказать только об участии животных: на полях рукописи краткие заметки-сюжеты, которые наблюдательный тихомировский взгляд зафиксировал в го-роде и отметил как результат его уничтожения. Например, о «поголовном» женском ку-рении, об отсутствии птиц...

Дальше в рукописи уже о нечеловеческих условиях, в которых оказались «человеки»-ярославцы.

С. 141 *...большие, стаинной кладки каменные здания бывшей Духовной семинарии были разрушены, стены их были изрешечены пулями, в них зияли пробоины от снаря-дов. — В этих двух зданиях на Которосльной набережной (д. 44 — «красный» и 46 — «бело-голубой») сразу после их восстановления разместились факультеты Ярославского пединститута — ныне Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.*

Среди документов городского самоуправления, пытавшегося хоть как-то помочь выживанию ярославцев в окруженному городе, сохранилось заявление комитета погорельцев, нашедших себе на несколько дней кров в стенах семинарии:

«Господину Коменданту города Ярославля.

При Ярославской Духовной Семинарии, в двух ее корпусах, в нижних их помеще-ниях, нашли себе убежище до 800 погорельцев города и лиц, укрывающихся от обстре-ла; в числе их немало детей; преимущественно это бедняки, лишившиеся последнего имущества. Положение многих из них критическое. В главном семинарском корпусе по-горельцы разместились преимущественно в четвертом подвальном этаже, под сводами. Обстановка, вследствие скопления людей в тесном коридоре, создалась угрожающе ан-тигигиеническая. В продовольственном отношении сбежавшиеся погорельцы сначала находились в тяжелом положении: у многих не было ни куска хлеба. Ввиду сего некото-рые лица возбудили вопрос об организации временного Комитета из собравшихся для возможной медицинской и санитарной помощи погорельцам, и в состав Комитета об-щим собранием были избраны инспектор Семинарии Соколов — председателем и Скворцов — секретарем; членами избраны 10 человек. На помощь сорганизовавшемуся Комитету тотчас же пришли Военные Контроль и Артиллерийское Управление, которые снабдили погорельцев хлебом и горячей пищею. Комитет обратился за продовольствен-ною помощью и к Городскому Продов. Комитету и получил от него некоторую долю муки и пшена. Хлеб выпекается и горячая пища приготовляется в Семинарской кухне. Вчера положение погорельцев значительно ухудшилось еще вследствие отсутствия воды. Для улучшения положения погорельцев Комитет полагал бы крайне необходимым разредить массу собравшихся в Семинарии через отведение особого свободного поме-щения в городе, куда бы желающие и могли выйти.

Для погорельцев образована Комитетом возможная, крайне необходимая, меди-цинская и санитарная помощь. Г. Шептицкая и семинарский фельдшер взяли на себя роль сестры и брата милосердия, Петров — санитара; но последней помощи очень недо-статочно при массе людей и неимении медикаментов, тем более что Шептицкая уже и

отказалась, за выходом из Семинарии: нужен врач, который хотя бы временно приходил на помощь. Часть медикаментов дана отделением Красного Креста при Артилл. Управл., но их мало, а уже развиваются холерина и дизентерия у детей.

Кроме того, среди собравшихся в Семинарии, по сведениям Начальника местного района, имеются и подозрительные элементы, нуждающиеся в выяснении личностей. Комитет сделал перепись живущих, с целью равномерного распределения продуктов, но установить личности их, за неимением у многих паспортов и продовольственных карточек, не может. У Комитета, кроме того, много работы и по успокоению погорельцев от паники и по охране имущества, так как появились уже воры и немало украли имущества.

Для погорельцев и прочих, собравшихся в Семинарии, устроено и религиозное утешение: находящийся в числе их о. Ректор Семинарии протоиерей Дороватовский по временам совершают молебны в подвальном коридоре.

Ввиду всего изложенного Комитет просит Вас: 1) состав Комитета утвердить; 2) возбудить ходатайство пред Городскою Управою об отпуске продуктов для погорельцев, чая и сахара; 3) немедленно, для предупреждения эпидемии, приискать в городе помещение, куда бы можно выселить хотя бы часть погорельцев; 4) разрешить употребить имеющиеся в Контроле и Артиллерийском Управл. Остатки продуктов для стола: муки, консервов и пр.; и 5) поручить местной милиции прийти на помощь Комитету выяснением личностей собравшихся в Семинарии, не имеющих паспортов.

Председатель Комитета А. Соколов.

Секретарь Скворцов.

1918 г. 29 июня [12 июля нов. ст.].

Штамп Ярославской городской управы «12 июля 1918 г. № 6».

Резолюция: Городскому голове. В [еревкин]. 12/VII.

Помета: Прошу обратить внимание на подчеркнутый 3-й пункт и поставить возможно скорее в известность комитет Семинарии через меня. Ком. З [нрзб.] К-н Образцов» (ЯВ. 1918. С. 55–57).

В последующие дни, уже после перевода погорельцев, район семинарии подвергся еще и авиационным бомбардировкам...

Заметим, этот сюжет упоминается и Балашовым (С. 84):

«...Измученные женщины направили делегацию к одному из перхуровских заместителей, председателю городской управы В. С. Лопатину за хлебом.

— Нет хлеба, — заявил тот и выгнал женщин.

Вместо хлеба ректор семинарии протоиерей Дороватовский отслужил молебен и объявил голодным людям об отпущении грехов “на случай смерти”...

А ведь в ярославских архивах сохранилось не только обращение, но и решение по нему:

«Гор. управа, обсудив настояще заявление, постановила: Все просьбы комитета утвердить, перевести погорельцев на завод Оловянишникова* по Срубной ул. и (если не хватит места) в Интимный театр (Борисоглебская, 9).

Ввиду невозможности дать подводы для перевоза погорельцев и их имущества к Семинарии, предложить им организовать переход небольшими группами.

Известить о сем кап. Образцова.

Гор. голова В. Лопатин
Член Управы
(подпись) 12 июля 1918

* завод Оловянишникова, как непригодный, — отклонен» (ЯВ. 1918. С. 57).

С. 141 *Надо сказать, что грабежей при захвате города красными частями не было... —* Занятие города красными и в самом деле не сопровождалось массовыми грабежами; в советской литературе отмечались отдельные инциденты, которые связывались с узловиками, отпущенными восставшими из тюрьмы. Кроме того, большевик, губернский комиссар финансов, участник подавления восстания Г. Петровичев, вспоминая о июльских событиях, писал о красноармейцах Московского сводного полка: «При отъезде их из Ярославля, после окончания мятежа, товарищу Громову немало пришлось потратить усилий для задержки у них набранных в городе вещей. Эта часть была, что называется, бельмом на глазу» (Петровичев Г. О днях минувших (Личные воспоминания) // Шестнадцать дней: Материалы по истории ярославского белогвардейского мятежа (6–21 июля 1918 г.) / Под общ. Ред. Н. Г. Пальгунова и О. И. Розановой. Ярославль, 1924. С. 129 — на наш взгляд, эти подробные мемуары губернского комиссара финансов (С. 88–131 указанного издания, или в сокращении, но по не редактированной Истпартом машинописи, в ЯВ. 1918. С. 451–470) — интересный документ того времени).

Иногда можно услышать легенду о китайцах, которые грабили горожан и насиловали горожанок — вряд ли она имеет хоть какую-то реальную основу. В документах ЧК фигурирует один китаец, расстрелянный за грабежи и кражи на станции Урочь. Правда, в 1920 году.

Кроме того, китайские рабочие строили в 1916–1917 годах железную дорогу в районе Данилова и, вполне возможно, были использованы большевиками в качестве «пуничного мяса».

С. 150 *...уничтожив целый город...* — это не гипербола, даже через 4 года большевики статью о последствиях июльских событий для города назвали «Разрушенный Ярославль» (На перевале. 1922. № 21. С. 22–23), но обвинили в этом, конечно, своих противников. Вот описания Ярославля, вернее, того, что от него осталось:

«Былого, красивого Ярославля более нет. Нельзя сказать: нет Ильинской улицы или погибла в огне Владимирская улица. Нужно сказать: погибло все, кроме куска центра и вокзальной части города... Торчат одинокие трубы домов, куски кирпичных закопченных стен, остатки обгорелых деревьев...»;

«Цветущего, красивого города не существует... нет почти ни одного дома, не пострадавшего от обстрела — большинство их разбито, разрушено или выгорело; выгорели и разрушены целые кварталы и представляют из себя груды развалин. На этом пепелище одиноко бродят поваленные из подвалов обыватели и из груды мусора вытаскивают каким-то чудом уцелевшие домашние вещи» и т. д. ... (Цит. по: Очерки истории Ярославского края. Ярославль, 1974. С. 202–203; История Ярославского края. Ярославль, 2000. С. 263–264).

Заметим, что, несмотря на тяжелейшее положение в стране, большевики предприняли экстраординарные меры для помощи разоренному ими городу. Насколько она оказалась действенной, можно видеть из окончания уже цитированного наброска статьи И. А. Тихомирова об участии ярославских собак:

«Число жилых помещений в городе после пожаров и бомбардировок сократилось, по крайней мере, на четверть, если не на треть. На месте жилых домов во второй и четвертой частях города возвышались лишь печи и трубы или разбитые, изрешеченные развалины без окон и дверей, совсем негодные для обитания. Настал т[ак] называемый «квартирный голод», следствием которого явилось уплотнение квартир, т. е. попросту неимоверное переполнение домов жильцами. Жильцов сажали даже в проходные комнаты; тот кто пользовался раньше тремя-четырьмя комнатами, был принужден довольствоваться одной — в остальные помещали семьи других жильцов. Скученность получилась — невозможная, условия жизни — нестерпимыми. В одной кухне готовило три-пять семей, одним сараем [пользовалось] — еще большее число. При таких условиях заботиться не только о собаках, но и о детях было невозможно. И если «собачья жизнь» и раньше служила олицетворением самого пакостного, «последнего» существования, то теперь она превратилась в одно сплошное мучение и страдание.

Запрещение свободной торговли завершило дело. Все товары с рынка исчезли, цены на них поднялись до умопомрачения, но и за такие цены купить можно было лишь при особых знании и умении, при близком знакомстве и связях. Довольствие, отпускавшееся властями в смехотворно крошечных количествах и дурного качества. Ели дуранду низшего сорта («подметки»), лебеду, очистки и прочие отбросы. Не только хлеб, но и картофель составлял предмет страстных мечтаний и вожделений» (ЯМЗ-26237/8, л. 11 об.-12).

Н. С. Землянская, А. М. Рутман

**ХОЗЯЕВА
«ДОМА ИВАНОВЫХ»**

Старинный дом № 4 на улице Чайковского — на противоположной от церкви Николы Мокрого стороне близ перекрестка с Большой Октябрьской — знаком не только многим ярославцам, но и туристам.

Свою известность он приобрел еще в самом начале XX века благодаря трудам замечательного гражданина Ярославля И. А. Тихомирова. Тогда Ярославская губернская ученая архивная комиссия (ЯГУАК), бессменным сотрудником которой был Илларион Александрович, обратилась в Городскую думу с предложением приобрести дом как памятник русской гражданской архитектуры XVII–XVIII вв. Строительная комиссия Городской управы во главе с ее председателем князем П. Урусовым и городовым архитектором А. Никифоровым в 1904 году осмотрели дом, найдя его «прочным, нетронутым, прекрасно сохранившимся». Но Городская дума и в этот раз, и через несколько лет, когда Комиссия вновь подняла вопрос о покупке, отказалась от приобретения из-за его высокой цены — 12 000 рублей¹.

И. А. Тихомиров подробно описал дом в 1913 году:

«Древние гражданские памятники сохранились в Ярославле в очень небольшом числе; из них наиболее интересными являются два дома и две башни. Один из домов находится во дворе владения Ивановых на углу Любимской и Большой Рождественской улицы, близ церкви Николы Мокрого. Это — двухэтажное каменное здание со сводами, разделенное внутренними продольными и по-перечными, взаимно перекрещивающимися стенами на несколько отделений, из которых нижнее, юго-западное, занято обширной палаткою с железными дверями или, точнее, воротами.

Прежних внутренних украшений и вообще отделки не сохранилось, часть свода даже выломана. Наружные украшения состоят из лопаток, кокошников над окнами и настенного подкровельного, довольно сложного городчатого карниза. Кроме того, снаружи на восточной стене, вверху, на отштукатуренной ее части была красочная узорная роспись в духе XVIII века. Крылец не сохранилось, кров-

Дом Иванова (1) на современном плане Ярославля

ля также позднейшая. Между окнами верхнего этажа идет зубчатый («гармоний») поясок заподлицо с гладью стены. Обыкновенно такой поясок ограничивался с верха и низа выступающими из стены валиками и помещался ниже окон. Здесь валиков нет, и поясок выше нижней линии окон. Без тщательного исследования трудно сказать, всегда ли было так, но окна обведены, несомненно, позднейшою штукатурною тягою.

У нижних окон старые наличники представляли четырехугольную раму выступающего из стены валика, в которую втвоялась железная ставня. Крыльцо было с северной стороны и, несомненно, каменное, так как средних лопаток на этой стороне нет. В верхнем этаже около крыльца в западной половине были два маленькие оконца, теперь заложенные. Есть и другие заложенные пролеты, а также и вновь пробитые².

Как «дом Иванова», по фамилии тогдашних владельцев, он и вошел во все многочисленные последующие путеводители и издания, посвященные архитектуре города. Знатоки ярославского зодчества — И. А. Тихомиров, историк градостроительства А. И. Суслов, архитектор В. Ф. Маров, искусствовед Э. Д. Добровольская и др. — дополняя друг друга, сосредоточили все внимание на конструкции, архитек-

турных достоинствах дома, назначении его интерьеров, например: «Нижний полуподвальный этаж — “подклет” — занимался “палатками” — кладовыми для всяких хозяйственных или торговых надобностей. Поперек дома, посередине его, шли сквозные сени; по обеим сторонам их были жилые помещения со сводчатыми перекрытиями. Помещения эти, скорее всего, служили только для парадных приемов, а сами хозяева жили на том же дворе, но в деревянном доме, так как деревянные дома считались для жилья более здоровыми, чем каменные. В фасаде дома характерны карниз и оконные наличники, простые по формам, но хорошо нарисованные и масштабно увязанные с общими размерами дома. Декоративные наличники окон верхних комнат и простые гладкие стены подклета подчеркивают различное функциональное значение двух этажей здания»³.

О первом владельце дома, его заказчике ими высказывалось лишь вполне обоснованное утверждение, что это был купец, «состоятельный человек». Практически ничего не известно и о последующих его обитателях. Древность дома, его архитектура предполагают богатую историю — в этой статье мы попытаемся приоткрыть завесу вековой давности.

КТО ЖЕ МОГ ПОСТРОИТЬ ДОМ У ЕРШОВА РУЧЬЯ?

К середине XVII века вдоль Которосли уже сформировалось городское предместье — бывшие слободы Киселюха и Спасская к этому времени были достаточно густо заселены. Надо сказать несколько слов о второй из этих слобод, где и был построен дом.

Основание слобод Спасской и Богоявленской (она окружала церковь Богоявления и исчезла при перепланировке города в конце XVIII века), в отличие от всех остальных в ярославских предместьях, точно датируется документами: земли, на которых они выросли, были пожалованы Спасо-Преображенскому монастырю великим князем Василием III грамотой от 9 августа 1511 г.

Территория будущей слободы лежала западнее и южнее уже заселенных мест: «по конец посаду на мозжеельнике» по обе стороны от оврага Паутовца «под Никитскою слободой». Ближе к Которосли располагались огородные и выгонные земли посада. Название обустроившейся здесь слободы «Спасская» утвердилось в документах уже к середине XVI века. На ее окраинах были поставлены церкви, известные по грамоте 1606 года как Никольская — на восточной, между Ершовым ручьем и оврагом Паутовцем — подле Киселевой слободы и Пятницкая на сполье — на западной, у Государева луга.

Фрагмент схемы слобод Ярославля XVII в. Церкви: 1 – Пятницы на Всполье, 2 – Владимира на Семике, 3 – Никитская, 4 – Вознесенская, 5 – Николы Мокрого, 6 – Боголовская, 7 – Петра Митрополита, 8 – Димитрия Солунского, 9 – Власьевская, 10 – Богоявления, 11 – Рождества Богородицы. I – Спасо-Преображенский монастырь. Ручьи: а – Ерисов, б – Паутовец.

Северной границей монастырских владений с Никитской слободой стал скотопрогон, а Ершов ручей служил естественной межой между Спасской и Киселюхой на востоке. Спасская слобода вытянулась от ручья на запад на 1,5 км; в ходе заселения внутри нее по всей длине сформировалась Спасская улица, известная по документам с середины XVII века. К этому времени устоялось и название церкви — Николы Мокрого. Двор, на котором построили каменный дом, располагался в историческом ядре Спасских земель, откуда еще в начале XVI века началось их освоение; если он и отделялся от ручья, то одним-двумя другими дворами.

Принадлежность слободы спассским старцам притягивала сюда большое число посадских, «закладывающих» за обитель: люди, числящиеся за монастырями, даже если и жили на посаде, не только не участвовали в выплате общих для города налогов (у них вообще было свое налогообложение), но и освобождались от многих работ на государя, обязательных для посадских. Посад боролся

за их возвращение, а слобода тем временем богатела. Возврат закладчиков в тягло обусловил к середине столетия административное выделение на посаде Спасской сотни, включившей в себя жителей Спасской и Богоявленской слобод. Остальные дворы этой части города входили в Дмитриевскую сотню, границы между ними были те же, что и ранее между посадской и монастырской землей⁴.

Каменное строительство началось на ярославском посаде еще в 1-й половине столетия, и, конечно, с возведения храмов; в этой части города — немногим позже: первой на юго-восточном краю Киселюхи в 1657 году поставили во имя Петра Митрополита небольшую бесстолпную церковь с трапезой. В 1665-м и в Спасской слободе «на средства ярославских купцов Астафия Лузина и Андрея Лемина, посадских людей Федора Выморова и Стефана Тарабаева» началось возведение храма во имя Николая Чудотворца. (Они, скорее всего, были прихожанами еще деревянного храма.) Строительство затянулось: в июне 1672 года освятили главный престол и южный придел, а престол во втором шатровом приделе, северном, был освящен только спустя еще десять лет⁵.

Еще И. А. Тихомиров по результатам своих обследований здания в ходе реставрационных работ в 1920-е годы датировал «дом Иванова» 2-й половиной XVII века, В. Ф. Маров — концом XVII, А. И. Суслов — концом XVII — началом XVIII века⁶. Считается, что первые гражданские каменные постройки появились в Ярославле только после «великого» пожара 1658 года. Что же касается верхней границы, напомним, что Петр Великий, начав создавать свою северную столицу, категорически запретил каменное строительство по всей остальной стране. И хотя строгость наших законов и тогда сочеталась с необязательностью их исполнения, этот запрет позволяет нам полагать, что каменный жилой дом, будущий «Дом Иванова», к началу «осмынадцатого» столетия, скорее всего, уже существовал.

Чтобы определиться с возможным заказчиком дома, необходимо очертить круг состоятельных ярославцев, живших в этот период времени в Никольском приходе Спасской сотни.

Возведение каменных хором было по средствам даже не просто «прожитком добруму» жителю, что бесспорно, а очень богатому. Но прийти такая затея в деревянном городе могла в голову только «олигарху» XVII века: с одной стороны, личности с амбициями, осознающей свое значение, а следовательно, внутренне достаточно независимой, что в Московском государстве было качеством не частым. С другой стороны, деловая репутация и богатство его должны были быть и посадским «миром», и Москвой уже приняты: это, скорее всего, не только что выбившийся в «лучшие» посадский тяглец, а признанный властью потомствен-

ный купец, состоящий в привилегированной гостиной сотне, или даже государев гость. Наконец, человек этот должен был уже проявить стремление оставить память о себе «в века» и общепринятыми в то время способами, не жалея для этого ни сил, ни средств. Как и всегда, в XVII веке таких много не было, не случайно на всех ранних планах города жилых каменных зданий так мало.

Наконец, еще один критерий для «выбора претендента» на первоначальное владение домом содержится в официальном документе: в «Паспорте памятника архитектуры “Дом Иванова”» (см. в настоящем издании) со ссылкой на мнение известного историка архитектуры Алексея Алексеевича Тица предполагается, что еще «в первой половине XVII в. ... на месте нынешнего здания [возделенного во второй половине XVII в.] могли существовать “деревянные хоромы на подклете из белого камня”, построенные в 1625–1627 годах, но сгоревшие во время «великого пожара» 1658 года, уничтожившего большую часть города, в том числе и северо-восточный угол Спасской слободы. И хотя смену собственника двора после пожара (и вообще за полвека) исключить нельзя, «выбирать» его в свете этого следует среди живших близ церкви Николы Мокрого «исстари».

Как известно, основным источником для восстановления биографических сведений о наших пращурах являются церковные метрические книги и исповедные росписи. Но Ярославлю здесь очень не повезло: из-за пожаров до нас дошли они только с 1737 года. Другие официальные документы предыдущих периодов опубликованы лишь отрывочно — выстроенная в Российском государстве еще много веков назад вертикаль власти сделала подлинники петровского и еще более раннего времени малодоступными: все они, в основном, сосредоточены в одном хранилище: Российском государственном архиве древних актов (РГАДА).

Тут нельзя не вспомнить с благодарностью И. А. Тихомирова и его соратников по ЯГУАК, опубликовавших «Ярославские писцовые, дозорные и переписные книги XVII в.»⁷ и начавших подготовку к изданию переписных книг 1710-го и 1717-го годов. К сожалению, в копии переписной книги Ярославля 1717 года, хранящейся в ГАЯО в фонде комиссии⁸, данные о Спасской сотне по неизвестной причине отсутствуют полностью.

В выпущенном в свет томе есть переписи посада 1668, 1669 и 1671-го годов, причем по каждому тяглецу-налогоплательщику (а именно для этих целей тогда и «перебирались людишки») указывается, какой вид вооружения — пищаль, бердыш или копье — должен он, в зависимости от достатка, обеспечить войскам Московского государства.

По Спасской сотне записи о «достаточных» жителях за 1668-й и 1669-й годы идентичны: «...во дв. Алексей Обрамов сын Зубчанинов бою 2 пищали [он писан в

Богоявленском приходе];... во дв. Ондрей да Семен Лузины з братями с Ылею да с Михайлом бою 3 пищали»⁹.

1671 год: «...во дв. гостиные сотни Семен Лузин з братями с Ылею да с Михайлом бою у них 4 пищали; во дв. гостиные сотни Клементей Лузин з детми с Ылею да с Ондреем бою 2 пищали; во дв. гостиные сотни Алексей Зубчанинов бою 2 пищали; во дв. гостиные сотни Семен Затрапезново бою 2 пищали»¹⁰; кроме того, среди живущих в Спасской сотне в чужих дворах значатся «...гостиные сотни Игнатей Кислого живет у Алексея Аврамова бою 5 пищалей»¹¹.

Значащийся также в этих переписях сотни первым Василем Дегот с сыновьями («бою 3 пищали») в «список претендентов» на строительство дома нами не был включен: из известной династии ярославских кожевенников Дегтевых (Дехтевых) в Гостиную сотню пожалован никто так и не был; сведений об их храмоздательной или благотворительной деятельности нет; кроме того, в начале следующего века в Спасской сотне нет их потомков.

Указанные в переписи роды в ярославской истории оставили очень заметный след, причем всем возведенным ими храмам повезло — они сохранились до наших дней.

Вне всяких сомнений, заказчиком и владельцем каменного дома мог быть Алексей Авраамов Зубчанинов, оставивший на стене алтаря храма Богоявления Господня надпись, что именно он «сострои сию святую церковь по обещанию своему...» (возводилась с 1684 по 1693 год). В память о нем (умер до 1710 года) оставалась и богадельня, выстроенная им у гостиного двора, в торговых рядах которого Зубчанинов когда-то владел 24 лавками: в Переписных книгах 1717 года значится она под его именем, причем была в городе по числу призреваемых самой большой — 76 человек, и единственная каменная¹².

И все же связать «дом Иванова» с Алексеем Зубчаниновым нельзя: во-первых, владения их рода были в Богоявленской слободке, там жили еще его предки, происходившие из торговых крестьян, закладчиков Спасо-Преображенского монастыря (кстати, Авраамий Зубчанинов был похоронен сыном в обители, что тоже многое говорит о личности Алексея). Во-вторых, двор в Спасской сотне после его смерти оказался в руках простого посадского, что совсем маловероятно для столь дорогого дома¹³. Наконец, он был, по всей видимости, бездетен — никаких указаний на существование у него сыновей или братьев нет. Для кого было строить хоромы?

Следует исключить и Игнатия Кислова, в будущем государева гостя. Он не стал обитателем Спасской слободы — следы его жизни остались в Земляном городе. Там, близ ярославского торга в 1672 году им поставлена была церковь Спаса

на городу, а позднее устроена небольшая богадельня¹⁴. Кроме того, из текста переписи 1671 года не ясно, жил ли он рядом с Никольским храмом или в Богоявленском приходе в родовом дворе Зубчаниновых, наверняка немалом, так как в нем нашлось место еще для одной семьи: «Андрей Солуянов живет у него ж Алексея бою пища»¹⁵.

Не мог быть «застройщиком» каменного дома и Семен Прокофьев Затрапезнов. Судьба его семьи, как и Зубчаниновых, отражает перипетии борьбы посада с закладничеством: «...в 1646 г. он вместе с отцом [Прокофием Затрапезновым] был взят в ярославский посад, а в 1654 г. оказался в гостиной сотне». Дед знаменитых в будущем мануфактурщиков Ивана и Дмитрия Максимовых Затрапезновых хоть и упоминается в гостиной сотне вплоть до 1675 года, однако указаний на какую-либо значительность его торговых операций не известно. Его сыновья Максим и Петр Затрапезновы были пожалованы в гостиную сотню в 1691 году¹⁶.

Позднее, в 1710 году, уже не только у Максима, но и у Петра Затрапезновых в Николо-Мокринском приходе были свои дворы¹⁷. Однако, как и у отца, масштаб их деятельности — в ярославских торговых рядах было несколько лавок — в интересующий нас период возможного строительства дома выдающимся назвать никак нельзя; сведений о благотворительности также не обнаружено. Да и возраст — старшему, Максиму, менее 30 лет! — не позволяет связывать его с домом.

Таким образом, получается, что из упомянутых в документах «состоятельных жителей» Спасской слободы строителями и первыми владельцами дома могли быть представители только клана Лузиных. Потомки первого Николо-Мокринского храмоздателя среди обитателей этого предместья 2-й половины «золотого века» ярославской истории, продолжавшегося и в начале XVIII столетия, выделялись весьма заметно, и не только по достатку (в 1671 году — 6 пищалей).

ЛУЗИНЫ

Первым, по данным Н. Б. Голиковой, в гостиную сотню пожалован был еще в 1634 году Прокофий Осипов Лютов, а в 1646-м — его брат Астафий Осипов, носивший прозвище Луза, и его сыновья, Андрей и Клим Астафьевы Лузины. В 1650-е годы в эту привилегированную купеческую корпорацию вошли еще два сына Астафия: Илья и Михаил, а в 1668-м и Семен, о котором автор пишет: «купцов, которые отвечали бы наиболее высоким требованиям, предъявляемым к членам гостиной сотни, было в этом пополнении [1650–1670 гг.] не так уж много, из них можно назвать... ярославца Семена Лузина»¹⁸.

Где был старший сын Астафия Лузы (его самого к этому времени, по-видимому, в живых уже не было) Клим Астафьев в 1667 году, когда принимался Новоторговый устав царя Алексея Михайловича, — неизвестно. Под Уставом среди «лучших торговых людей» Московского государства стоит подпись второго сына, Андрея. Поскольку в те времена местничеству уделялось важное внимание, отметим, из более чем 60 подписавших «гостиные сотни Андрюшка Лузин руку приложил» 29-м (первыми подписывали, естественно, государевы гости).

В 1675 году Андрей и Семен Астафьевы Лузины одновременно стали гостями¹⁹.

В Ярославле у Семена был не только склад товаров, но и кожевенный промысел. Его торговые операции, их объем и география, соответствовали масштабу самых известных ярославских гостей первой половины столетия — Лыткиных, Скрипиних, Светешниковых, Гурьевых. Например, в 1682 году на Верхотурской таможне был зарегистрирован обоз гостя Семена Лузина, пришедший от Соли Камской. Товар оценивался более чем в 4 500 рублей и включал 85 000 аршин холста, 5 780 аршин сермяжного сукна²⁰. Семен Астафьев активно торговал в Сибири, а после заключения в 1689 году договора с Китаем участвовал вместе с другими гостями в налаживании торговли через Нерчинск. Но для выборов бурмистров от гостей по петровской городской реформе Семен Лузин в 1699-м в Москву из Ярославля уже не приехал, значился «стар и болен»²¹.

Храмоздательная деятельность Семена Лузина, как известно, не ограничилась участием в завершении строительства большого Никольского храма, начатого еще Астафием с соседями. На его, Семена Лузина, средства в 1674–1675 годах он был расписан; известна челобитная царю Алексею Михайловичу ктитора, в которой 3 апреля 1675 года тот просит взятых «для иконного письма» в Ростов мастеров (во главе с великим ярославцем Дмитрием Григорьевым Плехановым) вернуть в Ярославль для завершения работ. Справедливо подчеркивается, что николо-мокринские фрески стали в городе событием: храм вторым, после Николонадеинского, получил стенописную «билию для неграмотных»²².

В 1686-м иждивением братьев Семена и Клима была возведена в честь явления Тихвинской иконы Богоматери теплая церковь прихода; придел Василия Великого в ней был освящен в 1694 году, вероятно, до этого, в конце 1680-х — начале 1690-х, оба храма получили совершенно необычные западные притворы и изразцовое убранство.

Бессспорно, сегодня Николо-Мокринский ансамбль, созданный тщанием Семена Астафьева Лузина и его родных, неотъемлемая часть ярославской храмовой

сокровищницы. Но и тогда, в конце XVII века немолодой уже государев гость вполне мог с гордостью показывать сотрапезникам результат храмоздательных трудов. (Из южных окон каменных палат он был хорошо виден — хоромы явно строились с оглядкой на их взаимное расположение с храмом Николы Мокрого, об этом говорят и особенности декора фасадов дома — это мы обсудим ниже).

Гордиться достигнутым Семен Астафьев, по-видимому, не стеснялся (например, упомянутая челобитная о возврате иконописцев и уважением к своему делу продиктована, и об осознании своего «веса» челобитчиком говорит: ведь фактически он просит отменить решение могущественного митрополита Ионы).

Нынешние туристы восхищаются в церкви Ильи Пророка моленными мечтами. Они — редчайший образец монументальной резьбы по дереву XVII века — из Николо-Мокринского храма (были перенесены в антирелигиозный музей в 1939-м). Еще И. А. Тихомиров, отмечая их роскошь, подчеркивал, что они, тем не менее, вряд ли предназначались для царского и патриаршего богослужения, а соорудили их храмоздатели, скорее всего, для себя и своих семейств²³.

Заметим, что самоуважение и достоинство в религиозном человеке того времени надежнее, чем сегодня защищены были от гордыни верой в неизбежность Божьего суда. Семен Лузин, несомненно, богообоязначен: стенописная картина «Страшного суда» — «одна из самых лучших фресок во всей ярославской живописи XVII века» — занимает, традиционно для ярославской системы росписи, всю западную стену храма Николы Мокрого²⁴.

Еще в перерыве между строительством Николо-Мокринских церквей, в 1678-м, тщанием гостя Семена Лузина сооружен был еще один храм — каменный Владимирской иконы Богоматери на Семике (и также необычный, с весьма редким трехшатровым завершением, в Ярославле — единственный)²⁵.

Если строительство Лузиными Никольской церкви и забота о ее богослужении соответствует храмоздательству Светешниковых, Скрипиных, Гурьевых, Зубчанинова — то есть ктиторству в *своем* приходе (храм как домовый), то возведение Семеном Владимирской церкви на Убогом дому (напомним, что это другое название Семика в Ярославле, а было там в то время всего несколько посадских дворов) является деянием другого порядка. Это через два столетия будут русские промышленники устраивать храмы в тюрьмах, больницах и учебных заведениях. Выше мы упоминали богадельню Зубчанинова, а второй по числу призреваемых — 72 человека, в переписной книге 1717 года указана была в Земляном городе богадельня гостя Семена Астафьева Лузина, к тому времени уже покойного. (По данным Н. Б. Голиковой, он упоминается в документах до 1713 года, однако уже в ярославской переписи 1710-го его имени нет.)

Представляется вполне обоснованным вывод, что *именно государев гость Семен Астафьев Лузин и является «застройщиком» дома*, а время его возведение ограничить 1680-ми — началом 1690-х годов — периодом расцвета торговой деятельности хозяина. Заметим, что в этот же период создавался и другой жилой дом, самое известное нехрамовое здание Ярославля, дошедшее до нас из тех времен: митрополичьи палаты Ионы Сысоевича

Выше мы видели, что Илья и Михаил Лузины жили вместе с братом. Логично предположить, что после его смерти двор в Никольском приходе остался за ними. О Михаиле мы сведений не имеем, а вот Илья и в переписи 1710 года упоминается. В Спасской сотне ему принадлежат 4 двора (еще один в Дмитриевской сотне), еще два кожевенных двора здесь же во владении его сыновей, но живут они оба, Андрей и Дмитрий, во дворе отца, родовом, лузинском, а он, по всей видимости, совсем не мал — значится на нем 13 дворовых людей отца, да еще 5 и 3, соответственно, у сыновей²⁶.

Клим Астафьев Лузин, как мы видели, еще в 1671 году жил отдельно от братьев, в переписи 1710-го в Спасской сотне записан двор его 47-летнего сына Ивана Клементьева, у него, как и у семьи дяди Ильи Астафьева, кожевенный промысел, торгует в Архангельске. В гостиной сотне Иван состоит с 1691 года (брать Илья Клементьев, в переписи не указанный, — с 1698-го). Судя по порядку записей о лузинских дворах в книге, можно предположить, что несколько из них располагались рядом (в том числе, Ильи и Клима Астафьевых), возможно, обраzuя в слободе единый массив²⁷.

Интересны сведения об Илье Астафьеве Лузине, датируемые 1704 годом. Правительство Царя-преобразователя тогда потребовало с гостей и купцов гостиной сотни предоставить «сказки» — налоговые декларации того времени, — указав размеры торга: на сколько тысяч куплено и продано товаров на месте и в отпуск, количество уплаченных пошлин. Надо было «без утайки» сказать, сколько у кого лавок, погребов и других «вотчин», сколько платят оброку с них и «найма себе емлют», сколько долгу на ком и сколько свободных денег, каковы домовые пожитки и, наконец, сколько серебряной посуды в доме. От подачи сказок многие уклонялись, в том числе и ярославец Илья Лузин. Его люди показали, «что хозяин их с 25 мая уехал в Казань. В конце сентября воевода Щербатов, по наказу из Москвы, «для проведения подлинного около двора Ильи Лузина приходских людей спрашивал и у двора ево был, и он, Илья, того числа был в доме своем». Позднее выяснилось, что Лузин никуда не уезжал, а скрывался четыре с лишком месяца»²⁸.

Этот сюжет заставляет вспомнить об одной архитектурной особенности, указанной в Паспорте памятника «дом Ивановых»: «Между основным этажом и

подклетом расположена палатка-тайник с коробовым сводом и сложной конфигурацией в плане. Вход в тайник с каменной лестницей расположен в северной части свода и имеет выход в сени на основном этаже». В отчете о реставрационных работах И. А. Тихомиров писал: «При проектировке и стройке дома строитель его, кажется, имел в виду только себя и потому приспосабливал дом исключительно для своих надобностей... Он сделал обширный, но совершенно темный подвал с выходом только в жилое помещение, а в пазухе подвала такой же тайник»²⁹.

Мы не знаем, прятался ли 60-летний Илья Астафьевич в темном подвале, но что тайник, устроенный еще старшим братом, богачу тех времен был *надобен*, сомнений не вызывает. И не только от татей ночных надо было прятать нажитое — московские правители всегда проявляли небескорыстный интерес к доходам своих «холопей». Вряд ли можно сказать, что служило причиной, а что являлось следствием: скрытие в сказках доходов «олигархами — недобросовестными налогоплательщиками» или алчность кремлевских приказов, но тайники в хоромах гостей не пустовали. Например, при сыске в палатах московских гостей Шустовых «меж сводов под полом» нашли сундук, «а в нем червонных весом 4 пуда 6 фунтов, китайского золота в кусках 7 фунтов 13 золотников, да в гнильях кульках и мешках старых денег 76 пудов 1 фунт»³⁰.

Повторим, серьезной помехой в изучении ярославской истории является отсутствие ранних церковных документов: сведения о николо-мокринских прихожанах доступны нам только с 1737 года. Среди них есть в исповедных росписях девица Пелагея Ильина Лузина, 62 лет, указана она и в 1739-м³¹. Исходя из возраста и отчества, можно предположить, что она дочь Ильи Астафьева. Но живет ли в отеческом дворе, и кому он достался после ее смерти?

В 1761 году в исповедных росписях значатся живущие отдельно друг от друга 59-летний Петр Иванов Лузин (с женой и вдовой сестрой Евдокией) и 56-летний вдовец Михаил Иванов Лузин, детей у них не показано³². По всей видимости, это сыновья Ивана Клементьева, а значит, имели законное право и на отеческий дом и на наследство двоюродной тетки. Воспользовались ли им, сохранили ли за собой дома дедов?..

Когда конкретно и каким образом весьма значительные земле- и домовладения потомков Астафия Лузина перешли в другие руки, выяснить мы не сумели, но после 1760-х годов Лузинов в Николо-Мокринском приходе больше нет. Окончательно.

К этому времени и уже не один десяток лет царит здесь другой род — Затрапезновы.

КТО ИЗ ЗАТРАПЕЗНОВЫХ ЖИЛ В ЛУЗИНСКОМ ДОМЕ

Попытки связать тот или иной ярославский дом с родом Затрапезновых предпринимались не раз, упоминался в том числе и «дом Иванова». Несколько лет назад в своем популярном путеводителе по Ярославлю сделал это и В. И. Жельвис: «Есть предположение, что первым его хозяином был купец гостиной сотни Максим Затрапезнов (1670–1731). Скорее всего, именно этот дом описывается в документах на наследование младшего сына Максима, Дмитрия, как “дом каменный со всяkim палатным и деревянным строением в Ярославле в приходе Николая Чудотворца”. Дмитрий основал рядом с домом “Малую мануфактуру” (ткацкую фабрику). “Большую мануфактуру” на Зеленцовском (Кавардаковском) ручье основал старший сын Максима Иван Затрапезнов...»³³.

Из сказанного выше, надеемся, достаточно ясно, что Максим Семенов Затрапезнов не мог и не был первым хозяином дома.

А ведь жили в этом доме Затрапезновы! Только не те, и не тогда. Чтобы ответить на вопрос, жил ли в нем Дмитрий, *третий из четырех* сыновей Максима, или кто-то еще из клана, придется сначала вернуться в 1-ю четверть XVIII века.

1710 год. Сыновья Семена Затрапезнова, сорокалетний Максим и тридцатипятилетний Петр, каждый в своем дворе, живут в Николо-Мокринском приходе, подчеркнем, одновременно с Лузиными. Уже родились три Максимовича: Андрей (1691), Иван (1695), Дмитрий (1703), четвертый, Гавриил, появится на свет в 1711-м. У Петра Затрапезнова дети рождаются позже, но зато потомки его старшего сына Ивана (род. 1720) в Ярославле не только будут продолжать род до середины следующего столетия, как об этом пишет А. Ф. Грязнов³⁴. Некоторые останутся и близ отчих мест, и в приходе храма, а история лузинского дома, как мы увидим далее, окажется связанной с обеими ветвями рода Затрапезновых, и от Максима, и от Петра Семеновичей.

До сих пор монография Алексея Флегонтовича Грязнова остается самым основательным исследованием и о мануфактуре, и об ее «фундаторах». Хотя за прошедшие почти сто лет наши знания о прошлом пополнились (много медленнее и не в том объеме, чем хотелось бы), и стали видны некоторые несообразности, которые, конечно, есть в труде Грязнова³⁵, мы в этой части нашего «расследования» постоянно будем к нему обращаться. Тем более что автор перемежает свой текст подробно цитируемыми документами³⁶.

Рассказ о начале мануфактур традиционно ведется «от печки» — с напоминания о том, что в 1710 году Петр I направил в Ярославль для организации производства широких полотен пленных шведов-ткачей. А разместили их на

строящемся оружейном дворе. В ярославском краеведении (начиная, пожалуй, с В. И. Лествицына) считается, что эти первые предприятия сгорели в ярославском пожаре 1711 года³⁷.

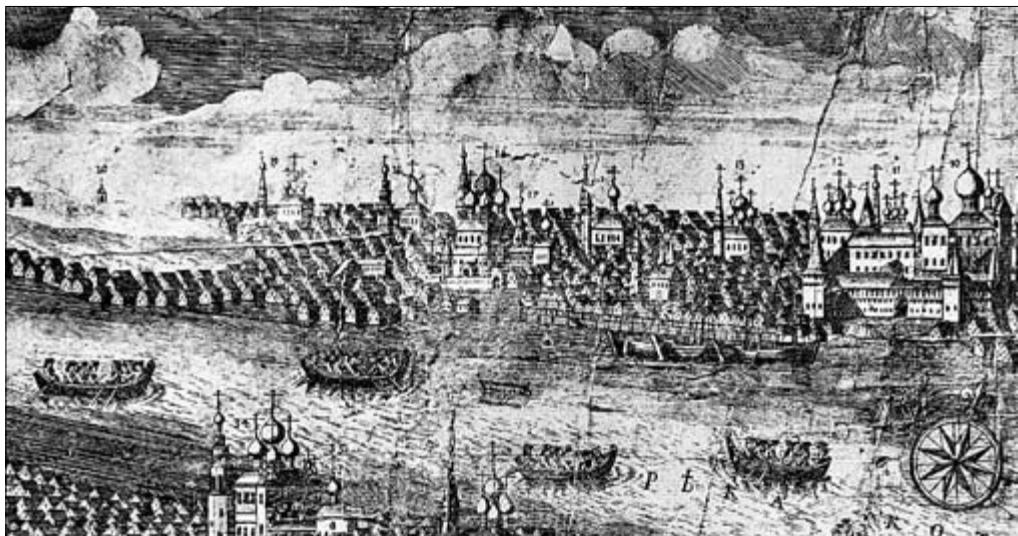
Также почему-то незыблемо в сознании краеведов и представление, что история самого важного предприятия города началась именно за Которослью: в одночасье, чуть ли не в том же 1722 году, там застучали ткацкие станы, появились пруды, выросли корпуса³⁸.

Позволим себе высказать взгляд на начало ярославских мануфактур, отличный от принятого, а его подробное обоснование, чтобы не уходить слишком далеко от нашего дома, отправим в примечания³⁹.

Наладить производство за несколько месяцев на пустом месте у Кавардаковского ручья компаньоны не планировали. Станы ткацкие они предполагали запускать на месте обустроенным. Для того и нужен был бывший оружейный двор, на котором отнюдь несгоревшие его строения стояли «впусте», причем какие-то из них уже были приспособлены под производство полотна. На нем и разместили, на южной окраине Спасской слободы. Так что история ярославской мануфактуры Тамеса и Затрапезновых началась у Николы Мокрого, именно здесь несколько лет и вырабатывалось полотно. Вероятнее, что строительство фабричного комплекса за Которослью началось не раньше выхода Тамеса из дела, то есть уже после 1725 года...

Так или иначе, с 1722 года главным в «торге и промысле» для Максима Затрапезнова и его сыновей стало мануфактурное дело. Появление фабрик, бесспорно, внесло значительные изменения и в жизнь Николо-Мокринского прихода. Оставались ли после этого в своих домах сыновья Ильи и Клима Лузиних и семья Петра Затрапезнова, вполне процветавшие в 1710 году, достоверно мы не знаем, но нет и причин, по которым они должны были бы покинуть свои владения *именно* из-за мануфактуры. Во всяком случае, родовых дворов зажиточных слободских старожилов ее земли не затрагивали, и тем паче, каменного лузинского дома.

По не раз уже названным причинам следующие сведения о ярославцах относятся только к 1737 году. Теперь читать Грязнова можно, сверяясь с метрическими книгами. Уже нет в живых ни Максима, ни Петра Семеновых Затрапезновых. Уже выстроен за Которослью целый комплекс — Иван Максимов Затрапезнов с семьей обосновался там окончательно. Среди прихожан Николы Мокрого находим семьи двух его братьев — Дмитрия и Гаврилы (вместе, в одном дворе), а по соседству вдову дяди Петра Семенова Наталью с женатым сыном Иваном и малолетним Никитой Петровыми⁴⁰.

Вид на слободы левого берега Которосли. Фрагмент гравюры А. Ростовцева. 1731

В 1741 году между братьями Иваном и Дмитрием Максимовичами произошел раздел общего предприятия (Гавриил к этому времени уже, видимо, умер, а Андрей еще раньше вышел из дела, завел свое собственное). Иван получил все закоторосльные владения и производства — отныне они носят название Ярославская Большая мануфактура. Дмитрию отходит «сто ткаческих станов, дом каменный со всяким палатным каменным и деревянным строением в Ярославле в приходе Николая Чудотворца; сверх того приписных 327 душ»⁴¹.

В документе о разделе «фирмы» фигурировать должен, по логике вещей, жилой каменный дом, выстроенный *на фабричной территории*, — вполне возможно, это строение, изображенное на гравюре Алексея Ростовцева 1731 года западнее церквей — о нем пишет В. И. Сафонов в статье, на которую мы уже ссылались. Кстати, в ней автор первым (и единственным), хотя и чисто интуитивно, и не приведя никаких аргументов, предположил, что «дом Иванова» принадлежал не Затрапезновым, а ктиторам Николо-Мокринского храма — Лузинам или Леминым⁴².

Каменные жилые дома у обоих энергичных и успешных сыновей Максима (и, вне всяких сомнений, более амбициозных, чем отец — они-то родились раньше, могли бы стать заказчиками каменных хором), бесспорно, должны были быть: еще до времени раздела фабрик до русских городов докатывается санкт-петербургское примирение с жизнью в каменных домах, остающейся хоть и менее здоровой, чем в деревянных, но ставшей весьма престижной. О господском

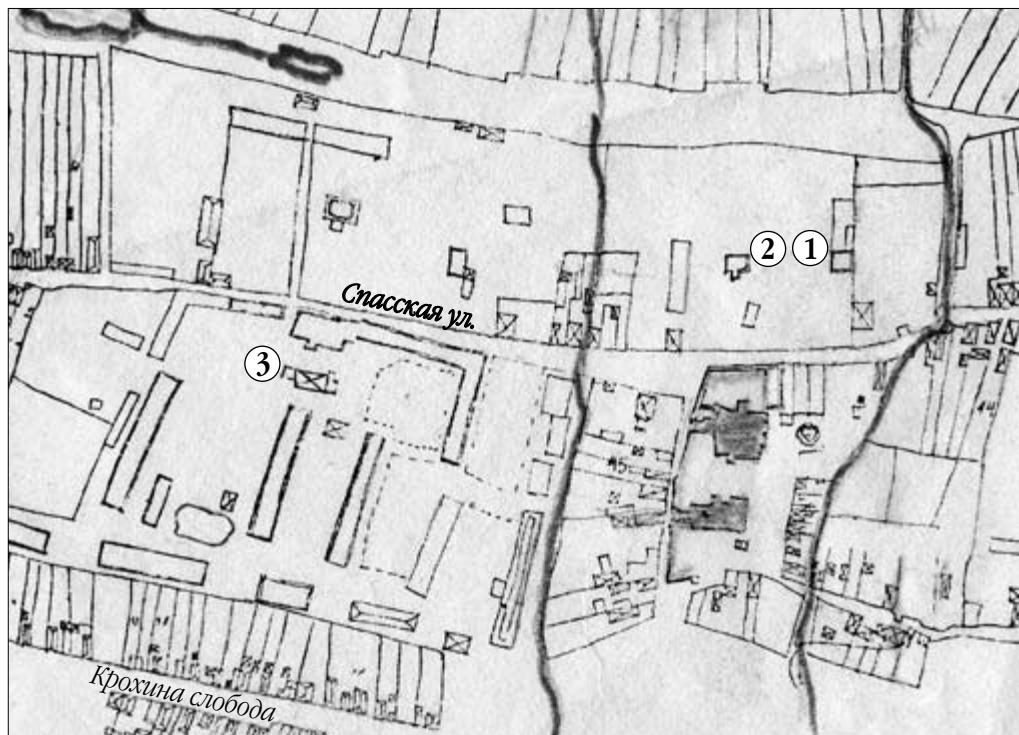
доме на ЯБМ известно: вместе с фабриками он отошел Ивану. И вполне логично, что при разделе хозяйствский дом на другой фабричной территории, полученной Дмитрием, ему и достался. Судьба его выходит за рамки нашего исследования, кроме того, нельзя исключить, что Дмитрий Максимов построил для семьи другой каменный особняк (а может и не один) вне мануфактуры⁴³.

С 1740-х годов среди прихожан Николы Чудотворца неизменно будем находить семьи владельцев Ярославской Малой мануфактуры с дворовыми, квартирантами и работниками. Сначала Дмитрия Максимова Затрапезнова, после его кончины в 1765-м — сына и успешного наследника дела Ивана Дмитриева, а еще через 20 лет, уже после и его смерти, — внука, названного в честь деда Дмитрием⁴⁴.

После смерти Ивана Дмитриева Затрапезнова пятеро его сыновей в 1786 году записались в военную службу — «прокормить» всех многочисленных потомков Малая мануфактура видимо уже не могла, дела шли не так хорошо. В 1795-м Затрапезновы продают ее Углечанинову, а в следующем году Дмитрий Иванов вместе с братом Михаилом по «необъявлению капитала» выбывают в мещансское сословие⁴⁵. К концу столетия из потомков Дмитрия Максимова в Николо-Мокринском приходе не осталось никого...

Однако по-прежнему «у Николая Чудотворца, на месте что словет Мокрым» причащаются и исповедуются Затрапезновы. Вторая ветвь рода, потомки гостино- сотни Петра Семенова Затрапезнова весь век так и живут здесь, и промысел имеют: в 1776 году по ведомости ярославских предприятий у его сына Ивана при доме имеется боранное заведение — «вырабатывается в год собою 1 000 кож». И скорее всего, это тот же, не раз упоминавшийся двор, в котором жил Петр еще в начале века. С Иваном живет и семья старшего его сына Семена. Поскольку с одним из внуков нам еще придется столкнуться, приведем сведения о них на 1785 год: еще жив овдовевший Иван, а у 47-летнего Семена и его жены Анисы Ивановой 4 сына — Михаил, 21 год; Семен, 18; Афанасий, 14; Максим, 4⁴⁶.

За Которослью радикальные изменения начались практически сразу после раздела мануфактур: умер Иван Максимов, в управление вступили опекуны малолетнего сына Алексея, затем уже и он сам. В 1764 году Алексей Иванов Затрапезнов, довольно много сделавший для развития отцовского предприятия, но испытывавший постоянное давление остальных наследников, требовавших выделить им их доли, продал Ярославскую Большую мануфактуру Савве Яковлеву (по слухам — спьяну, по документам — задешево). А. Ф. Грязнов привел документы, из которых следовало, что поселился Алексей Затрапезнов в собственном каменном доме на Спасской улице в приходе церкви Николы Мокрого и

Фрагмент копии подворного плана Ярославля 1770 (?). РГАДА. 1 – «Дом Иванова», 2 – каменный дом на этом же дворе, 3 – каменный дом на Ярославской Малой мануфактуре

прожил там около 5 лет. От него дом перешел к московскому губернатору тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Юшкову, а тот если и жил в нем, то недолго — в 1772 году продал Экономическому ведомству. Непонятно, что послужило основанием для утверждения автора о том, где же жил Алексей: «Дом этот в настоящее время принадлежит И. А. Вахрамееву, владельцу маслобойного завода на Большой Рождественской улице... дом находится в глубине двора». Оно ошибочно⁴⁷.

Вряд ли из-за этой ошибки, но вопросы, какой каменный дом был у Алексея Ивановича «собственным» и где конкретно он располагался близ Николы Мокрого, до настоящего времени не то чтобы не возникали, но оставались без ответов. На ответы нас навел сам Грязнов. Так что старые книги перечитывать полезно, но внимательно...

А. Ф. Грязнов опубликовал, и это стало самым полезным для нас, купчую 1772 года на продажу дома И. И. Юшковым Экономическому ведомству со следующими сведениями:

«...двор в г. Ярославле с каменным и деревянным строением, с дворовой и огородной землей, который достался по данной в прошлом 1769 году декабря 21 от Статского Советника Алексея Ивановича Затрапезнова купчей в приходе церкви Николы Мокрого по Спасской улице, на котором моем дворе строений:

каменных 4 палаты, да под ними 2 кладовых; деревянного: приворотенная изба с сеньми, да погреба с погребенницами, да баня с предбанником; а мерою под тем моим двором и огородом земли поперек спереди по улице 50 сажен, а позади 40 сажен. Длиннику 56 сажен с полусаженей. А в межах тот мой двор, едучи во оной по Спасской улице, с правой стороны двор ярославского купца Василия Федорова Медянникова, а с левой стороны двор Ярославской полотняной и других манифактур содергателя Ивана Дмитриева сына Затрапезнова, а позади тово моего двора — в поле прогонная для скота улица ж, а взял я у оных поверенных за тот мой двор со всем означенным денег 1 000 рублей...»⁴⁸.

Под столь обобщенное описание каменного строения — «4 палаты, да под ними 2 кладовых» — вполне подходит сказанное об устройстве «дома Иванова» в начале нашей статьи — в цитате из путеводителя 1913 года, и в Паспорте памятника архитектуры (см. в нем также поэтажные планы). И хотя в бывшей Спасской слободе не известно больше ни одного каменного жилого дома на высоком подклете, теоретически можно представить, что какой-то из несуществующих ныне был близнецом лузинского, с одинаковой конструкцией.

Но «ищущий обрящет»: подробности о судьбе и устройстве дома, проданного Алексеем Затрапезновым И. И. Юшкову, удалось обнаружить в архивных документах уже мельгуновского времени⁴⁹. Оказывается, что после того, как дом перешел в ведение Экономического ведомства, в нем разместилась его канцелярия. Сохранилось подробнейшее описание дома после выезда этой канцелярии в 1779 году (для удобства чтения текст разбит нами на дополнительные абзацы):

«...В тот дом въезжие ворота створные... покрыты оныя ворота тесом.

Подле ворот по правую сторону два погреба, в них ямники с бревенчатыми срубами, над оными ямниками две напогребницы... а по левую тех ворот сторону — изба с горенкою и с глухим для поклажи чуланом, между ими сени. В тои избе четыре косящатые окошки, в них оконницы стеклянные... печь кирпичная, а в горенке два окошка, в них оконницы слудяные..

На том дворе каменные покои, в них всхоже крыльцо с двумя площадками, над коими сделаны потолочки, и по обеим сторонам того крыльца рукоятки с точеными перилами ветхими, из коих иные и вывалились... крыльцо крыто тесом... У того же крыльца вверху створчатые двери.

В те каменные покои в сени двери с затворами, крюками и петлями и засовами железными... четыре покоя, из коих один, где была подъяческая, в нем пять окошек с рамами и без затворов с оконницами стеклянными, из оных две оконницы с задвижками... Пол тесовый. В тот покой двери деревянные, обиты изнутри по войлоку сукном зеленым, а из сеней одним войлоком... на крюках и петлях железных, в той двери замок нутряной медной с яблоками медными же... В том покое печь изращатая с затвором и заслонкою из сеней железными...

Напротив того второй покой, в котором была судейская камора, в нем пять окошек с оконницами стеклянными... В том покое по четырем сторонам лавки... двери деревянные на крюках и петлях железных, кои изнутри обиты по войлоку сукном, а из сеней одним войлоком ветхим, в той двери замок нутряной медной с ключом железным. В том же покое печь изращатая ветхая с затвором и заслонкою из сеней железными.

Из сего покоя в третий, где была геодезическая, двери деревянные на крюках и петлях железных, кои из судейской обиты по войлоку сукном зеленым, а внешняя сторона простая, у тех дверей крюк и задвижка железные. В том покое одно окошко с оконницею стеклянной... а с двора в том окошке решетка железная без затвора... печь кирпичная с заслонкою железною. В том же покое по одной стороне лавка, в них полы дощатые. Из того покоя в сени двери деревянные на крюках и петлях железных. Изнутри... обиты войлоком ветхим, в тех дверях задвижка и крюк железные.

Напротив того покоя через сени четвертый покой, где была караульня, в него двери деревянные на крюках и петлях железных, в нем три окошка без затворов с оконницами из мелких стекол... В том покое печь кирпичная стряпильная [кухонная] с заслонкою железною... В том же покое три лавки да полати дощатые.

Позади тех четырех покоев проходная в огород крытая и сбоку забранная тесом лестница с перегородкою с двумя дверьми и задвижками железными и внизу... лестницы дверь, у ней крюки и петли и задвижка железные. И оные каменные покои крыты тесом.

Под всеми вышеписанными покоями в нижнем атаже два выхода, из коих в одном — два, во втором одно окошко с решетками и затворами железными. При них двойные двери, при одном железные, при другом деревянные....

Позади тех покоев баня с предбанником...

У того дому к... прогонной улице ворота створчатые.

Оной дом с трех сторон загорожен забором, в котором имеется 54 членена*. В том числе развалившийся один. Экономического правления секретарь И. И. От [неразб.]. Геодезист Иван Саблин⁵⁰.

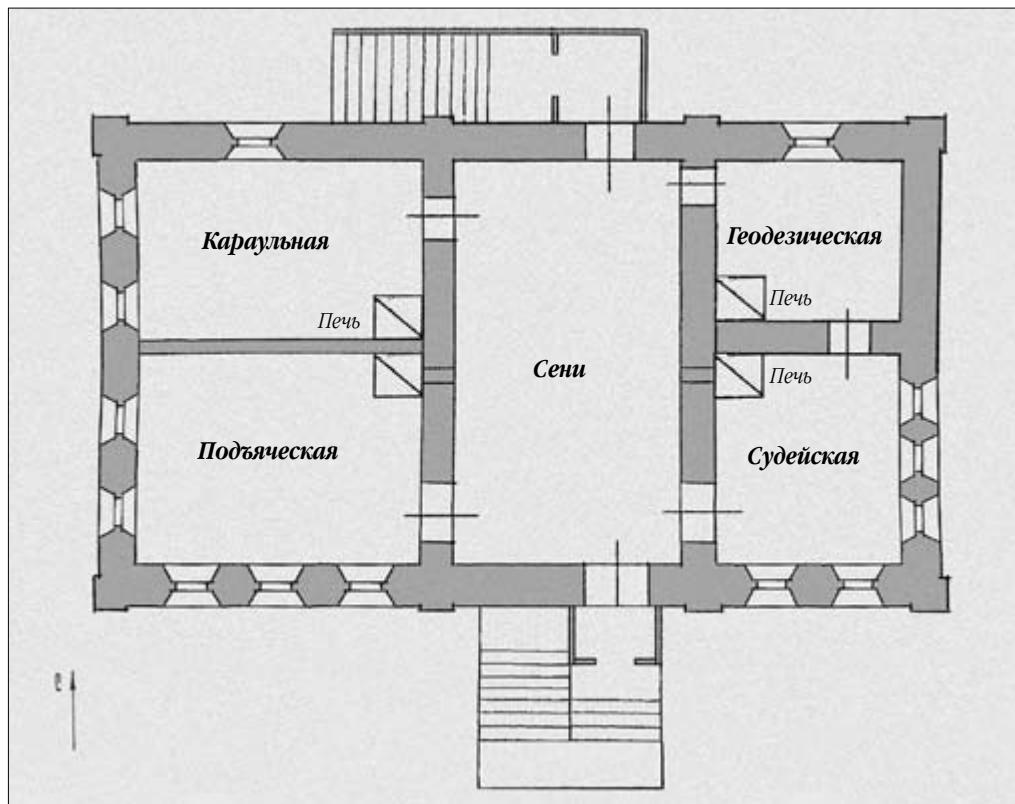
Особо внимательного читателя может насторожить количество окон в покоях, указанное в описании офиса образца двухсоттридцатилетней давности: их больше, чем можно насчитать на фасадах здания в его сегодняшнем виде. Тем не менее, теперь уже уверенно можно говорить: это «дом Иванова».

И. А. Тихомиров подчеркивал: «...дом подвергался неоднократным и нередко весьма существенным переделкам и приспособлениям. Так... пробиты новые окна и двери... одни проемы закладывали, другие пробивали, опять закладывали, опять пробивали и в конце концов получились такие участки стен, в которых, как говорится, живого места нет»⁵¹. Исследование дома тогда же показало, что «ближайшие наследники строителя... пробили в тайник окно, а в подвал окно и дверь с воли... все остальные открытые и заложенные отверстия пробиты в позднейшее время»⁵².

Так же, как окна, могли возникать и исчезать по прихоти новых хозяев в дополнение к трем капитальным стенам основного этажа дополнительные внутренние перегородки. Обращает на себя внимание совпадение: и теперь в планировке основного этажа в западном крыле за счет дополнительной стены 2 «покоя», как и при канцелярии, только тогда стена была глухой — подъяческая и караульня между собой не сообщались. Покои восточной половины, напротив, тогда были смежными: в проеме капитальной стены между судейской и геодезической имелась заложенная теперь дверь. На представленной схеме мы разместили в основном этаже «отделы» канцелярии, «пробив» по описанию окна и двери. (Помог ее составить, как и другие, М. Е. Бороздинский.)

В современном здании комнат пять, потому что теперь письменные столы с компьютерами стоят и в сенях. При Мельгунове они были сквозными, в них вели два входа: лестница «черного» хода — с севера, со стороны скотопрогона (там, где единственный современный вход в здание), а «парадное» крыльце с двумя площадками располагалось с юга, со стороны Спасской улицы. Дом стоял в глубине двора — между ним и Спасской улицей свободно размещались и погреба, и приворотная изба. Кстати, именно в ней после выезда канцелярии разместили лазарет, под который сначала планировали отдать сам дом, его же оставили за экономии правлением «на приезд ярославских вотчин экономии крестьян и для офицеров в помощь директору [правления]», разрешив сделать пристройку⁵³.

Межевание, приведенное в тексте купчей и повторенное в начале цитированного документа, подтверждает, что речь идет именно о «доме Иванова»: находился этот двор Николо-Мокринского прихода в северном порядке Спасской улицы. Именно там, в восточной ее части, «позади» дворов исстари сформирова-

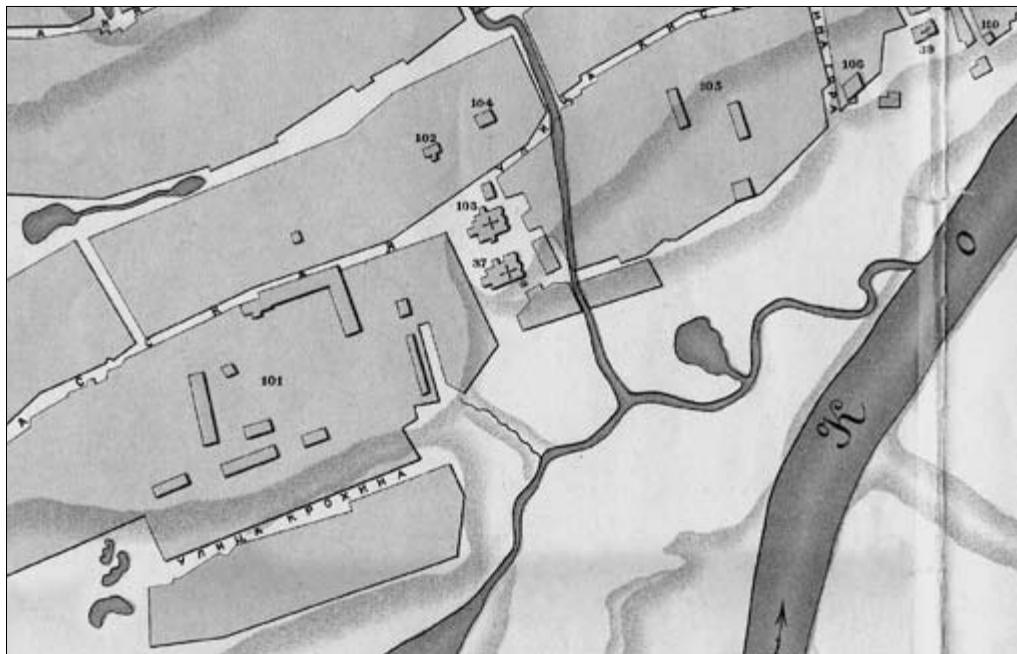

План основного этажа во время размещения в нем канцелярии Экономического ведомства. Реконструкция

лась «в поле прогонная для скота улица»: как мы видели, она разделяла земли Никитской и Спасской слободы — см. схему в начале статьи⁵⁴.

Разбираться со связями событий и персонажей в исследовании истории домов, начиная со 2-й половины XVIII века, все-таки становится проще: усложнение бюрократической машины государства размножает документы об одном и том же событии или человеке, и все более заметная часть из них доходит до нашего времени. Периодически обновляемые планы города, несмотря на иногда весьма заметные геометрические искажения и неполноту, позволяют проще связывать людей и их дома с конкретными местами города. Первым начал этим заниматься И. А. Тихомиров.

«План города Ярославля XVIII века», составленный Илларионом Александровичем на основе первых известных топографических планов Ярославля 1760–1780-х годов, прилагался к путеводителю «Ярославль в его прошлом и настоящем»⁵⁵. Более того, на этой обобщенной схеме города, еще «дорегулярно-

Фрагмент «Плана города Ярославля XVIII века» И. А. Тихомирова из книги «Ярославль в его прошлом и настоящем». 1913 г.: 37 — Церковь Николы Мокрого; 102 — дом общего гражданства; 103 — богадельня фабричная на содержании; 104 — дом губернского архитектора; 105 — дом генерал-губернатора

го», не перестроенного Мельгуновым, внутри непривычно свободолюбиво кривоватых, но непременно учитывающих окружающий ландшафт жилых массивов автор показал расположение каменных зданий того времени.

В северо-восточном углу бывшей Спасской слободы, в глубине массива севернее церкви Николо-Мокринского прихода Тихомиров поместил два дома. Судя по всему, дом Лузиных — тот, что ближе к ручью. И мы теперь точно знаем, кто с 1764 по 1769 год жил в нем: Алексей Иванов Затрапезнов, внук Максима Семенова Затрапезнова — очевидца строительства каменных хором Семеном Лузиным.

Разбираться с историей двух старинных строений в одной статье — непосильно. Оставим детальное исследование истории второго уважаемым читателям. Скажем только то, что очевидно из имеющихся у нас документов. Дворы двоюродных братьев Затрапезновых, как следует из межевания, по крайней мере, в 1764–1772 годах соседствовали. Следовательно, второй каменный дом — на плане слева, то есть юго-западнее лузинского, — то самое одноэтажное здание, исчезнувшее с лица земли уже в XX веке, а со второй половины XIX известное

как полковая гауптвахта, — в конце третьей четверти XVIII века располагался на дворе, принадлежавшем Ивану Дмитриеву Затрапезнову.

С расположением каменных хором Семена Лузина по отношению к их окружению в слободе связана упоминавшаяся выше асимметрия декора их фасадов. В отчетах о реставрационных работах Тихомиров писал: «украшения применены только к южному и западному фасадам; на остальных нет ни карнизов, ни наличников, что говорит о том, что эти фасады не были казовыми; то есть выходили на задворки или были закрыты»⁵⁶. Илларион Александрович справедливо отмечал, что с южной стеной все понятно — она была видна со Спасской улицы, до которой было десятка два саженей⁵⁷. Объяснений же для западного фасада он никаких не приводит.

На наш взгляд, основная причина такой избирательности «украшенности» фасадов в том, что вид на Семеновы хоромы открывался с небольшой площади, образованной уширением Спасской улицы к Николо-Мокринским храмам (с северо-запада от холодной церкви; от нее начинался переулок ко входам в обе церкви, к тем знаменитым изразцовым западным притворам, — позднее он так и назывался Николо-Мокринским). На эту площадь дом «смотрел» своим юго-западным углом — то есть обе образующие его стены были отсюда видны. Такая «учтенность» положения дома относительно церкви, кстати, означает, что строили его позже храма, когда площадь около него уже сформировалась.

Но наличие декора на западном фасаде можно связать и с присутствием с этой стороны второго дома, выстроенного на «родственном» дворе. Этот второй дом только умножает и усложняет вопросы о главном для нас, Семеновом доме, на которые ответов мы так и не нашли: Когда дом и столь большой двор стали «собственными» Алексея Затрапезнова? Не приобрел ли его после дочери Ильи Лузина, Пелагеи, еще в 1740-е годы отец Алексея, самый успешный из Затрапезновых, Иван Максимов? Или он сделал это еще раньше, у покидавших Ярославль сыновей Ильи Лузина?

Как достался Ивану Дмитриеву Затрапезнову соседний двор с каменным домом? Не принадлежал ли он раньше его отцу? Не купил ли его Дмитрий у Лузиних? И вообще, куда и когда исчезли из Ярославля сыновья братьев Лузиных, жившие здесь в 1710-м? — Ведь не умерли они все в одночасье, скорее всего изменившаяся велениями Петра жизнь заставила сиротиться с родных мест, а упоминавшиеся выше бездетные внуки Клима — Петр и Михаил Ивановы Лузины вернулись, но уже не в родной дом — ведь до 1748-го их среди прихожан нет⁵⁸. А не построили ли оба дома братья Лузины, Семен и Клим, одновременно на соседних дворах?..

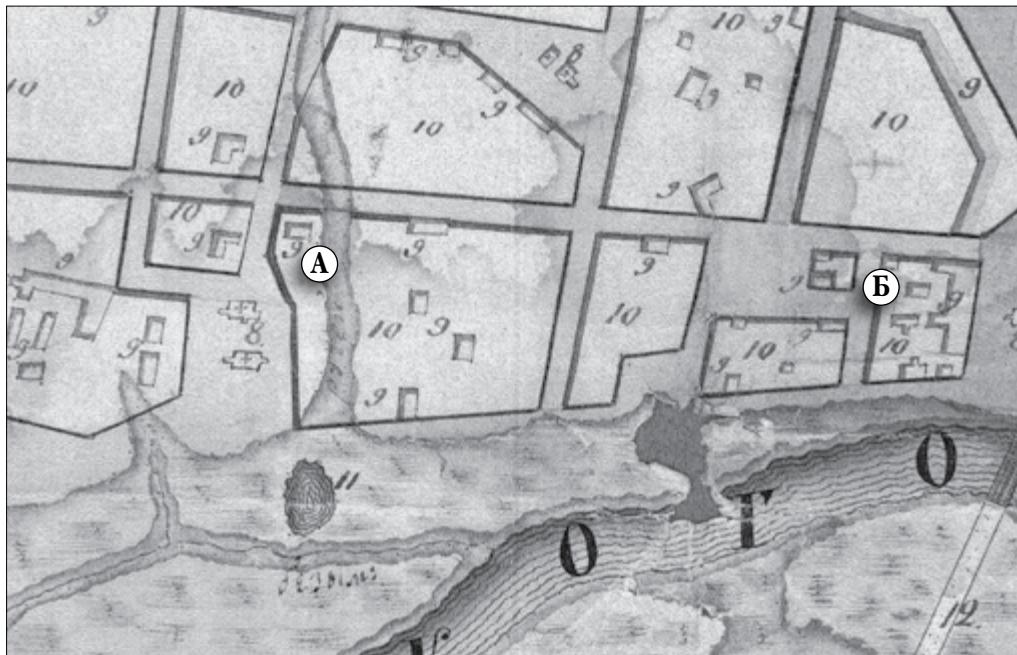
Можно придумать и другие вполне возможные варианты, но... Практически на половину столетия простирается «белое» пятно в истории дома: с 1710-го по начало 1760-х. Нет никаких документов. И с этим придется пока смириться, как смирились с тем, что неведомыми остаются имена камнездателей, воздвигших в XVII веке величественные ярославские храмы. Ведь ни одного из них не знаем...

Что точно было в доме после канцелярии, и долго ли он принадлежал экономии правлению в найденных архивных делах уже не сказано. Но в экспликации к плану Тихомиров указал, что дом № 104 — «дом губернского архитектора». Когда в николо-мокринских исповедных росписях 1785 года мы обнаружили запись, что в приходе живет «своим двором ярославский архитектор Иван Левенгаген, иностранного закона», и крепостные люди у него есть (они-то и были прихожанами) — очень обрадовались: и Илларион Александрович не обманул, и версия, что Левенгаген в доме Иванова жил, встречающаяся в краеведческих изданиях, вроде бы подтвердилась!⁵⁹

Радоваться, оказалось, было рано. И что интересно, почти опроверг все... И. А. Тихомиров. Это его трудами, архивариуса ЯГУАК, собраны в фонде комиссии в ГАЯО многочисленные документы о том, как первый ярославский наместник А. П. Мельгунов перестраивал свою столицу. Среди них и нашли мы два перечня: в одном был список тех, кому были предоставлены земельные участки под строительство каменных домов по регулярному плану; во втором — список лиц, выстроивших по этому плану деревянные дома. Левенгаген значился в обоих.⁶⁰ Получается, что жил господин губернский архитектор в приходе Николо-Мокринском не в лузинском, а в новопостроенном собственном деревянном доме.

Что же означает такая запись в экспликации? Ответ один: ведь не Илларион Александрович сказал, что это дом Левенгагена — он знал и написал, что в № 104 размещалась *офис* (*контора, канцелярия*) губернского архитектора, а не жилой дом господина Левенгагена. Частные дома Тихомиров так и обозначал: «дом такого-то». Огромный объем строительных работ, ведшихся Левенгагеном в городе, требовал значительного числа чертежников и канцеляристов. А постоянный интерес наместника к этим вопросам делал целесообразным нахождение и жилья архитектора, и его «офиса» неподалеку от сиятельной усадьбы (этим же, возможно, объясняется и назначение дома № 102 в экспликации — «дом общего гражданства»).

Пожалуй, это даже хорошо, что еще один миф опровергнут — для нашего дома это почетнее будет: не жил в нем Эван Левенгаген, а вместе с соратниками и помощниками создавал *регулярный Ярославль!*

Фрагмент плана Ярославля начала 1800-х гг. РГАДА. Формирование кварталов города. А – «дом Иванова»; Б – бывшая усадьба А. П. Мельгунова с генерал-губернаторским домом

Только опять, оказалось, радоваться рано: нет никаких данных о том, когда губернский архитектор получил его от экономии правления (видимо, около 1781-го), и когда и кому губернская власть его потом продала.

Тут настает пора появиться на сцене столько раз упомянутым потомкам Петра Семенова Затрапезнова. После смерти его внука, купца 3-й гильдии Семена Иванова, сыновья Семена, также состоявшие в 1795 году по 3-й гильдии, разделились и расселились по городу — не исключено, что их отеческий дом был продан.

По прихотливому извилину судьбы именно один из правнуков Петра, Михаил Семенов Затрапезнов вместе с женой Татьяной Григорьевой стали владельцами лузинского дома. Чтобы не усложнять наш и без того густонаселенный сюжет, оставим без внимания других потомков⁶¹.

Архивные документы сообщают о нескольких домовладениях Михаила и Татьяны Затрапезновых. Так, в 1796 году им отошел двор по только недавно намеченной Любимской ул., а в 1799-м к нему была докуплена «порозжая земля» внутри квартала. Но это в Богословском приходе⁶². Был у Михаила и участок за Которослью. Когда и как он стал владельцем нашего дома, установить мы не су-

мели, но по книге учета домовладений к 1810 году дом, каменный со службами, в приходе Николы Мокрого за ним уже значился и оценивался в 1 600 рублей. К этому времени Михаил купеческого капитала уже не заявлял⁶³.

Они проживут в Николо-Мокринском приходе еще около 20 лет. Это при них пролегли формировавшиеся по всему Ярославлю прямые улицы регулярного плана: севернее дома — Рождественская, а с запада — Любимская. Последняя уже будет определять расположение дома в завещании Михаила: «собственный свой благоприобретенный [Ну чего стоило нотариусу написать здесь, когда был приобретен!] каменный дом с землею в г. Ярославле, во 2 части 2 квартала в приходе Николы Мокрого на Любимской ул., со всем надворным строением и движимым имением отдаю, кроме отделенного от меня сына Василия, законной жене Татьяне Григорьевой Затрапезновой в полное владение... и малолетним dochерям Ольге и Аграфене Михайловым Затрапезновым, чтобы были не обижены награждением в замужестве».

Незадолго до смерти, в 1817 году посадский Михаил Затрапезнов (в то время еще использовалось и старое название мещан), заложил купчие на свое домовладение в приходе Николы Мокрого капитану внутреннего гарнизонного батальона Ивану Мартынову, получив от него 1 350 рублей.

Вдова Михаила, вступая во владение завещанным ей «недвижимым и движимым имением», выкупила у Мартынова купчие крепости, но сохранить за собой старый дом Татьяна Григорьева Затрапезнова и ее дети не смогли, или не захотели, и уже в следующем году дом с землею и со всем надворным строением оказался в собственности у Осипа Михайлова Кубасова⁶⁴.

Начиная с Михаила Затрапезнова, череду владельцев старинного дома удалось восстановить документально полностью.

ТЕНИ ЛУЗИНСКОГО ТАЙНИКА

Как утверждают англичане, у каждого семейства есть свой скелет в шкафу. В лузинском доме за его долгую историю жило или хотя бы владело им много семейств. А в нем, напомним, изначально имелся тайник — было, куда прятать скелеты. Довелось нам в него заглянуть — с документами в руках свидетельствуем: никаких кровавых ужасов, к счастью, мы там не обнаружили, но оставлены на ярославской Любимской улице следы достаточно простых, иногда грустных человеческих судеб. Мы расскажем только о трех обитателях лузинского тайника. Сам дом будет лишь декорацией или статистом.

Ярославский 3-й гильдии купец Осип Михайлов Кубасов, судя по документам, став владельцем нашего дома, в нем не жил. Еще у его родителей был близ Николо-Мокринской церкви свой дом, да он и другие дома имел, помимо родительского.

Происходил он из известного в городе рода: отец его — Михайло Григорьев в 1778 году состоял во 2-й гильдии с капиталом 1 500 рублей, имел гончарный завод и торговал хлебом. Через 7 лет находим в исповедных росписях уже его вдову Авдотью Федоровну вместе с сыном Иосифом 25 лет и его женой Ксенией, 23, без детей. Второй брак Иосифа-Осипа, по крайней мере в материальном плане, был удачен: значилось за дочерью Федора Москатильникова Анной 11 лавок в подошвенном ряду⁶⁵.

Залог недвижимого имущества как в деловой практике, так и в быту был в старые времена явлением обычным и распространенным среди всех слоев населения. Это только сейчас, в начале века XXI, в России приходится этому учиться заново, поэтому история с кубасовской недвижимостью может послужить полезным предостережением.

Еще в 1813 году посадский Дмитрий Кочурин предложил Осипу Михайлову свой дом с 3 лавками и куренем в Красном ряду Гостиного двора в Сретенском приходе. К 1818 году за эту покупку Осип Кубасов полностью еще не рассчитался, и приобретение дома на Любимской улице у Татьяны Затрапезновой только усугубило ситуацию. Из дела о долгах купца Осипа Михайлова Кубасова следует: иск к нему Дмитрия Кочурина по платежу 4 000 руб. с процентами был до решения дела обеспечен двумя каменными домами: в приходах Николы Мокрого и Иоанна Богослова. В итоге уже не очень молодой Осип Михайлов Кубасов лишился обоих этих домов. Но мало этого, и лавки второй жены ушли за долги, а с отцом третьей супруги получилось совсем плохо: Петр Войлошников, из известной купеческой семьи, выступил поручителем за зятя в его судебных тяжбах. В обеспечение даже предоставил собственный двухэтажный каменный дом. Дом тестя тоже ушел за долги запутавшегося в кредиторах Осипа, который позднее перешел в мещансское сословие...⁶⁶

Итак, уже в 1818 году лузинский дом перешел к Дмитрию Васильеву Кочурину, но и он в нем не жил.

Дед Дмитрия, ярославский купец Иван Максимов Кочурин, в 1775 году состоял в 3-й гильдии с капиталом 500 рублей, по сведениям на 1778-й торговал невыделанными кожами в своей лавке в сырьемятном ряду. После его смерти в 1795 году по 3-й гильдии значатся уже его сыновья Василий и Макар Ивановы Кочурины. Василий умирает рано, осиротевшему Дмитрию (род. ок. 1790) на-

Тайник в пазухе коробового свода подклета. 1991

значают опекунов. Став совершеннолетним, он купеческого капитала уже не заявляет — хорошо, по всей видимости, «порадели» опекуны о сиротском добре. Посадский Дмитрий Васильев Кочурин... идет в рекруты. А служба тогда в солдатах еще 25 лет продолжалась. Успел ли он сам официально стать владельцем каменного дома в приходе Николы Мокрого, или это сделали поверенные, не ясно.

Через 15 лет, став унтер-офицером Тамбовского пехотного полка, он решает дом продать. Скорее всего, старинный дом все эти годы был «доходным». Арендаторы или кто-то по поручению владельца, но за домом следили, заботились о его состоянии: купец Илья Андреев Шишкин покупает его в 1833-м уже за 2 675 рублей⁶⁷.

Новый владелец, сын ярославского купца 3-й гильдии Андрея Федорова Шишкина Илья Андреев родился около 1792 года, женат был на дочери известного ярославского купца Григория Войлошникова Анне. А Григорий и Петр Войлошники, о проблемах последнего мы только что упоминали, — родные

братья; соответственно, Кубасов и Шишкин женаты были на двоюродных сестрах. Отношения между братьями Войлошниковыми, вопреки воле их отца, который завещал всем трем сыновьям капитал семейный не дробить и сообща вести дело фамильное, купеческое, закончились долгими судебными разбирательствами.

Причиной всему было отсутствие у Григория сыновей — некому было ему оставить результат своих трудов, не четыре же его дочери будут хлеб в Нижний возить! Все дело в племянники руки уйти могло. Тогда он исхитрился весь капитал общего с братьями дела перевести на новые семьи дочерей, на зятьев-сватаев. Андрей Шишкин тогда по второй гильдии капитал заявил.

Братьям Григорий объявил, что они разорились. И обвинил во всем Петра, дескать векселя да поручительства неумно давал. Петра это буквально «вогнало в гроб». Началась тяжба: обе осиротевшие женщины, вдова Петра Войлошникова вместе с дочерью (вдовой Кубасова), обратились в суд. Тут и Шишкиным, и другим сватам-зятьям Григория пришлось давать показания. Но: «Денег не брали, все сами наживали...» — так ничем и кончилась тяжба. Однако больше не стало в городе купцов Войлошниковых. Мещанами писались.

А может и зря на Григория клевету возвели? Не король Лир он, в конце-то концов, — доживал век в Норском посаде у одного из зятьев, Кротова....

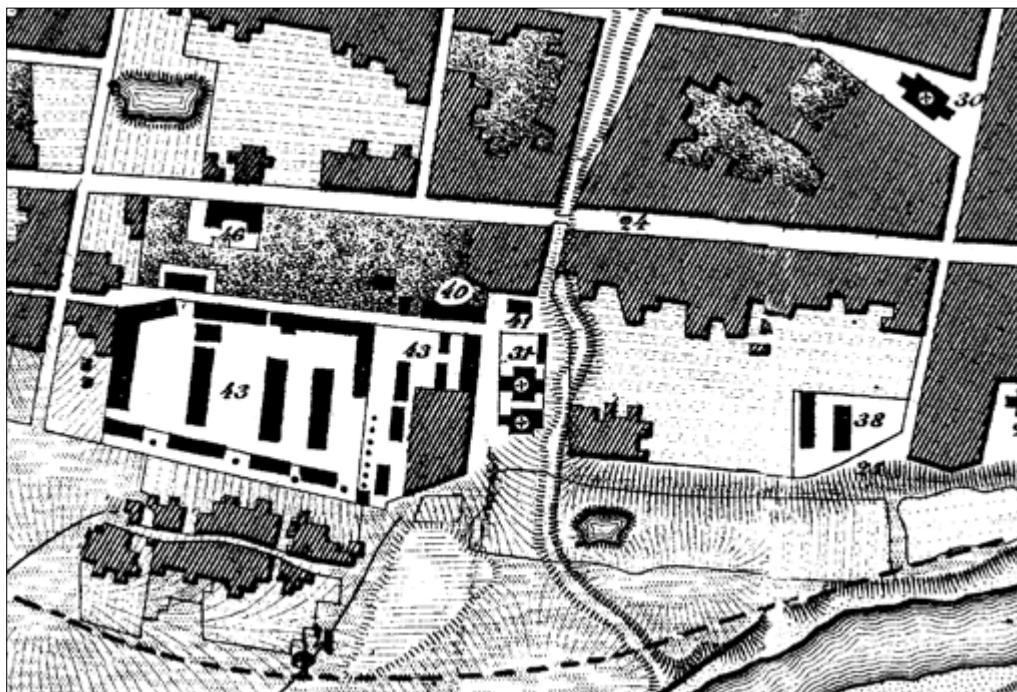
Так или иначе, но Илья Андреев Шишкин начал свою жизнь в старом лузинском доме вполне благополучно: торговал хлебом, рукавишным и шляпным товарами в Рукавишном ряду и в лавке, устроенной при доме. Кроме того, здесь же был у него и рукавишный завод. Надо заметить, что шитье рукавиц еще за сто лет до переселения сюда Шишкина было весьма распространенным промыслом жителей этой части города⁶⁸.

Дом обрел хозяина надолго, почти на тридцать лет.

КАК СТАРИННЫЙ ДОМ СТАЛ ДОМОМ ИВАНОВЫХ

А Ярославль тем временем продолжал «цивилизовываться», вот и Ершов ручей исчез с карты: западнее дома забрали его древнее русло в коллектор или просто засыпали — неизвестно, только по Любимской улице после этого ниже Вознесенских церквей появился каскад водоемов, а еще ниже, у самого дома и Николо-Мокринских храмов, сделали стоки.

Очень важные, радикальные изменения и не в ландшафте, а в жизни близлежащей к дому части города произошли именно при Шишкине: в 1835 году зем-

Фрагмент плана Ярославля 1846 г.: 31 — церковь Николы Мокрого военного ведомства; 38 — семинария и духовное училище; 24 — Большая Рождественская ул.; 25 — Которосльная наб.; 40, 41, 43, 46 — экзерцигауз, гауптвахта, казармы и лазарет 3-го карабинерного полка

ли и строения мануфактуры приобрело военное ведомство — фабричные корпуса превратились в казармы. Квартирующие полки будут время от времени сменять друг друга, появятся манеж и лазарет, и т. д. Но главным для местных обывателей в 1841 году станет «отлучение» их от намоленных дедами храмов: церкви Николо-Мокринского прихода также передали военному ведомству, а прихожан — к церкви Петра Митрополита. Позже еще одно изменение, и всего в десятке саженей от старого лузинского дома: по улице Любимской коллежский регистратор И. А. Шестаков построил в 1857 году каменный двухэтажный дом, ныне ул. Чайковского,⁶⁹

Из архивных документов узнаем, что при доме Ильи Андреева был сад, занимавший немногим менее половины участка, официальные размеры которого с 873 ½ в 1840-м к 1847 году уменьшились до 825 кв. саж. Произошло это, вероятно, из-за перемежевания участков с соседом, мещанином И. А. Кожуховым⁷⁰. (Именно на его участке, купленном в 1876 году Яковом Арсеньевичем Мурано-

вым, будут устроены общественные бани, сначала называвшиеся по улице Рождественскими, а затем по фамилии владельцев — Мурановскими).

В конце 1850-х годов постаревший ярославский мещанин Шишкун преемников своему делу не имел и купеческого капитала уже не заявлял. Были неправедны деньги Григория Войлошникова? Вряд ли: ведь другой его зять, Горошков, не только сам разбогател, но и потомки его вплоть до XX века процветали. Скорее, «не в те руки» попали.

После смерти Ильи Андреева дом был в 1860 г. продан с торгов за 2 850 рублей. «Покупщица», коллежская советница Татьяна Матвеевна Макина, в этом же году отдала дом в залог по питейным откупам⁷¹.

В деле из фонда Ярославской городской думы за 1864 год читаем лаконичное сообщение: «Городовой магистрат уведомляет Городскую думу, что недвижимое имение вдовы коллежского советника Татьяны Матвеевой Макиной... перешло во владение жене фельфебеля Агафье Яковлевой Ивановой»⁷². А документальное основание для этого перехода собственности находим в копиях и выписках уже в фондах нескольких учреждений, откуда и узнаем, что купчая крепость была совершена в Костромской палате Гражданского суда 25 июня 1864 года:

«Вдова коллежского советника Татьяна Матвеева Макина продала я жене фельфебеля Агафье Яковлевой Ивановой собственный дом, доставшийся мне с публичного торга в Ярославском губернском правлении и по данной, выданной из Ярославской Палаты Гражданского Суда 1860 года марта 30 дня после умершего ярославского мещанина Ильи Андреева Шишкина:

каменный двухэтажный с антресолями дом и со всем принадлежащим к нему надворным строением и землею, коей мерою по лицу Рождественской ул. 17 саж., посреди то ж число, взади 11 саж. 2 аршина, по Любимской ул. длиннику в одну сторону 40 саж., а по другую сторону, до уступа 37 саж $\frac{3}{4}$ аршина, от уступа 2 сажени $\frac{1}{4}$ аршина, а всего 580 квадратных сажени, состоящий в городе Ярославле, 2 части 3 квартале, на углу Рождественской и Любимской улиц в Николо-Мокринском приходе под № 95.

А взяла я за оный мой дом со всем написанным, оцененный по городским обывательским книгам в 1632 рубля 65 коп. серебром, денег серебром же 1 700 руб.»⁷³

Что же купила жена фельдфебеля Агафья Иванова? Первый возникший вопрос, почему дом назван двухэтажным, разрешается просто: мы уже в описании 1779 года читали, что подклет именуется нижним этажом, и это вполне оправданно, так как в нем тогда имелись окна и двери. Причем И. А. Тихомиров на

Окно тайника в южной стене дома. 1991

основании своих исследований дома сделал вывод, что появились они уже вскоре после строительства.

А вот чтобы разобраться, с какими такими антресолями он оказался, придется прикоснуться к архитектуре русских особняков и усадеб конца XVIII — 1-й половины XIX века, причем не столько к самому зодчеству, а к терминологии.

Из определения, данного Брокгаузом и Ефроном: «Антресоль (*фр. entre-sol*) — половинный этаж, устраиваемый в высоких комнатах, причем приходится или делить большие окна этажа, или устраивать форменный низенький этаж с самостоятельными, сравнительно малой величины окнами», — обратим внимание на вторую половину фразы. Признаком наличия антресолей является самостоятельный дополнительный ярус сравнительно малых окон этажа с пониженной высотой⁷⁴. Что же в нашем случае называли антресолями?

Если бы составители купчей имели бы перед собой дом в его сегодняшнем виде, то могли посчитать за таковой, как бы дополнительный ярус, только окно в тайник: пробитое на уровне межэтажной пазухи, по высоте оно оказывается

Южный фасад с окном тайника на «антресольном» этаже

между ярусами окон основного этажа и устроенными в подклете — в дополнительном этаже, то есть в антресолях. Но заметим, обычно описание дома давалось по его главному фасаду, у нашего дома южный был таковым в домельгуновском Ярославле, в регулярном же городе уличным стал западный.

На помощь пришел отчет 1923 года о реставрационных работах И. А. Тихомирова: «При разборке стены в ней оказались два небольших пробитых, а затем опять заложенных окна в пазуху свода — значит пазухой пользовались некоторое время в качестве подполья⁷⁵», — и речь идет именно о стене западной, выходящей на Любимскую улицу. Вот он, дополнительный ярус окон именно на фасаде! При этом из отчета следует, что стена разбиралась не вся, то есть нельзя исключить, что в середине XIX века имелись окна и в сам подвал (также позднее заложенные), причем пробить их можно было, не нарушив сводов подклета, только близко к уровню земли — об этих особенностях сводов писал Тихомиров.

Хотя предложенное объяснение «антресольности» дома вполне логично и обоснованно, упомянем еще одно, на которое наводит предыдущая страница все

из того же отчета И. А. Тихомирова: «...на восточной стене вверху, около юго-восточного угла, долго сохранялась узорная красочная на яйце роспись в стиле ампир, площадью около квадратной сажени. Лишь после пожара в 1918 году большая часть штукатурки обвалилась, а с нею и роспись...»

Чтобы объяснить появление росписи на «неказовой» стене Илларион Александрович предположил, что, вероятно, к наружной стене дома была сделана пристройка. Став внутренней, стена и была расписана. Добавим: создание фрески в темной пристройке вряд ли кому-либо пришло бы в голову — в ней безусловно были окна. Возможно, их расположение и послужило основанием для атрибуции антресолей. Но повторим, вопрос об антресолях в нашем случае оказывается не содержательным, а терминологическим: можно уверенно сказать, что никаких реальных *надстроек* даже в виде «низенького этажа» к нашему дому никогда не делали.

Про пристройку у восточной стены к сказанному Илларионом Александровичем мы можем добавить следующее предположение. Выше мы упоминали о разрешении сделать пристройку к дому, полученном правлением экономии в самом конце 1770-х годов. Вероятно, она тогда и была сделана, а вот оштукатурили кирпичную стену и расписали ее, скорее всего, уже позже. Напомним, что в путеводителе Тихомиров писал о росписи «в духе XVIII века», после представрационных исследований уточнил и ее стилистику. Если учесть, что в русской провинции ампир держался и позже первой трети XIX века, времени своего господства, то получается, что роспись могла быть сделана и при Михаиле и Татьяне Затрапезновых, Кочурине или Шишкине, только непонятно, им-то для чего? На наш взгляд, более подходят для этого подчиненные господина губернского архитектора — и навыки для этого у них были, и эстетические запросы повыше, чем у предыдущих или последующих обитателей.

Вернемся к купчей. Последний вопрос, куда делись две с половиной сотни квадратных саженей земли из когда-то принадлежавшего Шишкину участка, оставим за скобками: в ходе формирования кварталов споры по межеванию были делом частым (об одном из них — с Кожуховым, мы упомянули, но, возможно, были и другие); кроме того, могла иметь место и продажа части участка

ИВАНОВЫ И ИХ ДОМОВЛАДЕНИЯ

Надо сказать, что это было уже не первое домовладение Агафьи Яковлевны в Ярославле: удалось установить, что в 1860 году у надворной советницы Л. Л. Ма-

сальской ею был куплен двухэтажный каменный дом в 3-й части, 2-м квартале в Новой слободе по Московской ул. под № 45. И он тоже не только сохранился до наших дней, но и хорошо известен ярославцам: на углу Московского проспекта и Большой Федоровской улицы, с продуктовым магазином в первом же. Агафья Иванова, купив дом в Николо-Мокринском приходе, закоторосльный за собой не оставила — через несколько месяцев продала его купцу Тимофею Дмитриевичу Фомичеву. Позже это дом ярославского купца Николая Градусова в 134-м землемерном квартале, значащийся за ним с 1865 года⁷⁶.

Купчая 1860 года сообщила: муж Агафьи Яковлевны, фельдфебель Иванов, служит в ярославском военном училище. Подробность эта оказалась важна, так как является единственным возможным объяснением тому, что сведений о семье Ивановых нет в исповедных росписях ни одного из ярославских городских приходов этого времени⁷⁷: служащие военного училища с семьями являлись прихожанами тамошней домовой церкви Петра и Павла, — как и Николо-Мокринская (с момента ее передачи армии в 1841 году), епархиальному начальству они обе не подчинялись, были в ведении военного ведомства⁷⁸. В итоге сведений о супругах Ивановых за предшествующие годы обнаружить нам не удалось.

Для чего велся учет домовладений и способов их использования? Естественно, для сбора налогов: имеешь землю — с каждой квадратной сажени налог возьмут, в собственном доме живешь — представь оценку его стоимости и заплати другой налог, квартирантов пустил — скажи почем и заплати налог с дохода. И ведь все, в основном, платили. Мы в XXI веке только начинаем привыкать. Кстати, чтобы правильно заплатить, и тогда надо было несколько учреждений обойти — в каждом выдавалась своя бумажка.

Вернемся на угол Рождественской и Любимской улиц. Документы свидетельствуют: старый каменный дом недолго оставался единственным на приобретенном Ивановой участке: уже через год, с 1865-го, в ведомостях ярославских домовладений значатся за ней не какие-то неопределенные «надворные строения», а деревянные двухэтажный дом и одноэтажный флигель с лавочкой⁷⁹.

Можно утверждать, что их выстроили новые хозяева, так как ранее дома среди имевшихся строений ни разу не упоминались. Судя по всему, Агафья Яковлевна была весьма энергичной и практичной женщиной — благополучие совсем немалой семьи держалось, видимо, ее заботами, — Евграф Спиридонович в эти годы еще служил. Как мы увидим далее, Евграф пережил жену всего на полгода...

Но что странно, в документах вплоть до середины 1880-х годов за женой фельдфебеля Иванова только эти два деревянных строения и числятся, лузинский дом почему-то не упоминается. Не двадцать же лет продолжались в нем переделки, о которых пишет И. А. Тихомиров в отчете о реставрационных работах: «Малый подвал Ивановым был переделан на жилье, для чего низ его завалили щебнем и землей, поперек вывели каменную стенку, разделившую подвал на две комнатки, в передней из них выломали свод, южную дверь заложили, а вместо нее пробили другую в северной стене, пробили в заднюю комнату окно в восточной стене, поставили печь и настлали пол. В этом виде подвал и стоял до пожара 1918 года»⁸⁰. Можно добавить, что разобрали еще пристройку у восточной стены — Тихомиров уверенno писал, что в 1870-е годы ее уже не было. Ну и основной этаж надо было в порядок привести...

За те полвека, что Ивановы владели домом, здания на участке перестраивались, по всей видимости, не один раз. О самом серьезном изменении узнаем из документов 1886 года: теперь вместо обоих *деревянных* строений — дома и флигеля — жене фельдфебеля Ивановой Агафье Яковлевой принадлежат по Большой Рождественской улице два *смешанных* дома и каменный дом, рейнский погреб⁸¹ и лавка, общей стоимостью 3 500 рублей⁸². Уточним, что названные особо винный магазин и лавка — не отдельные строения, они находились в двух смешанных домах по Рождественке.

На втором этаже одного из этих домов, в угловом, с каменным первым этажом, семья Ивановых и проживет все последующие до июля 1918-го годы. Отсюда дочери будут уезжать с мужьями, будут возвращаться с детьми, потом будут жить здесь и провожать отсюда детей... — об этом рассказывают воспоминания, составляющие основу этой книги, и комментарии к ним.

На плане из более позднего архивного дела⁸³ мы можем видеть и другие строения на участке Ивановых.

Перед тем как продолжить изучение документов посетуем на трудности, с которыми приходится сталкиваться. В уже упомянутых сведениях за 1886-й год площадь домовладения по непонятной причине указана 103 квадратных сажени, хотя во всех остальных — от покупки до продажи (а дом они продали, и мы еще об этом расскажем) размер участка один: 580 квадратных саженей. Описка? Скорее всего, это площадь под строениями: старый дом занимал около 44 кв. саженей.

Записи на трафаретных карточках документов в фондах 485 и 509 особой аккуратностью, надо сказать, не блещут, тут и графы незаполненные, и исправления, и невнятные карандашные пометы, и надписи, не в тех графах поставлен-

ные. А самое обидное, не за все годы документы сохранились, а те, что были в наших руках, заполнены не за все годы, которые предусмотрены их трафаретом. Справедливости ради отметим, что это ведь не отчеты и справки — их-то канцеляристы переписывали аккуратно, — а рабочие материалы, по которым рассчитывались налоги и пр. Те, кто с ними возился, пометки делал для себя.

Особенно «пострадали» сведения о квартирантах, а ведь после смерти старших Ивановых они и арендаторы обеспечивали, в основном, существование семьи. В Ярославле, начавшем разрастаться (чем ближе к XX веку, тем более быстрыми темпами), домовладельцы пускали квартирантов в любое более-менее пригодное для жилья помещение. Ивановы исключением не были. Для того и подклет в старом каменном доме перестроили, и деревянные дома заменили. Кто только здесь не жил: семинаристы и портные, канатный мастер и «нотариуса писец», офицеры квартировавших полков и чиновник. Вот, например сведения одного года:

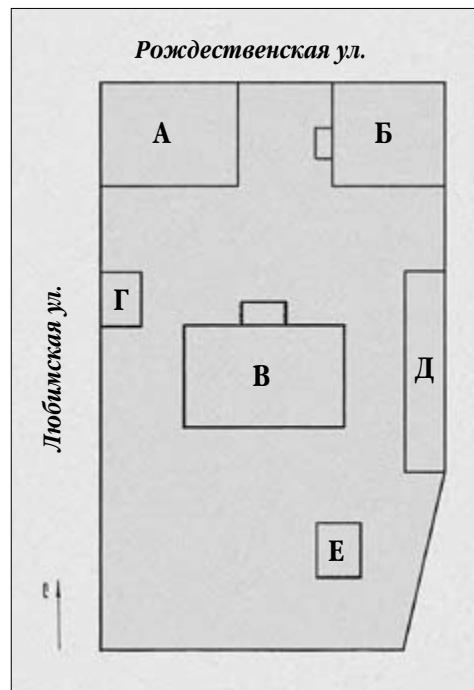
«...Лит. А — см[ешанный]. На 1 этаже булочная с мелочной лавкой и пекарней. Квартира хозяйки [булочной]. На 2 этаже жилой — Горностаев Д.Д., офицер Фанагорийского полка.

Лит. «Б» — см., жилое. На 1 этаже — портной с учеником, на 2 этаже — Меретих П.Ф. — офицер Фанагорийского полка.

Лит. «В» — каменное, жилое. На 1 этаже — портной с мастерами и мальчиком. Канатный мастер. В подвале 2 комнаты пустуют.

Лит. «Ж» — одноэтажный, деревянный, жилой — дворник⁸⁴.

В архиве документы этого дела датированы 1913 годом, но это неверно: уже с 1911-го Фанагорийский полк дислоцировался в Москве; а из мемуаров можно уточнить, что данные эти относятся к 1910-му или 1909-му году. Как видим, фамилии квартирантов, кроме господ офицеров, не указаны (они в полку точно

служили, есть их фамилии в списках его офицеров в Памятных книгах Ярославской губернии, правда, там 2-я пишется как Мередих). Не отмечено в карточке также, что в доме под литерой «А» на 2-м этаже живут сами хозяйки...

Несообразности в архивных документах мало кому попадаются на глаза, а от подобных, но в печатных изданиях эхо далеко во времени разносится. Одна из таких деталей, касающаяся Ивановых, аукается и спустя век с четвертью. «Календарь Ярославской губернии на 1877 год» содержит в приложении «Список церквей, зданий и домов в г. Ярославле поулично» — в нем дома на углу Рождественской и Любимской улиц значатся за *кандидатом* Евграфом Ивановым.

То, что мужу «отдали» женину собственность, можно списать на рецидив «патриархального сознания». Забавную роль сыграло слово «кандидат». Во времена Евграфа Спирионова Иванова оно было обиходным названием воинского звания, которое полностью выглядело так: «кандидат на классную должность». Чтобы им стать, надо было сдать специальный экзамен⁸⁵.

Серьезным требованиям должен был отвечать дедушка авторов мемуаров, но понятно, что фельдфебель Евграф Иванов, даже сдав этот экзамен на отлично, ни адвокатом, ни юристом стать никак не мог. А ведь именно так о владельце дома пишется в ярославских путеводителях XXI века! И не понять, откуда авторы это взяли. Может кто-то когда-то спутал Евграфа со вторым сыном Якова Арсеньевича Муранова, устроителя соседних с домом бань? Аполлинарий Яковлевич был кандидатом права...⁸⁶

От забавного краеведческого ляпа приходится перейти к грустному. Агафья и Евграф Ивановы уже немолоды — в 1883 году оба они составляют завещания. Первой ушла Агафья Яковлевна. По ее духовной 27 сентября 1888 года во владение всем «движимым и недвижимым» вступил Евграф Спирионович. Перед этим, в августе, он, «отставной фельдфебель, а ныне временно-ярославский купец», переписал свое завещание пятилетней давности. Доставшиеся от жены «два дома, из коих один каменный, а другой полукаменный, с флигелями, надворными постройками и землею» стоимостью 10 000 рублей, движимое имущество в этих домах, «заключающееся в св. иконах, мебели, носильном платье и прочем», на общую сумму 1 000 рублей и 1 000 рублей денег «в наличности, так и [в] долгах на разных лицах», завещал четырем своим дочерям, Анне; Александре; Вере и Варваре⁸⁷.

Менее чем через год, 12 апреля 1889 года были введены в родительское наследство уже полностью осиротевшие сестры⁸⁸.

В том, что в этих документах второе строение по Большой Рождественской называется флигелем, ничего существенного нет, оно не перестраивалось: про-

сто дом, в котором жили хозяева домовладения, считался главным, а все остальные «отдельно стоящие дополнительные строения», именовались то флигелями, то домами. Про второй дом иногда почему-то писалось как о деревянном и даже одноэтажном⁸⁹ — данные других документов все-таки свидетельствуют, что с 1886 года был он и двухэтажным, и смешанным.

Вторая неясность в завещаниях — почему Евграф Спиридович указан временным ярославским купцом? Агафья Яковлевна в документах называется женой сначала фельдфебеля, затем — отставного фельдфебеля, как жена кандидата или купца она не упоминается. Единственный раз в более поздних документах, в переписи 1897 года⁹⁰, и только Вера Евграфовна значится происходящей «из купечества». Документы, подтверждающие временное причисление Евграфа Иванова к купечеству по 2-й гильдии с 1878 по 1888 год, включительно, удалось найти Светлане Викторовне Севрюковой⁹¹, так что сюжет с компаньоном, обманувшим деда Евграфа, рассказанный в воспоминаниях внучкой, возможно, не только семейное предание

И третье, что мы узнали из завещания Евграфа Спиридовича: кроме дочерей у них с женой было два сына — Николай и Михаил⁹². Странность в том, что оба автора в своих мемуарах ни словом об их существовании даже не обмолвились!⁹³

О событиях за последующие почти 30 лет рассказывают мемуары, из текстов которых, как и из архивных документов, следовало, что вплоть до гибели домов в июле 1918-го, ими по наследству совместно владели матери и тетушки обоих авторов, В. Е. Иванова, Ан. Е. Угодская, А. Е. Владимира и В. Е. Калинина. Правда, еще на карточке домовладения, с которой был взят приведенный выше план участка, нас озадачила запись в графе «Домовладелец» о неведомых грязовецких мещанах Башковичах, с пометой «1917»⁹⁴.

ИВАНОВЫ — НЕ ПОСЛЕДНИЕ ВЛАДЕЛЬЦЫ ЛУЗИНСКОГО ДОМА!

И тут нам повезло: сохранилось «Дело № 2366 Ярославского нотариального архива “О продаже имения Анной Евграфовной Угодской, Александрой Евграфовной Владимировой и друг. — Вениамину и Мойше Пейсаховичам Башковичам”. 5–16 декабря 1917 г.». Это в нем мы обнаружили и купчую крепость 1864 года, и завещание Евграфа Спиридовича, и документы на вступления в наследство, и другие обязательные бумаги, датируемые еще XIX веком. Но были здесь и совершенно новые сведения.

«1917 декабря 2 дня явились ко мне... лично мне известные, законоправо- способные вдова коллежского асессора Анна Евграфовна Угодская, вдова коллежского советника Александра Евграфовна Владимирова, урожд. Ивановы, присяжный поверенный Николай Алексеевич Морев, действующий по доверенности дочери фельдфебеля Веры Евграфовны Ивановой, несовершеннолетние дочери подполковника Татьяна и Нина Васильевны Калинины, попечительница их княгиня Серафима Николаевна Кулунчакова, действующая на основании 2-х указов Дворянской опеки,

и грязовецкие мещане Вениамин и Моисей Пейсаховичи Бошковичи, живущие в Ярославле» — так начинается выпись из актовой книги ярославского нотариуса Ивана Александровича Успенского⁹⁵.

Пришли они, чтобы совершить купчую крепость на те самые 580 квадратных саженей земли на углу Большой Рождественской и Любимской улиц «со всеми находящимися на ней жилыми и нежилыми строениями».

Поразительно: в текстах воспоминаний ни слова нет о продаже домов!

Ладно, Сергей Владимиров — его в Ярославле вообще не было уже почти 10 лет, но и Нина Калинина не написала, а она ведь в конторе господина Успенского, пока бумаги писались, не пятнадцать минут провела! Об условиях продажи мы еще скажем, а сначала внимательно прочитаем сведения об участниках сделки, а при необходимости вновь перелистаем это дело.

Первое, что обращает на себя внимание, — указание на смерть Варвары Евграфовны: ее дочь Нина Васильевна об этом лишь очень сдержанно упомянула. После кончины матери девочки были в январе 1916 года утверждены в наследстве — им перешла ее доля в общем владении сестер и 5 000 рублей в Ярославском отделении Госбанка. Официально опекуншами тогда стали тетушки: Анна Евграфовна у Татьяны, Александра у Нины. Однако указами Ярославской дворянской опеки они менее чем за месяц до прихода к нотариусу от исполнения этих обязанностей были «уволены», а попечительницей несовершеннолетней Татьяны и малолетней Нины по их заявлениям была утверждена княгиня Кулунчакова⁹⁶.

Ни слова в дополнение к сказанному в преамбуле выписи нет в деле о «покупщиках». И нигде, ни в каких документах их имена нам больше не встретились. Когда и откуда приехали в Ярославль? Чем занимались? Эти вопросы так и остались без ответа.

Заметим, Вера Евграфовна при сделке по какой-то причине лично не присутствует — ее представляет поверенный. При этом указана она не купеческого звания, как в сведениях переписи, а как дочь отставного фельдфебеля. Об октябрь-

ском перевороте в Петрограде в Ярославле уже известно — неужели сообразили Ивановы, что их социальное происхождение теперь лучше не афишировать? Нет, не похоже, что в Ярославле «соображать» начали уже 2 декабря. Ни нотариус, ни остальные «продавицы» за прошедшие недели еще опасности не успели почувствовать: две другие сестры указаны как вдовы статских чиновников достаточно высоких чинов и являются, деюре, личными дворянками, а с девушками — мало того, что они потомственные дворянки, — совсем недальновидно уточнять было, что попечительница — княгиня⁹⁷.

И все-таки, почему в мемуарах ничего нет о продаже дома? Может быть, дело в условиях сделки? Читаем: «...продажа эта совершена за 61 000 рублей, в счет которых при написании акта покупщики уплатили 20 500, а остальные в сумме 40 500 — [должны были выплатить] по утверждении сей купчей. Пошлины и все расходы платят покупщики»⁹⁸.

Может, чуть позднее сообразили обе стороны, а в первую очередь Башковичи, что наступило время, не самое подходящее для покупки домов? Договорились, отыграли назад, деньги вернули? Может быть, по какой-то причине при новой власти купчую не утвердили? Ведь пометок об утверждении и выдаче вводного листа нет. Но тогда почему дело выглядит как закрытое, и откуда взялась запись на карточке домовладения в 509-м фонде ГАЯО, с которой все и началось в этой части нашего «следствия»? Найденные документы на эти вопросы уже не отвечают, и спросить уже не у кого.

И хотя неизвестно, чтобы после 21 июля 1918-го или Башковичи, или Ивановы предъявляли права на останки домов, похоже, все-таки, в городе что-то о факте продажи было известно: в отчете 1923 года И. А. Тихомиров написал о доме «...незадолго перед войною проданный наследниками владельца»⁹⁹.

О последних днях домов, стоявших на Рождественской, их гибели рассказала Нина Васильевна Калинина. А у нашего дома началась другая история.

СПАСИТЕЛЬ ЛУЗИНСКОГО ДОМА

Казалось бы, о вкладе И. А. Тихомирова в ярославское краеведение, да и в целом в культуру и науку края, упоминается постоянно, но не делать этого просто невозможно. Музей-заповедник ли, архив ли, краеведческие исследования — разве были бы они такими без его подвижничества?¹⁰⁰

В судьбе же лузинского дома роль Иллариона Александровича исключительна: он воссоздал его из пепла в буквальном смысле слова! Нет, конечно, по

дому, прицельно как по лицу, Спасскому монастырю и церковным колокольням, красные не стреляли — его могучие стены и своды на фоне ярославской катастрофы остались практически целыми, дом «всего лишь» полностью выгорел.

Надо сказать, что наш дом, как и весь Ярославль после июля 1918-го, стал страшной иллюстрацией к словам «Интернационала»:

Весь мир насиљя мы разрушим.
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим...

Что они сотворили с «красавцем Поволжья»! При чем тут «мир насиљя»? Город, руины которого покинуло около трети жителей, тем, кто его уничтожал, пришлось строить почти от «основания».

Нельзя не признать, что в *тех условиях* усилия большевиками были предприняты беспрецедентные. Помимо предприятий и жилья, не были забыты и пострадавшие памятники культуры: уже в сентябре музейный отдел Главнауки принял решение о восстановлении наиболее ценных из них. В Ярославле было создано отделение Государственных центральных реставрационных мастерских (ГЦРМ). Руководство работами было поручено П. Д. Барановскому и И. А. Тихомирову. «Дом Иванова», естественно, попал в список «ценных» и был передан для реставрации в ГЦРМ.

В «Паспорте памятника архитектуры» кратко указаны работы, выполненные реставраторами в 1920-е годы. Велись они в два этапа с почти четырехлетним между ними перерывом (декабрь 1923-го — весна 1927). Всего по четыре страницы машинописи занимают отчеты Иллариона Александровича о работах, датированные 1923-м и 1928-м годами, сохранившиеся в архивном деле. Сколько в них важной информации о доме, вы могли видеть по нашим неоднократным ссылкам на них. Но обращает на себя внимание и то, как написаны тихомировские тексты:

«Он, как тяжело больной из хорошо поживших и потому наживших множество всяких недугов, требовал спокойного и тщательного изучения с предварительными разведками и расчистками со многими чертежными построениями и простым вычерчиванием, с продумыванием добытых данных. А на это не было ни времени, ни средств».

Или: «Плоскости стен значительных размеров, темные и мрачные ночью, неприветливые, отпугивающие и днем: что-то вроде терема Черномора. Впрочем, нужно заметить что отсутствие окон в нижнем этаже обусловлено самим

Перед началом реставрационных работ 1923-го года

построением этого этажа. [Это об отсутствии окон в подклете. Далее — о конструкции подвалов.], — так образно и по-человечески неравнодушно почему-то крайне редко пишут об объектах своих исследований нынешние историки, словно до сих пор живут под обязательностью бездушного канцелярита «Краткого курса».

С другой стороны, при огромном опыте и широчайшей эрудиции безусловная научная добросовестность не позволяла исследователю строить замки на песке — факты, для которых логичных объяснений не было, четко констатировались, например: «В малом [восточном — см. поэтажные планы в Паспорте] подвале, близ западной стены под уровнем пола обнаружен какой-то ход — канал, уходящий под северную стену, выложенный и перекрытый кирпичом. За поздним временем (начало ноября [1928]) он остался необследованным (в подвал проникает подпочвенная вода)»¹⁰¹.

Самым тяжелым оказался, естественно, первый период. (На деле реальная помощь «Центра» изуродованному городу оказалась крайне недостаточной, а ее поступление — затянувшимся.) Дом, стоявший без крыши с зияющими дырами окон, еще и не охранялся: «...ставни украли зимой 1921/22 г., а в 1923 году решет-

Северный и западный фасады в 1923 г. Щепенная крыша

ку обнажили от кладки и концы ее отогнули для того, чтобы пролезать в тайник для ночевки». Три зимы сделали свое дело, и реставраторам пришлось перекладывать западную стену и примыкающие к ней части северной и южной. После этого дом обрел крышу, да и то «щепенную», только через пять лет она была «покрыта (по щепе) в два теса, и с северной стороны к дому пристроено временное деревянное крыльцо, по совету П. Д. Барановского, в духе крылец северных деревянных построек, кое-где встречающихся еще и в Ярославской губернии»...

В паспорте указано, что в декабре 1928-го отреставрированный дом и деревянная пристройка у его восточного фасада были отданы под жилье Союзу инвалидной кооперации. В отчете Тихомиров писал, что восточная часть основного этажа оставлена за реставрационными мастерскими. Кто-то из краеведов утверждал, что Илларион Александрович даже жил какое-то время в восстановленном доме. По всей видимости, это не так.

В музее-заповеднике есть его личный фонд. Хранящиеся в нем документы свидетельствуют, что с августа 1932 года последним пристанищем Тихомирова стала квартира № 40 в доме № 1 по Большой Октябрьской улице (такой адрес получил южный корпус Присутственных мест), где в это время размещался крае-

Северный фасад

ведческий музей — много лет именно в это здание каждый день приходил Илларион Александрович, в ЯГУАК и Древлехранилище. А до переезда на ставшую Советской Ильинскую площадь, он жил в другом месте, в восстановление и реставрацию которого вложил, пожалуй, еще больше сил, знаний и души, чем в дом Иванова: в Спасском монастыре¹⁰².

Мы не будем пересказывать другие, безусловно поучительные места из отчетов в неоднократно цитировавшемся архивном деле — там и о других спасенных «объектах» есть. Каждый шаг реставраторов тщательно обдумывался. Барановский и Тихомиров сделали для Ярославля столько, что их имена должны были бы быть занесены на скрижали истории города рядом с Ярославом Мудрым и первыми князьями, храмоздателями XVII столетия и Мельгуновым. Новая власть после кончины Иллариона Александровича не только не сохранила его могилы, но стерла с лица земли один из лучших результатов их трудов — древнюю Петропавловскую церковь на Волге. Петр Дмитриевич после этого в Ярославль не приезжал...

¹⁰³

И ОПЯТЬ, ИВАНОВЫ – НЕ ПОСЛЕДНИЕ ЖИЛЬЦЫ

Когда-то старый дом стал «домом Иванова» по фамилии последнего владельца. Как оказалось, Ивановы последними не были.

В Советской России дом больше уже не принадлежал кому-либо одному семейству — как значится в Паспорте, он стал коммунальным. В нем за полвека с лишним обитали самые разные люди. Кто же был последним жильцом, по чьему имени называть лузинский дом?

Перед нами последняя «Домовая книга для прописки граждан, проживающих в доме № 4 по улице Чайковского Кировского района». Начата она была 2 сентября 1949 года и велась вплоть до 1986 года. Сначала — строго по форме и инструкции, утвержденным еще в 1936 году Народным Комиссариатом Внутренних Дел СССР. Так и напечатано: каждое слово с прописной буквы, словно чтоб виднее было — НКВД. Книга была прошнурована и «запечатана», а 97 страниц ее пронумерованы. С начала 1960-х из нее исчезают «Отметки должностных лиц о проверке действительного наличия граждан, проживающих в доме и правильно-сти записи» — «оттепель»...

Теперь книга хранится в архиве Комитета историко-культурного наследия Департамента культуры и туризма Администрации области вместе с Паспортом памятника и другими документами. Интересно ее листать. Можно даже тему диссертации придумать, например: «Домовые книги для прописки граждан Советского Союза как исторический источник». Только листать без помощи оче-

Номер	Фамилия, имя, отчество, звание (расстрелян, кавалер ордена, герой Социалистического труда и т.д.) (если же записано дата до 10 лет, проживавшие с прописанными)	Год и месяц ре- гистрации	Место и сколько времени пребывания (город, уезд, област, село, деревня, поселок, рабочий поселок, санаторий, колхоз, совхоз, лагерь, тюрьма, концлагерь, — указывается начальник учреждения и его должность)		Причина и из какой органа	Наденесен- ность и грави- ровка
			Когда	Сколько		
22	Николаев Василий Георгиевич	1936 2/5	г. Москва	поселок 10 лет	Постановка РУДН	
23	Николаев Вера Георгиевна	1947 2/1	ул. Строканье дом № 183-1	поселок 10 лет		
24	Николаев Алексей Васильевич	1968 2/10				
25	Петрова Людмила Васильевна г. Дрезден	1944 15/11	г. Дрезден семья фамилия «Пиштаковы»	поселок 10 лет		

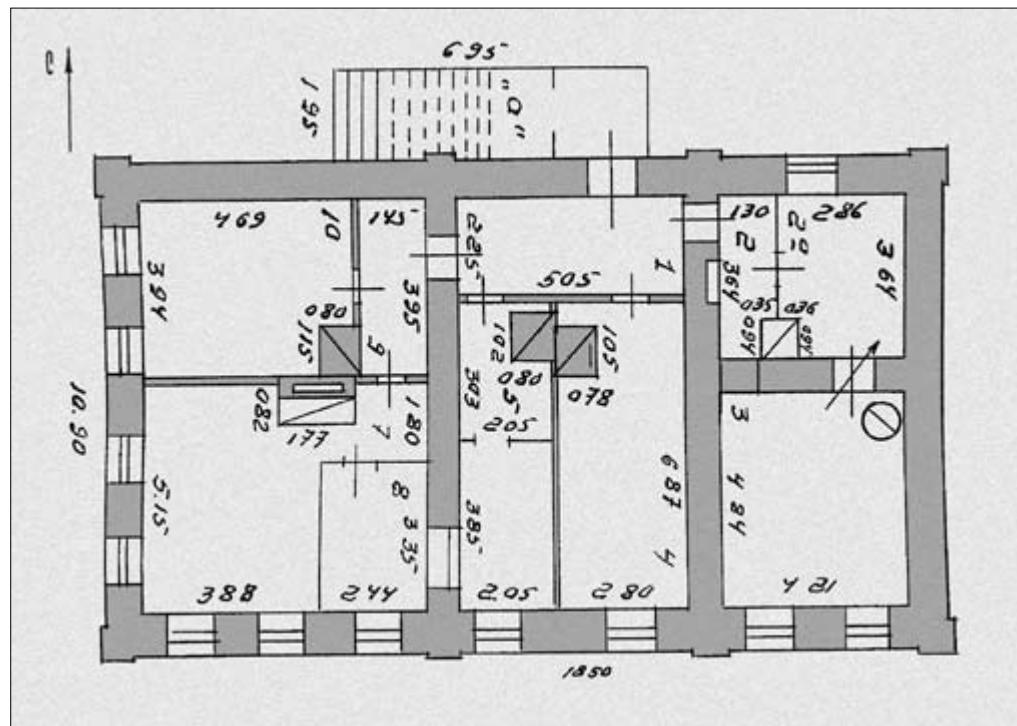

видца сложно — не разберешь, в какой из квартир, на которые он был поделен, какая из семей обитала. Такого гида нам посчастливилось найти. От него и узнали мы, что, во-первых, в обоих подвалах жить было нельзя — они были постоянно затоплены. (Это Ершов ручей о себе напоминает.) Во-вторых, то, что в Книге называется квартирами, на самом деле — комнаты, на которые не только капитальными лузинскими стенами но и новыми перегородками был поделен основной этаж.

Итак, книга. Старый дом остался себе верен: не смог не показать еще раз прихотливость своей судьбы.

Еще из предыдущей Домовой книги (где только она?) были перенесены записи о старых жильцах. Среди них были жившие в квартире № 2 Клавдия Петровна Тарасова (1914, д. Колодарово Ярославского района) и ее дети, Юрий (род. 1933) и Муза (1938) Васильевичи Карнауховы. В 1949-м Юрий был учеником слесаря, отслужил в армии, но затем жизнь его была достаточно бурной и не в ладах с законом: в книге несколько записей о его прописках и выписках, последняя в 1968-м. Нельзя не заметить, что в книге, как и в «старорежимных» документах, есть огрехи заполнения: например, фамилия Музы и Юры написана когда «Карнауховы», а когда через «о»; часто некоторые графы пустыми оставлялись, и пр., и пр.

Именно Муза и вернула еще на четверть века в старый дом Ивановых, выйдя в 1960-м замуж. Владимир Тихонович Иванов (1935, Ярославль) работал слеса-

План жилого этажа. Бюро технической инвентаризации г. Ярославля. 1960

рем моторного завода, а Муза долго служила телефонисткой в воинской части; в 1962 году у них родился сын Станислав.

Кстати, квартира их тогда значилась коммунальной, с 1968-го соседями были художник-реставратор ЯСНРМ Василий Федорович Николаев с женой Верой Георгиевной, тоже художником, и сыном Алешей. В 1974-м им дали квартиру. Наш гид объяснил, что 2-я «квартира» — в середине дома (как мы помним, это сени) и состояла из двух узких комнат. В освободившейся после Николаевых комнате устроили общую кухню...

В ноябре 1980-го Ивановы похоронили Клавдию Петровну Тарасову. В 1981-м Станислав ушел в армию — его выписали в сентябре, через два года парень вернулся в родной дом, а в августе 1984-го в квартиру № 2 были прописаны его жена Светлана Андреевна (1963) и новорожденный сын Дмитрий. 21 августа 1986 года все Ивановы были выписаны — получили квартиру за Волгой, на улице Космонавтов.

Но опять же Ивановы оказались последними: 19-м ноября 1986 года датирована выписка семьи Ободовых из 4-й квартиры дома: Мария Ивановна, ее внук

Александр Васильевич (1952), его жена Недежда Сергеевна (1953) и дочери, Дарья (1978) и Лиза, которая появилась на свет 11 декабря 1984 года и стала последним новорожденным, принесенным в старый лузинский дом. Квартиру им дали в том же, что и Ивановым, доме на улице Космонавтов.

Ободовы также были старожилами: Мария Ивановна (1907) с мужем Петром Лаврентьевичем (1899–1972), старшим весовщиком станции «Всполье», вырастили здесь троих детей. У них было аж две комнаты: они занимали весь восточный отсек.

Дочь Тамара (1936) в 1955-м уехала в Москву, через год вернулась было, но только три месяца на полиграфкомбинате проработала — столица не отпустила. Сын Виктор (1938), токарь моторного завода, после армии жену сюда привел, в 1960-м сын родился, а через пять лет втроем к родне жены съехали. Старший, Василий (1929), уже служил на флоте, когда у него с Ксенией Саша родился; вернулся только в 1954-м — в 1955-м родился Владимир, а в 1961-м — Андрей. Через два года, когда с тремя-то детьми дали им квартиру, старшего сына выписывать от деда с бабушкой не стали, чтобы эта не пропала — слухи о расселении дома давно ходили. Оказалось — не зря. Двадцать три года ждать, правда, пришлось.

Старики, когда Виктор с семьей уехал, студентам первую комнату стали сдавать — на одну пенсию трудно было бы жить, Мария Ивановна ведь домохозяйкой была. Учились квартирсанты в том же здании, что и жившие в начале века в лузинском доме при Ивановых безымянные семинаристы — в педагогическом институте. Благодаря советским правилам паспортного режима мы все их фамилии и прочие данные знаем из «Книги».

Но сказать, что Ободовы были самыми последними, нельзя: в один день с ними выписаны были из дома Миша Золкин, учащийся СПТУ № 10, и его мама Валентина Владимировна (1950), портниха швейного объединения «Волга». Дочь Ирина, поступившая в музыкальное училище, выписалась из квартиры на полгода раньше мамы и брата, уехала на учебу в Ростов.

18 ноября 1969 года у восемнадцатилетнего студента Художественного училища Саши Золкина и его жены Вали родились близнецы, Миша и Ира. И меньше чем через год, в августе, все они по обмену вселились в квартиру № 1. Из записей следует, что и 1-я квартира была коммунальной: при Золкиных с 1972-го по 1985-й, соседями их были мать и сын Городковы, жившие во второй, меньшей комнате западной части дома — с двумя окнами на улицу Чайковского. (Еще раньше обе комнаты занимала большая семья Ипатовых.)

Александр Сергеевич после учебы стал работать художником-оформителем сначала в швейном объединении «Ярославль», а затем в музее-заповеднике. Че-

рез три года несчастье — умирает Александр. (Т. С. Кузьмина и Т. А. Рутман и через 35 лет с большой теплотой о нем вспоминают — и человек хороший, и художник настоящий. Кстати, близким другом Саши, еще с училища, был Коля Мухин, очень известный теперь, академик.)

Валентина Владимировна вышла замуж, «Книга» фиксирует, что в 1984-м она сменила фамилию. Сергей Александрович Гусев, ее второй муж, хоть и жил здесь, в большой юго-западной комнате с пятью окнами, прописан в доме не был.

Выписались в 1986-м мама и Миша, и уехали с отчимом все в тот же дом на улице Космонавтов, вместе с Ободовыми и Ивановыми, — расселение старого жилья и тогда и теперь для властей задача непростая, решать ее приходится комплексно...

А гидом нашим, который и помог нам «расселить» всех по комнатам плана, оказался Михаил Александрович Золкин. От него мы и узнали, что Паспорт памятника, в котором сказано, что всех жильцов еще в 1985-м выселили, чтобы начать ремонтно-реставрационные работы, не обманывает. Выселить в 1985-м — выселили, но выписывать было еще некуда: дом с их будущими квартирами только строился. Около года, по тем временам — быстро, ждать пришлось. Но люди особо не возражали — постоянная сырость сказалась уже на состоянии и основного этажа.

Так что сведения паспортного учета с жизнью расходятся: мы рассказали только о нескольких семьях, прописанных в старом доме, а за полвека и живших было больше, чем значилось в книге, с другой стороны, не все прописанные жили в доме.

После почти трехлетних работ в доме вот уже более 20 лет размещаются те, кто отвечает за памятники культуры в Ярославской области — мы не можем не

поблагодарить Ю. И. Аврутова, Т. Л. Васильеву и М. В. Осипову за внимание к нашей работе и предоставленные документы и материалы их архива.

Искреннее спасибо за ценные советы мы должны сказать И. Л. Бусевой-Давыдовой и Т. В. Котовой, а архивные находки С. В. Севрюковой существенно дополнили наши материалы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАЯО, ф. 509, оп. 1, д. 1104.

² Тихомиров И. А. Древние гражданские памятники // Ярославль в его прошлом и настоящем: Исторический очерк-путеводитель / Издание Ярославской экскурсионной комиссии. Ярославль, 1913. Цит. по: История губернского города Ярославля / Сост. А. М. Рутман. Ярославль, 2006. С. 338; план на вкладыше; см. также переиздание: История... 2-е изд., испр. Ярославль, 2007 — пагинация совпадает.

³ Суслов А. И., Чураков С. С. Ярославль. М., 1960. С.183. (Города Советского Союза в памятниках зодчества.) Мы выделили важное замечание авторов: через много лет Агафья Иванова и ее семья тоже предпочли жить в деревянном доме.

⁴ На деле не так все было просто: часть дворов оставалась за монастырями, им же, в первую очередь — Спасскому, принадлежали и некоторые лежащие близ города земли. Окончательно все ярославские слободы были приписаны к посаду в 1686 г.

Подробнее о слободах и административном делении города в то время см. История губернского города Ярославля. Ярославль, 2006. С. 451–455, 471–483; о закладничестве, которое сыграло в истории Спасской слободы, ее развитии и составе жителей очень важную, если не определяющую роль — там же в разделе «Комментарии». С. 434–435, а также указанную там библиографию. Там же, особенно у И. Ф. Барщевского, — о значении привилегированного купечества в развитии Ярославля.

⁵ Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля. Ярославль, 2005. С. 272.

⁶ ГАЯО, ф. Р-1401, оп. 1, д. 31; Маров В. Ф. Ярославль: Архитектура и градостроительство. Ярославль, 2000. С. 70–71; Суслов А. И., Чураков С. С. Ярославль. М., 1960. С. 183.

⁷ Труды ЯГУАК. Ярославль, 1913. Кн. 6. Вып. 3–4.

⁸ ГАЯО, ф. 582.

- ⁹ Труды ЯГУАК. Указ. соч. Стб. 339, 460, соответственно.
- ¹⁰ Там же. Стб. 557.
- ¹¹ Там же. Стб. 563.
- ¹² Рутман Т. А. Указ. соч. С. 184, 345.
- ¹³ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 568, л. 593 об. — Благодарим О. Г. Шаброву за любезно предоставленные сведения из переписи 1710 г.
- ¹⁴ Рутман Т. А. Указ. соч. С. 101, 168.
- ¹⁵ Труды ЯГУАК. Указ. соч. Стб. 563. Андрей Солуянов — это дядя Алексея Зубчанинова.
- ¹⁶ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. / РГАДА. Т. 1. М., 1998. С. 315, 326.
- ¹⁷ РГАДА, ф. 1209, д. 568, л. 482.
- ¹⁸ Голикова Н. Б. Указ. соч. С. 9, 292, 311–313.
- ¹⁹ Голикова описывает нелепую ситуацию, возникшую из-за ошибки подьячих Посольского приказа: они перепутали имя и отчество, и вместо Семена Астафьева царским указом оказался пожалованным в гости неведомый Астафий Семенов Лузин; обидную ошибку исправили только к 1676 году (Там же. С. 122, 133–134). Так что первым «подпоручиком Киже» мог стать ярославец.
- ²⁰ История предпринимательства в России. М., 2000. Кн. 1: От средневековья до середины XIX века; цит. по <http://www.rus-lib.ru/book/35/51/101-163.html>. Здесь необходимо заметить, что в Ярославле в те времена можно было купить двор, то есть землю с домом и надворными постройками, за несколько рублей.
- ²¹ Богословский М. М. Городская реформа 1699 года // http://www.democracy.ru/library/publications/voter/special/el_history/page3.html.
- ²² Грамоту обнаружил В. С. Шилов (Об одной утерянной рукописи и атрибуции стено-писи ростовской церкви Спаса на Сенях // Санкт-Петербургский фонд культуры. Программа «Храм». Сб. мат-ов. «Охраняется государством». СПб., 1994. Вып. 4. Ч. 1. С. 148–158); Добровольская Э. Д., Гнедовский Б. В. Ярославль. Тутаев: Архитектурно-художественные памятники. М., 1981. С. 181–183.
- ²³ Тихомиров И. А. Ярославское зодчество // Ярославль в его прошлом и настоящем: Исторический очерк-путеводитель / Издание Ярославской экскурсионной комиссии. Ярославль, 1913. Цит. по: История губернского города Ярославля. Ярославль, 2006. С. 332–333.
- ²⁴ Добровольская Э. Д., Гнедовский Б. В. Указ. соч. С. 181. О фреске «Страшный суд», созданной этими же мастерами для владыки Ионы, см. Никитина Т. Л. Церковь Спаса на Сенях в Ростове Великом. М., 2002. С. 27, 55–66.
- ²⁵ Рутман Т. А. Указ. соч. С. 262, 267–273.
- ²⁶ РГАДА, ф. 1209, д. 568, л. 450 об., 483, 483 об., 486, 487 об., 488, 489, 502 об. Оба брата показаны в переписи как члены гостиной сотни, однако в списках у Н. Б. Голиковой сведений об их пожаловании нет!
- ²⁷ РГАДА, ф. 1209, д. 568, л. 490; Голикова Н. Б. Указ. соч. С. 387–388.
- ²⁸ Заозерская Е. И. Сказки торговых людей Московского государства 1704 г. // Исторические записки. 1945. № 17. С. 248–249.
- ²⁹ ГАЯО, ф. Р-1401, оп. 1, д. 31, л. 134; курсив наш. В отчете 1923 года Тихомиров описал тайник подробнее: «... трапта помещения, занятого пазухами, видимо, обратила внимание уже самого строителя: половину их он использовал, устроив тайник в виде длинного узкого коленчатого (около двух перекрецивающихся стен внутренней восточ-

ной и наружной южной) хода, перекрытого коробовым сводом; совсем как «каменный мешок», даже с каменным рундуком у стены. Откуда был вход в тайник, не выяснено, имеющийся ныне по винтовой каменной лестнице более поздний, устроенный одновременно с окном...» (Там же, л. 6).

³⁰ Заозерская Е. И. Указ. соч. С. 251. К сожалению, сами «сказки» до сих пор не опубликованы, а как их не хватает!

³¹ ГАЯО, ф. 230, оп. 13, д. 105, л. 22.; д. 214, л. 59.

Следует подчеркнуть, наличие имени конкретного человека в исповедных или метрических книгах не всегда является стопроцентным доказательством его проживания на определяемой церковным начальством территории прихода. (Хорошо известно, например, что деятельность деда И. А. Тихомирова, протоиерея Иллариона Тихомирова, привела к многократному увеличению числа прихожан Воскресенской церкви, в которой он настоятельствовал. Другой пример: часть семей потомков Варфоломея Масленникова — многочисленные ярославские Вахрамеевы — оставались прихожанами «родового» Благовещенского храма.)

В то же время указание в документах на расположение дома в приходе того или иного храма для конкретного периода времени территориально вполне определенно.

³² Там же, д. 1237, л. 13 об.; д. 3161, л. 41, 43.

³³ Жельвис В. И. Прогулки по Ярославлю: Путеводитель. Ярославль, 2001. С. 65.

³⁴ Грязнов А. Ф. Ярославская Большая мануфактура с 1722 по 1858 годы. М., 1910. С. 488 и вклейка (Приложение № 9).

³⁵ Например, уже с годами рождения Максимовичей: их собственный отец в показаниях 1721-го года «дает» Андрею 24 года, а Ивану 20 лет (Там же. С. 12–13.). А проверить по метрическим книгам нельзя — их нет.

Другие даты, например освящение теплой церкви в нижнем этаже Петропавловского храма при мануфактуре, отнесенное автором к 1742 году, уточнились: исповедные росписи в церкви во имя Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы велись уже в 1739 году, и Иван Максимович с семьей значится среди ее прихожан (ГАЯО, ф. 230, оп. 13, д. 210, л. 1, 7, 449). Рукописное «Географическое и историческое описание города Ярославля» сообщает об ее освящении еще во время строительства в 1737-м (Там же, кол. рукописей, д. 1317, л. 79 об.– 80).

³⁶ Алексей Флегонович, не стесняясь, отмечал места, в которых не разбрался. Автор следующей «толстой» книги (*Паялин Н. П. Волжские ткачи. 1722–1917 / История фабрик и заводов: Фабрика «Красный Перекоп» — Ярославская Большая мануфактура. 1722–1933. Под ред. Ф. Самойлова. М., 1936. Т. 1*) ни документы так подробно не приводил, ни второго не делал — у него, в соответствии с «генеральной линией», вопросов к истории быть не могло, и не было. Не появилось их почему-то и в XXI веке: *Балуева Надежда. Ярославская Большая мануфактура: Страницы истории. Ярославль, 2002.*

³⁷ Так писали и Головщиков, и Барщевский, Грязнов лишь повторил (Указ. соч. С. 16–19, 372–375), но пишут и сегодня, например: *Сафонов В. И. Творческое освоение историко-архитектурного пространства исторического города на примере историко-архитектурной среды Николо-Мокринского ансамбля в г. Ярославле // Культурный ландшафт и архитектурная среда городов Верхневолжья. Материалы научной конференции; Посвящается 225-летию регулярного плана застройки г. Ярославля. Ярославль, 2004. С. 137.* Подробнее см.: История губернского города Ярославля. Ярославль, 2006. С. 89–93, 379 и комментарии С. 417, 418, 447, где уже отмечалась

недостаточная обоснованность этих взглядов.

³⁸ А ведь утверждая это, сам Грязнов писал: «Хотя *прямых указаний — где именно фабрика была устроена — и не имеется*, тем не менее, вне всякого сомнения, что устроена она была не на том месте, которое под нее было отпрошено у казны в приходе Николы Мокрого («на котором делали полотна шведские арестантсы»), а на ручье Кавардаковском, на месте, отведенном под отбелку полотен» (Грязнов А. Ф. Указ. соч. С. 35. Курсив наш).

Подчеркнем, получение Иваном Тамесом и Максимом Затрапезновым с сыновьями для затеянного ими мануфактурного дела первого из названных участков является единственным, но прямым документальным указанием на то, что петровский оружейный двор располагался именно в Николо-Мокринском приходе на участке, западнее церквей (уже за ручьем Паутовцем), между Спасской улицей и Крохиной слободой — в детальных описаниях его строительства и первых результатов работы 1711 года нет ни одного конкретного указания на их расположение в городе.

³⁹ Два эти сюжета ярославской истории взаимосвязаны, и об обоих никак нельзя сказать, что они де — «вне всякого сомнения»: ни о майском пожаре 1711 года, ни об организации полотняного производства в 1722-м сразу за Которослью. И нельзя утверждать, что все эти сомнения нашего загадочного дома вообще не касаются: если пожар уничтожил южную сторону Спасской улицы, где располагался государев двор, то каким образом уцелел лузинский дом — пламя ведь шло из города и не могло его миновать? И такой опытный археолог и реставратор, И. А. Тихомиров, дважды в 1920-е работавший на доме, в своем отчете не отметил следов каких-либо пожаров, кроме последнего, в 1918-м, страшные последствия которого он и исправлял. Даже если предположить, что дом не пострадал потому, что пожар не перекинулся на северный порядок улицы, то тогда как он мог миновать Николо-Мокринские храмы? Ярославский церковный летописец свидетельствует, что в тот страшный пожар, спаливший весь центр Ярославля, «по реке Которосли не горели: Спасов монастырь и до поля приходы 9 с слободами». Назовем эти 9 церквей: 1) Рождества Богородицы, 2) Богоявления, 3) Дмитрия Солунского, 4) Петра Митрополита в Киселюхе, 5) Никиты Мученика, 6) Иоанна Богослова на Горках, 7) Николы Мокрого, 8) Владимирская на Семике и 9) Пятницы на Всполье, — и в сведениях ни об одной из них нет упоминаний о пожарном разорении 1711 года!

Наконец, самый серьезный аргумент против пожара есть прямо в книге Грязнова, в документах Приложения № 1 — рапортах о работе шведских ружейных мастеров на государевом дворе. Они описывают события на нем... августа и октября 1711 года и даже января 1712-го! (Грязнов А. Ф. Указ. соч. С. 373–375)

Так сгорел ли оружейный двор в 1711-м? Не только логика, но и документы говорят нет! Почему же о его дальнейшей судьбе ни слова? Это уже следующий вопрос, надо искать документы...

Теперь о создании мануфактуры. Если бы в 1711-м пламя пожрало все на государевом дворе, то зачем будущим фабрикантам, которым в уме и таланте не откажешь, через одиннадцать лет нужен был этот пустырь, зажатый со всех сторон ручьями и посадскими дворами (с юга — Крохиной слободой, с севера — дворами южного порядка Спасской улицы)?

«Фундаторы» как просили, так и получили свободные земли за Которослью на Кавардаковском ручье с *предписанным «целевым назначением»*: для отбеливания полотна.

А за нецелевое использование при Преобразователе наказания были жестче, чем в нынешней России! Другое дело, шелковая, «ленточная» фабрика, которая заработала в 1723-м, — ее, в принципе, могли за год успеть построить и наладить уже за Которослью, но и для этого надо было просить разрешение, а документов и на эту тему нет. Еще об одном преимуществе николо-мокринского участка сказал сам Грязнов: «...был близок к их дому и потому удобен для надзора за будущей фабрикою» (Там же. С. 31). Полностью разделяя это утверждение Алексея Флегонтовича, оговоримся: *близок*, но как и другие дворы в приходе Николы Мокрого, прилегающие к оружейному-полотняному. И каким-то из них наверняка воспользовались: за строительством-то смотреть надо было.

Публикация ярославских документов из фондов РГАДА, выявление которых было начато в 2007 году, будем надеяться, прольет свет на этот комплекс вопросов.

⁴⁰ ГАЯО, ф. 230, оп. 13, д. 105, л. 21; д. 210, л. 7, 449; д. 213, л. 78; д. 214, л. 57. А в 1739 году Дмитрий и Гавриил записаны среди прихожан у Николы на Меленках.

⁴¹ Грязнов А. Ф. Указ. соч. С. 454–455. Автор цитирует документ и тут же утверждает, что «дом этот — тот самый, в котором жил их отец, Максим Затрапезнов, до устройства полотняной фабрики, к которому и был отпущен от казны «двор пустой»».

Грязнов прав: оборот «со всяkim палатным каменным и деревянным строением» употреблялся в XVIII веке по отношению именно к жилым домам. Но какое отношение имеет родовой затрапезновский двор к «манифактуре»? Они же не внесли его в счет своей доли в общем с Тамесом деле. Нет и сведений о том, что к территории «двора пустого», выделенной в 1722-м, за это время какая-то земля прирезалась.

⁴² Сафонов В. И. Указ. соч. С. 138.

⁴³ Заметим только, ни одним из них не мог быть «дом Сорокина» на Рождественской близ Нетечи, как ошибочно предположил Алексей Флегонтович (Указ. соч. С. 455).

⁴⁴ ГАЯО, ф. 230, оп. 13, д. 1237, л. 9 об.; д. 3161, л. 35; д. 6421, л. 1; д. 8948, л. 17.

Интересная подробность обнаружилась в исповедной росписи 1776 года: есть среди прихожан и «в Николаевском приходе жительствующего городского лекаря Гуттана, кой имеется в лютеранском законе, жена его правоверная Анна Федорова... сын их правоверный Димитрий, полгода...» (Там же, д. 6421, л. 1 об.). Не свидетельствует ли это о том, что при ЯМм, в соответствии с законом 1741 года, была устроена больница для рабочих, а Гуттан лекарствовал и в ней?

⁴⁵ Грязнов А. Ф. Указ. соч. С. 488 и вклейка (Приложение № 9).

⁴⁶ Грязнов А. Ф. Указ. соч. С. 388; ГАЯО, ф. 230, оп. 13, д. 1237, л. 12; д. 3161, л. 44; д. 6421, л. 7; д. 8948, л. 25 об.

⁴⁷ Грязнов А. Ф. Указ. соч. С. 64.

Сто лет назад ярославцы вряд ли путали двух потомственных почетных граждан Иванов Александровичей Вахрамеевых, деды которых были родными братьями, сыновьями Федора Андреевича Вахрамеева (1763–1806). Бывший городской голова, владелец крупнейшего мукомольного в губернии предприятия, пожалованный в коммерции советники, меценат и коллекционер (в отличку от своих многочисленных в городе родственников стал писать свою фамилию через «о») — постоянно упоминается в краеведческих изданиях, и хорошо известен и сегодняшним горожанам.

У второго из тезок был не только маслобойный, но и свинцово-белильный завод, доставшийся от отца, устроившего его в 1870 году в усадьбе на Большой Рождественской улице (два каменных двухэтажных дома с землей и надворными строения-

ми), которую купила его мать Мария Яковлевна в 1861 году у купчихи Анны Ивановны Щепетильниковой за 9 000 рублей серебром (ГАЯО, ф. 79, оп. 7, д. 1729, л. 787 об., 864; ф. 642, оп. 1, д. 23303, л. 69). *Сведения предоставлены С. В. Севрюковой*). Дедом этого Ивана Александровича был Андрей Федорович Вахрамеев, родоначальник самой многочисленной ветви рода, владевшей в начале XX века несколькими свинцово-белильными (в том числе будущими «Русскими красками») и табачными заводами.

Ни к одному из 2 домов этого И. А. Вахрамеева, у которого в городе было прозвище «Ванька-бешеный», Алексей Иванов Затрапезнов никакого отношения не имел. Во-первых, дома эти были построены уже после того, как этот внук выдающегося деда безвестно для Грязнова и нас исчез: один к концу XVIII, а другой вообще в XIX веке. Во-вторых, стояли они в приходе не Николы Мокрого, а церкви Параскевы Пятницы на Всполье. Предприятие на Рождественской было не из крупных, его деревянные постройки сгорели в июле 1918-го, дома сильно пострадали, но трудами Барановского и Тихомирова более старый спасли — он дожил до наших дней: ул. Лисицына, д. 6а.

Кстати, А. Ф. Грязнов сомневался, был ли Алексей Затрапезнов женат и были ли у него дети (С. 65) — в исповедных росписях Петропавловского при мануфактуре храма значится, что у его жены Марфы Романовны, 27 лет, детей не было (ГАЯО, ф. 230, оп. 13, д. 3615, л. 1–1 об.).

⁴⁸ Грязнов А. Ф. Указ. соч. С. 63–64. Обращает на себя внимание весьма значительный размер двора: более 2000 кв. саженей.

⁴⁹ ГАЯО, ф. 142, оп. 1, д. 29; д. 127. Документы этих дел, относящиеся к дому, в значительной степени дублируют друг друга. Есть в них и копии купчей, приведенной Грязновым: Там же, д. 29, л. 41; д. 127, л. 34.

Все-таки я воспользуюсь своим правом издателя и (хотя читатель, думаю, и так понимает все правильно) уточню, что львиная доля архивных находок в данном исследовании — результат многолетних целенаправленных изысканий Н. С. Землянской по истории Ярославля, его домов и их обитателей. — А. Р.

⁵⁰ ГАЯО, ф. 142, оп. 1, д. 29, л. 42–44. Описания размеров двора и его межевания, опущенные нами в этой большой цитате, идентичны приведенным в купчей.

Челен — словечко отнюдь не из репертуара порносайтов Рунета XXI века. Оно до сих пор используется как термин (челен или челено) в лесозаготовительной и деревообрабатывающей отраслях промышленности для обозначения соединенных между собой в определенном порядке и форме лесоматериалов — досок, бревен и пр. Здесь: секция ограды

⁵¹ ГАЯО, ф. Р-1401, оп. 1, д. 31, л. 4 об. — отчет 1923 года

⁵² Там же, л. 5.

⁵³ ГАЯО, ф. 142, оп. 1, д. 29, л. 14, 33; д. 127, л. 22. Наверное, надо напомнить, что Правление экономии ведало и огромными земельными владениями, и приписанными к ним экономическими крестьянами — категорией государственных крестьян, образованной после секуляризации при Екатерине II бывших монастырских и церковных имуществ в ходе реформы 1760-х годов.

О пристройке см. ГАЯО, ф. 100, оп. 11, д. 21, л. 22.

⁵⁴ Поле, куда гоняли скот, начиналось у окраины бывшей Никитской слободы и тянулось севернее, то есть позади дворов Спасской улицы в Пятницком приходе.

⁵⁵ План повторен в обоих изданиях «Истории губернского города Ярославля». Вопрос о топографических и документальных источниках для этой схемы выходит за рамки статьи.

⁵⁶ ГАЯО, ф. Р-1401, оп. 1, д. 31, л. 5 об.

⁵⁷ На наш взгляд, на плане XVIII в. отрезок улицы от Ершова ручья до переулка, спускающегося к Николо-Мокринским церквам — будущей Любимской улицы, Тихомировым ошибочно назван Киселюхой: одноименная слобода и улица в ней упирались в ручей с востока, от западного его края начиналась уже Спасская слобода, а значит, и улица.

Интересно, что В. Н. Владимиров, подавая в 1895 г. прошение о приеме сына Артемия в гимназию, указал адрес своего проживания так: «Рождественская (Киселюха)» — возможно, такое уточнение делалось в конце XIX в., чтобы не путать в быту две части Рождественской улицы, расположенные по разные стороны от Спасо-Преображенского монастыря (ГАЯО, ф. 557, оп. 1, д. 265, л. 1). К этому времени уже исчез и сам Ершов ручей, забылась и граница между слободами Киселюхой и Спасской — вполне вероятно, это и привело к редкой у Иллариона Александровича неточности.

⁵⁸ ГАЯО, ф. 230, оп. 13, д. 1237, л. 13 об.

⁵⁹ Еще в одном деле есть следы судьбы лузинского дома в конце 1770-х: ГАЯО, ф. 100, оп. 11, д. 21, л. 2. Данные 1885-го: Там же, ф. 230, оп. 13, д. 8948, л. 27.

⁶⁰ Списки см.: ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 514, л. 1–10 об. Левенгаген построил себе деревянный дом в приходе Николы Мокрого, а участок, выделенный ему для строительства каменного дома в 25-м землемерном квартале, просто продал: ГАЯО, ф. 55, оп. 1, д. 769, л. 13.

После того, как сам Алексей Петрович Мельгунов поселился неподалеку от нашего дома, в бывшей Киселевой слободе, эта часть предместий, приближенная к начальству, вне всяких сомнений, на некоторое время превратилась в самый престижный район города. Об усадьбе наместника и генерал-губернатора см.: *Лествицын* В. Генерал-губернаторский дом в Ярославле в 1777–1829 годах. Ярославль, 1880.

⁶¹ Некоторые потом возвращались в родной приход, покупая дома в знакомых местах: ГАЯО, ф. 151, оп. 2, д. 2728; ф. 501, оп. 1, д. 135, л. 22 об.; д. 429, л. 424 об.

⁶² ГАЯО, ф. 151, оп. 2, д. 2728; д. 2989.

⁶³ ГАЯО, ф. 501, оп. 1, д. 123, л. 37. Интересно, что в этой книге Михаил по какой-то причине указан под фамилией Рафаилов, и только из другого документа, где говорится о земле Михаила Рафаилова в Толчковой слободе, выясняется, что «он же — Затрапезнов» (ГАЯО, ф. 55, оп. 1, д. 448) — это характерный пример сохраняющейся еще весь XIX век неустойчивости в городском быту родовых фамилий. А уж о том, что писалась она и Затрапезные, и даже Затрапезновые, говорить нечего.

⁶⁴ ГАЯО, ф. 151, оп. 2, д. 2728; д. 2349; д. 2989.

⁶⁵ ГАЯО, ф. 100, оп. 7, д. 3, л. 2 об.; ф. 230, оп. 13, д. 8948, л. 26; ф. 501, оп. 1, д. 133, л. 26 об.

⁶⁶ ГАЯО, ф. 55, оп. 1, д. 897, л. 52, 58, 200; ф. 151, оп. 2, д. 2349; ф. 501, оп. 1, д. 3695, л. 27. Надо заметить, что, во-первых, разводов в те времена практически не было — Иосиф Кубасов дважды вдовел.

Во-вторых, слово «куरень», часто встречающееся в ярославских документах, здесь обозначает отдельное строение, флигель, используемый для производственных нужд, а не «соломенный шалаш, временное помещение для рабочих, барак (обл.)» и

т. п., как это указывается во многих словарях.

⁶⁷ ГРАДА, ф. 807, оп. 2, д. 30, л. 18 об.; ГАЯО, ф. 55, оп. 1, д. 816, л. 27; ф. 100, оп. 7, д. 3, л. 12 об.; ф. 151, оп. 2, д. 2349; ф. 501, оп. 1, д. 31, л. 32 об.; д. 110, л. 68; д. 3695, л. 27. Разбираясь с биографией Кочурина, мы столкнулись с очень нечастым случаем, когда «обманывают» Брокгауз и Ефрон — оба и сразу. Читаем: «Тамбовский 122-й пехотный полк — сформирован в 1863 г. из резервных и бессрочноотпускных Севского полка». Выручил, как ни странно, интернет. Оказывается, полк был создан в XVIII веке как Тамбовский мушкетерский, с 1811 года переименован в Тамбовский пехотный. В 1830-е был расформирован.

⁶⁸ ГАЯО, ф. 55, оп. 1, д. 897, л. 52, 58, 200; ф. 79, оп. 1, д. 244, л. 84–84 об., 108, 114; ф. 455, оп. 1, д. 10908; ф. 501, оп. 1, д. 429, л. 75 об.; д. 858, л. 138; оп. 2, д. 31; ф. 509, оп. 3, д. 373, л. 57.

⁶⁹ Обстоятельства передачи храмов см.: ГАЯО, ф. 1118, оп. 1, д. 2138. О соседнем доме: Там же, ф. 501, оп. 1, д. 3089, л. 94 об.

⁷⁰ ГАЯО, ф. 455, оп. 1 Яр., д. 10908.

⁷¹ ГАЯО, ф. 151, оп. 2, д. 30764.

⁷² ГАЯО, ф. 501, оп. 1, д. 2812, л. 68.

⁷³ ГАЯО, ф. 55, оп. 1, д. 2593, л. 3; ф. 967, оп. 2, д. 1314, л. 19–20. Самое удивительное, что на подлиннике купчей во втором из названных дел подписи покупщицы нет! «Продавица», свидетели, чиновник Гражданской палаты, канцелярист — все «руку приложили» или «подписуюсь» оставили, а про Агафью Яковлеву словно забыли. (Возможно, один из трех свидетелей был на самом деле ее поверенным.) И ни у кого потом, вплоть до 1917 года, это никакого недоумения не вызывало.

⁷⁴ Естественно, не следует смешивать антресольный этаж с дополнительным этажом мезонина. При этом, и объективно, и формально, «двухэтажный с антресолями дом», конечно же, является трехэтажным — сегодня так и пишется: в подавляющем большинстве случаев поди разберись, является этот этаж просто более низким, чем остальные, или он антресольный. Недаром терминологические споры неразрешимы: «Сколько камней — куча?»

Двухэтажные дома с антресолями можно встретить в изданиях о Костроме, Твери, Елабуге, Касимове, Калуге или о подмосковных усадьбах, стоит только набрать это словосочетание в любом поисковике интернета. Но вот ни об одном ярославском доме, как об имеющем антресоли, в уже упоминавшейся книге В. Ф. Марова не говорится. Хотя есть они и в Ярославле. Взять, например, хорошо известный дом И. А. Вахромеева на углу площади Челюскинцев и улицы Революционной: Маров сам подчеркивает, что его третий этаж невысокий (С. 84–86), но антресольным не называет. А в XIX веке встречаем в Ярославле дома с этими самыми антресолями и в документах...

⁷⁵ ГАЯО, ф. Р-1401, оп. 1, д. 31. л. 6.

⁷⁶ ГАЯО, ф. 55, оп. 1, д. 2178, л. 3; ф. 151, оп. 2, д. 30620, л. 3, 5; ф. 509, оп. 2, д. 1923, л. 13 об.

⁷⁷ ГАЯО, ф. 230, оп. 3, д. 1491.

⁷⁸ О церквях см.: Рутман Т. А. Указ. соч. С. 184, 345. В XX веке, в предреволюционный период приход при церкви кадетского корпуса был разрешен, и в густонаселенном районе он стал достаточно многочисленным. Никола Мокрый так и оставался в ведении протопресвитера военного и морского ведомств.

⁷⁹ ГАЯО, ф. 501, оп. 1, д. 3089, л. 97 об.; ф. 509, оп. 1, д. 2307, л. 6 об.

⁸⁰ ГАЯО, ф. Р-1401, оп. 1, д. 31, л. 135 об.–136.

⁸¹ Смешанным назывался дом с каменным первым этажом.

Ренковый погреб — магазин, торгующий виноградными винами, — от старинного названия всякого виноградного вина — «ренское», букв. рейнское.

⁸² ГАЯО, ф. 509; оп. 2, д. 1865, л. 2 об.

⁸³ ГАЯО, ф. 509; оп. 2, д. 1988, л. 334.

⁸⁴ ГАЯО, ф. 485, оп. 5, д. 574, л. 131. Обозначения построек литерами в документах ф. 485 и ф. 509 не совпадают: на приведенном плане дворницкая — «Г».

⁸⁵ Из Свода Военных Постановлений (Кн. 7. Ст. 217–237) можно узнать, что «правом на переименование в кандидаты на классную должность и на производство затем в классный чин пользуются все нестроевые нижние чины унтер-офицерских званий (старшего разряда), выслужившие в нижнем звании полные сроки действительной службы и выдержавшие экзамен: а) из общих научных предметов по программам младшего класса юнкерских училищ; б) из дисциплинарного устава и в) в знании постановлений, порядка делопроизводства и счетоводства той части, где служит экзаменующийся...»

⁸⁶ ГАЯО, ф. 509, оп. 2, д. 1988, л. 371.

⁸⁷ ГАЯО, ф. 967, оп. 2, д. 1314, л. 15–16. Анна была замужем за А. Н. Угодским и овдовела за три недели до того, как умерла Агафья Яковлевна; Александра — за В. Н. Владимировым; Варвара выйдет замуж за В. М. Калинина через десять лет, Вера так и останется незамужней. Подробнее биографические сведения о членах семьи см. в текстах мемуаров и в статье А. М. Рутмана.

⁸⁸ ГАЯО, ф. 967, оп. 2, д. 1314, л. 9–16, 20 об.

⁸⁹ Например, Н. В. Калинина вспоминает о нем как об «одноэтажном доме (флигеле), значительно меньших размеров». В переписи 1897 г. (ГАЯО, ф. 642, оп. 3, д. 1346, л. 7) он назван деревянным флигелем, а старый лузинский дом — каменным флигелем.

⁹⁰ ГАЯО, ф. 642, оп. 3, д. 1346, л. 7.

⁹¹ В составлявшихся городскими властями ведомостях о купцах, объявивших свои капиталы на данный год: ГАЯО, ф. 509, оп. 2, д. 1489, л. 35; д. 1491, л. 67 об.; д. 1492, л. 77 об.; д. 1493, л. 79; д. 1494, л. 76 об.; д. 1495, л. 59; д. 1496, л. 41 об.; д. 1497, л. 139 об.

Подтвердилась и лесоторговая деятельность Евграфа Спиридоновича — см. подробнее в статье А. М. Рутмана.

⁹² ГАЯО, ф. 967, оп. 2, д. 1314, л. 9 об. Им отец завещал «по сту рублей каждому».

⁹³ Следы их удалось обнаружить Т. В. Котовой и С. В. Севрюковой — см. в настоящем издании в статье А. М. Рутмана.

⁹⁴ ГАЯО, ф. 509; оп. 2, д. 1988, л. 101–109, 334.

⁹⁵ ГАЯО, ф. 967, оп. 2, д. 1314, л. 3–4.

⁹⁶ Там же, л. 12, 13, 17–18 об. Совершеннолетие наступало по достижении 21 года; до 17 лет считались малолетними. Упомянутые указы датированы, соответственно, 8 ноября и 1 декабря 1917-го — видимо, это было сделано именно для предстоящей продажи домовладения и являлось некоей формально необходимой процедурой (дескать, опекуны и попечители не могут продавать совместное с опекаемыми имущество?).

В метрической книге Никитской церкви есть запись о том, что «21 января 1915 г. умерла вдова подполковника Варвара Евграфовна Калинина», похоронена на Туговском кладбище (ГАЯО, ф. 230, оп. 11, д. 510 в, л. 285 об.–286; сообщено С. В. Севрюковой).

⁹⁷ Получение Евграфом Спиридовонным Ивановым временного купеческого свидетельства не означало причисления его к купеческому сословию, он так и оставался отставным фельдфебелем: о социальном статусе членов семьи Ивановых и мужьях сестер подробнее см. в статье А. М. Рутмана в настоящем издании.

⁹⁸ ГАЯО, ф. 967, оп. 2, д. 1314, л. 3–5. Удивляться сумме не приходится, инфляция, считая с начала мировой войны, превысила 300–400 %, но и недвижимость за почти тридцать лет подорожала.

⁹⁹ ГАЯО, ф. Р-1401, оп. 1, д. 31, л. 4 об.

¹⁰⁰ Одна из номинаций областной премии за достижения в области культуры, краеведческая, носит имя И. А. Тихомирова — это заслужено и символично. И чтения научные в музее-заповеднике его имени есть. Но и премии присуждают, и чтения проводят раз в 2 года... Впрочем, память других выдающихся краеведов — хотя бы Нила Григорьевича Первухина — даже так неувековечена.

К огромному сожалению, статья Я. Е. Смирнова («Ярославский старожил» Иларион Тихомиров // Граждане Ярославия. Ярославль, 1998. С. 5–40) основательная, однако уже десятилетней давности, до сих пор остается единственным и очень скромным материальным памятником замечательному нашему земляку.

¹⁰¹ Хорошо, что этот автограф Иллариона Александровича — приписку на архивном листе машинописного отчета о работах 1928 года — не мог видеть автор книги, изданной в символично желтоватой обложке (*Бородкин А. В. Подземелья средневекового Ярославля: Легенды, предания, факты. Ярославль, 2005*) — затрудняемся даже предположить, *куда* мог бы завести этот ход ее автора.

К сожалению, отсутствие какой бы то ни было критики не идет на пользу современным краеведческим исследованиям. Еще горше, что подобные работы поддерживаются прошлым авторитетом Ярославского общества охраны памятников. А ведь когда-то у истоков этого общественного движения стояли Тихомиров, Первухин и их выдающиеся соратники по ЯГУАК..

¹⁰² В 1924 году корреспонденция ему так и адресовалась: «быв. Спасский монастырь. Тихомирову И. А.» (ЯМЗ-НВФ-3731/11), с 1926-го адрес иногда уточнялся: «Первомайская, д. 12, кв. 2 (б. Спасский монастырь)...» (ЯМЗ-НВФ-3731/10; /13 и /19; ЯМЗ-26237/8), а с февраля 1929-го — «Линия Социализма, № 11, кв. 3 (быв. монастырь)» (ЯМЗ-54727/17; /23; /32; /34). Есть среди них в тихомировском фонде письма и приглашения, адресованные в монастырь и датированные и концом мая 1928-го, и февралем 1929-го — все же не жил Илларион Александрович в отреставрированном доме.

До сих пор не изучен ярославскими краеведами ни этот фонд в музее-заповеднике, ни фонд в ГАЯО, и уж тем более в Историческом музее (Тихомиров И. А. (Ф. 99) // Путеводитель по фондам личного происхождения отдела письменных источников Государственного исторического музея. М., 1967. С. 240–242).

¹⁰³ Бычков Ю. А. Житие Петра Барановского. М., 1991. Им еще повезло! Другой выдающийся ярославец, Н. Г. Первухин, попал под каток строителей светлого будущего: о том, как в самом начале 1930-х был устроен погром в ярославском краеведении, после которого оно на долгие годы превратилось в безропотный придаток идеологической машины, см.: Рутман Т. А. Краевед, просветитель, гражданин: Труды и дни Нила Григорьевича Первухина // Церковь Ильи Пророка в Ярославле. Ярославль, 2002. Кн. 1. С. 167–172.

А. М. Рутман

ОТКУДА БЕРУТСЯ АВТОРЫ МЕМУАРОВ: ТРИ ДЕДА

При чтении воспоминаний очень часто возникает желание заглянуть в пресловутый колодец времени как можно глубже, увидеть детали, оставленные автором в тени, дополнить ими рассказ. Так было и в этот раз, тем более что и Сергей Васильевич Владимиров, и Нина Васильевна Калинина рассказали о своей молодости в Ярославле с массой интересных бытовых подробностей, разбуженное любопытство в какой-то степени удовлетворяют обширные примечания к их мемуарам.

В то же время о своих родных авторы поведали с тактичной сдержанностью и очень уж кратко. Сразу оговоримся, целью нашей статьи не является максимально полное восстановление генеалогии авторов мемуаров. Задача, которую мы себе поставили, проще: во-первых, рассказать о трех дедушках наших авторов (напомним, что один дед, Евграф Спиридонович Иванов, отец обеих матерей наших мемуаристов, для них — двоюродных брата и сестры — общий), их отцах и материах и попытаться напомнить о формальных обстоятельствах, окружавших жизнь Владимировых, Калининых и Ивановых. Целесообразным мы сочли, кроме того, и немного приоткрыть кухню архивных поисков.

ВЛАДИМИРОВЫ

Прочитав у Сергея Васильевича Владимирова «Из старших родных я помню только дедушку по отцу, он был сначала священником, потом постригся в монахи и был архиереем в Вологде...», можно было подумать, что выяснить все про дедушку № 1, будет просто: биографии большинства православных архиепископов известны. Однако, обратившись к официальному сайту Вологодской и Великоустюжской епархии Русской Православной Церкви мы обнаружили, что ни правящего, ни викарного архиерея с фамилией Владимиров вплоть до начала XX века на Вологодской кафедре не было...¹

За помощью пришлось обращаться в Государственный архив Вологодской области. Подробный ответ на наш запрос², подготовленный Н. Л. Кучумовой, порадовал — стали известны оба прадеда мемуариста по отцовской линии. Однако он и озадачил: все-таки мы недооцениваем, насколько глубока деформация русского сознания, произошедшая в XX веке: правнук церковно- и священнослужителей не только не запомнил сана монашествовавшего деда, но и, как выяснилось, спутал архиерея с архимандритом!³

Дедушка мемуариста *Николай Владимиров* родился около 1825 года в 75 верстах северо-западнее Вологды в Березниковской волости Вологодского уезда (ныне Березниковский сельсовет Вологодского района) в семье Иоанна Владимира, дьяка церкви Святителя и Чудотворца Николая, что на Еленге.

После окончания в 1847 году Вологодской духовной семинарии он женился на Калерии, дочери священника Клеоника Гаврилова Малинина, который был настоятелем церкви Вознесения Господня, что на Кохтоше. В 1849-м Николай Иоаннов Владимиров был рукоположен во священники к этому храму. Заметим, «наследование» приходов, в том числе через брак, было вплоть до 2-й половины XIX века явлением обычным⁴.

Отец Николай прослужил в Вознесенской Кохтошской церкви 25 лет, 15 из которых являлся еще и благочинным. Село Вознесение находилось в 17 верстах от уездного Грязовца и в 37 верстах от Вологды (ныне в 8 км от поселка Бушуха, центра Ведерковского сельсовета Грязовецкого района). В мае 1874 года был перемещен в Христорождественский собор города Грязовца и возведен в сан протоиерея, в том же году определен директором Грязовецкого тюремного замка. В 1877-м избран в гласные Городской думы (до этого, с 1867-го по 1874-й, он был гласным Грязовецкого уездного земства).

В семье Владимировых было 9 детей, Василий, отец автора мемуаров, был пятым. По сведениям 1878 года, старший сын Николай уже окончил Вологодскую духовную семинарию и был священником вологодской Николаевской Владыченской церкви; второй, Аполлон, служил подпоручиком в Вологодском батальоне; Александр и Виктор окончили духовное училище; Иван учился в губернской гимназии, а обе дочери — в Грязовецкой прогимназии; только младший, Дмитрий, на учебу еще, видимо, не был определен.

Налаженная жизнь оборвалась 10 февраля 1878 года: в возрасте сорока восьми лет скончалась Калерия Клеониковна. Вступать во второй брак после смерти жены, по правилам Православной Церкви, священник не может, поэтому вдовий священник должен был, по установившейся практике церковной жизни, или прекратить служить, или принять монашество⁵. Овдовевшего отца Николая 20 июня

1879 года поставили настоятелем Вологодского Спасо-Каменного Свято-Духова монастыря⁶; 29 июля он был пострижен в монашество и наречен Нафанаилом; 20 ноября определен благочинным монастырей Вологодского, Грязовецкого и Кадниковского уездов; 2 февраля 1880 возведен в сан архимандрита.

В 1887 году отец Нафанаил был определен благочинным Тотемского Спасо-Суморина монастыря; а в 1898-м «согласно прошению освобожден от благочиннической должности... с подчинением ведению его Вологодского Свято-Духова монастыря на правах благочинного».

Дедушка автора и как священник Николай, а затем и как архимандрит Нафанаил, неоднократно отмечался как церковными, так и светскими наградами: в 1891 году он был «Высочайше сопричислен» к ордену Святого Владимира 4-й степени, а в 1896-м уже 3-й степени. Получение столь высоких орденов могло существенно изменить социальный статус мирянина и его детей, но на судьбе монашествующего не сказывалось⁷.

Скончался отец архимандрит Нафанаил (Владимиров) 30 мая 1901 года. В некрологе, опубликованном в Вологодских епархиальных ведомостях, особо отмечалась его забота о семинаристах-сиротах...⁸

Н. Л. Кучумова установила и некоторые сведения об отце мемуариста: *Василий Николаевич Владимиров* родился 1 апреля 1858 года. В 1869-м окончил Вологодское духовное училище и через год поступил в Вологодскую губернскую гимназию, из 1-го класса которой был в 1871 года уволен. Как видим, С. В. Владимиров в своих записках ошибся: его отец, как и Владимир Алексеевич Гиляровский, не учился в Вологодской духовной семинарии. Тем не менее, несмотря на пятилетнюю разницу в возрасте (В. А. Гиляровский родился в 1853 г.), их гимназическое знакомство вполне возможно⁹.

После обучения в 1873 году на Вологодской телеграфной станции В. Н. Владимиров следующие два года (1874–1875) служил на Ярославско-Вологодской железной дороге.

Следующие сведения, выявленные о нем в ГАВО, датируются уже 1878-м годом: Василий Николаев Владимиров служит «надсмотчиком» на Тотемской телеграфной станции. Материалы фондов вологодских почтово-телеграфных учреждений (конторы и округа) в ГАВО других сведений не дали. Зато в метрической книге Спасо-Преображенской церкви города Великого Устюга имеется запись от 6 декабря 1886 о рождении в семье помощника начальника Устюжской почтово-телеграфной kontоры Василия Николаевича Владимирова и его жены Александры Евграфовны сына Сергея — нашего мемуариста. Восприемниками при его крещении были протоиерей этой церкви и жена коллежского асессора,

Василий Николаевич Владимиров с первой женой

всем еще молодой женщины установить мы не смогли; детей, по-видимому, у них не было.

Ярославская запись о венчании также сообщает, что среди поручителей при нем были: по жениху — настоятель вологодской Николаевской Владыченской церкви священник Николай Владимиров, брат жениха и дядя мемуариста; по невесте — начальник Тотемской телеграфной станции титулярный советник Александр Николаев Угодский, то есть сослуживец жениха по почтово-телеграфному ведомству и одновременно муж сестры невесты¹².

Можно предположить, что именно супруги Угодские, Анна Евграфовна и Александр Николаевич, и посватали молодого вдовца с Александрой Ивановой. Тетушка Анна стала потом и крестной матерью автора.

Из записок С. В. Владимира мы знаем, что Василий Николаевич и в Ярославле служил по почтово-телеграфному ведомству. К сожалению, фонд Яро-

начальника Никольской почтово-теле-graphной конторы Анна Евграфовна Угодская¹⁰.

Дополнить рассказ мемуариста о родных и справку вологодского архива позволили документы Государственного архива уже Ярославской области (далее — ГАЯО).

Во-первых, из записи в метрических книгах ярославской Никитской церкви мы узнали, что 30 января 1883 года «Исправляющий должность начальника Чухломской телеграфной станции коллежский регистратор Василий Николаев Владимиров 24 лет» был обвенчен «вторым браком с дочерью ярославского купца Евграфа Спиридонова Иванова девицей Александрой Евграфовой 24 лет»¹¹.

Фотографию В. Н. Владимирова с первой женой обнаружила во Владимире в семейном архиве Владимировых Г. Г. Мозгова, однако ни имени, ни сведений о венчании и кончине со-

славского почтово-телеграфного округа в ГАЯО¹³, как мы увидим далее, незначительно пополнил отрывочные вологодские сведений. Неожиданные находки ждали нас в фонде Ярославской губернской гимназии, где учились и мемуарист, и его брат: во-первых, сохранилось личное дело ученика Артемия Владимира, а в нем его свидетельство о рождении, выданное 1.05.1895-го Костромской духовной консисторией. Артемий родился 6 сентября 1885 года в Чухломе, где Василий Николаевич служил в это время в чине губернского секретаря начальником телеграфной станции. Крещение состоялось 8 сентября в чухломском соборе Преображения Господня, из родных среди восприемников была младшая сестра матери новорожденного Варвара Евграфовна Иванова¹⁴.

Во-вторых, в этом личном деле сохранился — и это большая удача! — составленный в апреле 1895 г. формулярный список о службе отца будущего гимназиста:

«Коллежский асессор Василий Николаевич Владимиров, помощник делопроизводителя Управления Ярославского почтово-телеграфного округа, 37 лет (родился 1 апреля 1858 г.). Православного вероисповедания. Имеет орден Св. Станислава 3-й степени. Получает в год жалованья 500 р., столовых 300 р. Всего — 800 р.

Сын священника.

Имения родового и благоприобретенного за ним и за женой нет.

Женат вторым браком на дочери ярославского купца Александре Евграфовой Ивановой. Имеет детей сыновей: Артемия род. 6 сентября 1885 г. и Сергия род. 6 декабря 1886 г. Жена и дети вероисповедания православного и находятся при нем.

Воспитание получил домашнее, но имеет свидетельство педагогического совета Тотемского уездного училища о выдержании экзамена в науках на право получения первого классного чина.

Приказом по Вологодскому телеграфному округу № 37, определен по найму телеграфистом IV разряда низшего оклада на Николаевскую в г. Кириллове телеграфную станцию 1876 года Мая 16.

Назначен исправляющим должность надсмотрщика на Тотемскую телеграфную станцию с 1876 года Ноября 2. Утвержден в должности надсмотрщика с 1877 года Августа 1. Повышен на средний оклад 300 руб. в год с 1878 года августа 30. Повышен на высший оклад 360 руб. в год с 1880 года августа 30.

Приказом по Вологодскому телеграфному округу от 19 сентября 1880 г. за № 104 согласно 3 и 33 ст. III т. Устава о службе правит. издания 1876 г. определен тем же званием на действительную службу, с отнесением по происхождению ко II, а по воспитанию к III разряду канцелярских служителей с зачетом времени службы по найму с 1876 года мая 16.

Указом Правительствующего Сената по Департаменту герольдии от 8 октября 1881 г. произведен за выслугу лет в коллежские регистраторы со старшинством с 1880 года мая 16»¹⁵.

Здесь нам следует прервать цитату и снова совершить экскурс в устройство чиновного мира Российской империи. Как мы уже отмечали, только в 1869 году закон декларировал для детей священнослужителей возможность свободного выбора жизненного пути, но принимать в гражданскую службу выходцев из духовного звания было разрешено лишь еще через два года, в 1871-м. Подчеркнем, что сначала Василий Николаевич, хоть и служил в государственном учреждении, но «по найму», и государственным служащим не был — права «вольнонаемных» существенно отличались от прав лиц, зачисленных в действительную службу. Однако чиновная карьера и после вступления в действительную службу начиналась не сразу: большинству предстояло пройти небыстрый путь из канцелярских служителей; только при выполнении ряда условий могло состояться вожделенное производство в коллежские регистраторы. Среднего образования он не имел (духовные училища относились к «низшим учебным заведениям»), поэтому и пришлось в Тотьме ему сдавать экзамен на право производства в классный чин в объеме требований уездного училища¹⁶.

В. Н. Владимиров, видимо, был на хорошем счету у начальства, так как при определении на действительную службу время работы по найму было ему зачтено, и через положенные по происхождению и образованию 4 года он произведен был в свой первый чин, что совершалось, обратим внимание, указом сенатского департамента герольдии в далеком Санкт-Петербурге...

Из записей формулярного списка вырисовывается последующая карьера, весьма гладкая для чиновника, начинавшего не с самых лучших стартовых позиций (общие для всех сроки выслуги, обязательной для производства в следующий чин, составляли в XIV–IX классах — по 3 года в каждом, в VIII–VI классах — по 4 года; «старшинство» фиксирует дату отсчета срока выслуги):

«Согласно предписанию телеграфного департамента от 7 июля 1882 г. за № 3749, приказом по Вологодскому телеграфному округу № 134, назначен исправляющим должность начальника Чухломской телеграфной станции (приказом по Министерству внутренних дел 27 октября 1882 г.). Приказом по Министерству внутренних дел от 7 октября 1883 г.твержден в должности.

Указом Правительствующего Сената по Департаменту герольдии от 16 апреля 1884 г. за № 33 произведен за выслугу лет в губернские секретари [чин 12 класса] со старшинством с 1883 года мая 16» — мы специально процитировали целиком и этот фрагмент, чтобы продемонстрировать, насколько централи-

зована была государственная служба в Российской империи: вот уж «вертикаль власти», доведенная до логического завершения.

26 января 1883 года Василий Николаевич на службе получает свой первый отпуск, на 14 дней, — едет, как мы уже знаем, в Ярославль жениться. (С какой целью брался отпуск в 1884 году, с 28 ноября на 1½ месяца, не известно.)

В сентябре 1886 года семья уезжает из Чухломы — он назначен помощником начальника Велико-Устюжской почтово-телеграфной конторы, вскоре приходит указ о производстве в коллежские секретари (чин 10 класса).

Всего через полгода семья вновь снимается с места: 23 апреля 1887 года Владимиров назначен помощником бухгалтера управления недавно организованного Ярославского округа. «Начат с него 6% вычет в эмеритальную кассу¹⁷ почтово-телеграфного ведомства с 1888 года Января 1».

Весной 1890 г. приходит указ: произведен за выслугу лет в титулярные советники (чин 9 класса), как и положено, со старшинством с 16 мая 1889 года.

25 июня 1890 года всемилостивейше пожалован орденом Святого Станислава 3-й степени.

В декабре 1891 года назначен помощником делопроизводителя управления округа.

С 16 мая 1892 года господин Владимиров уже «Его высокоблагородие» коллежский асессор (чин 8 класса) и личный дворянин. (Заметим, что Александр Николаевич Угодский также дослужился до коллежского асессора, соответственно, причислена была к личным дворянам и его жена Анна Евграфовна и оставалась ею затем как вдова.)

«В походах против неприятеля и в сражениях [В. Н. Владимиров] не был.

Под судом и в штрафах не был... В отставке не был».

Само личное дело Василия Николаевича в фонде Ярославского почтово-телеграфного округа не сохранилось — в мае 1905 управление округа было переведено в Нижний Новгород (с этим связан не только переезд туда семьи, о котором в конце мемуаров упоминает С. В. Владимиров, но и перемещение личного дела). В принципе, о дальнейшей службе Владимира мы могли бы узнать и в Ярославле благодаря системе ежегодной отчетности в России того времени: учреждения должны были составлять «Списки должностей и состоящих на них чиновниках» и подавать их по инстанциям как в свое ведомство, так и в органы статистики в свое губернскоеправление.

Только вот беда в том, что дошли до нас эти документы, мягко говоря, «не в полном объеме»: в фонде Ярославского почтово-телеграфного округа удалось обнаружить такой список за 1899 год, а в фонде Ярославского губернского ста-

тистического комитета за 1904-й¹⁸. Из них следует, что 19 февраля 1896 года Василий Николаевич Владимиров был назначен начальником почтово-телеграфной конторы в Кинешме, в тот же год был пожалован орденом Святой Анны 3-й степени, а 16 мая (через положенные теперь уже 4 года) был произведен в чин 7 класса — надворного советника.

Служба в Кинешме (с штатным содержанием 900 рублей) продолжалась три с половиной года¹⁹. Василий Николаевич возвращается в Ярославль с повышением: 1 августа 1899 года он вступает в довольно высокую должность чиновника особых поручений Управления округа²⁰ («жалованья получает 800 р. и столовых 400 р., а всего 1 200 р. в год»). В тот же год получает серебряную медаль в память царствования императора Александра III. 16 мая 1900 года он производится в чин коллежского советника (6 класс). Последняя, известная нам, его награда — орден Святого Станислава 2-й степени (1 января 1901 года).

Отдельно надо рассказать о результатах поисков в церковных документах. В исповедных росписях ярославских храмов сведения о семье В. Н. Владимира обнаружены только за 1891–1894 годы: Владимиры — Василий Николаевич, Александра Евграфовна, Артемий и Сергей — значатся прихожанами Никитской церкви. Как обычно, семья чиновника записывалась в разделе «Статские»²¹.

Совершенно неожиданные сведения дали метрические книги этого храма: у супругов Владимировых «20 марта 1888 г. родился сын Василий. Восприемники при крещении: ярославский купец Евграф Спиридонов Иванов и Ярославского уезда, Шопшинской волости, дер. Мостовиков девица Варвара Васильева Великосельская»²², а «24 ноября 1889 г. родился сын Георгий. Восприемники при крещении: делопроизводитель Ярославского почтово-телеграфного округа надворный советник Павел Иванович Москвин и вдова надворного советника Анна Евграфова Угодская»²³ — в мемуарах ведь ни слова нет об этих мальчиках!

Поскольку в 1891 году в исповедных росписях Никитской церкви они уже не упоминаются, а сведений об их смерти в метрических книгах ярославских церквей не обнаружено, остается предположить, что супруги Владимиры потеряли обоих младших сыновей не позже 1890 года. Возможно, с этой трагедией связан третий отпуск, указанный в формулярном списке Василия Николаевича: «в 1890 г. с 20 октября на 20 дней»...

После 1894 года записей о Владимировых в исповедных росписях ярославских церквей выявить не удалось. Но еще одна запись имеется в метрической книге Никитского храма:

«9 октября 1910 г. умер бывший чиновник особых поручений Управления Ярославского почтово-телеграфного округа коллежский советник Василий

Николаевич Владимиров 52 лет от воспаления легких, присоединившегося к прогрессивному параличу... погребен на городском Пятнице-Туговском кладбище»...²⁴

Перед тем как перейти к семье Калининых, скажем несколько слов о некоторых особенностях создания документов, с которыми приходится иметь дело в архивах.

Само собой разумеется, что самыми надежными источниками являются записи метрических книг, но и они содержат «подводные камни» — возможны, например, неточности в возрасте усопшего, в сословном положении или чине восприемников при крещении и поручителей при венчании — они делаются *со слов*. Но куда внимательнее следует подходить к сведениям исповедных росписей — при составлении этого ежегодного документа почти всегда за основу бралась роспись прошлого года, в которую предварительно вносились нужные исправления. Например, запись 1891 года выглядит так: «Помощник бухгалтера [перечеркнуто, записано — «делопроизводителя】 Ярославского [вписано сверху — «управления】 почтово-телеграфного округа титулярный советник Василий Николаевич Владимиров» (как мы знаем, его назначение на новую должность состоялось в декабре 1891-го). Данные о возрасте персонажей в них зачастую могут поставить исследователя в тупик: в 1891 году Артемию Владимирову 6, а Сергею 5 лет, но через 2 года значится, соответственно, 8 и 6. Мелочи, конечно, особенно если запись в исповедниках — единственное, что удалось найти, но помнить о возможности сюрпризов следует.

«Со слов» заполнялись и листы Первой Всероссийской переписи населения 1897 года. Так, о семье Василия Николаевича (он в это время, напомним, служил начальником почтово-телеграфной конторы в Кинешме) записаны следующие сведения:

...4. Владимирская Александра Евграфовна, сестра [под № 1 в каждом переписном листе записывался глава хозяйства или семья — здесь в этой роли выступала Вера Евграфовна Иванова — по каждому, записанному в листе, надо было указывать, кем он приходится главе], 49 лет, замужем, личная дворянка, родилась здесь, живет в Кинешме, образование домашнее, живет на средства мужа — начальника почтовой станции; [вообще-то полагалось вносить сведения только о тех, кто здесь проживал, наверное поэтому переписчик запись вообще вычеркнул];

5. Владимирский Артемий Васильевич, сын № 4, 11 лет, личный дворянин, родился в Костромской губернии, Чухломском уезде, живет здесь, обучается в гимназии;

6. Владимирский Сергей Васильевич, сын № 4, 10 лет, личный дворянин, родился в Вологодской губернии, Устюжском уезде, живет здесь, обучается дома;

Все трое православные, родной язык русский, читать умеют²⁵.

Составитель переписного листа, Александр Петрович Свиблов, сделал в нем несколько ошибок. Во-первых, Александра Евграфовна с детьми названа Владимирской, а не Владимиrowой. В исповедных росписях Никитской церкви, специально просмотренных С. В. Севрюковой, в разделе «статские» вслед за семьей *Владимировых* ежегодно записывалась вдова коллежского регистратора Александра Аполлосовна *Владимирская* с сыном Аполлосом — потому и мог машинально спутать две знакомые иозвучные фамилии А. П. Свиблов, также никитский прихожанин. В оправдание ему следует отметить также и то, что к концу XIX века даже в городах родовые фамилии устоялись не полностью, и могли варьироваться не только в бытовой речи, но и в документах.

Во-вторых, на самом деле Александра Евграфовна примерно на десять лет моложе (метрических записей о рождении сестер Ивановых обнаружить не удалось — о годах их рождения см. ниже); у ребят, как и требовалось, показано количество полных лет.

А вот третья ошибка серьезнее! Переписчик, записав в 1897 году детей надворного советника Владимирова в личные дворяне, допустил нарушение российского законодательства, по которому они по чину отца причислены были к потомственному почетному гражданству (см. выше, примеч. 7).

КАЛИНИНЫ, ИЛИ СУДЕБ СКРЕЩЕНИЯ

У Нины Васильевны Калининой, как и положено, было два деда, но в мемуарах она ни слова не написала о своем дедушке по отцовской линии — Михаиле Павловиче, чью фамилию носила всю жизнь, не сменив даже при замужестве. К счастью, в архиве Ярославского депутатского собрания сохранилось «Дело о дворянстве рода Калининых, внесенного во 2-ю часть Дворянской родословной книги»²⁶, из послужного списка в котором мы и можем восстановить его биографию.

Родился *Михаил Павлов сын* в 1813 году в семье отставного солдата *Калинина*. В службу вступил 8 сентября 1826 года воспитанником Кондукторской школы путей сообщения²⁷, после окончания которой 1 января 1833 года был принят на действительную службу мастером дернокладного дела 3-го класса с прикомандированием в I-й Округ путей сообщения²⁸.

Мастер дернокладного дела уже 2-го класса, Калинин 20 июня 1835 года переименован был в кондуктора 2-го класса и переведен в Ладожское отделение I-го Округа. Там же через четыре года он получил 1-й класс, а 1 марта 1845 «за выслугу узаконенных лет произведен в прапорщики²⁹ с назначением в Ярославскую арестантскую роту гражданского ведомства», куда и прибыл 25 мая 1845 года. В октябре этого же года прапорщик Калинин был высочайшим приказом «переведен в военно-рабочую № 29 роту V-го Округа путей сообщения»³⁰.

Здесь, в Ярославле, в 1853 году уже отцом семейства он и обратился в Дворянское собрание с «всеподданнейшим прошением» о причислении к ярославскому дворянству. Прошение было удовлетворено, и Департаментом герольдии Правительствующего Сената 30 ноября 1853 года Михаил Павлович утвержден во дворянстве, род его занесен во 2-ю часть Дворянской родословной книги, а сам он получил соответствующую грамоту³¹.

Как сообщает «Общая именная роспись начальствующих и прочих служебных лиц по гражданскому, военному и духовному ведомствам в Ярославской губернии на 1858 г.», М. П. Калинин, уже в чине подпоручика, занимал должность начальника Ярославского заставного дома³². Награда у него была только одна: «медаль в память войны 1855–1856 гг.», а годовое содержание составляло всего 175 рублей — меньше всех в Правлении V-го Округа путей сообщения³³.

У Михаила Павловича с женой *Натальей Павловной* было восемь детей, отец мемуаристки Василий, как и его тезка и отец другого нашего автора, Владимира, оказался пятым. К сожалению, последние сведения, которые нам удалось обнаружить о дедушке Нины Васильевны, датируются 1864 годом, о его дальнейшей судьбе мы не знаем.

Младший из сыновей Михаила Павловича, Михаил (род. 26 января 1861) в начале XX века служил библиотекарем Рыбинской земской библиотеки. Сохранились документы о включении в дворянскую родословную книгу его сыновей³⁴. Заметим, аналогичных документов Татьяны и Нины Калининых мы не обнаружили.

Как мы увидим далее, куда интереснее окажется другой брат Василия, старший — Павел. Он родился 2 августа 1853-го, крестили его Калинины, как и всех восьмерых детей, в Пятницкой церкви на Туговой горе (кстати, восприемником его был сослуживец отца по V Округу путей сообщения капитан князь Александр Яковлевич Шаховской). Но сначала расскажем о судьбе Василия Калинина, отца нашей мемуаристки.

Нина Васильевна Калинина, а затем ее сын Александр Маркович Золотаревский сохранили и предоставили для работы над данной книгой копию «Послужного списка подполковника 140-го пех [отного] Зарайского полка Калини-

на». Документ был составлен 18 декабря 1908 года, через год после его смерти «для представления в учебное заведение при определении дочери» (мемуаристка упоминает о хлопотах по устройству старшей сестры в Институт благородных девиц). Он позволяет восстановить, в основном, биографию В. М. Калинина.

Родился Василий Михайлович 18 января 1859 года и, как мы теперь знаем, имел законное право писать о своем происхождении: «из дворян Ярославской губернии». Учился в Ярославской военной прогимназии³⁵, по окончании которой 13 июня 1875 года поступил вольноопределяющимся третьего разряда в войска квартирующей в Ярославле 35-й пехотной дивизии и был «зачислен в 137-й пехотный Нежинский полк Ее Императорского Высочества Великой Княгини Марии Павловны полк»³⁶. 3 сентября 1875 года он командируется на учебу в Казанское пехотное юнкерское училище (меньше чем через 3 месяца, которые полагалось прослужить перед поступлением).

Подчеркнем, квартировали нежинцы в николомокринских казармах, близ которых семья Евграфа и Агафьи Ивановых поселилась еще за десять лет до этого. Так что нельзя исключить, что первая встреча будущих родителей мемуаристки, Василия Калинина и Варвары Ивановой, могла произойти именно в эти летние месяцы... но поженились они только 23 года спустя.

Через два года, 7 июля 1877-го, в Казани «...по окончании курса наук по второму разряду» В. М. Калинин был произведен в портупей-юнкера³⁷, и 20 июля Высочайшим приказом произведен в прапорщики с переводом в 162-й пехотный Ахалтырский полк, который в это время находился «в составе войск, действующих на Кавказско-Черноморском прибрежье» — уже идет Русско-турецкая война.

По прибытии в августе в полк Василий Михайлович был назначен на должность батальонного адъютанта, с 23 сентября он оказывается в боевых делах «в составе войск Пририонского края»: в его послужном списке отмечены артиллерийская перестрелка у Муха-Эстатэ и Хуцубани (26–27 октября 1877) и атака последнего (11 ноября), атака Цихидзурской позиции турок (11 января 1878) — операции, вошедшие в формуляр Ахалтырского полка³⁸.

После войны, в августе 1879 г., Василий Михайлович переводится в 140-й пехотный Зарайский полк³⁹, в котором он и прослужит более четверти века, получая очередные звания: в 1881 году произведен в подпоручики, в 1885-м — в поручики, в 1892-м — в штабс-капитаны, в 1900-м, уже семейным, — в капитаны. Занимал должности батальонного адъютанта, командовал временно разными ротами, батальоном, был членом полкового суда...

Первый орден, Святого Станислава 3-й степени, он получил только в 1896-м., в 1903 — «за 25-летнюю беспорочную службу в офицерских чинах» по-

жалован Владимиром 4-й степени с бантом. В том же году командируется в офицерскую стрелковую школу — Ораниенбаумская школа готовила пехотных капитанов к занятию штаб-офицерских должностей (командиров батальонов); срок обучения составлял 7 месяцев. Кстати, В. М. Калинин хорошо владел оружием: как значится в послужном списке, еще в 1887-м и 1891-м годах в полковых состязаниях офицеров он получал призы.

В начале 1904 года зарайцы из Спасска, где стояли с 1903-го, выехали в Харбин, откуда командир 5-й роты В. М. Калинин 10 марта «отправился с полком в поход в Ляоянь». О периоде Русско-японской войны в Послужном списке значится: «Участвовал в боях с японцами при реке Шахэ с 24 сентября по 5 октября 1904»⁴⁰. Вскоре после этого сражения Василий Михайлович был на несколько месяцев командирован во Владивосток для заведования сводным госпиталем.

За отличия в делах В. М. Калинин был произведен 26 марта 1905 года в подполковники (для офицеров, образование которых исчерпывалось юнкерским училищем, подполковничий чин был, как правило, вершиной служебной карьеры). 7 августа «за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий, награжден орденом Святого Станислава 2-й степени», ставшим его последним.

В конце марта 1906-го он прибыл в отпуск в Ярославль, а 9 августа (как мы знаем из мемуаров) уже с семьей вернулся в расположение полка в Скопин — уездный город на юге Рязанской губернии.

Послужной список сохранил сведения о его служебных командировках, в том числе и для исполнения обязанностей уездного воинского начальника, и для приобретения венка для поднесения великому князю...

Участник двух войн, он ни разу не был ранен, только «Полученное травматическоеувечье 26 июня 1901 г. при исполнении служебных обязанностей во время поверки полевых работ в бытность на полевой учебной поездке в окрестности г. Ряжска, Высочайше разрешено в 26 день февраля 1903 г. внести в послужной список».

Смерть «от паралича сердца» настигла его 8 декабря 1907 года уже в Скопине.

Одовевшая Варвара Евграфовна с дочками, как мы знаем из мемуаров, вернулась в Ярославль в отеческий дом⁴¹. Записей о Калининых в исповедных росписях ярославских храмов обнаружить не удалось, узнали только из метрической книги, что «21 января 1915 г. умерла вдова подполковника Варвара Евграфовна Калинина 49 лет от рака». Исповедовал и причащал ее и совершил погребение на ярославском Пятнице-Туговском кладбище тот же священник Никитской церк-

ви, что провожал в последний путь и В. Н. Владимира, — Петр Федоровский, уже в сане протоиерея...⁴²

Повод отвлечься от архивных документов и обратиться к беллетристике дал нам *В. А. Гиляровский*. В автобиографической книге «Мои скитания», как известно, описывается его житие в Ярославле после побега из дома в 1871 году. Из-за советских приоритетов на слуху у ярославцев больше то, что он работал на свинцово-белильном заводе Сорокина (очерк «Обреченные», впервые опубликованный в 1885-м, составивший основу 5-й главы «Скитаний», активно использовался для обличения язв капитализма)⁴³.

Нам же важнее две предыдущие главы книги — в них запечатлена и его служба в Нежинском полку, квартировавшем в Ярославле в Николо-Мокринских казармах, повторим — всего в паре сотен саженей от дома на углу Большой Рождественской и Любимской улиц, дома, объединившего судьбы всех трех семей.

И не потому они важнее, что в 3-й главе «В полку» интересные, но давно забытые⁴⁴ подробности жизни вольноперов. Например:

«Я был принят в полк вольноопределяющимся 3 сентября 1871 года. Это был год военных реформ: до сего времени были в полках юнкера с узенькими золотыми тесемками вдоль погон и унтер-офицерскими галунами на мундире. С этого года юнкеров переименовали в вольноопределяющихся, им остались галуны на воротнике и рукавах мундира, а вместо золотых продольных на погонах галунов, нашли из белой тесьмы поперечные басончики. Через два года службы вольноопределяющихся отсылали в Москву и Казань в юнкерские училища, где снова им возвращали золотые басоны.

В полку вольноопределяющиеся были на правах унтер-офицеров: их не гоняли на черные работы, но они несли всю остальную солдатскую службу полностью и первые три месяца считались рядовыми, а потом правили службу младших унтер-офицеров. В этом же году в полку заменили шестилинейные винтовки, заряжавшиеся с дула, винтовками системы Кранка, которые заряжались в казенной части. Затем уничтожили на спинные ранцы из телячьей шкуры, мехом вверх, на которых прежде в походе накатывались свернутые толстым жгутом шинели, что было и тяжело, и громоздко, и неудобно. Их заменили холщевыми сумами, через правое плечо, а шинель стали скатывать и надевать хомутом через левое плечо. Кроме того, заменили жестяные манерки для воды, прикреплявшиеся сзади ранца, медными котелками с крышкой, в которых можно было даже щи варить. Вооружение вводилось не сразу: у некоторых батальонов были еще ружья, заряжавшиеся с дула, “на восемь темпов”...

...Слово “вольноопределяющийся” еще не вошло в обиход, и нас все звали по-старому юнкерами, а молодые офицеры даже подавали нам руку. С солдатами мы жили дружно, они нас берегли и любили, что проявлялось в первые дни службы, когда юнкеров назначали начальниками унтер-офицерского караула в какую-нибудь тюрьму или в какое-нибудь учреждение. Здесь солдаты учили нас, ничего не знавших, как поступать, и никогда не подводили.

Юнкеров в нашей роте было пятеро. Нам отвели в конце казармы нары, отдельные, за аркой, где с нами вместе помещались также четыре старших музыканта из музыкантской команды и барабанщик Шлема...

Трижды в этой главе Владимир Александрович упоминает знакомую нам фамилию своего товарища: «Пробыл я лагери, пробыл вторую зиму в учебной команде, но уже в должности капрального, командовал взводом, затем отбыл следующие лагери, а после лагерей нас, юнкеров, отправили кого в Казанское, а кого в Московское юнкерское училище. С моими друзьями: *Калининым* и Павловым, с которыми мы вместе прожили на нарах, меня разлучили: их отправили в Казань, а я был удостоен чести быть направленным в Московское юнкерское училище».

Что за Калинин?! Не Василий Михайлович, точно — тот в 1873 году еще учится в прогимназии.

Ответ нашелся в следующей главе, «Зимогоры», где описывается возвращение Гиляровского в Ярославль в 1873 году после исключения из юнкерского училища: «На другой день я встретился с моим другом, юнкером *Павликом Калининым* и он позвал меня в казарму обедать...» — !!!

Итак, Павел Михайлович Калинин на протяжении двух лет дружил с писателем (он одногодок с Владимиром). Заодно и дополнение к биографии дяди Нины Васильевны: начало офицерской карьеры братьев Василия и Павла было одинаково, только с разницей в 4 года.

Но это еще не все, читаем Гиляровского дальше, теперь о кратком периоде его работы в... Ярославской военной прогимназии:

«...Возвращаюсь в город... Вокзал тогда был один, Московский, и стоял, как и теперь стоит, за речкой Которослью.

От вокзала до Которосли, до “американского” моста, как тогда мост этот назывался, расстояние большое, а на середине пути стоит ряд одноэтажных, казарменного типа, зданий — это военная прогимназия, переделанная из школы военных кантонистов, о воспитании которых в полку нам еще капитан Ярилов рассказывал. И он такую же школу прошел, основанную в аракчеевские времена. Да и долго еще по пограничным еврейским местечкам ездили отряды солдат с

глухими фурами и ловили еврейских ребятишек, выбирая, которые поздоровее, сажали в фуры, привозили их в города и рассылали по учебным полкам, при которых состояли школы кантонистов. Здесь их крестили, давали имя и фамилию, какая на ум придет, но, впрочем, не мудрствовали, а более называли по имени крестного отца. Отсюда многое меж кантонистов было Ивановых, Александровых и Николаевых...

Воспитывали жестоко и выковывали крепких людей, солдат, ничего не признавших, кроме дисциплины. Девизом воспитания был девиз, оставленный с аракчеевских времен школам кантонистов: «Из десятка девять убей, а десятого представь». И выдерживали такое воспитание только люди выносливости необыкновенной.

Вот около этого здания, против которого в загородке два сторожа кололи дрова, лениво чмокая колуном по полену, которое с одного размаха расколоть можно, я остановился и сказал:

- Братцы, дайте погреться, хоть пяток полешек расколоть, я замерз.
- Ну ладно, погрейся, а я покурю.

И старый солдат с седыми баками дал мне колун, а сам закурил носогрейку...

Гиляровский в тот же вечер занимается на работу в прогимназию «...дрова колоть, печи топить, за опилками съездить на пристань, да шваброй полы мыть... на пять рублей в месяц на казенных харчах».

Утром «...тер шваброй коридоры и гимнастическую залу, которую оставили за мной на постоянную уборку... вечером топил четыре голландских печи, на вьюшках которых школьники пекли картошку».

Естественно, что дядька, который мог на турнике «сан-туше крутить, а потом в воздухе сальто-мортале», быстро стал популярен среди воспитанников. А среди них, и мы знаем это по документам, был младший брат «друга Павлика» Василий Калинин.

Кстати, и дрова, которые рубил на дворе прогимназии будущий писатель, тоже окажутся «в сроку» нашим персонажам... Об этом дальше.

А ведь жизненные пути В. М. Калинина и В. А. Гиляровского вскоре еще раз пересеклись! В 8-й главе «Моих скитаний» писатель рассказывает о своем участии в Русско-турецкой войне, куда ушел добровольцем. Оказался он тоже на Закавказском фронте, в 161-м Александропольском полку. Упоминает и Муха-Эстатэ, и Хуцубани, в боях за которые, как мы помним, отличился 162-й пехотный Ахалцыхский полк, в котором служил Василий Михайлович (оба полка входили в состав Рионского отряда)...

Такие вот судеб скрещенья.

Мы уже упоминали о теоретической возможности знакомства Вари Ивановой с Василем Калининым летом 1875 года. А через 10 лет у нее появилась возможность познакомиться со старшим братом будущего мужа: Павел Михайлович Калинин значится в ярославских адрес-календарях с 1885 по 1892 год. Он поручик, затем штабс-капитан и командует 14-й ротой... 137-го Нежинского Ее Императорского Высочества Великой Княгини Марии Павловны полка, того же самого, с которого началась служба и его самого, и младшего брата, и продолжающего квартировать в Николо-Мокринских казармах!

Ну никак не могла Варвара Иванова не познакомиться с Павлом Калининым за те, как минимум, 7 лет, что он служил по соседству. А может быть, он и квартиру снимал у Ивановых... Но замуж вышла спустя годы, будучи уже, как тогда говорили, «пожилой девушкой», за его брата, который служил почти в тысяче верст от Ярославля!..

Вот на какие хитрые совпадения и пересечения судеб, которые устраивает жизнь, иногда указывают не только документы, но и беллетристика.

ИВАНОВЫ

Все, что в дополнение к рассказанному в мемуарах мы имели к началу поисков сведений о семье Ивановых, — это дело «О продаже имения Анной Евграфовной Угодской, Александрой Евграфовной Владимировой и друг. — Вениамину и Мойше Пейсаховичам Башковичам», в котором были собраны все документы, подтверждающие права продавцов на их имение. Из самого раннего, купчей на дом 1864 года, следовало, что муж домовладелицы Агафьи Яковлевой Ивановой — фельдфебель; с другой стороны, в завещании 1888 года Евграф Спиридонович называет себя временным ярославским купцом. Также из духовной мы узнали, что у них с Агафьей Яковлевной, кроме четырех дочерей, были сыновья Николай и Михаил⁴⁵.

В исповедных росписях ярославских городских церквей периода 1850–1875 годов упоминаний семьи Ивановых обнаружить не удалось, что, впрочем, и логично: для военнослужащих имелись в городе храмы: полковой и военно-учебного заведения, — семья фельдфебеля военного училища должна была быть среди прихожан последнего. Но церкви эти подчинялись не епархиальному начальству, а протопресвитеру военного и морского ведомств, куда в обязательном порядке и направлялись ежегодно исповедные росписи: по этой причине по Петропавловской церкви при Ярославском училище Военного ведомства (позд-

нее — при кадетском корпусе) в ГАЯО они, к сожалению, имеются лишь за один год, 1896-й.

Метрические книги этого храма (их полагалось направлять и в местную епархию) в фонде Ярославской духовной консистории сохранились только за 1860, 1861, 1864–1907, 1910, 1913–1917-й годы. (С документами церкви Николы Мокрого ситуация того хуже.) Запись, связанная с семьей Евграфа Спиридовича и Агафьи Яковлевны Ивановых, в этих книгах церкви Петра и Павла обнаружилась одна-единственная, но неожиданная: «Ярославского училища Военного ведомства у фельдфебеля Евграфа Спирионова Иванова и законной его жены Агафии Яковлевой, оба православного вероисповедания, 17 марта 1861 г. родилась дочь Мария».

Здесь нам следует выразить искреннюю благодарность сотрудникам ярославского областного архива, и в первую очередь Светлане Викторовне Севрюковой, подготовившей Архивную справку ГАЯО № 01–22/1729 от 18.03.2008, которая и легла в основу как предложенной выше реконструкции биографии В. Н. Владимира, так и семьи Ивановых.

Имена восприемников Марии следуют запомнить — с ними мы еще близко столкнемся: «отставной фельдфебель Вологодского пехотного полка *Иван Кузмин Антонов* и отставного нестроевого 3-го учебного стрелкового полка *Сидора Ефимова* жена Евпраксия Дмитриева Ефимова»⁴⁶.

«Нашлись» Ивановы только в 1878 году: они появились среди прихожан ярославской градской церкви Никиты Мученика; в исповедных росписях в разделе «Военные» значатся:

«*Иванов, отставной фельдфебель Евграф Спирионов 56 лет; жена Агафья Яковлевна 54 года; Дети их: Вера 20 лет; Александра 19 лет; Михаил 18 лет; Варвара 7-го кл. 14 лет*» — все у исповеди были⁴⁷. (Мария ни в воспоминаниях, ни здесь или в каких-либо других документах не упоминается — скорее всего, она умерла, если не в младенчестве, то до 1878 года.)

В указанном составе они перечислялись в разделе «Военные» ежегодно до 1882 года включительно, а с 1883-го Ивановы записываются в Никитских исповедных росписях уже в разделе «Купцы», но без Александры (в этот год, как мы знаем, она вышла замуж за В. Н. Владимира), с 1888 года без Агафьи Яковлевны, а с 1889-го и без Евграфа Спиридовича. Последний раз «Ивановы купеческие дети» записаны были в 1894 году: «Вера девица 36 лет; Михаил 34 года; Варвара девица 30 лет». У исповеди все трое «не были по опущению». Запись эта перечеркнута карандашом накрест⁴⁸.

Метрические книги этой же церкви позволили установить даты смерти старших Ивановых, бабушки и дедушки наших мемуаристов: «Ярославского купца Евграфа Спиридонова Иванова умерла 16 июля 1888 г. жена его Агафья Яковлевна 67 лет от удушья»; всего на шесть с половиной месяцев пережил ее муж — «Отставной фельдфебель Евграф Спиридонов Иванов умер 3 февраля 1889 г. 67 лет от порока сердца». Обоих исповедовал и причащал священник Никитской церкви Николай Крылов; он же с дьяконом Михаилом Троицким и причетником Николаем Корсунским совершал погребения на Туговском кладбище⁴⁹.

Имеется в этих книгах и запись о том, что «ярославский мещанин Николай Евграфов Иванов умер 2 августа 1891 г. 40 лет от порока сердца»⁵⁰.

Подчеркнем, что Агафья Яковлевна, несмотря на происхождение из староверческого рода (о котором пишут оба внука), по крайней мере, с выхода замуж исповедовалась и причащалась у священников обычных ярославских церквей.

Вообще-то вызывает недоумение то, что после 1894 года ни одна из ее дочерей, а также дети Александры и Варвары и их мужья, не значатся среди прихожан какой-либо из ярославских церквей. О том, что они не перешли в какой-то другой приход, говорит не только отсутствие записей в исповедных росписях других храмов, но и то, что все крещения и отпевания членов семьи совершались в Никитской церкви. Тексты воспоминаний позволяют не только исключить «декларативный атеизм» нигилистов, но и утверждать, что Ивановы были людьми верующими. Следует признать, что наши знания о характере религиозности русского общества, об особенностях ее проявлений в период конца XIX — начала XX века весьма поверхностны, а реальная ситуация весьма далека от bipolarной схемы, сложившейся за советские десятилетия: с одной стороны — пафосная набожность общества хоругвеносцев и близких к ним, с другой — воинствующее безбожие большевиков и им подобных, — все многое сложнее. И речь идет не о богоискательстве социал-демократов и либералов (которое само было очень разным: и Богданов, и Перих, и Блок с Вл. Соловьевым и Белым, и т. д., и т. п.) — речь о вере обычных городских обывателей, к каким принадлежали сестры Ивановы и их родные...

Нет в ГАЯО практически никаких документов ярославского военного училища и военной прогимназии. Нам ничего не остается, кроме как расписаться в том, что на данный момент остаются неизвестными точные биографические данные о происхождении супругов Ивановых, о месте их венчания, рождении остальных шестерых (как минимум) детей. Попробуем по совокупности имеющихся документов реконструировать метрические сведения о членах семьи.

№ № по поряд- ку.	Годъ, месяцъ и число.	Кому в казенъ выданы творческие документы.	Роспись получив- шаго документы.
		Баронъ <u>Полтавец</u>	
401	№ Купца Ивана Ильинича. Лихачевишнъ		Спирidonovъ Евграфъ
402	— Баронъ		
403	— Фамилия		
404	— Иван Михаил <u>Родственник по Полтаве</u>		
405	— Просиродицу Ильиничу Ильину Ильинъ		
406	— { три братья		
407			
408			
409	№ Купца Ефима Купца Ильинъ Ильинъ		
410	— Баронъ		

Роспись Евграфа Спиридовича Иванова в получении билета временного ярославского купца по 2-й гильдии. ГАЯО

1858-м. В соответствии с этим старшая из тетушек мемуаристов, Анна, вышедшая замуж за А. Н. Угодского до 1878 года, родилась, скорее всего, до 1857 года.

Не позже 1864 года появилась на свет младшая, Варвара: она, единственная из детей Ивановых, окончила полный курс (то есть 8 классов) Мариинской гимназии в 1881 году⁵¹, поскольку в гимназию дети принимались, как правило, с 10 лет, а также учитывая данные исповедных росписей, можно утверждать, что в записи о смерти (21 января 1915) ее возраст (49) указан неправильно. Дата и место ее венчания неизвестны, возможно, именно с женитьбой были связаны отпуска В. М. Калинина, указанные в его послужном списке в 1897 году: два подряд — с 6 сентября по 2 октября и с 30 октября по 4 декабря. (Все-таки интересно, как «нашли друг друга» офицер из рязанского уездного городка и девица из Ярославля — не через брачные же объявления...)

В мемуарах ни Нина Васильевна, ни Сергей Васильевич ни разу не упоминают имен обоих своих дядей-Ивановых⁵². Нина родилась почти через 10 лет после смерти дяди Николая, но Сергей Владимиров был не настолько мал — должен был бы помнить. Видимо, по какой-то причине семья отношения с Никола-

Евграф Спиридоно-
в и ч
родился около 1822 года, Агафья Яковлевна — около 1825-го. Поженились они не позже 1850 года, так как Николай родился примерно в 1851-м.

По-видимому, Вера, Александра, Михаил и «обнаруженная» нами Мария были погодками. Опираясь на дату рождения Марии, которая известна точно (17 марта 1861), следует полагать, что Михаил мог родиться не позже весны 1860 года, соответственно, Александра — в 1859-м, Вера — в

ем вообще не поддерживала, как и с Михаилом⁵³.

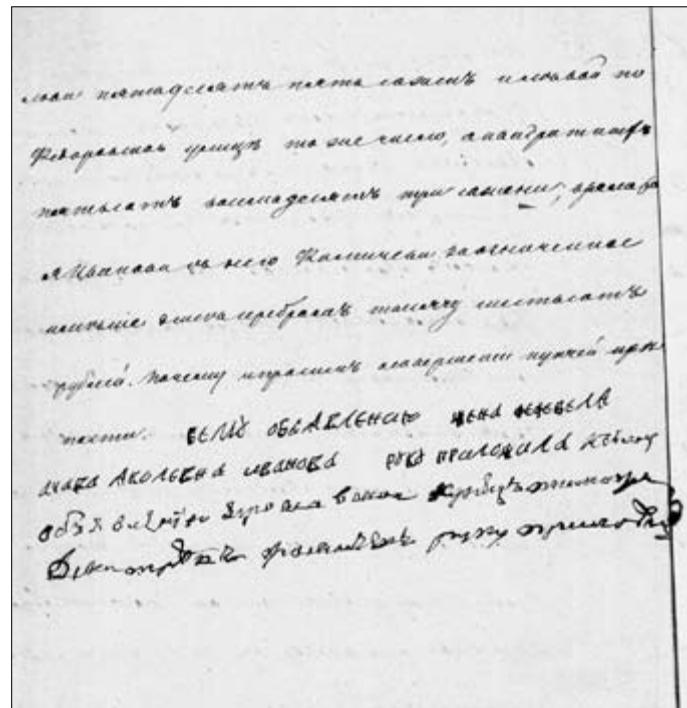
Перед тем, как перейти к выяснению вопроса о социальном статусе Евграfa Спиридовича, нам опять придется совершить экскурс в сословный строй Российской империи. Еще в конце XIX века в энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрана отмечалось, что «дворянство личное, личное почетное гражданство, купечество и духовное со-

стояние не

наследственны. Духовное состояние и купечество даже не пожизненны». Как мы уже отмечали (примеч. 27), солдатское сословие было и пожизненным, и наследственным, но с 1856 года переход из него в другие был разрешен. Евграф Спиридович, даже став фельдфебелем, то есть старшим из нижних чинов унтер-офицерского звания, принадлежал именно к этому сословию (соответственно, и Агафья Яковлевна, и их дети).

Здесь нам важны правила, относящиеся к купеческому состоянию⁵⁴, так как по выходу в отставку, а произошло это не позже конца 1871 года, он, как и положено, сначала писался отставным фельдфебелем, а с 1877 по 1888 год включительно Евграф Спиридович Иванов числился *временным* купцом 2-й гильдии — о периоде 1878–1888 свидетельствуют ежегодно составлявшиеся ведомости о купцах, объявлявших свои капиталы по городу Ярославлю⁵⁵.

Поскольку он был *временным* купцом, то сословное состояние его не менялось, в записи о его смерти правильно записано «отставной фельдфебель». Соответственно, после кончины его дети, де юре, являлись по-прежнему детьми фельдфебеля, а не купеческими. Николай, как мы видели, приписался к ярослав-

Автограф Агафьи Яковлевны Ивановой. ГАЯО

скому мещанству⁵⁶. Это, конечно, юридические тонкости, но играли они вполне значимую роль в той жизни.

Куда интереснее посмотреть, чем занимался Евграф Спиридович, выйдя в отставку. Сделать это мы можем благодаря проверкам торговых и промышленных заведений Ярославля, осуществлявшимся Городской управой (ежегодные журналы результатов этих проверок сохранились в собрании ГАЯО за 1872, 1873, 1875–1880-й годы, но в журнале 1875 года записей об Ивановых нет). Оказалось, что в эти годы торговал и дедушка наших мемуаристов, и их бабушка. И хотя весьма важным для семьи видом деятельности была мелкая виноторговля, «все яйца в одну корзину» — по всем научным правилам бизнеса — они не клали!

Первый документ приведем полностью:

«4 августа 1872. Мелочная лавка в доме Иванова на Рождественской улице. Принадлежит отставному фельдфебелю Евграфу Спиридову Иванову. Торгует сам хозяин. Торг производится по бесплатному свидетельству за № 4885, выданному из Ярославского казначейства 23 декабря 1871 года, и по акцизному свидетельству на табачную лавочку за № 4955 из того же казначейства на 1872 год. Торгует товаром, указанным в росписи Ж.

Питейный дом в том же доме. Принадлежит отставному фельдфебелю Ивану Кузьмину Антонову. Торгует сам хозяин. Торг производится по свидетельству на мелочный торг за № 190, выданному из Ярославской управы 10 декабря 1871 года, и по патенту с маркой на раскурку табаку за № 162, выданному из Акцизного управления 21 декабря 1871 года»⁵⁷.

Сразу скажем, что из текста этой и других записей не ясно, в котором конкретно из домов располагались торговые предприятия Ивановых. Напомним при этом, что владельцем всех домов все-таки являлась Агафья Яковлевна, а не муж; эта неточность есть в большинстве записей из журналов проверок.

Чем торговали в мелочной лавке (загадочная «роспись Ж» — это «Роспись товарам, которые дозволяется продавать из мелочных лавочек, содержимых под домами и вне гостиных дворов и тому подобных рядов»), указано в других записях журналов проверок: «мукою, крупою, овощами, печеным хлебом, булками, чаем, сахаром, пряниками, орехами и табаком», последнее как раз на основании акцизного свидетельства.

Чтобы детально разобраться в правилах, действовавших в торговле: в каких случаях можно было получить бесплатное свидетельство на мелочный торг, что за билеты требовались для торговли, какие товары помимо табака были под акцизными, и т. д., и т. п., — желающие могут обратиться к Российскому законодательству, введенному в 1863 году и дополненному в 1865-м («Положение о по-

шлинах за право торговли и промыслов» от 9 февраля 1865 года с массой приложений, конкретизирующих общие установки)⁵⁸.

Отставной фельдфебель Вологодского пехотного полка Антонов, крестный, по крайней мере, одной из дочерей Ивановых в Петропавловской церкви училища, а значит близкий им еще с конца 1840-х годов человек, владеет питейным домом и в следующем году, «торгует вином распивочно и на вынос»; позднее его имя нам не встречается — надо учесть, что он уже в 1851-м был в отставке, то есть не молод. А вот мелочная лавка в 1873-м принадлежит уже Агафье Яковлевне, она же и торгует в ней⁵⁹.

С 1876 года в мелочной лавочке сменился хозяин и продавец — теперь это романов-борисоглебский мещанин Ефим Петров Субботин, он фигурирует в журналах до 1880-го включительно. Следует предположить, что он и живет в одном из домов Ивановых, в том, где располагается его лавка. А питейный дом принадлежит Евграфу Спиридовичу, «торгует сам хозяин, рабочих при заведении нет»⁶⁰.

По всей видимости, дела шли хорошо, и в следующем году торговыми предприятиями владеет уже не отставной фельдфебель, а временный ярославский купец Евграф Иванов: 18 декабря 1876 года он получил из Ярославской Управы свидетельство 2-й гильдии за № 560. К тому же теперь и распивочная в его доме получила звучный статус, отныне это ренковый погреб (на самом деле отличие от питейного дома одно: теперь здесь распивать вино нельзя, только «на вынос» — интересно, строго ли исполнялось?).

Но и это еще не все: Евграфу Спиридовичу принадлежит еще один ренковый погреб, в доме Ефимова на Малой Рыбинской улице. «При торговле находится отставной рядовой Сидор Ефимов. Торг производится по патенту № 151 из Акцизного Управления 27 декабря 1876 года, приказчикому свидетельству 1 класса за № 853 из Ярославской Управы 22 декабря 1876 года и договору о найме за № 2986, явленному у нотариуса Несытова 24 декабря 1876 года»⁶¹.

Помните, крестной матерью Марии Ивановой в 1851 году была Евпраксия Дмитриева Ефимова? Отставной солдат Сидор Ефимов — ее муж. Видимо, дом принадлежит им.

В следующем году о лавке в доме Иванова, как и об обоих ренковых погребах записей в журнале нет. Отсутствие их наводит на мысль, что в журналах проверок не всегда находили отражение все имеющиеся в городе предприятия (о недостатках учета, о неполноте взимания гильдейских сборов, и пр. и пр. есть сетования в дореволюционной литературе). Кроме того, и в 1878-м у временного купца Иванова значится только одно торговое предприятие — ренковый по-

греб, но совсем другой: в доме Белугиной на Борисоглебской улице. Торгует в нем приказчик, тоже отставной унтер-офицер, Николай Николаев Николаев⁶². Больше этот ренковский погреб мы в документах не встречали, но в силу сказанного утверждать, что он был лишь «неудачным опытом», поостережемся.

В 1879 году проверялись и ренковский погреб в доме Ефимова, и торговые точки в самом доме Иванова. Во дворе на Рождественке по-прежнему мелочная лавка — Ефим Субботин «торгует чаем, сахаром, кофе, луком, печеным хлебом и другими товарами, дозволенными по росписи Ж, и шоколадом в плитках» (для шоколада пришлось брать особое свидетельство!). Но есть и серьезные изменения. Во-первых, теперь здесь опять питейный дом, который принадлежит отставному унтер-офицеру Николаю Алексеевичу Алексееву. Торгует в нем, «распивочно и на вынос», приказчица 2 класса... Агафья Яковleva Иванова, жена отставного унтер-офицера (так в документе). Для получения ею приказчичьего свидетельства Евграф Спиридович не должен был включать жену в свое гильдейское свидетельство, так что она обоснованно записана в своем законном статусе унтер-офицерской жены (напомним: фельдфебель — старшее из унтер-офицерских званий, можно и так называть).

Во-вторых, и это главное: занимался все-таки Евграф Спиридовон Иванов лесоторговлей! При их доме показан лесной двор. «Торгует сам Иванов... Производит розничную торговлю лесными материалами»⁶³.

Последние, известные нам, проверки датируются 1880 годом. Лавка на углу Любимской и Рождественской улиц в доме Ивановой (наконец-то в документе юридически правильно указан владелец домов!) по-прежнему принадлежит Ефиму Авксентьеву Субботину, но теперь уже временному ярославскому 2-й гильдии купцу. Он сам «производит розничную торговлю хлебным, фруктовым, овощным и колониальным товаром».

В питейном доме торгует приказчица — жена отставного фельдфебеля Агафья Яковлева Иванова. А вот владелец его в этом году сменился: теперь хозяйкой значится жена отставного унтер-офицера Марья Константина Уварова. Почему-то кажется, что она, как и прошлогодний Алексеев, — зиц-председатели Фуксы.

Как и в предыдущие годы, без нарушений идет торговля и на лесном дворе, и в ренковском погребе в доме Ефимова на углу Пошехонской и Малой Рыбинской улиц⁶⁴.

К сожалению, мы так и не смогли проверить слова Нины Васильевны Калининой о том, что дедушка разорился из-за компаньона: документов об участии Евграфа Спиридовича в совместных с кем-то предприятиях, как и о его бан-

кротстве или торговой несостоятельности, не известно. Возможно, слово *разорился* использовано в бытовом, а не юридическом смысле.

Когда работа над этой статьей практически была уже завершена, интересные сведения нам сообщил Андрей Александрович Вершинин, работающий над историей 63-го пехотного Угличского полка в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Записи в журнале хозяйственного комитета Ярославской военной прогимназии и в отчете о строительных работах, обнаруженные им, дополняют сведения о предпринимательской деятельности Евграфа Спириdonовича в 1872–1876 годах⁶⁵. (Следует подчеркнуть, что упоминается Иванов на заседаниях хозяйственного комитета Ярославской военной прогимназии около десяти раз, и именно как ярославский купец.)

Выступает он и в роли строительного подрядчика — производит ремонтные работы, в частности настилает новые полы в одном из корпусов, и как лесоторговец — поставляет прогимназии... дрова.

Помните, как Гиляровский их рубил? Похоже, что продал прогимназии те дрова Евграфу Спирионович... Получается, что и с Ивановым дядя Гиляй сталкивался. Пусть не лично, но все же пересеклись...

О дровах скажем подробнее. На заседании хозяйственного комитета Ярославской военной прогимназии от 10 сентября 1875 года слушали «...подписку, данную Ярославским купцом Евграфом Спирионовым Ивановым в дополнение копии с проекта кондиций на поставку 2 372 саженей дров, потребных на период 1875/76 года для прогимназии». Масштабы как потребности прогимназии в дровах, так и торговых операций бывшего фельдфебеля впечатляют, но... И хотя речь в расписке не идет о кубических саженях (каждая из которых — почти 10 кубометров!), мы, скорее всего, должны говорить об ошибке в документе: что называется «запятую потеряли»⁶⁶. Но и поставка нескольких сотен кубометров — сделка серьезная, тысячная. Вот тебе и содержатель мелочной лавки.

Документы отражают особенности ведения дел с государственным учреждением, актуальные и сегодня — хорошо знакомы они современным бизнесменам. Во-первых, роль личных отношений: это когда по правилам или даже по Закону — нельзя, а все же — можно⁶⁷. Так, полковник Боголюбов, бывший директором прогимназии до 1874 года, выдал Евграфу Спирионову Иванову расписку «в том, что находящиеся на заднем дворе дрова в количестве 180 саженей принадлежат Иванову, и ему временно разрешено оставить их на месте». Пустяк, конечно, но если бы не договорился с бывшим своим начальником отставной фельдфебель — понадобилось бы ему где-то склад искать. Правда, когда начальник в прогимназии сменился, пришлось владельцу дров похлопотать, чтобы доказать

свои права... И все же великое дело старые сослуживцы: не случайно в делах временного купца Иванова столько отставников мы встречали!

Ну а вторая особенность связана с получением заработанного. По обеим упомянутым в документах крупным сделкам вынужден был Евграф Спиридоно维奇 Иванов подавать прошения об уплате причитающихся ему денег: и за произведенные им ремонтные работы по контракту, и за поставленные дрова. И не по одному разу писал.

Итак, по крайней мере с начала 1872 года, Евграф Спиридович — предприниматель. Возникает вопрос, почему же он в Адрес-календаре 1877 года значится как кандидат — ведь он уже в отставке? Зачем вообще ему понадобилось сдавать этот довольно непростой экзамен на право получения первого классного чина (или он его когда-то еще на службе сдал)?

Кстати, о грамотности супругов Ивановых говорят их автографы на выявленных в Ярославле документах. При этом создается впечатление, что Евграф Спиридович к перу очень даже привычен, а вот подпись Агафьи Яковлевны формировалась, вполне возможно, под влиянием именно старообрядческих книг.

И все-таки, ради чего было Евграфу Иванову начинать военно-чиновную карьеру? Ведь дела у них в середине 1870-х годов вполне благополучно шли. По-

хоже, что составители адрес-календарей ошиблись, не был он в это время кандидатом на классную должность.

Хочется верить, что наступит время, когда с компьютера в любом месте страны станет возможным просмотреть страницы дела в любом московском (и не только!) хранилище. Тогда и вопросы о Владимировых, Калининых, Ивановых, не нашедшие сегодня ответов, таковые получат.

КОММЕНТАРИИ

¹ Владыками Вологодскими и Тотемскими, так тогда называлась епархия, были епископы Израиль (Никулицкий, 1883–1894); Антоний (Флоренсов, 1894–1895); Алексий (Соболев, 1895–1906) — История епархии: <http://www.vologda-eparhia.ru/history/history.html>.

Фундаментальный справочник П. М. Строева (Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб, 1877. Стб. 729–735) помочь нам не мог, т. к. содержит сведения только до начала 1870-х годов.

² Государственный архив Вологодской области (далее — ГАВО). Архивная справка № 54502-т от 23.10.2007 с дополнением от 07.04.2008 — на основе документов архива: ГАВО, ф. 453, оп. 1, д. 23, л. 103; ф. 496, оп.1, д. 13721, л. 18 об.–22; оп. 4, д. 385, л. 298 об.; д. 38721, л. 235 об.; д. 391, л. 317 об.; д. 393, л. 7 об.; д. 397, л. 5 об.–8 об.; оп. 7, д. 186, л. 291 об.–292; оп. 10, д. 406, л. 165 об; ф. 1063, оп. 1, д. 743, л. 3, оп. 76, д. 17, л. 13; Вологодские епархиальные ведомости. 1879. № 18. С. 232; 1901. № 22. С. 624–625.

³ *Архиерей* — монашествующий священнослужитель, возглавляющий епархию, относящийся к высшей степени священства. Ранее архиереи делились по степени власти на *епископов, архиепископов и митрополитов*, в настоящее время эти звания сохраняются как почетные титулы. Из числа архиереев избирается *патриарх*. В крупных епархиях помимо епархиальных архипастырей назначаются *викарные архиереи*, являющиеся помощниками правящих владык.

Архимандрит — высший сан в монастырской иерархии православной церкви. После разделения монастырей на классы в 1764 г. сан архимандрита закреплен за настоятелями перво- и второклассных мужских обителей. Позднее в него стали возво-

дить не только настоятелей, но и других монашествующих, занимавших административные должности в епархии; давался он и как высшая награда священнослужителям из черного духовенства. В белом духовенстве сану архимандрита соответствует сан протоиерея.

⁴ Порядок, когда священнические и даже причетнические должности «закреплялись» архиерейскими резолюциями за дочерьми священников и причетников, т. е. переходили к их мужьям, стал весьма стеснительным не только для церкви, но и для государства: число воспитанников духовно-учебных заведений чрезвычайно увеличилось, и многие из них оставались не только без должностей в духовном ведомстве, но и без всякого дела, по несколько лет или на всю жизнь. 26 мая 1869 г. был издан закон, отменивший наследственность и замкнутость духовенства. По этому закону дети духовных лиц не причислялись к духовному званию, им предоставлялся свободный выбор занятий (*Барсов Николай, Василенко Н. Духовенство // http://www.broc-gaus.ru/text/038/069.htm*).

Представляется недостаточно оцененным и малоизученным тот огромный вклад в развитие России, который, благодаря законам 1869-го и 1871-го годов, внесли не пошедшие по стопам отцов дети священников: значительная часть русских интеллигентов, преподавателей и врачей, строителей и юристов, и пр., и пр., стояли у истоков того развития страны, которое она явила к началу XX столетия, в том числе и в радикальных революционных движениях.

⁵ Повеления постригать вдовых священников в монашество исходили от святителей XV в. и были связаны с частыми случаями неподобающей жизни духовных лиц во вдовстве. В 1503 г. специально собравшийся в Москве Собор принял постановление, которое запретило вдовым священникам и диаконам служение во всех церквях, кроме монастырских. (*Православная энциклопедия // http://ezh.sedmitza.ru/index.html?did=542*).

⁶ Пустынь Знаменской Богородицы была основана святым Галактионом в конце XVI в. В 1775 г. после пожара в нее был перемещен с острова на Кубенском озере древний Спасо-Каменский монастырь, и обитель получила указанное название (*Строев П. М. Указ. соч. Стб. 742, 767*).

⁷ Тут нам представляется необходимым совершить краткий экскурс в юридическую область устройства жизни в России во времена, когда жили родители мемуаристов. Три четверти века классового подхода ко всему (что там история, наука «идеологическая», — к генетике с физикой с тем же марксистско-ленинским аршином подходили!) заставляют остановить внимание читателей на реальном сословном делении страны — сословная принадлежность человека играла довольно важную роль в его судьбе, непосредственно касается эта проблема и семей обоих авторов мемуаров. Хотелось бы обратить внимание читателей на фундаментальный труд Б. Н. Миронова (*Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. СПб., 2000*), в котором не только впервые исследована эволюция сословных групп русского общества за два имперских века, но и проанализированы изменения менталитета сословий, его влияние на развитие общества. (Благодарим Д. Ф. Полознева, порекомендовавшего нам это исследование.)

В России сословный строй покоялся на реформах Екатерины II, главным образом на жалованной грамоте дворянству и грамоте на права и выгоды городов (1785). Они

создали четыре «главных рода людей»: дворян, духовенство, городских обывателей и сельских обывателей.

Здесь остановимся на дворянстве. Еще «Табелью о рангах» — законом о порядке государственной службы, введенным в России Петром Великим 24 января 1722 года, утверждалось: общественное положение служащих Отечеству лиц определяется чином, а не «породой». Чины разделены были на 14 классов, для каждого были даны отдельные для военной, гражданской и придворной службы названия.

Лицу, не являющемуся дворянином по праву рождения, можно было стать *потомственным* дворянином. И не только монаршим повелением, но и по достижении на службе определенного чина «Табели о рангах», либо заслужив орден. «Планка» требований постоянно повышалась: с 1856 г. в армии стало необходимо дослужиться до полковника (6 класс), на гражданской службе — до действительного статского советника (4). При наличии орденов — также было непросто, с 1900 г. уже только получив орден Святого Владимира 3–1-й степени или первые степени орденов Святых Анны и Станислава, которыми жаловали, как правило, при достижении чинов 6–5 классов (причем второй орден духовенству не полагался). Лишь военный орден Святого Георгия всегда давал права потомственного дворянства. (В первой половине столетия требования были несравненно мягче, мы это увидим на примере дедушки № 2, Михаила Павлова сына Калинина.)

Право получать ордена было дано духовенству при Павле I, что имело значение для получения духовными лицами потомственного дворянства. На отца Нафанаила, ставшего кавалером ордена Святого Владимира IV степени еще в 1891 г., право на причисление к потомственному дворянству, однако, не распространялось, что объясняется его принадлежностью к черному духовенству: монашество вело за собою ограничение гражданских и государственных прав. Монах отрекается от мира и, следовательно, не может занимать никаких мирских должностей; он не может переменять своего местожительства без разрешения своего начальства; не может владеть и приобретать недвижимых имуществ (кроме архиереев).

Помимо потомственного дворянства, передававшегося по праву рождения, «Табелью о рангах» введено было *дворянство личное*. Для его приобретения требовалась выслуга чина 9-го класса на военной службе — обер-офицера (штабс-капитана), а на гражданской — 8-го класса (коллежского асессора), или получением орденов. В отличие от потомственного, личное дворянство было не наследственным, а пожизненным и сообщалось лишь жене (которая сохраняла этот статус и после смерти мужа даже в случае повторного брака), а дети личного дворянина причислялись к *потомственному почетному гражданству*. Потомственные дворяне считали личных ненастоящими — по законодательству Российской империи последние были лишены ряда дворянских привилегий (например, не участвовали в дворянском самоуправлении).

Правами личного дворянства пользовались также вдовы священнослужителей, а их дети — потомственного почетного гражданства, вдовы и дети причетников — личного почетного гражданства.

Отец мемуариста, как мы увидим дальше, «выслужил» личное дворянство, продвигаясь по служебной лестнице.

См. подробнее в энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрана (электронная версия): *Лазаревский Н. Сословия* // <http://www.brocgauz.ru/text/093/900.htm>; *Яновский А. Дворянство* // <http://www.brocgauz.ru/text/033/893.htm>; *Кизеветтер Ал. Табель о ран-*

гах // <http://www.brocgaus.ru/text/096/541.htm>; *Винклер, фон П.* Орден // <http://www.brocgaus.ru/text/073/362.htm>; *Барсов Николай, Василенко Н.* Духовенство // <http://www.brocgaus.ru/text/038/069.htm>; см. также *Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия*. М., 1994; *Егоров Б. Ф.* Очерки по русской культуре XIX века. М., 2000.

⁸ Вологодские епархиальные ведомости. 1901. № 22. С. 624–625.

⁹ Подробнее о биографии В. А. Гиляровского см. в примечаниях к запискам С. В. Владимира.

¹⁰ Архивная справка ГАВО № 54502-т от 23.10.2007. С. 2–3.

Анна Евграфовна Угодская — тетка мемуариста, сестра его матери.

¹¹ ГАЯО, ф. 230, оп. 11, д. 333, л. 59 об.–60, запись о венчании № 1 от 30 января 1883 г. О поисках церкви, прихожанами которой были члены семьи Ивановых, см. ниже.

¹² К сожалению, единственное, что еще удалось узнать о муже Анны Евграфовны, это запись в метрической книге Богословской церкви в Ярославле от 24 июня 1888 г.: «Вологодской губернии, города Никольска начальник почтово-телеграфной станции коллежский асессор Александр Николаев Угодский 43 лет умер 22 июня 1888 г. от катара желудка» и был погребен на Туговском кладбище (ГАЯО, ф. 230, оп. 10, д. 193, л. 106 об.–107, запись о смерти № 21 от 24 июня 1888 г.).

У Угодских, которые поженились не позже 1878 г. (в исповедных росписях уже за этот год Анны среди детей отставного фельдфебеля Иванова не показано — ГАЯО, ф. 1118, оп. 1, д. 1935, л. 2 об.), своих детей, по-видимому, не было; Анна Евграфовна была крестной матерью детей своих сестер. Обращает на себя внимание тот факт, что и после смерти мужа ее имени вообще нет в исповедных росписях ни приходской церкви Ивановых, Никитской, ни Иоанна Богослова, где отпевали мужа.

¹³ Местные учреждения почтового и телеграфного ведомств долгое время существовали отдельно и самостоятельно, будучи подчинены до 1881 года Министерству почт и телеграфов, а с этого года департаментам почтовому и телеграфному Министерства внутренних дел. Вертикаль учреждений почтового ведомства (они разделялись на классы) в губерниях была следующей: губернская почтовая контора под начальством управляющего почтовою частью — уездные, подчиненные почтмейстерам — почтовые станции под управлением станционных смотрителей. Местные телеграфные станции со своими начальниками были подчинены управлению телеграфных округов во главе с начальниками округов.

В 1884 году оба департамента были соединены в «главное управление почт и телеграфов», в местном управлении объединение было произведено законом 1885 года. Были образованы почтово-телеграфные округа. В городах и других населенных местностях учреждены почтово-телеграфные конторы, почтово-телеграфные отделения, почтовые отделения и телеграфные отделения. В каждом округе образовано управление, состоящее из начальника округа, его помощников и других чиновников. На начальника округа перенесены права и обязанности, принадлежавшие ранее как начальникам телеграфных округов, так и управляющим почтовою частью в губерниях (за исключением лишь непосредственного заведывания почтовым делом в губернских почтовых конторах, которое возлагалось на начальников этих контор). См.: *Ивановский В.* Государственное право // Известия и ученье записки Казанского университета. 1895. № 5–1896. № 11 // <http://www.allpravo.ru/library/doc117p0/instrum2817/item3095.html>. Ярославский почтово-телеграфный округ Главного управления почт и телеграфов

Министерства внутренних дел был образован в январе 1887-го вместо управлений почтовой связи трех губерний — Ярославской, Костромской и Вологодской, и соответствующих телеграфных округов.

¹⁴ ГАЯО, ф. 557, оп. 1, д. 265, л. 5.

¹⁵ Там же, л. 6–12.

¹⁶ По действовавшему с 4-й четверти XIX в. законодательству право поступления на гражданскую службу имело не все население страны, оно обусловливалось происхождением и образованием (как тогда писалось, «воспитанием»).

Канцелярские служители — звание; оно присваивалось всем вообще лицам, вступившим в государственную службу в силу прав по происхождению, но не имевшим прав на получение классного чина сразу при вступлении. По происхождению подразделялись на три разряда: к 1-му принадлежало потомственное дворянство, ко 2-му — личные дворяне, потомственные почетные граждане, выходцы из духовного звания, к 3-му — имеющие права личного почетного гражданства и все остальные.

Аналогично делились канцелярские служители на разряды и по полученному воспитанию, что имело значение при их производстве в первый классный чин (14-го класса — коллежский регистратор). Так, получившие среднее образование (окончившие курс в гимназиях или приравненных к ним учебных заведениях) лица 1-го разряда дослуживались до первого классного чина через год, 2-го — через два и 3-го — через четыре года; для канцелярских служителей, получивших образование ниже среднего, но в объеме, не лишавшем права на чин (т. е. выдержавшие «испытания в науках» в объеме курса уездного училища), сроки выслуги удваивались (а служители 3-го разряда, не причисленные к почетному гражданству, могли быть произведены в чин только после 10 лет службы!).

С канцелярскими служителями не следует смешивать канцелярских чиновников: первый — звание, второй — должность, в основном, это были просто писцы.

Подробнее о канцелярских служителях и канцелярских чиновниках см.: Большая энциклопедия русского народа // <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=2417>; также в энциклопедии Брокгауза и Ефона (электронная версия): *А. Яновский*. Канцелярские служители // <http://www.brocgaus.ru/text/047/656.htm>; *Яновский А.* Гражданство почетное // <http://www.brocgaus.ru/text/031/227.htm>; о российском чиновничестве наиболее полные исследования Л. Е. Шепелева: Чиновный мир России. XVIII — начало XX в. СПб., 2001; Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М., 2005; о квалификационных экзаменах государственных служащих (что актуально и сегодня): *Мельников В. П.* Историческая практика проведения квалификационных экзаменов государственных служащих России // http://www.education.rekom.ru/1_2007/7.html.

¹⁷ В дореволюционной России средства эмеритальной кассы — предшественницы Пенсионного фонда — составлялись из обязательных отчислений от жалованья государственных служащих и предназначались для выплат из накопленных сумм специальных пенсий уволенным в отставку служащим, пособий вдовам, сиротам.

¹⁸ ГАЯО, ф. 573, оп. 2, д. 2, л. 13; ф. 642, оп. 1, д. 23893, л. 1–1 об.

Заметим, что при отсутствии документов о службе чиновников государственных учреждений можно обращаться к адрес-календарям и памятным книгам соответствующих губерний — по месту расположения учреждения (к сожалению, для Ярославской, как и для других губерний, эти замечательные источники имеются в хранилищах области, да и в лучших библиотеках России, далеко не за все годы!). Однако

следует помнить: сведения в них зачастую заносились не из официальных списков, а из издания предшествующего года; кроме того, они, естественно, не могут фиксировать и не фиксируют изменения, происходившие в течение года. Так, из имеющихся адрес-календарей следует, что Василий Николаевич вновь служит в Управлении ярославского почтово-телеграфного округа только с 1900-го, а в чин коллежского советника был произведен в 1904 г.

¹⁹ В записках С. В. Владимиров, как видим ошибочно, пишет, что отец служил в Кинешме в 1895–1901 годах.

По сведениям Первой Всероссийской переписи населения 1897 года, В. Н. Владимиров был начальником *почтовой* станции (ГАЯО, ф. 642, оп.3, д.1346, л. 8. *Сообщено Н. В. Обнорской*) – о других ошибках при заполнении переписных форм мы скажем ниже.

²⁰ О непростых обязанностях чиновника особых поручений Управления почтово-телеграфного округа мы можем судить по данным А. Ю. Саран (История по-чты Орловского края // <http://www.ufps.orel.ru/kniga/glava3/39.html>): «...должность с довольно хлопотными обязанностями: заведовать следственной частью, которая рассматривала все жалобы и нарекания к почте, организовывать и проводить ревизии во всех трех губерниях округа... прилагая все усилия к правильному и скорому разрешению всех вопросов, касающихся правильной постановки службы в учреждениях, жалоб на неправильные действия учреждений и служащих, а также почтосодержателей, неявки, утраты или похищений пересылающихся по почте предметов и корреспонденции всякого рода и выдачи за них вознаграждений, с производством дознаний и формальных следствий, расследований о неправильностях в передаче переводных телеграмм, нарушений правил телеграфной корреспонденции, взыскания недоборов почтовых сборов, происшествий в почтово-телеграфных учреждениях, различных взысканий с чинов, о задержке корреспонденции по требованию суда и многих других аналогичных вопросов».

²¹ ГАЯО, ф. 1118, оп. 1, д. 1982, л. 6 об. (1891 г.); д. 1987, л. 6 (1893 г.); д. 1990, л. 5 (1894 г.); за 1892 год росписи не обнаружены. Василий Николаевич у исповеди был каждый год, Александра Евграфовна в 1893-м не была «по опущению», Артемий исповедовался, начиная с 1893-го, а Сережа «по малолетству» еще не был.

²² ГАЯО, ф. 230, оп. 10, д. 192, л. 294 об.–295 (запись о рождении № 12 от 25 марта 1888 г.).

²³ ГАЯО, ф. 230, оп. 11, д. 333, л. 271 об.–272 (запись о рождении № 29 от 27 ноября 1889 г.).

²⁴ ГАЯО, ф. 230, оп. 11, д. 422, л. 446 об.–447 (запись о смерти № 31 от 12 октября 1910 г.).

²⁵ ГАЯО, ф. 642, оп.3, д.1346, л. 7–8.

²⁶ ГАЯО, ф. 213, оп. 1, д. 1816. Благодарим Т. В. Котову за подсказку.

²⁷ Следует напомнить, что слово *солдат*, вплоть до коронационного манифеста Александра I от 26 августа 1856г., означало отнюдь не род профессиональной деятельности. По рекрутскому уставу рекрут выходил из крепостной зависимости, но поступал со всем своим потомством в аналогичные отношения к военному ведомству: он получал это звание по прошествии известного числа лет службы; оно сохранялось за ним и по увольнении в отставку и сообщалось жене и детям — фактически это было сословие *солдат*, *солдатских жен и детей*. В 1805 г. всем солдатским де-

тим, в силу своего происхождения обязанных военной службой, было присвоено наименование *кантонисты*. Образование большинства солдатских детей ограничивалось, в лучшем случае, обучением в гарнизонных школах грамоты. Так что сыну отставного солдата Павла Калинина еще повезло.

Сословное значение слова *солдат* утратилось само собой только с введением всеобщей воинской повинности: призванные на военную службу сохраняли свою принадлежность к обществам и сословиям — подробнее см.: Кантонисты // <http://www.brocgaus.ru/text/047/631.htm>.

Кондуктор (*от позднерел. conductor* — сопровождающий, проводник), *воен.* — в России с XVIII века в военном и некоторых других ведомствах — воспитанник или выпускник специального учебного заведения, выполнивший работу чертёжника или художника; позднее — воинское звание сверхсрочнослужащих специалистов в главных, окружных и полевых инженерных управлениях. В лесном ведомстве кондукторы были помощниками лесничих; кондукторы на флоте — вообще отдельная тема.

Кондукторская школа путей сообщения была создана в Петербурге в 1819–1820 гг. по инициативе генерала А. А. Бетанкура. В ней весьма основательно готовились помощники инженеров-путейцев. (Павлов В. Е. Августин Бетанкур: Между прошлым и будущим // <http://www.cathedral.ru/reading/y2008/pavlov>).

²⁸ Дёрн — куски дернины (поверхностный слой почвы, переплетенный корнями и побегами многолетних трав), нарезанные большей частью прямоугольниками. Издавна используется для укрепления откосов земляных сооружений (дамб, дорог и пр.) и их защиты от размыва и выветривания.

Водные и сухопутные дороги России с 1809 года находились в ведении Главного управления путей сообщения — предшественнике министерства, существующего и ныне. В 1833-м в путейское ведомство из Министерства внутренних дел (МВД) была передана строительная часть, в связи с чем оно получило название «Главное управление путей сообщения и публичных зданий». Страна была разделена на округа, они в свою очередь состояли из отделений, дистанции и т. д. — в Санкт-Петербурге находилось правление I округа, в Ярославле — V.

²⁹ Офицерские чины в 1809–1870 гг. в России имели лица, служившие не только в разных родах войск, но и в ведомствах, не подчиненных военному или морскому министрам: члены Корпуса инженеров путей сообщения (ведомство путей сообщения), Корпуса горных инженеров (Министерство финансов) и Корпуса лесничих (Министерство государственных имуществ), чины они имели общесармейские пехотные, хотя, по существу, являлись гражданскими — см.: Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993 // <http://adjudant.ru/officer/000.htm>, или militera.lib.ru/h/volkov_sv1/index.html.

³⁰ В 1843 году местные учреждения путейского ведомства империи подверглись реорганизации. Вместо множества разнородных команд были сформированы 52 военно-рабочие роты, которым передавались функции обслуживания и охраны сухопутных и водных коммуникаций. 29-я рота размещалась в Ярославле.

Арестантские роты гражданского ведомства, предусмотренные Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., состояли в ведомстве Главного управления путей сообщения и публичных зданий (по месту расположения они находились в ведении губернских строительных комитетов и комиссий); военное управление каждой ротой сосредоточивалось в лице ротного командира. В перечне уголовных наказаний арестантские роты занимали по степени суровости третье место (после

смертной казни и ссылки в каторжные работы). (см.: *Рассказов Л. П., Упоров И. В. Исправительные арестантские роты гражданского ведомства как вид лишения свободы в российском праве XIX в.* // Правоведение. 2000. № 4. С. 180–185).

³¹ Сделал он это, напомним, вовремя, поскольку всего через 3 года, с 1856-го, чин прaporщика, низший офицерский — 14-го класса, уже перестал давать право на потомственное дворянство.

³² Эти дома устраивались при дорожных заставах для жительства лиц, осуществляющих надзор за проезжающими, взимание дорожного сбора и проч.

Ярославский заставный дом располагался при Калинине у Московской заставы, в том месте современного Московского проспекта, которое уже больше ста лет именуется в городском быту Выемкой. При строительстве железной дороги на Нерехту — Кострому в 1896 г. ее было решено поднять над Московским трактом, пустив поезда по мосту, — полотно шоссе надо было опустить (отсюда и топоним возник, и привычные глазу ярославцев откосы проспекта). Заставный дом располагался у обочины шоссе, здание мешало предстоящей выемке грунта; в архиве сохранились его план и фасад (ГАЯО, ф. 509, оп. 1, д. 773) — *Сообщено Н. С. Землянской*.

³³ Адрес-календарь Ярославской губернии на 1858 г. Ярославль, б. г. С. 41–45.

³⁴ Виктора (род. 19.08.1885), Геннадия (род. 04.08.1888) и Владимира (род. 8.07.1890) — ГАЯО, ф. 213, оп. 1, д. 1815.

³⁵ Военные прогимназии были образованы в 1858 г. из училищ и военно-начальных школ для подготовки воспитанников к поступлению в юнкерские училища либо (менее успешных) — в специальные школы военного ведомства, выпускавшие унтер-офицеров для нестроевых должностей. В военные прогимназии (их всего в стране было 8, Ярославская была самой крупной) принимались дети офицеров, чиновников, дворян и почетных граждан, и сначала состав их мало отличался от состава военных гимназий (разве что потомственных дворян было там значительно меньше), но уже к началу 1880-х гг. они считались заведениями, принимающими в основном лиц не-дворянского происхождения. С 1874 г. программы были перестроены для подготовки выпускников в юнкерские училища: за 4 года предусматривалось 96 учебных часов в неделю, из которых на Закон Божий приходилось 10 часов, на русский язык — 19, арифметику и алгебру — 22, геометрию — 8, историю — 7, географию — 9, естествознание — 7, чистописание — 7 и рисование — 7. Прогимназии выпускали на службу унтер-офицерами, а с 1874 г. — с правами вольноопределяющихся 3-го разряда. См.: http://www.ruscadet.ru/history/rkk_1701_1918/1863_1882/v-progimn.htm. Подробнее о службе вольноопределяющихся, роли юнкерских училищ в Русской армии см. главу 12 «Устава о воинской повинности, Высочайше утвержденного 1 января 1874 года» (<http://www.imha.ru/lore/article.php?id=792>) и соответствующие статьи в энциклопедии Брокгауза и Ефрона; а также упомянутое исследование С. В. Волкова.

История учебного заведения военного ведомства в Ярославле изучена явно недостаточно — к сожалению, это можно видеть на сайте <http://www.adm.yar.ru/YZRI/history.shtml> — по ошибкам раздела «История» страницы Ярославского высшего зенитного ракетного училища ПВО (противовоздушной обороны). Поэтому приведем наименования военно-учебных заведений, которые последовательно размещались в корпусах вдоль Московского проспекта (первые из которых были заложены еще в 1797 г. при императоре Павле и не раз потом перестраивались):

с 1828 по 1858 г. — батальоны кантоnistов (эти роты и батальоны преобразованы

были в 1826 г. из военно-сиротских отделений, которыми с 1824 г. заведовал главный начальник военных поселений граф Аракчеев);
с 1859 по 1866 — училище Военного ведомства;
с 1866 по 1868 — военно-начальная школа (заметим, что в большинстве источников и документов учебное заведение с 1859 г. именуется просто *военным училищем*);
с 1869 по 1886 — военная прогимназия;
с 1891 по 1895 — военная школа;
с 1896 по 1918 — кадетский корпус.

Ныне — указанный военный институт ПВО.

См.: Календарь Ярославской губернии на 1872 год. Ярославль, б. г. С. 40; *Верецагин С. А., свящ.* Петропавловская при Ярославском кадетском корпусе церковь: Краткий исторический очерк. Ярославль, 1910; *Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля. Ярославль, 2005.* (Серия «Тысячелетию Ярославля посвящается»). С. 546–550.

³⁶ В Послужном списке неточность: указанное название полк получил только в марте 1877 г.; со дня основания в 1864 г. высокого шефа у полка не было, и именовался он проще: 137-й пехотный Нежинский; с августа 1875-го он значился «имени Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Владимировича»; подробнее см.: *Скворцов П. П. История 137-го пехотного Нежинского полка.* М., 1896.

³⁷ В 1865–1880 гг. это звание носили окончившие юнкерские училища до присвоения им офицерского чина.

³⁸ Полк был сформирован в 1874 г. из 4-х батальонов 19-й пехотной дивизии (по одному батальону из 73-го Крымского, 76-го Кубанского, 75-го Севастопольского и 74-го Ставропольского пехотных полков); в 1875-м получил свое название.

Указанные в формуляре отличия Ахалцыхского полка в боях были оценены — в том числе за них пожалованы: 1-му и 4-му батальонам Георгиевские знамена с надписью: «За отличия в турецкую войну 1877 и 1878 гг.», а 2-му и 3-му батальонам — Георгиевские трубы с той же надписью (см.: http://ru.wikipedia.org/wiki/Ахалцыхский_162-й_пехотный_полк). Заметим, что сведения Википедии всегда желательно перепроверять по независимым источникам — мы это сделали.

³⁹ Полк был переформирован в 1863 г. из Колыванского резервного пехотного полка, назван 140-м пехотным Зарайским (как и уже упоминавшийся 137-й Нежинский он входил в 35-ю пехотную дивизию, штаб которой в 1880-е гг. размещался в Ярославле); о полке см. *Домашев П. А. Краткая история 140-го пехотного Зарайского полка.* Кострома, 1890. Зарайск — уездный город Рязанской губернии.

⁴⁰ Приведем описание этого сражения: «Наставшая сырая и холодная ночь на 29-е число не прекратила боя; последний продолжался с тем же упорством, с особым ожесточением группируясь возле уступленных нами днем позиций правого крыла, из которых деревня была возвращена обратно лихим ударом в штыки. Удар этот, по сообщениям из Мукдена, был произведен 140-м пехотным Зарайским полком, который, в полной тишине подойдя к деревне, бросился без выстрела на бывших здесь японцев. Последние не выдержали стремительного удара зарайцев и в беспорядке бежали, оставив на месте много убитых и раненых. Вскоре после этого японская артиллерия открыла убийственный огонь по занятой нами деревне, чем вынудила оставить ее» (Военный сборник: Обзор военных событий. Составлен на основании официальных документов и обзоров, помещавшихся в «Русском инвалиде» с 15 сентября по 12 октября. СПб., 1905. С. 252–260, цит. по <http://www.likt590.ru/project/ja>

pan/Shaxe.htm.; см. также Иванов Н. Н. Памятка зарайца о войне с Японией 1904–1905 гг. М., 1910).

Командовал зарайцами в это время Е. И. Мартынов, полковник, затем генерал-майор — замечательный русский офицер, автор книг — Из печального опыта Русско-японской войны (в интернете <http://cruiserx.narod.ru/martinov/martinov.htm>); Бой при Ляньданьсяне и сражение на Шахе (Мое участие в них). СПб., 1908 и Воспоминания о Японской войне командира пехотного полка. Плоцк, 1910, и др.

⁴¹ С. В. Севрюковой удалось найти сведения о рождении только Тани Калининой: «У Штабс-капитана 140-го Зарайского пехотного полка Василия Михайловича Калинина и законной жены его Варвары Евграфовой, оба православного вероисповедания, 12 мая 1899 г. родилась дочь Татиана. Восприемники: сын начальника Кинешемской почтово-телеграфной конторы Артемий Васильевич Владимиров и вдова надворного советника Анна Евграфовна Угодская» (ГАЯО, ф. 230, оп. 11, д. 354, л. 430 об.–431, запись о рождении № 13 от 17 мая 1899 г. в метрической книге Никитской церкви).

⁴² ГАЯО, ф. 230, оп. 11, д. 510в, л. 285 об.–286, запись о смерти № 4 от 24 января 1915 г. в метрической книге Никитской церкви.

⁴³ Книга часто переиздавалась и переиздается, причем не только в столичных издательствах (например, Гиляровский В. А. Мои скитания. Архангельск, 1987), текст ее выложен в интернете на целом ряде ресурсов, например: <http://lib.ru/RUSSLIT/GILQROWSKIJ/skitania.txt> или <http://www.classic-book.ru/lib/al/book/693>.

⁴⁴ Ныне подзабыта и книга «Гиляровский на Волге» (Ярославль, 1962; в сети: <http://www.booksite.ru/fulltext/kis/ely/ova/1.htm>), а ведь при написании ее автор, Екатерина Георгиевна Киселева, использовала дневниковые записи писателя, его письма родным, их воспоминания. Это существенно, так как «Мои скитания», очень точные в деталях, все-таки произведение художественное.

Биограф уточнила, что в мае 1871 года, уйдя из дома, Владимир пешком пришел в Ярославль, откуда пароходом спустился до Костромы, где и устроился в артель бурлаков. Пройдя с ними до Рыбинска около трех недель (пришли 11 июня 1871 г.), он остался там крючником, но вскоре сломал ногу. «Когда нога поправилась, написал отцу в Вологду, сообщил свой адрес. Отец приехал в Рыбинск.. [Он] непременно хотел, чтобы Володя прошел военную службу. В Ярославле стоял 137-й Нежинский пехотный полк, куда Володя, по настоянию отца, должен был поступить вольноопределяющимся».

Служба и жизнь в Николо-Мокринских казармах начались в сентябре 1871-го и закончились в августе 1873 года (Киселева Е. Г. Указ. соч. С. 8–39). Из всех ярославских казарм, насколько нам известно, только Николо-Мокринские, и именно благодаря «дяде Гиляю», «попали в историю».

⁴⁵ ГАЯО, ф. 967, оп. 2, д. 1314. Подробнее см. в статье Н. С. Землянской и А. М. Рутмана в настоящем издании.

⁴⁶ ГАЯО, ф. 230, оп. 10, д. 59, л. 2 об.–3, запись о крещении № 3 от 26 марта 1861 г.

⁴⁷ ГАЯО, ф. 1118, оп. 1, д. 1935, л. 2 об.; о храме см.: Рутман Т. А. Храмы и святыни Ярославля. Ярославль, 2005. (Серия «Тысячелетию Ярославля посвящается»). С. 250–253.

⁴⁸ ГАЯО, д. 1953, л. 9 об. (1883 г.); д. 1965, л. 10 об. (1886); д. 1968, л. 11 (1887); д. 1973, л. 10 об. (1888); д. 1978, л. 10 об. (1889); д. 1980, л. 9 об.–10 (1890); д. 1982, л. 9 об. (1891); д. 1987, л. 8 об. (1893); д. 1990, л. 8 (1894).

⁴⁹ Соответственно, ГАЯО, ф. 230, оп. 10, д. 192, л. 320 об.–321, запись о смерти № 14 от

18 июля 1888 г.; оп. 11, д. 333, л. 284 об.–285, запись о смерти № 5 от 6 февраля 1889 г.

⁵⁰ ГАЯО, ф. 230, оп. 11, д. 354, л. 82 об.–83, запись о смерти № 33 от 3 августа 1891 г.

Место погребения, как и имя причащавшего священника, в документе не указаны.

⁵¹ Ярославская Мариинская женская гимназия: Историческая записка к 50-летию ее существования (6 февраля 1861 г. – 6 февраля 1911 г.) / Сост. Б. И. Зеленский. Ярославль, 1911. С. 67, 94.

⁵² Нет, впрочем, в их воспоминаниях ни слова и ни о ком из братьев и сестер отцов, а как мы помним, у обоих Василиев, и Калинина, и Владимирова, их было по семь человек!

⁵³ То, что купеческий сын Михаил Евграфов Иванов в исповедных росписях Никитской церкви вплоть до 1894 г. записывался вместе с сестрами, не означает, что он проживал вместе с ними. В завещании Евграфа Спиридовича 1888 г. оба они указаны как «отделенные» — то есть уже получившие по решению отца свои доли его состояния; завещав четырем дочерям все дома, движимое имущество и около 1000 рублей денег, Евграф Иванов отписал им уже только «по сту рублей каждому» (ГАЯО, ф. 967, оп. 2, д. 1314, л. 9 об.).

За все годы Михаил Иванов на исповеди не был ни разу, в 1887–1889 гг., возможно, он уезжал из города, так как указано, что на исповеди «не был за отлучкой» (ГАЯО, ф. 1118, оп. 1, д. 1968, л. 11; д. 1973, л. 10 об.; д. 1978, л. 10 об.), в остальные — «по опущению» (Там же, д. 1953, л. 9 об.; д. 1965, л. 10 об.; д. 1982, л. 9 об.; д. 1987, л. 8 об.; д. 1990, л. 8).

Единственное упоминание М. Е. Иванова в светских документах см.: ГАЯО, ф. 509, оп. 3, д. 589, л. 510 об. — *Сообщено Т. В. Котовой.*

⁵⁴ Права купеческого состояния приобретались ежегодным взятием гильдейского или купеческого свидетельства. Этими правами пользовались как лицо, на имя которого было выдано гильдейское свидетельство, так и внесенные в свидетельство вместе с ним: при отце или матери могли быть внесены их сыновья, незамужние дочери. Вдовы и незамужние дочери сохраняли купеческое звание, в котором состояли их мужья или отцы. Подчеркнем: «Права купеческого состояния теряются...3) вследствие не возобновления гильдейского свидетельства».

Лицо, получившее свидетельство, вступало в права купеческого состояния только по уплате всех повинностей по прежнему званию. Не исполнившие этого требования или пожелавшие остаться в прежнем звании, именовались «временными купцами» — они приобретали *торговые права*, но при этом продолжали числиться в своем прежнем сословии.

Гильдий с 1863 г. осталось две. Плата за свидетельство 1-й гильдии, к которой, по предположению закона, принадлежала оптовая торговля, была одинакова для всех местностей России — 565 руб., за свидетельство 2-й гильдии, его были обязаны брать торговцы в розницу и владельцы фабрик и заводов с числом рабочим более 16 чел., составляла, по классам местностей, от 40 до 120 руб. (См. подробнее в энциклопедии Брокгауза и Ефроня (электронная версия): *Лазаревский Н. Сословия* // <http://www.brocgaus.ru/text/093/900.htm>; *А. Я[новский]. Купцы* // <http://www.brocgaus.ru/text/056/703.htm>; *Он же. Гильдии* // <http://www.brocgaus.ru/text/028/591.htm>; *Мещане* // <http://www.brocgaus.ru/text/065/575.htm>).

⁵⁵ ГАЯО, ф. 509, оп. 2, д. 1486, л. 40 об.; д. 1489, л. 35; д. 1491, л. 67 об.; д. 1492, л. 77 об.; д. 1493, л. 79; д. 1494, л. 76 об.; д. 1495, л. 59; д. 1496, л. 41 об.; д. 1497, л. 139 об.

⁵⁶ Сказанное заставляет нас еще раз подчеркнуть, что к записям в исповедных роспи-

сях о сословном положении и о чинах, как и к возрасту, надо относиться критически (например, семья Ивановых записывалась с 1878 по 1882 год в разделе «Военные», а затем в «Купцах»).

⁵⁷ ГАЯО, ф. 509, оп. 2, д. 1714, л. 96 об.–97.

⁵⁸ Есть и удобные сводные издания, например: Справочная книга к торговым постановлениям / Сост.: Котельников К. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1884.

Об особенностях торговли спиртным см. также статьи Питейная монополия; Питейная торговля; Питейное присутствие; Питейные сборы; Питейный дом; Питейный откуп и Ренковский погреб в энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефроня.

⁵⁹ ГАЯО, ф. 509, оп. 1, д. 30, л. 79 об.– 80. По всей видимости, как это и было всегда в семейных лавках без приказчиков, торговлей занимались не только номинальные владельцы, но и другие члены семьи.

⁶⁰ Там же, д. 99, л. 236 об.– 237.

⁶¹ Там же, д. 121, л. 98 об.– 99, 174 об.– 175.

⁶² Там же, д. 134, л. 7 об.– 8.

⁶³ Там же, д. 149, л. 32 об.– 33, 36 об.– 37.

⁶⁴ Там же, д. 168, л. 19 об.– 20, л. 58 об.– 59

⁶⁵ РГВИА, ф. 1634 (Ярославская военная прогимназия (кадетский корпус)), оп. 1, д. 23, л. 75, 118, 121, 174, 180–182, 188.

⁶⁶ Чтобы привезти 23 000 кубометров дров, понадобилось бы около тысячи вагонов, десяток железнодорожных составов! А возили тогда «гужевым транспортом» — больше десяти тысяч телег надо было бы! Ну никак не могло быть «потребно» столько кубометров! Разобраться с точным значением записи, то есть с тем, какими конкретно «сажениями» измерялось количество дров, нелегко. Не случайно в словаре этому столько места уделено: *Собичевский В. Дрова // http://www.brocgaus.ru/text/037/629.htm*. По всей видимости, речь идет о так называемой швырковой сажени, размер которой тоже варьировался. Даже если принять ее равной всего 2 кубометрам, то потребность в дровах окажется сильно завышенной: на год на одну печь нужно порядка 5 кубометров — не тысяча же печей в прогимназии...

Лишний раз убеждаемся, насколько много «подводных камней» в старых документах.

⁶⁷ С другой стороны, если по закону можно, то в российской жизни — уж как получится. Так, К. П. Победоносцев, обсуждая право отказываться от исполнения договорных обязательств по казенным подрядам «за неисправностью другой стороны», отмечал: «в числе причин, освобождающих поставщика или подрядчика от всякой ответственности и самого исполнения договора, поименовано «невыполнение договора со стороны казны». Но эта причина в числе прочих может быть принята в уважение *не иначе как с разрешения верховного правительства*» (Курс гражданского права. Часть 3: Договоры и обязательства. § 19).

Приложения

**Министерство культуры СССР
ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СССР
(недвижимые)**

Союзная Республика: РСФСР

Наименование республиканского органа охраны памятников: Минкультуры. Отдел учета, реставрации и использования памятников истории и культуры

ПАСПОРТ

I. Наименование памятника «Дом Иванова»

II. Типологическая принадлежность памятник архитектуры

III. Датировка памятника 2-ая пол. XVII в.

IV. Адрес памятника Ярославская обл. г. Ярославль, ул. Чайковского, д. 4

...

VI. Исторические сведения:

а) А. А. Тиц предполагает, что в первой половине XVII в. в Спасской слободе, преимущественно населенной богатыми купцами и ремесленниками, на месте нынешнего здания могли существовать «деревянные хоромы на подклете из белого камня». По сведениям И. А. Тихомирова, дом был построен в 1625–1627 годах. Вероятно, эта постройка сгорела в 1658 г. во время «великого пожара», уничтожившего большую часть Спасской слободы.

Во второй половине XVII в. возведен кирпичный жилой дом на высоком подклете. Согласно исследовательско-реставрационным материалам И. А. Тихомирова в западной части дома находилась внутренняя лестница, соединявшая хозяйственные помещения в подклете с жилыми на основном этаже. Здание являлось частью усадьбы, расположенной на пересечении Угличского тракта и Ершова ручья, который южнее впадал в р. Которосль. Местонахождение усадьбы, а также размеры и конструкции дома дают возможность предположить, что хозяевами были зажиточные ярославские купцы.

В 1780-х годах в здании проживал первый ярославский губернский архитектор Эван Левенгаген.

В течение XVIII и XIX веков дом перестраивался.

При капитальном ремонте в начале XX в. в здании были частично разрушены своды, сделана новая железная кровля, оконные проемы растесаны и обведены штукатурной рамкой, по верху восточного фасада была сделана «узорная пропись» по штукатурке.

До 1917 г. дом принадлежал некоему Иванову.

Во время белогвардейского мятежа в 1918 г. при артиллерийском обстреле города дом значительно пострадал, особенно его западная часть. В течение всего 1918 г. здание пустовало.

12.09.1918 г. постановлением Специальной комиссии музеиного отдела Главнауки здание было передано Ярославскому отделению ГЦРМ для его восстановления. Руководство восстановительными работами поручено П. Д. Барановскому и И. А. Тихомирову.

В 1920–1922 годах проведены археологические и исследовательские работы. В 1923–1924 годах частично переложены северный, западный и южный фасады здания, разобраны заложенные проемы, сделана новая тесовая кровля с полицей, восстановлены наружные декоративные детали.

В 1927–1928 годах переложены своды подклета, а к северному фасаду пристроено деревянное крыльцо с лестницей на основной этаж дома.

В декабре 1928 г. здание и деревянная пристройка у его восточного фасада, арендованы Ярославским губернским Союзом инвалидной кооперации под общежитие.

В 1930 г. в доме проведен ремонт, и в следующем 1931 г. он передан в ведение Ярославского коммунального отдела. В документах 1943 г. о передаче здания на баланс краеведческого музея отмечено, что оно находится в аварийном состоянии. Верхний этаж продолжает использоваться под коммунальное жилье, в подклете размещены складские помещения местной кондитерской фабрики.

В 1952 г. ЯСНРПМ заменены деревянные кровля и крыльцо. В 1953 г. дом передан в ведение Управления главного архитектора города.

С 1959 г. по 1962 г. ЯСНРПМ проведен капитальный ремонт, после чего в 1965 г. его хозяином становится Областное управление культуры, которое по-прежнему использует его под жилье. В 1966 г. в доме сделано центральное отопление, водопровод и канализация.

После выселения коммунальных жильцов в 1985 г. вплоть до осени 1987 г. в здании проведены ремонтно-восстановительные работы силами ЯСНРПМ. В основном восстановлена первоначальная планировка основного этажа, отремонтированы своды, поставлены новые оконницы и двери, настланы полы. Дом заново перекрыт тесовой кровлей с дымниками, стилизованными в духе XVII в.

Отремонтировано крыльцо и побелены фасады. Снесены ветхие пристройки у восточного фасада и на прилегающем участке. Вокруг здания сделана отмостка из булыжника. Здание стало использоваться как административное: в нем расположился Научно-производственный центр охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры при Управлении культуры.

б) Перестройки и утраты, изменившие первоначальный облик памятника:

На западном, северном и восточном фасадах в подклете заложены проемы. На небольших участках стен смыта побелка. Перегорожены сени и большая палата на основном этаже; заложен один из входов из сеней в палату и вход из проходной комнаты в покой в восточной половине этажа.

в) Реставрационные работы:

1920–1928 гг. — исследовательские, археологические и ремонтно-реставрационные работы, проводимые Ярославским отделением ЦГРМ под руководством П. Д. Барановского и И. А. Тихомирова.

1952 г., 1959–1962 гг. — капитальный ремонт, сделанный ЯСНРПМ, руководитель работ — гл. инженер Цыкин В. А.

1985–1987 гг. ремонтно-восстановительные работы, проводимые ЯСНРПМ под руководством архитектора Россова Н. Л. Документы хранятся в архиве ЯСНРПМ.

VII. Описание памятника

а) Здание находится в историко-культурном центре города вблизи р. Которосль. Дом стоит на пересечении пролегающей на севере от него ул. Б. Октябрьской (бывший Угличский тракт), которая до сих пор является оживленной транспортной магистралью, с ул. Чайковского на западе, появившейся в конце XIX в. на месте засыпанного Ершова ручья. На противоположной стороне ул. Чайковского расположены уникальный храмовый комплекс церкви Николы Мокрового (XVII в.) и несколько деревянных жилых домов рубежа XIX–XX вв. На юге к придусадебному участку дома со старым яблоневым садом примыкает двухэтажное каменное здание постройки начала XX в. На востоке находится жилой массив современной застройки.

Небольшой усадебный участок дома огорожен железной решеткой.

Одноэтажное, на высоком подклете здание построено из кирпича и побелено; в нижней части подклета использован белый камень. Прямоугольный в плане, вытянутый по оси восток — запад объем перекрыт высокой четырехскатной тесовой вальмовой кровлей с полицей; северный и южный скаты кровли — с двумя чердачными окнами и высокими кирзовыми дымниками. К северному

фасаду здания пристроено двухъярусное деревянное крыльцо с лестницей на основной этаж.

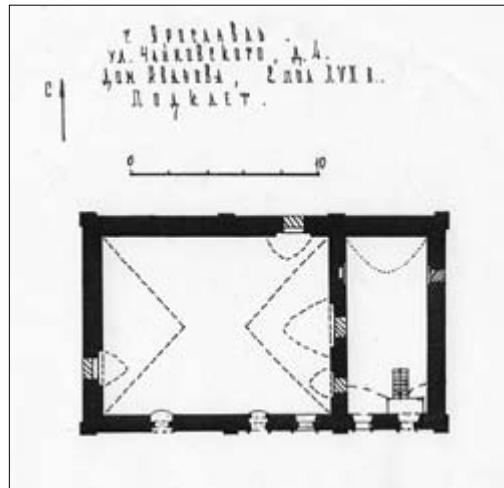
Углы здания акцентированы широкими лопатками. Такими же лопатками расчленены южные и северные фасады. Южный и западный фасады разделены межъярусным карнизом. Восточный фасад здания — глухой, без проемов; не имеют проемов также подклетные ярусы западного и северного фасадов. Входные проемы — арочные; оконные на основном этаже — с лучковыми перемычками, в подклете — прямоугольные.

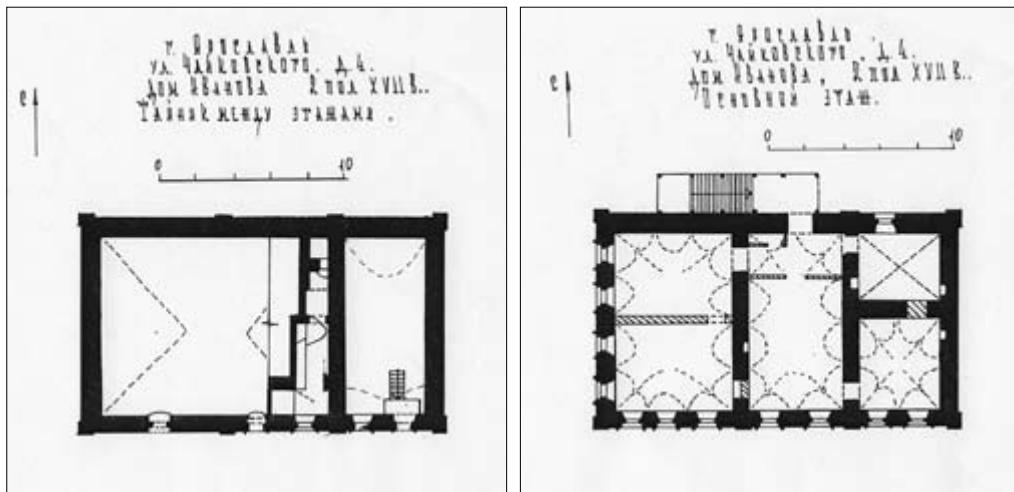
Самый нарядный южный фасад — трехчастный, с более крупным западным пряслом и приблизительно одинаковыми центральным и восточным. Оси проемов верхнего яруса не совпадают с проемами в подклете. Западное прясло имеет три окна на основном этаже и вход в прямоугольном заглублении в подклете. Центральное прясло — с двумя оконными проемами на обоих ярусах; окна в подклете находятся на разных уровнях, отличаются размерами, а их оси сдвинуты к лопаткам. В восточном прясле расположено два окна наверху и окно и вход в высокой арочной нише внизу; проемы в подклете сдвинуты к лопатке, разделяющей прясла. В проемы окон подклета вмонтированы решетки из железного прута с простым горизонтально-вертикальным членением. Входы имеют деревянные двустворчатые двери на «кулачках».

На основном этаже западного фасада оконные проемы расположены по четырем осям.

Верхний ярус северного фасада — двухчастный, а подклет — трехчастный. Лопатки в подклете поставлены по тем же осям, что и на южном фасаде. Лопатка, разделяющая основной этаж, расположена на оси восточной лопатки на южном фасаде. В восточной части этажа находится оконный проем, в западной — входной; к этой же части фасада примыкает крыльцо.

Многопрофильный венчающий карниз декорирован поясом двуступенчатых фигурных сухариков из лекального кирпича. Межъярусный карниз состоит из поребрика. Наличники окон — рамочные, прямоугольные. У окон второго этажа они увенчаны профилированными кокошниками с килевидными раскреповками.

Деревянное крыльцо — с крытым нижним ярусом, небольшой галереей второго яруса, перекрытой односкатной кровлей, и рундуком с одномаршевой лестницей под односкатным навесом. Кровля галереи и навес над лестницей опираются на фигурные столбики, стилизованные в «русском духе».

Интерьер основного этажа разделен широкими сенями на западную и восточную половины. Расположенная в западном крыле парадная палата и сени перекрыты коробовыми сводами с лотками в торцах; оба помещения — с современными перегородками. Восточное крыло разделено капитальной стеной с осевым направлением восток — запад на покой и проходную прихожую (в настоящее время дверной проем в покой заложен); комнаты перекрыты сомкнутыми сводами. Помещения имеют распалубки над окнами; а также — кроме прихожей в восточном крыле — над глухими участками стен; распалубки в покоях декорированы штукатурными карнизами. Оконные проемы — лучковые, с большими четвертями, боковыми скосами и горизонтальными подоконниками. Деревянные двойные оконницы — широкой обвязки, одностворчатые, с ромбическим членением. Дверные проемы — прямоугольные, с одностворчатыми деревянными дверьми. Стены и своды окрашены светлой kleевой краской; полы — паркетные.

Используемый под хозяйственные нужды подклет разделен капитальной стеной на большую западную половину с лотковым сводом и распалубками над арочными нишами в прямоугольных заглублениях и восточную половину с коробовым сводом. Оконные и входные проемы с приставными лестницами расположены высоко под сводами. Стены и своды побелены, полы — цементные.

Между основным этажом и подклетом расположена палатка-тайник с коробовым сводом и сложной конфигурацией в плане. Вход в тайник с каменной

лестницей расположен в северной части свода и имеет выход в сени на основном этаже. Стены и своды с остатками побелки, полы кирпичные.

При возведении здания использованы верстовая кладка, кирпич размером $30 \times 15 \times 8,5$ см, известковый раствор.

б) Общая оценка общественной, научно-исторической и художественной значимости памятника.

Редкий и замечательный образец каменного жилого дома второй половины XVII в. в ярославском торгово-ремесленном посаде, сохранивший первоначальную композицию, планировку и декоративные детали.

VIII. Основная библиография, архивные источники, иконографический материал

Никольский Ф. Путеводитель по Ярославлю. Ярославль, 1859. С. 212.

Барщевский И. Исторический очерк г. Ярославля. Ярославль, 1900. С. 31–32.

Тихомиров И. А. Ярославль в его прошлом и настоящем, Ярославль, 1913. С. 104.

Иванов В. Н. Ярославль. М., 1946. С. 46–47.

Русское зодчество XVII в. М., 1953. Вып. 3. С. 13, таб. 12–13.

Суслов А. И., Чураков С. С. Ярославль; М., 1960. С. 127–128.

Ярославль, путеводитель. Ярославль, 1960. С. 182–184.

Тиц А. А. Русское каменное жилое зодчество XVII в. М., 1969. С. 34, 35, 75, 85, 105, 106, 181, 182, 212, 230, 297, 342, 345, 346, 347, 348, 349.

Добровольская Э., Гнедовский Б. Ярославль, Тутаев, М., 1981. С. 183.

Выголов В. П. Ярославль. Памятники архитектуры и искусства, М., 1985. С. 114

Архив ЯСНРПМ. Д. № 8, 65.

Архив Управления культуры. Папка № 77

Составитель: Иванова И. В., искусствовед
[2-я половина 1980-х]

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Запись по персонажу в указателе содержит имя и краткий комментарий (для авторов публикаций, на которые сделаны ссылки в примечаниях и комментариях, уточнений не приводится). Все имена расположены в алфавитном порядке по принципу «слово за словом»; если фамилии (первые имена, прозвища) совпадает полностью, распределение происходит по следующему за ним слову (инициалу).

Имена приводятся полностью только для персонажей, владевших «домом Иванова» и живших в нем до 1917 г., а также членов их семей; для обитателей дома в советское время, как и для остальных персонажей, — фамилии и инициалы. При указании отношения персонажа к «дому Иванова» используется обозначение ДОМ. Для мужчин из рода Владимировых, Затрапезновых, Калининых и Лузиных в запись по каждому включен в скобках порядковый номер поколения.

Имена приведены в общепринятой современной форме, а порядок их написания принят в следующем виде: для великих князей, царей, императоров и их жен запись начинается с имени; для архиереев и монахов (также для священнослужителей, живших до XIX в.) записи начинаются с имени, далее, если они известны, указывается фамилия; для светских лиц (как и для белого духовенства с XIX в.) запись начинается либо с фамилии, либо прозвища или отчества; варианты основного написания приводятся в скобках, при необходимости даются отсылки.

Территориальная принадлежность ярославских персонажей не оговаривается.

Помимо общеизвестных сокращений: вел. кн. — великий князь, великая княгиня; д. — деревня; св. — святой, святая; и т. п., приняты следующие:

КИКН — Комитет историко-культурного наследия Департамента культуры и туризма Правительства (Администрации) Ярославской области;

ПТО — почтово-телеграфный округ;

с.-д. — социал-демократ (принадлежность персонажа к тому или иному течению в партии до 1917 г. не оговаривается);

ФП — Фанагорийский полк;

ЯБМ — Ярославская Большая мануфактура;

ЯММ — Ярославская Малая мануфактура.

- А. Я. — см. Яновский А.
Абрамов Алексей — см. Зубчанинов Алексей Абрамов
Авдулов В. П., начальник управления ПТО — 157
Аврутов Ю. И., председатель КИКН — 308
Айрапетов О. — 193
Аласин, купец, московский старовер, благотворитель — 212
Александр I Павлович, император — 352
Александр II Николаевич, император — 40, 172
Александр III Александрович, император — 36, 174, 176, 195, 328
Александр Владимирович, вел. кн. — 355
Александр Михайлович, вел. кн. — 158
Александр Семенович, отставной военный, умерший в дни восстания — 129
Алексеев (Н. Д. или Ф. А. —?), заключенный на барже — 227
Алексеев В. П. — 181, 185
Алексеев К. С. — см. Станиславский К. С.
Алексеев Н. А., владелец питейного дома — 344
Алексеев П. А., рабочий, народник — 48, 49, 188
Алексей Михайлович, царь — 93, 113, 161, 267
Алексий (Соболев), епископ Вологодский — 347
Алисов М. И., изобретатель гектографа — 160
Алтыниха, жена портного — 107
Алтынов Иван (Ванюшка), сын портного — 97, 98
Алтынов, портной, квартирант Ивановых — 97
Андреев Л. Н., писатель — 191
Андреева М. Ф., актриса — 47, 184
Андиранов В. И. — 191
Анна Федоровна, жена Гуггана — 313
Антоний (Флоренсов), епископ Вологодский — 347
Антонов И. К., содержатель питейного дома — 338, 342
Аркадьев В. П., комиссар военного округа — 217
Аракчеев А. А., граф — 354
Артузов А. Х., сын Фрауки Х. П., чекист — 197
Афанасьев А. — 163, 164
Ахмадулина Б. А., поэт — 170

Бабаев И., крестьянин д. Комарово — 29, 30
Базаров В. А., с.-д. с 1890-х, философ, экономист — 239
Бакакин Ф. Ф., сотрудник городской управы во время восстания — 238
Бакунин М. А., народник, анархист — 186
Балашов Р. В. — 13, 199, 201, 219, 223, 226, 232, 234, 247, 251, 254
Балк К., лейтенант, руководитель германской комиссии — 121, 122, 138, 139, 232, 234, 235, 246, 247, 249, 251
Балмашев С. В., эсер — 50, 192
Балуева Надежда — 169, 311
Бальмонт К. Д., поэт — 55

Бамберг, соавтор Зайферт — 175
Баранов, офицер Грязовецкого батальона — 23, 159
Барановский П. Д., реставратор — 300, 302, 303, 314, 318, 362, 363
Барковская В. Н., актриса — 213, 226, 249
Барсов А. А., городской голова — 237
Барсов Николай — 348, 349
Барщевский И. Ф., краевед, фотограф — 165, 167, 309, 311
Барышников М. Н. — 228
Бауэр, офицер разведотдела германского Генштаба — 246
Бауман Н. Э., с.-д. — 203
Бахрушин А. А., московский промышленник и меценат — 29
Башкович В. П., покупатель ДОМА — 297–299, 337
Башкович М. П., покупатель ДОМА — 297–299, 337
Белинский В. Г., критик, публицист — 48, 185
Беловинский Л. В. — 209
Белоногов И. М., художник-акварелист — 233
Белугина, домовладелица — 343
Белый А., поэт, писатель — 339
Бем Е., художница — 157
Берестецкая О. А., дочь А. В. Владимирова — 8, 71, 113, 117–119, 123, 128, 148, 149, 213
Берестецкая Ирина, внучка А. В. Владимирова — 149
Берестецкий В. Б., муж О. А., физик — 8, 71, 149
Берия Л. П., нарком — 196
Бетанкур А. А., генерал — 353
Блок А., поэт — 339
Блюхер В. К., маршал — 246
Богданов (наст. фам. Малиновский) А. А., с.-д. с 1890-х, философ, писатель — 14, 239, 339
Богданова М. А., баронесса — 212
Боголепов Н. П., министр — 176
Боголюбов, директор прогимназии — 345
Богословский М. М. — 310
Божевиков А. К., очевидец восстания — 236
Болтов С. И., начальник управления ПТО — 157
Большаков Ф. Ф., заключенный на барже — 227
Бордюгов Г. — 239
Борис (Боречка), муж Марии Михайловны, квартирантки Ивановых — 99, 100
Борисов В. В. — 9
Бородкин А. В. — 214, 318
Бородкин Л. И. — 171, 230
Бороздинский М. Е., член Союза художников — 278
Ботмер К. фон, барон — 242
Братанович Е. В., акушерка ЯБМ, жена С. С. — 23, 159
Братанович С. С., старший врач фабричной больницы ЯБМ — 23, 28, 120, 159, 169
Брокгауз Ф. А. — 175, 209, 290, 315, 340, 349, 351, 354, 357
Брюсов В. Я., поэт — 55
Брянцев Н. И., священник, новомученик — 233

- Бубнов А. С., иваново-вознесенский с.-д. — 58, 201
 Булдаков В. П. — 218
 Бунин И. А., писатель — 153
 Бусева-Давыдова И. Л., искусствовед — 308
 Бухарин К. — 203
 Бычков Е. Я., заключенный на барже — 227
 Бычков Ю. А. — 318
 Бялая Г. — 229
- Вайсман, с.-д. — 198
 Валентин (Валя), сын квартирнтов Ивановых — 97
 Ванновский П. С., министр — 35, 176
 Ванька-бешеный — см. Вахрамеев И. А.
 Ваняшова М. Г. — 183
 Василевский, корнет — см. Балк К.
 Василенко Н. — 348, 349
 Василий, денщик В. М. Калинина — 88–92
 Василий III, князь — 261
 Васильев А. В., заключенный на барже — 226
 Васильев В. С. — 214
 Васильева Т. Л., сотрудник КИКН — 308
 Васнецов В. М., художник — 29
 Вахрамеев Андрей Фёдорович, мещанин, затем купец — 313
 Вахрамеев Иван Александрович, правнук Ф. А., владелец свинцово-белильного и маслобойного заводов — 275, 313, 314
 Вахрамеев Н. Н., фабрикант — 166, 171
 Вахрамеев Федор Андреевич, отец А. Ф., мещанин — 313
 Вахрамеева М. Я., мать Вахрамеева И. А. — 313
 Вахрамеевы, потомки Масленникова Варфоломея — 10, 234
 Вахромеев Иван Александрович, правнук Ф. А., «мучной король», городской голова, меценат — 155, 156
 Великосельская В. В., учительница — 23, 24, 31, 101–103, 160, 210, 313, 328
 Величко В. В., заместитель мэра Ярославля — 11
 Веревкин И. А., генерал, комендант города в дни восстания — 226
 Верещагин С. А., священник — 355
 Веригин Н. А., директор гимназии — 178
 Верн, Жюль, писатель — 31, 40, 172
 Вернадский В. И., академик — 184
 Вершинин А. А., историк — 344
 Виктор Петрович — см. Гастев А. К.
 Вильбушевич, нижегородский аптекарь — 77
 Винклер П. фон — 349
 Винogradov Николай, гимназист — 33, 175
 Виноградов, чиновник (?), отец Николая — 33
 Виноградова Дарья Алексеевна, генеалог — 10
 Владимиров Александр Н. (3), дядя мемуариста — 322
 Владимиров Аполлон Н. (3), дядя мемуариста — 322
- Владимиров Артемий Васильевич (4), брат мемуариста — 8, 19, 57, 65, 66, 71, 84, 95, 108, 116, 144, 149, 162, 191, 197, 198, 200, 209, 213, 315, 325, 329, 352, 355
 Владимиров Валерьян Сергеевич (5), сын мемуариста — 7
 Владимиров Василий Николаевич (3), отец мемуариста — 17, 66, 95, 100, 154, 157, 158, 160, 210, 315, 322–330,
 Владимиров Василий (4), брат мемуариста — 328
 Владимиров Виктор Н. (3), дядя мемуариста — 322
 Владимиров Георгий (4), брат мемуариста — 328
 Владимиров Дмитрий Н. (3), дядя мемуариста — 322
 Владимиров Иван Н. (3), дядя мемуариста — 322
 Владимиров Иоанн (1), прадед мемуариста — 322
 Владимиров Николай Иоаннов (2), дед мемуариста — 322, 323, 349
 Владимиров Николай Николаев (3), дядя мемуариста — 322, 324
 Владимиров Сергей Васильевич (4), автор мемуаров — 5–8, 11, 58, 65, 68, 71, 73, 84, 95, 116, 144, 153, 162, 170, 173, 179, 181, 185, 191, 194, 197, 198, 202–206, 209, 210, 218, 220, 230, 298, 321, 323–325, 327, 329, 330, 340, 349, 351, 352
 Владимиров Ю. А. (5), сын Артемия В. Владимирова — 8, 71, 113, 123, 148, 213
 Владимира Александра Евграфовна, мать С. В. — 17, 19, 66, 84, 95, 99–101, 104, 105, 108, 113, 116, 144, 213, 296–298, 317, 323–325, 329, 330, 337–340, 352
 Владимира Александра Сергеевна, дочь мемуариста — 5–7
 Владимира Вера — 222, 226
 Владимира Калерия Клеониковна, бабушка мемуариста — 322
 Владимира Клара Борисовна, жена Артемия В. Владимирова — 71, 113, 117–119, 123–125, 128, 148, 149, 213
 Владимира О. П., жена мемуариста — 204
 Владимира О. А. — см. Берестецкая О. А.
 Владимиры, семья мемуариста — 72, 162, 321, 328, 330, 346
 Владимиры, братья — см. Владимиров Сергей В. и Владимиров Артемий В.
 Владимирская А. А., никитская прихожанка — 330
 Владимирский А., сын А. А. — 330
 Войлошников Григорий, купец, отец жены Шишкина Ильи — 286, 287, 289
 Войлошников Петр, купец, брат Григория, отец 3-й жены Осипа Кубасова — 285–287
 Войлошникова Анна Григорьевна — см. Шишкина Анна
 Волков С. В. — 353, 354
 Волков Ф. Г., основатель театра — 43, 182
 Володин А. Ю. — 229
 Волончунас В. В., мэр Ярославля — 11

- Ворошилов В. И. — 163
Воскресенский П. П., врач ЯБМ — 169, 170
Врубель М. А., художник — 29
Выморов Федор, посадский — 263
Высотский (Высоцкий) Н. Г., директор гимназии — 55, 172–174, 177, 178
- Гагин Александр Тихонович, заключенный на барже — 224, 225
Гагин И. А., почетный гражданин Ярославля, автор «воспоминаний» — 224–226
Гайдис А. С. — 190
Гален, римский врач — 160
Гапон Г. А., священник — 195, 196
Гарновский Е. И., заключенный на барже — 227
Гарный Ванька, кулачный боец — 167
Гастев А. К., с.-д. — 55, 59, 198
Геккер А. И., командующий Ярославским фронтом красных — 231, 241
Генберг Р. Р., 1-й тестя П. П. Карпова — 251
Генкина О. М., с.-д. — 65, 75, 76, 204, 205
Герасимова А. А. — 179
Герцен А. И., писатель — 48, 185, 186
Герье В. И., содержатель женских курсов — 183
Гиляй дядя — см. Гиляровский В. А.
Гиляровский В. А., писатель — 18, 153, 154, 166, 167, 336, 345, 349, 356
Гнедовский Б. В. — 310
Гоголева Е. Н., актриса, мемуаристка — 211
Гоголь Н. В., писатель — 41, 44, 157, 212
Годнев — см. Ходнев И. Д.
Голикова Н. Б. — 266, 268, 310
Головщиков К. Д., краевед — 165, 237, 311
Гольцов В. А., редактор журнала — 156
Гончаров И. А., писатель — 96
Гоппер К. Я., генерал, командующий заволжским участком фронта повстанцев — 231, 235
Гордеев И., большевик — 78
Гордеев К. Ф., инспектор гимназии — 37, 177, 178
Горностаев Д. Д., капитан ФП, квартирант Ивановых — 164, 295
Городковы, семья жителей ДОМА (XX в.) — 307
Горошков, зять Григория Войлошникова, купец — 298
Горький А. М., писатель — 44, 47, 182, 184, 203
Градусов Н., домовладелец, купец — 293
Григорьева Е. В., жена А. П. Перхурова — 215
Грингмут В. А., идеолог черносотенного движения — 49, 155, 188, 207
Грингмут В.-Г. (А. И.), отец В. А — 188
Грингмут Карл Амалия — см. Грингмут В. А.
Грингмут, бургомистр Лигнице, дед В. А. — 188
Грожан П. А., с.-д. — 75, 203
- Громов А. Я. красный комендант станции Всполье — 231, 233, 236, 240, 254
Груздев П. Н. — 182
Груша, девушка из д. Комарово — 29
Грязнов А. Ф., автор книги по истории ЯБМ, ее директор — 230, 271, 272, 274, 275, 311–314
Губонин, московский богач, благотворитель — 212
Гугган, городской лекарь — 313
Гузарский Ю., командующий Ярославским фронтом красных — 231, 247, 249
Гурьевы, государевы гости, храмоздатели — 267, 268
Гусев С. А., 2-й муж Золкиной В. В. — 307
Густов Д. И., семинарист — 197
Гутман Ж. М. — 169, 182
Гукков Карл, драматург — 182
Даль В. И. — 158, 175, 209
Данилов А. Ю., историк — 13, 151, 154, 215, 219, 222, 225, 248
Даниловский, беженец из Ярославля — 222
Дарский (Шавров) М. Е., актер, режиссер — 44, 182
Дегот (Дегтев) Василий, посадский — 265
Дегтева (Крылова) М. С., с.-д. — 182, 187
Дегтева Еликонида, мать М. С. Дегтевой — 187
Дегтевы (Дехтевы), кожевенники — 265
Дейч Х. А. — 224
Деканозов В. Г., чекист — 197
Делянов И. Д., министр — 174
Демидов П. Г., основатель лицея — 41, 179, 187, 248
Державин Г. Р., писатель — 41
Десницкий В. А., нижегородский большевик — 65, 75, 77, 204
Деханов, беженец из Ярославля — 222
Дидрикиль Август И., глава семьи — 196
Дидрикиль Августа А., жена Х. П. Фраучи, с.-д. — 196
Дидрикиль М. А., с.-д. — 196
Дидрикиль Нина (Антонина) А., жена Н. И. Подвойского, с.-д. — 55, 74, 77, 175, 196, 197, 200
Дидрикиль О. А., жена М. С. Кедрова, с.-д. — 77, 196
Дидрикиль, братья (П., Э. и А. Августовичи) — 196
Дидрикиль, сестры — см. также Дидрикиль Августа А., М. А., Нина (Антонина) А., О. А. — 55, 196–197, 203
Дмитриев С. В., мемуарист — 157, 170, 185
Дмитриев С. С., историк, сын С. В. — 114, 184, 231
Дмитрий Павлович, вел. кн. — 26, 164, 168
Дмитрий, сын Гуггана — 313
Добровольская Э. Д., искусствовед — 260, 310
Добролюбов Н. А., критик, публицист — 48, 185, 186
Долгорукие, кн., владельцы усадьбы в Москве — 211
Домашев П. А. — 355
Дороватовский Н. А., протоиерей, ректор семинарии — 253, 254
Дружинин П. Н. — 202
Дунаев В. Н., владелец свинцово-белильного завода — 202

- Дунаев И. Н., владелец табачной и спичечной фабрик — 59, 202
- Дунаевы, фабриканты, владельцы дачи — 184, 202
- Душин А. Ф., заключенный на барже — 227
- Евгешка — см. Струев Е. П.
- Евдокия, вдова, сестра Лузиных Петра и Михаила Ивановых — 270
- Евсеев Д. Г., начальник Особой следственной комиссии — 250
- Егор, крестьянин д. Комарово — 30
- Егоров Б. Ф. — 349
- Екатерина II Алексеевна, императрица — 314, 348
- Елизавета Федоровна, вел. кн., вдова вел. кн. Сергея Александровича, св. — 211, 212
- Еременко А. И., маршал — 194
- Ермолов С. В., преподаватель гимназии — 58, 177
- Ермолин Е. А., литератор — 213, 241, 246, 251
- Ерофеев Н. Д. — 187
- Ефимов Н. Е. — 175, 185, 196, 197, 200
- Ефимов С., владелец дома, приказчик Е. С. Иванова — 338, 243, 344
- Ефимова Е. Д., жена С. Ефимова — 338, 343
- Ефрон И. А. — 175, 209, 290, 315, 340, 349, 351, 354, 357
- Жаков, владелец лесопильного завода — 236
- Жаров О. А., меценат — 10
- Железнов, В. Я., экономист, общественный деятель — 48, 187
- Жельвис В. И., автор путеводителя — 271, 311
- Жижин — 201
- Жуковский В. А., писатель — 41
- Журавлев М., нижегородский портной — 65, 204
- Завьялова О. В., жена С. С. Братановича — см. Братанович Е. В.
- Загаров А. Л., актер — 44, 183
- Зайферт (Зейферт) Элен (?), специалист по древним языкам — 32, 175
- Зайцев А. М., друг С. В. Владимира и Ивановых, преподаватель физики — 38–40, 103, 104, 178, 179, 210
- Зайцев М., отец А. М., фельдфебель ФП — 39
- Закгейм Д. С., председатель исполнкома горсовета — 216, 217, 222, 239, 248
- Заломов П. А., с.-д. — 75, 203
- Заозерская Е. И. — 310
- Затрапезнов Алексей Иванович (5), сын И. М., владелец ЯБМ и ДОМА — 274–276, 280, 281, 314
- Затрапезнов Андрей Максимович (4), сын М. С. — 271, 273, 311
- Затрапезнов Афанасий (6), сын С. И. — 274
- Затрапезнов Василий (7), сын Михаила Семенова — 284
- Затрапезнов Гавриил Максимович (4), сын М. С. — 271–273
- Затрапезнов Дмитрий Иванович (6), внук Д. М., владелец ЯММ — 274
- Затрапезнов Дмитрий Максимович (4), сын М. С., владелец ЯММ — 266, 271–274
- Затрапезнов Иван Дмитриевич (5), сын Д. М., владелец ЯММ — 274, 276, 281
- Затрапезнов Иван Максимович (4), сын М. С., владелец ЯБМ — 266, 271–274, 281, 311
- Затрапезнов Иван Петров (4), сын П. С. — 271, 272, 274
- Затрапезнов Максим (6), сын С. И. — 274
- Затрапезнов Максим Семенович (3), сын С. П., купец гостиной сотни — 266, 271–273, 280, 312, 313
- Затрапезнов Михаил Иванович (6), внук Д. М., совладелец ЯММ — 274, 315
- Затрапезнов Михаил Семенов (6), сын С. И., владелец ДОМА — 283, 284, 292
- Затрапезнов Никита (4), сын П. С. — 272
- Затрапезнов Петр Семенович (3), сын С. П., купец гостиной сотни — 266, 271, 272, 274, 283
- Затрапезнов Прокофий (1), основатель рода — 266
- Затрапезнов Семен Иванович (5), сын И. П. — 274, 283
- Затрапезнов Семен Прокофьевич (2), купец гостиной сотни — 266
- Затрапезнов Семен (6), сын С. И. — 265, 274
- Затрапезнова Аграфена, дочь Михаила Семенова — 284
- Затрапезнова Анисья Ивановна, жена С. И. — 274
- Затрапезнова Марфа Романовна, жена Алексея Ивановича — 314,
- Затрапезнова Ольга, дочь Михаила Семенова — 284
- Затрапезнова Татьяна Григорьева, жена Михаила Семенова — 283–285, 292
- Затрапезновы, основатели первой мануфактуры (Максим Семенович с сыновьями) — 165
- Затрапезновы, род — 271–273, 280
- Заурэл В. Х., преподаватель гимназии — 177
- Звездов, большевик — 201
- Здоровцев Г. Н., священник, новомученик — 220
- Зеленский Б. И. — 180, 356
- Землянская Н. С., краевед — 154, 162, 165, 179, 208, 214, 314, 354, 356
- Злуницын П. Ф., полковник — 231
- Знаменский С. — 176
- Золкин А. С., житель ДОМА (XX в.) — 307
- Золкин М. А., житель ДОМА (XX в.) — 307, 308
- Золкина В. В., жительница ДОМА (XX в.) — 307
- Золкина И. А., жительница ДОМА (XX в.) — 307
- Золкины, семья жителей ДОМА (XX в.) — 307
- Золотаревская М. А., внучка Н. В. Калининой — 8
- Золотаревский А. М., сын Н. В. Калининой — 8, 10, 148, 331
- Золотаревский М. А., муж Н. В. Калининой — 8, 148

- Зотов П.А., фабрикант — 30, 77 171
Зубчанинов (Зубчанин) Авраам, отец Зубчанинова Алексея Абрамова — 265
Зубчанинов Алексей Абрамов, купец гостиной сотни, храмоздатель — 264–266, 268, 310
Зубчанинов Андрей Силуанов, дядя Зубчанинова Алексея Абрамова — 266, 310
- Иван IV Васильевич, вел. кн., царь — 182, 237
Иванов В. Т., житель ДОМА (XXв.) — 305
Иванов Д. С., житель ДОМА (XXв.) — 306
Иванов Евграф Спиридонович, дед мемуаристов — 84, 94 113, 153, 165, 208, 293, 296, 297, 317, 318, 324, 328, 332, 337–346, 357
Иванов Михаил Е., дядя мемуаристов — 297, 337–340, 357
Иванов Николай Е., дядя мемуаристов — 297, 337, 339, 340
Иванов Н. Н. — 355
Иванов С. В., житель ДОМА (XXв.) — 305, 306
Иванова Агафья Яковлевна, бабушка мемуаристов, владелица ДОМА — 153, 165, 298, 292–294, 296, 297 309, 316, 317, 332, 337–339, 341–344, 346
Иванова Александра Евграфовна — см. Владимира А. Е.
Иванова Анна Евграфовна — см. Угодская А. Е.
Иванова Варвара Евграфовна — см. Калинина Варвара Е.
Иванова Вера Евграфовна, тетя мемуаристов — 17, 19, 22, 24, 26, 40 51, 55 95, 101 105–107, 113, 119 122, 123, 125, 128, 129, 144 296–298, 317, 329, 337–340
Иванова М. В., жительница ДОМА (XXв.) — 305
Иванова С. А., жительница ДОМА (XXв.) — 306
Ивановский В. — 350
Ивановы, семья владельцев ДОМА — 5, 8, 11, 162, 164, 170, 293, 294, 296, 299, 303, 317, 321, 338, 339, 342, 346, 350, 357
Ивановы, семья жителей ДОМА (XXв.) — 306, 308
Ивановы, сестры — см. также Иванова Александра Е., Анна Е., Варвара Е., Вера Е. — 19, 206, 330, 339
Игнатьев А. А., генерал — 194
Израиль (Никулицкий), епископ Вологодский и Тотемский — 247
Илиодор, иеромонах (С. М. Труфанов), деятель «Союза русского народа» — 207
Ильин А. А., издатель, картограф — 157
Иоанн, священник — см. Косьмин (Козмин, Казмин) И. А.
Иона (Сысоевич), митрополит — 268, 269, 310
Ионафан (Руднев), архиепископ — 237
Ипатовы, семья жителей ДОМА (XXв.) — 307
- Калинин Павел (1), прадед мемуаристки — 352
- Калинин Василий Михайлович (3), отец мемуаристки — 22, 36, 51, 66, 146, 156, 170, 176, 192, 193, 195, 206, 208, 317, 331–333, 335–337, 340, 355, 356
Калинин Е., владелец дома и бань — 165, 214
Калинин Михаил М. (3), дядя мемуаристки — 331
Калинин Михаил Павлович (2), дед мемуаристки — 208, 330, 331, 349
Калинин Павел М. (3), дядя мемуаристки — 331, 335–337
Калинин Павлик, друг Гиляровского В. А. — см. Калинин Павел М.
Калинина Варвара Евграфовна, мать мемуаристки — 17, 19, 22, 36, 36, 51, 91, 146, 176, 192, 206, 296–298, 317, 325, 332, 333, 337–340, 356
Калинина Наталья Павловна, бабушка мемуаристки — 331
Калинина Нина Васильевна, мемуаристка — 5–8, 11, 13, 68, 146, 147, 153, 154, 156, 160, 162, 195, 206, 208, 209, 211, 215, 216, 220–222, 230, 232, 236, 238, 240, 241, 247–249, 298, 299, 317, 318, 330, 331, 335, 340, 344
Калинина Татьяна Васильевна, сестра мемуаристки — 68, 89, 91, 96, 108, 109, 146–148, 206, 211, 298, 331, 355, 356
Калинины, семья мемуаристки — 162, 321, 329–331, 340
Калинины, сестры — см. также Калинина Нина В. и Татьяна В. — 22, 331
Калинины, сыновья М. М. (4), Виктор, Геннадий и Владимир — 354
Каллаш В. В., историк литературы — 212
Калугин А. А. штабс-капитан, командир роты ФП — 168
Каляев И. П., эсер, убийца вел. кн. Сергея Александровича — 212
Каныгин С. С., журналист — 166, 220, 221, 232, 236
Карандашев Г. В. — 195
Карелин А. — 155
Каржавин Н., поэт — 186
Карзинкин А. А., совладелец ЯБМ — 229
Карзинкин Андрей Сидорович, основатель московского купеческого рода — 228
Карзинкин С. С., совладелец ЯБМ — 167, 228
Карзинкины (Корзинкины), промышленники, владельцы ЯБМ — 27, 120, 121, 165, 169, 228, 229
Карнаухов Ю. В., житель ДОМА (XXв.) — 305
Карнаухова М. В. — см. Иванова М. В.
Карпов И., сын П. П. от 1-го брака — 242, 251
Карпов П. П., генерал, участник восстания — 131, 136, 139, 140, 241, 242, 246, 247, 251
Карпович П. В., эсер — 50, 192
Карулин А. А., повар — 158
Кассиль Л., писатель — 173
Кацауров И. Н., доктор медицины, председатель Ярославского отдела Союза русского народа — 207
Кедров Б., сын М. С., чекист, академик — 197

- Кедров И., сын М. С., чекист — 197
 Кедров М. С., с.-д., член коллегии ВЧК — 196, 197
 Кедрова О. А. — см. Дицкиль О. А.
 Кибальчич Н. И., изобретатель, народник — 40, 179
 Кизеветтер Ал. — 349
 Киселев И. — 155
 Киселева Е. Г. — 154, 167, 356
 Кислов (Кислой) Игнатий, государев гость — 265
 Климко А. А., преподаватель гимназии — 32–36, 38, 55, 56, 174, 177, 200
 Ключев, нижегородский черносотенец — 63, 75
 Ключевский В. О., историк — 103
 Книппер О. Л., актриса — 183
 Ковалев А. Д. — 154, 228
 Кожухов И. А., владелец соседнего с ДОМОМ участка — 288, 292
 Козинцев Г., режиссер — 201
 Козлов П. И. — 217
 Козляков В. Н., историк — 213, 214, 241, 251
 Коин Александр — 165
 Кокарев (Кокорев) Ф. Н., заключенный баржи — 226
 Кокуев Р. И., владелец гостиницы с рестораном — 158
 Колтовский, арестованный восставшими — 227
 Кондратович К. А. — 168
 Кондратьев Т., владелец ресторана — 158
 Коноплянский Ф. Я., генералмайор, начальник Ярославского гарнизона — 167
 Коняев А. Е. — 203
 Корзюков П. П., муж О. Н. Корсунской — 181
 Коринфский А. А. — 165
 Корицкий Э. Б. — 198
 Корнилов В. А., вице-адмирал — 23, 159
 Корнилов Л. Г., генерал — 216, 229
 Коровин К. А., художник — 29
 Корсунская О. Н., библиотекарь (?) — 42, 180
 Корсунская О. Н., педагог, владелица частной гимназии — 180, 181, 216
 Корсунские, сестры (Александра, Анна, Ольга, Агния, София), дочери Н. Н. — 180
 Корсунский Н. Н., педагог, редактор ЯЕВ — 180, 181
 Корсунский Николай, никитский причетник — 339
 Корш Ф. А., владелец театра — 183
 Косенька — см. Угодская А. Е.
 Костомаров Н. И., историк — 156
 Костя-апельсин — см. Гордеев К. Ф.
 Косьмин (Козмин, Казмин) И. А., священник, законоучитель гимназии — 37, 38, 177, 178
 Котельников К. — 357
 Котова Т. В., сотрудник ГАЯО — 317, 352, 357
 Кохлеариус Гелиофил — 159
 Кочурин Василий Иванов, купец 3-й гильдии, отец Дмитрия — 285
 Кочурин Дмитрий Васильев, посадский, владелец ДОМА — 285, 286, 292, 315
 Кочурин Иван Максимов, дед Дмитрия, купец 3-й гильдии — 285
 Кочурин Макар Иванов, купец 3-й гильдии, дядя Дмитрия — 285
 Кошка П. М., матрос — 23, 159
 Кромулин, нижегородский домовладелец — 60, 203
 Кротов, зять Григория Войлошникова — 287
 Крохоняtkины, ярославские купцы — 234
 Крылов А. П., редактор ЯЕВ — 47, 181, 185
 Крылов И. С., баснописец — 40, 106
 Крылов Николай, никитский священник — 339
 Крылов С. Д., врач — 248
 Кубасов Иосиф (Осип) Михайлов, купец 3-й гильдии, владелец ДОМА — 284–286, 315
 Кубасов М. Г., отец Осипа, купец — 285
 Кубасова Авдотья Федоровна, вдова М. Г. — 285
 Кубасова Анна, 2-я жена Осипа, дочь Федора Москатильникова — 285
 Кубасова Ксения, 1-я жена Осипа — 285
 Кузьмина И. В. — 183
 Кузьмина Т. С., сотрудник ЯМЗ — 307
 Кулунчакова С. Н., княгиня, попечительница сестер Калининых — 298
 Кульков, шпик — 59
 Кун Н. А., историк — 212
 Купер, Джеймс Фенимор, писатель — 31, 40, 97, 172
 Куприн А. И., писатель — 88
 Курганов, арестованный восставшими — 227
 Куропа генерал — см. Куропаткин А. Н., генерал
 Куропаткин А. Н., генерал — 52, 193, 194
 Курукин И. — 185
 Кустов С. — 218
 Кутузов М. И., фельдмаршал — 26
 Кучумова Н. Л., вологодский архивист — 322, 323
 Кушке М. А., заключенный на барже — 227
 Лавров В. М., издатель журнала — 156
 Лавров П. Л., публицист, критик, писатель — 186
 Лавруша, сын Марии Михайловны, квартирантки Ивановых — 99, 100
 Лазарев И. А., фотограф — 132
 Лазаревский Н. — 349, 357
 Лаптева Т. А., работник РГАДА — 14
 Латынина Ю. — 194
 Латышева Н. А., нижегородский с.-д. — 65, 75, 77, 204
 Лебедев А. Н., краевед — 181
 Лебедев П. И., нижегородский с.-д. — 65, 75, 77, 78, 204
 Лебедев П. Н., физик — 39, 178
 Левенгаген Иван (Эван), губернский архитектор — 282, 315, 361
 Лежава, большевик — 78
 Лейберов И. — 185
 Лемин Андрей, купец, храмоздатель — 263, 273

- Ленин В. И. — 49, 53, 79, 80, 95, 185, 186, 189, 190, 192, 209
Лепаж — см. Форе-Лепаж
Лермонтов М. Ю., поэт — 96
Лесков Н. С., писатель — 153
Лествицын В. И., краевед — 181, 272, 315
Либкен Г., домовладелец — 179
Лешуков Т. Н. — 201
Лимгер Алексей, брат Леонида — 46, 184
Лимгер Леонид, друг С. В. Владимира — 46, 184
Лимгер (madam Лимгер), мать Леонида — 46
Лимгер Петр, брат Леонида — 46, 184
Лимгер, англичанин, отец Леонида — 46
Липочка, кухарка Ивановых — 25, 104
Лобанов Василий, гимназист — 45, 183
Ломоносов М. В., ученый, писатель — 41
Лондрон (Ландрон) А., владелец трактира — 166, 167
Лопатин В. С., городской голова до июля 1917 г. и в дни восстания — 227, 238, 239, 241, 242, 251, 254
Лопатины, владельцы дачи и домов — 184
Лубков А. В. — 183
Луза Астафий Осипов, брат Лютова Прокофия — см. Лузин Астафий Осипович
Лузин Андрей Астафьевич (2), государев гость — 265–267
Лузин Андрей Ильин (3), сын Ильи Астафьева, купец гостиной сотни (?) — 269
Лузин Андрей Клементьев (3) — 265
Лузин Астафий Осипович (1), купец гостиной сотни — 263, 267, 270
Лузин Дмитрий Ильин (3), сын Ильи Астафьева, купец гостиной сотни (?) — 269
Лузин Иван Клементьевич (3), купец гостиной сотни — 269, 270
Лузин Илья Астафьевич (2), купец гостиной сотни — 265, 266, 269, 270, 281
Лузин Илья Клементьевич (3), купец гостиной сотни — 265, 269, 272
Лузин Клим (Клементий) Астафьевич (2), купец гостиной сотни — 265, 267, 269, 272, 281
Лузин Михаил Астафьев (2), купец гостиной сотни — 265, 266, 269
Лузин Михаил Иванов (4), вдовец, сын Ивана Клементьева — 270, 281
Лузин Петр Иванов (4), сын Ивана Клементьева — 270, 281
Лузин Семен Астафьевич (2), государев гость, храмоздатель, устроитель богадельни, первый владелец ДОМА — 14, 142, 265–269, 280, 281, 310
Лузина Пелагея Ильина, дочь Ильи Астафьева — 270, 281
Лузины, род — 266, 268, 270, 271, 273, 280, 281, 219
Луначарский А. В., с.-д. с 1890-х, затем большевик — 239
Лыткины, государевы гости — 267
Лютов Прокофий Осипов (1), купец гостиной сотни — 266
Мазинг Н., автор «интервью» с К. Балком — 246
Майков Ап. Н., поэт — 22, 41
Макаренко А. С., педагог, писатель — 153
Макина Татьяна Матвеевна*, вдова коллежского советника, владелица ДОМА — 289
Малинин Клеоник Гаврилов, 2-й прадед мемуариста по отцовской линии, священник — 322
Малинина Калерия Клеониковна — см. Владимира Калерия Клеониковна
Малишевский Л. А., полковник, командир ФП — 169
Мальцев В., племянник Крылова А. П. — 47, 185
Мальцев, священник, отец В. Мальцева — 47
Мамонтов С. И., промышленник и меценат — 29, 229
Манечка, портниха, знакомая Ивановых — 108
Маныкин-Невстрев А. И. — 168
Марасанова В. М. — 156, 210
Мария Михайловна, квартирантка Ивановых, племянница Штюремера Б. В. (?) — 99, 100, 210
Мария Павловна, вел. кн. — 332, 337
Мария Федоровна, императрица, жена Павла I — 43, 182, 211
Мария, doch Е. С. и А. Я. Ивановых — 338, 339, 343
Маров, В. Ф., архитектор — 238, 260, 263, 309, 316
Мартынов Е. И., военный публицист — 193, 355
Мартынов Иван, капитан — 284
Масальская Л. Л., домовладелица — 292
Масленников Варфоломей, посадский, родоначальник Вахрамеевых-Вахромеевых — 311
Машковцев В. П. — 9
Медянников В. Ф., купец, сосед Юшкова — 276
Мейерович М. Г., историк — 167, 168, 225, 239
Мейерхольд В. Э., актер, режиссер — 183
Мелентьев, капитан, отец Нины — 131
Мелентьева Нина, подруга Н. В. Калининой, племянница 2-й жены генерала Карпова — 131, 136
Мельгунов А. П., наместник, генерал-губернатор — 237, 278, 280, 282, 303, 315
Мельгунов С. П. — 197, 250
Мельников В. П. — 351
Менжинский В. Р., с.-д., большевик-чекист — 55, 75, 203, 189, 198, 199
Меретих (Мередих) П. Ф., офицер ФП, квартирант Ивановых — 295
Мещерский В. П., монархист, издатель — 49, 188
Мизинов П. И., преподаватель гимназии — 37, 177, 178
Милovidов В. Л. — 196
Минин Кузьма, нижегородский посадский староста — 155
Мирбах, граф, посол Германии — 243
Михаил, священник — см. Троицкий М. В.

- Михайлов, инженер, беженец из Ярославля — 222
 Михайловский Н. К., публицист, критик — 51, 186, 192
 Михайловский, студент Московского университета — 57
 Мозгова Г. Г., краевед — 9, 10, 151, 204, 207, 213, 324
 Мозгова Р. И., мать Г. Г. — 10
 Мокиевская Зубок Л., командир бронепоезда — 234
 Морев Н. А., присяжный поверенный — 298
 Морозов П. Я., преподаватель гимназии — 37, 177
 Морозов С. Т., промышленник, меценат — 29, 229
 Морозова Н. И., нижегородский с.-д. — 65, 75, 204
 Морфесси Ю. С., артист, очевидец восстания — 235
 Морянинов, капитан Нежинского полка — 166, 167
 Москатильников Федор — 285
 Москатильникова Анна Ф. — см. Кубасова Анна
 Москвин И. М., актер — 183
 Москвин П. И., надворный советник — 328
 Мункельт, унтер-офицер комиссии Балка — 243
 Муранов Ал. Я., кандидат права, сын Я. А. — 296
 Муранов Я. А., владелец соседнего с ДОМОМ участка и общественных бань — 124, 132, 214, 288
 Мухин Н., художник, академик — 307
 Мюллер, лейтенант комиссии Балка (?) — 245
 Мясников В. А. — 215, 226, 227, 232, 238, 240, 242, 251
- Назика — см. Сципион Публий Корнелий
 Наполеон Бонапарт — 26
 Наталья, жена Затрапезнова П. С. — 272
 Наташа, дочь Марии Михайловны, квартирантки Ивановых — 99, 100
 Нафанайл (Владимиров), архимандрит — см. Владимиров Николай Иоаннов
 Нахимов П. С., адмирал — 23, 159
 Нахимсон С. М., комиссар военного округа, председатель губисполкома — 117, 118, 216, 217, 222, 223, 249
 Некрасов К. Ф., издатель — 229
 Некрасов Н. А., поэт — 41, 185
 Немирович-Данченко В. И., режиссер — 182, 183
 Немчинов, жандармский ротмистр — 202
 Несытов, нотариус — 343
 Нефедов И. Н., заключенный на барже — 224
 Нечаев Н. Я. преподаватель гимназии — 37, 177
 Никита, сын Затрапезнова П. С. — 272
 Никитин П. Д., помощник командира бронепоезда № 6—234
 Никитина Т. Л. — 310
 Никифоров А. городской архитектор — 259
 Никифоров Д. И., архитектор — 212
 Николаев А. В., житель ДОМА (XX в.) — 305
 Николаев В. Ф., житель ДОМА (XX в.) — 305
 Николаев Н. Н., приказчик Е. С. Иванова — 343
 Николаева В. Г., жительница ДОМА (XX в.) — 305
 Николай I Павлович, император — 153, 164
 Николай II Александрович, император, св. — 27, 55, 164, 168, 177, 195, 212
 Николай Антонович — см. Вайсман
 Николай Иванович, — 55, 198
 Николай Кровавый — см. Николай II Александрович
 Николай Николаевич, великий князь — 197
 Никольский Ф. Н. — 228
 Никулина Е. — 185
 Нина Александровна, учительница — 173
 Новиков-Прибой А. С., писатель — 153
 Носков Василий А., с.-д., врач — 189, 191, 197
 Носков Владимир А., с.-д., журналист — 49—51, 189—191, 196
 Носковы, братья — см. Носков Владимир А. и Василий А.
 Нюта, тетя — см. Угодская А. Е.
- Обнорская Н. В., историк, краевед — 151, 158, 199, 234, 352
 Ободов А. Вас., житель ДОМА (XX в.) — 306, 307
 Ободов Андрей Вас., житель ДОМА (XX в.) — 307
 Ободов В. Вас., житель ДОМА (XX в.) — 307
 Ободов Василий П., житель ДОМА (XX в.) — 307
 Ободов Виктор П., житель ДОМА (XX в.) — 307
 Ободов П. Л., житель ДОМА (XX в.) — 306
 Ободова Д. А., жительница ДОМА (XX в.) — 306
 Ободова Е. А., жительница ДОМА (XX в.) — 306
 Ободова К., жительница ДОМА (XX в.) — 307
 Ободова М. И., жительница ДОМА (XX в.) — 306, 307
 Ободова Н. С., жительница ДОМА (XX в.) — 306
 Ободова Т. П., жительница ДОМА (XX в.) — 307
 Ободовы, семья жителей ДОМА (XX в.) — 307, 308
 Образцов, капитан (?), повстанец — 254
 Огородников, адвокат — 56
 Олеся — см. Берестецкая О. А.
 Оловянишников — 254
 Оловянишники, купцы — 214
 Ольшановский (Ольшанский Р. Р., Альшамовский ?), штабс-капитан, повстанец, помощник коменданта Волги — 222
 Орлов К. О. — 215
 Орлов Ларион, кулачный боец, сослуживец Б. Гиляровского по Нежинскому полку — 166
 Осипова М. В., сотрудник КИКН — 308
 Островский А. Н., драматург — 44
 Островский Н. А., писатель — 160
 От [неразб.] И. И., секретарь экономического управления — 277
 Охапкин А., продовольственный комиссар — 219
 Павел I Петрович, император — 182, 349, 354
 Павел Иванович, владелец пивной — 48, 185
 Павлов В. Е. — 353
 Павлов, юнкер, друг Гиляровского В. А. — 335

- Палкин П.Д., заключенный на барже — 225, 226
Пальгунов Н.Г. — 254
Пальчуков Н.Г. — 182
Панина С.В., графиня — 79
Панов Н., гимназист — 55, 56, 199, 200
Панченко Н.Д., архитектор — 213
Паньков П.Я., архитектор — 179, 238
Пастуховы, владельцы дачи — 184
Паука А.Х., командир красных латышских артиллеристов — 235
Паустовский К.Г., писатель — 153
Пахомов И., нижегородский портной — 65, 75, 204
Паша-ножка — см. Морозов П.Я.
Паялин Н.П. — 166, 167, 169, 311
Пегов В., винзаводчик — 58, 201
Первухин Н.Г., краевед — 114, 179, 231, 318
Перельман Я.И., популяризатор наук — 156
Перлин, поручик — 216
Перхуров А.П., руководитель восстания — 116, 131, 136, 180, 214–216, 218, 222, 223, 225, 226, 234, 236, 240–242, 249
Перхуров П.А., отец А.П. — 215
Петов (?), помощник комиссара труда, арестованный восставшими — 227
Петр I Алексеевич, царь, император — 37, 103, 153, 211, 242, 263, 271, 281, 348
Петров, санитар — 253
Петров И.К., поручик, командир роты ФП — 168
Петровичев Г., участник подавления восстания, мемуарист — 249, 254
Писарев Д.И., критик, публицист — 48, 185
Пискунов, большевик — 78
Плеве В.К. министр внутренних дел — 195, 198
Плеханов Г.В., с.-д., философ — 48, 186, 190
Плеханов Дмитрий Григорьев, иконописец — 267
Победоносцев К.П., юрист — 358
Повар — см. Щеколдин Ф.И.
Подвойская Н.Н., дочь Н.И. и Н.А. Подвойских — 197
Подвойская Н.А. — см. Дибрикиль Нина
Подвойский Н.И. — с.-д. с конца 1890-х, партийный и советский деятель — 47, 48, 53, 55, 95, 175, 184, 185, 189, 196, 198, 200, 2001, 209
Покровский С.П. — 179
Полежаев, товарищ С.В. Владимира — 58, 201
Полознев Д.Ф., историк — 348
Полушкин Ф.В., купец, отчим Ф.Г. Волкова — 182
Поляков А.П., начальник Новгородского отряда Красной армии, мемуарист — 221, 232
Поляков И.Е., владелец гостиницы с рестораном — 158
Поляков, московский богач, благотворитель — 212
Поляков, чиновник, беженец из Ярославля — 222
Попов В.Л., заключенный на барже — 227
Поро (?), специалист по древним языкам — 32, 175
Потемкин И. — 217
Пстыыхо — см. Тымчук Ф.И.
Путиловский, беженец из Ярославля — 222
Путков П.Ф., заключенный на барже — 225, 226, 227
Пушкин А.С. — 22, 40, 41, 96, 179
Радек К.Б., большевик — 247
Размолодин М.Л. — 155, 207
Раковский, артист — 44, 182, 183
Распопова В.Г., заведующая Пушкинской библиотекой, с.-д. — 181
Рассказов Л.П. — 353
Рафаилов Михаил — см. Затрапезнов Михаил Семенов
Редлих Л.Л., 2-я жена П.П. Карпова — 251
Рерих Н.К., художник — 339
Рид, Томас Майн, писатель — 31, 97, 172
Рогович А.П., губернатор — 155, 156, 202
Рождественский С.В. — 175
Розанова О.И., большевичка — 239, 254
Романов И., большевик — 79
Романовский А.А., преподаватель гимназии — 177
Романюк С.К. — 165
Россов Н.Л., архитектор — 363
Ростовцев А., художник-гравер — 273
Рудаков В. — 172
Рутман А.М., издатель — 151, 153, 154, 156, 162, 173, 192, 206, 208, 210, 214, 309, 317, 356
Рутман И.А. — 155
Рутман Т.А., историк — 162, 164, 165, 179, 237, 238, 307, 309, 310, 316, 318, 355, 356
Ряженый — см. Владимиров Артемий В.
Рязанцев Н.П. — 14, 219, 222
Сабанеевы, владельцы дачи — 184
Саблин И., геодезист Экономического правления — 277
Савинков Б.В., руководитель «Союз защиты Родины и Свободы» — 150, 197, 216, 220
Сазонов Е.С., эсер — 195
Сакины, фабриканты — 30, 77, 171
Самойлов Ф. — 166, 311
Самошка, друг детства Нины Калининой — 98
Сапоги — см. Владимиров Сергей В.
Сапрекина Н.С. — 213, 228, 238
Саран А.Ю. — 352
Сафонов В.И., реставратор — 273, 311, 313
Сахаров Виктор В., военный министр — 194, 195
Сахаров Вл. В., генерал — 194, 195
Свердлов А.Я., сын Я.М. Свердлова — 197
Свердлов Я.М. — 197, 200
Светешниковы, государевы гости, храмоздатели — 267, 268
Свиблов А.П., составитель переписного листа — 330

- Севрюкова С. В., сотрудник ГАЯО — 158, 159, 162, 297, 313, 317, 330, 337, 355
- Семашко Н. А., нижегородский с.-д., нарком здравоохранения — 65, 75, 78, 79, 204
- Сергей Александрович, вел. кн. — 212
- Сергий (Воскресенский), викарный епископ — 156
- Силуанов (Солуянов, Силуянов) Андрей — см. Зубчанинов Андрей Силуанов
- Симеон Полоцкий, монах, духовный писатель — 41
- Сингаевская Ольга — 14
- Сипягин Д. С., министр внутренних дел — 192, 195
- Сиротинин Н., тестя Шаховского Д. И. — 183
- Скворцов (?), народник — 50, 191, 192
- Скворцов, секретарь Комитета помощи погорельцам в дни восстания — 187, 254
- Скворцов П. П. — 355
- Скибинская О. Н. — 171
- Скрипины, государевы гости, храмоздатели — 267, 268
- Смирнов, боец летучего отряда повстанцев — 216
- Смирнов А. Н. — 224
- Смирнов П. А., винопромышленник, благотворитель — 211
- Смирнов Я. Е. — 157, 318
- Смирнова Ю. Б. — 171, 230
- Смоляков Ф. Ф., заключенный баржи — 226
- Снегирев В. М., историк — 9
- Собичевский В. — 358
- Сойкин П. П., издатель — 156
- Сокол И. Я. — 168
- Соколов Н. С., директор реального училища — 179
- Соколов, председатель Комитета помощи погорельцам в дни восстания — 253, 254
- Соловьев Вл., философ, поэт — 339
- Соловьев В., владелец ресторана — 158
- Соловьев Леонтий, рабочий ЯБМ, убитый в 1895 г. — 168
- Сорокины, владельцы свинцово-белильного завода, дома на Рождественской близ Нетечи и дачи — 184, 313, 334
- Сперанский Николай, с.-д. — 187
- Спиридонова Мария, лидер левых эсеров — 235
- Спирин Н. А., архитектор — 179
- Станиславская М. П., балерина — 212
- Станиславский К. С., актер, режиссер — 182, 229
- Станюкович К. М., писатель — 42, 181
- Степанов А. Д. — 188
- Степанов С. А. — 155
- Столыпин П. А., министр — 195
- Стопани А. М., с.-д. — 170, 175, 189, 190, 196
- Стопани М. М., жена А. М. — 196
- Стрельников В. Р., пристав — 56, 59, 200, 201
- Строганов С., граф — 188
- Строев П. М. — 77, 78, 347, 348
- Струев Е. П., помощник классного наставника — 181
- Субботин Е. П., владелец мелочной лавки — 343, 344
- Суворов А. В., генералиссимус — 26, 163, 164, 195, 240
- Суворов В. — 191
- Суворов С. А., с.-д. с 1890-х, городской голова, парламентер, убитый красными — 226, 238–240, 248
- Сударушкин М. Б., правнук Нефедова И. Н. — 224
- Сумароков А. П., драматург — 41
- Суренянц
- А. Т. А., штабс-капитан, командир роты ФП — 167
 - Суслов А. И., историк архитектуры — 260, 263, 309
 - Сухово-Кобылин А. В., драматург — 44
 - Сципион Публий Корнелий (Серапион, Назика), римский консул — 174
 - Сыромятникова М. П., сестра О. П. — 205
 - Сыромятникова О. П., жена мемуариста — см. Владимирова О. П.
 - Сыромятникovy, нижегородцы — 72, 204
- Тайров, врач — 184
- Тамес Иван, основатель мануфактур — 272, 312, 313
- Тангейзер Владим. — см. Носков В. А.
- Тарабаев Степан, посадский — 263
- Тарасов А. И. — 160
- Тарасов Е. П. — 185, 196
- Тарасов, студент, репетитор греческого языка — 35
- Тарасова К. П., жительница ДОМА (XXв.) — 305, 306
- Ташинцкий
- [возможно, Тунашенский П.], полковник — 243
 - Твардовский А. Т., поэт — 153
 - Терентьев К., член Ревтрибунала (до июля 1918), арестованный восставшими — 227
 - Титц, майор, германский агент (?) — 246
 - Тихомиров Илларион, протоиерей, дед И. А. Тихомирова — 311
 - Тихомиров Илларион Александрович, краевед, реставратор — 214, 252, 255, 259, 260, 263, 264, 268, 270, 278–282, 289, 291, 292, 294, 299, 300, 302, 303, 309–312, 314, 315, 318, 361–363
 - Тихон (Белавин), архиепископ, затем патриарх, св. — 230
 - Тихонов Г. А., заключенный на барже — 227
 - Тиц А. А., историк архитектуры — 264, 361
 - Ткачев П. Н. — 186
 - Толстой А. К., поэт, драматург — 22, 44, 182
 - Толстой А. Н. — 194, 223, 224
 - Толстой Л. Н., писатель — 96, 160
 - Торопов Ф. А., семинарист, с.-д. — 37, 175
 - Трапезников, большевик — 78
 - Трауберг Л., режиссер — 201
 - Тредиаковский В. К., поэт — 41
 - Трифонов, смотритель лазарета — 227
 - Троицкий Иоанн, протоиерей, краевед — 185

- Троицкий Михаил, никитский дьякон — 339
Троицкий М. В., законоучитель гимназии — 37, 178
Троицкий Ф. С., заключенный на барже — 227
Троцкий Л. Д. — 168, 169, 247
Трубецкой Е. Н., юрист — 51, 192
Трубников, беженец из Ярославля — 222
Тургенев И. С., писатель — 41, 42, 96, 179
Тухачевский М. Н., маршал — 197
Тымчук Ф. И., преподаватель гимназии — 31, 174, 177
Тюленева М. Л., внучка мемуариста, дочь А. С. Владимиrowой — 7, 10, 73
Тютик — см. Владимиров Артемий В.
- Уборевич И. П., командарм — 197
Уварова М. К., владелица питейного дома — 344
Углечанинов, владелец ЯММ — 274
Угодская А. Е., тетка мемуаристов — 17, 19, 22–24, 28, 40, 51, 85, 94, 96, 101, 104, 105, 107, 108, 113, 124, 137, 148, 156, 192, 296–298, 317, 324, 327, 328, 337, 340, 350, 356
Угодские, А. Н. и А. Е. — 162
Угодский Александр Николаевич, дядя мемуаристов (муж Анны Евграфовны) — 324, 327, 340, 350
Ульянова Г. Н. — 229
Упоров И. В. — 353
Урусов П. С., князь, председатель ЯГУАК — 259
Усов В. А., большевик — 78
Успенский В. А. — 173
Успенский И. А., нотариус — 298
Успенский Ф. П., священник — 193
Ушаков, протоиерей — 199, 200
Ушакова Диночка (Александра?), гимназистка — 45, 56, 183
Ушинский К. Д., педагог — 24, 238, 252
- Фальк Э. Г., типограф, издатель — 198
Фасмер М. — 175
Федоров С. А., директор ЯБМ — 229, 230
Федоровский Петр, никитский протоиерей — 334
Федосеев Н. Е., один из первых пропагандистов марксизма — 239
Федюк В. П. — 14, 179, 215, 219
Федюк Г. П. — 156, 210
Фельштинский Ю. Г. — 242, 243
Фивейский Б. Ф. преподаватель гимназии — 37, 39, 177
Фильянович В., командир сводного интернационального отряда — 247
Фомичев Т. Д., домовладелец, купец — 293
Фонвизин Д. И., драматург — 41
Фонс П. Я., преподаватель гимназии — 177
Форе-Лепаж, французский оружейник — 61, 204
Фралон Карл Иванович — 23, 159
Фраучи Х. П., итальянец, муж Дирикиль А. А. — 197
- Фридрикс (Фредерикс) К. П., барон, нижегородский губернатор — 77
- Харlamов А. П., актер — 44, 183
Ходнев Д., сын И. Д. — 169
Ходнев И. Д., полковник, командир ФП — 28, 169
Холщевников И. А., гласный городской думы — 173
- Цветков В. Ж., историк (?) — 246, 247
Цветков Н. В. (Свиногон), товарищ Владимира С. В. — 76, 78
Церетели З., скульптор, академик — 211
Цитович Г. А. — 162
Цыкин В. А., реставратор — 363
- Черносвитов К. К., земский деятель, кадет — 5
Чернышевский Н. Г., публицист, критик, писатель — 48, 185, 186
Чертова В. Е., кавалерственная дама — 211, 212
Чехов А. П., писатель, драматург — 44, 182
Чижевский С. И., преподаватель гимназии — 177
Чичерин Г. В., нарком — 247
Чудакова М. С. — 198, 201
Чукарев А. Г. — 184
Чураков С. С. — 309
Чурченков Мих. — 169
- Шаброва О. Г., историк — 309
Шавров К. Р. (Шевров), штабс-капитан ФП — 27, 28, 167, 168
Шапиро, изобретатель шапирографа — 160
Шаповаленко М., студент лицея — 42, 56, 180
Шафранский Евгений — 170
Шаховская А. Н., жена Д. И. — 183
Шаховская Александра, дочь Д. И. — 183, 184
Шаховская Анна, дочь Д. И. — 183, 184
Шаховская Наталья, дочь Д. И. — 183, 184
Шаховские, сестры Ильи — см. также Шаховская Ан., Н., Ал. — 183
Шаховской А. Я., князь, капитан-путеец — 331
Шаховской Д. И., князь, земец, кадет — 46, 50, 183, 184
Шаховской Илья — сын Д. И., друг С. В. Владимира — 46, 183
Шевляковский М. — 159
Шевяков Ю. — 216, 220–222, 232, 240
Шекспир У. — 182
Шелохаев В. В. — 155, 183
Шепелев Л. Е. — 351
Шептицкая, врач (сестра милосердия?) — 253
Шестаков В. Н., полковник — 23, 28, 158, 159
Шестаков И. А., хозяин соседнего с «Ивановским» каменного дома — 288
Шестакова Е. В., жена В. Н. — 23, 158
Шехтель Ф. О., архитектор — 170

- Шиллер Ф. — 182
Шилов В. С. — 310
Шильников А. С. — 187
Шильникова И. В. — 171, 187, 230
Шишкин А. Ф., купец, отец Ильи — 286, 287
Шишкин Илья Андреев, купец, затем мещанин,
владелец ДОМА — 286–289, 292
Шишкина Анна Григорьевна, жена Ильи — 286
Шмидт, фельдфебель комиссии Балка — 243
Шокальский В., прaporщик, беженец — 222
Штакельберг Г. К. фон, барон, генерал — 194, 195
Штакельберг Э. А. фон, барон, вице-адмирал — 194, 195
Штапельтер (?), командующий армией (?) — 52, 193
Штюрмер Б. В., губернатор — 100, 158, 210
Шульц Г. Ф., специалист по древним языкам — 32, 175
Шустовы, московские государевы гости — 270
- Щапов, заместитель директора ЯБМ — 169
Щеглова М. В., внучка О. Н. Корсунской — 181
Щеголев Д. Н., владелец мужской гимназии — 179
Щеколдин Ф. И., с.-д., друг Носкова Вл. А. — 190
Щепетильникова А. И., купчиха — 313
- Щербатов, воевода — 269
Эмар, Густав (наст. имя Оливье Глу) — 31, 40, 172
Энний Квинт, римский поэт — 31, 174
Эскоферье М. Л., преподаватель гимназии — 177
- Юренев (Кротовский К. К.), военком красных — 241
Юшков И. И., московский губернатор, владелец
ДОМА — 275, 276
- Якимов Н. Н., инспектор гимназии — 178
Яковлев А. Н., академик — 213
Яковлев С., владелец ЯБМ — 274
Яковлев Я. А. — 223
Яновский А. — 349, 351, 357
Ярилов, капитан Нежинского полка — 335
Ярослав Мудрый, князь — 303
Ярославский Е. (Губельман), с.-д., большевик — 75
Ярошевский В. Н., преподаватель гимназии — 36, 177
Ярюкевич — 203
Яхонтов, большевик — 78

УЛИЦЫ И ПЛОЩАДИ ЯРОСЛАВЛЯ

(названия, принятые в 1910-е годы, – слева, по алфавиту; современные – справа)

УЛИЦЫ

Благовещенская	Суркова
Большая Даниловская	
– от ул. Городской вал до Пошехонской	Богдановича
– от Мологской до Любимской – она же Зарядье	В советское время застроена
– от Мологской до Стрелецкой	Пушкина
Большая линия, она же Вологодская	
(от Богоявленской пл. до Власьевской ул.)	Комсомольская
Большая Московская	Московский просп.
Большая Петропавловская	Терешковой (от Красной до Октябрьской пл.)
Большая Рождественская	Большая Октябрьская
Большая Рыбинская, она же Никитская	Салтыкова-Щедрина
Большая Федоровская	Большая Федоровская (в советское время Большая Пролетарская, затем Емельяна Ярославского)
Борисоглебская	Свердлова
Варваринская ул.	
– от Театральной пл. до Пробойной ул. (как Большая Варваринская)	в 1918 –1940 Февральская (Большая Февраль- ская), затем Трефолева
– от Пробойной до Волжской наб.	в 1918 –1979 Февральская, затем Кедрова
Владимирская, она же Малая Рыбинская	Рыбинская (от ул. Городской вал до Володар- ского)
Власьевская, она же Угличская	Свободы
Воздвиженская	Флотская
Воздвиженский съезд	Флотский спуск
Вологодская (в Тверицах за Волгой)	просп. Авиаторов
Вологодская, она же Большая линия	
(от Богоявленской пл. до Власьевской ул.)	Комсомольская
Вологодская, она же Стрелецкая	Ушинского
Воскресенская	Революционная
Всехсвятская	Максимова
Голубятная, она же Большая Петропавловская	
(от Семеновской пл. до Воздвиженского съезда)	Терешковой (от Красной пл. до Флотского спуска)

Дворянская (за городом, от ул. Городской вал — дорога на Романов)	просп. Октября
Духовская	Республиканская
Екатерининская	Андропова
Железная	Кооперативная
Зарядье — см. Большая Даниловская (от Мологской до Любимской)	Советская (от Советской пл. до просп. Ленина)
Ильинская	Первомайская
Казанская	Чайковского
Любимская	Малая Октябрьская
Малая Рождественская	Рыбинская (от ул. Городской вал до Володар- ского)
Малая Рыбинская, она же Владимирская	Угличская
Малая Угличская	Победы
Мологская	Лисицына
Мышкинская	Собинова (от Большой Октябрьской до ул. Свободы)
Нетеча	в 1924—1939 Университетская, затем Салтыко- ва-Щедрина
Никитская, она же Большая Рыбинская	Мукомольный пер.
Петромитрополитский пер.	Володарского
Пошехонская	Матросский съезд
Пробойная, она же Ильинская (от Ильинской пл. до Семёновской пл.) — см. Ильинская	Нахимсона
Пятницкий спуск	Некрасова
Рождественская	Собинова (от ул. Свободы до Свердлова)
Романовская, Большая Романовская	Красный съезд
Семёновская	Депутатская
Семёновский спуск	Депутатский пер.
Сретенская	Собинова (от ул. Свердлова до Некрасова)
Сретенский пер.	Ушинского
Срубная	Свободы
Стрелецкая, она же Вологодская	Кирова
Угличская, она же Большая Угличская, она же Власьевская, (от Власьевской башни до ул. Городской вал)	Стачек
Угличская (от Знаменской церкви до Ильинской пл.)	Советская (собственно площадь вокруг церкви Ильи Пророка)
Широкая	Челюскинцев (от начала сквера до Почто- вой ул.)
ПЛОЩАДИ	Красная
Ильинская	Труда
Семёновская	Волкова
Сенная	
Театральная	

МЕРЫ

ДЛИНЫ

1 верста = 500 саженей = 1 066,8 м
1 сажень = 3 аршина = 7 футов = 2,13 м
1 аршин = 4 четверти = 28 дюймов = 16 вершков = 0,71 м
1 вершок = 44,38 мм

ПЛОЩАДИ

1 десятина = 2400 саженям² = 10 925,4 м² = 1,0925 га
1 сажень² = 9 аршинам² = 49 футам² = 4,5522 м²

ОБЪЕМА

1 сажень³ = 27 аршинам³ = 343 футам³ = 9,71 м³
1 аршин³ = 359,73 дм³

ОБЪЕМА ЖИДКИХ ТЕЛ («ВИННЫЕ МЕРЫ»)

1 бочка = 40 ведрам = 491,96 л
1 ведро = 4 четвертям = 10 штофам = 1/40 бочки = 12,30 л (на 1902-й г.)
1 четверть (ведра) = 3,07 л
1 стакан = 0,27 л
1 чарка = 1/100 ведра = 2 шкаликом = 122,99 мл
1 шкалик = 1/200 ведра = 61,5 мл

ВЕСА (МАССЫ)

1 пуд = 40 фунтам = 16,38 кг
1 безмен = 1/16 пуда = 1,022 кг
1 фунт = 1/40 пуда = 32 лотам = 96 золотникам = 916 долям = 0,41 кг (с 1899 года)

ВЕСА (МАССЫ) АПТЕКАРСКИЕ И ТРОЙСКИЕ,

употреблявшиеся при взвешивании лекарств до 1927 г., (отличаются от Английской системы мер)
1 фунт = 12 унций = 358,32 г
1 унция = 8 драхм = 29,86 г
1 гран = 62,209 мг

СОДЕРЖАНИЕ

Слово нашедшего Г. Г. Мозгова.....	5
От издателя А. М. Рутман.....	9
Записки Сергея Васильевича Владимирова	
Наш дом.....	17
Гимназия	30
Мои увлечения.....	40
«Пора!»	47
1905 год	55
Моя краткая биография.....	74
Воспоминания Нины Васильевны Калининой	
Детство	83
Ивановский старый дом	92
Ярославское восстание.....	111
Глава 1. Первый день восстания.....	112
Глава 2. Второй день восстания.....	118
Глава 3. Третий день восстания	119
Глава 4. Четвертый день восстания.....	123
Глава 5. Пятый день восстания	126
Глава 6. Епархиальное училище	128
Глава 7. Сдача города	131
Заключение	144
Примечания и комментарии А. Ю. Данилов, А. М. Рутман	
Записки Сергея Васильевича Владимирова	153
Воспоминания Нины Васильевны Калининой.....	206
Хозяева «дома Ивановых» Н. С. Землянская, А. М. Рутман.....	
Откуда берутся авторы мемуаров: три деда А. М. Рутман	319
Приложения	
Паспорт памятника архитектуры «Дом Иванова»	361
Именной указатель.....	367
Улицы и площади Ярославля.....	380
Меры длины, площади, объема, веса	382

Историко-краеведческое издание

ЗА ОКНАМИ ДОМА ИВАНОВА

СТРАНИЦЫ
ЯРОСЛАВСКОЙ
ИСТОРИИ

Серия «Граждане Ярославля»

Составители и авторы предисловий — Г. Г. Мозгова и А. М. Рутман

Подготовка текстов мемуаров — Г. Г. Мозгова

Редактор — А. М. Рутман

Корректор — В. М. Хирцова

Ответственный за выпуск — И. А. Рутман

Художник — М. Е. Бороздинский

Подписано к печати 31.08.2008. Формат 70 × 100 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура «GaramondNarrow». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 31,11. Тираж 2000 экз. Заказ № .

ΔR

Издатель Александр Рутман

150063 Ярославль, ул. Труфанова, 25-4-89, тел. (4852) 53-16-29

E-mail: arutman@yandex.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049 Ярославль, ул. Свободы, 97